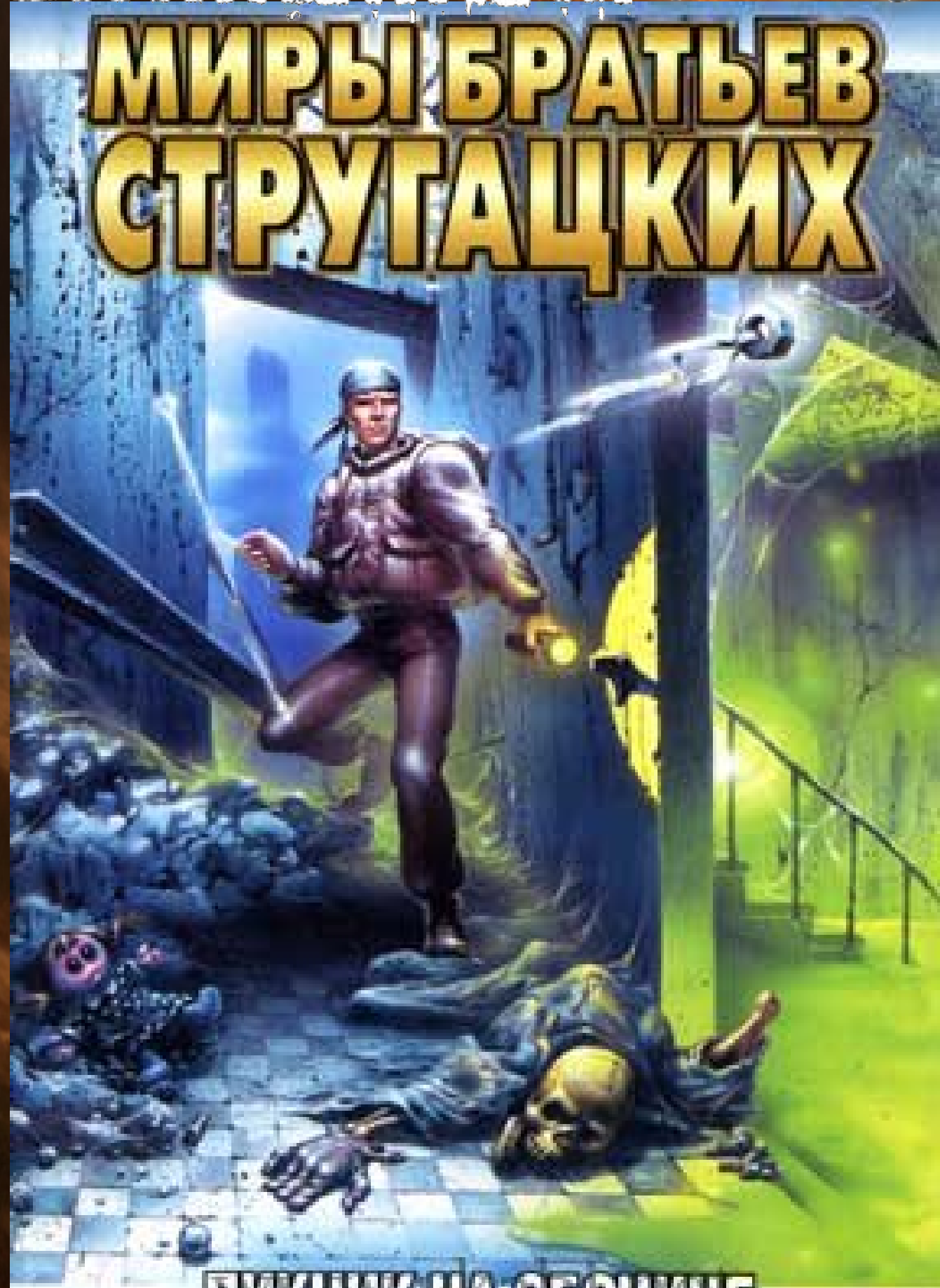


Вне. Мир. Alex. Editor: Alex. Мир.



# МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ



ПЬЮЩИК НА ОБОЧИНЕ



Apocalypse • S.T.A.L.K.E.R.

# «МИРЫ СТРУГАЦКИХ»

А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий

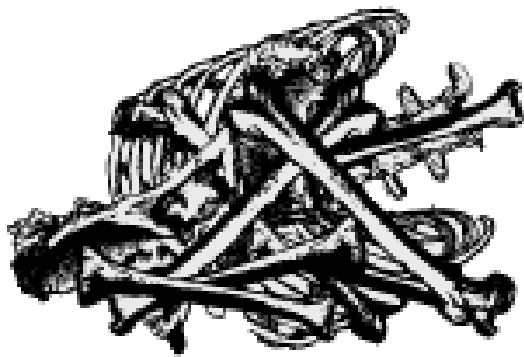
1959, 1962, 1968, 1972  
15.04.2015-23.04.2015  
15.04.2015-23.04.2015

© А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий  
© оформление Alex-Rus  
© редактор Alex.Rus.UA





редактор: Alex.Rus.UA



## **Аннотация**

**В данную сборку<sup>1</sup> «Миры Стругацких» вошли четыре произведения: «Чрезвычайное Происшествие» (1959 г., стр. 7), «Попытка к бегству» (1962 г., стр. 21), «Обитаемый остров» (1968 г., стр. 105) и, конечно же, «Пикник на обочине» (1972 г., стр. 341), по которому в 1979 году Андрей Тарковский снял фильм «Сталкер» с Александром Кайдановским в главной роли.**

**Братья Аркадий Натанович Стругацкий и Борис Натанович Стругацкий заслуженно считаются классиками советской научной фантастики. «Популярность Стругацких объясняется тем, что именно они превратили советскую фантастику из популярной литературы в серьёзную, настоящую: они были учителями и очными, и заочными, их читали и пионеры, и пенсионеры», — высказал своё мнение писатель-фантаст С. Лукьяненко, с которым трудно не согласиться.**

**В 2008-м (год нападения «Империи Зла» на Грузию, реальное начало WW3) Борис Натанович Стругацкий сказал по сути своего совместного творчества с братом: «Мы никогда не стремились изобразить “идеальное общество”. Мы не знали, что это такое. Мы изображали мир, в котором нам самим хотелось бы жить и работать — Мир Полудня. Этот мир, видимо, нереален и станет реальным очень не скоро... Во**

---

<sup>1</sup> Подборка 15.04.2015-23.04.2015 «Миры Стругацких» (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий) по теме [Apocalypse](#) • [S.T.A.L.K.E.R.](#) на основе оригинальных текстовых файлов (предварительные редактор Владимир Борисов и корректор Владимир Дьяконов) от 21 декабря 2003 г.. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))



**всяком случае, он не возникнет до тех пор, пока не будет создана Высокая теория (и практика) воспитания, способная превращать (почти) любого человеческого детёныша в творческую личность, в Человека Воспитанного... Пока я не вижу ни попыток создать такую теорию, ни даже социальных сил, которые вообще были бы заинтересованы в появлении Человека Воспитанного. А в наших силах только одно: сохранять свой нравственный потенциал, учиться ценить превыше всего дружбу, любовь и работу и не принимать “причастие буйвола”.**

**В последние годы жизни Борис Натанович Стругацкий (пережил брата на 21 год) окончательно отошёл от литературы и занялся общественной деятельностью: защищал российскую женскую панк-группу «Pussy Riot» и поддерживал тщедушные протестные движения в Российской Федерации, которая ныне окончательно деградировала до уровня агрессивного тоталитарного государства, усиленно возводящего «Третий Рим» и «освобождающего» близлежащие территории от извечно заселяющих их народов.**

**15.04.2015-23.04.2015 © Alex-Rus AKA Alex.Rus.UA**









## «Чрезвычайное Происшествие»

**«... Исследователи сообщают о межзвёздном планктоне, о спорах неведомой жизни в Пространстве. Протяжённые скопления их встречаются только за орбитой Марса. Происхождение их до сих пор остаётся неясным... »**

Титан не понравился Виктору Борисовичу. Планетка слишком быстро вращалась и обладала тёмной беспокойной атмосферой. Зато Виктор Борисович досыта налюбовался кольцами Сатурна и странной игрой красок на его поверхности. Планетолёт разгрузился — продовольствие, сжиженный дейтерий, кибернетическое оборудование для планетологов, — принял на борт двадцать восемь тонн эрбия и биолога Малышева и сейчас же отправился в обратный рейс. Как всегда, в поясе астероидов планетолёт потерял скорость и уклонился от курса. Пришлось помучиться. Вымотались все, и больше всех биолог Малышев. Бедняга не выносил перегрузок. Когда его вытащили из амортизатора, он был жёлтый, как сыр. Он ощупал себя, помотал головой и молча устремился в свою каюту. Он торопился поглядеть, как перенесла перегрузку его улитка — жирный синий слизняк в многостворчатой раковине, выловленный в нефтяном океане недалеко от Эрбиевой долины.

Теперь, как и всё на свете, плохое и хорошее, перелёт подходил к концу. Меньше чем через сутки планетолёт прибывал на ракетодром в кратере Ломоносова, затем неделя карантина — и Земля, полгода отпуска, полгода синего моря, шумящих сосен, зелёных лугов, залитых солнцем.

Виктор Борисович улыбнулся, перевернулся на другой бок и сладко зевнул. До вахты оставалось два часа. Сейчас на вахте стоял Туммер, носатый и длинный, как палка. Виктор Борисович представил себе Туммера, как он сидит, сутулясь, у вычислителя и, выпятив челюсть, просматривает голубую ленту записи контрольной системы. Затем Туммер расплылся, а вычислитель стал похож на замшелый валун с шершавыми боками. Под валуном темнела глубокая вода, и, если присмотреться, — в шевелящихся водорослях стоит щука с чёрной спиной, неподвижная и прямая, как палка. И вдруг около уха загудел шмель. Виктор Борисович всхрапнул и проснулся. В каюте было темно. Он пожевал губами и замер. Где-то очень близко гудел шмель.

— Не может быть, — громко и уверенно сказал Виктор Борисович.

Он поднялся в постели и включил лампу. Шмель замолк. Виктор Борисович огляделся и увидел на простыне чёрное пятно. Это был не шмель. Это была муха.





— Мама моя, — сказал Виктор Борисович.

Муха сидела неподвижно. Она была совсем чёрная, с чёрными растопыренными крыльями. Виктор Борисович тщательно прицелился, подвёл к мухе ладонь с подобранными пальцами и схватил. Он поднёс кулак к уху. В кулаке шевелилось, шуршало и вдруг загудело так знакомо, что Виктор Борисович сразу вспомнил уроки рисования.

— Муха в планетолёте, — сказал он и поглядел на кулак с изумлением. — Вот это да! Надо показать её Туммеру.

Действуя одной рукой, он натянул брюки, выскочил в коридор и пошёл в рубку, огибая выпуклую стену. В кулаке шуршало и щекотало.

В рубке стоял Туммер с тёмным тощим лицом. На экране телепроектора покачивались два узких серпа — голубой побольше, белый поменьше — Земля и Луна.

— Здравствуй, Тум, — сказал Виктор Борисович.

Туммер качнул головой и посмотрел на него запавшими глазами.

— А ну, угадай, что у меня здесь, — сказал Виктор Борисович, осторожно потрясая кулаком.

— Дирижабль, — ответил Туммер.

— Нет, не дирижабль, — сказал Виктор Борисович. — Муха. Муха, старый сын!

Туммер сказал скучно:

— Ферритовый накопитель работает скверно.

— Я сменю, — сказал Виктор Борисович. — Ты понимаешь, она меня разбудила. Она гудит, как шмель на поляне.

— Меня бы она не разбудила, — сказал Туммер сквозь зубы.

— Шуршит, — нежно произнёс штурман, — шуршит, скотинка.

Туммер посмотрел на него. Виктор Борисович сидел, приложив кулак к уху, и счастливо улыбался.

— Виктор, — сказал Туммер, — ну что у тебя за лицо?

В рубку вошёл капитан планетолёта Константин Ефремович Станкевич и следом бортинженер Лидин.

— Я же говорил — не спит, — сказал Лидин, тыча пальцем в штурмана.

— С ним что-то случилось, — ядовито сказал Туммер. — Поглядите на его физиономию.

Виктор Борисович объявил:

— Я поймал муху.

— Ну да? — удивился Лидин.

— Я спать пойду, Константин Ефремович, — сказал Туммер. — Виктор, принимай вахту.

— Погоди, — сказал Виктор Борисович.

— А ну, покажи, — потребовал Лидин. У него был такой вид, словно он никогда в жизни не видел мух.







Виктор Борисович приоткрыл кулак и осторожно просунул туда два пальца левой руки.

— Откуда на корабле муха? — спросил капитан.

— Не знаю, — ответил штурман. Он разглядывал муху, держа её за ножки двумя пальцами. — Она жужжит совершенно как шмель, — сообщил он.

— Осторожно, Витя, — с придыханием сказал Лидин, — ты сломаешь ей ногу. У-у, негодяйка... Жужжит!

— Всё-таки откуда на корабле муха? — спросил капитан. — Это, между прочим, ваше дело, Виктор Борисович.

Штурман выполнял обязанности сантехника.

— Вот именно, — сказал Туммер. — Расплодил на корабле мух, и ферритовый накопитель работает отвратительно. Принимай вахту, слышишь?

— Слышу, — сказал штурман. — Мне ещё десять минут осталось. Надо показать её Малышеву. Он тоже давно не видел мух.

Он двинулся к выходу, держа перед собой муху, как тарелку с борщом.

— Мухолов, — сказал Туммер презрительно.

Капитан засмеялся. Дверь отворилась, и в рубку шагнул Малышев. Штурман отскочил в сторону.

— Осторожно, — сердито сказал он.

Малышев извинился. У него был встрёпанный вид и растерянные глаза.

— Дело в том, что... — начал он и остановился, уставясь на муху в пальцах штурмана. — Можно? — спросил он, протягивая руку.

— Муха, — с гордостью сказал Виктор Борисович. Малышев взял муху за крыло, и она завопила на всю комнату.

— У неё восемь ног, — сказал Малышев медленно.

— Ай-яй-яй, — сказал Туммер. — И что же теперь будет? Виктор, принимай вахту.

— *Это не муха*, — сказал Малышев. Его брови поднялись чуть ли не до волос и снова опустились на глаза. — Я думал, что это траурница<sup>2</sup> — антракс морио<sup>3</sup>. Но *это не муха*.

— А что же это? — осведомился штурман несколько раздражённо.

— Послушайте, — сказал Малышев. — Какие у вас есть дезинсекторы? И потом, мне нужен микроскоп.

2 Траурница (*Nymphalis Antiopa*) — бабочка из семейства нимфалид (*Nymphalidae*). Крылья в размахе 7-9 см, вишнёво-коричневые (вишнёво-бурые), снизу чёрные, с желтовато-белой каймой и рядом синих пятен перед ней; на переднем крае крыльев по 2 крупных желтовато-белых пятна. Распространена в умеренном поясе Северного полушария. Встречается с конца июля до осени в лиственных (главным образом берёзовых) лесах, яйца откладывает весной, после зимовки. Гусеницы чёрные, в мелких жёлтых точках, на спине ряд красных пятен; покрыты ветвистыми шиловидными выростами; питаются листьями берёз, ив, реже — других деревьев. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

3 Оставил оригинальное «антракс морио», хотя словосочетание варварское, ведь с греческого *άντρας* — уголь, а *μόριο* — глупец, дурак или шут. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— Да в чём дело? — спросил штурман. Капитан нахмурился и подошёл к ним. Лидин тоже подошёл ближе.

— Послушайте, — повторил Малышев, — мне нужен микроскоп. Пойдёмте в мою каюту. Я покажу вам кое-что.

Туммер сказал им вслед:

— Пожалуйста, не уроните муху.

В коридоре Лидин вдруг закричал: «Муха!» Они увидели муху, ползущую по стене под самым потолком. Муха была чёрная, с чёрными растопыренными крыльями.

В каюте биолога их было целых три. Одна сидела на подушке, две ползали по стёклам большого стеклянного баллона с синей титанианской улиткой. Лидин, войдя последним, хлопнул дверью, и мухи поднялись в воздух, гудя, как шмели.

— З-забавные мухи, — неуверенно сказал Виктор Борисович и посмотрел на Станкевича.

Капитан стоял неподвижно и следил глазами за мухами. Лицо его наливалось краской.

— Дрянь, — сказал он.

— Что случилось? — сказал Лидин. Малышев повернул к нему хмурое лицо.

— Я же сказал: *это не мухи*. Это не земные мухи, понимаете?

— Мама моя, — проговорил Виктор Борисович и вытер правую ладонь о сорочку.

— Ах, вот оно что, — сказал Лидин. Чёрная муха закрутилась у него перед глазами, он отшатнулся и ударился затылком в закрытую дверь. — Пшла! — крикнул он, судорожно отмахиваясь.

— Нужен дезинсектор, — сказал капитан. — Что у нас есть?

— Есть леталь, — сказал штурман.

— Ещё?

— Всё.

— Хорошо, — сказал капитан. — Я сам это сделаю. Ступайте,<sup>4</sup> помойте руки, оботрите формалином.

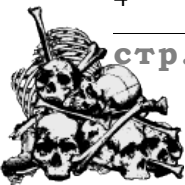
Малышев всё ещё рассматривал муху, держа её у самого носа. Виктор Борисович видел, как сильно дрожат его пальцы.

— Бросьте вы эту гадость, — сказал Лидин. Он уже стоял в коридоре и то и дело озирался.

— Она мне нужна, — ответил Малышев. — Вторую вы мне, что ли, поймаете?

В ванной Виктор Борисович торопливо стянул сорочку, бросил её в мусоропровод и кинулся к умывальнику. Он мылил руки, тёр их губкой и намыливал снова. Руки стали красными и распухли, а он всё тёр, тёр и снова намыливал.

4 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Произошло самое страшное, что может произойти на корабле. Это бывает очень редко, но лучше бы этого не случилось никогда. У планетолёта толстые стены, и всё, что через эти стены проникает, смертельно опасно. Всё равно что — метеорит, жёсткие излучения или какие-нибудь восьминогие мухи. И опаснее всего мухи. Три года назад Виктор Борисович участвовал в спасении экспедиции на Каллисто. В экспедиции было пять человек — два пилота и трое учёных, — и они занесли в свой корабль протоплазму ядовитой планетки. Коридоры корабля были затянуты клейкой прозрачной паутиной, под ногами хлюпало и чавкало, а в рубке лежал в кресле капитан Рудольф Церер, белый и неподвижный, и лохматые сиреневые паучки бегали по его губам.

Виктор Борисович вытер опухшие рúки формалином и вышел в коридор. По потолку ползали мухи. Их было много, штук двадцать. Навстречу шёл Лидин. Лицо его было перекошено.

— Откуда они берутся? — спросил он сипло. — М-мерзость.

Из-под ног его с гудением взлетела муха, и он остановился, подняв над головой кулаки.

— Спокойно, — сказал Виктор Борисович. — Спокойно, бортинженер. Ты куда?

— Мыться.

— Как дезинсектор?

Лидин оскалился и молча прошёл в ванную. Виктор Борисович забежал в свою каюту, надел свежую сорочку и куртку и отправился в рубку. У дверей мимо его лица с тонким воем пронеслась стайка чёрных мошек.

В рубке на столе перед вычислителем стояла стеклянная баночка, наполовину наполненная мутноватой жидкостью, от которой воняло даже через притёртую пробку. В жидкости плавала муха. Малышев, видимо, помял-таки ей крылья, и она не могла взлететь, только время от времени гудела густым басом. Станкевич, Туммер и Малышев стояли у стола и глядели на муху. Виктор Борисович подошёл и тоже стал смотреть на муху.

Мутная жидкость в баночке была дезинсектором «Леталь». Леталь убивал насекомых практически мгновенно. Он мог бы убить и быка. Но восьминогая муха об этом, по-видимому, не знала и даже не догадывалась. Она плавала в летале и время от времени злобно гудела.

— Пять с половиной минут, — сказал Туммер. — Что же ты, голубушка? Пора.

— Может быть, есть какой-нибудь другой дезинсектор? — спросил Малышев.

Виктор Борисович покачал головой. Он оглядел потолок. Мух в рубке ещё не было. Потом он заметил, что Туммер, ухмыляясь, рассматривает его опухшие рúки. Он сунул рúки в карманы и зашипел от боли. И всё зря, подумал он, *эту дрянь не берёт даже леталь: «Кубический сантиметр на квадратный метр поверхности. Уничтожает все виды насекомых, их личинки и яйца»*. Он посмотрел на муху в банке. Муха плавала и отвратительно гудела. Виктор Борисович вздохнул, вынул рúки из карманов и сказал:





— Сдавай вахту, Тум.

Он принял вахту и доложил капитану о смене. Станкевич рассеянно кивнул.

— Где Лидин? — спросил он.

— Моется.

— Дезинфицируется, — сказал Туммер.

— Слушать меня, — сказал капитан. — Всем надеть защитные спецкостюмы. Сделать прививку против песчаной горячки. Далее. Леталь не годится. Но не исключено, что на этих мух подействует что-нибудь другое. Как вы полагаете, товарищ Малышев?

— Что? — сказал Малышев. Он оторвался от созерцания мухи в банке и поспешно сказал: — Да, возможно. Не исключено.

— У нас есть петронал, буксил, нитросиликель... сжиженные газы...

— Слюни, — тихонько сказал Туммер.

Станкевич холодно взглянул на него.

— Оставьте ваши острооты при себе, Туммер. Так. Опыты проведём в медицинском отсеке. Я могу рассчитывать на вас, товарищ Малышев?

— В вашем распоряжении, — быстро сказал Малышев. — Но мне нужен микроскоп.

— Микроскоп в медицинском отсеке. Вы остаётесь в рубке, Виктор Борисович. Спецкостюм вам принесут.

— Слушаюсь, — сказал Виктор Борисович. Послышалось звонкое бодрое гудение. Все посмотрели на банку и сейчас же, как по команде, подняли лица к потолку. Под потолком с победным воем носилась большая чёрная муха.

Спецкостюм Виктору Борисовичу принёс Туммер. Он быстро приоткрыл дверь, козлом прыгнул через комингс и захлопнул дверь за собой. На секунду в рубку ворвался многоголосый стонущий вой. Туммер откинул с головы спектролитовый колпак.

— В коридоре мух — не протолкнёшься, — сказал он. — Черно. Засучи рукав.

Он достал шприц и впрыснул штурману сыворотку против песчаной горячки — единственной внеземной инфекционной болезни, против которой имелось противоядие. Это было явно бессмысленно, потому что единственным местом, где были найдены возбудители песчаной горячки, была Венера, но капитан не хотел упускать ни малейшего шанса.

— Как там наши? — спросил Виктор Борисович, опуская рукав.

— Костя злой как чёрт, — сказал Туммер. — Этих мух ничего не берёт. А Малышев в восторге. Прямо на седьмом небе. Режет мух и разглядывает в микроскоп. Говорит, что в жизни не представлял себе ничего подобного. Говорит, что у этих мух нет ни глаз, ни рта, ни пищевода, ни чего-то там ещё. Говорит, что не может понять, как они размножаются...

— А он не говорит, откуда они взялись?







— Говорит. Он считает, что это споры неизвестной формы жизни. Он говорит, что они миллионы лет носились в Пространстве, а в корабле нашли благоприятную почву. Он говорит, что нам повезло. Таких случаев ещё не бывало.

— *Блуждающая жизнь*, — сказал штурман и стал влезать в защитный спецкостюм. — Я слышал об этом. Но я как-то не считаю, что нам повезло. Кстати, как они могли попасть в корабль?

— Помнишь, неделю назад Лидин вылезал наружу. Кажется, это было в поясе астероидов.

— А может быть, они с Титана?

Туммер пожал плечами.

— Малышев говорит, что на Титане нет восьминогих мух. Да не всё ли равно? Скажи спасибо, что это не осы.

Туммер ушёл, снова прыгнув через комингс, и захлопнул за собой дверь. Виктор Борисович сел у пульта. В спецкостюме и спектролитовом колпаке он чувствовал себя в безопасности и даже принялся что-то напевать себе под нос. Под потолком уже носились десятки мух, некоторые крутились перед телеэкраном и ползали по лентам записи контрольной системы. Но их гудения не было слышно: спецкостюм обладал хорошей звукоизоляцией. Виктор Борисович оглядел пульт управления. На пульте у его локтя сидела муха. Виктор Борисович прицелился и крепко прихлопнул её ладонью в силикетовой перчатке. Муха перевернулась, пошевелила лапками и замерла. Виктор Борисович, наклонившись, с любопытством оглядел её. Дохлая чёрная муха. Восемь ног... Пакость, конечно, но почему они опасны? Ни одно насекомое не опасно, опасны инфекция или яд, а инфекции может и не быть и яда тоже. Впрочем, если представить, что несколько этих космических мух попало на Землю...

Штурман обернулся. Листок бумаги, лежавший на столе, соскользнул на пол и, крутясь, полетел к двери. Дверь в коридор была приоткрыта.

— Эй, кто там? — крикнул Виктор Борисович. — Дверь!

Он подождал немного, затем поднялся и выглянул в коридор. В коридоре ползали и летали мухи. Их было так много, что стены казались чёрными, а под потолком висела как бы траурная бахрома. Виктор Борисович передёрнул плечами и закрыл дверь. Взгляд его упал на листок бумаги у комингса. Какое-то смутное подозрение, тень догадки мелькнула у него в голове. Несколько секунд он стоял, соображая.

— Чепуха, — сказал он вслух и вернулся к пульту.

В рубке стало заметно темнее. Плотные мушиные тучи вились под потолком, заслоняя голубые осветительные трубки. Виктор Борисович поднёс к глазам часы. С начала биологической атаки прошло полтора часа. Он поглядел на дохлую муху на пульте, почувствовал тошноту и зажмурился. *И зачем я её раздавил?* — подумал он. *Гадость всё-таки, ядовитая или нет — всё равно.* Сквозь полусомкнутые веки он увидел, что лента идёт неровно. Он поправил её, потом невольно поискал глазами раздавленную муху.





Сначала ему показалось, что она исчезла. Но он снова увидел её. Раздавленная дрянь шевелилась. Штурман пригляделся и проглотил слюну. Он стал весь мокрый. Останки мухи были покрыты мельчайшей чёрной мошкаррой. Мошкара суетливо ползала по расплюсненному брюху — крошечные чёрные мошки с чёрными растопыренными крыльями. Их было штук тридцать, и они копошились, расползаясь в стороны по гладкой светлой поверхности пульта. Они ещё не могли летать.

Это продолжалось минут десять, не меньше. Голубая лента ползла из вычислителя и ленивыми витками ложилась на пол. Вокруг неё вились большие чёрные мухи. Штурман сидел,<sup>5</sup> наклонившись, сдерживая дыхание, и глядел,<sup>6</sup> не отрываясь,<sup>7</sup> на дохлую муху. На бывшую дохлую муху. Было видно, как шевелится чёрная голая нога мухи. Если присмотреться — она вся покрыта мельчайшими порами, и из каждой поры торчит головка микроскопической мушки. Они вылезали прямо из тела. Вот почему они так быстро размножаются, подумал Виктор Борисович. Они просто вылезают друг из дружки. Каждая клетка несёт в себе зародыш. Эту муху просто нельзя убить. Она возрождается,<sup>8</sup> стократно повторённая.

Мошкара ползала по пульта, по кнопкам и верньерам, по прозрачной пластмассе приборов. Мошек было много, и некоторые уже пытались взлететь. От дохлой мухи остался мелкий чёрный порошок, и штурман смахнул его с пульта, как на Земле смахивают со стола табачный пепел.

— Штурман проветривает рубку, — раздался в наушниках голос Туммера.

В рубку вошли четверо в блестящих силикетовых костюмах и серебристых шлемах.

— Зачем вы открыли дверь, Виктор Борисович? — спросил капитан.

— Дверь? — Виктор Борисович оглянулся на дверь. — Я не открывал её.

— Дверь была открыта, — сообщил капитан.

Виктор Борисович пожал плечами. Он всё ещё видел, как чёрная мошкара вылезает из дохлой мухи.

— Я не открывал дверь, — повторил он.

Он снова оглянулся на дверь. Он увидел клочок бумаги у комингса, и снова смутная догадка мелькнула у него в голове.

Лидин сказал нетерпеливо:

— Давайте решать, что делать дальше.

— Штурман не в курсе дела, — сказал капитан. — Товарищ Малышев, повторите ваши выводы.

Малышев покашлял.

— Аппаратура у вас неважная, — сказал он. — Микротом, например, в полном запустении...

5 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

6 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

7 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

8 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Он замолчал, и стало слышно, как Лидин втолковывает вполголоса кому-то, вероятно,<sup>9</sup> Туммеру: «... взять баллон со спиртом, ходить, поливать их и тут же поджигать...»

— Словом, так, — сказал Малышев. — Состав у них странный — кислород, азот и в очень малых количествах кальций, водород и углерод. Я делаю вывод, что это не белковая жизнь. И тогда, во-первых, опасность инфекции сомнительна; во-вторых, это открытие высокого класса. Я это подчёркиваю, потому что вот товарищ Лидин только и думает, как их уничтожить. Это неверный подход к проблеме.

— Пауков бы сюда, — сказал Лидин, — старых матёрых крестовиков...

— Совершенно неясно, — продолжал Малышев, — чем они питаются. Совершенно неясен механизм их размножения. Я считаю, что есть основания полагать...

— Я всё-таки не понимаю, — сказал Туммер. — Я убивал их, давил ногами, но покажите мне хоть одну дохлую муху.

— Не ищи, — сказал штурман, — даже не пробуй.

— Это почему же?

Виктор Борисович увидел, что дверь снова тихо приоткрылась. Бумажка на полу взлетела, словно пытаясь перепрыгнуть через комингс, и снова бессильно опустилась на пол.

— Я потём расскажу. Потём, когда всё кончится.

Виктор Борисович подошёл к двери, закрыл её и вернулся к столу. Капитан легко хлопнул ладонью по столу.

— Слушать меня! — сказал он. — Я решил очистить корабль от мух.

— Каким образом? — осведомился Малышев.

— Мы наденем пустолазные костюмы, поднимем в корабле давление — можно использовать запасы жидкого водорода — и откроем люки...

— Мама моя! — пробормотал штурман.

— ... Впустим Пространство в корабль. Вакуум и абсолютный нуль. И ток сжатого водорода выбросит эту гадость.

— Идея, — сказал Лидин. Туммер сел в кресло и вытянул ноги.

— Всё равно мы так не избавимся от спор, — сказал он.

— Спор, я думаю, на корабле не осталось, — сказал Малышев. В голосе его слышалось сожаление. — Они все развились.

— Мы избавимся от мух, — сказал Лидин. — От этих омерзительных, проклятых, чёртовых...

— Слушайте, — сказал Виктор Борисович, — я, кажется, понял.

Он подошёл к двери, нагнулся и зачем-то потрогал пальцами клочок бумаги у комингса.

— Что ты понял? — спросил Туммер.

— Так, — сказал Станкевич. — Пойдёмте за вакуум-скафандрами. Лидин, помогите Малышеву надеть скафандр.





— Мушки повымерзнут, — сказал Лидин, хихикая. Ему ужасно хотелось, чтобы мушки повымерзли.

Виктор Борисович огляделся. Стены были чёрными. Под потолком висели бархатистые фестоны. Пол был покрыт сухой шевелящейся кашей. Стущались сумерки — кучи мух облепили осветительные трубки.

— Слушайте, — сказал Виктор Борисович. — Вы знаете, почему открывалась дверь?

— Какая дверь, штурман? — нетерпеливо спросил капитан.

— Которая дверь? — спросил Туммер.

— Вот эта, дверь в коридор. А теперь она больше не открывается.

— Ну?

— Вот в чём дело, — торопливо сказал Виктор Борисович. — Дверь отворяется наружу, так? В коридоре падает давление, так? Избыток давления в рубке выталкивает дверь. Всё очень просто. А теперь избытка давления нет.

— Ничего не понимаю, — сказал капитан.

— Мухи, — сказал Виктор Борисович.

— Ну, мухи, — сказал Туммер. — Ну?

— *Мухи жрут воздух.* Вот откуда они берут живой вес. Они жрут воздух, кислород и азот.

Биолог издал неясное восклицание, а капитан повернулся к приборам циркуляционной системы. Несколько минут он вглядывался в приборы, яростно смахивая мух. Все молчали. Наконец,<sup>10</sup> капитан выпрямился.

— Расходомеры показывают, — медленно сказал он, — что за последние два часа на корабле израсходовано около центнера жидкого кислорода.

— Великолепно, — проговорил Малышев.

— Ну и твари, — сказал Лидин. — Вот так твари.

— Я же говорил, — сказал Туммер. — Это всего-навсего восьминогие мухи.

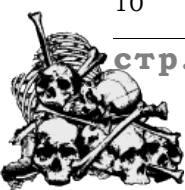
— Логически рассуждая, — заметил биолог, — атмосфера из водорода должна быть для них летальной.

— Что ж, это упрощает, — сказал капитан. — Слушать меня. Лидин, помогите товарищу Малышеву облачиться в скафандр. Туммер, перекройте по кораблю циркуляционную систему. Штурман, подготовьте корабль к обработке вакуумом и сверхнизкими температурами. Готовность доложить через десять минут.

Виктор Борисович направился к выходу, размышляя, что произойдёт, если хоть несколько мух попадёт на Землю. *Землю не обрабатываешь вакуумом и сверхнизкими температурами.*

Он вздохнул, отворил дверь и нырнул головой вперёд в чёрную мохнатую дыру, еле освещённую красноватым светом.

<sup>10</sup> В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







Они натянули вакуум-скафандры прямо на спецкостюмы. Затем они шли к рубке длинным тоннелем с чёрными стенами, сумрачным незнакомым тоннелем. Стены тоннеля медленно колыхались, словно дышали. Они пришли в рубку. Здесь тоже всё было незнакомо и сумрачно. Капитан сказал:

- Туммер, циркуляция?
- Выключена.
- Штурман, люки?
- Открыты... За исключением внешних.
- Лидин, состояние вакуум-скафандров?
- Проверено, товарищ капитан.
- Начнём, — сказал капитан.

Виктор Борисович нагнулся к манометру. Давление в корабле упало на тридцать миллиметров, а ведь Туммер выключил циркуляционную систему всего несколько минут назад. *Мухи пожирали воздух и размножались с чудовищной быстротой.* Капитан открыл подачу водорода. Стрелка манометра остановилась, затем медленно поползла в обратную сторону. Атмосфера...Полторы... Две...

— Есть у кого-нибудь мухи в скафандре или в спецкостюме? — осведомился капитан.

— Пока нет, — сказал Лидин.

Снова наступила тишина. В наушниках было слышно только дыхание. Кто-то чихнул, кажется, Туммер.

— Будьте здоровы, — вежливо сказал Малышев.

Никто не ответил. Пять атмосфер. Чёрная каша на стенах тяжело заворачалась. «Ага!» — злорадно сказал Лидин. Шесть атмосфер.

— Внимание, — сказал капитан.

Виктор Борисович напрягся и ухватился за пояс Малышева. Малышев ухватился за Лидина, Лидин — за кресло, в котором сидел Туммер. Капитан согнал с пульта мушиную тучу и нажал кнопку. Четыре грузовых люка — широкие пластметалловые шторы, покрывающие грузовой отсек, — раскрылись мгновенно и одновременно.

Виктор Борисович ощутил мягкий толчок, сотрясший его с ног до головы. Кто-то ахнул. Водородно-воздушная смесь под давлением в шесть атмосфер устремилась к люкам и в пространство. В рубке закрутилась чёрная вьюга. И стало светло. Ярко, ослепительно светло. Рубка стала прежней стерильно-чистой рубкой. Только искрилась в отблесках голубых трубок изморозь на стенах,<sup>11</sup> да у комингса остался налёт серой пыли.

— Как хорошо! — сказал незнакомый хриплый голос в наушниках.

— Внимание, — сказал капитан. — Второй этап!

<sup>11</sup> В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Затем был третий этап, и четвёртый, и пятый. Пять раз корабль наполнялся сжатым водородом, и пять раз вихри сжатого газа промывали каждый угол, каждую щель в корабле. Налёт серой пыли перед комингсом рубки исчез, исчезла изморозь на стенах. Затем корабль наполнился водородом в шестой раз. Капитан на полную мощность включил пылеуловители, и только после этого в корабль был снова подан воздух.

— Вот и всё, — сказал Станкевич. — Пока,<sup>12</sup> по крайней мере.

Он первым стащил с головы тяжёлый шлем скафандра.

— Может быть, всё это нам приснилось? — задумчиво сказал Лидин.

— Сладостное сновидение, — сказал Туммер.

Виктор Борисович помогал Малышеву освободиться от скафандра. Когда он стянул с правой руки биолога коленчатый рукав, капитан вдруг сказал:

— А это что у вас, товарищ Малышев?

В кулаке Малышева была пластмассовая коробочка, похожая на очёшницу. Биолог спрятал руку за спину.

— Ничего особенного, — сказал он и сразу насупился.

— Товарищ Малышев! — ледяным голосом сказал капитан.

— Что, товарищ Станкевич? — отозвался биолог.

— Дайте сюда эту штуку.

— Мама моя, — сказал Виктор Борисович, — у вас там мухи!

— Ну и что же? — сказал биолог.

Лидин побледнел, затем покраснел.

— Немедленно уничтожьте эту гадость, — сказал он сквозь зубы. — В реактор её, немедленно!

— Спокойно, бортинженер, — сказал Виктор Борисович.

Малышев стряхнул с себя пустолазный панцирь и сунул коробочку в карман. Брови его поднялись до волос и снова надвинулись на глаза.

— Мне стыдно за вас, товарищи, — объявил он.

— Ему *стыдно за нас*! — Лидин так и взвился.

— Да, стыдно. Я понимаю, это было неожиданно и... по-человечески страшно...

— Да вы представляете, — сказал Лидин, — что будет, если хоть одна муха попадёт в земную атмосферу?

— Вы знаете, как они размножаются? — спросил штурман.

— Знаю. Видел. Это всё чепуха. — Малышев перешагнул через скафандр и сел в кресло. — Выслушайте меня. Жизнь в Космосе иногда бывает враждебна земной жизни, это правда. Глупо это отрицать. Если бы мухи угрожали жизни или хотя бы здоровью человека, я бы первым потребовал отвести корабль подальше от Земли и взорвать его. Но мухи

12 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





неопасны. Небелковая жизнь не может — не может, понимаете? — угрожать белковой жизни. Меня поражает ваша неосведомлённость. И ваша, простите, нервозность.

— Малейшая ваша неосторожность, — упрямо сказал Лидин, — и они расплодятся на Земле. Они сожрут всю атмосферу.

Малышев презрительно щёлкнул пальцами.

— Вот, — сказал он. — Пусть они даже расплодятся на планете, я берусь в два дня вывести двадцать две расы азотно-кислородных вирусов, которые уничтожат и мух, и споры, и двести двадцать поколений потомства. Это во-первых. А во-вторых, мы пробовали и леталь, и буксил, и петронал, и ещё что-то. Но я уверен, что эффективнейшим средством против наших мух были бы простые слюни.

Туммер захохотал.

— Чёрт знает, что вы говорите, — проворчал Станкевич.

— Ну, не слюни, конечно, но простая вода. Обыкновенная аквадистиллята. Я уверен в этом.

Малышев обвёл межпланетников торжествующим взглядом. Все молчали.

— Но вы,<sup>13</sup> по крайней мере,<sup>14</sup> понимаете, что нам повезло? — спросил он.

— Нет, — сказал Станкевич. — Ещё нет.

— Нет? Ладно, — сказал Малышев. — Во-первых, в наших руках, — он похлопал себя по карману, — уникальнейшие экземпляры небелковых существ. До сих пор небелковая жизнь воспроизводилась только искусственно. Понимаете? Оч-чень рад. Во-вторых. Представьте себе завод без машин и котлов. Гигантские инсектарии, в которых с неимоверной быстротой плодятся и развиваются миллиарды наших мух. Сырьё — воздух. Сотни тонн первоклассной неорганической клетчатки в день. Бумага, ткани, покрытия... А вы говорите — в реактор.

Биолог замолчал, извлёк пластмассовую коробочку и поднёс её к уху.

— Гудят, — сообщил он. — Уникальнейшие существа. Редчайшие... Редчайшие.

Глаза его вдруг округлились, на лице появилась растерянность.

— Моя улитка, — сказал он и кинулся из рубки.

Межпланетники переглянулись.

— Биология — царица наук, бортинженер, — сказал Туммер.

— Много я знаю о небелковой жизни! — сказал Лидин брезгливо.

Капитан поднялся.

— Всё хорошо, что хорошо кончается, — сказал он, не глядя на Туммера. — Если мне ещё кто-нибудь когда-нибудь станет болтать про угрозу из Космоса... Кто вахтенный?

<sup>13</sup> В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

<sup>14</sup> В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Виктор Борисович поглядел на часы. «Мама моя, — подумал он, — ещё не кончилась моя вахта! Неужели прошло всего три часа?»

Сменившись с вахты, он зашёл к Малышеву. Биолог горестно вздыхал над донышком стеклянного баллона. Во время вакуумной чистки внутреннее давление разорвало и баллон, и титанианскую улитку, и высушенные Пространством клочья слизняка присохли к стенам и потолку каюты.

— Это был такой экземпляр, — жалобно сказал Малышев, — такой экземпляр!

— Зато у вас теперь есть мухи, — сказал штурман. — А в следующий рейс я привезу вам другого слизняка. Пойдёмте в медотсек и покажите мне, что там с микротомом. Понимаете, нам ещё не приходилось им пользоваться.

**1959 © А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий**







## «Попытка к бегству»

### I

— Хороший сегодня будет день! — сказал вслух Вадим.

Он стоял перед распахнутой стеной, похлопывая себя по голым плечам, и глядел в сад. Ночью шёл дождь, и трава была мокрая, кусты были мокрые, и крыша соседнего коттеджа тоже была мокрая. Небо было серое, а на тропинке блестели лужи. Вадим подтянул трусы, спрыгнул в траву и побежал по тропинке. Глубоко, с шумом вдыхая сырой утренний воздух, он бежал мимо отсыревших шезлонгов, мимо мокрых ящиков и тюков, мимо соседского палисадника, где, выставив напоказ внутренности, красовался полуразобранный «колибри», через мокрые, пышно разросшиеся кусты, между стволами мокрых сосен; не останавливаясь, прыгнул в озерцо, выбрался на противоположный берег, поросший осокой, а оттуда, разгорячённый, очень довольный собой, всё наращивая темп, помчался обратно, перепрыгивая через огромные спокойные лужи, распугивая маленьких серых лягушек, прямо к лужайке перед Антоновым коттеджем, где стоял «Корабль».

«Корабль» был совсем молодой, ему не исполнилось и двух лет. Чёрные матовые его бока были абсолютно сухи и едва заметно колыхались, а острая вершина была сильно наклонена и направлена в ту точку серого неба, где за тучами находилось солнце: «Корабль» по привычке набирал энергию. Высокая трава вокруг «Корабля» была покрыта инеем, поникла и пожелтела. Впрочем, это был приличный, тихого нрава звездолёт типа «турист». Рейсовый рабочий звездолёт за ночь выморозил бы весь лес на десять километров вокруг.

Вадим, оскальзываясь на поворотах, обежал «Корабль» и направился домой. Пока он, стеная от наслаждения, растирался мохнатым полотенцем, из дачи напротив вышел сосед дядя Саша со скальпелем в руке. Вадим помахал ему полотенцем. Соседу было полтора года, и он день-деньской возился со своим вертолётком, но всё было втуне — «колибри» летал неохотно. Сосед задумчиво поглядел на Вадима.

— У тебя нет запасных биоэлементов? — спросил он.

— Что, сторели?

— Не знаю. У них ненормальная характеристика.

— Можно связаться с Антоном, дядя Саша, — предложил Вадим. — Он сейчас в городе. Пусть привезёт вам парочку.

Сосед подошёл к вертолёту и стукнул его скальпелем по носу.

— Что же ты не летаешь, дурачок? — сказал он сердито.

Вадим принялся одеваться.

— Биоэлементы... — ворчал дядя Саша, запуская скальпель во внутренности «колибри». — Кому это надо? Живые механизмы... Полуживые механизмы... Почти неживые механизмы... Ни монтажа, ни электроники...





Одни нервы! Простите, но я не хирург. — Вертолёт дёрнулся. — Тихо ты, животное! Стой смирно! — Он извлёк скальпель и повернулся к Вадиму. — Это негуманно,<sup>15</sup> наконец! — объявил он. — Бедная испорченная машина превращается в сплошной больной зуб! Может быть, я слишком старомоден? Мне её жалко, ты понимаешь?

— Мне тоже, — пробормотал Вадим, натягивая рубашку.

— Что?

— Я говорю: может быть, вам помочь?

Дядя Саша некоторое время переводил взгляд с вертолёта на скальпель и обратно.

— Нет, — сказал он решительно. — Я не желаю применяться к обстоятельствам. Он у меня будет летать.

Вадим сел завтракать. Он включил стереовизор и положил перед собой «*Новейшие приёмы выслеживания тахоргов*». Книга была старинная, бумажная, читаная-перечитаная ещё дедом Вадима. На обложке был изображён пейзаж планеты-заповедника Пандоры с двумя чудовищами на первом плане.

Вадим ел, листая книжку, и с удовольствием поглядывал на хорошенькую дикторшу, рассказывавшую что-то о боях критиков по поводу эмоциализма. Дикторша была новая, и она нравилась Вадиму уже целую неделю.

— Эмоциализм! — со вздохом сказал Вадим и откусил от бутерброда с козым сыром. — Милая девочка, ведь это слово отвратительно даже фонетически. Поедем лучше с нами! А оно пусть остаётся на Земле. Оно наверняка умрёт к нашему возвращению — можешь быть уверена.

— *Эмоциализм как направление обещает многое, — невозмутимо говорила дикторша. — Потому что только он сейчас даёт по-настоящему глубокую перспективу существенного уменьшения энтропии эмоциональной информации в искусстве. Потому что только он сейчас...*

Вадим встал и с бутербродом в руке подошёл к распахнутой стене.

— Дядя Саша, — позвал он, — вам ничего не слышится в слове «эмоциализм»?

Сосед, заложив рúки за спину, стоял перед развороченным вертолётom. «Колибри» трясся, как дерево под ветром.

— Что? — сказал дядя Саша, не оборачиваясь.

— Слово «эмоциализм», — повторил Вадим. — Я уверен, что в нём слышится похоронный звон, видится нарядное здание крематория, чувствуется запах увядших цветов.

— Ты всегда был тактичным мальчиком, Вадим, — сказал старик со вздохом. — А слово действительно скверное.

— Совершенно безграмотное, — подтвердил Вадим, жуя. — Я рад, что вы это тоже чувствуете... Послушайте, а где ваш скальпель?

— Я уронил его внутрь, — сказал дядя Саша.

15 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Некоторое время Вадим разглядывал мучительно трепещущий вертолёт.

— Вы знаете, что вы сделали, дядя Саша? — сказал он. — Вы замкнули скальпелем дигестальную систему. Я сейчас свяжусь с Антоном, пусть он привезёт вам другой скальпель.

— А этот?

Вадим с грустной улыбкой махнул рукой.

— Смотрите, — сказал он, показывая остаток бутерброда. — Видите? — Он положил бутерброд в рот, прожевал и проглотил.

— Ну? — с интересом спросил дядя Саша.

— Такова в наглядных образах судьба вашего инструмента.

Дядя Саша посмотрел на вертолёт. Вертолёт перестал вибрировать.

— Всё, — сказал Вадим. — Нет больше вашего скальпеля. Зато «колибри» у вас теперь заряжен. Часов на тридцать непрерывного хода.

Сосед пошёл вокруг вертолёта, бесцельно трогая его за разные части. Вадим засмеялся и вернулся к столу. Он доедал второй бутерброд и допивал второй стакан простокваши, когда щёлкнул замок информатора и тихий, спокойный голос сказал:

— Вызовов и посещений не было. Антон, уходя в город, желает доброго утра и предлагает немедленно после завтрака начать отрешение от всего земного. В институт поступило девять новых задач...

— Не надо подробностей, — попросил Вадим.

— ... Задача номер девятнадцать пока не решена. Пэл Минчин доказала теорему о существовании полиномиальной операции над Ку-полем структур Симоняна. Адрес: Ричмонд, семнадцать-семнадцать-семь. Всё.

Информатор щёлкнул, помолчал и добавил поучающе:

— Завидовать дурно. Завидовать дурно.

— Балбес! — сказал Вадим. — Я совершенно не завидую. Я радуюсь! Молодчина, Пэл! — Он задумался, глядя в сад. — Нет, — сказал он. — Сейчас всё это долой. Надо отрешаться от земного.

Он швырнул грязную посуду в мусоропровод и вскричал:

— На тахоргов! Украсим кабинет Пэл Минчин — Ричмонд, семнадцать-семнадцать-семь — черепом тахорга!

И он спел:

*Пусть тахорги в страхе воют,*

*Издавая визг и писк!*

*Ведь на них идёт войною*

*Структуральнейший лингвист!*

— Теперь так, — сказал Вадим. — Где радиопhone? — Он набрал номер. — Антон? Как дела?

— Стою в очереди, — ответил Антон.

— Что ты говоришь? И все на Пандору?





— Многие. И кто-то распространяет слух, что охота на тахоргов скоро будет запрещена.

— Но мы-то успеем?

Антон некоторое время молчал.

— Успеем, — сказал он.

— А девушки там рядом есть?

— Как не быть...

— А они тоже успеют?

— Сейчас спрошу... Они говорят, что успеют.

— Передай им привет от знакомого структурального лингвиста шести футов росту, с благородной осанкой... Слушай, Антон, что я хотел тебе сказать? Да! Привези, пожалуйста, дяде Саше скальпель. И пару «БЭ-6». И заодно «БЭ-7».

— И заодно новый вертолёт, — сказал Антон. — Что этот старец сделал со своим скальпелем?

— Ну,<sup>16</sup> как ты думаешь, что можно сделать со скальпелем?

— Не знаю, — сказал Антон, подумав. — Скальпель — это вещь на века. Как Баальбекская платформа.

— Он уронил его в желудок своему «колибри».

В радиэфоне захихикало несколько голосов. Очередь развлекалась.

— Ладно уж, — сказал Антон. — Жди, я скоро буду. Будь моим суперкарго и начинай погрузку.

Вадим сунул радиэфон в карман и прикинул через три комнаты расстояние до выхода.

— *Дух ног слаб, — процитировал он, — рук мощь зла!*

Он встал на рúки и живо побежал к выходу. На крыльце он сделал сальто и с криком «У-ух!» упал на четвереньки в траву перед крыльцом. Поднявшись и почистив рúки, он произнёс с выражением:

*На войне и на дуэли*

*Получает первый приз —*

*Символ счастья и веселья —*

*Структуральнейший лингвист.*

Затем он неторопливо отправился в аллею, где были свалены тюки и ящики. Груза было довольно много. Надо было взять с собой оружие, боеприпасы, запас пищи, одежду — отдельно для охоты и отдельно, чтобы посетить знаменитое кафе «Охотник» на плоской вершине Эвериной, где между столиками вольно гуляет пряный ветер, а под обрывом на трёхсотметровой глубине громоздятся, подобно грозным тучам, непроходимые чёрные заросли; где исполосованные колючками охотники с хохотом осушают пузатые фляги «Крови тахорга» и вывихивают себе плечи в тщетных попытках показать, какой череп они могли бы добыть, если бы

16 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







знали, с какой стороны у карабина приклад; где в тёмно-зелёных сумерках пары скользят на усталых ногах в «Светлом ритме», а над хребтом Смелых поднимаются в беззвёздное небо зыбкие сплюснутые луны.

Вадим присел на корточки спиной к самому тяжёлому ящику, приладился и рывком поднял ящик на плечи. В ящике было оружие — три автоматических карабина с прицелами для стрельбы в тумане и шесть сотен патронов в плоских пластмассовых обоймах. Пружина при каждом шаге, Вадим понёс ящик через сад к «Кораблю». Он зашёл со стороны приёмника и пнул ногой в борт. Мембрана, затягивавшая овальный люк, лопнула, и Вадим свалил ящик в темноту, из которой пахло холодом.

Вадим пошёл обратно, обрывая на ходу с кустов громадные ягоды какого-то гибрида. И каждый куст сбрасывал на него заряд холодного крупного дождя.

*Надо взять не меньше пяти тахоргов, думал он. Один череп для Пэл Минчин Ричмондской. Пусть знает, что я хороший парень. Один череп маме. Мама череп не возьмёт, она человек серьёзный, и тогда я подарю этот череп первой девушке, которая пройдёт мимо меня на углу Невского и Садовой после десяти утра. Третьим черепом я брошу в Самсона, чтобы умирить его скепсис: он странно вёл себя у Нели, когда я рассказывал ей о последнем походе на Пандору. Четвёртый череп — Нели, чтобы она верила мне, а не Самсону. А пятый череп я повешу над стереовизором.*

Он с наслаждением представил себе, как отлично будет выглядеть хорошенькая дикторша под оскаленным черепом чудовища. Он перенёс на «Корабль» четыре больших ящика с живым мясом, восемь ящиков с овощами и фруктами, два мягких тюка с одеждой и ещё один большой ящик с подарками для старожилков и с корявой надписью: «*Шкатулка для Пандоры*».

Где-то за тучами солнце поднималось всё выше и выше, становилось жарко. Всё вокруг высыхало. Лягушки попрятались в траву. В пустых коттеджах с шелестом распахивались стены. Дядя Саша повесил гамак и разлёгся возле своего «колибри» с газетой. Вадим кончил перетаскивать груз и пристроился к кусту крыжовника.

— Итак, вы улетаете, — сказал дядя Саша.

— Угу.

— На Пандору улетаете?

— Ага.

— Вот тут пишут, что заповедник собираются закрыть. На несколько лет.

— Ничего, дядя Саша, — сказал Вадим. — Успеем.

Дядя Саша помолчал и сказал негромко:

— Мне здесь очень скучно будет одному.

Вадим перестал жевать.

— Так мы же вернёмся, дядя Саша! Через месяц.

— Всё равно. Я на этот месяц вернусь в город. Что я здесь один буду делать в пяти коттеджах? — Он посмотрел на вертолёт. — С этим дурачком. Полуживым.





В небе слышалось негромкое фырканье.

— Вон ещё один летит, — сказал дядя Саша.

Вадим задрал голову. Невысоко над посёлком медленно выписывал восьмёрку ярко-красный «рамфоринх». На тощем брюхе чётко выделялся белый номер.

— Так-то я тоже могу, — сказал дядя Саша. — А вот вы, голубчик, спикируйте винтом, и чтобы не боком и не в пруд, а рядом...

«Рамфоринх» улетел. На бетонной дорожке за садом слышалось сопение машины.

— В нашем посёлке становится оживлённо, — сказал дядя Саша. — Движение как на Невском.

— Это Антон! — Вадим вскочил и побежал к «Кораблю».

Антон загонял машину в гараж. Выйдя из гаража, он рассеянно сказал:

— Всё в порядке, Димка. Штурманскую книгу я зарегистрировал, «добро» получил...

— Но? — спросил проницательный Вадим.

— Что — *но*?

— Я отчётливо слышу в твоей речи «но».

Антон сказал неохотно:

— Я заезжал к Галке. Она не поедет.

— Из-за меня?

— Нет. — Антон помолчал. — Из-за меня.

— М-да, — глубокомысленно сказал Вадим.

Антон спросил:

— А как у нас с погрузкой, суперкарго?

— Всё в порядке, шкип. Можно стартовать.

— А как у нас в доме? Прибрано ли?

— В чьём доме?

— Например, в моём?

— Нет, шкип. Виноват, шкип. Я только что кончил грузить, шкип.

Низко над крышами снова пролетел красный «рамфоринх». Антон поглядел.

— Что за притча? — удивился он. — Опять ЦЩ-268. По-моему, я стал объектом пристального внимания. Этот красный «рамфоринх» с бортовым номером ЦЩ-268 гонится за мной с Дворцовой площади.

— Не замешана ли здесь женщина? — осведомился Вадим.

— Не думаю. Никогда ещё женщины не гонялись за мной.

— Они могли бы и начать... — сказал Вадим, но тут его осенила новая мысль. — А может быть, это член тайного общества покровителей тахоргов?

«Рамфоринх» снова пролетел над головами и вдруг затих.





— Э, да это к дяде Саше, — сказал Вадим. — Пойдёт на запасные органы. Бедный «рамфоринх»! Кстати, ты привёз?

— Привёз, — сказал Антон, глядя мимо него. — Нет, структуральный суперкарго. Это не к дяде Саше...

Из-за кустов появился высокий костлявый человек в широкой белой блузе и белых брюках. У него было очень смуглое худое лицо с мохнатыми бровями и большие коричневые уши. В руке он держал объёмистый портфель.

— Он, — сказал Антон.

— Кто?

— Человек в белом. Он всё время бродил около очереди. И смотрел всем в глаза.

— Сейчас я ему объясню, что такое тахорги, — проговорил Вадим, — и он поймёт.

Человек в белом подошёл вплотную и внимательно осмотрел обоих охотников.

— Вы знаете, что тахорги нападают на людей и иногда серьёзно калечат их? — сказал Вадим. — Наносят им серьёзные увечья.

— Вот как? — сказал человек в белом. — Тахорги? В первый раз слышу. Впрочем, это не по моей части. Я пришёл к вам с просьбой. Здравствуйте. — Он коснулся двумя пальцами виска.

— Здравствуйте, — сказал Антон. — Вы ко мне?

Незнакомец бросил портфель под ноги и вытер со лба пот. В портфеле что-то глухобрякнуло. Это было огромное, битком набитое местами, сильно потёртое, с огромным количеством ремней и медных застёжек. «Портфель» по-японски — «кабан», — подумал Вадим. Японцы правы.

Незнакомец медленно проговорил:

— Да. Я к вам. — Он зажмурился и снова с силой провёл ладонью по лицу. — Только, пожалуйста, не спрашивайте, почему именно к вам. Совершенно случайно к вам... Мог к кому-нибудь другому...

— Нам необыкновенно повезло, — весело сказал Вадим. — Просто удивительно, как нам сегодня везёт.

Незнакомец поглядел на него без улыбки.

— Капитан вы? — спросил он.

— Я капитан потенциально, — ответил Вадим. — А кинетически я суперкарго и старший специалист по тахоргам... Если угодно, звероведаматёр...

Вадима понесло, он уже не мог удержаться. Он должен был во что бы то ни стало вызвать на лице незнакомца улыбку, хотя бы вежливую.

— Кроме того, я второй пилот-аматёр, — говорил он. — Это на тот случай, если у капитана вдруг случится отложение солей или колено горничной...

Незнакомец молча слушал. Антон сказал негромко:

— Очень смешно.





Наступила тишина.

— Как я понял, вы летите на Пандору, — сказал незнакомец. Он смотрел на Антона.

— Да, мы идём на Пандору. — Антон покосился на портфель. — Вы хотите что-нибудь переслать с нами?

— Нет, — сказал незнакомец. — Пересылать мне нечего. У меня совсем другое... У меня есть к вам предложение. Ведь вы едете развлекаться?

— Да, — сказал Антон.

— Если опасную охоту можно считать развлечением, — значительно добавил Вадим.

— Это славный отдых, — сказал Антон. — Турперелёт и охота.

— *Турперелёт...* — медленно, словно удивляясь, проговорил незнакомец. — Туристы... Послушайте, молодые люди, вы совсем не похожи на туристов. Вы молодые, здоровые ребята-открыватели... Зачем это вам — обжитые планеты, электрифицированные джунгли, автоматы с газировкой в пустынях? Да что говорить! Почему вам не взять *неизвестную* планету?

Ребята переглянулись.

— Какую именно планету? — спросил Антон.

— Не всё ли равно? *Любую*. На которой человека ещё не было... — Незнакомец вдруг широко раскрыл глаза. — Или таких уже нет?

Он не шутил. Это было совершенно очевидно, и ребята снова переглянулись.

— Почему же? — сказал Антон. — Таких планет сколько угодно. Но мы всю зиму собирались поохотиться на Пандоре.

— Лично я, — подхватил Вадим, — уже раздарил знакомым черепа своих неубитых тахоргов.

— И потом — что мы будем делать на *новой* планете? — мягко сказал Антон. — Мы не научная экспедиция, мы не специалисты. Вот Вадим лингвист, я звездолётчик, пилот... Мы не сумеем даже составить первичного описания... Впрочем, может быть, у вас есть какая-нибудь идея?

Незнакомец сдвинул мохнатые брови.

— Нет у меня никаких *идей*, — резко сказал он. — Просто мне нужно на неизвестную планету. И вопрос стоит так: можете вы мне помочь или нет?

Вадим стал застёгивать и расстёгивать «молнию» на куртке. Тон незнакомца его покорибл: это был не тот тон, к которому Вадим привык. И,<sup>17</sup> тем не менее,<sup>18</sup> положение было тяжёлое. *Человеку, который едет развлекаться, трудно спорить с человеком, которому нужно ехать по делу*. Аргументов у Вадима не было, и поэтому он совсем было решил придраться к манерам, но тут случилось странное происшествие.

17 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

18 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))







За деревьями залаяла собака. Это был дяди Сашин эрдель Трофим, дряхлый глупый пёс с признаками аристократического вырождения и необыкновенно густым голосом. Залаял он скорее всего потому, что на нос ему села оса и он не знал, что с ней делать, но лицо незнакомца вдруг страшно исказилось. Он пригнулся и прыгнул далеко в сторону. Вадим даже не понял, что произошло. Прыгнув, незнакомец выпрямился и нарочито медленными шагами вернулся на место. На лбу у него блестела испарина. Вадим оглянулся на Антона. Лицо Антона было задумчиво-спокойным.

— Ну что ж, — сказал он рассудительно. — Во второй окрестности много жёлтых карликов с приличными планетами земного типа. Давайте слетаем. Возьмём хотя бы ЕН 7031. Туда уже собирались лететь, да отложили. Показалось неинтересно. Добровольцы не любят жёлтых карликов — им подавай гиганта, лучше красного... Устроит вас ЕН 7031?

— Да, вполне, — сказал незнакомец. Он уже пришёл в себя. — Если только это действительно *необитаемая* планета.

— Это не планета, — вежливо поправил Антон. — Это звезда. Солнце. Но там есть и планеты. По всей видимости, необитаемые. А как вас зовут?

— Меня зовут Саул, — сказал незнакомец и впервые улыбнулся. — Саул Репнин. Я историк. Двадцатый век. Но я постараюсь быть полезным. Я умею готовить, водить наземные машины, шить, чинить обувь, стрелять... — Он помолчал. — И кроме того, я знаю, как всё это делалось раньше. И ещё я знаю несколько языков — польский, словацкий, немецкий, немного французский и английский...

— Жалко, что вы не умеете водить звездолёт, — вздохнул Вадим.

— Да, жалко, — сказал Саул. — Но это ничего, звездолёт умеете водить вы.

— Не вздыхай, Димка, — сказал Антон. — Пора и тебе посмотреть на странные пейзажи безымянных планет. Танцевать в кафе можно и на Земле. Покажи себя там, где нет девушек, воздыхатель...

— Я вздыхаю от восторга, — отозвался Вадим. — В конце концов, что такое тахорги? Громоздкие и всем известные животные...

Саул любезно осведомился:

— Надеюсь, я не вырвал согласие силой? Надеюсь, ваше согласие является в достаточной степени добровольным и свободным?

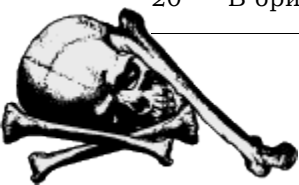
— А как же, — сказал Вадим. — Ведь что такое *свобода*? *Осознанная необходимость*. А всё остальное — нюансы.

— Пассажир Саул Репнин, — сказал Антон. — Старт в двенадцать ноль-ноль. Ваша каюта третья, если вы не захотите занять каюту четвёртую, пятую, шестую или седьмую. Пойдёмте, я вам покажу.

Саул нагнулся за портфелем, и у него из-за пазухи выскользнул и тяжело шлёпнулся на траву большой чёрный предмет. Антон поднял брови. Вадим пригляделся и тоже поднял брови. Это был скорчер<sup>19</sup> — тяжёлый длинноствольный пистолет-дезинтегратор, стреляющий миллионвольтными<sup>20</sup>

19 Английское scorcher имеет несколько значений, здесь, очевидно, подразумевается нечто вроде «лихач» (об автомобилисте, etc). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

20 В оригинале «миллионовольтными». (прим. ред. Alex.Rus.UA)





разрядами. Такие предметы Вадим видел только в кино. На всей Планете было не больше сотни экземпляров этого страшного оружия, и оно выдавалось только капитанам сверхдальних десантных звездолётов.

— Какой я неуклюжий, — пробормотал Саул, подобрал скорчер и сунул его под мышку. Затем он поднял портфель и объявил: — Я готов.

Некоторое время Антон смотрел на него, словно собираясь спросить о чём-то. Затем он сказал:

— Пойдёмте, Саул. А ты, Вадим, приberi дóма и отнеси старику инструмент. Он в багажнике. Я имею в виду, конечно, инструмент.

— Слушаю, шкип, — сказал Вадим и пошёл в гараж.

*Трудно быть оптимистом, размышлял он. Ведь что есть оптимист? Помнится, в каком-то старинном вокабулярии<sup>21</sup> сказано, что оптимист суть человек, полный оптимизма. Там же, статьёй выше, сказано, что оптимизм суть бодрое, жизнерадостное мироощущение, при котором человек верит в будущее, в успех. Хорошо быть лингвистом — сразу всё становится на свои места. Остаётся только совместить бодрое, а равно и жизнерадостное мироощущение с пребыванием на борту тяжело вооружённого лунатика...*

Он забрал из багажника скальпель и биоэлементы и направился к дяде Саше. Старик сидел на корточках под красным «рамфоринхом».

— Дядя Саша, — сказал Вадим. — Вот вам новый скальпель и...

— Не надо, — сказал дядя Саша. Он вылез из-под «рамфоринха». — Спасибо. Мне подарили вот это. — Он похлопал «рамфоринха» по полированному боку. — Говорят, он очень живуч, а?

— Подарили?

— Да, один молодой человек, весь в белом.

— Ах, вот как, — сказал Вадим. — Значит, он был уверен, что улетит с нами. Или, может быть, он намеревался прорваться в «Корабль» с боем?

— Что? — спросил дядя Саша.

— Дядя Саша, — сказал Вадим, — вы знаете, что такое скорчер?

— Скорчер? Да, знаю, конечно. Это микроразрядное устройство на ткацких автоматах. Правда, теперь их нет, но, помню, лет семьдесят назад... А что, этот человек в белом тоже старый ткач?

— Может быть, он и ткач тоже, но скорчер у него, дядя Саша, не микроразрядный.

Вадим задумчиво пошёл к своему коттеджу. Дóма он бросил постельное бельё в мусоропровод, переключил хозяйственную автоматику на режим отсутствия и, выйдя на крыльцо, написал карандашом на двери: «Уехал в отпуск. Прошу не занимать». Затем он отправился к Антону. Прибирая Антонов коттедж, он продолжал размышлять. В конце концов, не всё потеряно. Тахорги, надо признаться, уже основательно приелись.

21 Вокабулярий — краткий словарь к хрестоматии или к отдельному разделу учебника (происходит от англ. vocabulary — лексикон, лексика, словарный запас, терминология, вокабулярий, глоссарий, словарь, список или перечень команд ЭВМ; который, в свою очередь, происходит от лат. vocabulum — наименование, название, имя; слово; имя существительное, существительное нарицательное; благовидный предлог). (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Пандора, если говорить честно, — это всего-навсего очень модный курорт. Можно только удивляться, как я там высидел три сезона. Какой стыд, подумал он вдруг с энтузиазмом. Ведь было время, когда я хвастался ожерельем из зубов тахорга и разводил несусветную пандориану! Швырять в Самсона черепом тахорга — какая банальность! Самсон достоин большего, и Самсон будет увековечен. Неизвестная планета — это неизвестная планета. По неизвестной планете бродят неизвестные звери. Они, бедняги, ещё не знают, как их зовут. А я уже знаю. Там я добуду первого в истории «самсона непарноногого перепончатогоухого» или, скажем, «самсона неполнозубого гребенчатозадаго»... Запустить в Самсона черепом самсона — такого ещё не было.

Когда он вернулся на лужайку, «Корабль» был готов к старту. Верхушка его больше не следила за солнцем, иней на траве вокруг исчез.

Вадим удобно устроился в люке, свесив ногу. Он смотрел на Антонов коттедж с распахнутой стеной, на зелёные кроны сосен, на низкие облака, в которых то появлялись, то исчезали голубые проталины. Да, друг Самсон, непарноногий брат мой, мстительно подумал он. Может быть, ты и не плох против какого-нибудь библейского льва, но где тебе тягаться со структуральным лингвистом... Но что забавно: мне бы и в голову не пришло тащиться отдыхать на неизвестную планету, если бы не этот старик в белом. До чего же мы косный народ, даже лучшие из структуральных лингвистов! Вечно нас тянет на обжитые планеты...

На лужайку вышел эрдель Трофим. Он помигал на Вадима добрыми слезящимися глазами, зевнул, сел и принялся чесать задней ногой у себя за ухом. Жизнь была прекрасна и многообразна. Вот Трофим, подумал Вадим. Стар, глуп, добр, но — смотрите-ка! — может ещё напугать... А может быть, все лунатики боятся собачьего лая. Вадим уставился на Трофима. А почему я, собственно, решил, что Саул Репнин лунатик или как это там называлось? ... Зачем такое искусственное предположение? Проще предположить, что историк Саул никакой не историк, а просто соглядатай какой-нибудь гуманоидной расы у нас на планете. Как Бенни Дуров на Тагоре... Это было бы славно — целый месяц неизвестных планет и таинственных незнакомцев... И как всё отлично объясняется! Самостоятельно с Земли он выбраться не может, собак он боится, а на неизвестную планету ему нужно, чтобы за ним туда прислали корабль — на нейтральную, так сказать, почву. Вернётся он к себе и расскажет: так, мол, и так, люди они хорошие, полны оптимизма, и завяжутся у нас с ними нормальные гуманоидные отношения...

Вадим спохватился и крикнул в коридор:

— Антон, я на борту!

— Наконец-то, — откликнулся Антон. — Я было решил, что ты дезертировал.

Из-за деревьев, безобразно крутя хвостом, появился тощий красный «рамфоринх» и, неестественно завывая, начал описывать вокруг «Корабля» круг почёта. Дядя Саша, откинув дверцу, махал чем-то белым. Вадим помахал в ответ.

— Старт! — предупредил Антон.







«Корабль» пошевелился и, мягко подпрыгнув — Вадим успел оттолкнуться от земли ногами, — стал подниматься в небо.

— Димка! — крикнул Антон. — Закрой-ка люк! Сквозняк.

Вадим в последний раз помахал дяде Саше, поднялся и зарастил люк.

## II

Антон передал управление на киберштурман и, сложив руки на животе, задумчиво глядел на обзорный экран. «Корабль» шёл на север по меридиану. Вокруг было густо-фиолетовое небо стратосферы, а глубоко внизу белела мутная пелена облаков. Пелена эта казалась гладкой и ровной, и только кое-где угадывались провалы исполинских воронок над макропогодными станциями — синоптики, пролив над Северной Европой дождь, загоняли облака в ловушки.

Антон размышлял над странностями человеческими. Он вспоминал странных людей, с которыми встречался. Яков Осинковский, капитан «Геркулеса», терпеть не мог лысых. Он их просто презирал. «А вы меня не убеждайте, — говорил он. — Вы мне лучше покажите лысого, чтобы он был настоящим человеком». Наверное, с лысыми у него были связаны какие-то нехорошие ассоциации, и он никогда никому не говорил, какие. Он не переменялся даже после того, как начисто облысел сам во время сарандакской катастрофы. Он только восклицал с заметной горечью: «Единственный! Заметьте, единственный среди них!»

Вальтер Шмидт с базы «Гаттерия» так же странно относился к врачам. «Врачи... — цедил он с неприличным презрением. — Знахарями они были, знахарями и останутся. Раньше была пыльная паутина и гнилая змеиная кровь, а теперь психодинамическое поле, о котором никто ничего не знает. Кому какое дело до того, что у меня внутри? Головоногие живут по тысяче лет безо всяких врачей и до сих пор благополучно остаются владыками глубин...»

Волкова звали Дредноут, и он был этим очень доволен: Дредноут Адамович Волков. Канэко никогда не ел горячего. Ралф Пинетти верил в левитацию и упорно тренировался... Историк Саул Репнин боится собак и не хочет жить с людьми. Я не удивлюсь, если окажется, что он не хочет жить с людьми именно потому, что боится собак. Странно, правда? Но он от этого не станет хуже.

Странности... Нет никаких странностей. Есть просто неровности. Внешние свидетельства непостижимой тектонической деятельности в глубинах человеческой натуры, где разум насмерть бьётся с предрассудками, где будущее насмерть бьётся с прошлым. А нам обязательно хочется, чтобы все вокруг были гладкие, такие, какими мы их выдумываем в меру нашей жиденькой фантазии... чтобы можно было описать их в элементарных функциях детских представлений: добрый дядя, жадный дядя, скучный дядя. Страшный дядя. Дурак.







А вот Саулу нисколько не странно, что он боится собак. И Канэко не кажется странным, что он не терпит ничего горячего. Так же, как и Вадиму никогда в голову не придёт, что его дурацкие стишки кое-кому кажутся не забавными, а странными. Галке, например.

Возьмём теперь меня. Вот я собрался было на Пандору. Если бы об этом узнал, скажем, капитан Малышев, он бы с изумлением на меня посмотрел и сказал: *«Если ты собираешься отдыхать, то лучшего места, чем Земля, тебе не найти. А если ты решил поработать, то возьми чёрную систему ЕН 8742, которая стоит на очереди в плане, или возьми гиганта ЕН 6124 — им почему-то интересуются специалисты на Тагоре»*. И Малышев был бы прав. И чтобы Малышев меня понял и перестал смотреть с изумлением, пришлось бы сказать, что я соскучился по Димке и что Димка хочет стрелять тахоргов.

Антон усмехнулся. Зачем так сложно? Просто теперь все летают на Пандору, и однажды Галка сказала мне, что слетала бы туда. Так организуются в наше время перелёты. И так легко меняются планы. А мог бы я признаться Малышеву, что всё дело в Галке? Почему человек никак не научится жить просто? Откуда-то из бездонных патриархальных глубин всё время ползут тщеславие, самолюбие, уязвлённая гордость. И почему-то всегда есть что скрывать. И всегда есть чего стесняться.

Антон посмотрел на букетик гвоздик, лежащий перед экраном. Эх, Галка, подумал он. Он подышал на пульт и написал пальцем на исчезающем матовом круге: *«Эх ты, Галка...»* Буквы быстро растаяли, он даже не успел поставить восклицательный знак. Тогда он ещё раз подышал на пульт и поставил восклицательный знак отдельно. Потом он снова откинулся в кресле и в сто первый раз попытался логически решить задачу: *«Я люблю девушку, девушка меня не любит, но относится хорошо. Что делать?»*

Что, собственно, изменилось бы, если бы она меня полюбила? Можно было бы обнимать её и целовать. Можно было бы быть всё время вместе с ней. Я бы гордился. Всё, кажется. Глупо, но всё. Просто исполнилось бы ещё одно желание. Как всё это убого выглядит, когда рассуждаешь логически! А по-другому рассуждать я не умею. Пустой я человек, циник. Он увидел Галку, как она говорит, — немного через плечо, и глаза у неё прикрыты ресницами... Почему всё устроено так глупо: можно спасти человека от любой неважной беды — от болезни, от равнодушия, от смерти, и только от настоящей беды — от любви — ему никто и ничем не может помочь... Всегда найдётся тысяча советчиков, и каждый будет советовать сам себе. Да и потерпевший-то, дурак, сам не хочет, чтобы ему помогали, вот что дико.

— Позвольте, однако же, куда вы? — громко спросил Саул.

— В рубку, — ответил Вадим.

— Подождите! Ведь мы, по существу, ещё не познакомились...

Дверь в рубку была открыта. Антон всё время краем уха слышал, как в кают-компании бубнят что-то о тахоргах, о зарослях и о теории исторических последовательностей. Теперь он стал слушать внимательней.

— Ведь вас, кажется, зовут Вадим? — сказал Саул.





— Как правило, — серьёзно ответил Вадим. — Но иногда меня зовут Структуральнейшим, иногда Летающим Быком, а в специальных случаях — Димочкой.

— Стало быть, Вадим... И сколько же вам лет?

— Двадцать два локально-земных...

— Локально... Ну да, разумеется... Как вы сказали? Локально-земных?

— Да. В старых звёздных я не участвовал.

— Совершенно верно. Я так и думал. А отец ваш, извините, кем будет?

— *Кем будет?* Наверное, так и *останется* мелиоратором.

— Э-э... Понимаю, понимаю... Я это, собственно, и имел в виду.

Наступила пауза.

— Очень изящный стол, — стеснённо сказал Саул.

Снова пауза.

— Стол хороший. Прочный.

— А мамаша ваша?

— *Мамаша?* Она у меня... это... стационарный смотритель. Работает на мезоядерной станции.

Было слышно, как Саул нервно забарабанил по столу пальцами.

— Не надо так, Вадим, — попросил он. — Вы не должны обращать на это внимания... Конечно, я странно говорю, и это, вероятно, смешно немножко... Здесь, видите ли, вот какое дело... Мой образ жизни... Мой, так сказать, модус вивенди... Я узкий специалист. Весь в двадцатом веке. Как говорилось когда-то, *книжный червь*. Вечно в музеях, вечно со старыми книгами...

— Влияние обстановки.

— Да-да, вот именно. Я редко бываю на людях, а теперь вот пришлось. Вы знаете профессора Арнаутова?

— Нет.

— Очень крупный специалист. Мой идейный противник. Он попросил меня проверить некоторые аспекты его новой теории. Ведь я не мог не согласиться, правда? Вот так мне и пришлось... покинуть пенаты. Вот... Но что это мы всё обо мне,<sup>22</sup> да обо мне! ... Вы, кажется, структуральный лингвист?

— Да.

— Интересная работа?

— А разве бывает неинтересная работа?

— Да, конечно... И чем же вы занимаетесь?

— Я занимаюсь структурным анализом. Но учтите, Саул, я отрешился от земного. Давайте я расскажу вам ещё что-нибудь про тахоргов.





— Да нет, благодарю вас, про тахоргов не надо. Лучше расскажите, как вы работаете.

— Саул, я же сказал, что *отрешился*.

— Ну как же это так — *отрешился*? Что же, вы теперь совсем не думаете о работе?

— Наоборот. *Всё время думаю. Я всегда думаю* о той работе, которой занят в данный момент. Сейчас я суперкарго и второй пилот — это на тот случай, если у Антона вдруг случится отложение солей. Впрочем, об этом я, кажется, уже... Так вот, мне сейчас очень хочется пойти и немножко поводить «Корабль».

— Да вы ещё успеете поводить! И потом я прошу рассказать не о сущности вашей работы, а о внешней форме, так сказать... Вот вы приходите на работу. Обычные трудовые будни...

— Хорошо. Будни. Я ложусь на вычислитель и думаю.

— Ну-ну... Постойте — на вычислитель? Ну да, понимаю. Вы лингвист, и вы ложитесь на... И что же дальше?

— Час думаю. Другой думаю. Третий думаю...

— И наконец? ...

— Пять часов думаю, ничего у меня не получается. Тогда я слезаю с вычислителя и ухожу.

— Куда?!

— Например, в зоопарк.

— В зоопарк? Отчего же в зоопарк?

— Так. Люблю зверей.

— А как же работа?

— Что ж работа... Прихожу на другой день и опять начинаю думать.

— И опять думаете пять часов и уходите в зоопарк?

— Нет. Обычно ночью мне в голову приходят какие-нибудь идеи, и на другой день я только додумываю. А потом сторает вычислитель.

— Так. И вы уходите в зоопарк?

— При чём здесь зоопарк? Мы начинаем чинить вычислитель. Чиним до утра.

— Ну, а потом?

— А потом кончаются будни и начинается сплошной праздник. У всех глаза на лоб, и у всех одно на уме: вот сейчас всё застопорится, и начинай думать сначала.

— Ну, ладно. Это будни. Однако же нельзя всё время работать...

— Нельзя, — сказал Вадим с сожалением. — Я, например, не могу. В конце концов заходишь в тупик, и приходится развлекаться.

— Как?

— Как придётся. Например, гоняю на буерах. Вы любите гонять на буерах?

— Э-э... Мне как-то не приходилось.





— Что же вы, Саул! Я вас обязательно покатаю. Какой у вас индекс здоровья?

— Индекс здоровья? Я вполне здоров. А над чем вы теперь работаете?

— Над свёртками разобщённых структур.

— А зачем это нужно?

— Что значит — *зачем*?

— Ну, кому от этого будет польза?

— Каждому, кто этим заинтересуется. Вот сейчас проектируют универсальный транслятор. Универсальный транслятор должен уметь свёртывать разобщённые структуры.

— Скажите, Вадим, а здесь, на «Корабле», можно послушать музыку?

— Конечно. Что бы вы хотели? Хотите «Трели» Шеера? Под эту музыку изумительно ведётся «Корабль».

— А Бах?

— О, Бах! По-моему, у нас есть и Бах. Слушайте, Саул, а ведь с вами, наверное, слушать музыку будет очень приятно.

— Почему?

— Не знаю. Всегда приятно слушать музыку с человеком, который хорошо её знает. Мендельсона вы любите?

— Вы знаете Мендельсона?

— Саул! Мендельсон — это лучший из старых! Я надеюсь, вы любите Мендельсона. Правда, его плохо слушать в «Корабле». Вы меня понимаете?

— Пожалуй... Я слушаю Мендельсона в своём уютном кабинете.

Разговорились наконец, подумал Антон. Он взглянул на часы. «Корабль» входил в стартовую зону над Северным полюсом. На экране в фиолетовой глубине возникли тёмные точки звездолётов, ожидающих старта. Антон крикнул в дверь:

— Простите, что прерываю. Скоро старт. Димка, покажи Саулу, как пользоваться безынерционной камерой.

Антон послал на контрольную станцию запрос о программе предстоящего перелёта и через тридцать минут, в течение которых «Корабль» плавал в стратосфере вместе с двумя десятками других больших и малых звездолётов, получил программу на переход, семь вариантов программы обратного пути и разрешение на выход в Подпространство. Тогда он попросил пассажиров укрыться в камерах, вошёл в камеру сам, произвёл переключку и дал «Кораблю» команду на старт. Как всегда, Антона сильно затошнило. Через всё тело прошла раскалённая волна, лицо и спина покрылись холодным потом.

Антон ошоловелым взглядом следил, как красная стрелка рывками прыгает по шкале, отмечая стремительно меняющуюся кривизну пространства. *Двести риманов... четыреста... восемьсот... тысяча шестьсот риманов на секунду...* Пространство вокруг «Корабля» скручивалось всё туже. Антон знал, как это выглядит со стороны. Чёткий чёрный конус «Корабля» становится зыбким, медленно тает и вдруг исчезает совсем, а на его месте вспыхивает на солнце огромное облако твёрдого воздуха. Температура на







сто километров вокруг резко падает на пять-десять градусов... *Три тысячи риманов.* Огненная стрелка остановилась. Эпсилон-деритринитация закончилась, и «Корабль» перешёл в состояние Подпространства. С точки зрения земного наблюдателя он был сейчас «размазан» на протяжении всех полутора парсеков от Солнца до ЕН 7031. Теперь предстоял обратный переход.

При выходе из Подпространства всегда существует опасность оказаться слишком близко к какой-нибудь тяготеющей массе, а может быть, даже и внутри неё. Правда, опасность эта является чисто теоретической. Вероятность её гораздо меньше вероятности угодить точно в печную трубу Эрмитажа, вывалившись над Ленинградом из стратоплана. Во всяком случае, ни то, ни другое событие ни разу не имело места за всю историю человечества. «Корабль» Антона благополучно выскочил в нормальное пространство на расстоянии двух астрономических единиц от жёлтого карлика ЕН 7031.

Антон отдышался, вытер пот со лба и вышел из камеры. В рубке всё было в порядке. Он прошёлся вдоль пульты, скользнул взглядом по обзорному экрану, затем выключил автоматику перехода. На пульте перед экраном по-прежнему лежал букетик гвоздик. Антон остановился. «Жалко», — пробормотал он. Он коснулся букетика пальцем, и цветы рассыпались в зеленоватую пыль. «Бедняги, — подумал Антон. — Не выдержали. Да и кто выдержит?» Он вспомнил о пассажирах и спустился в кают-компанию.

Зал кают-компания был круглый, сюда выходили двери всех восьми кают и люк в нижний этаж, где были кладовые, кухня-синтезатор, душ и прочее. Антон оглядел стол, кресла, поправил крышку мусоропровода и направился в каюту Вадима. Там он отодвинул заслонку камеры, и Вадим вывалился на него. Он был белый и мокрый, как мышь.

— Плохо? — участливо спросил Антон.

Вадим грудным голосом пропел:

*Воем ветер дальних странствий,  
Раздаётся жуткий свист —  
Это вышел в Подпространство  
Структуральнейший лингвист.*

Впрочем, он сейчас же откинул диван и сел.

— Вот почему я не стал звездолётчиком, — сказал он немного хрипло и прилёг.

— Каждый раз ты это говоришь, — сказал Антон. Вадим промолчал. — Пойду,<sup>23</sup> освобожу Саула, — сказал Антон.

— Ты слышал нашу беседу? — спросил Вадим, не открывая глаз.

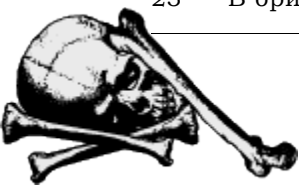
— Да.

— Интересный человек, а?

— Не знаю, — сказал Антон. — По-моему, он человек в беде.

— Ещё бы! Другого бы ты на «Корабль» не взял. Стоит нам собраться куда-нибудь вдвоём, как ты начинаешь альтруировать. Постой, не уходи...

23 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Антон остановился в дверях.

— Ты несёшь болезненную чепуху, — сказал он, — а Саулу там сейчас, наверное, плохо. Это трудно представить, но он, я думаю, ещё более хилый межпланетник, чем ты.

Вадим неожиданно вскричал трагическим шёпотом:

— Слепец! О слепец! ... Нет, не уходи — мне тоже плохо... Неужели ты ещё не понимаешь, *кто он?*!

— Что ты имеешь в виду?

Вадим, наконец, сел.

— Он же ничего не смыслит в лингвистике, — сказал он. — Надеюсь, это ты заметил?

— А что ты понимаешь в истории?

— Ты мне ещё скажи, что он книжный червь. Мы все знаем одного такого червя. Его зовут Бенни Дуров. Поговори о нём с тагорянами.

Антон нехотя улыбнулся.

— Ладно, — сказал он. — Только ты всё-таки воздерживайся. Я-то тебя переносу в любых дозах, а вот на свежего человека ты иногда производишь совершенно удручающее впечатление. Поменьше жеребьячьего оптимизма и побольше такта.

— Слушаю, шкип, — серьёзно сказал Вадим. — Есть, шкип.

Антон вышел. Огибая стол, он опять улыбнулся: *с Вадимом не соскучишься*. В каюте номер три он прежде всего откинул диван и только тогда откатил заслонку, готовясь подхватить падающее тело. Вместо этого из камеры повалил синий дым. Антон отпрянул.

— Что, разве уже? — раздался из клубов дыма голос Саула.

Антон вгляделся. Саул сидел на своём портфеле, поставленном на попа, и курил длинную чёрную трубку. Вид у него был рассеянный и благодушный.

— Вас не тошнит? — спросил Антон, попятился и сел на диван.

— Отнюдь нет. Что, можно выходить?

— Прошу вас, — сказал Антон.

Саул поднялся, взял портфель и, наклонясь, вышел из камеры.

— Мы почти на месте, — сказал Антон. — Остаётся только выбрать планету и решить, где высадиться.

Саул сел рядом с ним.

— Мы далеко от Земли? — спросил он.

— Полтораста парсеков. Почти на пределе для нашего «Корабля».

Вадим заорал из своей каюты:

— Саул! Требуйте землеподобную планету! В скафандре вам не понравится, а кислородная маска — это ещё туда-сюда...

Антон встал и плотно прикрыл дверь.





— Мне всё равно, какую планету, — тихо сказал Саул. — Но, конечно, лучше такую, где можно дышать. — Он вдруг усмехнулся. — Это очень важно, чтобы можно было дышать. — Антон внимательно смотрел на него. — Но самое важное — чтобы там никого не было...

— Вот что, Саул, — сказал Антон. — Планету мы вам найдём. Это пустяки. У нас на борту есть жилой купол на шесть человек, есть глайдер, есть запас пищи для инициирования цикла, есть хорошая радиостанция. Мы поможем вам устроиться и сейчас же уйдём. Хорошо?

Саул сидел, опустив голову.

— Да, — сказал он хрипло. — Так будет лучше всего. Наверное.

— Ну, вот и хорошо. — Антон толкнул дверь. — Я пойду в рубку, а вы... Если захотите, тоже приходите в рубку.

В рубке Антон включил бортовой каталог и просмотрел сведения о системе ЕН 7031. Сведения были неинтересные. Вокруг жёлтого карлика крутились четыре планеты и два пояса астероидов. Пожалуй, больше всего подходила вторая планета: она была землеподобна и находилась на расстоянии полутора астрономических единиц от своего солнца. Антон подал эфемериду на киберштурман.

Из кают-компаний доносились голоса.

— Как вы перенесли переход, Саул?

— Какой переход? Я не заметил никакого перехода.

— Я так и думал.

— Что?

— Что вы не заметите. Хотите душ?

— Нет. Нам долго ещё?

— Наверное, нет. Чувствуете? — «Корабль» шевельнулся, и пол поплыл из-под ног. — Это он ложится на курс. Пойдёмте в рубку, а?

— А мы не мешаем?

— Конечно, нет. Мы же туристы. Вот в десантном или рейсовом звездолёте нас бы не пустили... Зачем вы носите с собой портфель?

— Он мне дорог...

— Тогда не ставьте его на крышку мусоропровода.

Антон внимательно рассматривал изображение планеты на обзорном экране. Планета была голубая, как Земля, покрытая белой пеленой облаков, но очертания материков были незнакомые — один большой материк тянулся вдоль экватора, другой, поменьше, тяготел к полюсу.

— Вот ваша планета, Саул, — сказал Антон и взял листок, выпавший из вывода антенны-анализатора. — Прекрасная планета. Сжатия нет. Сутки — двадцать восемь часов, масса — один и одна десятая. Вредных газов тоже нет. Кислорода много. Маловато углекислоты, но пусть это вас не беспокоит.

Он поглядел на Саула. Саул смотрел на свою планету с каким-то странным выражением. Мохнатые брови его поднялись дугами, и Антону показалось даже, что он может заплакать. Антон был тронут.



— Товарищи! — сказал вдруг Вадим. — Давайте назовём эту планету Саулой.

— Нарекается Саулой! — сказал Антон.

Он пригнул к себе растрёб бортового дневника и продиктовал:

— Юлианский день                                  двадцать пять                                  сорок два  
девяťсот шестьдесят семь. Вторая планета системы ЕН 7031 нарекается  
Саулой, по имени члена экипажа историка Саула Репнина.

Всё это не имело ровно никакого значения. Планеты нарекались по названиям кораблей и городов, по именам любимых литературных героев, названиями приборов и просто громкими звуко сочетаниями. А у кого не хватало фантазии, тот брал какую-нибудь книгу, открывал на какой-нибудь странице, выбирал какое-нибудь слово и как-нибудь его переделывал. И тогда получалось что-нибудь вроде Смеховины, Подраки или Бровии.

Но Саул был растроган необычайно. Он бормотал: «*Спасибо, спасибо, друзья*», — и жал Вадиму руку. Это было очень трогательно.

А между тем планета росла. Когда на экране остался только материк, растопырившийся вдоль экватора, Антон спросил:

— Так где же мы будем высаживаться, Саул?

Саул ткнул пальцем почти в центр материка. Антону показалось, что он сделал это зажмурившись.

— Това-арищи, — протянул Вадим, — давайте поближе к побережью.

Было ясно, что ему хочется искупаться. Исккупаться в океане Саулы, в волнах, которые не омывали ещё ни одного землянина, которые не омывали, может быть, вообще ни одно разумное существо.

— Н-ну... К побережью,<sup>24</sup> так к побережью, — неуверенно сказал Саул. Он посмотрел на Антона. — Для моих целей, — он кашлянул, — выбор места не является существенным.

— Чудесно! — сказал Вадим. Он проворно уселся в кресло рядом с Антоном. — Хватит! — заявил он. — Капитана разбил паралич, и он в дурном состоянии отнесён в каюту. Широкоплечий и статный второй пилот взял управление на себя. — Он положил пальцы на контакты биоуправления, и «Корабль» сейчас же повалился в пропасть. Материк на экране стал тошнотворно поворачиваться. Вадим провозгласил:

*Всё от ужаса рыдает  
И дрожит как банный лист!  
Кораблём повелевает  
Структуральнейший лингвист.*

Саул с шумом уронил портфель и вцепился Антону в плечо.

— Димка, скажи хоть, куда ты целишься, — попросил Антон.

— Туда, — смутно ответил Вадим. — Где синие волны ласкают песок.

«Корабль» завалило на правый борт.

— Легче, легче, — сказал Антон. — Меньше эмоций. В материк не попадёшь.

24 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))







— Авось попаду.

— Тормоза! Ты же видишь — заносит!

— Я всё вижу.

— Ох, и грохнет он нас сейчас, — сказал Антон в пространство.

— Небось, небось, — приговаривал Вадим.

Экран помутнел. «Корабль» вошёл в атмосферу. Вспыхнула и пропала радуга на тучах твёрдого воздуха. Замелькали белые и чёрные пятна.

— Обдуй, — посоветовал Антон.

— Знаю.

— Ох, и валит тебя и кривит!

Вадим быстро сказал:

— Перехватишь управление — я тебе не друг.

— Вы, Вадим, и в самом деле не промахнитесь, — сказал Саул осторожно.

Карусель на экране прекратилась. Быстро надвинулось белое поле, потом экран потемнел и погас. «Корабль» вздрогнул.

— Вот и всё, — сказал Вадим. Он потянулся, хрустнув пальцами.

— Что всё? — спросил Саул. — Сломали?

— Сели, — сказал Антон. — Добро пожаловать на Саулу.

— Однако же вы лихой пилот, — сказал Саул Вадиму.

— Весьма лихой, — согласился Антон. — Знаешь, на сколько ты промахнулся, Димка? Километров на двести. Но экран выключить успел, молодец.

— Привычка, — небрежно сказал Вадим.

Антон встал.

— Между прочим, что такое «банный лист»? — спросил он.

Вадим тоже встал.

— Это, Тошка, вопрос тёмный. Есть такая архаическая идиома: «дрожать,<sup>25</sup> как банный лист». Банный лист — это такая жаровня. — Он стал показывать руками. — Её устанавливали в подах курных бань, и, когда поддавали пару, то есть обдавали жаровню водой, раскалённый лист начинал вибрировать.

Саул неожиданно захохотал. Он смеялся густо и с наслаждением, вытирая слёзы ладонью и топая башмаками. Никто ничего не понимал, и через минуту смеялись уже все.

— Забавный обычай, верно? — сказал Вадим, кашляя от смеха.

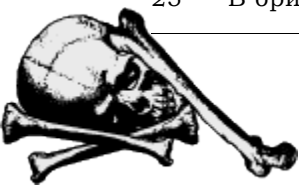
— Правда, Саул, отчего вы смеётесь? — спросил Антон.

— Ох! — сказал Саул. — Я так рад, что прибыл на свою планету...

Вадим перестал смеяться.

— В конце концов, я не славяновед, — сказал он с достоинством. — Моя специальность — структурный анализ.

25 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





— Ну,<sup>26</sup> ладно, — сказал Антон, — пойдёмте наружу.

Все пошли из рубки. Вадим, придерживая Саула под локоть, говорил:

— Это не мой вывод. Это наиболее распространённая гипотеза.

— Неважно, неважно, — быстро отвечал Саул. Он стал серьёзным. — Эта ваша гипотеза настолько далека от истины, что я не мог удержаться. Если я вас задел — простите...

— А вы как считаете? — спрашивал Вадим.

Саул раздражённо сказал:

— Нет такого выражения: «дрожать,<sup>27</sup> как банный лист». Есть выражения: «дрожать,<sup>28</sup> как осиновый лист» и «липнуть,<sup>29</sup> как банный лист».

— Но *липнуть*,<sup>30</sup> как лист — это примитивная метафора. Она восходит к липким листьям липы. Как может липнуть банный лист? Это же не лист растения. Чего ради листья каких-то растений попадут в баню? Это смешно!

Антон вскрыл мембрану люка. Крепкий морозный воздух хлынул в «Корабль». Саул оттолкнул Вадима и крикнул:

— Подождите! Пропустите меня, пожалуйста!

Антон, уже перенесший ногу через порог, остановился. Саул, держа над головой скорчер, протиснулся вперёд.

— Хотите ступить первым? — спросил Антон улыбаясь.

— Да, — пробормотал Саул. — Лучше я.

Он пролез в узкий люк и остановился, загораживая дорогу. Антон, лезший следом, боднул его головой.

— Вперёд, Саул, — сказал он.

Саул был как каменный. Сзади Вадим нетерпеливо постучал Антона по согнутой спине.

— Дайте же пройти, Саул, — попросил Антон.

Саул,<sup>31</sup> наконец,<sup>32</sup> посторонился, и Антон выбрался наружу. Вокруг был снег. И сверху падал снег большими ленивыми хлопьями. «Корабль» стоял среди однообразных круглых холмов, едва заметных на белой равнине. Под ногами из снега торчала короткая бледно-зелёная травка и много мелких голубых и красных цветов. А в десяти шагах от люка, припорошенный снегом, лежал человек.

26 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

27 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

28 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

29 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

30 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

31 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

32 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





## III

Вадим вылез из «Корабля» последним и сейчас же обратился к Саулу:

— Проще всего было бы проверить это по старинным словарям Даля и Ушакова. Но на борту...

Тут он заметил, что Саул его не слушает. Саул держал скорчер наизготовку<sup>33</sup> — стволом на согнутом локте, — и лицо у него было обеспокоенное. Глаза его бежали. Вадим быстро огляделся и тоже увидел человека.

— Вот тебе на, — растерянно сказал он.

Антон подошёл к лежащему, а Саул остался на месте. *Неужели я сбил его «Кораблём» при посадке?* — с ужасом подумал Вадим. Внутри у него всё сжалось от этой мысли. Он бросился вслед за Антоном и тоже наклонился над телом. Он только взглянул, затем сейчас же выпрямился и стал смотреть в сторону. Вокруг тянулись унылые холмы, заснеженные и одинаковые, небо было затянуто низкими облаками, а на горизонте угадывались бледные очертания горного хребта. *Какая печальная планета*, подумал он.

*И поля и горы —*

*Снег тихонько всё украл...*

*Сразу стало пусто.*

Антон опустился на колени и осторожно потрогал руку лежащего. Рука была узкая, белая, с тонкими фарфоровыми пальцами, длинные ногти отливали золотом.

— Ну? — сказал Вадим и глотнул.

Антон поднялся и тщательно стёр снег с голых колен.

— Замёрз. Несколько дней назад. И он очень истощён.

— Безднадёжно?

Антон кивнул.

— Это уже камень.

— *Камень...* — повторил Вадим. — Как же так? Смотри, он совсем мальчишка... — Он заставил себя смотреть на лицо мёртвого. — Смотри, он похож на Валерку! Помнишь Валерку?

Антон положил ему руку на плечо.

— Да, похож.

— Я так испугался. Я думал, что сбил его при посадке.

— Нет, он лежит уже несколько дней. Он упал от слабости и замёрз.

— Слушай, Антон, а почему он в рубашке?

— Не знаю. Пойдём на «Корабль».

Вадим не двинулся.

— Я не понимаю. Значит, мы не первые?

Он огляделся, ища взглядом Саула. Саула не было.

33 В оригинале «на изготовку» раздельно. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— Антон, может быть, ты ошибся? Может быть, ещё можно что-нибудь сделать?

— Пойдём, пойдём, Димка.

— А как же... он?

— Откуда я знаю? Пойдём.

Они увидели Саула. Саул медленно спускался по склону холма, скользя по сыроватому снегу. Они стояли и ждали, пока он не подошёл. Лицо у него было грустное, на щеках таяли большие снежинки. Колени были в снегу. Он подошёл, вынул изо рта погасшую трубку и сказал:

— Плохо дело, молодые люди. Там ещё четверо. — Он посмотрел на мёртвого. — Тоже раздеты. Что вы намерены предпринять?

— Идёмте в «Корабль», — сказал Антон, — там всё тщательно обдумаем.

В кают-компании они сели в кресла и некоторое время молчали. Вадима бил озноб. И почему-то очень хотелось говорить.

— Ну и планета! — сказал он, напрягая челюсти. — Никогда о таком не слышал. Ничего не понять. Что? Откуда? Почему? Ведь говорили, что никто здесь раньше не бывал. И главное — мальчик. Мальчик-то как сюда попал? — Он замолчал и закрыл глаза, стараясь прогнать видение припорошенного снегом лица.

Антон поднялся и стал ходить вокруг стола, опустив голову. Саул набил трубку.

— Разрешите мне закурить, — попросил он.

— Да, пожалуйста, — сказал Антон рассеянно. Он остановился. — Сейчас мы сделаем вот что, — решительно заговорил он. — У нас есть глайдер. Возьмём продовольствие и одежду и проведём спиральный поиск вокруг «Корабля». На холмах могут оставаться живые.

В голосе его звучали твёрдые, незнакомые Вадиму нотки. Вадим с любопытством поглядел на него, и Антон заметил его взгляд.

— Видите ли, товарищи, — сказал он мягче, — турпохода у нас не вышло. Обстоятельства, по-моему, чрезвычайные. Мне, наверное, придётся приказывать, а вам придётся подчиняться. — Он поглядел на Саула и виновато развёл руками. — Вы видите, Саул, ничего не поделаешь.

— Да, — сказал Саул. — Да. Конечно. Я готов, капитан. Приказывайте.

— А ты что, уже всё понял? — спросил Вадим.

— Потом поговорим, — сказал Антон. — Сначала надо вырастить глайдер. Пойдём, Вадим.

Саул положил трубку и тоже поднялся, поправляя на плече ремень скорчера.

— Спасибо, Саул, мы сами справимся, — сказал Антон.

— Я хотел бы с вами, — сказал Саул. — Я вам не помешаю, капитан.







Они вынесли Яйцо и уложили его на вершине холма поодаль. Снег пошёл гуще, снежинки щекотали щёки, и Вадим раздражённо размазывал их по лицу. Дул ветер, и было холодно стоять и смотреть, как Антон неторопливо и аккуратно укрепляет активаторы на гладкой поверхности механозародыша. Ветер обжигал голые рúки и нóги, и Вадим вдруг подумал, что, может быть, где-то за холмами бредут сейчас, проваливаясь в сугробы, босые люди в длинных серых рубахах.

Антон выпрямился и подышал на покрасневшие рúки.

— Кажется, так, — сказал он. — Проверь, Дима.

Вадим осмотрел расположение активаторов. Всё было в порядке. Они пошли обратно к «Кораблю». Саул шёл следом — он всё время держался у них за спиной. «Корабль» уже набирал энергию, он чёрной горой возвышался на белом, изогнутая верхушка его следила за невидимой ЕН 7031. По дороге Вадим сорвал несколько цветков и пожалел их — какие они жалкие и бледные.

*И живых и мёртвых —*

*Снег тихонько всё украл...*

*Сразу стало пусто.*

Снег валил всё сильнее и сильнее, и, когда они подошли к «Кораблю», Саул сказал:

— Скоро всё заметёт. Неплохо бы произвести вскрытие.

— Зачем? — сказал Антон. — Он безнадёжно мёртв.

— Вот именно. Надо бы выяснить, *почему* они умерли.

— Они замёрзли, — сказал Антон. — И не нужно нам никакого вскрытия.

— Мне казалось... — начал Саул, но тут же замолчал и полез в люк.

В кают-компании Антон сказал:

— Поймите, я не настоящий врач. Мне... не хочется.

— Я понимаю, — сказал Саул.

— Вадим, — сказал Антон, — упакуй продовольствие. Все наличные запасы. Саул, вы говорили, что умеете шить. Надо подогнать костюмы. А я соберу медикаменты.

Комбинезоны были безразмерные, но разница в росте между Саулом и Антоном была слишком велика. Комбинезон для Антона надо было сжимать, а для Саула — растягивать. И сразу же выяснилось, что *шить Саул не умеет*. Он растерянно вертел в руках ультразвуковую насадку, мял и разглаживал костюмы и смущённо поглядывал на Антона. По-видимому, историки, сидя в своих уютных кабинетах, понятия не имели о таких простых вещах. Вероятно, их главным образом интересовало, *как это делалось раньше*. Вадиму пришлось отобрать у Саула насадку и показать, *как это делается сейчас*. К его изумлению, историк оказался понятлив, и через несколько минут каждый уже занимался своим делом.

Саул сказал, не поднимая головы́ от работы:

— Почему вы думаете, капитан, что остались ещё живые?





— Я не думаю, — ответил Антон. — Я надеюсь.

Вадим кончил укладывать мешок, застегнул его и присел к столу.

— А те остальные четверо тоже молодые? — спросил он.

— Да, — сказал Саул. — Совсем мальчишки. Почти подростки. Гораздо моложе вас.

— Лет пять назад, — проговорил Вадим, — мы с ребятами хотели взять корабль и слетать на Тагору. Нам, конечно, не дали... Может быть, *этим* повезло?

— Непонятно, — сказал Антон. — Корабль может получить только пилот со стажем. А какой у этих стаж... Мальчишки! Вообще всё непонятно. Золочёные ногти. Какие-то дикие рубахи на голое тело... И главное, как они попали сюда?

— Очень просто, — сказал Вадим. — Кто-нибудь собирался лететь, оставил звездолёт перед домом, они ночью забрались и стартовали. Играли в Румату-Искателя. А здесь вылезли и заблудились. Ударил мороз. Вот и всё.

— То, что ты говоришь, — холодно сказал Антон, — совершенно невозможно. — Если бы даже всё было так, то я бы об этом знал. Они погибли несколько дней назад. На Земле был бы объявлен глобальный поиск.

— А если они здесь с кем-нибудь из старших?

Антон помолчал.

— Тогда поищем старших, — сказал он наконец.

— Меня смущает одно, — сказал Вадим. — Эти невообразимые рубахи...

— Это не рубахи, — сказал Саул неожиданно.

Ребята повернулись к нему.

— Это мешки. С дырками для головы и рук. Грубые джутовые мешки. Теперь таких не бывает. — Он невесело усмехнулся. — Понимаете, Вадим, мальчикам было бы легче раздобыть скорчер или батисферу, чем один такой вот мешок. Это было очень, очень давно. И мне очень не нравится, что они голые и что вместо одежды на них мешки.

Вадим почувствовал, что у него перестало биться сердце. Станным и жутким показалось ему это — джутовые мешки, которые были очень, очень давно. Это было ощущение не опасного, а именно жуткого. Как будто на твоих глазах человек вдруг стал стареть, стареть, стареть и превратился в дряхлого, морщинистого старика. Он встряхнулся, и ощущение пропало. Саул развернул комбинезон, поднял его на вытянутых руках и осмотрел.

— И поэтому я не согласен с вами, — продолжал он. — Я думаю, это местные жители. И... не знаю, поймёте ли вы меня... Во времена джутовых мешков происходили странные вещи. Мне представляется, что этих юношей раздели до нитки. И бросили здесь, в пустыне. Примерьте, Антон.

Антон взял комбинезон.

— Значит, по-вашему, на Сауле существует своя цивилизация? — недоверчиво спросил он. — И здесь времена джутовых мешков?





— Ну, откуда я могу это знать, капитан? Я говорю только то, что вижу. Я вижу джутовые мешки, я знаю, что джутовых мешков на Земле в наше время нет. Значит, это не земляне. Может быть, это ограбленные. А может быть, это паломники. Фанатики. Шли на поклонение святым мощам, шли, по обету одетые в мешковину, сбились с дороги, попали в метель... Не знаю.

До Вадима всё это плохо доходило. Все эти слова — «паломник», «мощи», «обет» — они были знакомы ему, это было что-то связанное с религиозной обрядностью, но они не имели для него никакого реального содержания. Мельком он подумал с уважением, что *Саул, по-видимому, настоящий специалист*. Но не это поразило его.

— Позвольте, — сказал он. — Значит, цивилизация? Вот так так... Отправились на прогулку и между делом открыли цивилизацию! Не верю, — заявил он.

— Между делом, — сказал Антон задумчиво. — Между делом ли? ЕН 7031 значится в плане исследований...

— Да, ты говорил об этом. Экспедиция не состоялась.

— Экспедиция не состоялась. А между тем ЕН 7031 находится в списке звёзд, лежащих на гипотетическом пути Странников.

— Никогда не слышал о таком списке, — сказал Вадим.

— Такой список есть. Список Горбовского — Бадера. Так что шансы найти цивилизацию были, Вадим. И может быть, Саул прав, это местные мальчишки. А вот какое они имеют отношение к Странникам — это уже другой вопрос...

Вадим сидел, поставив локти на стол и обхватив голову руками. *Вот так цивилизация! Хорошо, думал он, пусть это жертвы грабителей. Но это же чушь: здоровые шестнадцатилетние мальчишки дали себя раздеть без сопротивления и покорно замёрзли. Но не фанатики же они!* Он представил себе фанатика. Это был измождённый плешивый старик с безумными глазами, с огромной ржавой цепью через плечо. *Нет, подумал он. Какие это фанатики! ... Может быть, это сами Странники? Да. В джутовых мешках.* Он вспомнил циклопические сооружения, оставленные Странниками на Владиславе, и его охватила тоска. Такая тоска наваливалась на него каждый раз, когда он брался за непосильную задачу.

— Антон, — сказал он. — Как там глайдер?

Антон взглянул на часы.

— Пора, — сказал он. — Пойдёмте. Одевайтесь и берите по мешку.

— Позвольте, однако же, уточнить, — сказал Саул. — Что мы будем искать?

Вадиму показалось, что Антон колеблется.

— Мы будем искать терпящих бедствие.

Саул застегнул комбинезон.

— А если, по счастью, здесь больше никто не терпит бедствие? Я имею в виду вариант с грабителями.

— При этом варианте я бы не стал стесняться, — пробормотал Вадим.





— При любом другом варианте, — раздельно сказал Антон, — прошу не делать ни одного движения без моего приказа.

Он пошёл к двери.

— Вы не берёте оружия? — спросил Саул.

— Нам не понадобится оружие, — ответил Антон.

— Хватит здесь мертвецов, — сказал Вадим.

Они вышли из «Корабля» и сразу провалились в глубокий снег. Глайдер был еле виден за белой завесой. Это был глайдер-антиграв «кузнечик», надёжная шестиместная машина, очень популярная у десантников и следопытов. Он стоял на краю громадной ямы-проталины, откуда поднимался густой пар, и гладкие борта его были ещё тёплыми, а в кабине было даже жарко.

Они свалили мешки в багажник и забрались в машину под гладкий прозрачный фонарь.

— Ах, досада! — сказал Антон неожиданно. — Димка, прости, пожалуйста. Ведь тебе для перевода, наверное, понадобится анализатор.

— Для какого перевода? — спросил Саул.

Вадим потёр подбородок.

— Анализатор — не анализатор, — сказал он медленно, — а без мнемокристаллов на первый случай не обойтись. Придётся кому-то сходить в «Корабль».

— Эх, — сказал Антон и полез из глайдера. — Сколько тебе их нужно?

— Одной пары будет достаточно. Только бери с присосками, чтобы не держать в руках.

Антон побежал по снегу к «Кораблю».

— О чём здесь шла речь? — осведомился Саул.

— Надо же будет как-то общаться с людьми, если мы их найдём, — ответил Вадим.

Он включил двигатель, мягко поднял глайдер и снова опустил.

— И вы об этом *так*, — Саул пошевелил пальцами, — легко говорите?

Вадим посмотрел на него с удивлением.

— А как я должен говорить?

— Ну да, естественно, — сказал Саул.

«Вот странный человек, — подумал Вадим. — Неужели он действительно всю свою жизнь просидел в своём кабинете, слушая Мендельсона?»

— Саул, — сказал он. — После работ Сугимото общение с гуманоидами — задача чисто техническая. Вы что, не помните, как Сугимото договорился с тагорцами? Это же была большая победа, об этом много писали и говорили...

— Ну как же! — с энтузиазмом произнёс Саул. — Как такое забудешь! Но я думал почему-то, что... э-э... на это способен только Сугимото.







— Нет, — сказал Вадим пренебрежительно. — Это может сделать любой структуральный лингвист.

Вернулся Антон, сунул Вадиму коробку с кристаллами и забрался на своё место.

— Вперёд, — сказал он. Затем посмотрел на Саула. — Что тут у вас произошло?

— А в чём дело?

— Мне показалось... Ну, это неважно. Вперёд.

— Слушай, — сказал Вадим, глядя на еле заметный снежный холмик возле «Корабля». — Нехорошо оставлять их *так*. Может, сначала похороним?

— Нет, — сказал Антон. — Честно говоря, даже на это мы не имеем права.

Вадим понял. *Это не наши мёртвые, и не нам хоронить их по нашим законам.* Он взялся за рукоятку руля и включил двигатель. Глайдер плавно взмыл над сугробами и кинулся в белую мглу.

Вадим сидел, привычно ссутулившись, и только чуть шевелил руль, проверяя устойчивость. Навстречу мчался снег. Вадим видел только белую тысячехвостую звезду, центр которой медленно плавал перед его глазами. Он включил поисковые локаторы.

— Что это за экраны? — спросил позади Саул.

Вадим объяснил:

— Во-первых, я ничего не вижу, а во-вторых, их могло засыпать снегом.

— Спасибо, — сказал Саул. — Я понял.

Глайдер выскочил из метели. Он нёсся над заснеженной холмистой равниной. Вадим медленно наращивал скорость, и двигатель густо свистел, и бешено неслись под днищем округлые вершины холмов. Небо было совершенно белое, невысоко над горизонтом справа светилось слепящее пятно — ЕН 7031, а на севере отчётливо проступили очертания скалистых гор. Слепящее пятно медленно смещалось вправо и назад: глайдер шёл по десятикилометровой дуге вокруг «Корабля». И впереди, и справа, и слева были только холмы, холмы, холмы. Антон вдруг сказал:

— Глядите, стадо!

Вадим затормозил и развернулся. Глайдер повис неподвижно. В ложбине между холмами быстро двигалась кучка каких-то животных. Это были некрупные четвероногие, похожие на безрогих оленей, и они, выбиваясь из сил, прыгали, проваливаясь в снег, закидывая назад длинные черноносые головы. Тонкие ноги их застревали в сугробах, и они падали, барахтались, поднимая тучи снежной пыли, и снова вскакивали, и снова бежали, изгибаясь при каждом прыжке. За ними оставалась борозда взрытого снега. А по этой борозде, низко пригнув длинные вытянутые шеи, мчались на голых голенастых ногах громадные, похожие на страусов птицы. Только клювы у этих птиц были не как у страусов — мощные, горбатые, с загнутым вниз страшным остриём.





Вадим спикировал и пошёл вдоль ложбины. Стадо пробежало под глайдером, даже не заметив его, а птицы — их было три — разом остановились, присели на согнутых ногах и, задрав головы, страшно разинули клювы. *Какая охота*, мельком подумал Вадим, *какая могла бы быть охота!* Он снова поднял глайдер и перевёл его в джамп-режим. Совсем близко, едва не царапнув по спектролиту фонаря, щёлкнули чудовищные клювы и сразу исчезли. Теперь глайдер мчался двухкилометровыми прыжками, взлетая к низкому небу, и каждый раз равнина словно распаивалась внизу, и было видно, что на десятки километров вокруг тянется бескрайняя снежная пустыня.

— Плохо дело, — пробормотал Саул.

— Почему?

— Птицы...

*Ну и цивилизация*, подумал Вадим. *Не могли организовать поиск. Дали мальчишкам уйти голыми, безоружными. Здесь, наверное, и шагу нельзя пройти без оружия. А ведь смелые, наверное, были ребята...*

Глайдер замкнул десятикилометровый виток и начал второй, в двадцать километров. И сейчас же Антон сказал:

— Вот они откуда, наверное. Тридцать градусов вправо по курсу!

На краю равнины под серо-синей массой хребта виднелись какие-то смутные, правильной формы тёмные пятна.

— Похоже на большой населённый пункт, — сказал Саул. — Здесь нет бинокля?

Спектролит фонаря рассеивал дымку, и Вадим, нагнувшись к окулярам, различил очертания зданий, зубчатых стен и куполов.

— Город, — сказал он. — Что будем делать?

— *Город?* — спросил Саул. — Любопытно. И сколько до него?

— Километров пятнадцать.

— Так. Значит, до «Корабля» от города километров тридцать... При известной выдержке это можно пройти даже босиком.

Вадима передёрнуло.

— В жизни не стал бы пробовать, — пробормотал он.

Глайдер, чуть подрагивая под порывами ветра, висел в двух десятках метров над землёй. *До чего же здесь всё нелепо устроено*, думал Вадим. *Где поисковые партии? Где глайдеры и вертолёты с добровольцами? Люди замёрзли рядом с городом, и здесь на десятки километров вокруг ни одной живой души, кроме этих птичек. А птичкам здесь как раз совершенно нечего делать. Надо было их выбить ещё сто лет назад и не устраивать под боком заповедника хищников. И чего медлит Антон? Почему бы нам не явиться в город и не наставить обитателей на путь истинный? Честное слово, формальностями первого контакта можно для такого случая пренебречь.* Он поглядел на Антона.





Антон медлил. Он сидел, выпрямившись, сильно прищулив глаза и сжав губы. Такое лицо у него было, когда он решал в уме навигационную задачу.

— Итак, шкип? — сказал Вадим.

Лицо Антона приняло обычное выражение.

— Честно говоря, — проговорил он, — нам следует сейчас вернуться на «Корабль». Но... Вперёд. Остановишься на окраине. Держись повыше.

Глайдер преодолел расстояние до города в три прыжка, и уже в конце второго Вадим понял, что *это не город*. Во всяком случае, он сразу понял, *почему* здесь никто не беспокоится о судьбе пропавших мальчиков.

— Здесь произошёл ужасный взрыв, — пробормотал за спиной Саул.

Глайдер повис над краем исполинской воронки, похожей на жерло действующего вулкана. Воронка шириной в полкилометра была до краёв наполнена тяжёлым шевелящимся дымом. Дым был сизый, и он лениво слоился и покачивался и был, вероятно, намного тяжелее воздуха, потому что ни одной струйки не поднималось над воронкой. Со стороны казалось, что это не дым, а жидкость. К краям воронки лепились засыпанные снегом развалины. Из сугробов торчали обглоданные остатки разноцветных стен, покосившиеся башни, скрученные металлические конструкции, проломленные купола.

Вадим ошеломлённо глядел вниз. Саул бормотал невнятно:

— Ну, это нам знакомо... Бомбёжка... Взорвались склады... И совсем недавно — дым ещё не рассеялся, что-то там горит...

Вадим помотал головой:

— В таком городе жить нельзя. Люди разбежались кто куда, конечно. Удивительно, что мы нашли только пятерых.

— Остальные там, — сказал Саул, глядя в воронку.

— Это не цивилизация, а безобразие, — проворчал Вадим. — Что за подлое легкомыслие? Кто же ставит такие опыты в городе? Нужно быть последним...

Антон сказал негромко:

— А вон там идут машины...

С севера к воронке подходила узкая, едва заметная отсюда лента дороги. По ней густо и неторопливо ползли тёмные точки. Ага, подумал Вадим, *значит, ещё не всё потеряно*. Он повернул глайдер, пересёк воронку, и они увидели превосходное шоссе, уходящее прямо в дым, а на шоссе — бесконечную колонну машин. Машины занимали всё полотно шоссе. Они плотным строем шли с севера, только с севера, плоские зелёные машины, похожие на пассажирские атомокары, но без ветрового стекла; маленькие бело-синие машины, тащившие за собой длинный хвост пустых открытых платформ; оранжевые машины, похожие на полевые синтезаторы; огромные чёрные башни на гусеницах и маленькие машины с широкими раскинутыми крыльями — все они неодолимо, ряд за рядом, в полном порядке катились по шоссе, с отчётливой точностью сохраняя интервалы и дистанции, и ряд за рядом скрывались в сизом дыму воронки.





— Это всего лишь автоматы, — сказал Вадим.

— Да, — сказал Антон.

— Значит, их кто-то посылает. Скорее всего, на восстановительные работы. И мы найдём людей на другом конце шоссе... — Вадим запнулся. — Послушайте, Саул, — сказал он, — а были такие машины в эпоху джутовых мешков?

Саул не отвечал. Как замороженный он глядел вниз, и на лице его были восхищение и благоговение. Он поднял на Вадима вытаращенные глаза. Мохнатые брови его торчали дыбом.

— Какая техника! — проговорил он. — Какое гомерическое шествие! Какие грандиозные масштабы! Им конца нет!

Вадим удивился и тоже посмотрел вниз.

— А что такое? — спросил он. — А! *Масштабы?* Да, масштабы *безобразные*. На восстановление города хватило бы десятка киберов.

Он снова посмотрел на Саула. Саул быстро замигал.

— А мне вот нравится, — сказал он. — Это же *очень* красиво. Разве вы не видите, что *это* красиво?

— Вадим, — сказал Антон, — давай вдоль шоссе. Разбираться так разбираться.

Вадим пустил глайдер. Поток машин внизу слился в пёструю полосу.

— Вот теперь красиво, — сказал Вадим. — Но вы мне не ответили, Саул. Совмещаются джутовые мешки с этой техникой?

— А почему же нет? Из разрушенных городов люди убегали и вовсе без ничего. Дались вам эти джутовые мешки! Джутовые мешки существовали несколько веков. Дешёвая удобная вещь. Дрова носить, например.

— Какие дрова?

— Деревянные. Баню топить.

Вадим вспомнил про банный лист и замолчал, глядя вперёд. Ни конца шоссе, ни конца колонне машин видно не было. По обе стороны шоссе уходила к горизонту нетронутая заснеженная равнина. Вадим прибавил скорость. *Какое-то бессмысленное предприятие*, размышлял он. *Уходят в дым, как в пропасть*. Он прикинул возможные размеры воронки и количество падающих в неё машин. *Получалась нелепость*. Впрочем, я не инженер. Рядовой гуманоид с Тагоры — они там все инженеры — решил бы, что это шоссе — просто довольно большой конвейер, несущий детали какой-то средних размеров машины, которую собирают под землёй. А вот простой *буколический*<sup>34</sup> леонидянин был бы убеждён, что это стада животных, перегоняемых с пастбища на бойню.

— Антон, — позвал он. — Представляешь леонидян на нашем месте?

Антон ответил:

— Глупый леонидянин вообразил бы, что всё ясно. А умный сказал бы, что информации недостаточно.

34 Буколика — художественный жанр, идеализированно изображавший пастушескую жизнь и сельский быт на фоне природы. Детально про буколику см. 176. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))







Да, информации недостаточно. Все машины идут на юг, и ни одна не возвращается. Если они действительно идут на восстановление города, то они восстанавливают его из самих себя. А почему бы, собственно, и нет?

— Вы знаете, — сказал вдруг Саул, — мне даже как-то страшно. Сколько мы уже прошли? Километров сорок? А они всё идут и идут.

— Лучше бы они пустили эту технику, чтобы искать разбежавшихся, — сказал Вадим.

— Ну, это вы зря, — возразил Саул. — В такой каше не до отдельных людей.

— Как это так — не до людей? Для кого же они город восстанавливают? Тем мальчикам город уже не нужен...

Саул пренебрежительно махнул рукой.

— Во время взрыва погибло, наверное, тысяч десять таких мальчиков. Жалко, конечно, да не до них.

Вадим взбеленился. Глайдер рыскнул в сторону.

— Вы, Саул, извините меня, но ваш уютный кабинет и занятия историей повлияли на вас странно. Вы рассуждаете, как я не знаю кто. Вы ещё нам тут скажете, что *цель оправдывает средства*.

— А что же, — согласился Саул хладнокровно, — бывает, что и оправдывает.

Вадим сдержался. *Кабинетный реликт*, подумал он. *А вот оставь его без штанов в снегу, и он будет страшно обижен, почему вся техника Планеты не спешит к нему на помощь*. Тут Вадим увидел просёлок и резко затормозил.

Просёлок уходил от шоссе на восток, петляя между холмами.

— Это первая дорога в сторону, — сообщил Вадим. — Будем сворачивать?

— Да не сто́ит, — сказал Саул. — Ну, что там может быть интересного?

Антон колебался. *Ну что он всё время мямлит*, с раздражением подумал Вадим. *Словно подменили человека*.

— Так как же? — сказал он. — Я за то, чтобы идти дальше по шоссе.

— Я тоже, — сказал Саул. — Вернуться мы всегда успеем. Ведь правда, Вадим?

— Хорошо, лети прямо, — нерешительно сказал Антон. — Лети прямо. Хотя... имейте в виду... Ладно, лети прямо.

Вадим снова погнал глайдер вдоль шоссе.

— Что с тобой сегодня, Тошка? — осведомился он. — Ты мямлишь, как витязь на распутье: *пойдёшь направо — глайдер потеряешь, пойдёшь налево — голову потеряешь...*

— Вперёд, вперёд смотри, — ответил Антон спокойно.

Вадим пожал плечами и стал демонстративно смотреть вперёд. Через пять минут он увидел впереди серое пятно.

— Опять яма с дымом, — сказал он.





Это была точно такая же воронка. Край её были запорошены снегом, в ней тяжело колыхался всё тот же сизый дым, и из дыма непрерывным потоком поднимались машины.

— Нечто подобное я ожидал увидеть, — сказал Антон.

— Но здесь же нет людей, — растерянно сказал Вадим. — Мы опять ничего не узнаем.

Странная мысль поразила его. Он взглянул на компас и нагнулся к окулярам. Развалин по краям воронки не было. *Это была другая воронка.*

— Потрясающе, — сказал Саул. — Выходят из дыма и уходят в дым.

— Давайте поворачивать, — нетерпеливо сказал Вадим. Он уставился на Антона. На лице Антона была опять та же отвратительная нерешительность.

— Виноват, — сказал Саул. — Пройти мимо такого удивительного феномена! ...

— Да какой там *феномен!* — вскричал Вадим. — Что вы всё восхищаетесь? Какой-то бездарный инженер перебрасывает машины через Подпространство... Нашёл место для нуль-транспортировки! Развалил город, бесталанный дурак... Ну, что ты всё размышляешь, Антон?

— Шумно у нас что-то стало, — сказал Антон, глядя в сторону.

— Ну, а в чём дело? Тебя что, интересуют местные производственные процессы?

— Да нет... — вяло сказал Антон. — Какое мне до них дело?

Вадим повернулся вместе с креслом кругом, упёр руки в колени и принялся рассматривать по очереди Антона и Саула. У Антона был такой вид, словно он засыпает. Он даже руки сложил на животе и сцепил пальцы. А Саул смотрел на Вадима с выражением какого-то удивлённого восхищения и умиления. Рот у него был полуоткрыт.

— В чём дело? — сказал Вадим. — Чего вы оба нанюхались?

Саул встрепенулся.

— Да, конечно! — воскликнул он. — Как я сразу не подумал! Всё понятно: имеем две дыры на расстоянии восьмидесяти километров. Из одной дыры выходят машины, проходят по превосходной автостраде и безо всякого видимого эффекта уходят в другую дыру. Из другой дыры они по подземному ходу возвращаются в первую...

Вадим тяжело вздохнул.

— Они *не возвращаются в первую*, — сказал он. — Это нуль-транспортировка, понимаете? (*После каждого слова Саул истово кивал.*) Элементарная нуль-транспортировка. Кто-то использует это место, чтобы перегонять технику на большие расстояния кратчайшим путём. Может быть, на тысячи километров. Может быть, на тысячи парсеков. Неужели не понятно?

— Да нет, почему же, всё понятно! — воскликнул Саул. Вид у него был несколько обалделый. — Чего тут не понять? *Типичная нуль-транспортировка...*





— Ну да, — сказал Вадим. — И нет нам до неё никакого дела. Людей надо искать!

— Хорошо, — сказал Антон. — Будем искать людей. Поворачивай на просёлок.

Вадим развернул глайдер и погнал его по шоссе обратно.

— Антон, ты что, плохо себя чувствуешь? — спросил он, помолчав.

— Чувствую я себя неважно, — сказал Антон. — Потом не забудь подтвердить это, если тебя спросят...

— Кто спросит?

— Спросят, — сказал Антон. — Будут такие... интересующиеся...

Вадим не стал расспрашивать — было ясно, что *это бессмысленно*. Он посмотрел на машины внизу, затем на спидометр.

— Примитивные автоматы, — пробормотал он. — Постоянная скорость, постоянные интервалы... Стоило из-за них сворачивать пространство...

Показался просёлок.

— Как лететь? — спросил Вадим. — Над просёлком или срезать?

— Над просёлком, — ответил Антон. — И спустись пониже.

Вадим с удовольствием опустился почти к самой земле и пошёл точно над дорогой — он очень любил быструю езду с крутыми поворотами. Сбоку, прыгая на неровностях, неслась по снегу округлая тень глайдера.

— Ну вот, опять птицы, — сказал Саул сердито.

Впереди у самой дороги топталось несколько давешних голенастых чудовищ. Они разгребали когтистыми лапами сугробы и шарили в разрыхлённом снегу. Когда глайдер приблизился, они разом присели на лапы, закинули шеи и распахнули чёрные клювы. С клювов свисали какие-то лохмотья.

— Что за мерзкие твари! — сказал Саул с отвращением. Он перегнулся на сиденье и поглядел назад. — Что они там выкапывают?

Вадим вдруг понял, *что* они там выкапывают, но это было так страшно, что он не поверил.

— Вы не видели тахоргов, Саул, — сказал он с принуждённой веселостью. — По сравнению с тахорами это желтоносые цыплята. Надо будет подстрелить одну, Антон, а?

— Можно, — сказал Антон.

Саул сел прямо.

— Мне не нравится, что они там что-то выкапывают, — сказал он мрачно.

Никто не ответил. Так в молчании они летели ещё минут десять. Снег на просёлке был какого-то скверного навозного цвета. На нём виднелись следы не то гусениц, не то колёс, а справа и слева по снежной целине местами тянулись цепочки человеческих следов. Круглые холмы по сторонам были пусты. Кое-где из сугробов торчали чахлые прутьики да чёрные кривые корни, похожие на скрюченные рúки.





— Ещё одна, — сказал Саул.

На вершине холма стояла птица. Заметив глайдер, она стремительно ринулась наперерез. Она мчалась, высоко задирая ноги, растопыбив маленькие крылья, вытянув жилистую шею и пригнув клюв к самому снегу. Маленький горящий глаз был устремлён на глайдер.

— Не успеет! — с сожалением проговорил Вадим.

Но птица успела. «Тэ-эк!» — крикнул Вадим с удовольствием. Глайдер содрогнулся. В воздухе мелькнула растопыренная когтистая лапа. Антон и Саул сейчас же обернулись.

— Ещё катится! — сообщил Саул. — На редкость мерзкое животное... Ух ты! — изумлённо воскликнул он.

Вадим сейчас же включил экран заднего вида. Взъерошенная птица была уже на ногах и, прихрамывая, мчалась следом за глайдером. Вид у неё был остервенелый. Скоро она отстала и скрылась за поворотом.

— Если мы встретим людей, — сказал Вадим, — я им предложу истребить эту мерзость на всей равнине. Раз у них у самих руки не доходят... Как ты полагаешь, Тошка?

— Там видно будет, — сказал Антон.

## IV

Холмы стали ниже, и вдруг впереди открылся высокий снежный вал. Антон сразу заметил крошечные чёрные фигурки, копошившиеся на его гребне. Ну, начинается, подумал он и сказал:

— Останови.

— Зачем? — возразил Вадим. — Ты что, не видишь — там люди!

— Останови, говорят тебе!

— Ну вот, — недовольно сказал Вадим, но повиновался.

*Сейчас он повернётся и посмотрит на меня с неодобрением, подумал Антон. До чего же мне трудно...*

Ему было трудно. Шанс столкнуться с неизвестной цивилизацией был чрезвычайно мал, но реален, и каждый звездолётчик знал инструкцию Комиссии по контактам, запрещающую самостоятельные контакты с неизвестными цивилизациями. *Теперь глупо отступить, думал он. Надо было покинуть Саулу сразу же, едва мы увидели трупы. Надо было...* Только никто бы этого не сделал. И всё же существует инструкция. И составлена она как раз на такой вот случай — когда у тебя в экипаже один так и горит от жажды деятельности, а другой вообще непонятно чего хочет. А самого тебя раздирают противоречия. Ведь почти наверняка где-то поблизости тысячи людей терпят бедствие. Во-он те самые человечки, которые бессмысленно бродят по гребню... И Димка смотрит с неодобрением... И Саул смотрит с совершенно неуместным любопытством. Историк со скорчером. Кстати, не забыть о скорчере... И инструкция, очень толковая и простая инструкция: «...никаких самостоятельных контактов с аборигенами...» Очень просто: вышел,







осмотрелся, заметил признаки живой цивилизации и... «необходимо немедленно покинуть планету, тщательно уничтожив все следы своего пребывания». А у меня там огромная яма из-под глайдера, а рядом с ямой — пять трупов...

— Ну, в чём дело? — спросил Вадим. — Приступ меланхолии?

Разумеется, структуральные лингвисты и историки понятия не имеют об инструкции. Объяснить им — наверняка воспримут как личное оскорбление: «Мы не дети! Сами знаем, что хорошо, а что плохо!»

Тут Антон обнаружил, что глайдер медленно ползёт по направлению к валу. И он решился.

— Поднимайся на гребень, — сказал он. — Сядь подальше от людей. И вот что, товарищи. Я вас очень прошу. Не устраивайте вы там братства цивилизаций.

— Мы не дети, — с достоинством сказал Вадим, увеличивая скорость.

Глайдер рывком взлетел на гребень вала. Вадим откинул фонарь, высунулся и изумлённо свистнул. Внизу за валом открылся гигантский котлован, и там было полно людей и машин. Но Антон не смотрел вниз.

Он с ужасом и жалостью смотрел на сторбленного, синего от стужи человека в рваном джутовом мешке, который медленно, с трудом переставляя ноги, шёл прямо на глайдер. Лицо его казалось пёстрым от коросты, голые руки и ноги были покрыты цыпками, слипшиеся грязные волосы торчали во все стороны. Человек скользнул по глайдеру равнодушным взглядом и, обогнув его, пошёл дальше по гребню. Оступаясь, он жалобно и привычно постанывал. *Это же не человек*, подумал Антон, *это же только похоже на человека...*

— Господи боже мой! — хрипло воскликнул Саул. — Что же там делается!

Тогда Антон посмотрел вниз. На дне котлована на грязном растоптанном снегу среди десятков разнообразных машин копошились, сидели и даже лежали, бродили и перебегали люди, босые люди в длинных серых рубахах. Вокруг на границе цельного снега люди стояли неровными, изломанными шеренгами. Их было много — сотни, а может быть, и тысячи. Они стояли понуро, глядя себе под ноги. Кое-где в шеренгах были видны лежащие, и на них никто не обращал внимания.

Машин в котловане было несколько десятков. Некоторые из них зарылись в землю, другие были скрыты под снегом, но Антон сразу увидел, что это такие же машины, как и те, что двигались по шоссе. Несколько машин судорожно дёргались, разбрызгивая комья грязи и снега, безо всякого порядка и видимой цели.

Антон вдруг сообразил, что в котловане несоответственно тихо. Тысячи людей находились там, а слышно было только приглушённое ворчание механизмов,<sup>35</sup> да изредка пронзительные жалобные выкрики.

И кашель. Время от времени кто-то где-то начинал хрипло, надсадно кашлять, задыхаясь и сипя, так что начинало першить в горле. Этот кашель немедленно подхватывали десятки глоток, и через несколько секунд

35 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





котлован наполнялся трескучими сухими звуками. На некоторое время движение людей останавливалось, затем раздавались жалобные выкрики, резкие, как выстрелы, щелчки, и кашель прекращался...

Антону было двадцать шесть лет, он давно уже работал звездолётчиком и повидал многое. Ему приходилось видеть, как становятся калеками, как теряют друзей, как теряют веру в себя, как умирают, он сам терял друзей и сам умирал один на один с равнодушной тишиной, но здесь было что-то совсем другое. Здесь было тёмное горе, тоска и совершенная безысходность, здесь ощущалось равнодушное отчаяние, когда никто ни на что не надеется, когда падающий знает, что его не поднимут, когда впереди нет абсолютно ничего, кроме смерти один на один с безучастной толпой. Не может быть, подумал он. Просто очень большая беда. Просто я никогда ещё не видел такого.

— Никогда мы не сможем им помочь, — пробормотал Вадим. — Тысячи людей, и у них ничего нет...

Антон пришёл в себя. Два десятка грузовых звездолётов, подумал он. Одежда. Пять тысяч комплектов. Еда, десяток полевых синтезаторов. Госпиталь, штук шестьдесят домов. Или мало? Может быть, здесь не все? И может быть, не только здесь? ...

Хорош бы я был, если бы приказал с шоссе вернуться на «Корабль», подумал он с удовлетворением.

Они стояли молча, не выходя из глайдера. Было непонятно, чем заняты люди на дне котлована. Они возились с машинами. Наверное, машины были их надеждой. Может быть, они хотели исправить их или использовать, чтобы выбраться из снежной пустыни.

Вадим сел и включил двигатель.

— Стой, — сказал Антон. — Ты куда?

— На Землю, — ответил Вадим. — Нам не справиться.

— Выключи двигатель. Начинаются нервы.

— При чём здесь нервы? Нашими семью хлебами ты их не накормишь.

Антон поднял мешок с медикаментами и перебросил через борт. Потом он поднял мешок с продовольствием.

— Возьмите, — сказал он Саулу. — Вадим, приготовь свой транслятор. Будешь переводить.

— Зачем это? — сказал Вадим. — Зачем так усложнять? Мы только потеряем время, а здесь умирают каждую минуту, наверное.

Антон перебросил через борт мешок с продовольствием.

— Узнаем, сколько их. Узнаем, что им нужно. Узнаем всё. С чем ты собираешься возвращаться на Землю?

Вадим, не говоря ни слова, спрыгнул в снег и взял на плечо мешок с медикаментами. Антон выжидательно посмотрел на Саула. Саул вынул изо рта трубку.

— Всё это правильно, — проговорил он. — Но не берите еду.

— Почему? Самых слабых мы накормим сразу же.





— Не делайте глупостей. Они увидят еду. Они увидят одежду. Они вас растопчут вместе с вашими мешками.

— Это не для всех, — вразумляюще сказал Антон. — Мы объясним, что это для самых слабых.

Несколько секунд Саул с выражением странного сожаления глядел на него. Затем он спросил:

— Вы знаете, что такое толпа?

— Берите мешок, — тихо сказал Антон. — Что такое толпа, вы мне расскажете потём.

Саул со вздохом взвалил мешок на плечо и нагнулся за скорчером, валявшимся на сиденье.

— Нет, эту штуку вы оставьте, — попросил Антон.

— Нет, это я возьму, — возразил Саул. Он с сопением продел голову в ремень скорчера.

— Я вас прошу, Саул. Вы боитесь и можете выстрелить.

— Конечно, боюсь. Я боюсь за вас.

— Я понимаю, что не за себя, — сказал Антон терпеливо. Саул, оскалившись, полез через борт.

— Саул Репнин, — железным голосом сказал Антон. — Дайте сюда оружие!

Саул сел на борт.

— Вы не умеете стрелять, — заявил он.

— Умею, — сказал Антон, глядя ему в глаза.

И каждый раз так, с досадой подумал он. Каждый раз в самый важный момент объявляется кто-нибудь с нервами. И приходится урезонивать, вместо того чтобы заниматься делом.

Саул отдал скорчер. Антон сунул оружие за пазуху и прыгнул в снег рядом с Вадимом. Вадим с мешком на плече стоял, наклонив голову, и, поправляя на виске мнемокристалл, с любопытством следил за действиями шкипа.

— Так я возьму третий мешок, — сказал Саул,<sup>36</sup> как ни в чём не бывало.

— Да, пожалуйста, — сказал Антон вежливо.

Они стали спускаться в котлован.

— В случае чего, — сказал Саул, — стреляйте в воздух. Все сразу разбегутся.

Антон не ответил. Он думал, как действовать дальше.

— Вадим, — окликнул он. — Ты сумеешь с ними договориться?

— Как-нибудь. Главное — ты. Будь ты настоящим врачом, я бы ни о чём не беспокоился.

36 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





Да, подумал Антон, если бы я был настоящим врачом... Конечно, они гуманоиды. И анатомия их, наверное, не очень отличается от нашей. Но вот физиология... Он вспомнил, какие ужасные последствия вызвало применение простого йода гуманоидами на Тагоре.

— Хорошо было бы разобраться в машинах, — озабоченно сказал Вадим. — Мы бы вывезли их отсюда. Может быть, им больше ничего и не нужно. Только почему им никто не помогает? Что за нелепая планета! ... Не удивляюсь, если у них взорвались сразу все городá...

Они уже прошли половину склона, когда Саул попросил:

— Подождите минуточку.

Все остановились.

— Что случилось? — спросил Антон. — Устали?

— Нет, — сказал Саул. — Я никогда не устаю. — Он пристально всматривался во что-то внизу. — Видите такую уродливую машину с краю? Во-он ту, самую ближнюю. На крыле — человек в сером...

— Вижу, — неуверенно сказал Антон.

— Ну-ка, ну-ка... У вас глаза помоложе.

Антон напряг зрение.

— Сидит человек, — сказал он и вдруг замолчал. — Странно... — пробормотал он.

— Там сидит человек в меховой одежде, — объявил Вадим. — Вот что я вижу. Закутан в меха до глаз.

— Ничего не понимаю, — сказал Антон. — Может быть, это больной?

— Может быть, — сказал Саул. — А вон ещё двое больных. Я давно на них смотрю. Далеко только очень...

На противоположной стороне вала на фоне белесого неба чётко выделялись две чёрные мохнатые фигурки. Они стояли совершенно неподвижно, широко расставив нóги, держа в отставленной руке длинные тонкие шесты.

— Что это у них? — спросил Вадим. — Антенны?

— Антенны ли? — проговорил Саул, вглядываясь. — Кажется, я знаю, что это за антенны...

Резкий крик огласил котлован. Антон вздрогнул. Оглушительно взревел какой-то двигатель, раздался многоголосый жалобный вопль, и они увидели, как громоздкая, похожая на глубоководный танк машина со скрежетом закрутилась на месте и вдруг поползла, всё увеличивая скорость и опрокидывая другие механизмы, прямо на шеренгу людей. Из её недр выкарабкивались и кубарем скатывались в истоптанный снег человеческие фигурки. Шеренга не шелохнулась. Антон закрыл руками рот, чтобы не вскрикнуть. Сквозь грохот и рёв прозвучал высокий жалобный голос, и тогда шеренга вдруг сомкнулась в плотную толпу и двинулась навстречу танку. Антон не выдержал — он закрыл глаза. Ему казалось, что сквозь рёв двигателя слышится жуткий мокрый хруст.

— Боже мой... — непонятно бормотал над ухом Саул. — Ох, боже мой...







Антон заставил себя открыть глаза. На месте танка громоздилась огромная шевелящаяся куча, которая медленно двигалась, всё больше и больше кренясь набок. За ней на снегу расплывалась широкая ярко-красная полоса. Вокруг этой груды тел была пустота, только четверо людей в шубах неторопливо шли в этой пустоте, не отставая ни на шаг от облепленного людьми танка.

Антон машинально поглядел на людей с шестами. Они стояли там же, в прежней позе, совершенно неподвижные, только один из них вдруг медленным движением переложил шест в другую руку и снова застыл. Кажется, они даже не глядели вниз.

Рёв двигателя смолк. Танк был повален на бок, и люди медленно сползали с него, отходя в сторону. Тогда Вадим, не говоря ни слова, швырнул свой мешок вниз и гигантскими прыжками кинулся вслед за ним. Антон тоже побежал вниз. Сквозь шум в ушах он слышал, как спешивший по пятам Саул выкрикивает задыхаясь: «Ах, мерзавцы! ... Ах, подлецы! ...»

Когда Антон добежал до танка, люди в мешковине уже снова строились в шеренгу, а люди в шубах ходили среди них и кричали жалобными, стонущими голосами. Вадим, волоча за собой мешок, вымазанный в грязи и крови, ползал на четвереньках среди разбросанных под танком тел и был, по-видимому, в отчаянии. Он поднял к Антону бледное лицо и проговорил:

— Здесь одни мёртвые... Здесь все уже умерли...

Антон осмотрелся. Задыхающиеся, мокрые от пота и тающего снега, едва прикрытые серой рваной мешковиной, люди глядели на него мутными неподвижными глазами. И люди в шубах, сбившись поодаль в кучку, тоже глядели на него. На секунду ему показалось, что перед ним старинное натуралистическое панно: все они были неподвижны и смотрели на него сотнями пар неподвижных глаз.

Он взял себя в руки. Те, кого искал Вадим, стояли в шеренге — высокий костлявый старик с ободраным влажно-красным лицом; юноша, прижимающий к груди неестественно вывернутую руку; совершенно голый человек с серым лицом, вцепившийся себе в живот растопыренными пальцами с золотыми ногтями; человек с закрытыми глазами, поджавший одну ногу, из которой толчками била чёрная кровь... Все живые стояли в шеренгах.

— Спокойно, — сказал Антон вслух. Он нагнулся, раскрыл мешок с медикаментами и достал банку с коллоидом. Отвинчивая на ходу крышку, он направился к человеку с раздавленной ногой. Вадим с охапкой тампопластыря шёл за ним по пятам.

*... Скверная рана... Разворочены мускулы, кровь почти уже не идёт. Почему он не сядет? ... Почему его никто не поддержит? Коллоид... Теперь пластырь... Клади ровнее, Вадим, не выдавливай коллоид... Почему так тихо? Вот это уже хуже — разорван живот... Он уже мёртв. Как же он стоит? ... Вывернута рука — пустяк... Держи крепче, Вадим! Крепче! Почему он не кричит? Почему никто не кричит? А вон там уже кто-то упал... Да поднимите же вы его, вы там, здоровые! ...*





Кто-то тронул его за плечо, и он резко повернулся. Перед ним стоял человек в шубе. У него было румяное грязноватое лицо, скошенные вниз глаза, на кончике короткого носа висела мутная капля. Ладони в меховых рукавицах были сложены перед грудью.

— Здравствуйте, здравствуйте... — сказал Антон. — Потом... Вадим, разберись с ним.

Человек в шубе покачал головой и быстро заговорил, и сейчас же рядом заговорил Вадим с очень похожей интонацией. Человек в шубе замолчал, с изумлением поглядел на Вадима, затем снова на Антона и попятился. Антон досадливым движением поправил за пазухой тяжёлый скорчер и повернулся к раненому. Раненый стоял, закрыв лицо руками. И все люди справа и слева от Антона стояли, закрыв лица руками, кроме того, мёртвого, с серым лицом, который по-прежнему держался за живот.

— Ничего, ничего, — сказал Антон ласково. — Опустите руки, не бойтесь. Всё будет хорошо...

Но в ту же минуту высокий жалобный голос что-то прокричал, и все люди в мешковине разом повернулись направо. Люди в шубах трусцой побежали вдоль шеренги. Снова прокричал жалобный голос, и колонна двинулась.

— Стойте! — крикнул Антон. — Не сходите с ума!

Никто даже не обернулся. Колонна проходила, и все, кто проходил возле Антона, закрывали лица руками. Только человек с распоротым животом остался стоять, потом кто-то задел его, и он мягко свалился в снег. Колонна ушла.

Антон растерянно провёл мокрой ладонью по глазам и огляделся. Он увидел громадный поваленный танк, длинного чёрного Саула рядом, Вадима, дико глядевшего вслед колонне, да несколько десятков тел на растоптанном снегу. И стало совсем уже тихо, слышались только редкие жалобные выкрики в отдалении.

— Почему? — спросил Вадим. — Чего они испугались?

— Они испугались нас, — сказал Антон. — А скорее всего, они испугались нашей медицины...

— Я догоню и постараюсь объяснить...

— Ни в коем случае. Это надо делать очень деликатно. Как ваше мнение, Саул?

Саул, повернувшись спиной к ветру, раскуривал трубку.

— Моё мнение... — проговорил он. — Мне здесь очень не нравится...

— Да, — подхватил Вадим. — Какое-то ужасное, болезненное неблагополучие...

— Почему обязательно неблагополучие? — сказал Саул. — Вот как, по-вашему, кто эти подлецы в шубах?

— Почему обязательно подлецы?

— А кто они, по-вашему?

Вадим молчал.





— Здоровенные, упитанные парни в шубах, — сказал Саул со странным выражением. — Они приказывают людям кидаться под танк. Они не работают, а только смотрят, как работают. Они фигурно торчат на валу с пиками наготове. Кто они, по-вашему, эти парни?

Вадим молчал.

— Вот подумайте, — сказал Саул. — Здесь есть о чём подумать...

Антон сказал, глядя на небо:

— Смеркается. Давайте осмотрим машину, раз уж мы здесь. Всё равно этим придётся заняться рано или поздно...

— Пойдёмте, — сказал Саул.

Антон аккуратно закрыл мешок с медикаментами, и они пошли к танку. Вадим не двинулся. Он угрюмо смотрел на склон, по которому медленно полз чёрный пунктир — хвост уходящей через вал колонны.

Овальный панцирь танка был раскрыт. Корпус машины разгораживала перепончатая стенка. Антон включил фонарик, и они стали осматривать гофрированные борта кабины, матовые сочленения двигателя, какие-то кривые зеркала на коленчатых шестах, похожих на бамбук, и дно кабины — чашевидное, покрытое множеством маленьких отверстий, похожее на гигантскую шумовку.

— Да-а, — протянул Саул. — Любопытная машина. Где же управление?

— Возможно, это кибер, — рассеянно сказал Антон. — Впрочем, нет, вряд ли... Слишком много пустого места...

Он забрался в двигатель. Это был довольно примитивный квазиживой механизм с высокочастотным питанием.

— Мощная машина, — с уважением сказал Саул. — Только вот как она управляется?

Они снова вернулись к кабине.

— Дырочки какие-то, — бормотал Саул. — Где же здесь руль?

Антон попробовал просунуть в одно из отверстий указательный палец. Палец не влезал. Тогда Антон сунул мизинец. Он ощутил короткий болезненный укол, и в то же мгновение в двигателе что-то с рычанием провернулось.

— Ну, вот и всё ясно, — сказал Антон, рассматривая мизинец.

— Что ясно?

— Мы не сможем управлять этой машиной... И они тоже не смогут.

— А кто сможет?

— Боюсь утверждать наверняка, но, по-видимому, это из хозяйства Странников. Видите? ... Это машина не для гуманоидов.

— Что вы говорите? — пробормотал Саул.

Некоторое время они молча стояли перед кабиной, пытаясь представить себе существо, которое чувствовало себя в этой шумовке так же удобно, как они сами в водительских креслах перед пультами и экранами.





— Я почему-то так и думал, — объявил Саул. — Слишком это парадоксально: джутовые мешки и нуль-транспортировка...

— Вадим, — позвал Антон.

— Что? — мрачно донеслось сверху. Вадим стоял на танке.

— Слышал?

— Слышал. Тем хуже для них... — Вадим тяжело прыгнул в снег. — Пора возвращаться, — сказал он. — Темнеет...

Они взвалили на плечи мешки и стали подниматься на вал.

*Какая каша, думал Антон. Машины, оставленные негуманоидами. Гуманоиды, потерявшие человеческий облик, отчаянно пытающиеся разобраться в этих машинах. Ведь они, несомненно, пытаются в них разобраться. Наверное, для них это единственное спасение... И у них, конечно, ничего не выходит. И ещё какие-то странные люди в шубах...*

— Саул, — сказал он. — Что такое *ники*?

— Копья, — ответил Саул, кряхтя.

— Копья...

— Длинный деревянный шест, — раздражённо сказал Саул. — На конце — острый железный наконечник, часто зазубренный. Используется для протыкания насквозь ближнего своего. — Саул помолчал, тяжело дыша. — Может быть, вам заодно объяснить, что такое *меч*?

— Знаем мы, что такое меч, — сказал Вадим, не оборачиваясь. Он лез первым.

— Так вот, у каждого из этих бандитов в шубах висел за спиной меч, — сказал Саул. — Слушайте, молодые люди, давайте передохнём...

Они уселись на мешки.

— Вы много курите, — сказал Антон. — Это очень вредно.

— Курить — здоровью вредить, — отозвался Саул.

Стало совсем темно. Котлован внизу наполнился сумеречными тенями. Небо очистилось от туч, появились звёзды. Слева таяло зеленоватое сияние заката. У Антона замёрзли уши, и он с содроганием подумал о несчастных, бредущих сейчас босиком по скрипучему снегу. *А куда они бредут? Может быть, здесь поблизости есть какое-нибудь убежище? ... А ведь ещё только вчера мы сидели с Димкой на крыльце, было тепло, изумительным запахом несло из сада, кричали цикады, и дядя Саша звал нас из своего коттеджа отведать самодельного морса... Почему это Саул настроен против людей в мехах?*

Саул со вздохом поднялся и сказал:

— Пошли.

Они ввалились в глайдер, задвинули фонарь, и Вадим сразу же на полную мощность включил отопление. Антон расстегнул куртку, вытащил тёплый скорчер и бросил его на сиденье рядом с Саулом. Саул сердито дышал в пригоршню. На мохнатых бровях его таял иней.

— Итак, Вадим, — сказал он, — что вы надумали?

Вадим сел в водительское кресло.







— Думать будем потём, — заявил он. — Сейчас надо действовать. Люди нуждаются в помощи и...

— Почему вы, собственно, решили, что люди нуждаются в помощи?

— Вы, надеюсь, не шутите? — спросил Вадим.

— Мне не до шуток, — сказал Саул. — Я удивляюсь, почему вы не хотите попытаться понять, что здесь происходит. Почему вы всё время твердите одно и то же: *«нуждаются в помощи, нуждаются в помощи»*?

— А как по-вашему? *Не нуждаются?*

Саул вскочил, стукнулся головой о фонарь и снова сел. Несколько секунд он молчал.

— Я снова обращаю ваше внимание, — сказал он наконец, — на то необычайно важное обстоятельство, что там, в котловане, вовсе не все люди нуждаются в одежде и прочем. Что там, в котловане, мы видели людей здоровых, сытых, вооружённых. И для этих людей положение дел не представляется таким уж безнадёжным, как для вас. Вы хотите помочь страждущим. Это великолепно. Возлюби, так сказать, дальнего. Но не кажется ли вам, что этим самым вы вступите в конфликт с неким установившимся порядком? — Он замолчал, пристально глядя на Антона.

— Не кажется, — сказал Вадим. — Я не хочу думать о людях хуже, чем о самом себе. У меня нет никаких оснований считать себя лучше других. Да, там, в котловане, есть неравенство. И меховые шубы выглядят дико. Но я совершенно уверен, что всему этому есть вполне человеческое объяснение. И помощь землян никогда не будет вредной. — Он перевёл дух. — А что касается пик и мечей, то кто-то ведь должен охранять потерпевших? Надеюсь, вы не забыли приятных птичек на равнине?

Антон задумчиво покивал. *Как это было на «Цветке», подумал он. Мы две недели сидели на половинном кислородном пайке и ничего не ели и не пили. Инженеры чинили синтезаторы, и мы отдали им всё, что у нас было. И вид у нас в конце второй недели был, наверное, немногим лучше, чем у этих людей...*

Саул нагнул голову и с тоской хрустнул пальцами.

— Плоскость, плоскость... — пробормотал он. — Всё в одной плоскости, как всегда. Как тысячи лет назад.

Ребята молча ждали.

— Вы славные люди, — тихо сказал Саул. — Но сейчас я не знаю, плакать или радоваться, глядя на вас. Вы не замечаете того, что совершенно очевидно для меня. И я не могу вас винить за это. Но послушайте одну маленькую притчу. В незапамятные времена какие-то пришельцы — возможно, это были ваши Странники — забыли на Земле такой автоматический прибор. Он состоял из двух частей: из робота-автомата и из аппарата для управления этим роботом на расстоянии. Причём управлять роботом можно было при помощи мысли. Эти вещи провалялись в Аравии несколько тысячелетий. А потом аппарат для управления нашёл арабский мальчик по имени Аладдин. Историю Аладдина вы, наверное, знаете. Мальчишка принял аппарат за лампу. Он тёр её, и со страшным грохотом прибегал неведомо откуда чёрный и, может быть, даже огнедышащий робот.





Он улавливал несложные мысли, в которые были оформлены несложные желания Аладдина, и он разрушал города и строил дворцы. Вы представляете себе — нищий, грязный, невежественный арабский мальчишка. Его мир — это мир ифритов и волшебников, и робот для него — это, конечно, джинн, раб аппарата, похожего на лампу. Если бы кто-нибудь попытался втолковать ему, что джинн — дело рук человеческих, мальчишка сражался бы до последнего издыхания, отстаивая свой мир, стремясь остаться в плоскости своих представлений. И вы поступаете так же. Отстаиваете целостность своего мировоззрения, стремитесь отстоять достоинство разума. И никак не хотите понять, что здесь мы имеем дело не с катастрофой, не с каким-то стихийным или техническим бедствием, а с определённым порядком вещей. С системой, молодые люди. И это так естественно. Всего два с половиной века назад половина человечества была уверена, что чёрного кобеля не отмоешь добела и что человек как зверем был, так зверем и останется, и было достаточно оснований думать именно так. — Он хрустнул зубами. — Не хочу, чтобы вы вмешивались в это дело. Вас здесь убьют. Вам нужно вернуться на Землю и забыть обо всём этом. — Он посмотрел на Антона. — А я останусь здесь.

— Зачем? — спросил Антон.

— Мне *нужно*, — медленно сказал Саул. — Я сделал одну глупость. За глупости платят.

Антон лихорадочно думал: *что сказать этому странному человеку?*

— Вы, конечно, можете остаться, — сказал он наконец. — Но дело уже не в вас. Не только в вас. Мы тоже останемся. И давайте-ка пока держаться вместе.

— Вас убьют, — безнадежно сказал Саул. — Ведь вы же не умеете стрелять в людей.

Вадим хлопнул себя по коленям и сказал прочувствованно:

— Мы же вас понимаем, Саул! Но в вас говорит историк, и вы тоже не можете выйти из плоскости своих представлений. Никто нас не убьёт. Давайте попроще. Не нужны нам никакие остроумные осложнения. Мы люди, и давайте действовать как люди.

— Давайте, — устало сказал Саул. — И давайте поедим. Неизвестно, что будет дальше.

Антону не хотелось есть, но ещё меньше ему хотелось спорить. И Саул был, наверное, прав, и Вадим был прав, и, как всегда, была права Комиссия по контактам, и вообще *сейчас больше всего нужна была информация*.

Вадим неохотно ковырял ложкой в банке с консервами. Саул ел с громадным аппетитом, невнятно приговаривая:

— Ешьте, ешьте. Основа каждого мероприятия — сытый желудок.

Антон обдумывал план действий. *Стихийное бедствие или социальное бедствие — всё равно это бедствие. И вмешательство неизбежно. Только не следует оголтело, без оглядки кидаться домой, на Землю, с воплем: «Помогите!» — или так же оголтело вламываться в гуцу*





событий, размахивая одиноким мешком с продовольствием... Саула жалко, но Саула пока придётся отставить. Так что прежде всего информация... Антон сказал:

— Сейчас мы полетим по следам колонны. Думаю, что поблизости у них есть посёлок.

Саул убеждённо покивал.

— Найдём кого-нибудь посмышлёней, — продолжал Антон, — и ты, Димка, у него всё узнаешь. А там видно будет.

— Возьмём «языка», — заявил Саул, облизывая ложку, — правильно.

Несколько секунд Антон пытался понять: *при чём здесь язык?* Потом он вспомнил из какой-то книжки: *«Идите, лейтенант, и без “языка” не возвращайтесь»*. Он покачал головой.

— Да нет, Саул, при чём тут «язык»? Всё должно быть тихо, мирно. Но на всякий случай вы держитесь лучше позади. Оставайтесь в глайдере. Вы никогда не были в опасных ситуациях, и я просто боюсь, что вы растеряетесь.

Несколько секунд Саул смотрел на него запавшими глазами.

— Да, конечно, — медленно сказал он. — Книжный, так сказать, червь.

Была уже ночь, когда глайдер снялся с места, перепрыгнул через котлован и помчался вдоль утоптанной дороги, ведущей на восток. Над равниной поднималась маленькая яркая луна, а на западе над хребтом висел багровый узкий серп. Дорога свернула, огибая высокий холм, и они увидели несколько рядов занесённых снегом хижин.

— Здесь, — сказал Антон. — Снижайся, Вадим.

## V

Вадим посадил глайдер на первой же улице. Он откинул фонарь, и в кабину ворвался гадкий запах — вонь испражнений на морозе, тоскливый запах большой беды. По сторонам улицы стояли покосившиеся, обшарпанные лачуги без окон, в лунном свете серебрились шапки чистого снега на плоских крышах и отвратительно чернели сугробы у входов. Улица была пуста, и можно было подумать, что посёлок покинут, но тишина была полна хрипами, вздохами и заглушённым треском сухого кашля.

Вадим медленно повёл глайдер вдоль улицы. Вонючий мороз обжигал лицо. Ни на улице, ни в тёмных боковых проулках не было видно ни душ.

— Измотались, — сказал Вадим. — Спят. Придётся будить. — Он снова остановил глайдер. — Вы здесь подождите, а я схожу посмотрю.

— Ну, хорошо, пойдём, — сказал Антон.

— Незачем вдвоём ходить, — возразил Вадим, выскакивая на дорогу. — Я только посмотрю и сейчас же вернусь. Если здесь ничего не получится, поедем дальше.

Антон сказал:





— Саул, посидите здесь. Мы сейчас вернёмся.

— Не поднимайте шума, — предупредил Саул.

Вадим нерешительно остановился перед узкой загаженной тропинкой, ведущей к двери ближайшей лачуги. Страшно и гадко было идти туда. Он оглянулся. Антон уже стоял рядом.

— Ну, что ты? — сказал он. — Вперёд.

Вадим решительно шагнул на тропинку, поскользнулся и чуть не упал. Его затошнило, и он зашагал, подняв голову, чтобы не видеть тропинки. Дверь с визгливым скрипом открылась ему навстречу, и из неё выпал совершенно голый, длинный, как палка, человек. Он повалился на обледенелый сугроб и мёртво стукнулся о стену хижины. Вадим нагнулся над ним. Это был мертвец, уже давно закоченевший. Сколько же их я увидел за сегодняшний день, подумал Вадим. В хижине кашляли, и вдруг высокий скрипучий голос затянул песню. Это было похоже на вой. Голос выводил одни только тоскливые рулады без слов. А может быть, это был просто плач.

Вадим снова оглянулся. На дороге чернела округлая глыба глайдера, из неё неподвижно торчал чёрный силуэт Саула. Жутко блестел под яркой луной снег на пустынной улице. И протяжно плакал и жаловался высокий голос за дверью. Антон тихонько толкнул Вадима в бок.

— Что, страшно? — спросил он вполголоса. Лицо у него было белое, словно замёрзшее.

Вадим не ответил. Он распахнул дверь и включил фонарик. Скверный, душный воздух ударил ему в нос, и он задохнулся. Круг света упал на сырой земляной пол, покрытый бледной вытоптанной травой. Вадим увидел десятки скорченных тел, прижавшихся друг к другу, сплетение тощих голых ног с огромными ступнями, высохшие лица, искажённые резкими тенями, раскрытые чёрные рты — люди спали прямо на земле и друг на друге. Казалось, они лежат штабелями в несколько рядов, и они дрожали во сне. А вой тянулся без передышки, не прекращаясь, и Вадим не сразу заметил певца, а потом поймал его в круг света. Человек, обхватив острые колени, сидел на спинах спящих. Он глядел на свет фонарика остекленевшими глазами и пел, вытягивая растрескавшиеся губы.

— Товарищ, — сказал Вадим. — Послушай меня. погоди петь. Скажи что-нибудь.

Человек не шевелился. Казалось, он не видит света и не слышит голоса.

— Товарищ, — повторил Вадим. — Послушай.

Певец вдруг закончил песню сиплым выкриком, повалился навзничь и замер. Он сразу же смешался со спящими, и Вадим уже не смог бы найти его. Он судорожно глотнул, сделал шаг вперёд и похлопал кого-то по голой ноге. Нога была ледяная, мёртвая. Вадим дотронулся до другой ноги. И эта нога тоже была ледяная, мёртвая. Тогда он повернулся и, пошатнувшись, налетел на что-то широкое и тёплое.

— Тихо, — сказал голос Антона.

Вадим мотнул головой, приходя в себя. Он совсем забыл про Антона.







— Не могу, — пробормотал он. — Это безнадежно.

Антон взял его за локоть и повёл к выходу. Морозный воздух показался Вадиму чистым и сладким.

— Не могу, — повторил он. — Здесь не найти живых. Они все окоченевшие. Мёртвые. — Он отстранился от Антона и осторожно пошёл по тропинке к дороге. Саул по-прежнему неподвижно торчал из глайдера. Вадим заметил, что фонарик ещё горит, выключил его, сунул в карман и полез в глайдер. Саул молча смотрел на него. Подошёл Антон, облокотился на борт и тоже стал смотреть на Вадима. Вадим уткнулся лицом в дугу руля и сказал сквозь зубы: — Это не люди. Люди не могут так. — Он вдруг поднял голову. — Это киберы! Люди только те, которые в шубах! А это киберы, безобразно похожие на людей!

Саул глубоко вздохнул.

— Вряд ли, Вадим, — сказал он. — Это люди, безобразно похожие на киберов.

Антон перелез через борт и сел на своё место.

— Ну-ка, возьмём себя в руки, — сказал он. — Не будем терять времени. Нужен «язык». — Он хлопнул Вадима по плечу. — Действуйте, лейтенант, и без «языка» не возвращайтесь.

Саул не то всхлипнул, не то рассмеялся.

— Хотите, я пойду в хижину и возьму любого на выбор? — предложил он. — Только, по-моему, нам не это нужно.

— Тогда они днём работают, а на ночь умирают, — упрямо сказал Вадим. — Какая уродливая затея!

— Правильно, — сказал Саул. — Затея уродливая, и надо взять одного из затейников. В шубах.

Вадим смотрел вдоль улицы.

— Оптимизм, — сказал он, — суть бодрое, жизнерадостное мироощущение, при котором человек...

В лунном свете он вдруг увидел, как вдали, пересекая улицу, цепочкой прошло несколько серых теней в рубахах.

— Смотрите, — сказал он.

Люди брели и брели через улицу, их было человек двадцать, а за ними прошли двое в мехах с длинными шестами.

— На ловца и зверь бежит, — зловеще сказал Саул. — Всего и дела-то — догнать и взять...

— Вы думаете, этих? — нерешительно сказал Антон.

— А вы собираетесь обшаривать лачугу за лачугой? Затейники в лачугах не живут, уверяю вас. Поехали, а то ещё потеряем...

Вадим вздохнул и тронул глайдер. Он медленно ехал вдоль улицы. И пытался представить себе, как они берут испуганного, ничего не понимающего человека под руки, тащат его к глайдеру и впихивают в кабину, а он жалобно кричит и отбивается. Попробовали бы меня так, подумал он. Я бы всё разнёс... Он прислушался. Саул говорил:





— Не беспокойтесь. Я знаю, как это делается. У меня он не будет отбиваться.

— Вы меня неправильно поняли, — терпеливо сказал Антон. — Ни о каком насилии не может быть и речи.

— Слушайте, предоставьте вы это мне. Вы ведь только всё испортите. Ткнул вас копьём, и начнётся такая кровавая кутерьма...

Ай да кабинетный учёный! — подумал удивлённо Вадим. Антон сказал:

— Вот что, Саул. Вы мне не нравитесь. Сидите в машине и ничего не смейте предпринимать.

— О господи, — вздохнул Саул и замолчал.

Вадим вывернул на поперечную улицу, и они увидели вдали приятного вида двухэтажный домик, возле которого толпились люди, освещённые красным огнём факелов. Сбившись в кучку, стояли люди в мешковине, а вокруг них сновали люди в шубах. Вадим поехал совсем медленно, прижимая глайдер к теневой стороне улицы. Он представления не имел, с чего начинать и что делать. Антон, судя по всему, тоже. Во всяком случае, он молчал.

— Вот здесь живут затейники, — сказал Саул. — Видите, какой уютный, тёплый домик? А где-нибудь поблизости и уборная есть. Самое милое дело — брать «языка» возле уборной. Кстати, вы заметили, что здесь нет ни одной женщины?

Дверь домика раскрылась, оттуда вышли двое и остановились на крыльце. Раздался протяжный жалобный крик. Кучка людей в мешковине пришла в движение, построилась в ряды и вдруг двинулась прямо навстречу глайдеру. Около крыльца закричали в несколько голосов. Вадим поспешно затормозил и посадил глайдер.

Он глядел во все глаза и ничего не понимал. Над ухом тяжело дышал Антон. Люди в мешковине приблизились и быстрым шагом прошли мимо. Вадим ахнул. Два десятка босых людей были впряжены в неуклюжие тяжёлые сани, в которых развалился закрытый по пояс шкурами человек в шубе и в меховой конической шапке. В руках он вертикально держал длинное копьё с устрашающе зазубренным наконечником. Лица запряжённых людей выражали радость, и они громко, ликуя, вскрикивали. Вадим оглянулся на Саула. Саул провожал глазами странную упряжку, и рот его был широко раскрыт.

— Хватит с меня загадок, — сказал вдруг Антон. — Поезжай прямо к дому.

Вадим рванул руль на себя, и домик стремительно бросился навстречу глайдеру. Люди в шубах, стоявшие у крыльца, несколько секунд смотрели на приближающуюся машину, а затем с удивительной быстротой рассыпались полукругом и выставили вперёд копыя. На крыльце запрыгал, что-то жалобно выкрикивая, круглый мохнатый великан. Он размахивал над головой широким блестящим лезвием. Вадим посадил глайдер перед копиями и вылез из кабины. Люди в шубах пятились, теснее прижимаясь друг к другу. Острия копий были направлены Вадиму прямо в грудь.





— Мир! — сказал Вадим и поднял рúки.

Люди в шубах попятились ещё немного. От них валил пар и несло козлом. Под капюшонами блестели испуганно вытаращенные глаза и ощеренные зубы. Толстый человек на крыльце разразился длинной речью. Он был неимоверно толст и огромен. У него была гигантская трясу́щая физиономия. Физиономия блестела от пота. Он приседал, и снова выпрямлялся, и даже становился на цыпочки, тыкал мечом то себе под нóги, то в небо и визжал неестественно высоким жалобным женским голосом. Вадим слушал, склонив голову. Мнемокристаллы на его висках фиксировали незнакомые слова́ и интонации, анализировали их и уже давали первые, ещё неопределённые варианты перевода. Речь шла о какой-то угрозе, о чём-то громадном и сильном, о жестоких наказаниях... Толстяк вдруг замолчал, вытер потное лицо рукавом и, надсаживаясь, провизжал что-то короткое и резкое. В голосе его было страдание. Люди с копьями сейчас же нагнулись и очень медленно двинулись на Вадима.

— Ну, всё ясно, — сказал Саул. — Начнём?

Он положил ствол скорчера на борт.

— Прекратите, Саул, — сказал Антон. — Вадим, в кабину!

— Ну, что вы раздумываете? — сказал Саул со злобой. — Это же дрянь, эсэсовцы! Жабы!

Люди в шубах всё надвигались короткими медленными шажками. Когда широкие блестящие лезвия упёрлись в грудь Вадима, он отступил и, повернувшись спиной, полез в глайдер.

— Типичный корнеизолирующий язык<sup>37</sup>, — сообщил он, усаживаясь. — Очень ограниченный словарный запас, судя по всему. Мира они не хотят, это ясно.

— Давайте хоть страху нагоним, — попросил Саул. — Дать разок в воздух, чтобы они штаны потеряли!

Антон захлопнул фонарь. Люди в шубах вернулись к крыльцу и подняли копья. Все они смотрели на глайдер. На необъятной физиономии толстяка бродила презрительная ухмылка.

— Эх, вы! — сказал Саул. — Нужен вам «язык» или нет? Давайте возьмём этого жирного! Это же живой рапортфюрер!

— Да поймите же, — с отчаянием сказал Антон, — они не хотят с нами договариваться! И это их право! Ну, что мы можем сделать?

— Нужен вам «язык» или нет? — повторил Саул. — Преимущество внезапности мы уже потеряли. Здесь без боя не обойтись. Но есть ещё этот гад, который уехал на упряжке.

37 Аморфные, изолирующие (устаревшее название: корнеизолирующие) языки — языки, не имеющие ни словообразования, ни словоизменения, т. е. в них основа совпадает с корнем (а корневая морфа со словоформой); выражают отношения между словами либо путём их соположения, либо посредством служебных слов. Практически изолирующие языки встречаются крайне редко, хотя тенденция к этому типу может быть выражена в очень сильной степени. «Чистых» изолирующих языков не существует. Наиболее близки к этому типу древнекитайский (меньше — современный китайский), вьетнамский, некоторые языки Западной Африки (например, эве), etc. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





Ох, и лексика же у него! — с уважением подумал Вадим. Настоящий двадцатый век. Какой великолепный специалист! Он посмотрел на Антона. Антон был бледен и растерян. Никогда Вадим ещё не видел его таким.

— Одно из двух, — продолжал Саул. — Или мы хотим узнать, что здесь делается, или мы летим на Землю, и пусть сюда пришлют людей порешительнее. А нам надо решать поскорее, пока против нас только копы...

Мешкаем, подумал Вадим. Всё время мешкаем. А в хижинах умирают.

— Тошка, — сказал он. — Давай догоним упряжку. Там только один с копьём, там будет проще. Отберём у него копьё и пригласим на «Корабль».

— Ухмыляются, жабы, — проговорил Саул, глядя через спектролит.

Он выразительно погрозил кулаком толстяку на крыльце. Тот тряхнул щеками и не менее выразительно помахал мечом.

— Видали? — сказал Саул с весёлым бешенством. — Как мы друг друга понимаем, а?

— Попробую ещё раз, — сказал Антон и распахнул фонарь. Толстяк вскрикнул. Один из копеечников широко развернулся, сдвигая рукав шубы к плечу, и с натугой метнул тяжёлое копьё. Железный наконечник с визгом полоснул по спектролиту. Саул даже присел.

— Ну, семь-восемь... — сказал он непонятно, но чрезвычайно энергично. Антон успел поймать его за руку. Глаза у Антона были как чёрные щёлки.

— Понятно, — сказал он зловеще и задохнулся. — Вадим, разворачивайся!

Вадим повернул глайдер.

— За упряжкой! — приказал Антон и откинулся на спинку кресла. — Здесь мы ничего не узнаем, — проворчал он. — Какая-то непроходимая тупость.

— Дать разок в воздух, — пренебрежительно сказал Саул, — и бери их голыми руками.

Антон молчал. Глайдер пронёсся по пустынной улице и через несколько минут вылетел в поле.

— Я скажу вам только одно, — проговорил вдруг Антон. — Всем нам потом будет очень стыдно.

— А что делать? — спросил Вадим. — Люди-то умирают!

— Если бы я знал, что делать, — сказал Антон. — Комиссии и не снились такие обстоятельства.

«Какой комиссии?» — хотел спросить Вадим, но тут Саул произнёс:

— Да перестаньте вы стесняться. Раз вы хотите делать добро, пусть оно будет активно. Добро должно быть более активно, чем зло, иначе всё остановится.

— Добро, добро, — проворчал Антон. — Кому хочется быть услужливым дураком?







— Это уж точно, — сказал Саул. — Зато у вас совесть будет спокойна.

Они нагнали упряжку километрах в пяти от посёлка. Люди бежали по целине, спотыкаясь и увязая в снегу, а человек в шубе, нахохлившийся в санях, то и дело лениво тыкал копьём отстающих.

— Я снижаюсь, — сказал Вадим.

— Сядь перед упряжкой, — приказал Антон, — и поговори с ним. Саул, дайте сюда скорчер. И сидите в машине, *это не гад, а человек*.

— Ладно, — сказал Саул. — Вот вам скорчер. А если он возьмёт — и Вадима копьём? Вместо разговоров...

Вадим сказал:

— Копьё я у него отберу. Постромки надо будет перерезать, а еду и одежду раздать этим беднякам.

— Правильно, — сказал Антон.

Глайдер рухнул в снег прямо перед упряжкой, и люди-лошади остановились как вкопанные. Вадим выскочил наружу. Люди в мешковине стояли, закрыв лица руками. Они тяжело, со всхлипом дышали. Пробегая мимо них, Вадим весело крикнул:

— Всё, друзья! Сейчас пойдёте домой!

Он направился к саням, на ходу примериваясь, как лучше отбить копьё. Человек в шубе стоял на коленях и с изумлением и страхом смотрел на него. Копьё он держал наперевес.

— Пойдёмте, — предложил Вадим и схватился за древко.

Человек в шубе сейчас же выпустил копьё и выхватил откуда-то меч. Он был уже на ногах.

— Ну-ну, не надо, — сказал Вадим, отбрасывая копьё.

Человек в шубе вдруг заорал, протяжно и жалобно. Вадим взял его за руку, держащую меч, и потянул за собой. Ему было очень неловко. Человек в шубе рванулся. Вадим ухватил его крепче.

— Ну, что вы, в самом деле, всё будет хорошо. Всё будет в порядке, — убеждающе говорил он, разжимая потный кулак с мечом. Меч упал в снег. Вадим обнял человека в шубе за плечи и повёл к глайдеру. Он бормотал какие-то ласковые слова, стараясь придать голосу местные интонации. Тут раздался предупреждающий крик Саула, и он почувствовал, что его валят с ног. Чьи-то ладони схватили его за лицо, кто-то повис на шее, несколько рук вцепились в его ноги — слабые, дрожащие руки.

— Что вы, с ума посходили? — заорал Саул обиженно. — Антон, держи их!

Человек в шубе снова сильно рванулся. Вадиму накинута на голову какое-то вонючее тряпье, и он ничего не видел. Он едва стоял в куче копошащихся тел, изо всех сил прижимая к себе человека в шубе. Потом он почувствовал острый удар в бок и боль. Он выпустил «языка», двинул плечами и, освободившись, сорвал с лица вонючий мешок. Он увидел барахтающихся в снегу людей и Антона, который пробирался к нему, шагая через тела. Он повернулся. Голый человек с мечом стоял перед ним по колено в снегу.





— За что? — сказал Вадим.

Человек ударил наотмашь, но меч в руке у него повернулся и упал на плечо Вадима плашмя. Вадим толкнул человека в грудь. Тот упал в снег и замер. Вадим поднял меч и, размахнувшись, забросил его далеко в сторону. Он чувствовал, как по бедру ползёт что-то горячее и мокрое. Он огляделся.

Люди в снегу лежали неподвижно, как мёртвые. Человека в шубе среди них не было.

— Ты жив? — крикнул Антон задыхаясь.

— Вполне, — сказал Вадим. — А где «язык»?

Он увидел Саула. Саул, широко шагая, шёл к ним, волоча за шиворот человека в шубе.

— Вздумал удрать, — объявил он. — Но каковы людишки!

— Пойдёмте отсюда, — сказал Антон.

Они пошли к глайдеру, осторожно ступая среди неподвижных тел. Саул рывком поднял человека в шубе на ноги и повёл, толкая его рукой между лопаток.

— Иди, подлец! — приговаривал он. — Иди, жирная морда! Воняет от него ужасно, — сообщил он. — Год, наверное, не мылся.

Когда они подошли к глайдеру, Антон взял «языка» за меховое плечо и показал на кабину. Тот отчаянно закрутил головой, так что у него свалилась шапка. Потом он сел в снег.

— Цацкаться тут с тобой! — заорал Саул.

Он поднял «языка» за шубу и перевалил через борт. «Язык» с шумом упал на дно кабины и затих.

— Фу, — сказал Антон, — ну и работа!

Он взял два мешка, стоявшие возле глайдера, и потащил их к упряжке. Он распаковал мешки, достал всю одежду и разложил на снегу. То же самое он сделал с продуктами. Люди казались мёртвыми и только тихонько поджимали ноги, когда Антон проходил мимо.

Вадим стоял, устало прислонившись к тёплому борту машины, и смотрел на взрытый снег, на опрокинутые сани, на тела, скорчившиеся под лунным светом. Он слышал, как Антон грустно сказал:

— Комиссия по контактам, где ты?

Вадим потрогал бок. Кровь ещё шла. Он почувствовал дурноту и слабость и забрался в кабину. *Всё было не так, всё получилось нехорошо.* Пленник лежал ничком, закрыв голову руками. Судя по всему, он ждал смерти, а может быть, и пыток. Над ним, не сводя с него глаз, сидел свирепый Саул. Подошёл Антон и тоже влез в кабину.

— Что же ты? — спросил он.

Вадим с трудом проговорил:

— Ты знаешь, Тошка, меня ранили. Я сейчас ничего не могу.

Антон секунду смотрел на него.

— А ну-ка, раздевайся, — потребовал он.

— Эх! — с досадой крикнул Саул.





Вадим стащил куртку. Его мутило, и в глазах было темно. Он увидел сосредоточенное лицо Антона и лицо Саула, сморщенное от жалости. Потом он почувствовал прохладные пальцы у себя на боку.

— Ножом, — сказал Саул. Голос его доносился словно из-за стены. — Как вы всё это неумело! Я бы его одной рукой взял.

— Это не он, — пробормотал Вадим. — Это мечом... один голый...

— Голый? — сказал Саул. — Ну, товарищи, *этого даже я не понимаю*.

Антон что-то ответил, но тут перед глазами Вадима поплыли круги и звёздочки, и он потерял сознание.

## VI

— Смотрите, Антон, — заговорил Саул. — Антон! Он в обмороке, вы видите?

— Он спит, — сказал Антон. Он внимательно осматривал рану. Рана была рубленая и довольно глубокая. Удар пришёлся под ребро, и меч расслоил мышцы. Антон облегчённо вздохнул. Саул глядел через его плечо, встревоженно сопя.

— Плохо? — спросил он шёпотом.

— Нет, вздор, — сказал Антон. — Через час всё будет в порядке. — Он отстранил Саула. — Только вы сядьте, пожалуйста.

Саул откинулся в кресле и злобно уставился на неподвижного «языка». Антон неторопливо расстегнул мешок, вытащил банку с коллоидом и густо залил рану. Оранжевое желе сразу стало розовым, подёрнулось розовыми стрелочками — как пенка на молоке. *Вот кровь*, подумал Антон. *Здоровенный парень Димка!* Он посмотрел на лицо Вадима. Оно было немного бледнее обычного, но такое же спокойное и умиротворённое, как всегда, когда он спал. И дышал он, как всегда, носом — глубоко, бесшумно и просторно. Антон положил пальцы по сторонам раны и закрыл глаза.

Простейшие приёмы психирургии входили в подготовку звездолётчика. Практически каждый пилот умел вскрыть и срастить живую ткань, используя психодинамический резонанс. Это требовало большого напряжения и сосредоточенности. В стационарных условиях применялись нейрогенераторы, а в поле приходилось делать это по-знахарски, и каждый раз Антон жалел знахарей.

Словно сквозь сон, Антон слышал, как позади тяжело вздыхает и ворочается Саул и бормочет, всхлипывая, пленник. От пленника в кабине стоял неприятный кислый дух.

Антон открыл глаза. Рана затянулась, выдавив коллоид, — теперь это был просто розовый шрам. *Пожалуй, хватит*, подумал Антон. *Иначе не смогу вести глайдер*. Он был весь мокрый.

— Ну, вот и всё, — сказал он, переводя дыхание.

Саул приподнялся и посмотрел на рану.

— Чёрт знает что, — проворчал он. — Как вы это делаете?





Антон огляделся и вздрогнул. Снаружи к фонарю прильнули страшные лица, тощие, с ввалившимися щеками, оскаленные. В этом была какая-то древняя исконная жуть: *словно мертвецы заглядывали в твой дом.* У Антона мороз пошёл по коже. Саул сдвинул мохнатые брови и погрозил пальцем. По спектролиту бесшумно застучали костлявые кулаки.

— Домой идите! Домой! — громко сказал Саул.

Антон стал одевать Вадима.

— Сейчас полетим, — сказал он.

— Вы их всех поубиваете.

Антон покачал головой и перебрался на место водителя. Глайдер дрогнул и начал медленно подниматься. Лица за фонарём пропали. Длинная костлявая рука с обломанными ногтями скользнула по спектролиту и тоже пропала.

Развернув глайдер на пеленг «Корабля», Антон дал полный ход. Он спешил — была уже полночь.

— Что они в нём нашли? — пробормотал Саул. — Эсэсовец, животное, я сам видел, как он колол их пикой — подгонял.

Антон промолчал.

— О господи! — сказал Саул. — Сколько на нём всякой гадости. Так и ползают...

— Что ползает?

— Что-то вроде вшей. Надо сначала его вымыть и всё продезинфицировать...

*Вот и ещё одно дело,* подумал Антон. Саул, словно угадав его мысли, добавил:

— Ничего, я сам этим займусь. Только бы он не издох с непривычки.

Антон вёл глайдер на максимальной скорости, держась в ста метрах над землёй. Маленькая яркая луна стояла почти в зените, красный серп давно зашёл, а навстречу из-за белого горизонта поднималась третья луна, розовая и сплюснутая. Вадим пошевелился, громко зевнул и, пробормотав: «Ты меня залечил?» — снова заснул.

— Что он делает? — спросил Антон. Он так устал, что ему не хотелось оборачиваться.

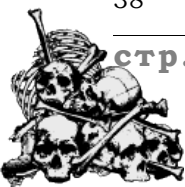
— Кто?

— «Язык».

— Лежит. Воняет. Давненько не слыхал этого запаха.

*Давненько,* подумал Антон. *Я вообще никогда не слыхал. И не хотел бы...* Саул прав: зря мы ввязались в эту историю. Саул умница. Это действительно система. Культура рабовладения. Рабы и господа. Правда, я думал, что верные рабы встречаются только в плохих книжках... Верный раб — какая это гадость! Ну ладно, дело сделано, отступить поздно и глупо. По крайней мере,<sup>38</sup> мы всё узнаем наверняка. Да и не в этом суть... Если бы даже я сразу понял, что здесь происходит, всё равно я не смог бы

38 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







повернуться спиной... К котловану, где машины давят людей... к загаженному посёлку... Интересно, потерпит ли Мировой Совет существование планеты с рабовладельческим строем? Он вдруг ощутил всю громадность проблемы. Никогда ещё не было такой альтернативы: вмешиваться или не вмешиваться в судьбу чужой планеты? Жители Леониды и Тагоры слишком далеки от людей. Психология леонидян до сих пор загадка, и никто не скажет, какой там общественный строй... А гуманоиды Тагоры хотят от природы так мало, что вообще непонятно, как они доросли до создания своей техники... Но здесь, на Сауле, совсем другое дело. Нигде больше общественные отношения не принимают такой уродливой и в то же время, по-видимому, такой необходимой формы... Родной брат человечества — очень юный, очень незрелый и очень жестокий... И вдобавок ко всему эти дурацкие машины пришельцев...

Далеко впереди на голубой равнине показалась маленькая чёрная точка. Вот и «Корабль», подумал Антон. А возле, под снегом, мёртвые. Как странно, всего день прошёл, а я уже привык. Точно всю жизнь ходил среди голых мертвецов в снегу. Легко привыкает человек. Психическая аккомодация. Странно. Может быть, дело в том, что они всё-таки чужие. Может быть, на Земле я сошёл бы от всего этого с ума. Нет, просто я оступел...

Снижая скорость, он сделал круг над «Кораблём». «Корабль» выглядел ободряюще — знакомый чёрный конус над голубыми холмами. И две резкие тени от него: короткая чёрная и длинная розоватая. Глайдер опустился перед входом. Снег смёрзся вокруг «Корабля» в сплошное ледяное поле. Антон похлопал Вадима по колену.

— Ну что, что? — сонно спросил Вадим.

— Подъём.

— А ну тебя...

— Вставай, Димка. Пойдём на «Корабль».

— Сейчас, — сказал Вадим и зачмокал. — Ещё минуточку...

— Пощекотать его? — деловито предложил Саул.

Вадим сразу открыл глаза и поднялся.

— Ага, это «Корабль»... Понимаю.

Они вылезли на твёрдый скользкий снег. От морозного воздуха захватило дух. Было слышно, как Вадим застучал зубами. Саул придерживал «языка» за шиворот. Что думает сейчас этот бедняга? — подумал Антон.

— Вы поднимайтесь, — сказал Саул, — а я его прямо в душевую.

Они вошли в «Корабль», зарастили люк, и Антон, подталкивая Вадима, стал подниматься в кают-компанию. Вадим, постукивая зубами, дремал. Внизу страшно заорал пленник. Вадим встрепенулся.

— Чего они там? — тревожно спросил он.

— Мыть повели, — объяснил Антон. — Он весь в паразитах.

Послышался голос Саула:

— Добром иди, небось не сдохнешь...





Дверь душевой хлопнула. Они вошли в кают-компанию и разом повалились в кресла.

— Милый, добрый «Корабль», — сказал Вадим. — Как хорошо, как чисто...

Антон лежал с закрытыми глазами.

— Болит? — спросил он.

— Чешется...

— Значит, всё хорошо... Слушай, что тебе нужно для работы?

— Вычислитель, — сказал Вадим. — Половина памяти. Оба анализатора. Побольше кофе и какой-нибудь вкусной еды для «языка». Через два часа он будет сидеть здесь за столом и беседовать с тобой о смысле жизни.

Снизу опять донеслись вопль, возня и шлёпанье босых ног.

— Куда? — взревел Саул. — На место... Дай сюда!

— Здорово он его моет, — сказал Вадим с уважением. — Наверное, мыло в глаза попало... А вот интонации у Саула не те. Весь этот рёв бедняга «язык» воспринимает как умоляющий лепет. Тон приказа вот. — Вадим, вытянув шею, жалобно и нестерпимо завизжал.

— Котёнку наступили на голову, — сказал Антон.

— Вот-вот!

— Ну ладно, рубку ты займёшь... Я всё принесу.

Вадим внимательно поглядел на него.

— А ведь ты, милый, выжат, как лимон, — сказал он.

— Есть немножко... Рана у тебя не очень серьёзная, но я измотался. Знаешь, как это изматывает?

— Ложись спать, я справлюсь один. А Саул всё принесёт.

— Ладно, — сказал Антон. — Это моя забота. Иди. — Он махнул рукой. — Готовься.

Вадим поднялся.

— Советую всё-таки поспать. — Он пошёл в рубку и вдруг остановился. — А взяли они одежду?

Сначала Антон не понял, а потом сказал:

— Честно говоря, не знаю... Не помню. Но они нами очень недовольны.

— Ох, и каша, ну и каша! — сказал Вадим. — Ничего не понимаю. За что он меня ткнул мечом?

Он покачал головой и пошёл в рубку. Антон сейчас же задремал. Ему приснилось, что он пошёл на кухню, сварил очень много кофе, принёс кофейник и консервы в рубку, а Вадим был занят и огрызнулся, и тогда он пошёл в свою каюту, сел за стол, чтобы подобрать программу обратного перелёта, но ему очень хотелось спать и всё время попадались старые программы его прежних рейсов. Потом его разбудил Саул.

— Вот, — сказал Саул.





Перед Антоном стоял стройный светлолицый парень в трусах и тетраканэтиленовой куртке, черноглазый и испуганный.

— Хорош? — спросил Саул насмешливо.

Антон засмеялся.

— Красивая раса, — сказал он. — Здравствуй, младший брат.

Младший брат смотрел на него круглыми от страха глазами. *Ну до чего славный парнишка*, подумал Антон.

— А вот это было у него под шубой, — сказал Саул и положил на стол твёрдый пакет.

Пленник сделал движение к пакету.

— Н-но, — грозно сказал Саул. — Опять? Я тебя!

Пленник съёжился. По-видимому, интонации Саула он уже усвоил хорошо. Антон взял пакет, осмотрел его и вскрыл. В конверте из отлично обработанной кожи лежали замысловато сложенный лист бумаги, какой-то чертёж и несколько кусков окровавленного тампопластыря.

— Понимаете? — сказал Саул. — Это они ободрали с раненых.

Антон вспомнил изуродованных людей в шеренге и стиснул зубы.

— Это, наверное, донесение, — сказал он, помолчав. — О нашем появлении. Вадим! — позвал он.

Пленник вдруг заговорил. Он говорил быстро, ударяя себя ладонями по груди, на лице его были ужас и отчаяние, и это странно не вязалось с резкими и даже как будто насмешливыми интонациями его голоса. В зал спустился Вадим и остановился позади пленника, прислушиваясь. Пленник замолчал и закрыл лицо руками.

— Посмотри-ка, Вадим, — сказал Антон, протягивая листок.

— О! — сказал Вадим. — Письмо! Это же просто прелесть! Вдвое меньше работы!

Он взял пленника за рукав и повёл в рубку, на ходу рассматривая листок. Пленник покорно плёлся за ним. Саул внимательно изучал чертёж.

— Я не специалист, — сказал он, — но, по-моему, это точное изображение внутренности того танка. Помните, в котловане?

Он перебрал чертёж Антону. Чертёж был сделан синей краской, очень аккуратно, но на бумаге было много следов грязных пальцев. Это был план кабины-шумовки — по-видимому, очень точный план. Некоторые отверстия были отмечены грубо намалёванными крестиками, некоторые просто зачёркнуты. Антон зевнул и потёр глаза. *Ну вот*, вяло подумал он. *Отличные чертежи делают рабовладельцы.*

— Слушайте, капитан, — сказал Саул, — идите спать. Всё равно, пока наш лингвист не кончит, вы никому здесь не нужны.

— Вы думаете?

— Уверен.

Голос Вадима из рубки потребовал:

— Кофе и банку варенья.

— Сейчас! — крикнул Саул. — Идите, идите, Антон, — сказал он.





— Никуда я не пойду, — сказал Антон. — Я — здесь.

Он закрыл глаза и перестал сопротивляться. Он спал беспокойно, часто просыпался и открывал глаза. Он видел, как на цыпочках проходил Саул — в одной руке у него была пустая банка, в другой кофейник. В следующий раз Саул прошёл в рубку с заставленным подносом, и в кают-компании пахло томатом. Потом Саул очутился за столом. Он задумчиво сосал пустую трубку и внимательно разглядывал Антона. Сверху из рубки доносились монотонные голоса. «Су-у... Му-у... Бу-у...» — говорил Вадим, и механический голос повторял: «Су-у... Му-у... Бу-у... Работать — ка-ро-су-у... Рабочий — каро-бу-у... Стать рабочим — карому-у...» Сон наплывал и уплывал снова. Голос Вадима непонятно вещал: «Блистающий... великий и могучий утёс... идай-хикари... тика-удо...», и визгливый голос пленника поправлял: «Тико-о... удо-о...» Вадим кричал: «Саул! Кофе!» — «Третий кофейник!» — недовольно бормотал Саул.

Потом Антон проснулся и почувствовал, что больше не хочет спать. Саула в зале не было. Изрядно осипший голос Вадима старательно выговаривал наверху: «Соринака-бу... торунака-бу... сапонури-су...» Пленник что-то басовито ворковал в ответ. Антон взглянул на часы. Было три часа утра местного времени. *Ай да структуральнейший*, подумал Антон с уважением. Его вдруг охватило нетерпение. Надо было кончать.

— Димка! — крикнул он. — Как дела?

— Проснулся? — сипло отозвался Вадим. — Мы тебя ждём. Сейчас спускаемся.

Из каюты высунулась голова Саула.

— Уже? — осведомился он. Из приоткрытой двери валил дым.

— Входите, Саул, — сказал Антон. — Сейчас начнём.

Саул сел в кресло и бросил на стол чертёж. Из рубки спустился пленник, его покачивало. Щёки у него были вымазаны вареньем. Не обращая ни на кого внимания, он остановился и стал смотреть вверх с выражением собачьей почтительности в глазах. Сверху уже спускался Вадим, держа в обнимку большой блестящий ящик — приставку-анализатор. Он подошёл к столу, поставил анализатор и рухнул в кресло. На лице у него было ликование.

— Я гений! — сообщил он сипло. — Я ум-ни-ца! Великий и могучий утёс! Хикари-тико-удо!

При этих словах пленник перестал облизывать пальцы и сложил почтительно руки перед грудью.

— А? — вскричал Вадим, простирая к нему руку. Потом он заявил:







*Есть на всякий, есть на случай  
В «Корабле» специалист —  
Ваш великий и могучий  
Структуральнейший лингвист.*

Антон с удовольствием посмотрел на него. На висках у Вадима торчали жёлтые рожки мнемокристаллов. У пленника тоже торчали жёлтые рожки мнемокристаллов. Было в них обоих что-то от добродушных молодых бесов. Впрочем, пленник был больше похож на телёнка. Саул тоже улыбался, посасывая трубку.

— Предупреждаю, — заявил Вадим, — абстрактных вопросов ему задавать не надо. Дубина редкостная. Образование — два класса. — Он встал и роздал Антону и Саулу по паре мнемокристаллов. — Мыслит он исключительно конкретно. — Он повернулся к пленнику. — Ринга хоси-му?

«Хочешь варенья?» — понял Антон.

«Язык» заискивающе улыбнулся и опять сложил рúки перед грудью.

— Вот видите? — сказал Вадим. — Он опять хочет варенья. Но он подождёт. Давайте приступить.

Антон замаялся. Он вдруг обнаружил, что не имеет ни малейшего понятия о том, как это делается. Вадим и Саул выжидательно смотрели на него. Пленник тоскливо переступал с ногí на ногу.

— Как вас зовут? — спросил Антон очень мягко. Ему не нравилось, что пленник до сих пор чувствует себя неуверенно и, несомненно, испытывает страх.

Пленник посмотрел на него с недоумением.

— Хайра, — ответил он и перестал переминыаться.

«Из рода холмов», — понял Антон.

— Очень приятно, — сказал он. — Меня зовут Антон.

Недоумение на физиономии Хайры возросло.

— Скажите, пожалуйста, Хайра, кем вы работаете?

— Я не работаю. Я воин.

— Видите ли, — сказал Антон, — вы, наверное, оскорблены насилием, которое мы были вынуждены применить по отношению к вам. Но вы не должны обижаться. Право, у нас не было иного выхода.

Пленник упёр руку в бок, отвесил нижнюю губу и стал смотреть мимо Антона. Саул гулко кашлянул и принялся барабанить пальцами по столу.

— Вы не должны бояться, — продолжал Антон. — Мы не сделаем вам ничего дурного.

На лице пленника явственно проступила надменность. Он осмотрелся, отошёл на два шага в сторону и сел на пол боком к Антону, скрестив нóги. *Осваивается*, подумал Антон. *Это хорошо*. Вадим, развалившись в кресле, взирал на всё это с удовлетворением. Саул перестал барабанить пальцами и начал постукивать по столу трубкой.





— Мы только хотим задать вам несколько вопросов, — с подъёмом продолжал Антон, — потому что нам необходимо знать, что здесь происходит.

— Варенья, — неприятным голосом произнёс Хайра. — И быстро.

Вадим захохотал от удовольствия.

— Such a little pig!<sup>39</sup> — сказал он.

Антон покраснел и оглянулся на Саула. Саул медленно поднимался. Лицо у него было неподвижное и скупающее.

— Почему не несут варенья? — осведомился Хайра в пространство. — И пусть все молчат, пока я буду спрашивать. И пусть принесут варенья и одеяла, потому что мне жёстко сидеть.

Воцарилось молчание. Вадим перестал улыбаться и с сомнением посмотрел на анализатор.

— Do you think, — растерянно спросил Антон, — we should better bring him some jam?<sup>40</sup>

Саул, не отвечая, медленно приблизился к пленнику. Пленник сидел с каменным лицом. Саул повернулся к Антону.

— You have taken a wrong way, boys<sup>41</sup>, — проговорил он. — It won't pay with SS-men<sup>42</sup>. — Его рука мягко опустилась на шею Хайры. На лице Хайры мелькнуло беспокойство. — He is a pithecanthropus<sup>43</sup>, that's what he is, — нежно сказал Саул. — He mistakes your soft handling for a kind of weakness<sup>44</sup>.

— Саул, Саул! — сказал Антон встревоженно.

— Speak but English<sup>45</sup>, — быстро предупредил Саул.

— Где варенье? — неуверенно спросил пленник.

Саул мощным рывком поднял его на ноги. На каменном лице Хайры проступило смятение. Саул медленно пошёл вокруг него, оглядывая его с головы до ног. Ну и зрелище, подумал Антон с невольным страхом и

39 Каков поросёнок! (оригинальное примечание)

40 Как вы думаете, может быть, действительно принести ему варенья? (оригинальное примечание)

41 Вы избрали неправильный путь, мальчики. (оригинальное примечание)

42 С эсэсовцами это не годится. (оригинальное примечание)

43 В оригинале странное «pitekantropos» (вероятно, латиницей написано греческое слово). Подразумевается питекантроп (лат. pithecanthropus, мн. pithecanthropi, точнее «питекантроп выпрямленный», т. е. pithecanthropus erectus; от греч. πίθηκος — обезьяна и άνθρωπος — человек) — древнейший ископаемый вид человека, предшествующий неандертальцу и характеризующийся значительным числом обезьяньих черт (представитель группы древнейших людей — архантропов). Его кости найдены на о. Ява. Впервые скелетные остатки (черепная крышка, бедренная кость, зубы) были открыты в 1890-92 гг. голландским учёным Э. Дюбуа, а к 1973 г. найдены части черепов, нижние челюсти, фрагменты бедренных костей и отдельные зубы более 20 особей. Особенно интересен обнаруженный в 1969 г. череп с сохранившимся лицевым отделом. Питекантропы отличались хорошо развитым прямохождением, имели крупный (в среднем 900 см<sup>3</sup>) и сложно построенный мозг. Череп у них был низкий с угловатым затыком и сильно развитым надглазничным валиком, нижняя челюсть без подбородочного выступа. Питекантроп вместе с близкими ему синантропом, атлантропом, гейдельбергским человеком и человеком из Олдова входит в вид Homo erectus (лат. — человек выпрямленный). Древность питекантропов определяли в 500-700 тыс. лет, а по данным 1972 г. — до 1,2 млн. лет. В переносном смысле термин используется в разговоре о человеке с некрасивой, дурной, похожей на обезьянью внешность или о невоспитанном, грубом, неумном. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

44 Это же питекантроп. Мягкое обращение он принимает за слабость. (оригинальное примечание)

45 Говорите только по-английски. (оригинальное примечание)





отвращением. У Саула был очень непривлекательный вид. Зато Хайра снова сложил на груди руки и заискивающе улыбался. Саул неторопливо вернулся к своему креслу и сел. Хайра смотрел теперь только на него. В кают-компании стояла мёртвая тишина.

Саул стал набивать трубку, время от времени поглядывая на Хайру исподлобья.

— Now I interrogate<sup>46</sup>, — сказал он. — And you don't interfere. If you choose to talk to me, speak English<sup>47</sup>.

— Agreed<sup>48</sup>, — сказал Вадим и что-то переключил в анализаторе. Антон кивнул.

— What did you do to that box?<sup>49</sup> — подозрительно спросил Саул.

— Took measures, — ответил Вадим. — We don't need him to learn English as well, do we?<sup>50</sup>

— О'кей, — сказал Саул. Он раскурил трубку. Хайра с ужасом смотрел на него, отклоняясь от клубов дыма.

— Имя? — хмуро спросил Саул.

Пленник вздрогнул и согнулся.

— Хайра.

— Должность?

— Носитель копья. Стражник.

— Кто начальник?

— Кадайра. («Из рода вихрей», — понял Антон.)

— Должность начальника?

— Носитель отличного меча. Начальник охраны.

— Сколько стражников в лагере?

— Два десятка.

— Сколько людей в хижинах?

— В хижинах нет людей.

Антон и Вадим переглянулись. Саул бесстрастно продолжал:

— Кто живёт в хижинах?

— Преступники.

— А преступники не люди?

На лице Хайры изобразилось искреннее недоумение. Вместо ответа он нерешительно улыбнулся.

— Ладно. Сколько преступников в лагере?

— Очень много. Никто не считает.

— Кто прислал сюда преступников?

46 Я сейчас буду вести допрос. (оригинальное примечание)

47 А вы не мешайте. Если захотите что-нибудь сказать мне, говорите по-английски. (оригинальное примечание)

48 Ясно. (оригинальное примечание)

49 Что вы сделали с этим ящиком? (оригинальное примечание)

50 Принял меры. Ведь нам не нужно, чтобы он научился заодно и английскому? (оригинальное примечание)





Пленник говорил долго и вдохновенно, но Антон слышал только:

— Их прислал Великий и могучий Утёс, сверкающий бой, с ногой на небе, живущий, пока не исчезнут машины.

— Ого, — сказал Саул, — они знают слово «машины»...

— Нет, — отозвался Вадим, — это я знаю слово «машины». Имеются в виду машины в котловане и на шоссе. А Великий и так далее — это, вероятно, местный царь.

Пленник слушал этот диалог с выражением тупого отчаяния.

— Ну ладно, — сказал Саул. — Продолжим. В чём вина преступников?

Пленный оживился и снова принялся говорить долго и много, и снова Антон понял далеко не всё.

— Есть преступники, желавшие сменить Утёс... Есть преступники, бравшие чужие вещи... Есть преступники, убивавшие людей... Есть преступники, желавшие странного...

— Понятно. Кто прислал сюда стражников?

— Великий и могучий Утёс с ногой на земле.

— Зачем?

Пленник молчал.

— Я спрашиваю, что здесь делает стража?

Пленник молчал. Он даже закрыл глаза. Саул свирепо засопел.

— Так! Что здесь делают преступники?

Пленник, не открывая глаз, замотал головой.

— Говори! — рявкнул Саул так, что Антон вздрогнул. *Комиссия по контактам, горестно подумал он, где ты?*

Пленник жалобно застонал.

— Меня убьют, если расскажу.

— Тебя убьют, если ты не расскажешь, — пообещал Саул. Он достал из кармана перочинный нож и раскрыл его. Пленник затрепетал.

— Саул! — сказал Антон. — Stop it<sup>51</sup>.

Саул стал чистить ножом трубку.

— Stop what?<sup>52</sup> — осведомился он.

— Преступники заставляют машины двигаться, — едва слышно произнёс Хайра. — Стражники смотрят.

— На что смотрят?

— Как машины двигаются.

Саул взял чертёж и сунул пленнику под нос.

— Рассказывай всё, — сказал он.

Хайра рассказывал долго и сбивчиво, Саул подгонял и подправлял его. Дело, по-видимому, сводилось к тому, что местные власти пытались овладеть способом управления машинами. Методы при этом использовались

51 Прекратите. (оригинальное примечание)

52 Что прекратить? (оригинальное примечание)







чисто варварские. Преступников заставляли тыкать пальцами в отверстия, кнопки, клавиши, запускать руки в двигатели и смотрели, что при этом происходит. Чаще всего не происходило ничего. Часто машины взрывались. Реже они начинали двигаться, давя и калеча всех вокруг. И совсем редко удавалось заставить машины двигаться упорядоченно. В процессе работы стражники садились подальше от испытываемой машины, а преступники бежали от них к машине и обратно, сообщая, в какую дыру или в какую кнопку будет сунут палец. Всё это тщательно заносилось на чертежи.

— Кто делает чертежи?

— Не знаю.

— Верю. Кто привозит чертежи?

— Большие начальники на птицах.

— Имеются в виду наши знакомые птички, — пояснил Вадим. — Наверное, здесь их приручают.

— Кому нужны машины?

— Великому и могучему Утёсу, сверкающему бою, с ногой на небе, живущему, пока не исчезнут машины.

— Что он делает с машинами?

— Кто?

— Утёс.

На лице пленника изобразилось смятение.

— Это же должность, Саул, — сказал Вадим. — Говорите полностью.

— Хорошо. Что делает с машинами Великий и могучий Утёс, с ногой на небе... или на земле? ... Тьфу, чёрт, не помню... живущий, пока... это...

— Пока не исчезнут машины, — подсказал Вадим.

— Бессмыслица какая-то, — сказал сердито Саул. — При чём здесь машины?

— Это титулование, — пояснил Вадим. — Символ вечности.

— Слушайте, Вадим. Спросите его, что он делает с машинами.

— Кто?

— Да Утёс же, чёрт бы его побрал!

— Говорите просто, — сказал Вадим. — Великий и могучий Утёс.

Саул отдулся и положил трубку на стол.

— Итак, что делает с машинами Великий и могучий Утёс?

— Никто не знает, что делает Великий и могучий Утёс, — с достоинством сказал пленник.

Антон не выдержал и засмеялся. Вадим хохотал, держась за подлокотники. Пленник глядел на них со страхом.

— Откуда привозят чертежи?

— Из-за гор.

— Что за горами?

— Мир.





— Сколько в мире людей?

— Очень много. Сосчитать невозможно.

— Кто привозит машины?

— Преступники.

— Откуда?

— С твёрдой доро́ги. Там очень много машин. — Пленник подумал и добавил: — Сосчитать нельзя.

— Кто делает машины?

Хайра удивлённо улыбнулся.

— Машины *никто не делает*. Машины *есть*.

— Откуда они взялись?

Хайра произнёс речь. Он тёр лицо, гладил себя по бокам и поглядывал на потолок. Он закатывал глаза и временами даже принимался петь. Получалось приблизительно следующее.

*Давным-давно, когда ещё никто не родился, с красной луны упали большие ящики. В ящиках была вода. Жирная и липкая, как варенье. И она была тёмно-красная, как варенье. Сначала вода сделала город. Потом она сделала в земле две дыры и наполнила эти дыры дымом смерти. Потом вода стала твёрдой дорогой между дырами, а из дыма родились машины. С тех пор один дым рождает машины, другой дым глотает машины, и так всегда будет.*

— Ну, это мы и без тебя знаем, — сказал Саул. — А если преступники не захотят двигать машины?

— Их убивают.

— Кто?

— Стражники.

— И ты убивал?

— Я убил троих, — гордо сказал Хайра.

Антон закрыл глаза. *Мальчишка*, подумал он. *Славный, симпатичный мальчишка. И он говорит об этом с гордостью...*

— Как же ты их убивал? — спросил Саул.

— Одного я убил мечом. Я доказывал начальнику, что могу разрубить тело одним ударом. Теперь он знает, что я это могу. Другого я убил кулаком. А третьего я приказал сбросить мне на копьё.

— Кому приказал?

— Другим преступникам.

Некоторое время Саул молчал.

— Скучно, — сказал пленник. — Служба гордая, но скучная. Нет женщины. Нет умных бесед. Скучно, — повторил он и вздохнул.

— Почему преступники не бегут?

— Они бегут. Пусть. На равнине снег и птицы. В горах стража. Умные не бегут. Все хотят жить.

— Почему у некоторых золотые ногти?





Пленник сказал шёпотом:

— Это были люди большого богатства. Но они хотели странного, а некоторые даже пытались сменить Утёс. Они отвратительны, как падаль, — сказал он громко. — Великий и могучий Утёс, сверкающий бой присылает их сюда со всеми родными. Кроме женщин, — добавил он с сожалением.

— Вы знаете, — сказал Саул, — я испытываю огромное желание повесить сначала его, а потом всех остальных носителей мечей и копий на этой равнине. Но это, к сожалению, бесполезно. — Он снова набил трубку. — У меня больше нет вопросов. Спрашивайте вы, если хотите.

— Нас нельзя вешать, — быстро сказал побледневший Хайра. — Великий и могучий Утёс с ногой на небе жестоко накажет вас.

— Плевать я хотел на твоего Великого и могучего, — сказал Саул, раскуривая трубку. Пальцы его дрожали. — Будете ещё спрашивать или нет?

Антон помотал головой. Никогда в жизни он не испытывал такого отвращения. Вадим подошёл к Хайре и сорвал с его висков мнемокристаллы.

— Что будем делать? — спросил он.

— Таков человек, — задумчиво проговорил Саул. — На пути к вам он должен пройти через всё это и многое другое. Как долго он ещё остаётся скотом, после того как поднимается на задние лапы и берёт в руки орудия труда. Этих ещё можно извинить, они понятия не имеют о свободе, равенстве и братстве. Впрочем, это им ещё предстоит. Они ещё будут спасать цивилизацию газовыми камерами. Им ещё предстоит стать мещанами и поставить свой мир на край гибели. И всё-таки я доволен. В мире этом царит средневековье, это совершенно очевидно. Всё это титулование, пышные разглагольствования, золочёные ногти, невежество... Но уже теперь здесь есть люди, которые *желают странного*. Как это *прекрасно* — человек, который *желает странного*! И этого человека, конечно, боятся. Этому человеку тоже предстоит долгий путь. Его будут жечь на кострах, распинать, сажать за решётку, потом за колючую проволоку... Да. — Он помолчал. — А какова затея! — воскликнул он. — Овладеть машинами, не имея никакого понятия о машинах! Представляете? Какой это был дерзкий ум! Сейчас-то его, конечно, посадили бы в лагерь. Сейчас это всё рутина, что-то вроде обряда в честь могучих предков... Сейчас, наверное, никто и не знает и знать не хочет, *для чего всё это нужно*. Разве что как повод для создания лагеря смерти. А когда-то *это была идея*...

Он замолчал и стал усиленно сипеть трубкой. Антон сказал:

— Ну, зачем же так мрачно, Саул? Им вовсе не обязательно проходить через газовые камеры и прочее. Ведь мы уже здесь.

— *Мы!* — Саул усмехнулся. — Что *мы* можем сделать? Вот нас здесь трое, и все мы хотим творить добро активно. И что же мы можем? Да, конечно, мы можем пойти к Великому Утёсу *этакими* парламентами разума и попросить его, чтобы он отказался от рабовладения и дал народу свободу. Нас возьмут за штаны и бросят в котлован. Можно напялить белые хламиды — и прямо в народ. Вы Антон, будете Христос, Вадим будет





апостолом Павлом, а я, конечно, Фомой. И мы станем проповедовать социализм и даже, может быть, сотворим несколько чудес. Что-нибудь вроде нуль-транспортировки. Местные фарисеи посадят нас на кол, а люди, которых мы хотели спасти, будут с гиком кидать в нас калом... — Он поднялся и прошёлся вокруг стола. — Правда, у нас есть скорчер. Мы можем, например, перебить стражу, построить голых в колонну и прорваться через горы, сжечь сюзеренов и вассалов вместе с их замками и пышными титулами, и тогда городá фарисеев превратятся в головешки, а нас поднимут на копья или, скорее всего, зарежут из-за угла, а в стране воцарится хаос, из которого вынырнут какие-нибудь саддукеи<sup>53</sup>. Вот что мы можем.

Он сел. Антон и Вадим улыбались.

— Нас не трое, — сказал Антон. — Нас, дорогой Саул, двадцать миллиардов. Наверное, раз в двадцать больше, чем на этой планете.

— Ну и что? — сказал Саул. — Вы понимаете, *что* вы хотите сделать? Вы хотите нарушить законы общественного развития! Хотите изменить естественный ход истории! А знаете вы, что такое *история*? Это само *человечество*! И нельзя переломить хребет истории и не переломить хребет человечеству.

— Никто не собирается ломать хребты, — возразил Вадим. — Были времена, когда целые племена и государства по ходу истории перескакивали прямо из феодализма в социализм. И никакие хребты не ломались. Вы что, боитесь войны? Войны не будет. Два миллиона добровольцев, красивый, благоустроенный город, ворота настежь, просим! Вот вам врачи, вот вам учителя, вот вам инженеры, учёные, артисты... Хотите, как у нас? Конечно! И мы этого хотим! Кучка вонючих феодалов против коммунистической колонии — тьфу! Конечно, это случится не сразу. Придётся поработать, лет пять потребуется...

— Пять! — сказал Саул, поднимая руки к потолку. — А пятьсот пятьдесят пять не хотите? Тоже мне *просветители*! *Народники-передвижники*! Это же планета, понимаете? Не племя, не народ, даже не страна — *планета*! *Целая планета невежества, трясины*! *Артисты*! *Учёные*! А что вы будете делать, когда *придётся стрелять*? А вам *придётся стрелять*, Вадим, когда вашу подругу-учительницу распнут грязные монахи... И вам *придётся стрелять*, Антон, когда вашего друга-врача забьют насмерть палками молодчики в ржавых касках! И тогда вы озвереее и из колонистов превратитесь в колонизаторов...

— *Пессимизм*, — сказал Вадим, — *есть мрачное мироощущение, при котором человек во всём склонен видеть дурное, неприятное.*

Саул несколько секунд дико глядел на него.

53 Саддукеи (библ.) — группировка в иудействе, которая сформировалась во время Маккавеев во II в. до РХ и просуществовала до разрушения Иерусалимского храма в 70 г.; саддукеи выражали идеологию иерусалимской знати, жреческой аристократии; они верили в свободную волю человека, важным для них было соблюдение писаного закона; саддукеи отвергали верование в телесное воскресение. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— Вы не шутите, — сказал он наконец. — Это не шутки. Коммунизм — это прежде всего идея! И идея не простая. Её выстрадали кровью! Её не преподашь за пять лет на наглядных примерах. Вы обрушите изобилие на потомственного раба, на природного эгоиста. И знаете, что у вас получится? Либо ваша колония превратится в няньку при разжиревших бездельниках, у которых не будет ни малейшего стимула к деятельности, либо здесь найдётся энергичный мерзавец, который с помощью ваших же глайдеров, скорчеров и всяких других средств вышибет вас вон с этой планеты, а всё изобилие подгребёт себе под седалище, и история всё-таки двинется своим естественным путём.

Саул рывком откинул крышку мусоропровода и принялся яростно выбивать туда свою трубку.

— Нет, голубчики. Коммунизм надо выстрадать. За коммунизм надо драться вот с ним, — он ткнул трубкой в сторону Хайры, — с обыкновенным простаком-парнем. Драться, когда он с копьём, драться, когда он с мушкетом, драться, когда он со «шмайссером» и в каске с рожками. И это ещё не всё. Вот когда он бросит «шмайссер», упадёт брюхом в грязь и будет ползать перед вами — вот когда начнётся настоящая борьба! Не за кусок хлеба, а за коммунизм! Вы его из этой грязи поднимете, отмоете его...

Саул замолчал и откинулся в кресле.

Вадим задумчиво чесал затылок.

Антон сказал:

— Вам виднее, Саул, вы историк. Конечно, всё это будет очень трудно. Вадим тут нёс, как всегда, легкомысленную чушь. Мы вдвоём с Вадимом или троём с вами никогда не решим эту задачу — даже теоретически. Но мы все знаем одно: не было ещё такого случая, чтобы человечество поставило перед собой задачу и не смогло её решить<sup>54</sup>.

Саул что-то неразборчиво проворчал.

— Как это будет делаться конкретно... — Антон пожал плечами. — Что ж, если придётся стрелять, вспомним, как это делалось, и будем стрелять. Только, по-моему, обойдётся без стрельбы. Пригласим, например, этих желающих странного на Землю. Начнём с них. Они, наверное, захотят уехать отсюда...

Саул быстро вскинул и снова опустил глаза.

— Нет, — сказал он. — Только не так. Настоящий человек уехать не захочет. А ненастоящий... — Он снова поднял глаза и посмотрел прямо в лицо Антону. — А ненастоящему на Земле делать нечего. *Кому он нужен, дезертир в коммунизм?*

Почему-то все замолчали. И почему-то Антону стало нестерпимо жалко Саула и страшно за него. У Саула, несомненно, была беда. И очень непростая беда, такая же, наверное, необычная, как он сам, как его слова и поступки.

Вадим с деланным оживлением вскричал:

54 Какая наивность! Мало того, что не счесть числа извечных проблем, так ещё множество примеров, как из одной, вроде бы «решённой» проблемы, «вырастает» превеликое множество ещё более тяжких и «нерешаемых». (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





— А вот, кстати... Мы же забыли! За что меня пырнули мечом эти угнетённые? Надо выяснить!

Он подбежал к Хайре, у которого ноги подламывались от усталости и плохих предчувствий, и снова прикрепил к его вискам рожки мнемокристаллов.

— Слушай-ка, питекантроп, — сказал он. — Почему преступники, которые везли тебя, напали на нас? Они что, *тебя очень любят?*

Хайра ответил:

— По велению Великого и могучего Утёса, сверкающего боя, с ногой на небе, живущего, пока не исчезнут машины, преступники заточаются здесь до тех пор, пока не исчезнут машины...

— То есть *навсегда*, — пояснил Вадим.

— ...но если преступник сделает, чтобы машина двигалась, он получает милость и возвращается за горы. Те, которые везли меня, шли домой. Они были почти уже люди. На заставе я должен был отпустить их и пересечь на птиц. Но они не сумели сохранить меня, хотя и хотели, потому что хотели жить. А теперь их заколют. — Он нервно зевнул и добавил: — Если солнце уже взошло, то их уже закололи.

Антон вскочил, опрокинув кресло.

— О господи! — сказал Саул и выронил трубку.

## VII

Носителя копья из рода холмов посадили между Саулом и Антоном. Он снова был закутан в свою шубу, от которой теперь пахло дезинсектаем, и сидел смирно, беспокойно шевеля коротким носом: принюхивался. Было пять часов утра, занималась бледная ледяная заря. И было очень холодно.

Вадим молча вёл глайдер на максимальной скорости и думал только одно: *«Успеем или не успеем?»* Хоть бы эти бедняги не решились сразу возвращаться в посёлок. Но он понимал, что больше им деваться некуда. Это был их единственный шанс на спасение — попытаться смягчить начальника стражи рассказом о том, как они геройски защищали его посланника. *Эта грубая скотина прикончит их сразу же*, с горечью подумал Вадим. *Если мы не успеем*. Он представил себе, как они поставят Хайру перед толстым носителем отличного меча, и он, Вадим, скажет: *«Кайра-мэ сорината-му каро-сика!»* — *«Вот ваш человек!»* — и визгливо-жалобно завопит: *«Татимата-нэ кори-су!»* — *«Не смей убивать этих свободных!»* Он всё время твердил в уме эти фразы, и в конце концов они потеряли для него всякий смысл. Всё это не так просто. Может быть, придётся вести длинный разговор. А вряд ли носитель меча согласится добровольно прикрепить к своей немой начальственной голове мнемокристаллы. Вадим покосился на блестящий ящик анализатора. Придётся его скрутить. Не зря же я тащил эти двадцать четыре килограмма от кают-компаний до глайдера.

Антон спросил:





— А что было в послании?

Вадим достал из кармана смятый листок и, не оборачиваясь, протянул через плечо.

— Я немного подредактировал, — сказал он. — Перевод карандашом между строчек.

Антон взял листок и стал читать вполголоса:

— *«Лучезарному колесу в золотых мехах, носителю грозной стрелы, слуге под самым сидалищем Великого и могучего Утёса, сверкающего боя, с ногой на небе, живущего, пока не исчезнут машины, к ступне повергает это донесение ничтожный стражник из рода вихрей, носитель отличного меча. Доношу первое: больш́ая машина “воин-купол” пришла в движение от пальца в отверстии пятом и от пальца в отверстии сорок седьмом, и движение было неодолимое, быстрое и прямое. Доношу второе: явились на небывалой машине трое, не знающие речи, не носящие оружия, не понимающие установления и желающие странного. Не зная их сущности, пребываю в ожидании высоких приказаний. Доношу третье: уголь кончается, а топить мертвецами по вашему милостивому слову мы за невежеством и недоумием не умеем. При сем прилагаю: первое — чертёж больш́ой машины “воин-купол” и второе — образцы материи, приклеенные неизвестными людьми к ранам преступников».* Да, здесь ничего нового, — сказал Антон.

— Феодализм чистейшей воды, — произнёс Саул. — Не особенно церемоньтесь с ними, не то как раз сядете на копья.

Да, церемониться неохота, подумал Вадим. И, конечно, не из-за копий. Пленник вдруг заёрзал на месте и грубым басом заискивающе попросил:

— Ринга...

— Сэнту! — визгливо крикнул Вадим.

Пленник замер.

— Опять варенья просит, — сказал Вадим.

— Потерпит, — сказал Саул. — «Жрать и пить, морду бить...»

— Ничего, — сказал Вадим. — Он у нас ещё захочет странного.

— Вадим, — попросил Антон, — дай-ка пару кристаллов. Я хочу поговорить с ним.

— В кармашке справа, — сказал Вадим, не оборачиваясь.

— Слушай, Хайра, — сказал Антон. — Если мы тебя вернём в посёлок, отпустит твой начальник освобождённых, которые защищали тебя?

— Да, — быстро сказал Хайра. — А вы меня вернёте в посёлок?

— Конечно, вернём, — сказал Антон. — Не убивать же тебя.

Вадим посмотрел через плечо. Хайра приосанился.

— Начальник строг, — произнёс он. — Начальник, может быть, не отпустит их и пошлёт обратно в котлован. Но вы можете надеяться на милость. Возможно, он даже отпустит вас, если вы дадите ему ценные подарки. У вас есть ценные подарки?

— Есть, — рассеянно сказал Антон. — У нас всё есть.





— Что он говорит? — проворчал Саул. — Вадим, где мои кристаллы? А, вот они...

— Может быть, действительно придётся выкупить их, — проговорил Антон задумчиво. — Не устраивать же драку... Мне этого совсем не хочется.

Хайра заговорил снова, и голос его был твёрд и визглив.

— А мне вы дадите вот эту куртку. — Он ткнул пальцем в куртку Саула. — И этот ящик. — Он показал на анализатор. — И всё варенье. Всё равно у вас всё отберут перед тем, как отправить в хижину. Вы правильно решили — не устраивать драку. Наши копья острые и зазубрены, и при обратном движении они извлекают из врага внутренности. И ещё я возьму вот эту обувь. И вот эту тоже. Ибо всё между землёй и небом принадлежит Великому и могучему... И это я тоже возьму.

Хайра замолчал озабоченно. Вадим, развлекаясь от души, оглянулся. Антон сосредоточенно смотрел в окно — видимо, он не слушал. Хайра сидел на полу, скрестив ноги, и осматривал его ботинки. Саул смотрел на Хайру, придерживая у виска один из кристаллов. На лице его было бешенство. Поймав взгляд Вадима, он нехорошо улыбнулся. Хайра наставительно сказал:

— Когда вас будут раздевать, не забудьте сказать, что это, — он показал пальцем, — это и это моё. Я первый.

— Молчать, — тихо сказал Саул.

— Молчи сам, — с достоинством сказал Хайра. — Или мы забьём тебя насмерть палками.

— Саул, — сказал Антон. — Перестаньте. Что вы как ребёнок...

— Да, он не умён, — сказал Хайра. — Но куртка его хороша.

А ведь он действительно уверен, что мы в его власти, подумал Вадим. Он уже видит это — как нас раздевают и сталкивают в котлован, и мы спим на земляном полу, покрытом нечистотами, и всегда молчим, а он гонит нас босых по снегу, колет копьём, бьёт по лицу, чтобы не отставали. А вокруг люди, которые думают только о себе, которые мечтают только о том, чтобы попасть пальцем именно в ту дырку, которая приведёт машину в движение, и тогда их, радостных и ликующих, запрягут в сани и погонят по снегу навстречу свободе, босиком, через заснеженные холмы, под сиденье Великого и могучего... У Вадима круги пошли перед глазами от боли — так крепко он закусил губу. Я бы им устроил праздничек, подумал он с ненавистью. Это было странное чувство — ненависть. От него холодело внутри и напрягались все мускулы. Он никогда раньше не испытывал ненависти к людям. Он услышал, как Саул страшно сопит у него за спиной. Хайра мурлыкал песенку.

Внизу показался грязный котлован. На дне его в беспорядке сгрудились машины, нелепые и дикие орудия унижения и смерти. Эх вы, пришельцы, подумал Вадим. Впрочем, что с вас взять! Вы ведь даже не гуманоиды. Вода с неба... Варенье...

Он снизился и, тормозя, пошёл вдоль улицы прямо к домику охраны. Хайра, узнав родные места, разразился радостными воплями, которые не брал даже мощный анализатор.







Перед домиком было полно народу. В зеленоватом свете зари мерцал снег. На снегу, сбившись в кучку, жалкие, голые, стояли, опустив головы, два десятка бывших освобождённых. Вокруг них, опираясь на копыя, расставив ноги, стояли стражники в шубах. На крыльце возвышался носитель отличного меча. Отличный меч он держал перед собой и, повернув оттопыренное ухо к мечу, водил по острию большим пальцем. Потом он заметил снижающийся глайдер и замер, раскрыв чёрную пасть.

Вадим посадил глайдер прямо перед крыльцом. Он распахнул фонарь и крикнул:

— Кайра-мэ сорината-му! Татимата-нэ кори-су!

Он выбрался из-за руля, стрёб носителя копия из рода холмов в охапку и поставил его на ступеньки крыльца. Начальник опустил меч и с отчётливым хрустом захлопнул рот. Хайра согнулся и мелкими шажками прворно подбежал к нему.

— Почему ты ещё не убит? — изумлённо спросил начальник.

Хайра, сложив руки перед грудью, быстро и басовито заворковал:

— Случилось, что должно было случиться! Я рассказал им о величии и мощи Великого и могучего Утёса, сверкающего боя, с одной ногой на небе, живущего, пока не исчезнут машины, и они в страхе пустили воду. Они накормили меня вкусной пищей и говорили со мной, как покорные. И они явились сюда, чтобы склониться перед тобой.

Копейщики почтительно сплотились у крыльца. Только два десятка голых стояли на месте, покорно ожидая своей участи. Начальник важно и медлительно вложил меч в ножны. Он больше не смотрел на глайдер. Он принялся равнодушно и неторопливо расспрашивать Хайру.

— Где они живут?

— У них большой дом на равнине. Очень тёплый.

— Где они взяли эту машину?

— Не знаю. Наверное, на дороге.

— Ты должен был сказать им, что всё небо и вся земля принадлежат Великому и могучему Утёсу.

— Я сказал им. Но их обувь, и одна куртка, и блестящий ящик принадлежат мне. Не забудь этого потом, светлый и сильный.

— Ты дурак, — сказал начальник презрительно. — Всё принадлежит Великому и могучему Утёсу. А ты получишь то, что тебе достанется. Где послание?

— Они отобрали, — разочарованно сказал Хайра.

— Ты дурак ещё раз. Это будет стоить тебе кожи.

Хайра увял. Начальник посмотрел куда-то в пространство между Вадимом и Антоном и произнёс:

— Пусть они покажут свою обувь.

Саул зарычал и полез к борту.

— Тихо, тихо, — сказал Антон.

Начальник меланхолически высморкался на крыльцо.





— А какую еду ел ты? — спросил он.

— Варенье. Это не совсем варенье, но оно сладкое и радует язык.

Начальник слегка оживился.

— А у них много этого варенья?

— Очень много! — с энтузиазмом вскричал Хайра. — Но не приказывай бить меня.

— Я решил, — сказал начальник. — Пусть они отправляются домой и принесут к моим ногам всё варенье. И всю другую еду. У них нет угля?

Хайра вопросительно посмотрел на Антона. Антон резко сказал:

— Потребуй у него свободы этим преступникам!

— Что он говорит? — спросил начальник.

— Он просит, чтобы ты не убивал этих преступников.

— А как ты понимаешь его речь?

Хайра указал обеими руками на рожки мнемокристаллов у себя на висках.

— Если приставить это к голове, то ты слышишь чужую речь, а понимаешь её как свою.

— Дай сюда, — потребовал начальник. — Это тоже принадлежит Великому и могучему Утёсу.

Он отобрал у Хайры мнемокристаллы и после нескольких неудачных попыток пристроил их у себя на лбу. Антон сейчас же сказал:

— Немедленно отпусти этих людей, заслуживших свободу.

Начальник с удивлением посмотрел на него.

— Ты не можешь говорить *так*, — сказал он. — Я прощаю тебя потому, что ты низкий и не знаешь слов. Ступай. И принеси также письмо и чертёж. — Он повернулся к копейщикам, которые почтительно ему внимали, и заорал: — Ну,<sup>55</sup> что вы тут стали, труполобы? Нечего вам обнюхивать их штаны! Штаны всех людей, кто разговаривает со мной, воняют одинаково. За работу! Гоните эту падаль в котлован. Гей! Гей!

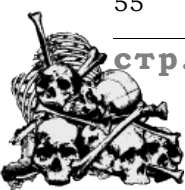
Копейщики загоготали и трусцой побежали по улице, гоня перед собой бывших освобождённых. Начальник дружелюбно хлопнул Хайру по уху и приказал ему убираться. Хайра, шатнувшись от удара, юркнул в дверь. Оставшись один, начальник посмотрел на небо, посмотрел на хижины, протяжно, с прискуливанием зевнул, посмотрел на глайдер, лениво отхаркался и, глядя в сторону, сказал скучающим голосом:

— Делайте, как я указал. Возвращайтесь в свой дом, принесите мне сюда варенье и всю другую еду и идите в котлован, если хотите жить.

Вадим смотрел на эту громадную грязную фигуру и испытывал странную слабость во всех членах. У него было такое ощущение, как будто он во сне пытается взобраться на скользкую отвесную стену. Антон пробормотал рядом:

— Смотри, Димка, смотри хорошенько. Это тебе не мальчишка Хайра.

55 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— Не могу, — странным бесцветным голосом сказал Саул. — Я его сейчас удавлю.

— Ни в коем случае, — сказал Антон.

Начальник гаркнул в открытую дверь:

— Зажарь мне мяса, Хайра, труполоб! И согрей ложе! Я сегодня весел. — Потом он встал к глайдеру боком и, глядя на горы, заговорил, подняв грязный указательный палец: — Сейчас вы ещё неразумны и окаменели от страха. Но вам надлежит знать, что впредь, разговаривая со мной, вы должны согнуться в пояснице и прижать ладони к груди. И не смотреть на меня, потому что вы низкие и взор ваш нечист. Сегодня я вас прощаю, а завтра прикажу избить древками копий. И ещё вы должны помнить, что *самая высокая добродетель состоит в повиновении и молчании*. — Он сунул указательный палец в пасть и стал копать в зубах. Речь его стала невнятной. — Когда вы вернётесь сюда с вареньем, письмом и чертежом, вы разденетесь и оставите всё на крыльце. Я не выйду к вам. Потом пойдите в хижины и обдерите там рубахи с мертвецов. Две рубахи брать нельзя. — Он вдруг заржал. — А то вы вспотеете на работе. Можете взять рубахи с живых, но только с тех, у кого золотые ногти...

В полуоткрытую дверь просунулся Хайра.

— Всё готово, светлый и сильный, — сказал он.

Начальник продолжал:

— Ваша судьба будет легка. Великому и могучему Утёсу нужны люди, умеющие двигать машины. Ибо будет же,<sup>56</sup> наконец,<sup>57</sup> война за зёмли, которые ему принадлежат! И тогда Великий и могучий Утёс, — он поднял указательный палец, — сверкающий бой, с ногой на небе и с ногой на земле, живущий, пока не исчезнут машины...

— Гад! — оглушительно рявкнул Саул. Над ухом Вадима тускло блеснул воронёный ствол скорчера.

— Не надо! — крикнул Антон.

Саул оттолкнул Вадима и схватился за руль.

— *Не надо?* — закричал он. — *А что же надо?* Терпеть и ждать, пока не исчезнут машины? Хорошо!

Страшный рывок повалил Вадима между сидений. Не закрывая фонаря, Саул бросил глайдер в воздух. Раздался треск, над кабиной пролетело расщеплённое бревно. Ледяной ветер завыл в ушах, глайдер круто накренился, и Вадим успел увидеть, что начальник стоит на четвереньках на крыльце, задрав необъятный зад, а крыша дома, вертясь и разваливаясь, падает на середину улицы. Вадим попытался закрыть фонарь. Фонарь не закрывался.

— Саул! — крикнул Вадим. — Сбросьте скорости!

56 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

57 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Саул не ответил. Он гнал глайдер над улицей, по которой уже двигались цепочки заключённых, прямо к котловану. Он скрючился, скрывая лицо за маленьким козырьком. Скорчер лежал у него на коленях. Глайдер шёл неровными толчками, встречный ветер стремился перевернуть его.

Вадим всё пытался одной рукой закрыть фонарь. Другой он придерживал упавший ему на колени ящик анализатора. Саул говорил сквозь зубы:

— Мерзавцы... подлецы... мучители... Машины вам? Будут вам машины! ... Зёмли воевать? Будут вам зёмли! ...

Вадиму, наконец, удалось вскарабкаться на сиденье, и он огляделся. Глайдер мчался прямо на котлован. Антон, вцепившись в подлокотники, шурясь от ветра, молча смотрел в спину Саула.

— Варенье тебе? — рычал Саул. — Я тебе покажу варенье! ... Сладкую еду... труполобы...

Глайдер взлетел над котлованом. Саул замолчал и, перегнувшись через борт, выпалил из скорчера прямо вниз. Вадим отшатнулся. Ослепительное лиловое пламя выбросилось из котлована, громовой удар рванул уши, и всё осталось позади.

Вадим, напрягаясь так, что всё у него внутри захрустело, захлопнул, наконец, фонарь. Стало тихо.

— Я им внушу другие понятия о вечности, — сказал Саул и замолчал.

— А может быть, не надо? — робко предложил Вадим. Он ещё не понимал, чего хочет Саул. *Ну, что с них взять, думал он. Тупые, невежественные люди. Разве на них можно сердиться по-серьёзному?*

Глайдер с рёвом нёсся над верхушками холмов, разбрасывая тучи снежной пыли. Саул был очень неважным водителем, он подавал на двигатель слишком много энергии, и двигатель работал наполовину вхолостую. Зато за глайдером тянулась плотная стена изморози. Несколько птиц кинулись наперерез и сейчас же пропали в снежном вихре. А позади, над искрящейся мутью, поднимался в небо дымный столб.

— Одно жалко, одно... — снова заговорил Саул. — Как жаль, что нельзя уничтожить одним махом всю тупость и жестокость, не уничтожив при этом человека... Ну, одну-то глупость в этой безмерно глупой стране! ...

— Вы летите к шоссе? — спокойно спросил Антон.

— Да. И не пытайтесь остановить меня.

— И не подумаю, — сказал Антон. — Только будьте осторожны.

Теперь Вадим понял и уставился на скорчер. *Кажется, начинается такое, подумал он, чего я никогда в жизни не смогу описать... и не смогу понять.*

На шоссе всё было по-прежнему. Как и вчера, как и сто лет назад, бесшумно, ровными рядами шли машины. Из дыма выходили и уходили в дым. И так могло бы быть вечно. Но вот Саул посадил глайдер в двадцати метрах от полотна, откинул фонарь и положил ствол скорчера на борт.







— Я не терплю ничего вечного, — неожиданно спокойно сказал он и выстрелил.

Первый удар пришёлся по громадной черепахообразной машине. Панцирь вспыхнул и разлетелся, как яичная скорлупа, а платформа на одной гусенице завертелась на месте, сшибая и опрокидывая идущие за нею маленькие зелёные кары.

— Нельзя изменить законы истории... — сказал Саул.

С громом запылала огромная чёрная башня на колёсах, а другая такая же башня опрокинулась и загродила часть шоссе.

— ... но можно исправить некоторые исторические ошибки, — продолжал Саул, целясь.

Лиловая молния миллионвольтного<sup>58</sup> разряда лопнула под днищем оранжевой машины, похожей на полевой синтезатор, и она, распадаясь на части, взлетела высоко в воздух.

— ... эти ошибки даже должно исправлять, — приговаривал Саул, непрерывно стреляя. — Феодализм... и без того достаточно... грязен.

Потом он замолчал. Справа росла гряда раскалённых обломков, а слева шоссе опустело — впервые, вероятно, за тысячи лет, — там пробегали только отдельные машины, случайно прорвавшиеся через огненную завесу. Потом пылающая гора распалась с шипением и треском, поднялся высокий столб искр и пепла, и сквозь облака дыма на шоссе хлынули новые ряды машин. Саул зарычал и снова припал к скорчеру. Снова загревели разряды, запылали, взрываясь, машины, и снова начала расти гряда раскалённых обломков. Чёрные тяжёлые клубы, прорезаемые фонтанами искр, повисли в небе. Из дыма мохнатыми хлопьями падал пепел, и снег вокруг почернел и дымился. У шоссе обнажилась земля.

Вадим сидел, упираясь ногами в ящик анализатора, вздрагивая и щурясь при каждой вспышке. Потом он привык и перестал щуриться. Снова и снова вырастала на шоссе пылающая гора, снова и снова она рассыпалась, разбрасывая горящие обломки, шумно вздыхая волнами нестерпимого жара, а машины всё шли и шли неодолимым потоком, равнодушные ко всему этому уничтожению, и не было им конца.

— Наверное, хватит, Саул! — попросил Антон.

*Это бесполезно, подумал Вадим. Саул перестал стрелять — кончились заряды — и уронил голову на руки. Горячее дуло скорчера задралось в небо. Вадим поглядел на покрытые копотью голову и руки Саула и ощутил огромную усталость. Не понимаю, подумал он. Всё зря. Бедный Саул. Бедный Саул.*

— История, — хрипло сказал Саул, не поднимая головы. — Ничего нельзя остановить.

Он выпрямился и посмотрел на ребят.

— Сердце не вытерпело, — сказал он. — Простите меня. Сердце не вытерпело. Я просто не смог. Надо было хоть что-нибудь сделать.

58 В оригинале «миллионовольтного». (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





Они сидели и долго глядели на шоссе. Машины ряд за рядом катились своим путём, сталкивая обломки на обочины, сметая пепел, и скоро всё стало по-прежнему, только поперёк шоссе медленно остывало багровое пятно, чернел испачканный снег вокруг и долго не рассеивалась над головой дымная пелена, сквозь которую, вздрагивая, глядел красный искажённый диск — жёлтый карлик ЕН 7031.

Саул закрыл глаза и сказал непонятно:

— Это как пёчи... Если разрушить только пёчи — построят новые, и всё.

Где-то неподалёку раздались знакомые до отвращения жалобные крики. Вадим неохотно повернул голову. На просёлке возле шоссе стояла толпа измученных людей в мешковине, и стражники в шубах и с копьями суетились вокруг. *Что им здесь надо?* — равнодушно подумал Вадим. Стражники древками пик выгнали из толпы какого-то несчастного. Дрожа и оглядываясь, он прошёл по чёрному снегу и вышел на шоссе. Громадная блестящая башня мягко катилась на него. Несчастный с отчаянием посмотрел на стражников. Те проорали что-то про рúки. Преступник закрыл глаза и раскинул рúки крестом. Машины сшибла его и покатила дальше. Саул поднялся. Скорчер, глухо стукнув, упал на дно кабины.

— Хочу набить им морду, — сказал Саул. Пальцы у него сгибались и разгибались.

Антон поймал его за куртку.

— Честное слово, Саул, — сказал он, — это *тоже* бесполезно.

— Знаю. — Саул сел. — Вы думаете, я не знаю? Ну почему я ничего не могу сделать? Почему я ни там, ни здесь ничего не могу сделать?

Стражники вытолкнули на дорогу другого заключённого. Первый так и остался лежать, плоский, как пустой мешок. Второй раскинул рúки и встал на пути красной платформы с кубическим ящиком. Платформа снизила скорость и остановилась перед ним в двух шагах. Стражники закричали. Заключённый поднял рúки и, пятясь, стал сходить с шоссе. Красная машина, как привязанная, поползла за ним. Она съехала на просёлок и тяжело закачалась на колдобинах. Заключённый всё пятился и пятился, уводя её от шоссе к котловану. А по шоссе всё шли, шли и шли машины.

— Чепуху я сделал, — горестно сказал Саул. — Ругайте меня. Но всё равно начинать здесь нужно с чего-нибудь подобного. Вы сюда вернётесь, я знаю. Так помните, что начинать нужно всегда с того, что сеет сомнение... Ну, что же вы меня не ругаете?

Вадим только судорожно вздохнул, а Антон сказал ласково:

— За что же, Саул? Вы не сделали ничего плохого. Вы сделали только *странное*.





## VIII

— Димка, — сказал Антон, — пойди,<sup>59</sup> посмотри, как там Саул.

Вадим поднялся и вышел из рубки. Он спустился в кают-компанию и заглянул к Саулу. На него пахло застоявшимся табачным дымом. Саул лежал на диване в той же позе, в которой они уложили его после перехода: вытянув ноги с огромными ступнями, закинувшись, выставив щетинистый кадык. Вадим присел рядом и потрогал его лоб. Лоб горел. Саул несвязно забормотал:

— Сухари... сухари нужны... Что вы ко мне с ножницами? В портняжной ножницы... не маникюрные же... Я вас о сухарях спрашиваю... а вы мне ножницы... — Он вдруг сильно вздрогнул и прохрипел: — Zum Befehl<sup>60</sup>, господин блоковый... Никак нет, бьём вшей...

Вадим погладил его по бессильной руке. На Саула было тяжело смотреть. Всегда тяжело видеть сильного, уверенного человека в таком беспомощном состоянии. Саул медленно открыл глаза.

— А... — проговорил он. — Вадим... Димочка... Ты ничего не думай... На допрос всегда противно смотреть... Ты не думай обо мне плохо... Я вернусь... Это была просто слабость... А теперь я отдохнул немножко и вернусь...

Глаза его снова стали закатываться. Вадим с жалостью глядел на него.

— Опять горим... — забормотал Саул. — Как дрова горим. Степанов горит! Да в рощу же, в рощу! ...

Вадим вздохнул и поднялся. Он оглядел каюту. Беспорядок здесь был страшный. На полу валялся, вывернув внутренности, нелепый портфель. Содержимое было разбросано — странные серые картонные чехлы, набитые бумагой, украшенные стилизованным изображением какой-то птицы с раскинутыми крыльями. Один из чехлов раскрылся, и бумаги рассыпались по всей каюте. На столике тоже лежали бумаги. Вадим хотел было прибрать, но заметил, что Саул заснул. Тогда он на цыпочках вышел и прикрыл за собой дверь.

Антон сидел за пультом, положив пальцы на контакты, и задумчиво глядел на обзорный экран. По экрану медленно проползали вершины сосен, далёкие сияющие этажи домов, красные огоньки энергоприёмников.

— Плохо ему, — сказал Вадим. — Бредит. Сейчас, правда, заснул.

Он присел на подлокотник и уставился на стену, разрисованную изображениями человеческих фигурок и предметов.

— Вот стену я напрасно испачкал, — проговорил он. — Надо было у Саула попросить бумаги. У него, оказывается, полный портфель бумаги. Между прочим, Хайра до икоты испугался, когда я стал рисовать...

59 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

60 В оригинале «Цум бефель», хотя явно подразумевается устоявшееся армейское выражение на немецком языке zu Befehl! («слушаюсь!», «слушаюсь!» или «по вашему приказанию явился!») с использованием немецкого предлога zum (сокращение предлога с артиклем zu dem). (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— Ты знаешь, Димка, — сказал Антон задумчиво. — Саул, конечно, человек странный. Но чтобы у взрослого дяди не было прививки биоблокады... — Он покачал головой.

— Ты хоть представляешь, чем он болен?

— Я тебе уже говорил — не представляю. Заразился чем-нибудь от Хайры...

Вадим представил себе, чем можно заразиться от Хайры, поморщился и сполз в кресло.

— Мне Саул нравится, — объявил он. — Он чудака с точкой зрения. И он восхитительно загадочен. Никогда в жизни я не слышал такого загадочного бреда.

— А сколько раз ты вообще слышал бред?

— Это несущественно. Я читал. Между прочим, он сказал, что его бегство с Земли было просто слабостью. Теперь, говорит, я отдохнул немного и вернусь. Я рад за него, Тошка.

— Это он тебе в бреду говорил?

— Нет. У него было прояснение. — Вадим посмотрел на экран. «Корабль» плыл над Хибинами. — Как ты думаешь, сколько времени прошло?

— Тысяча лет, — сказал Антон.

Вадим усмехнулся.

— На редкость содержательный отпуск. Здорowo мы там, верно? — Блаженно улыбаясь, он стал вспоминать героические эпизоды, репетируя завтрашнее выступление перед Нели и Самсоном. Самсон зачихнет безо всяких черепов: я покажу ему шрам.

— Жаль, — сказал он вслух.

— Что?

— Жаль, что он ударил меня в бок. Надо было по лицу. Представляешь? Шрам от левого виска и через глаз до подбородка!

Антон посмотрел на него.

— Знаешь, Димка, — сказал он, — я к тебе, кажется, никогда не привыкну.

— А ты не беспокойся, Антон. Ты тоже был ничего. Мямлил, правда. Я расскажу Галке, что ты здорowo командуешь.

Антон скривился.

— Нет уж, ты лучше ничего не рассказывай. — Он помолчал. — Здорowo мямлил?

— По-моему, да.

— Понимаешь, ничего не мог с собой поделаться. Никогда мне ещё не приходилось так туго. Всякое бывало, но вот такой ситуации, Димка, когда нужно что-то делать и абсолютно ничего нельзя сделать, когда вот так нужно что-то улучшить и знаешь, что сделать можно только хуже... Мямлил, конечно.

Вадим рассматривал Хибины.







— А командовал ты всё-таки хорошо. Любопытно было видеть тебя в таком амплау... Послушай, а Хайра-то лежит сейчас на своих вонючих шкурах и думает: какие были ботинки, ни у кого таких нет! Антон, дружище, а ты не можешь побыстрее?

— Не могу. Здесь нельзя быстрее.

— Мало ли чего нельзя... Давай я поведу.

— Нет уж, — сказал Антон. — И так вся эта эскапада будет стоить мне пилотского права.

— А что ты сделал?

— Да уж сделал... Уверяю тебя, второй раз на Саулу я полечу уже не классным звездолётчиком, а плохим врачом-энтузиастом.

Вадим удивился. *А что мы сделали? Делали всё, что могли, и всё, что должны были делать. Как же иначе? Нас было-то всего трое. Будь нас человек двадцать, мы бы просто разоружили охрану, и конец делу. Во всяком случае, ругать нас не за что. Нехорошо, правда, получилось с теми ребятами, которые везли Хайру. Но откуда нам было знать? Да нет, что там говорить, разведку мы провели отлично. С честью. Теперь надо засучить рукава и собирать ребят. Сначала — комитет. Ну, я, Антон, несомненно. Саула я уломаю. Без Саула нельзя: нужен скептик. И человек он боевой и решительный, весь в двадцатом веке. Потом Самсон. Отличный инженер, при всей его ядовитости. Нели, артистка, пусть пленяет. Гриша Барабанов необходим: во-первых, он сам учитель; во-вторых, он знает бездну других учителей, судя по всему, людей настоящих... Врач! Врач нужен... Не может быть, чтобы в бездне учителей не нашлось ни одного врача. И охотников нужно. Вот что нужно так нужно. Выбить клювастых птичек-самсончиков.* Вадим хихикнул. *А потом мы всем комитетом выступим перед Землёй, бросим клич...*

У Вадима сладостно замерло сердце, когда он представил себе весь размах этой новой ослепительной затеи. Эскадры рейсовых Д-звездолётов, битком набитых удалыми добровольцами, синтезаторами, медикаментами... целые тонны эмбриомеханических яиц, из которых в полчаса вырастут дома, глайдеры, синоптические установки... и двадцать тысяч, тридцать тысяч, сто тысяч новых знакомств!

— Весь космофлот в разгоне, — сказал Антон.

— Что?

— Я говорю, весь космофлот в разгоне. Я прикинул: для начала нужно,<sup>61</sup> по крайней мере,<sup>62</sup> десяток рейсовых «призраков», а их всего пятьдесят четыре, и все сейчас у ЕН 117 для броска за Слепое Пятно.

— Построим новые, — решил Вадим.

Антон покосился на него.

— Опять у тебя в голове сверкающая каша... Ты, Димка, имей в виду, что на Саулу тебя, скорее всего, больше не пустят.

— Как это так — *не пустят?*

61 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

62 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— Очень просто. Там нужны не двадцатилетние рубаки, а профессионалы в самом серьёзном смысле слова. Я вот представить себе не могу, чтобы столько настоящих профессионалов можно было оторвать от Планеты. И это ещё полбеды.

— Ну-ну, — поощрил Вадим. — А вторая половина?

— А вторая половина, голубчик ты мой... — Антон вздохнул. — Существует уже два века такая незаметная организация — Комиссия по контактам. И что для неё характерно: во-первых, без её разрешения ни один звездолётчик не сядет в кресло пилота, а во-вторых, в её составе нет ни одного рубаки, а люди все, как на подбор, серьёзные, умные и видящие последствия.

Антон говорил серьёзно, но Вадим всё-таки спросил его:

— Ты что, серьёзно?

— Совершенно серьёзно. — Антон пробежал пальцами по контактам и сказал: — Дать тебе, что ли, снизиться в утешение... Нет, не дам. Хватит с меня мертвецов.

«Корабль» мягко и бесшумно опустился на поляне почти на том же месте, откуда взлетел тридцать девять часов назад. Антон выключил двигатель и немного посидел, ласково глядя рукой пульт.

— Значит, так, — сказал он. — Сначала — Саул.

Вадим, надувшись, смотрел перед собой. Антон включил бортовой радиофон и настроился на волну скорой помощи.

— Пункт одиннадцать-одиннадцать, — сказал спокойный женский голос.

— Требуется врач-эпидемиолог, — попросил Антон. — Заболел человек, вернувшийся с новой планеты земного типа.

Некоторое время приёмник молчал. Затем голос удивлённо переспросил:

— Простите, как вы сказали?

— Видите ли, — объяснил Антон, — у него не была привита биоблокада.

— Странно. Хорошо... Ваш пеленг?

— Даю.

— Благодарю, приняла. Ждите через десять минут.

Антон поглядел на Вадима.

— Не дуйся, структуральнейший, обойдётся. Пойдём к Саулу.

Вадим медленно выбрался из кресла. Они сошли в зал и сразу увидели, что дверь в каюту Саула открыта. Саула в каюте не было. Не было и его портфеля и бумаг, а на столике лежал скорчер.

— Где же он? — спросил Антон.

Вадим бросился к выходу. Люк был вскрыт, снаружи стояла тёплая звёздная ночь. Громко кричали цикады.

— Саул! — позвал Вадим.





Никто не отозвался. Вадим в растерянности сделал несколько шагов по мягкой траве. «Куда же он ушёл, больной?» — подумал он и снова крикнул:

— Саул!

И снова никто не отозвался. Налетел тёплый ветерок и нежно погладил Вадима по лицу.

— Димка, — негромко позвал Антон, — поди сюда...

Вадим вернулся к освещённому люку. Антон протянул ему листок бумаги.

— Саул оставил записку, — сказал он. — Положил под скорчер.

Это был обрывок грубой серой бумаги, захватанный грязными пальцами. Вадим прочёл:

*«Дорогие мальчики! Простите меня за обман. Я не историк. Я просто дезертир. Я сбежал к вам, потому что хотел спастись. Вы этого не поймёте. У меня осталась всего одна обойма, и меня взяла тоска. А теперь мне стыдно, и я возвращаюсь. А вы возвращайтесь на Саулу и делайте своё дело, а я уж доделаю своё. У меня ещё целая обойма. Иду... Прощайте. Ваш С. Репнин».*

— Слушай, он совсем больной, — сказал Вадим растерянно. — Бежим его искать!

— Посмотри на обороте, — сказал Антон.

Вадим перевернул листок. На обороте большими корявыми буквами было написано:

*«Господину рапортфюреру обершарфюреру СС господину Вирту от блокфризера шестого блока заключённого № 658617*

#### *ДОНЕСЕНИЕ*

*Настоящим доношу, что по собранным мною наблюдениям заключённый № 819360 не является уголовным по кличке «Саул», а есть бывший бронетанковый командир Красной Армии Савел Петрович Репнин, взятый в плен немецкой армией ещё под Ржевом в бессознательном состоянии. Указанный № 819360 есть скрытый коммунист и, безусловно, вредный для порядка человек. Он мною уличён, что готовит побег и участвует в той группе, про которую я Вам доносил в донесении от июля сего 1943. И ещё настоящим доношу, что они готовятся...»*

На этом текст обрывался. Вадим уставился на Антона.

— Не понимаю, — сказал он.

— Я тоже, — тихо сказал Антон.

Яркий свет упал на поляну. Над «Кораблём» медленно снижался санитарный «Огонёк».

— Объясняйся с врачом, — сказал Антон с неопределённой усмешкой, — а я пойду и свяжусь с Советом.

— Что же я ему объясню? — пробормотал Вадим, глядя на клочок бумаги.





Заключённый № 819360 лежал ничком, уткнувшись лицом в липкую грязь, у обочины шоссе. Правая рука его ещё цеплялась за рукоятку «шмайссера».

— Кажется, готов, — с сожалением сказал Эрнст Брандт. Он был ещё бледен. — Мой бог, стёкла так и брызнули мне в лицо...

— Этот мерзавец подстерегал нас, — сказал оберштурмфюрер Дейбель.

Они оглянулись на шоссе. Поперёк шоссе стоял размалёванный камуфляжной краской вездеход. Ветровое стекло его было разбито, с переднего сиденья, зацепившись шинелью, свисал убитый водитель. Двое солдат волокли под мышки раненого. Раненый громко вскрикивал.

— Это, наверное, один из тех, что убили Рудольфа, — сказал Эрнст. Он упёрся сапогом в плечо трупа и перевернул его на спину.

— Kreis Hagel Donner Wetter noch einmal<sup>63</sup>, — сказал он. — Это же портфель Рудольфа!

Дейбель, перекосив жирное лицо, нагнулся, оттопырив необъятный зад. Дряблые щёки его затряслись.

— Да, это его портфель, — пробормотал он. — Бедный Рудольф! Вырваться из-под Москвы и погибнуть от пули вшивого заключённого...

Он выпрямился и посмотрел на Эрнста. У Эрнста Брандта было румяное глупое лицо и блестящие чёрные глаза. Дейбель отвернулся.

— Возьми портфель, — буркнул он и горестно уставился вдаль, где над лесом торчали толстые трубы лагерных печей, из которых валил отвратительный жирный дым.

А заключённый № 819360 широко открытыми мёртвыми глазами глядел в низкое серое небо.

**1962 © А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий**

63 В оригинале «Крайцхагельдоннерветтернохайнмаль», т. е. бессвязный набор немецких слов, очевидно, подразумевающих несвязную ругань, что-то вроде «Kreis Hagel Donner Wetter noch einmal» (где Kreis — круг, окружность, сфера, кружок, компания, район, округ; Hagel — град, дробь, картечь, ячмень; Donner — гром; Wetter — погода; noch einmal — ещё раз), т. е. получается нечто вроде «Вокруг погода — гром и молния ещё раз». (прим. ред. Alex.Rus.UA)







## «Обитаемый остров»

### Замечание о версии романа

Это окончательный вариант романа, в редакции Бориса Стругацкого 1992 г.. В некотором смысле он же — первоначальный. Восстановлены сокращения и исправления, внесённые при первой публикации.

Ну,<sup>64</sup> а на глаз заметны следующие изменения:

<i>Старый вариант</i>	<i>Канонический вариант</i>
Легион	Гвардия
Огненосные Творцы	Неизвестные Отцы

В оригинале были также<sup>65</sup> и другие имена героев, но восстановить их уже не удастся.

Максим Каммерер <sup>66</sup>	Максим Ростиславский
Рудольф Сикорски	Павел Григорьевич

64 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

65 В оригинале «так же» раздельно. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

66 В оригинале «Камерер», в отличие от последующего текста, с одним «М». (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





## Часть первая. Робинзон

### 1.

Максим приоткрыл люк, высунулся и опасливо поглядел в небо. Небо здесь было низкое и какое-то твёрдое, без этой легкомысленной прозрачности, намекающей на бездонность космоса и множественность обитаемых миров, — настоящая библейская твердь, гладкая и непроницаемая. Твердь эта несомненно опиралась на могучие плечи местного Атланта и равномерно фосфоресцировала. Максим поискал в зените дыру, пробитую кораблём, но дыры там не было — там расплывались только две большие чёрные кляксы, словно капли туши в воде. Максим распахнул люк настежь и соскочил в высокую сухую траву. Воздух был горячий и густой, пахло пылью, старым железом, раздавленной зеленью, жизнью. Смертью тоже пахло, давней и непонятной. Трава была по пояс, неподалёку темнели заросли кустарника, торчали кое-как унылые кривоватые деревья. Было почти светло, как в яркую лунную ночь на Земле, но не было лунной туманной голубизны, всё было серое, пыльное, плоское. Корабль стоял на дне огромной котловины с пологими склонами; местность вокруг заметно поднималась к размытому неясному горизонту, и это было странно, потому что где-то рядом текла река, большая и спокойная, текла на запад, вверх по склону котловины.

Максим обошёл корабль, ведя ладонью по холодному, чуть влажному его боку. Он обнаружил следы ударов там, где и ожидал. Глубокая неприятная вмятина под индикаторным кольцом — это когда корабль внезапно подбросило и завалило набок, так что киберпилот обиделся, и Максиму пришлось спешно перехватить управление, — и зазубрина возле правого зрачка — это десять секунд спустя, когда корабль положило на нос и он окривел. Максим снова посмотрел в зенит. Чёрные кляксы были теперь еле видны. Метеоритная атака в стратосфере, вероятность — ноль целых ноль-ноль... Но ведь всякое возможное событие когда-нибудь да осуществляется...

Максим просунулся в кабину, переключил управление на авторемонт, задействовал экспресс-лабораторию и направился к реке. Приключение, конечно, но всё равно — рутина. У нас в ГСП даже приключения рутинные. Метеоритная атака, лучевая атака, авария при посадке. Авария при посадке, метеоритная атака, лучевая атака... Приключения тела.

Высокая ломкая трава шуршала и хрустела под ногами, колющие семена впивались в шорты. С зудящим звоном пролетела туча какой-то мошкеры, потолкалась перед лицом и отстала. Взрослые солидные люди в Группу Свободного Поиска не идут. У них свои взрослые солидные дела, и они знают, что эти чужие планеты в сущности своей достаточно однообразны и утомительны. Однообразно-утомительны. Утомительно-однообразны... Конечно, если тебе двадцать лет, если ты ничего толком не умеешь, если ты толком не знаешь, что тебе хотелось бы уметь, если ты не научился ещё ценить своё главное достояние — время, если у





тебя нет и не предвидится никаких особенных талантов, если доминантой твоего существа в двадцать лет, как и десять лет назад, остаются не голова, а рѹки да нѹги, если ты настолько примитивен, что воображаешь, будто на неизвестных планетах можно отыскать некую драгоценность, невозможную на Земле, если, если, если... то тогда, конечно. Тогда бери каталог, раскрывай его на любой странице, ткни пальцем в любую строчку и лети себе. Открывай планету, называй её собственным именем, определяй физические характеристики, сражайся с чудовищами, буде таковые найдутся, вступай в контакты, буде найдѣтся с кем, робинзонь помаленьку, буде никого не обнаружишь... И не то чтобы всё это напрасно. Тебя поблагодарят, тебе скажут, что ты внѣс посильный вклад, тебя вызовет для подробного разговора какой-нибудь видный специалист... Школьники, особенно отстающие и непременно младших классов, будут взирать на тебя с почтительностью, но учитель при встрече спросит только: «Ты всё ещё в ГСП?» — и переведѣт разговор на другую тему, и лицо у него будет виноватым и печальным, потому что ответственность за то, что ты всё ещё в ГСП, он берѣт на себя. А отец скажет: «Гм...» — и неуверенно предложит тебе место лаборанта; а мама скажет: «Максик, но ведь ты неплохо рисовал в детстве...»; а Дженни скажет: «Познакомься, это мой муж». И все будут правы, все, кроме тебя. И ты вернѣшься в Управление ГСП и, стараясь не глядеть на двух таких же остолопов, роющихся в каталогах у соседнего стеллажа, возьмѣшь очередной том, откроешь наугад страницу и ткнѣшь пальцем...

Прежде чем спуститься по обрыву к реке, Максим оглянулся. Позади топорщилась, распрямляясь, примята им трава, чернели на фоне неба корявые деревья, и светился маленький кружок раскрытого люка. Всё было очень привычно. Ну и ладно, сказал он себе. Ну и пусть... Хорошо бы найти цивилизацию — мощную, древнюю, мудрую. И человеческую... Он спустился к воде.

Река действительно была больша́я, медленная, и простым глазом было видно, как она спускается с востока и поднимается на запад. (Рефракция здесь, однако, чудовищная!) И видно было, что другой берег пологий и зарос густым кустарником, а в километре вверх по течению торчат из воды какие-то столбы и кривые балки, перекошенные решѣтчатые фермы, мохнатые от вьющихся растений. Цивилизация, подумал Максим без особенного азарта. Вокруг чувствовалось много железа, и ещё что-то чувствовалось, неприятное, душное, и когда Максим зачерпнул горстью воду, он понял, что это радиация, довольно сильная и зловредная. Река несла с востока радиоактивные вещества, и Максиму стало ясно, что проку от этой цивилизации будет мало, что это опять не то, что контакта лучше не затевать, а надо проделать стандартные анализы, раза два незаметно облететь планету по экватору и убираться восвояси, а на Земле передать материалы серьёзным и много повидавшим дядям из Совета<sup>67</sup> галактической безопасности и поскорее забыть обо всѣм.

Он брезгливо отряхнул пальцы и вытер их о песок, потѹм присел на корточки, задумался. Он попытался представить себе жителей этой планеты, вряд ли благополучной. Где-то за лесами был город, вряд ли благополучный

67 В оригинале малопригодное «Света». (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





город: грязные заводы, дряхлые реакторы, сбрасывающие в реку радиоактивные помои, некрасивые дикие дома под железными крышами, много стен и мало окон, грязные промежутки между домами, заваленные отбросами и трупами домашних животных, большой ров вокруг города и подъёмные мосты... Хотя нет, это было до реакторов. И люди. Он попытался представить себе этих людей, но не смог. Он знал только, что на них очень много надето, они были прямо-таки запакованы в толстую грубую материю, и у них были высокие белые воротнички, натирающие подбородок... Потом он увидел следы на песке.

Это были следы босых ног. Кто-то спустился с обрыва и ушёл в реку. Кто-то с большими широкими ступнями, тяжёлый, косолапый, неуклюжий — несомненно, гуманоид, но на ногах у него было по шесть пальцев. Постанывая и кряхтя, сполз с обрыва, проковылял по песку, с плеском погрузился в радиоактивные воды и, фыркая и храпя, поплыл на другой берег, в тростники. Не снимая высокого белого воротничка...

Яркая голубая вспышка озарила всё вокруг, словно ударила молния, и сейчас же над обрывом загрохотало, зашипело, затрещало огненным треском. Максим вскочил. По обрыву сыпалась сухая земля, что-то с опасным визгом пронеслось в небе и упало посередине реки, подняв фонтан брызг вперемешку с белым паром. Максим торопливо побежал вверх по обрыву. Он уже знал, что случилось, только не понимал, почему, и он не удивился, когда увидел на том месте, где только что стоял корабль, клубящийся столб раскалённого дыма, гигантским штопором уходящий в фосфоресцирующую небесную твердь. Корабль лопнул, лиловым светом полыхала керамитовая скорлупа, весело горела сухая трава вокруг, пылал кустарник, и занимались дымными огоньками корявые деревья. Яростный жар бил в лицо, и Максим заслонился ладонью и попятился вдоль обрыва — на шаг, потом ещё на шаг, потом ещё и ещё... Он пятился, не отрывая слезящихся глаз от этого жаркого факела великолепной красоты, сыплющего багровыми и зелёными искрами, от этого внезапного вулкана, от бессмысленного буйства распоясавшейся энергии.

*Нет, отчего же... — потерянно думал он. Явилась больша́я обезьяна, видит — меня нет, забралась внутрь, подняла палубу — сам я не знаю, как это делается, но она сообразила, сообразительная такая была обезьяна, шестипалая, — подняла, значит, палубу... Что там в кораблях под палубой? Словом, нашла она аккумуляторы, взяла большой камень — и трах! ... Очень большой камень, тонны в три весом, — и с размаху... Здоровенная такая обезьяна... Доконала она всё-таки мой корабль своими булыжниками — два раза в стратосфере и вот здесь... Удивительная история... Такого, кажется, ещё не бывало. Что же мне, однако, теперь делать? Хватятся меня, конечно, скоро, но даже когда хватятся, то вряд ли подумают, что такое возможно: корабль погиб, а пилот цел... Что же теперь будет? Мама... Отец... Учитель...*

Он повернулся спиной к пожару и пошёл прочь. Он быстро шёл вдоль реки; всё вокруг было озарено красным светом; впереди металась, сокращаясь и вытягиваясь, его тень на траве, Справа начался лес, редкий, пахнувший прелью, трава сделалась мягкой и влажной. Две большие ночные птицы с шумом вырвались из-под ног и низко над водой потянули на ту







сторону. Он мельком подумал, что огонь может нагнать его, и тогда придётся уходить вплавь и это будет малоприятно; но красный свет вдруг померк и погас совсем, и он понял, что противопожарные устройства, в отличие от него, разобрались всё-таки, что к чему, и выполнили своё назначение с присущей им тщательностью. Он живо представил себе закопчённые оплавившиеся баллоны, нелепо торчащие посреди горячих обломков, испускающие тяжёлые облака пирофага и очень собой довольные...

*Спокойствие, думал он. Главное — не пороть горячку. Время есть. Собственно говоря, у меня масса времени. Они могут искать меня до бесконечности: корабля нет, и найти меня невозможно. А пока они не поймут, что произошло, пока не убедятся окончательно, пока не будут полностью уверены, маме они ничего не сообщат... А я уж тут что-нибудь придумаю.*

Он миновал небольшую прохладную топь, продрался сквозь кусты и оказался на дороге, на старой потрескавшейся бетонной дороге, уходящей в лес. Он подошёл к краю обрыва, ступая по бетонным плитам, и увидел ржавые, обросшие вьюном, фермы, остатки какого-то крупного решётчатого сооружения, полупогружённые в воду, а на той стороне — продолжение дороги, едва различимое под светящимся небом. По-видимому, здесь когда-то был мост. И по-видимому, этот мост кому-то мешал, и его свалили в реку, отчего он не стал ни красивее, ни удобнее. Максим сел на край обрыва и спустил ноги. Он обследовал себя изнутри, убедился, что горячки не порет, и стал размышлять.

*Главное я нашёл. Вот тебе дорога. Плохая дорога, грубая дорога и к тому же старинная дорога, но всё-таки это дорога, а на всех обитаемых планетах дороги ведут к тем, кто их строил. Что мне нужно? Пищи мне не нужно. То есть я бы поел, но это работают дремучие инстинкты, которые мы сейчас подавим. Вода мне понадобится не раньше чем через сутки. Воздуху хватает, хотя я предпочёл бы, чтобы в атмосфере было поменьше углекислоты и радиоактивной грязи. Так что ничего низменного мне не нужно. А нужен мне небольшой, прямо скажем, примитивный нуль-передатчик со спиральным ходом. Что может быть проще примитивного нуль-передатчика? Только примитивный нуль-аккумулятор... Он зажмурился, и в памяти отчётливо проступила схема передатчика на позитронных эмиттерах. Будь у него детали, он собрал бы эту штуку в два счёта, не раскрывая глаз. Он несколько раз мысленно проделал сборку, а когда раскрыл глаза, передатчика не было. И ничего не было. Робинзон, подумал он с некоторым даже интересом. Максим Крузо<sup>68</sup>. Надо же, ничего у меня нет. Шорты без карманов и кеды. Но зато остров у меня — обитаемый... А раз остров обитаемый, значит, всегда остаётся надежда на примитивный нуль-передатчик. Он старательно думал о нуль-передатчике, но у него плохо получалось. Он всё время видел маму, как ей сообщают: «Ваш сын пропал без вести», и какое*

68 В оригинале неправильно транскриптированное «Крузое». Явно речь про Робинзона Крузо (Robinson Crusoe) — персонажа одноимённой новеллы Даниэля Дефо (Daniel Defoe) 1719 г., который выжил после кораблекрушения и провёл годы на пустынном острове — приключения персонажа основаны на судьбе реального шотландского моряка Александра Селкирка (Alexander Selkirk, 1676-1721). (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





у неё лицо, и как отец трёт себе щёки и растерянно озирается, и как им холодно и пусто... Нет, сказал он себе. Об этом думать не разрешается. О чём угодно, только не об этом, иначе у меня ничего не получится. Приказываю и запрещаю. Приказываю не думать и запрещаю думать. Всё. Он поднялся и пошёл по дороге.

Лес, вначале робкий и редкий, понемногу смелел и подступал к дороге всё ближе. Некоторые наглые молодые деревца взломали бетон и росли прямо на шоссе. Видимо, дороге было несколько десятков лет — во всяком случае, несколько десятков лет ею не пользовались. Лес по сторонам становился всё выше, всё гуще, всё глуше, кое-где ветви деревьев переплетались над головой. Стало темно, то справа, то слева в чаще раздавались громкие гортанные возгласы. Что-то шевелилось там, шуршало, топотало. Один раз шагах в двадцати впереди кто-то приземистый и тёмный, пригнувшись, перебежал дорогу. Звенела мошкara. Максиму вдруг пришло в голову, что край настолько запущен и дик, что людей может не оказаться поблизости, что добираться до них придётся несколько суток. Дремучие инстинкты пробудились и вновь напомнили о себе. Но Максим чувствовал, что здесь вокруг очень много живого мяса, что с голоду здесь не пропадёшь, что всё это вряд ли будет вкусно, но зато интересно будет поохотиться, и поскольку о главном ему было думать запрещено, он стал вспоминать, как они охотились с Олегом и с егерем Адольфом — голыми руками, хитрость против хитрости, разум против инстинкта, сила против силы, трое суток не останавливаясь, гнать оленя через бурелом, настигнуть и повалить на землю, схватив за рога... Оленей здесь, возможно, и нет, но в том, что здешняя дичь съедобна, сомневаться не приходится: стоит задуматься, отвлечься, и мошкara начинает неистово жрать, а как известно, съедобный на чужой планете с голоду не умрёт... Недурно было бы здесь заблудиться и провести годик-другой, скитаясь по лесам. Завёл бы себе приятеля — волка какого-нибудь или медведя, ходили бы мы с ним на охоту, беседовали бы... Надоело бы, конечно, в конце концов... да и не похоже, чтобы в этих лесах можно было бродить с приятностью: слишком много вокруг железа — дышать нечем... И потом всё-таки сначала нужно собрать нуль-передатчик...

Он остановился, прислушиваясь. Где-то в глубине чащи раздавался монотонный глухой рокот, и Максим вспомнил, что уже давно слышит этот рокот, но только сейчас обратил на него внимание. Это было не животное и не водопад — это был механизм, какая-то варварская машина. Она храпела, взрывалась, скрежетала металлом и распространяла неприятные ржавые запахи. И она приближалась.

Максим пригнулся и, держась поближе к обочине, бесшумно побежал навстречу, а потом остановился, едва не выскочив сходу на перекрёсток. Дорогу под прямым углом пересекало другое шоссе, очень грязное, с глубокими безобразными колеями, с торчащими обломками бетонного покрытия, дурно пахнущее и очень, очень радиоактивное. Максим присел на корточки и поглядел влево. Рокот двигателя и металлический скрежет надвигались оттуда. Почва под ногами начала вздрагивать. Оно приближалось.





Через минуту оно появилось — бессмысленно огромное, горячее, смрадное, всё из клёпанного металла, попирающее дорогу чудовищными гусеницами, облепленными грязью, — не мчалось, не катилось — пёрло, горбатое, неопрятное, дребезжа отставшими листами железа, начинённое сырым плутоном пополам с лантанидами, беспомощное, угрожающее, без людей, тупое и опасное — перевалилось через перекрёсток и попёрло дальше, хрустя и визжа раздавливаемым бетоном, оставив за собой хвост раскалённой духоты, скрылось в лесу и всё рычало, ворочалось, взрывалось, постепенно затихая в отдалении.

Максим перевёл дух, отмахнулся от мошкары. Он был потрясён. Ничего столь нелепого и жалкого он не видел никогда в жизни. Да, подумал он. *Позитронных эмиттеров мне здесь не достать.* Он поглядел вслед чудовищу и вдруг заметил, что поперечная дорога — не просто дорога, а просека, узкая щель в лесу: деревья не закрывали над нею неба, как над шоссе. *Может, догнать его?* — подумал он. *Остановить, погасить котёл...* Он прислушался. В лесу стоял шум и треск, чудовище ворочалось в чаще, как гиппопотам в трясине, а потом рокот двигателя снова начал приближаться. Оно возвращалось. Снова сопение, рык, волна смрада, лязг и дребезг, и вот оно опять переваливает через перекрёсток и прёт туда, откуда только что вышло... *Нет,* сказал Максим. *Не хочу я с ним связываться. Не люблю я злых животных и варварских автоматов...* Он подождал, пока чудовище скрылось, вышел из кустов, разбежался и одним прыжком перемахнул через развороченный заражённый перекрёсток.

Некоторое время он шёл очень быстро, глубоко дыша, освобождая лёгкие от испарений железного гиппопотама, а затем снова перешёл на походный шаг. Он думал о том, что увидел за первые два часа жизни на своём обитаемом острове, и пытался сложить все эти несообразности и случайности в нечто логически непротиворечивое. Однако это было слишком трудно. Картина получалась сказочной, а не реальной. Сказочным был этот лес, набитый старым железом, сказочные существа переключались в нём почти человеческими голосами; как в сказке, старая заброшенная дорога вела к заколдованному замку, и невидимые злые волшебники старались помешать человеку, попавшему в эту страну. На дальних подступах они забросали его метеоритами, ничего не получилось, и тогда они сожгли корабль, поймали меня в ловушку, а потом натравили на меня железного дракона. Дракон, однако оказался слишком стар и глуп, и они, наверное, уже поняли свою промашку и готовят теперь что-нибудь посовременнее...

*Послушайте,* сказал им Максим. *Я ведь не собираюсь расколдовывать замков и будить ваших латаргических красавиц, я хочу только встретиться с кемнибудь из вас, кто поумнее, кто поможет мне с позитронными эмиттерами...*

Но злые волшебники гнули своё. Сначала они положили поперёк шоссе огромное гнилое дерево, затем разрушили бетонное покрытие, вырыли в земле большую яму и наполнили её тухлой радиоактивной жижей, а когда и это не помогло, когда мошकारа притомилась кусать и разочарованно отстала, уже к утру, выпустили из леса холодный злой туман. От тумана Максиму стало зябко, и он пустился бегом, чтобы согреться.







Туман был липкий, маслянистый и пахивал мокрым металлом и тлением, но вскоре запахло дымом, и Максим понял, что где-то неподалёку горит живой огонь.

Занимался рассвет, небо засветилось утренней серостью, когда Максим увидел в стороне от дороги костёр и невысокое каменное строение с провалившейся крышей, с пустыми чёрными окнами, старое, заросшее мохом. Людей видно не было, но Максим чувствовал, что они где-то неподалёку, что они недавно были здесь и,<sup>69</sup> может быть,<sup>70</sup> скоро вернуться. Он свернул с шоссе, перескочил придорожную канаву и, утопая по щиколотку в гниющих листьях, приблизился к костру.

Костёр встретил его добрым первобытным теплом, приятно растревожившим дремучие инстинкты. Здесь всё было просто. Можно было, не здороваясь, присесть на корточки, протянуть руки к огню и молча ждать, пока хозяин, так же молча, подаст горячий кусок и горячую кружку. Хозяина, правда, не было, но над костром висел закопчённый котелок с остро пахнущим варевом, поодаль валялись два каких-то балахона из грубой материи, грязный полупустой мешок с лямками, огромные кружки из мятой жести и ещё какие-то железные предметы неясного назначения.

Максим посидел у костра, погрелся, глядя на огонь, потом поднялся и зашёл в дом. Собственно, от дома осталась только каменная коробка. Сквозь проломленные балки над головой светлело утреннее небо, на гнилые доски пола было страшно ступить, а по углам росли гроздьи малиновых грибов — ядовитых, но если их хорошенько прожарить, вполне годных к употреблению. Впрочем,<sup>71</sup> мысль о еде сразу пропала, когда Максим разглядел в полутьме у стены чьи-то кости вперемежку с выцветшими лохмотьями. Ему стало неприятно, он повернулся, спустился по разрушенным ступенькам и, сложив ладони рупором, заорал на весь лес: «Ого-го, шестипалые!» Эхо почти мгновенно увязло в тумане между деревьями, никто не отозвался, только сердито и взволнованно зацокали какие-то пичуги над головой.

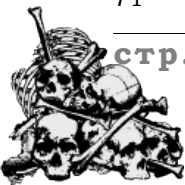
Максим вернулся к костру, подкинул в огонь веток и заглянул в котелок. Вариво кипело. Он поглядел по сторонам, нашёл что-то вроде ложки, понюхал её, вытер травой и снова понюхал. Потом он осторожно снял сероватую накипь и стряхнул её на угли. Помешал вариво, зачерпнул с краю, подул и, вытянув губы, попробовал. Оказалось недурственно, что-то вроде похлёбки из печени тахорга, только острее. Максим отложил ложку, бережно, двумя руками снял котелок и поставил на траву. Потом он снова огляделся и сказал громко: «Завтрак готов!» Его не покидало ощущение, что хозяева где-то рядом, но видел он только неподвижные, мокрые от тумана кусты, чёрные корявые стволы деревьев, а слышал лишь треск костра да хлопотливую птичью переключку.

— Ну, ладно, — сказал он вслух. — Вы как хотите, а я начинаю контакт.

69 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

70 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

71 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







Он очень быстро вошёл во вкус. То ли ложка была велика, то ли дремучие инстинкты разыгрались не в меру, но он и оглянуться не успел, как выхлебал треть котелка. Тогда он с сожалением отодвинулся, посидел, прислушиваясь к вкусовым ощущениям, тщательно вытер ложку, но не удержался и ещё раз зачерпнул, с самого дна, этих аппетитных, тающих во рту коричневых ломтиков, похожих на трепанги, совсем отодвинулся, снова вытер ложку и положил её поперёк котелка. Теперь было самое время утолить чувство благодарности.

Он вскочил, выбрал несколько тонких прутиков и отправился в дом. Осторожно ступая по трухлявым доскам и стараясь не оглядываться на останки в тени, он принялся срывать грибы и нанизывать на прутик малиновые шляпки, выбирая самые крепкие. *Вас бы посолить*, думал он, *да поперчить немного, но ничего, для первого контакта сойдёт и так. Мы вас подвесим над огоньком, и вся активная органика выйдет из вас паром, и станете вы — объединение, и станете вы первым моим взносом в культуру этого обитаемого острова, а вторым будут позитронные эмиттеры...*

И вдруг в доме стало чуть-чуть темнее, и он тотчас же ощутил, что на него смотрят. Он вовремя<sup>72</sup> подавил в себе желание резко повернуться, сосчитал до десяти, медленно поднялся и неторопливо, заранее улыбаясь, повернул голову.

В окно смотрело на него длинное тёмное лицо с унылыми большими глазами, с уныло опущенными углами губ, смотрело без всякого интереса, без злобы и без радости, смотрела не на человека из другого мира, а так, на докучное домашнее животное, опять забравшееся, куда ему не велено. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и Максим ощущал, как уныние, исходящее от этого лица, затопляет дом, захлёстывает лес и всю планету, и весь окружающий мир, и всё вокруг стало серым, унылым и плачевным, всё уже было, и было много раз, и ещё много раз будет, и не предвидится никакого спасения от этой серой унылой плачевной скуки. Затем в доме стало ещё темнее, и Максим повернулся к двери.

Там, расставив крепкие короткие нѳги, загородив широкими плечами весь проѳм, стоял сплошь заросший рыжим волосом коренастый человек в безобразном клетчатом комбинезоне. Сквозь буйные рыжие заросли на Максима глядели буравящие голубые глазки, очень пристальные, очень недобрые и,<sup>73</sup> тем не менее,<sup>74</sup> какие-то весѳлые — может быть, по контрасту с исходившими от окна всемирным унынием. Этот волосатый молодчик тоже явно не впервые видел пришельцев из другого мира, но он привык обходиться с этими надоевшими пришельцами быстро, круто и решительно — без всяких там контактов и прочих ненужных сложностей. На шее у него висела на кожаном ремне толстая металлическая труба самого зловещего вида, и выхлопное отверстие этого орудия расправы с пришельцами он твёрдой грязной рукой направлял прямо Максиму в живот. Сразу было видно, что ни о высшей ценности человеческой жизни, ни о

72 В оригинале «во-время» через дефис. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

73 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

74 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





Декларации прав человека, ни о прочих великолепных изобретениях высшего гуманизма, как и о самом гуманизме, он слыхом не слыхал, а расскажи ему об этих вещах — не поверил бы.

Однако Максиму выбирать не приходилось. Он протянул перед собой прутик с нанизанными грибными шляпками, улыбнулся ещё шире и произнёс с преувеличенной артикуляцией: «*Мир! Дружба!*» Унылая личность за окном откликнулась на этот лозунг длинной неразборчивой фразой, после чего очистила район контакта и, судя по звукам снаружи, принялась наваливать в костёр сухие сучья. Взлохмаченная рыжая борода голубоглазого зашевелилась, и из медных зарослей понеслись рыкающие, взрывающиеся, лязгающие звуки, живо напомнившие Максиму железного дракона на перекрёстке.

— Да! — сказал Максим, энергично кивая. — Земля! Космос! — Он ткнул прутиком в зенит, и рыжебородый послушно поглядел на проломленный потолок. — Максим! — продолжал Максим, тыча себя в грудь. — Мак-сим! Меня зовут Максим! — Для большей убедительности он ударил себя в грудь, как разъярённая горилла. — Максим!

— Махх-ссим! — рявкнул рыжебородый со странным акцентом.

Не спуская глаз с Максима, он выпустил через плечо серию громыхающих и лязгающих звуков, в которой несколько раз повторялось слово «Мах-сим», в ответ на что невидимая унылая личность принялась издавать жуткие тоскливые фонемы. Голубые глаза рыжебородого выкатились, раскрылась жёлтозубая пасть, и он загоготал. Очевидно, неведомый Максиму юмор ситуации дошёл, наконец, до рыжебородого. Отсмеявшись, рыжебородый вытер свободной рукой глаза, опустил своё смертоносное оружие и сделал Максиму недвусмысленный знак, означавший: «*А ну, выходи!*»

Максим с удовольствием повиновался. Он вышел на крыльцо и снова протянул прутик с грибами. Рыжебородый взял прутик, повертел его так и сяк, понюхал и отбросил в сторону.

— Э, нет! — возразил Максим. — Вы у меня пальчики оближете...

Он нагнулся и поднял прутик. Рыжебородый не возражал. Он похлопал Максима по спине, подтолкнул к костру, а у костра навалился ему на плечо, усадил и принялся что-то втолковывать. Но Максим не слушал. Он глядел на унылого. Тот сидел напротив и сушил перед огнём какую-то обширную грязную тряпку. Одна нога у него была босая, и он всё время шевелил пальцами, и этих пальцев у него было *пять*. *Пять, а вовсе не шесть.*





## 2.

Гай, сидя на краешке скамьи у окна, полировал кокарду на берете и смотрел, как капрал Варибобу выписывает ему проездные документы. Голова капрала была склонена набок, глаза вытаращены, левая рука лежала на столе, придерживая бланк с красной каймой, а правая неторопливо выводила каллиграфические буквы. *Здорово у него получается, думал Гай с некоторой завистью. Экий старый чернильный хрен: двадцать лет в гвардии, и всё писарем. Надо же, как таращится... гордость бригады... сейчас ещё и язык высунет... Так и есть — высунул. И язык у него в чернилах. Будь здоров, Варибобу, старая ты чернильница, больше мы с тобой не увидимся. Вообще-то как-то грустно уезжать — ребята хорошие подобрались, и господа офицеры, и служба полезная, значительная...* Гай шмыгнул носом и посмотрел в окно.

За окном ветер нёс белую пыль по широкой гладкой улице без тротуаров, выложенной старыми шестиугольными плитами, белели стены длинных одинаковых домов администрации и инженерного персонала, шла, прикрываясь от пыли и придерживая юбку, госпожа Идоля, дама полная и представительная — мужественная женщина, не побоявшаяся последовать с детьми за господином бригадиром в эти опасные места. Часовой у комендатуры, из новичков, в необмятом пыльнике и в берете, натянутом на уши, сделал ей «на караул». Потом проехали два грузовика с воспитуемыми, должно быть — делать прививки... *Так его, в шею его: не высовывайся за борт, нечего тебе высовываться, здесь тебе не бульвар...*

— Ты как всё-таки пишешься? — спросил Варибобу. — Гаал? Или можно просто — Гал?

— Никак нет, — сказал Гай. — Гаал моя фамилия.

— Жалко, — сказал Варибобу, задумчиво обсасывая перо. — Если бы можно было «Гал» — как раз поместилось бы в строчку...

*Пиши, пиши, чернильница, подумал Гай. Нечего тебе строчки экономить. Капрал, называется... Пуговицы зеленью заросли, тоже мне — капрал. Две медали у тебя, а стрелять толком не научился, это же все знают...*

Дверь распахнулась, и в канцелярию стремительно вошёл господин ротмистр Тоот с золотой повязкой дежурного на рукаве. Гай вскочил и щёлкнул каблуками. *Капрал приподнял зад, а писать не перестал, старый хрен. Капрал, называется...*

— Ага... — произнёс господин ротмистр, с отвращением сдирая противопыльную маску. — Рядовой Гаал. Знаю, знаю, покидаете нас. Жаль. Но рад. Надеюсь, в столице будете служить так же усердно.

— Так точно, господин ротмистр! — сказал Гай взволнованно. У него даже в носу защипало от восторженности. Он очень любил господина ротмистра Тоота, культурного офицера, бывшего преподавателя гимназии. Оказывается, и господин ротмистр тоже его отличал.

— Можете сесть, — сказал господин ротмистр, проходя за барьер к своему столу. Не присаживаясь, он бегло проглядел бумаги и взялся за телефон. Гай тактично отвернулся к окну. На улице ничего не изменилось.







Протопало на обед родимое капральство. Гай грустно проводил его глазами. Придут сейчас в кантину<sup>75</sup>, капрал Серембеш скамандует снять береты на Благодарственное Слово, рывкнут ребята в тридцать глоток «благодарственное слово», а над кастрюлями уже пар поднимается, и блестят миски, и старина Дога уже готов отмочить известное своё, коронное насчёт солдата и поварихи... Ей богу, жалко уезжать. И служить здесь опасно, и климат нездоровый, и паёк очень однообразный, одни консервы, но всё равно... Здесь, во всяком случае, точно знаешь, что ты — нужен, что без тебя не обойтись, здесь ты на свою грудь принимаешь зловещий напор с Юга, и чувствуешь этот напор: одних друзей сколько здесь похоронил — вон за посёлком целая роца шестов с ржавыми шлемами... А с другой стороны — столица. Туда какого-всякого не пошлют, и раз уж посылают, то не отдыхать... Там, говорят, из Дворца Отцов все гвардейские плацы просматриваются, так что за каждым построением кто-нибудь из Отцов<sup>76</sup> непременно наблюдает... то-есть не то, что непременно, но нет-нет,<sup>77</sup> да и посмотрит. Гая бросило в жар: ни с того, ни с сего он вдруг представил себе, что вот вызвали его из строя, а он на втором шаге поскользнулся,<sup>78</sup> да и брякнулся носом командиру под ноги, загремел автоматом по брусчатке, разиня, и берет неизвестно куда съехал... Он передохнул и украдкой огляделся. Не дай бог... Да, столица! Всё у них на глазах. Ну, да ничего — другие же служат. А там Рада — сестрёнка, сестрица, мамочка... дядька смешной со своими древними костями, с черепахами своими допотопными... Ох и соскучился же я по вас, милые вы мои! ...

Он снова взглянул в окно и озадаченно приоткрыл рот. По улице к комендатуре шли двое. Один был знакомый — рыжее хайло Зеф, из особо опасных, старшина сто тридцать четвёртого отряда сапёров, смертник, зарабатывающий себе на жизнь расчисткой трассы. А другой был — ну совершенное чучело, и чучело жутковатое. Сперва Гай принял его за выродка, но тут же сообразил, что вряд ли Зеф стал бы тащить выродка в комендатуру. Здоровенный голый парень, молодой, весь коричневый, здоровый, как бык — одни трусы на нём какие-то короткие из блестящей материи... Зеф был при своей пушке, но не похоже было, чтобы он конвоировал этого чужака — шли они рядом, и чужак, нелепо размахивал руками, всё время что-то Зефу втолковывал, Зеф же только отдувался и вид собою являл совершенно одуревший. Дикарь какой-то, подумал Гай. Только откуда он там взялся — на трассе? Может быть, медведями воспитанный? Бывали такие случаи. И похоже: вон мускулы какие, так и переливаются...

Он смотрел, как эта пара подошла к часовому, как Зеф, утираясь, принялся что-то объяснять, а часовой — новичок, Зефа не знает и тычет ему автоматом под ребро, по всему видно — велит отойти на положенное

75 Cantina — бар (в Центральной и Южной Америке и на юго-западе США), винный магазин, изначально термин испанского происхождения, имеющий более широкое значение: винный погреб (в доме); столовая (в учреждении), закусочная; молочный бидон; буфет (в клубе); таверна; дорожные судки, дорожная сумка (для еды); перемётные суммы. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

76 В оригинале вдруг «Отцо». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

77 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

78 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







расстояние. Голый парень, видя это, вступает в разговор. Руки у него так и летают, а лицо совсем уже странное: никак не поймать выражение, как ртуть, а глаза быстрые, тёмные... Ну — всё, теперь и часовой обалдел. Сейчас тревогу поднимет. Гай повернулся.

— Господин ротмистр, — сказал он, — разрешите обратиться. Там старшина сто тридцать четвёртого кого-то привёл. Не взглянете ли?

Господин ротмистр подошёл к окну, посмотрел, брови у него полезли на лоб. Он толкнул раму, высунулся и прокричал, давась от ворвавшейся пыли:

— Часовой! Пропустить!

Гай закрывал окно, когда в коридоре затопали, и Зеф со своим диковинным спутником бочком вошёл в канцелярию. Следом, тесня их, ввалился начальник караула и ещё двое ребят из бодрствующей смены. Зеф вытянул руки по швам, откашлялся и, вылупив на господина ротмистра бесстыжие голубые глаза, прохрипел:

— Докладывает старшина сто тридцать четвёртого отряда воспитуемый Зеф. На трассе задержан вот этот человек. По всем признакам — сумасшедший, господин ротмистр: жрёт ядовитые грибы, ни слова не понимает, разговаривает непонятно, ходит, как изволите видеть, голый.

Пока Зеф докладывал, задержанный бегал быстрыми глазами по помещению, жутко и странно улыбаясь всем присутствующим — зубы у него были ровные и белые, как сахар. Господин ротмистр, заложив руки за спину, подошёл поближе, оглядывая его с головы до ног.

— Кто вы такой? — спросил он.

Задержанный улыбнулся ещё жутче, постучал себя ладонью по груди и невнятно произнёс что-то вроде «мах-сим». Начальник караула гоготнул, караульные захихикали, и господин ротмистр тоже улыбнулся. Гай не сразу понял, в чём дело, а потом сообразил, что на воровском жаргоне «мах-сим» означает «съел ножик».

— По-видимому, это кто-то из вашего брата, — сказал Зефу господин ротмистр.

Зеф помотал головой, выбросив из бородищи облако пыли.

— Никак нет, — сказал он. — Мах-сим — это он так себя называет, а воровского языка он не понимает. Так что это не наш.

— Выродок, наверное, — предложил начальник караула. Господин ротмистр холодно на него посмотрел. — Голый... — проникновенно пояснил начальник караула, пятясь к двери. — Разрешите идти, господин ротмистр? — гаркнул он.

— Идите, — сказал господин ротмистр. — Пошлите кого-нибудь за штаб-врачом господином Зогу... Где вы его поймали? — спросил он Зефа.

Зеф доложил, что нынешней ночью он со своим отрядом прочёсывал квадрат 23/07, уничтожил четыре самоходных установки и один автомат неизвестного назначения, потерял двоих при взрыве, и всё было в порядке. Около семи часов утра на его костёр вышел по шоссе из лесу этот вот неизвестный. Они заметили его издали, следили за ним, укрывшись в кустарнике, а затем, выбрав удачный момент, взяли его. Зеф принял его





вначале за беглого, потом решил, что это не беглый, а выродок, и совсем было собрался стрелять, но раздумал, потому что этот человек... Тут Зеф в затруднении подвигал бородой и заключил:

— Потому что мне стало ясно, что это не выродок.

— Откуда же это стало вам ясно? — спросил ротмистр, а задержанный неподвижно стоял, сложив руки на могучей груди, и поглядывал то на него, то на Зефа.

Зеф сказал, что *объяснить будет трудновато. Во-первых, этот человек ничего не боялся и не боится. Дальше: он снял с костра похлёбку и отъел ровно треть, как и полагается товарищу, а перед этим кричал в лес, видимо, звал, чувствуя, что мы где-то поблизости. Далее: он хотел угостить нас грибами. Грибы были ядовитые, и мы их есть не стали и ему не дали, однако он явно порывался нас угостить, по-видимому, в знак благодарности. Далее: как хорошо известно, ни один выродок по своим физическим способностям не превосходит нормального хилого человека. Этот же по пути сюда загнал меня как мальчишку, шёл через бурелом, словно по ровному месту, через рвы перепрыгивал, а потом ждал меня на той стороне и вдобавок зачем-то — из удальства, что ли? — хватал меня иногда в охапку и пробегал со мной шагов по двести-триста...*

Господин ротмистр слушал Зефа, всем видом своим изображая глубочайшее внимание, но едва Зеф замолчал, как он резко повернулся к задержанному и в упор пролаял по-хонтийски:

— Ваше имя? Чин? Задание?

Гай восхитился ловкостью приёма, однако задержанный явно не понимал и хонтийского. Он снова показал свои великолепные зубы, похлопал себя по груди, сказавши: «*Мах-сим*», ткнул пальцем в бок воспитуемому, сказавши: «*Зеф*», и после этого начал говорить — медленно, с большими паузами, показывая то в потолок, то в пол, то обводя руками вокруг себя. Гаю казалось, что в этой речи он улавливает некоторые знакомые слова, но слова эти не имели ни к делу, ни друг к другу никакого отношения. «*Кроувать...* — говорил задержанный, а потом: — *Хуры-буры, хуры-буры... Черфяк...*» Когда он замолчал, капрал Варибобу подал голос.

— По-моему, это ловкий шпион, — заявила старая чернильница. — Надо бы доложить господину бригадиру.

Однако господин ротмистр не обратил на него внимания.

— Вы можете идти, Зеф, — сказал он. — Вы проявили рвение, это вам зачтётся.

— Премного благодарен, господин ротмистр! — рявкнул Зеф и уже повернулся было, чтобы идти, но тут задержанный вдруг издал негромкий возглас, перегнулся через барьер и схватил пачку чистых бланков, лежавших на столе перед капралом. Старый хрен перепугался до смерти (тоже мне, гвардеец), отшатнулся и швырнул в дикаря пером. Дикарь ловко поймал перо на лету и, примостившись тут же на барьере, принялся что-то чертить на бланке, не обращая внимания на Гая и Зефа, ухвативших его за бока.





— Отставить! — скомандовал господин ротмистр, и Гай охотно повиновался: удержать этого коричневого медведя было всё равно, что пытаться остановить танк, схватившись за гусеницу. Господин ротмистр и Зеф встали по сторонам задержанного и смотрели, что он там чиркает.

— По-моему, это схема Мира, — неуверенно сказал Зеф.

— Гм... — отозвался господин ротмистр.

— Ну,<sup>79</sup> конечно! Вот в центре у него Мировой Свет, это вот — Мир... А здесь мы, по его мнению, находимся.

— Но почему всё плоско? — недоверчиво спросил господин ротмистр. Зеф пожал плечами.

— Возможно, детское восприятие... Инфантилизм... Вот, глядите! Это он показывает, как сюда попал.

— Да, возможно... Я слышал про такое безумие...

Гаю, наконец, удалось протиснуться между гладким твёрдым плечом задержанного и колючими рыжими зарослями Зефа. Рисунок, который он увидел, показался ему смешным. Так детишки-первоклассники изображают Мир: посередине маленький кружок, означающий Мировой Свет, вокруг него — больша́я окружность, обозначающая Сферу Мира, а на окружности — жирная точка, к которой только пририсовать ручки-ножки, и получится «это — Мир, а это — я». Даже Сферу Мира несчастный псих не сумел изобразить правильной окружностью, получился у него какой-то овал. Ну ясно — ненормальный... И ещё нарисовал пунктиром линию, ведущую из-под земли к точке: вот-мол, как я сюда попал.

Между тем задержанный взял второй бланк и быстро начертил две маленькие Сферы Мира в противоположных углах, соединил их пунктирной линией и ещё пририсовал какие-то закорючки. Зеф безнадёжно присвистнул и сказал господину ротмистру: «Разрешите идти?». Однако господин ротмистр не отпустил его.

— Э-э... Зеф, — сказал он. — Помнится, вы подвизались в области... э... — Он постучал себя согнутым пальцем по темени.

— Так точно, — помедлив, ответил Зеф.

Господин ротмистр прошёлся по канцелярии.

— Не могли бы вы... э-э... как бы это сказать... сформулировать своё мнение по поводу данного субъекта? Профессионально, если так можно выразиться...

— Не могу знать, — сказал Зеф. — Согласно приговора не имею права выступать в профессиональном качестве.

— Я понимаю, — сказал господин ротмистр. — Всё это верно. Хвалю. Н-но...

Зеф, выкатив голубые глазки, стоял по стойке смирно. Господин же ротмистр находился в очевидном замешательстве. Гай хорошо понимал его. Случай был важный, государственный. (Вдруг этот дикарь всё-таки шпион). А господин штаб-врач Зогу, конечно, прекрасный гвардеец, блестящий гвардеец, но всего лишь штаб-врач. В то время как рыжее хайло Зеф, до

79 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





того как впасть в преступление, здорово знал своё дело и даже был большой знаменитостью. Но его тоже можно понять. Каждому, даже преступнику, даже преступнику, осознавшему своё преступление, хочется всё-таки жить. А закон к смертникам беспощаден: *малейшее нарушение — и смертная казнь. На месте. Иначе нельзя, такое уж время, когда милосердие оборачивается жестокостью, и только в жестокости заключено истинное милосердие. Закон беспощаден, но мудр.*

— Ну, что же, — сказал господин ротмистр. — Ничего не поделаешь... Но по-человечески... — Он остановился перед Зефом. — Понимаете? Не профессионально, а по-человечески — вы действительно считаете, что это сумасшедший?

Зеф снова помедлил.

— По-человечески? — повторил он. — Ну конечно, по-человечески: человеку ведь свойственно ошибаться... Так вот, по-человечески я склонен полагать, что это ярко выраженный случай раздвоения личности с вытеснением и замещением истинного «я» воображаемым «я». По-человечески же, исходя из жизненного опыта, я рекомендовал бы электрошок и флеосодержащие препараты.

Капрал Варибобу всё это украдкой записал, но господина ротмистра не проведёшь. Он отобрал у капрала листок с записями и сунул листок в карман френча. Мах-сим снова заговорил, обращаясь то к господину ротмистру, то к Зефу — чего-то он хотел, бедняга, что-то ему было не так, — но тут открылась дверь, и вошёл господин штаб-врач, по всему видно — оторванный от обеда.

— Привет, Тоот, — брюзгливо сказал он. — В чём дело? Вы, я вижу, живы и здоровы, и это меня утешает... А это что за тип?

— Воспитуемые поймали его в лесу, — объяснил господин ротмистр. — Я подозреваю, что он сумасшедший.

— Симулянт он, а не сумасшедший, — проворчал господин штаб-врач и налил себе воды из графина. — Отправьте его обратно в лес, пусть работает.

— Это не наш, — возразил господин ротмистр. — И мы не знаем, откуда он взялся. Я думаю, что его в своё время захватили выродки, он у них свихнулся и перебежал к нам.

— Правильно, — проворчал господин штаб-врач. — Нужно свихнуться, чтобы перебежать к нам... — Он подошёл к задержанному и сразу же полез хватать его за веки. Задержанный жутко ослабился и слегка оттолкнул его. — Но-но! — сказал господин штаб-врач, ловко хватая его за ухо. — Стой, спокойно, ты, жеребец! ...

Задержанный подчинился. Господин штаб-врач вывернул ему веки, ощупал, посвистывая, шею и горло, согнул и разогнул ему руку, потом пыхтя наклонился и ударил его под колени, вернулся к графину и выпил ещё стакан воды.

— Изжога, — сообщил он.







Гай поглядел на Зефа. Рыжебородый, приставив к ноге свою пушку, стоял в сторонке и с подчёркнутым равнодушием смотрел в стену. Господин штаб-врач напился и снова взялся за психа. Он ощупывал его, обстукивал, заглядывал в зубы, два раза ударил кулаком в живот, потом достал из кармана плоскую коробку, размотал провод, подключился к штепселю и стал прикладывать коробку к разным частям дикарского тела.

— Так, — сказал он, сматывая провод. — И немой, к тому же? ...

— Нет, — сказал господин ротмистр. — Он говорит, но на каком-то медвежьем языке, и только иногда употребляет наши слова, да и то сильно искажённые. Нас не понимает. А вот его рисунки.

Господин штаб-врач посмотрел рисунки.

— Так-так-так, — сказал он. — Забавно... — Он выхватил у капрала ручку и быстро нарисовал на бланке кошку, как её рисуют дети — из палочек и кружочков. — Что ты на это скажешь,<sup>80</sup> приятель? — сказал он, протягивая рисунок психу.

Тот, ни секунды не задумываясь, принялся царапать пером, и рядом с кошкой появилось странное, густо заросшее волосами животное с тяжёлым неприятным взглядом. Такого животного Гай не знал, но он понял одно: *это уже не был детский рисунок. Нарисовано было здорово, просто замечательно. Даже смотреть страшиновато.* Господин штаб-врач протянул руку за пером, но псих отстранился и нарисовал ещё одно животное, совсем уже дикое — с огромными ушами, морщинистой кожей и толстым хвостом на месте носа.

— Прекрасно! — вскричал господин штаб-врач хлопнув себя по бокам.

А псих не унимался. Теперь он рисовал уже не животное, а явно какой-то аппарат, похожий на большую прозрачную мину. Внутри мины он очень ловко изобразил сидящего человечка, постучал по человечку пальцем, а потом тем же пальцем постучал себя по груди и произнёс: «Мах-ссим».

— Вот эту штуку он мог видеть у реки, — сказал неслышно подошедший Зеф. — Мы такую сожгли этой ночью. Но вот чудовища эти... — он покачал головой.

Господин штаб-врач словно впервые заметил его.

— А, профессор! — вскричал он преувеличенно радостно. — То-то я смотрю — в канцелярии чем-то воняет. Не будете ли вы так любезны, коллега, произносить ваши мудрые суждения во-он из того угла? Вы меня очень обяжете...

Варибобу захихикал, а господин ротмистр строго сказал:

— Станьте у дверей, Зеф, и не забываетесь.

— Ну,<sup>81</sup> хорошо, — сказал господин штаб-врач. — И что вы думаете с ним делать, Тоот?

— Это зависит от вашего диагноза, Зогу, — ответил господин ротмистр. — Если он симулянт, я передам его в прокуратуру, там разберутся. А если он сумасшедший...

80 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

81 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





— Он не симулянт, Тоот! — с большим подъёмом произнёс господин штаб-врач. — Ему совершенно нечего делать в прокуратуре. Но я знаю одно место, где им очень интересуются. Где бригадир?

— Бригадир на трассе.

— Впрочем, это не существенно. Вы ведь дежурный, Тоот? Вот и отправьте этого любопытнейшего молодчика по следующему адресу... — господин штаб-врач пристроился на барьере, закрывшись от всех плечами и локтями, и написал что-то на обороте последнего рисунка.

— А что это такое? — спросил господин ротмистр.

— Это? Это одно учреждение, которое будет нам благодарно, Тоот, за вашего психа. Я вам ручаюсь.

Господин ротмистр неуверенно покрутил в пальцах бланк, потом отошёл в дальний угол канцелярии и поманил к себе господина штаб-врача. Некоторое время они говорили там вполголоса, так что разобрать можно было только отдельные реплики господина Зогу: *«... Департамент Пропаганды... Отправьте с доверенным... Не так уж это и секретно! ... Я вам ручаюсь... Прикажете ему забыть... Чёрт возьми, да сопляк всё равно ничего не поймёт! ...»*

— Хорошо, — сказал,<sup>82</sup> наконец,<sup>83</sup> господин ротмистр. — Пишите сопроводительную бумагу. Капрал Варибобу!

Капрал приподнял зад.

— Проездные документы для рядового гвардии Гаала готовы?

— Так точно.

— Впишите в проездные документы подконвойного Мах-сима. Конвоируется без наручников, разрешён проезд в общем вагоне... Рядовой Гаал!

Гай щёлкнул каблуками и вытянулся.

— Слушаю, господин ротмистр!

— Прежде чем явиться на новое место службы в нашей столице, доставите задержанного по адресу, означенному на этом листке. По исполнении приказа листок сдать дежурному офицеру на новом месте службы. Адрес забыть. Это ваше последнее задание, Гаал, и вы,<sup>84</sup> конечно,<sup>85</sup> выполните его, как подобает молодцу-гвардейцу.

— Будет исполнено! — прокричал Гай, охваченный неописуемым восторгом. Волна радости, гордости, счастья, горячая волна упоения преданностью захлестнула его, подхватила, понесла к небу. О, эти сладостные минуты восторга, незабываемые минуты, сотрясающие всё существо, минуты, когда вырастают крылья, минуты ласкового презрения ко всему грубому, материальному, телесному... минуты, когда хочешь огня и приказа, когда жаждешь, чтобы приказ соединил тебя с огнём, швырнул тебя в огонь, на тысячи врагов, на развёрстые жерла, навстречу миллионам пуль... и это ещё не всё, будет ещё слаще, восторг ослепит и

82 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

83 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

84 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

85 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





сожжёт... О,<sup>86</sup> огонь! О,<sup>87</sup> слава! Приказ, приказ! И вот оно, вот оно! ... Он встаёт, этот рослый сильный красавец, гордость бригады, наш капрал Варибобу, как огненный факел, как статуя славы и верности, и он запекает, а мы все подхватим, все как один...

*Боевая Гвардия тяжёлыми шагами  
Идёт, считая крепости, с огнём в очах,  
Сверкая боевыми орденами,  
Как капли свежей крови сверкают на мечах...*

И все пели. Пел блестящий господин ротмистр Тоот, образец гвардейского офицера, образец среди образцов, за которого так хочется сейчас же, под этот марш, отдать жизнь, душу, всё... И господин штаб-врач Зогу, образец брата милосердия, грубый, как настоящий солдат, и ласковый,<sup>88</sup> как руки матери... И наш капрал Варибобу, до мозга костей наш, старый вояка, ветеран, поседевший в схватках... О,<sup>89</sup> как сверкают боевые медали на его потёртом заслуженном мундире, для него нет ничего, кроме службы, ничего, кроме служения... Знаете ли вы нас, Неизвестные Отцы наши, поднимите усталые лица и взгляните на нас, ведь вы всё видите, так неужели вы не видите, что мы здесь, на далёкой жестокой окраине нашей страны с восторгом умрём в муках за счастье родины! ...

*Железный наш кулак считает все преграды,  
Довольны Неизвестные Отцы!  
О, как рыдает враг, но нет ему пощады!  
Вперёд, вперёд, гвардейцы-молодцы!  
О Боевая Гвардия — клинок закона!  
О верные гвардейцы-удальцы!  
Когда в бою гвардейские колонны,  
Спокойны Неизвестные Отцы!*

... Но что это? Он не поёт, он стоит, раскорячившись, опёршись на барьер, и вертит своей дурацкой коричневой головой, и бегают глазами, и всё оскаливается<sup>90</sup>, всё щерится... На кого оскаливаешься<sup>91</sup>, мерзавец? О, как хочется подойти тяжёлым шагом и с размаху, гвардейским кулаком — по этому гнусному белому оскалу... Но нельзя, нельзя, это не по-гвардейски: он же всего лишь псих, жалкий калека, настоящее счастье недоступно ему, он слеп, ничтожен, жалкий человеческий обломок... А этот, рыжая сволочь скорчился в углу от невыносимой боли... Э, нет, это другое дело: у вас всегда боли в голове, когда мы задыхаемся от восторга, когда мы поём свой боевой марш и готовы разорвать лёгкие, но допеть его до конца! Воспитуемый, преступная морда, рыжий бандит, за грудь тебя, за твою

86 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

87 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

88 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

89 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

90 В оригинале дикое «оскаляется», хотя, возможно, так и было задумано. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

91 В оригинале дикое «оскаляешься», хотя, возможно, так и было задумано. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





*поганую бороду! Встать, сволочь! Стоять смирно, когда гвардейцы поют свой марш! И по башке, по башке, по грязной морде, по наглým рачьим глазкам... Вот так, вот так...*

Гай отшвырнул воспитуемого и, щёлкнув каблуками, повернулся к господину ротмистру. Как всегда после приступа восторженного возбуждения, что-то звенело в ушах, и мир сладко плыл и покачивался перед глазами.

Капрал Варибобу, сизый от натуги, слабо пёрхал, держась за грудь. Господин штаб-врач, потный и багровый, жадно пил воду прямо из графина и тянул из кармана носовой платок. Господин ротмистр хмурился с отсутствующим выражением, словно пытался что-то припомнить. У порога грязной кучей клетчатого тряпья ворочался рыжий Зеф. Лицо у него было разбито, он хлюпал кровью и слабо постанывал сквозь зубы. А Мах-сим больше не улыбался. Лицо у него застыло, стало совсем как обычное человеческое, и он неподвижными круглыми глазами, приоткрыв рот, смотрел на Гая.

— Рядовой Гаал, — надтреснутым голосом произнёс господин ротмистр. — Э-э... Что-то я хотел вам сказать... или уже сказал? ... Подождите, Зогу, оставьте мне хоть глоток воды...

### 3.

Максим проснулся и сразу почувствовал, что голова тяжёлая. В комнате было душно. Опять ночью закрыли окно. Впрочем, и от растворённого окна толку мало — город слишком близко, днём видна над ним неподвижная бурая шапка отвратительных испарений, ветер несёт их сюда, и не помогает ни расстояние, ни пятый этаж, ни парк внизу. *Сейчас бы принять ионный душ, подумал Максим, да выскочить нагишом в сад, да не в этот паршивый, полусгнивший, серый от гари, а в наш, где-нибудь под Ленинградом, на Карельском перешейке, да пробежать вокруг озера километров пятнадцать во весь опор, во всю силу, да переплыть озеро, а потом минут двадцать походить по дну, чтобы поупражнять лёгкие, ползать среди скользких подводных валунов...* Он вскочил, распахнул окно, высунулся под морозящий дождик, глубоко вдохнул сырой воздух, закашлялся — в воздухе было полно лишнего, а дождевые капли оставляли на языке металлический привкус. По автострате с шипением и свистом проносились машины. Внизу блестела под окном мокрая листва, на высокой каменной ограде отсвечивало битое стекло. По парку ходил человек в мокрой накидке, сгребал в кучу опавшие листья. За пеленой дождя смутно виднелись кирпичные здания какого-то завода на окраине. Из двух высоких труб, как всегда, лениво ползли и никли к земле толстые струи ядовитого дыма.

*Душный мир. Неблагоприятный, болезненный мир. Весь он какой-то неуютный и тоскливый, как то казённое помещение, где люди со светлыми пуговицами и плохими зубами вдруг ни с того, ни с сего принялись вопить, надсаживаясь до хрипа, и Гай, такой симпатичный, красивый парень, совершенно неожиданно принялся избивать в кровь рыжебородого Зефа, а*







тот даже не сопротивлялся... Неблагополучный мир... Радиоактивная река, нелепый железный дракон, грязный воздух и неопрятные пассажиры в неуклюжей трёхэтажной металлической коробке на колёсах, выпускающей сизые угарные дымы... и ещё одна дикая сцена — в вагоне, когда какие-то грубые, воняющие почему-то сивушными маслами люди довели хохотом и жестами до слёз пожилую женщину, и никто за неё не заступился, вагон набит битком, но все смотрят в сторону, и только Гай вдруг вскочил, бледный от злости, а может быть от страха, и что-то крикнул им, и они убралась... Очень много злости, очень много страха, очень много раздражения... Они все здесь раздражены и подавлены, то раздражены, то подавлены. Гай, явно же добрый симпатичный человек, иногда вдруг приходил в необъяснимую ярость, принимался бешено ссориться с соседями по купе, глядел на меня зверем, а потом так же внезапно впадал в глубокую прострацию. И все в вагоне вели себя не лучше. Часами они сидели и лежали вполне мирно, негромко беседуя, даже пересмеиваясь, и вдруг кто-нибудь начинал сварливо ворчать на соседа, сосед нервно огрызался, окружающие вместо того, чтобы успокоить их, ввязывались в ссору, скандал ширился, захватывал весь вагон, и вот уже все орут друг на друга, грозятся, толкаются, и кто-то лезет через головы, размахивая кулаками, и кого-то держат за шиворот, во весь голос плачут детишки, им раздражённо обрывают уши, а потом всё постепенно стихает, все дуются друг на друга, разговаривают нехотя, отворачиваются... а иногда скандал превращается в нечто совершенно уж непристойное: глаза вылезают из орбит, лица идут красными пятнами, голоса поднимаются до истошного визга, и кто-то истерически хохочет, кто-то поёт, кто-то молится, воздев над головой трясущиеся руки... Сумасшедший дом... А мимо окон меланхолично проплывают безрадостные серые поля, закопчённые станции, убогие посёлки, какие-то неубранные развалины, и тощие оборванные женщины провожают поезд запавшими тоскливыми глазами...

Максим отошёл от окна, постоял немного посередине тесной комнатухи, расслабившись, ощущая апатию и душевную усталость, потом заставил себя собраться и размялся немного, используя в качестве снаряда громоздкий деревянный стол. Так и опуститься недолго, подумал он озабоченно. Ещё день-два я, пожалуй, вытерплю, а потом придётся удрать, побродить немного по лесам... в горы хорошо бы удрать, горы у них здесь на вид славные, дикие... Далековато, правда, за ночь не обернёшься... Как их Гай называл? «Зартак»... Интересно, это собственное имя или горы вообще? Впрочем, какие там горы, не до гор мне. Десять суток я здесь, а ничего ещё не сделано...

Он втиснулся в душевую и несколько минут фыркал и растирался под тугим искусственным дождиком, таким же противным, как естественный, чуть похолоднее, правда, но жёстким, известковым, и вдобавок ещё хлорированным, да ещё пропущенным через металлические трубы.

Он вытерся продезинфицированным полотенцем и, всем недовольный — и этим мутным утром, и этим душным миром, и своим дурацким положением, и чрезмерно жирным завтраком, который ему предстоит





сейчас съесть, — вернулся в комнату, чтобы прибрать постель, уродливое сооружение из решётчатого железа с полосатым промасленным блином под чистой простынёй.

Завтрак уже принесли, он дымился и вонял на столе. Рыба опять закрывала окно.

— Здравствуйте, — сказал ей Максим на местном языке. — Не надо. Окно.

— Здравствуйте, — ответила она, щёлкая многочисленными задвижками. — Надо. Дождь. Плохо.

— Рыба, — сказал Максим по-русски. Собственно, её звали Нолу, но Максим с самого начала окрестил её Рыбой — за общее выражение лица и невозмутимость.

Она обернулась и посмотрела на него немигающими глазами. Затем, уже в который раз, приложила палец к кончику носа и сказала: «Женщина», потом ткнула в Максима пальцем: «Мужчина», потом — в сторону осточертевшего балахона, висящего на спинке стула: «Одежда. Надо!». Не могла она почему-то видеть мужчину просто в шортах. Надо было ей зачем-то, чтобы мужчина закутывался с ног до шеи.

Он принялся одеваться, а она застелила его постель, хотя Максим всегда говорил, что будет делать это сам, выдвинула на середину комнаты стол, который Максим всегда отодвигал к стене, решительно отвернула кран отопления, который Максим всегда заворачивал до упора, и все однообразные «не надо» Максима разбивались о её не менее однообразные «надо».

Застегнув балахон у шеи на единственную сломанную пуговицу, Максим подошёл к столу и поковырял завтрак двузубой вилкой. Произошёл обычный диалог:

— Не хочу. Не надо.

— Надо. Еда. Завтрак.

— Не хочу завтрак. Невкусно.

— Надо завтрак. Вкусно.

— Рыба, — сказал ей Максим проникновенно. — Жестокий вы человек. Попади вы ко мне на Землю, я бы вдребезги разбился, но нашёл бы вам еду по вкусу.

— Не понимаю, — с сожалением сказала она. — Что такое «рыба»?

С отвращением жуя жирный кусок, Максим взял бумагу и изобразил леща анфас. Она внимательно изучила рисунок и положила в карман халата. Все рисунки, которые делал Максим, она забирала и куда-то уносила. Максим рисовал много, охотно и с удовольствием: в свободное время и по ночам, когда не спалось, делать здесь было совершенно нечего. Он рисовал животных и людей, чертил таблицы и диаграммы, воспроизводил анатомические разрезы. Он изображал профессора Мегу похожим на бегемота и бегемотов, похожих на профессора Мегу, он вычерчивал универсальные таблицы линкоса, схемы машин и диаграммы исторических последовательностей, он изводил массу бумаги, и всё это исчезало в кармане





Рыбы без всяких видимых последствий для процедуры контакта. У профессора Мегу, он же Бегемот, была своя метода, и он не намеревался от неё отказываться.

Универсальная таблица линкоса, с изучением которой должен начинаться любой контакт, Бегемота совершенно не интересовала. Местному языку пришельца обучала только Рыба, да и то лишь для удобства общения, чтобы закрывал окно и не ходил без балахона. Эксперты к контакту не привлекались вовсе. Максимом занимался Бегемот и только Бегемот.

Правда, в его распоряжении находилось довольно мощное средство исследования — ментоскопическая техника, и Максим проводил в стендовом кресле по четырнадцать-шестнадцать часов в сутки. Причём ментоскоп у Бегемота был хорош. Он позволял довольно глубоко проникать в воспоминания и обладал весьма высокой разрешающей способностью. Располагая такой машиной, можно было, пожалуй, обойтись и без знания языка. Но Бегемот пользовался ментоскопом как-то странно. Свои ментограммы он отказывался демонстрировать категорически и даже с некоторым негодованием, а к ментограммам Максима относился своеобразно. Максим специально разработал целую программу воспоминаний, которые должны были дать аборигенам достаточно полное представление о социальной, экономической и культурной жизни Земли. Однако ментограммы такого рода не вызывали у Бегемота никакого энтузиазма. Бегемот кривил физиономию, мычал, отходил, принимался звонить по телефону или, усевшись за стол, начинал нудно пилить ассистента, часто повторяя при этом сочное словечко «массараки». Зато когда на экране Максим взрывал на воздух ледяную скалу, придавившую корабль, или скорчером разносил в клочья панцирного волка, или отнимал экспресс-лабораторию у гигантского глупого псевдо-спрута, Бегемота было за уши не оттянуть от ментоскопа. Он тихо взвизгивал, радостно хлопал себя ладонями по лысине и грозно орал на изнурённого ассистента, следящего за записью изображения. Зрелище хромосферного протуберанца вызвало у профессора такой восторг, словно он никогда в жизни не видел ничего подобного, и очень нравились ему любовные сцены, заимствованные Максимом главным образом из кинофильмов специально для того, чтобы дать аборигенам какое-то представление об эмоциональной жизни человечества.

Такое нелепое отношение к материалу наводило Максима на печальные размышления. Создавалось впечатление, что Бегемот никакой не профессор, а просто инженер-ментоскопист, готовящий материал для подлинной комиссии по контакту, с которой Максиму предстоит ещё встретиться, а когда это случится — неизвестно. Тогда получалось, что Бегемот — личность довольно примитивная, вроде мальчишки, которого в «Войне и мире» интересуют только батальные сцены. Это обижало: Максим представлял Землю и — честное слово! — имел основания рассчитывать на более серьёзного партнёра по контакту.

Правда, можно было предположить, что этот мир расположен на перекрёстке неведомых межзвёздных трасс, и пришельцы здесь не редкость. До такой степени не редкость, что ради каждого вновь прибывшего здесь







уже не создают специальных авторитетных комиссий, а просто выкачивают из него наиболее эффектную информацию и этим ограничиваются. За такое предположение говорила оперативность, с которой люди со светлыми пуговицами, явно не специалисты, разобрались в ситуации и без всяких ахов и охов направили пришельца прямо по назначению. А может быть, какие-нибудь негуманоиды, побывавшие здесь раньше, оставили по себе настолько дурное воспоминание, что теперь аборигены относятся ко всему инопланетному с определённым недоверием, и тогда вся возня, которую разводит вокруг ментоскопа профессор Бегемот, есть только видимость контакта, оттяжка времени, пока некие высокие инстанции решают мою судьбу.

Так или иначе, а дело моё дрянь, решил Максим, давясь последним куском. Надо скорее учить язык, и тогда всё выяснится<sup>92</sup>...

— Хорошо, — сказала Рыба, забирая у него тарелку. — Идём.

Максим вздохнул и поднялся. Они вышли в коридор. Коридор был длинный, грязно-голубой, справа и слева тянулись ряды закрытых дверей, точно таких же, как дверь в комнату Максима. Максим никогда здесь никого не встречал, но раза два слышал из-за дверей какие-то странные возбуждённые голоса. Возможно, там тоже содержались пришельцы, ожидающие решения своей судьбы.

Рыба шла впереди широким мужским шагом, прямая, как палка, и Максиму вдруг стало очень жалко её. Эта страна, видимо, ещё не знала промышленности красоты, и бедная Рыба была предоставлена сама себе. С этими жидкими бесцветными волосами, торчащими из-под белой шапочки; с этими огромными, выпирающими под халатом лопатками, с безобразно тощими ножками совершенно невозможно было, наверное, чувствовать себя на высоте — разве что с инопланетными существами, да и то с негуманоидными. Ассистент профессора относился к ней пренебрежительно, а Бегемот и вовсе её не замечал и обращался к ней не иначе как «Ы-ы-ы...», что, вероятно соответствовало у него интеркосмическому «Э-э-э...» Максим вспомнил своё собственное, не бог весть какое к ней отношение и ощутил угрызения совести. Он догнал её, погладил по костлявому плечу и сказал:

— Ногу молодец, хорошая.

Она подняла к нему сухое лицо и сделалась как никогда похожей на удивлённого леща анфас. Она отвела его руку, сдвинула едва заметные брови и строго объявила:

— Максим нехороший. Мужчина. Женщина. Не надо.

Максим сконфузился и снова приотстал.

Так они дошли до конца коридора, Рыба толкнула дверь, и они очутились в большой светлой комнате, которую Максим называл про себя приёмной. Окна здесь были безвкусно декорированы прямоугольной решёткой из толстых железных прутьев; высокая, обитая кожей дверь вела в лабораторию Бегемота, а у двери этой всегда почему-то сидели два очень рослых малоподвижных аборигена, не отвечающих на приветствия и находящихся как будто в постоянном трансе.

92 В оригинале «выясниться» с мягким знаком. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







Рыба, как всегда, сразу прошла в лабораторию, оставив Максима в приёмной. Максим, как всегда, поздоровался, ему, как всегда, не ответили. Дверь в лабораторию осталась приоткрытой, оттуда доносился громкий раздражённый голос Бегемота и звонкое щёлканье включённого ментоскопа. Максим подошёл к окну, некоторое время смотрел на туманный мокрый пейзаж, на лесистую равнину, рассечённую лентой автострады, на высокую металлическую башню, едва видимую в тумане, быстро соскучился и, не дожидаясь зова, вошёл в лабораторию.

Здесь, как обычно, приятно пахло озоном, мерцали дублирующие экраны, плешивый заморенный ассистент с незапоминаемым именем и с кличкой Торшер делал вид, что настраивает аппаратуру, а на самом деле с интересом прислушивался к скандалу. В лаборатории имел место *скандал*.

В кресле Бегемота за столом Бегемота сидел незнакомый человек с квадратным шелушащимся лицом и красными отёчными глазами. Бегемот стоял перед ним, расставив ноги, уперев руки в бока и слегка наклонившись. Он *орал*. Шея у него была сизая, лысина пламенела закатным пурпуром, изо рта далеко летели брызги.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Максим тихонько прошёл к своему рабочему месту и негромко поздоровался с ассистентом. Торшер, существо нервное, задёрганное, в ужасе отскочил и поскользнулся на толстом кабеле. Максим едва успел подхватить его за плечи, и несчастный Торшер обмяк, закатив глаза. Ни кровинки не осталось в его лице, странный это был человек, он до судорог боялся Максима. Откуда-то неслышно возникла Рыба с откупоренным флакончиком, который тут же был поднесён к носу Торшера. Торшер икнул и ожил. Прежде чем он снова ускользнул в небытие, Максим прислонил его к железному шкафу и поспешно отошёл.

Усевшись в стендовое кресло, он обнаружил, что шелушащийся незнакомец перестал слушать Бегемота и внимательно разглядывает его, Максима. Максим приветливо улыбнулся. Незнакомец слегка наклонил голову. Тут Бегемот с ужасным треском ахнул кулаком по столу и схватился за телефонный аппарат. Воспользовавшись образовавшейся паузой, незнакомец произнёс несколько слов, из которых Максим разобрал только «*надо*» и «*не надо*», взял со стола листок плотной голубоватой бумаги с ярко-зелёной каймой и помахал им в воздухе перед лицом Бегемота. Бегемот досадливо отмахнулся и тотчас же принялся *лаять* в телефон. «*Надо*», «*не надо*» и непонятное «*массараки*» сыпались из него, как из рога изобилия, и ещё Максим уловил слово «*окно*». Всё кончилось тем, что Бегемот в раздражении швырнул наушник, ещё несколько раз рывкнул на незнакомца, заплевав его с головы до ног, и выкатился, хлопнув дверью.

Тогда незнакомец вытер лицо носовым платком, поднялся с кресла, открыл длинную плоскую коробку, лежавшую на подоконнике, и извлёк из неё какую-то тёмную одежду.

— Идите сюда, — сказал он Максиму. — Одевайтесь.

Максим оглянулся на Рыбу.

— Идите, — сказала Рыба. — Одевайтесь. Надо.





Максим понял, что в его судьбе наступает, наконец, долгожданный поворот, — где-то кто-то что-то решил. Забыв о наставлениях Рыбы, он тут же сбросил уродливый балахон и с помощью незнакомца облачился в новое одеяние. Одеяние это на взгляд Максима не отличалось ни красотой, ни удобством, но оно было точно такое же, как на незнакомце. Можно было предположить даже, что незнакомец пожертвовал своё собственное запасное одеяние, ибо рукава куртки были коротки, а штаны висели сзади мешком и сваливались. Впрочем, всем остальным присутствующим вид Максима в новой одежде пришёлся по душе. Незнакомец ворчал что-то одобрительно, Рыба, смягчив черты лица, насколько это возможно для леща, оглаживала Максиму плечи и одёргивала на нём куртку, и даже Торшер бледно улыбался, укрывшись за пультом.

— Идёмте, — сказал незнакомец и направился к двери, в которую выкатился разъярённый Бегемот.

— До свидания, — сказал Максим Рыбе. — Спасибо, — добавил он по-русски.

— До свидания, — ответила Рыба. — Максим хороший. Здоровый. Надо.

Кажется, она была растрогана. А может быть, озабочена тем, что костюм неважно сидит. Максим махнул рукой бледному Торшеру и поспешил вслед за незнакомцем.

Они прошли через несколько комнат, заставленных неуклюжей архаичной аппаратурой, спустились в гремящем и лязгающем лифте на первый этаж и оказались в обширном низком вестибюле, куда несколько дней назад Гай привёл Максима. И как несколько дней назад, снова пришлось ждать, пока пишутся какие-то бумаги, пока смешной человечек в нелепом головном уборе царапает что-то на розовых бланках, красноглазый незнакомец царапает что-то на зелёных бланках, а девица с оптическими усилителями на глазах делает на этих бланках лиловые оттиски, а потом все меняются бланками и оттисками, причём запутываются и кричат друг на друга, и хватаются за телефонный аппарат, и,<sup>93</sup> наконец,<sup>94</sup> человечек в нелепом головном уборе забирает себе два зелёных и один розовый бланк, причём розовый бланк он рвёт пополам и половину отдаёт девице, делающей оттиски, а шелушащийся незнакомец получает два розовых бланка, синюю толстую картонку и ещё круглый металлический жетон с выбитой на нём надписью, и всё это минуту спустя отдаёт рослому человеку со светлыми пуговицами, стоящему у выходной двери в двадцати шагах от человечка в нелепом головном уборе, и когда они уже выходят на улицу, рослый вдруг принимается сипло кричать, и красноглазый незнакомец снова возвращается, и выясняется, что он забыл забрать себе синий картонный квадратик, и он забирает себе синий картонный квадратик и с глубоким вздохом запикивает куда-то за пазуху. Только после этого уже успевший промокнуть Максим получает возможность сесть в нерационально длинный автомобиль по правую сторону от красноглазого, который раздражён, пыхтит и часто повторяет любимое заклинание Бегемота — «массараки».

93 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

94 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Машина заворчала, мягко тронулась с места, выбралась из неподвижного стада других машин, пустых и мокрых, прокатилась по большой асфальтированной площадке перед зданием, обогнула огромную клумбу с вялыми цветами, мимо высокой жёлтой стены, усыпанной по верху битым стеклом, выкатилась к повороту на шоссе и резко затормозила.

— Массаракш, — снова прошипел красноглазый и выключил двигатель.

По шоссе тянулась длинная колонна одинаковых пятнистых грузовиков с кузовами из криво склёпанного, гнутого железа. Над железными бортами торчали ряды неподвижных округлых предметов, влажно отсвечивающих металлом. Грузовики двигались неторопливо, сохраняя правильные интервалы, мерно kloкоча моторами и распространяя ужасное зловоние органического перегара.

Максим оглядел дверцу со своей стороны, сообразил, что к чему, и поднял стекло. Красноглазый, не глядя на него, произнёс длинную фразу, оказавшуюся совершенно непонятной.

— Не понимаю, — сказал Максим.

Красноглазый повернул к нему удивлённое лицо и, судя по интонации, спросил что-то. Максим покачал головой.

— Не понимаю, — повторил он.

Красноглазый как будто удивился ещё больше, полез в карман, вытащил плоскую коробочку, набитую длинными белыми палочками, одну палочку сунул себе в рот, а остальные предложил Максиму. Максим из вежливости принял коробочку и стал её рассматривать. Коробочка была картонная, от неё остро пахло какими-то сухими растениями. Максим взял одну из палочек, откусил и сплюнул. Это была *не еда*.

— Не надо, — сказал он, возвращая коробочку красноглазому. — Невкусно.

Красноглазый, полуоткрыв рот, смотрел на него. Белая палочка,<sup>95</sup> прилипнув, висела у него на губе. Максим,<sup>96</sup> в соответствии с местными правилами,<sup>97</sup> прикоснулся пальцем к кончику своего носа и представился: «Максим». Красноглазый пробормотал что-то, в руке у него вдруг появился огонёк, он погрузил в него конец белой палочки, и сейчас же автомобиль наполнился тошнотворным дымом.

— Массаракш! — вскричал Максим с негодованием и распахнул дверцу. — Не надо!

Он понял, что это за палочки. В вагоне, где они ехали с Гаем, почти все мужчины отравляли воздух точно таким же дымом, но для этого они пользовались не белыми палочками, а короткими длинными деревянными предметами, похожими на детские свистульки древних времён. Они

95 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

96 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

97 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





вдыхали какой-то наркотик — обычай, несомненно, вреднейший, и тогда, в поезде Максим утешался только тем, что симпатичный Гай был,<sup>98</sup> по-видимому,<sup>99</sup> тоже категорически против этого обычая.

Незнакомец поспешно выбросил наркотическую палочку за окно и почему-то помахал ладонью перед своим лицом. Максим на всякий случай тоже помахал ладонью, а затем снова представился. Оказалось, что красноглазого зовут *Фанк*, на чём разговор и прекратился. Минут пять они сидели,<sup>100</sup> благожелательно переглядываясь, и по-очереди, указывая друг другу на бесконечную колонну грузовиков, повторяли: «*Массараки*». Потом бесконечная колонна кончилась, и Фанк выбрался на шоссе.

Вероятно, он спешил. Во всяком случае,<sup>101</sup> он немедленно сделал так, что двигатель заревел бархатным рёвом, затем он выключил какое-то гнусно воющее устройство и, не соблюдая на взгляд Максима никаких правил безопасности, погнался по автострате в обгон колонны, едва успевая увертываться от машин, мчавшихся навстречу.

Они обогнали колонну грузовиков; обошли, чуть не вылетев на обочину, широкий красный экипаж с одиноким, очень мокрым водителем; проскочили мимо деревянной повозки на вихляющихся колёсах со спицами, влекомой мокрым ископаемым животным; воем загнали в канаву группу пешеходов в брезентовых плащах; влетели под сень огромных раскидистых деревьев, ровными рядами высаженных по обе стороны дороги, — Фанк всё увеличивал скорость, встречный поток воздуха ревел в обтекателях, напуганные воем экипажи впереди прижимались к обочинам, уступая дорогу. Машина казалась Максиму неприспособленной для таких скоростей, слишком неустойчивой, и ему было немного неприятно.

Вскоре дорогу обступили дома, автомобиль ворвался в город, и Франк был вынужден резко понизить скорость. Тогда, с Гаем, Максим ехал от вокзала в большой общественной машине, набитой пассажирами сверх всякой меры. Голова его упиралась в низкий потолок, вокруг ругались и дымили, соседи беспощадно наступали на ноги, упирались в бока какими-то твёрдыми углами, был поздний вечер, давно немытые стёкла были заляпаны грязью и пылью, к тому же в них отражался тусклый свет лампочек внутреннего освещения, и Максим так и не увидел города. Теперь он получил возможность его увидеть.

Улицы были несоразмерно узки и буквально забиты экипажами. Автомобиль Фанка еле плёлся, стиснутый со всех сторон самыми разнообразными механизмами. Впереди, заслоняя пол-неба, громоздилась задняя стенка фургона, покрытая аляповатыми разноцветными надписями и грубыми изображениями людей и животных. Слева, не обгоняя и не отставая, ползли два одинаковых автомобиля, набитых жестикулирующими мужчинами и женщинами. Красивыми женщинами, яркими, не то что Рыба. Ещё левее с железным гроыханием брела некая разновидность электрического поезда, поминутно сыплющая синими и зелёными искрами, дочерна заполненная пассажирами, которые гроздьями свисали из всех

98 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

99 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

100 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

101 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







дверей. Справа был тротуар — неподвижная полоса асфальта, запрещённая для транспорта. По тротуару густым потоком шли люди в мокрой одежде серых и чёрных тонов, сталкивались, обгоняли друг друга, увёртывались друг от друга, протискивались плечом вперёд, то и дело забежали в раскрытые, ярко освещённые двери и смешивались с толпами, кишащими за огромными запотевшими витринами, а иногда вдруг собирались большими группами, создавая пробки и водовороты, вытягивая шеи, заглядывая куда-то. Здесь было очень много худых и бледных лиц, очень похожих на лицо Рыбы, почти все они были некрасивы, излишне, не по здоровому сухопары, излишне бледны, неловки, угловаты. Но они производили впечатление людей довольных: они часто и охотно смеялись, они вели себя непринуждённо, глаза их блестели, повсюду раздавались громкие оживлённые голоса. *Пожалуй, это скорее всё-таки благополучный мир, думал Максим. Во всяком случае, улицы, хотя и грязны, но не завалены всё-таки отбросами, да и дома выглядят довольно жизнерадостно — почти во всех окнах свет по случаю сумеречного дня, а значит,*<sup>102</sup> *недостатка в электроэнергии у них, по-видимому, нет. Очень весело сверкают рекламные объявления, а что до осунувшихся лиц, то при таком уровне уличного шума и при такой загрязнённости воздуха трудно ожидать чего-либо иного. Мир бедный, неустроенный, не совсем здоровый... и,*<sup>103</sup> *тем не менее,*<sup>104</sup> *достаточно благополучный на вид.*

И вдруг на улице что-то переменялось. Раздались возбуждённые крики. Какой-то человек полез на фонарный столб и, повиснув на нём, стал энергично кричать, размахивая свободной рукой. На тротуаре запели. Люди останавливались, срывали головные уборы, выкатывали глаза и пели, кричали до хрипа, поднимая узкие лица к огромным разноцветным надписям, вспыхнувшим внезапно поперёк улицы.

— Массаракш... — прошипел Фанк, и машина вильнула.

Максим смотрел на него. Фанк был смертельно бледен, лицо его исказилось. Мотая головой, он с трудом оторвал руку от руля и уставился на часы. «Массаракш...» — простонал он и сказал ещё несколько слов, из которых Максим узнал только «не понимаю». Потом он оглянулся через плечо, и лицо его исказилось ещё сильнее. Максим тоже оглянулся, но позади не было ничего особенного. Там двигался закрытый ярко-жёлтый автомобиль, квадратный, как коробка.

На улице кричали совершенно уже нестерпимо, но Максиму было не до того. Фанк явно терял сознание, а машина продолжала двигаться, а фургон впереди затормозил, вспыхнули его сигнальные огни, и вдруг размалёванная стенка надвинулась, раздался отвратительный скрежет, глухой удар, и дыбом встал исковерканный капот.

— Фанк! — крикнул Максим. — Фанк! Не надо!

Фанк лежал, уронив руку и голову на овальный руль, и громко, часто стонал. Вокруг визжали тормоза, движение останавливалось, выли сигналы. Максим потряс Фанка за плечо, бросил, распахнул дверцу и, высунувшись, закричал по-русски: «Сюда! Ему плохо!» У автомобиля уже собралась

102 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

103 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

104 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





поющая, орущая, галдящая толпа, энергично взмахивали рúки, сотрясались над головами вздетые кулаки, десятки пар налитых выкаченных глаз бешено вращались в орбитах — Максим совершенно ничего не понимал: то ли эти люди были возмущены аварией, то ли они чему-то без памяти радовались, то ли кому-то грозили. Кричать было бесполезно, не слышно было самого себя, и Максим снова вернулся к Фанку. Теперь тот лежал, откинувшись на спину, запрокинув лицо, и изо всех сил мял ладонями виски, щёки, череп, на губах его пузырилась слюна. Максим понял, что его мучает нестерпимая боль, и крепко взял его за локти, торопливо напрягаясь, готовясь перелить боль в себя. Он не был уверен, что это получится у него с существом другой планеты, он искал и не мог найти нервный контакт, а тут ещё вдобавок Фанк, оторвав рúки от висков, стал изо всех своих невеликих сил толкать Максима в грудь, что-то отчаянно бормоча плачущим голосом. Максим понимал только: «Идите, идите...» Было ясно, что Фанк не в себе.

Тут дверца рядом с Фанком распахнулась, в машину просунулись два разгорячённых лица под чёрными беретами, сверкнули ряды металлических пуговиц, и сейчас же множество твёрдых крепких рук взяли Максима за плечи, за бока, за шею, оторвали от Фанка и вытащили из машины. Он не сопротивлялся — в этих руках не было угрозы или злого намерения, скорее наоборот. Отодвинутый в галдящую толпу, он видел, как двое в беретах повели согнутого, скрюченного Фанка к жёлтому автомобилю, а ещё трое в беретах оттесняли от него людей, размахивающих руками. Потом толпа с рёвом сомкнулась вокруг покалеченной машины, машина неуклюже зашевелилась, приподнялась, повернулась боком, мелькнули в воздухе медленно крутящиеся резиновые колёса, и вот она уже лежит крышей вниз, а толпа лезет на неё, и все кричат, поют, и все охвачены каким-то яростным, бешеным весельем.

Максима оттеснили к стене дóма, прижали к мокрой стеклянной витрине, и, вытянув шею, он увидел поверх голов, как жёлтый квадратный автомобиль, издавая медный клёкот, задвигался, засверкал множеством ярких огней, протиснулся через толпу людей и машин и исчез из виду.





## 4.

Поздно вечером Максим понял, что сыт по горло этим городом, что ему больше ничего не хочется видеть, а хочется ему чего-нибудь съесть. Он провёл на ногах весь день, увидел необычно много, почти ничего не понял, узнал простым подслушиванием несколько новых слов и отождествил несколько местных букв на вывесках и афишах. Несчастный случай с Фанком смутил и удивил его, но в общем он был даже доволен, что снова предоставлен самому себе. Он любил самостоятельность, и ему очень не хватало самостоятельности всё это время, пока он сидел в бегемотовом пятиэтажном термитнике с плохой вентиляцией. Поразмыслив, он решил временно потеряться. Вежливость — вежливостью, а информация — информацией. Процедура контакта, конечно, дело священное, но лучшего случая получить независимую информацию,<sup>105</sup> наверное,<sup>106</sup> не найдётся...

Город поразил его воображение. Он жался к земле, всё движение здесь шло либо по земле, либо под землёю, гигантские пространства между домами и над домами пустовали, отданные дыму, дождю и туману. Он был серый, дымный, бесцветный, какой-то везде одинаковый — не зданиями своими, среди которых попадались довольно красивые, не однообразным кишением толп на улицах, не бесконечной своей сыростью, не удивительной безжизненностью сплошного камня и асфальта, — одинаковый в чём-то самом общем, самом главном. Он был похож на гигантский часовой механизм, в котором нет повторяющихся деталей, но всё движется, вращается, сцепляется и расцепляется в едином вечном ритме, изменение которого означает только одно: неисправность, поломку, остановку. Улицы с высокими каменными зданиями сменялись улочками с маленькими деревянными домишками; кишение толп сменялось величественной пустотой обширных площадей; серые, коричневые и чёрные костюмы под элегантными накидками сменялись серым, коричневым и чёрным тряпьем под драными выцветшими плащами; равномерный монотонный гул сменялся вдруг диким ликующим рёвом сигналов, воплями и пением; и всё это было взаимосвязано, жёстко сцеплено, издавна задано какими-то неведомыми внутренними зависимостями, и ничто не имело самостоятельного значения. Все люди были на одно лицо, все действовали одинаково, и достаточно было присмотреться и понять правила перехода улиц, как ты терялся, растворялся среди остальных и мог двигаться в толпе хоть тысячу лет, не привлекая ни малейшего внимания. Вероятно, мир этот был достаточно сложен и управлялся многими законами, но один — и главный — закон Максим уже открыл для себя: *делай то же, что делают все, и так же, как делают все*. Впервые в жизни ему хотелось быть, как все. (Он видел отдельных людей, которые ведут себя не так, как все, и эти люди вызывали у него живейшее отвращение — они пёрли наперерез потоку, шатаясь, хватаясь за встречных, оскальзываясь и падая, от них мерзко и неожиданно пахло, их сторонились, но не трогали, и некоторые из них пластом лежали у стен под дождём.) И Максим делал, как все. Вместе с толпой он вваливался в гулкие общественные склады под грязными стеклянными крышами, вместе со всеми спускался под землю, втискивался

105 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))106 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))



в переполненные электрические поезда, мчался куда-то в невообразимом грохоте и лязге, подхваченный потоком, снова выходил на поверхность, на какие-то новые улицы, совершенно такие же, как старые, потоки людей разделялись, и тогда Максим выбирал один из потоков и уносился вместе с ним...

Потом наступил вечер, зажглись несильные фонари, подвешенные высоко над землёй и почти ничего не освещающие, на больших улицах стало совсем уже тесно, и,<sup>107</sup> отступая перед этой теснотой, Максим оказался в каком-то полупустом и полутёмном переулке. Здесь он понял, что на сегодня с него довольно, и остановился.

Он увидел три светящихся золотистых шара, мигающие синюю надпись, свитую из стеклянных газосветных трубок, и дверь, ведущую в полуподвальное помещение. Он уже знал, что тремя золотистыми шарами обозначаются, как правило, места, где кормят. Он спустился по щербатым ступенькам и увидел залцу с низким потолком, десяток пустых столиков, пол, толсто посыпанный чистыми опилками, стеклянный буфет, уставленный подсвеченными бутылками с радужными жидкостями. В этом кафе почти никого не было. За никелированным барьером возле буфета медлительно двигалась рыхлая пожилая женщина в белой куртке с засученными рукавами; поодаль, за круглым столиком, сидел в небрежной позе малорослый, но крепкий человек с бледным квадратным лицом и толстыми чёрными усами. Никто здесь не кричал, не кишел, не выпускал наркотических дымов.

Максим вошёл, выбрал себе столик в нише подальше от буфета и уселся. Рыхлая женщина за барьером поглядела в его сторону и что-то хрипло громко сказала. Усатый человек тоже взглянул на него пустыми глазами, отвернулся, взял стоявший перед ним длинный стакан с прозрачной жидкостью, пригубил и поставил на место. Где-то хлопнула дверь, и в зале появилась молоденькая и милая девушка в белом кружевном переднике, нашла Максима глазами, подошла, опёрлась пальцами о столик и стала смотреть поверх его головы. У неё была чистая нежная кожа, лёгкий пушок на верхней губе и красивые серые глаза. Максим галантно прикоснулся пальцем к кончику своего носа и произнёс:

— Максим.

Девушка с изумлением посмотрела на него, словно только теперь увидела. Она была так мила, что Максим невольно улыбнулся до ушей, и тогда она тоже улыбнулась, показала себе на нос и сказала:

— Рада.

— Хорошо, — сказал Максим. — Ужин.

Она кивнула и что-то спросила. Максим на всякий случай тоже кивнул. Он улыбаясь посмотрел ей вслед — она была тоненькая, лёгкая, и приятно было вспомнить, что в этом мире тоже есть красивые люди.

Рыхлая тётка у буфета произнесла длинную ворчливую фразу и скрылась за своим барьером. Они здесь обожают барьеры, подумал Максим. Везде у них барьеры. Как будто всё у них здесь под высоким напряжением... Тут от обнаружил, что усатый смотрит на него. Неприятно смотрит,

107 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







недружелюбно. И если приглядеться, то он и сам какой-то неприятный. Трудно сказать, в чём здесь дело, но он ассоциируется почему-то не то с волком, не то с обезьяной. Ну и пусть. Не будем о нём...

Рада снова появилась и поставила перед Максимом тарелку с дымящейся кашей из мяса и овощей и толстую стеклянную кружку с пенной жидкостью.

— Хорошо, — сказал Максим и приглашающе похлопал по стулу рядом с собой. Ему очень захотелось, чтобы Рада посидела тут же, пока он будет есть, рассказала бы ему что-нибудь, а он бы послушал её голос, и чтобы она почувствовала, как она ему нравится и как ему хорошо рядом с нею.

Но Рада только улыбнулась и покачала головой. Она сказала что-то — Максим разобрал слово «сидеть» — и отошла к барьеру. Жалко, подумал Максим. Он взял двузубую вилку и принялся есть, пытаясь из тридцати известных ему слов составить фразу, выражающую дружелюбие, симпатию и потребность в общении.

Рада, прислонившись спиной к барьеру, стояла, скрестив руки на груди, и поглядывала на него. Каждый раз, когда глаза их встречались, они улыбались друг другу, и Максима несколько удивляло, что улыбка Рады с каждым разом становилась всё бледнее и неуверенней. Он испытывал весьма разнородные чувства. Ему было приятно смотреть на Радку, хотя к этому ощущению примешивалось растущее беспокойство. Он испытывал удовольствие от еды, оказавшейся неожиданно вкусной и довольно питательной. Одновременно он чувствовал на себе косою давящий взгляд усатого человека и безошибочно улавливал истекающее из-за барьера неудовольствие рыхлой тётки... Он осторожно отпил из кружки — это было пиво, холодное, свежее, но, пожалуй, излишне крепкое. На любителя.

Усатый что-то сказал, и Рада подошла к его столику. У них начался какой-то приглушённый разговор, неприятный и неприязненный, но тут на Максима напала муха, и ему пришлось вступить с ней в борьбу. Муха была мощная, синяя, наглая, она насакивала, казалось, со всех сторон сразу, она гудела и завывала, словно объясняясь Максиму в любви, она не хотела улетать, она хотела быть здесь, с ним и с его тарелкой, ходить по ним, облизывать их, она была упорна и многословна. Кончилось всё тем, что Максим сделал неверное движение, и она обрушилась в пиво. Максим брезгливо переставил кружку на другой столик и стал доедать рагу. Подошла Рада и уже без улыбки, глядя в сторону, спросила что-то.

— Да, — сказал Максим на всякий случай. — Рада хорошая.

Она глянула на него с откровенным испугом, отошла к барьеру и вернулась, неся на блюдечке маленькую рюмку с коричневой жидкостью.

— Вкусно, — сказал Максим, глядя на девушку ласково и озабоченно. — Что плохо? Рада, сядьте здесь говорить. Надо говорить. Не надо уходить.

Эта тщательно продуманная речь произвела на Радку неожиданно дурное впечатление. Максиму показалось даже, что она вот-вот заплачет. Во всяком случае у неё задрожали губы, она прошептала что-то и убежала из зала. Рыхлая женщина за барьером произнесла несколько негодующих слов.





*Что-то я не так делаю, обеспокоенно подумал Максим. Он совершенно не мог себе представить — что. Он только понимал: ни усатый человек, ни рыхлая женщина не хотят, чтобы Рада с ним «сидеть» и «говорить». Но поскольку они явно не являлись представителями администрации и стражами законности и поскольку он, Максим, очевидно не нарушал никаких законов, мнение этих рассерженных людей не следовало, вероятно, принимать во внимание.*

Усатый человек произнёс нечто сквозь зубы, негромко, но с совсем уж неприятной интонацией, залпом допил свой стакан, извлёк из-под стола толстую полированную трость, поднялся и не спеша приблизился к Максиму. Он сел напротив, положил трость поперёк стола и, не глядя на Максима, но обращаясь явно к нему, принялся цедить медленные тяжёлые слова, часто повторяя «массараки», и речь его казалась Максиму такой же чёрной и отполированной от частого употребления, как его уродливая трость, и в речи этой была чёрная угроза, и вызов, и неприязнь, и всё это как-то странно замыкалось равнодушием интонации, равнодушием на лице и пустотой бесцветных остекленелых глаз.

— Не понимаю, — сказал Максим сердито.

Тогда усатый медленно повернул к нему белое лицо, поглядел как бы насквозь, медленно, отдельно задал какой-то вопрос и вдруг ловко выхватил из трости длинный блестящий нож с узким лезвием. Максим даже растерялся. Не зная, что сказать и как реагировать, он взял со стола вилку и повертел её в пальцах. Это произвело на усатого неожиданное действие. Он мягко, не вставая, отскочил, повалив стул, нелепо присел, выставив перед собою свой нож, усы его приподнялись, и обнажились жёлтые длинные зубы. Рыхлая тётка за барьером оглушительно завизжала, Максим от неожиданности подскочил. Усатый вдруг оказался совсем рядом, но в ту же секунду откуда-то появилась Рада, встала между ним и Максимом, и принялась громко и звонко кричать — сначала на усатого, а потом, повернувшись, — на Максима. Максим совсем уже ничего не понимал, а усатый вдруг неприятно заулыбался, взял свою трость, спрятал в неё нож и спокойно пошёл к выходу. В дверях он обернулся, бросил несколько негромких слов и скрылся.

Рада, бледная, с дрожащими губами, подняла поваленный стул, вытерла салфеткой пролитую коричневую жидкость, забрала грязную посуду, унесла, вернулась и что-то сказала Максиму. Максим ответил «да», но это не помогло. Рада повторила то же самое, и голос у неё был раздражённый, хотя Максим чувствовал, что она не столько рассержена, сколько испугана. «Нет», сказал Максим, и сейчас же тётка за барьером ужасно заорала, затрясла щеками, и тогда Максим, наконец, признался: «*Не понимаю*».

Тётка выскочила из-за барьера, ни на секунду не переставая кричать, подлетела к Максиму, встала перед ним, уперев руки в бока, и всё вопила, а потом схватила его за одежду и принялась грубо шарить по карманам. Ошеломлённый Максим не сопротивлялся. Он только твердил: «*Не надо*» и жалобно взглядывал на Радку. Рыхлая тётка толкнула его в грудь и, словно приняв какое-то страшное решение, помчалась обратно к себе за барьер и





там схватила телефонный наушник. Максим понял, что у него не оказалось всех этих розовых и зелёных бумажек с лиловыми оттисками, без которых здесь, по-видимому, нельзя появляться в общественных местах.

— Фанк! — произнёс он проникновенно. — Фанк плохо! Идти. Плохо.

Потом всё как-то неожиданно разрядилось. Рада сказала что-то рыхлой женщине, та бросила наушник, поклокотала ещё немного и успокоилась. Рада посадила Максима на прежнее место, поставила перед ним новую кружку с пивом и к его неописуемому удовольствию и облегчению села рядом. Некоторое время всё шло очень хорошо. Рада задавала вопросы, Максим, сияя от удовольствия, отвечал на них: «*Не понимаю*», рыхлая тётка бурчала в отдалении, Максим, напрягшись, построил ещё одну фразу и объявил, что «*дождь ходит массараки плохо туман*», Рада залилась смехом, а потом пришла ещё одна молоденькая и довольно симпатичная девушка, поздоровалась со всеми, они с Радой вышли, и через некоторое время Рада появилась уже без фартука, в блестящем красном плаще с капюшоном и с большой клетчатой сумкой в руке.

— Идём, — сказала она, и Максим вскочил. Однако так сразу уйти не удалось. Рыхлая тётка опять подняла крик. Опять ей что-то не нравилось, опять она чего-то требовала. На этот раз она размахивала пером и листком бумаги. Некоторое время Рада спорила с нею, но подошла вторая девушка и встала на сторону тётки. Речь шла о чём-то очевидном, и Рада в конце концов уступила. Тогда они все втроём пристали к Максиму. Сначала они по-очереди и хором задавали один и тот же вопрос, которого Максим, естественно, не понимал. Он только разводил руки. Затем Рада приказала всем замолчать, легонько похлопала Максима по груди и спросила:

— Мак Сим?

— Максим, — поправил он.

— Мак? Сим?

— Максим. Мак — не надо. Сим — не надо. Максим.

Тогда Рада приставила палец к своему носику и произнесла:

— Рада Гаал. Максим...

Максим понял, наконец, что им зачем-то понадобилась его фамилия, это было странно, но гораздо больше его удивило другое.

— Гаал? — произнёс он. — Гай Гаал?

Воцарилась тишина. Все были поражены.

— Гай Гаал, — повторил Максим обрадованно. — Гай хороший мужчина.

Поднялся шум. Все женщины говорили разом. Рада теребила Максима и что-то спрашивала. Очевидно было, что её страшно интересует, откуда Максим знает Гая. Гай, Гай, Гай — мелькало в потоке непонятных слов. Вопрос о фамилии Максима был забыт.

— Массараки! — сказала, наконец, рыхлая тётка и захохотала, и девушки тоже засмеялись, и Рада вручила Максиму свою клетчатую сумку, взяла его под руку, и они вышли под дождь.







Они прошли до конца эту плохо освещённую улочку и свернули в ещё менее освещённый переулок с деревянными покосившимися домами по сторонам грязной мостовой, неровно мощёной булыжником; потом свернули ещё раз, кривые улочки были пусты, ни один человек не встречался им на пути, за занавесками в подслеповатых оконцах светились разноцветные абажуры, временами доносилась приглушённая музыка, хоровое пение дурными голосами.

Сначала Рада оживлённо болтала, часто повторяя имя Гая, а Максим то и дело подтверждал, что *Гай — хороший*, но добавлял по-русски, что *нельзя бить людей по лицу, что это странно и что он, Максим, этого не понимает*. Однако по мере того, как улицы становились всё уже, темнее и слякотнее, речь Рады всё чаще прерывалась. Иногда она останавливалась и вглядывалась в темноту, и Максим думал, что она выбирает дорогу посуше, но она искала в темноте что-то другое, потому что луж она не видела, и Максиму приходилось каждый раз оттягивать её на сухие места, а там, где сухих мест не было, он брал её под мышку и переносил — ей это нравилось, каждый раз она замирала от удовольствия, но тут же забывала об этом, потому что *она боялась*.

Чем дальше они уходили от кафе, тем больше она боялась. Сначала Максим пытался найти с нею нервный контакт, чтобы передать ей немного бодрости и уверенности, но как и с Фанком, это не получалось, и когда они вышли из тупика и оказались на совсем уже грязной, немощёной дороге, справа от которой тянулся бесконечный мокрый забор с ржавой колючей проволокой поверху, а слева — непроглядно чёрный зловонный пустырь без единого огонька, Рада совсем увяла, она чуть не плакала, и Максим, чтобы хоть немножко поднять настроение, принялся во всё горло петь подряд самые весёлые из известных ему песен, и это помогло, но не надолго, лишь до конца забора, а потом снова потянулись дома, длинные, жёлтые, двухэтажные, с тёмными окнами, из них пахло остывающим металлом, органической смазкой, ещё чем-то душным и чадным, редко и мутно горели фонари, а вдали, под какой-то никчемной глухой аркой стояли нахохлившиеся мокрые люди, и Рада остановилась.

Она вцепилась в его руку и заговорила прерывистым шёпотом, она была полна страха за себя и ещё больше — за него. Шепча, она потянула его назад, и он повиновался, думая, что ей от этого станет лучше, но потом понял, что это просто безрассудный акт отчаяния, и упёрся. «*Пойдёмте, — сказал он ей ласково. — Пойдёмте, Рада. Плохо нет. Хорошо*». Она послушалась, как ребёнок. Он повёл её, хотя и не знал дороги, и вдруг понял, что она боится этих мокрых фигур, и очень удивился, потому что в них не было ничего страшного и опасного — так себе, обыкновенные, скрючившиеся под дождём аборигены, стоят и трясутся от сырости. Сначала их было двое, потом откуда-то появились третий и четвёртый с огоньками наркотических палочек.

Максим шёл по пустой улице между жёлтыми домами прямо на эти фигуры, Рада всё теснее прижималась к нему, и он обнял её за плечи. Ему вдруг пришло в голову, что он ошибается, что Рада дрожит не от страха, а просто от холода. В мокрых людях не было совершенно ничего опасного, он прошёл мимо них, мимо этих сутулых, длиннолицых, озябших, заснувших







ру́ки глубоко в карманы, притоптывающих, чтобы согреться, жалких, отравленных наркотиком, и они как будто даже не заметили его с Радой, даже не подняли глаз, хотя он прошёл так близко, что слышал их нездоровое, неровное дыхание. Он думал, что Рада хоть теперь успокоится, они были уже под аркой, и вдруг впереди, как из-под земли, будто отделившись от жёлтых стен, появились и встали поперёк доро́ги ещё четверо, таких же мокрых и жалких, но один из них был с длинной толстой тростью, и Максим узнал его.

Под облупленным куполом нелепой арки болталась на сквозняке голая лампочка, стены были покрыты плесенью и трещинами, под ногами был растрескавшийся грязный цемент с грязными следами многих ног и автомобильных шин. Позади гулко затопали, Максим оглянулся — те четверо догоняли, прерывисто и неровно дыша, не вынимая рук из карманов, выплёвывая на бегу свои отвратительные наркотические палочки... Рада сдавленно вскрикнула, отпустила его руку, и вдруг стало тесно. Максим оказался прижат к стене, вокруг вплотную к нему стояли люди, они не касались его, они держали ру́ки в карманах, они даже не смотрели на него, просто стояли и не давали ему двинуться, и через их го́ловы он увидел, что двое держат Раду за ру́ки, а усатый подошёл к ней, неторопливо переложил трость в левую руку и правой рукой так же неторопливо и лениво ударил её по щеке...

Это было настолько дико и невозможно, что Максим потерял ощущение реальности. Что-то сдвинулось у него в сознании. Люди исчезли. Здесь было только два человека — он и Рада, а остальные исчезли. Вместо них неуклюже и страшно топтались по грязи жуткие и опасные животные. Не стало го́рода, не стало арки и лампочки над головой — был край непроходимых гор, страна Оз-на-Пандоре, была пещера, гнусная западня, устроенная голыми пятнистыми обезьянами, и в пещеру равнодушно глядела размытая жёлтая луна, и надо было драться, чтобы выжить. И он стал драться, как дрался тогда на Пандоре.

Время послушно затормозилось, секунды стали длинными-длинными, и в течение каждой можно было сделать очень много разных движений, нанести много ударов и видеть всех сразу. Они были неповоротливы, эти обезьяны, они привыкли иметь дело с другой дичью, наверное, они просто не успели сообразить, что ошиблись в выборе, что лучше всего им было бы бежать, но они тоже пытались драться... Максим хватал очередного зверя за нижнюю челюсть, рывком вздёргивал податливую голову и бил ребром ладони по бледной пульсирующей шее, и сразу же поворачивался к следующему, хватал, вздёргивал, рубил, и снова хватал, вздёргивал, рубил — в облаке зловонного хищного дыхания, в гулкой тишине пещеры, в жёлтой слезящейся полутьме — и грязные когти рванули его за шею и соскользнули, жёлтые клыки глубоко впились в плечо и тоже соскользнули... рядом уже никого не было, а к выходу из пещеры торопился вожак с дубиной, потому что он, как все вожаки, обладал самой быстрой реакцией и первым понял, что происходит, и Максим мельком пожалел его, как медленна его быстрая реакция — секунды тянулись всё медленнее, и быстроногий вожак едва перебирал ногами, и Максим, проскользнув между секундами, поровнялся с ним и зарубил его на бегу, и сразу остановился... время вновь обрело





нормальное течение, пещера стала аркой, луна — лампочкой, а страна Оз-на-Пандоре снова превратилась в непонятный город на непонятной планете, более непонятной, чем даже Пандора...

Максим стоял, отдыхая, опустив зудящие руки. У ног его трудно копошился усатый вожак, кровь текла из пораненного плеча, и тут Рада взяла его руку и, всхлипнув, провела его ладонью по своему мокрому лицу. Он огляделся. На грязном цементном полу мешками лежали тела. Он машинально сосчитал их — *шестеро, включая вожака* — и подумал, что *двое успели убежать*. Ему было невыразимо приятно прикосновение Рады, и он знал, что поступил так, как должен был поступить, и сделал то, что должен был сделать — ни капель больше, ни капель меньше. Те, кто успел уйти, — ушли, он не догонял их, хотя мог бы догнать — даже сейчас он слышал, как панически стучат их башмаки в конце тоннеля. А те, кто не успел уйти, те лежат, и некоторые из них умрут, а некоторые уже мертвы, и он понимал теперь, что это всё-таки люди, а не обезьяны и не панцирные волки, хотя дыхание их было зловонно, прикосновения — грязны, а намерения — хищны и отвратительны. И всё-таки он испытывал какое-то сожаление и ощущал потерю, словно потерял некую чистоту, словно потерял неотъемлемый кусочек души прежнего Максима, и знал, что прежний Максим исчез навсегда, и от этого ему было немножко горько, и это будило в нём какую-то незнакомую гордость...

— Пойдём, Максим, — тихонько сказала Рада.

И он послушно пошёл за нею.

## «Вы его упустили...»

— Короче говоря, вы его упустили.

— Я ничего не мог сделать... Вы сами знаете, как это бывает...

— Чёрт побери, Фанк! Вам и не надо было ничего делать. Вам достаточно было взять с собой шофёра.

— Я знаю, что виноват. Но кто мог ожидать...

— Хватит об этом. Что вы предприняли?

— Как только меня выпустили, я позвонил Мегу. Мегу ничего не знает. Если он вернётся, Мегу сейчас же сообщит мне... Далее, я взял под наблюдение все дома умалишённых... Он не может уйти далеко, ему просто не дадут, он слишком бросается в глаза...

— Дальше.

— Я поднял своих людей в полиции. Я приказал следить за всеми случаями нарушения порядка... вплоть до нарушения правил уличного движения. У него нет документов. Я распорядился сообщать мне обо всех задержанных без документов... У него нет ни единого шанса скрыться, даже если он захочет... По-моему, это дело двух-трёх дней... Простое дело.

— Простое... Что могло быть проще: сесть в машину, съездить в телецентр и привезти сюда человека... Но вы даже с этим не справились.

— Виноват. Но такое стечение обстоятельств...





— Я сказал, *хватит об обстоятельствах*. Он действительно похож на сумасшедшего?

— Трудно сказать... Больше всего он, пожалуй, похож на дикаря. На хорошо отмытого и ухоженного горца. Но я легко представляю себе ситуацию, в которой он выглядит сумасшедшим... И потом эта вечная идиотская улыбка, крестинический лепет вместо нормальной речи... И весь он какой-то *дурак*...

— Понятно. Я одобряю ваши меры... И вот что ещё, Фанк... Свяжитесь с подпольем.

— Что?

— Если вы не найдёте его в ближайшие дни, он непременно объявится в подполье.

— Не понимаю, *что делать дикарю в подполье?*<sup>108</sup>

— *В подполье много дикарей*. И не задавайте глупых вопросов, а делайте, что я вам говорю. Если вы упустите его ещё раз, я вас уволю.

— Второй раз я его не упущу.

— Рад за вас... Что ещё?

— Любопытный слух о Волдыре.

— О Волдыре? Что именно?

— Простите, Странник... Если разрешите, я предпочёл бы об этом шёпотом, на ухо...

## Часть вторая. Гвардеец

### 5.

Окончив инструктаж, господин ротмистр Чачу распорядился:

— Капрал Гаал, оставайтесь. Остальные свободны.

Когда остальные командиры секций вышли, гуськом, в затылок друг другу, господин ротмистр некоторое время разглядывал Гая, покачиваясь на стуле и насвистывая старинную солдатскую песню «*Уймись, мамаша*». Господин ротмистр Чачу был совсем не похож на господина ротмистра Тоота. Он был приземист, темнолиц, у него была большая лысина, он был гораздо старше Тоота, в недавнем прошлом — боевой офицер, танкист, участник восьми приморских инцидентов, обладатель «Огненного Креста» и трёх значков «За ярость в огне»; рассказывали о его фантастическом поединке с белой субмариной, когда его танк получил прямое попадание и загорелся, а он продолжал стрелять, пока не потерял сознание от страшных ожогов; говорили, что на теле его нет живого места, сплошь чужая пересаженная кожа, а на левой руке у него не хватало трёх пальцев. Он был прям и груб, как настоящий вояка, и, не в пример сдержанному господину ротмистру Тооту, никогда не считал нужным скрывать своё

108 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





настроение ни от подчинённых, ни от начальства. Если он был весел, вся бригада знала, что господин ротмистр Чачу нынче весел, но уж если он был не в духе и насвистывал «Уймись, мамаша»...

Глядя ему в глаза уставным взглядом, Гай испытывал отчаяние при мысли, что ему каким-то неизвестным пока образом привелось огорчить и рассердить этого замечательного человека. Он торопливо перебрал в памяти свои собственные проступки и проступки гвардейцев своей секции, но ничего не мог вспомнить такого, что уже не было отстранено небрежным движением беспалой руки и хриплым, ворчливым: «Ладно, на то и гвардия. Плевать...»

Господин ротмистр перестал свистеть и покачиваться.

— Не люблю болтовни и писанины, капрал, — произнёс он. — Либо ты рекомендуешь кандидата Сима, либо ты его не рекомендуешь. Что именно?

— Так точно, рекомендую, господин ротмистр, — поспешно сказал Гай. — Но...

— Без «но», капрал! Рекомендуешь или не рекомендуешь?

— Так точно, рекомендую.

— Тогда как я должен понимать эти две бумажки? — господин ротмистр нетерпеливым движением извлёк из нагрудного кармана сложенные бумаги и развернул их на столе, придерживая искалеченной рукой. — Читаю: «*Рекомендую вышеозначенного Мак Сима, как преданного и способного...*» — н-ну, тут всякая болтовня... — «*для утверждения в высоком звании кандидата в рядовые Боевой Гвардии*». А вот твоя вторая писулька, капрал: «*... В связи с вышеизложенным считаю своим долгом обратить внимание командования на необходимость тщательной проверки прошлой жизни означенного кандидата в рядовые Боевой Гвардии М. Сима*». Массаракш! Чего же тебе в конце концов надо, капрал?

— Господин ротмистр! — взволнованно сказал Гай. — Но я действительно в трудном положении! Я знаю кандидата Сима как способного и преданного задачам Гвардии гражданина. Я уверен, что он принесёт много пользы. Но мне действительно неизвестно его прошлое! Мало того, он сам его не помнит. Полагая, что в Гвардии место только кристально-чистым...

— Да, да! — нетерпеливо сказал господин ротмистр. — Кристально-чистым, без оглядки преданным, до последней капли, всей душой... Короче говоря, вот что, капрал. Одну из этих бумаг ты сейчас же заберёшь и порвёшь. Надо же соображать. Я не могу явиться к бригадиру с двумя бумажками, либо да, либо нет. Мы в Гвардии, а не на философском факультете, капрал! Две минуты на размышление.

Господин ротмистр извлёк из стола толстую папку с делами и с отвращением бросил её перед собой. Гай уныло посмотрел на часы. Было ужасно трудно сделать этот выбор. Бесчестно и не по-гвардейски было скрыть от командования своё недостаточное знание рекомендуемого, даже если речь шла о Максиме. Но с другой стороны, бесчестно и не по-гвардейски было уклоняться от ответственности, взваливая решение на господина ротмистра, который видел Максима только два раза, да и то а ротном строю. Ну, хорошо. Ещё раз. За: горячо и близко к сердцу принял







задачи Гвардии по ликвидации последствий войны и уничтожение агентуры потенциального агрессора; без сучка и задоринки прошёл освидетельствование в Департаменте общественного здоровья; будучи направлен господином ротмистром Тоотом и господином штаб-врачом Зогу в какое-то секретное учреждение, по-видимому, для проверки, проверку эту выдержал. (Правда, это показание самого Максима, документы он потерял, но как же иначе он мог оказаться не под надзором?); наконец, отважен, прирождённый боец — в одиночку расправился с бандой Крысолова — симпатичен, прост в общении, добродушен, абсолютно бескорыстен. И вообще человек необычайных способностей. Против: совершенно неизвестно, кто он и откуда; о прошлом своём либо ничего не помнит, либо не желает сообщать... и у него нет никаких документов. Но так ли уж всё это подозрительно? Правительство контролирует только границы и центральный район. Две трети территории страны до сих пор погрязают в анархии, там голод, эпидемии, народ оттуда бежит, и все без документов, а молодые даже не знают, что такое документы. И сколько среди них больных, потерявших память, даже выродков... В конце концов, главное — что Максим не выродок...

— Ну, капрал? — произнёс господин ротмистр, листая бумаги.

— Так точно, господин ротмистр, — отчаянным голосом сказал Гай. — Разрешите...

Он взял свой рапорт о проверке Максима и медленно разорвал его.

— Пр-равильное решение! — гаркнул господин ротмистр. — Вот это по-гвардейски! Бумаги, чернила, проверки... Всё проверит бой! Вот когда мы сядем в наши машины и двинем в зону атомных ловушек, тогда мы сразу увидим, кто наш, а кто — нет.

— Так точно, — без особой уверенности сказал Гай. Он хорошо понимал старого вояку, но не менее хорошо он видел, что ветеран войны и герой приморских инцидентов несколько заблуждается, как все ветераны и все герои. Бой боем, а чистота чистотой. Впрочем, Максима это не касается. Максим-то чист.

— Массаракш! — произнёс господин ротмистр. — Департамент здоровья его пропустил, а остальное — дело наше. — Произнеся эту загадочную фразу, он сердито посмотрел на Гая и добавил: — Гвардеец другу доверяет полностью, а если не доверяет, значит, это не друг, гнать его в шею. Ты меня удивил, капрал. Ну ладно, марш к своей секции. Времени осталось мало... На операции я сам присмотрю за этим кандидатом.

Гай щёлкнул каблуками и вышел. За дверью он позволил себе улыбнуться. Всё-таки старый вояка не удержался и принял ответственность на себя. Хорошее всегда хорошо. Теперь можно с чистой совестью считать Максима своим другом. Мака Сима. Настоящую его фамилию не произнести. То ли он её придумал, пока был в бреду, то ли всё-таки действительно он родом из этих горцев... как-бишь звали ихнего древнего царя... Заремчакбешмусараи... Гай вышел на плац и поискал





глазами свою секцию. Неутомимый Панди гонял ребят через верхнее окно макета трёхэтажного здания. Ребята взмокли, и это было плохо, потому что до операции оставался всего час.

— О-отста-авить! — крикнул Гай ещё издали.

— От-ставить! — заорал Панди. — Становись!

Секция быстро построилась. Панди скомандовал «*смирно*», строевым шагом подошёл к Гаю и доложил:

— Господин капрал, секция занимается преодолением штурмового городка.

— Встаньте в строй, — приказал Гай, стараясь интонацией выразить неодобрение, как это превосходно умел делать капрал Серембеш. Он прошёлся перед строем, заложив рúки за спину, вглядываясь в знакомые лица.

Серые, голубые и синие глаза, выражающие готовность выполнить любой приказ и потому слегка выкаченные, следили за каждым его движением. Он ощутил, как они близки и дороги ему, эти двенадцать здоровенных парней — шестеро действительных рядовых Гвардии на правом фланге и шестеро кандидатов в рядовые — на левом, все в ладных чёрных комбинезонах с начищенными пуговицами, все в блестящих сапогах с короткими голенищами, все в беретах, лихо сдвинутых на правую бровь... *Нет, не все. Посередине строя, на правом фланге кандидатов башней возвышался кандидат Мак Сим, очень ладный парень, любимец, как это ни прискорбно для командира иметь любимцев, но... гм... То, что у него не выкачены его странные коричневые глаза — ладно. Научится со временем. Но вот... гм...*

Гай подошёл к Максиму и застегнул ему верхнюю пуговицу. Затем встал на цыпочки и поправил берет. *Кажется, всё... Опять он в строю растянул рот до ушей... Ну, ладно. Отвыкнет. Кандидат всё-таки, самый младший в секции...*

Чтобы сохранить видимость справедливости, Гай поправил пряжку у соседа Максима, хотя надобности в этом не было. Потом он сделал три шага назад и скомандовал «*вольно*». Секция встала «*вольно*» — слегка отставила правую ногу и заложила рúки за спину.

— Гвардейцы, — сказал Гай. — Сегодня мы в составе роты выступаем на регулярную операцию по обезвреживанию агентуры потенциального противника. Операция проводится по схеме тридцать три. Господа действительные рядовые, несомненно, помнят свои обязанности по этой схеме, господам же кандидатам, забывающим застёгивать пуговицы, я считаю полезным напомнить. Секция получает один подъезд. Секция делится на четыре группы: три тройки и наружный резерв. Тройки в составе двух действительных рядовых и одного кандидата, не поднимая шума, последовательно обходят квартиры. Вступив в квартиру, каждая тройка действует следующим образом: кандидат охраняет парадный вход, второй рядовой, ни на что не отвлекаясь, занимает чёрный вход, старший производит осмотр помещений. Резерв из трёх кандидатов во главе с командиром секции — в данном случае со мною — остаётся внизу в подъезде с задачей, во-первых, никого не выпускать на время операции,





во-вторых, немедленно оказать помощь той тройке, которой это понадобится. Состав троек и резерва вам известен... Внимание! — сказал он, отступая ещё на шаг. — На тройки и резерв — разберись!

Произошло короткое множественное движение. Секция разобралась. Никто не ошибся местом, никто не сцепился автоматами, никто не поскользнулся и не потерял берет, как это случалось на прошлых занятиях. На правом фланге резерва возвышался Максим и опять улыбался во весь рот. У Гая вдруг возникла дикая мысль, что *Максим смотрит на всё это, как на забавную игру. Это было, конечно, не так, потому что так это быть не могло. Во всём была виновата, несомненно, эта дурацкая улыбочка...*

— Недурственно, — проворчал Гай в подражание капралу Серембешу и благосклонно поглядел на Панди. *Молодец, старик, вымуштровал ребят.* — Внимание! — сказал он. — Секция, стройся!

Снова короткое множественное движение, прекрасное своей чёткостью и безукоризненностью, и снова секция стояла перед ним одной шеренгой. *Хорошо! Просто замечательно! Даже внутри всё как-то холодеет.* Гай опять заложил руки за спину и прошёлся.

— Гвардейцы, — сказал он. — Мы — опора и единственная надежда государства в это трудное время. Только на нас могут без оглядки положиться в своём великом деле Неизвестные Отцы. — Это была правда, истинная правда, и было в этом очарование и отрешённость. — Хаос, рождённый преступной войной, едва миновал, но последствия его тяжело ощущаются до сих пор. Гвардейцы, братья! У нас одна задача: с корнем вырвать всё то, что влечёт нас назад, к хаосу. Враг на наших рубежах не дремлет, неоднократно и безуспешно он пытался втянуть нас в новую войну на суше и на море, и лишь благодаря мужеству и стойкости наших братьев-солдат страна наша имеет возможность наслаждаться миром и покоем. Но никакие усилия армии не приведут к цели, если не будет сломлен враг внутри. Сломить врага внутри — наша и только наша задача, гвардейцы. Во имя этого мы идём на многие жертвы, мы нарушаем покой наших матерей, братьев и детей, мы лишаем заслуженного отдыха честного рабочего, честного чиновника, честного торговца и промышленника. Они знают, почему мы вынуждены вторгаться в их дома, и встречают нас как своих лучших друзей, как своих защитников. Помните это и *не давайте себе увлечься в благородном пылу выполнения своей задачи. Друг — это друг, а враг — это враг...* Вопросы есть?

— Нет! — рявкнула секция в двенадцать глётков.

— Смир-рна! Тридцать минут на отдых и проверку снаряжения. Р-разойдись!

Секция бросилась врассыпную, а затем гвардейцы группами по-двое и по-трое направились к казарме. Гай неторопливо пошёл следом, ощущая приятную опустошённость. Максим ждал его поодаль, заранее улыбаясь.

— Давай поиграем в слова, — предложил он.





Гай мысленно застонал. *Одёрнуть бы его, одёрнуть! Что может быть более противоестественно, нежели кандидат, шпендрик<sup>109</sup>, за полчаса до начала операции пристающий с фамильярностями к капралу!*

— Сейчас не время, — по возможности сухо сказал он.

— Ты волнуешься? — спросил Максим сочувственно.

Гай остановился и поднял глаза к небу. *Ну что делать, что делать? Оказывается, совершенно невозможно цыкать такого вот добродушного наивного гиганта, да ещё спасителя твоей сестры, да ещё — чего греха таить — человека, во всех отношениях, кроме строевого, гораздо выше тебя самого...* Гай огляделся и сказал просительно:

— Послушай, Мак, ты ставишь меня в неловкое положение. Когда мы в казарме, я твой капрал, начальник, я приказываю — ты подчиняешься. Я тебе сто раз говорил...

— Но я же готов подчиняться, приказывай! — возразил Максим. — Я знаю,<sup>110</sup> что такое дисциплина. Приказывай.

— Я уже приказал. Займись подгонкой снаряжения.

— Нет, извини меня, Гай, ты приказал не так. Ты приказал отдыхать и подгонять снаряжение, ты забыл? Снаряжение я подогнал, теперь отдыхаю. Давай поиграем, я придумал хорошее слово...

— Мак, пойми: подчинённый имеет право обращаться к начальнику, во-первых, только по установленной форме, а во-вторых, исключительно по службе.

— Да, я помню. Параграф девять... Но ведь это во время службы. А сейчас мы с тобой отдыхаем...

— Откуда ты взял, что я отдыхаю? — спросил Гай. Они стояли за макетом забора с колючей проволокой, и здесь их, слава богу, никто не видел: никто не видит, как эта башня привалилась плечом к забору и всё время порывается взять своего капрала за пуговицу. — Я отдыхаю только дома, но даже дома я никакому подчинённому не позволил бы... Послушай, отпусти мою пуговицу и застегни свою...

Максим застегнулся и сказал:

— На службе одно, дома другое. Зачем?

— Давай не будем об этом говорить. Мне надоело повторять тебе одно и то же... Кстати, когда ты перестанешь улыбаться в строю?

— В уставе об этом не сказано, — немедленно ответил Максим. — А что касается повторять одно и то же, то вот что. Ты не обижайся, Гай, я знаю: ты не говорец... не речевик...

— Кто?

— Ты не человек, который умеет красиво говорить.

— Оратор?

109 Вообще «шпендик» применяется в разговоре о человеке маленького роста (что в случае данного персонажа недопустимо), но именно в форме «шпендрик», кроме как уничижительно про слабосильного человека маленького роста, также употребляется и как просто порицающее или бранное слово. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

110 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— Оратор... Да, не оратор. Но всё равно. Ты сегодня обратился к нам с речью. Слова правильные, хорошие. Но когда ты дома говорил мне о задачах Гвардии и о положении страны, это было очень интересно. Это было очень по-твоему. А здесь ты в седьмой раз говоришь одно и то же, и всё не по-твоему. Очень верно. Очень одинаково. Очень скучно. А? Не обиделся?

Гай не обиделся. То есть<sup>111</sup> некая холодная иголочка кольнула его самолюбие — до сих пор ему казалось, что он говорит так же убедительно и гладко, как капрал Серембеш или даже господин ротмистр Тоот. Однако, если подумать, капрал Серембеш и господин ротмистр тоже повторяли всё одно и то же в течение трёх лет. И в этом нет ничего удивительного и тем более зазорного — ведь за эти три года никаких существенных изменений во внутреннем и во внешнем положении не произошло...

— А где это сказано в уставе, — спросил Гай, усмехаясь, — чтобы подчинённый делал замечания своему начальнику?

— Там сказано противоположное, — со вздохом признался Максим. — По моему, это неверно. Ты ведь слушаешь мои советы, когда решаешь задачи по баллистике, и ты слушаешь мои замечания, когда ошибаешься в вычислениях.

— Это дома! — проникновенно сказал Гай. — Дома всё можно.

— А если на стрельбах ты неправильно даёшь нам прицел? Плохо учёл поправку на ветер. А?

— Ни в коем случае, — твёрдо сказал Гай.

— Стрелять неправильно? — изумился Максим.

— Стрелять, как приказано, — строго сказал Гай. — За эти десять минут, Мак, ты наговорил суток на пятьдесят карцера. Понимаешь?

— Нет, не понимаю... А если в бою?

— Что — в бою?

— Ты даёшь неправильный прицел. А?

— Гм... — сказал Гай, который ещё никогда в бою не командовал. Он вдруг вспомнил, как капрал Бахту во время разведки боем запутался в карте, загнал секцию под кинжальный огонь соседней роты, сам там остался и пол-секции уложил, а ведь мы знали, что он запутался, но никто не подумал его поправить.

Господи, сообразил вдруг Гай, да нам бы и в голову не пришло, что можно его поправить. Приказ командира — закон, и даже больше, чем закон — законы всё-таки иногда обсуждаются, а приказ обсуждать нельзя, приказ обсуждать дико, вредно, просто опасно, наконец... А ведь он этого не понимает, и даже не то что не понимает — понимать тут нечего, — а просто не признаёт. Сколько раз уже так было: берёт очевидную вещь и отвергает её, и никак его не убедишь, и даже наоборот — сам начинаешь сомневаться, голова идёт кругом, и приходишь в полное обалдение... Нет, он всё-таки не обыкновенный человек... редкий, небывалый человек... Язык выучил за месяц. Грамоту осилил за два дня. Ещё в два дня перечитал всё,

111 В оригинале «То-есть» через дефис. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





*что у меня есть. Математику и механику знает лучше господ преподавателей, а ведь у нас на курсах преподают настоящие специалисты. Или вот взять дядюшку Каана...*

Последнее время старик все свои монологи за столом обращал исключительно к Максиму. Более того, он не раз уже дал понять, что Максим является, пожалуй, единственным человеком, который в наше тяжёлое время проявляет такие способности и такой интерес к ископаемым животным. Он рисовал Максиму на бумажке каких-то ужасных зверей, и Максим рисовал ему на бумажке каких-то ещё более ужасных зверей, и они спорили, который из этих зверей более древний и кто от кого произошёл, и почему это случилось, в ход шли научные книги из дядюшкиной библиотеки, и всё равно, бывало, что Максим не давал старику рта открыть, причём Гай с Радой не понимали ни слова из того, что говорилось, а дядюшка то кричал до хрипоты, то рвал на клочки рисунки и топтал их ногами, обзывая Максима невеждой, хуже дурака Шапшу, то вдруг принимался яростно чесать обеими руками реденькие седые волосы на затылке и бормотал с потрясённой улыбкой: «Смело, массаракиш, смело... У вас есть фантазия, молодой человек!» Особенно запомнился Гаю один вечер, когда старикана громом ударило заявление Максима, будто некоторые из этих допотопных тварей передвигались на задних ногах, каковое заявление, по-видимому очень просто и естественно разрешало некий долгий, ещё довоенный спор...

*Математику он знает, механику он знает, военную химию он знает превосходно, палеонтологию — господи, да кому в наше время известна палеонтология! — палеонтологию он тоже знает... Рисует как художник, поёт как артист... и добрый, неестественно добрый. Разогнал и перебил бандитов, один — восьмерых, голыми руками, другой бы на его месте ходил петухом, на всех поплёвывал, а он — мучался, ночи не спал, огорчался, когда его хвалили и благодарили, а потом однажды взорвался: весь побелел и крикнул, что это нечестно — хвалить за убийство... Господи, это же какая проблема была — уговорить его в Гвардию! Всё понимает, со всем согласен, хочет, но ведь там, говорит, придётся стрелять. В людей. Я ему говорю: в выродков, а не в людей, в отребье, хуже бандитов... Договорились, слава богу, что сначала, пока не привыкнет, будет просто обезоруживать... И смешно, и страшно как-то. Нет, недаром он всё проговаривается, будто пришёл из другого мира. Знаю я этот мир. Даже книга об этом есть у дядюшки. «Туманная Страна Зартак». Лежит, дескать, на востоке в горах долина Зартак, где живут счастливые люди... По описанию — все они там такие, как Максим. И вот что удивительно: если кто-нибудь из них покинет свою долину, то сразу забывает, откуда он родом и что с ним было раньше, помнит только, что из другого мира... Дядюшка, правда, говорит, что никакой такой долины нет, всё это выдумка, есть только хребет Зартак, а потом, говорит, в ту войну долбанули по этому хребту супербомбами, так что у горцев там на всю жизнь память отшибло...*

— Ты почему молчишь? — спросил Максим. — Ты обо мне думаешь?

Гай отвёл глаза.





— Ты вот что... — сказал он. — Я тебя только об одном прошу: в интересах дисциплины никогда не показывай виду, что ты больше меня знаешь. Смотри, как ведут себя другие, и води себя точно так же.

— Я стараюсь, — грустно сказал Максим. Он подумал немного и добавил: — Трудно привыкнуть. У нас всё это не так.

— А как твоя рана? — спросил Гай, чтобы сменить тему.

— Мои раны заживают быстро, — рассеянно сказал Максим. — Слушай, Гай, давай после операции поедем прямо домой. Ну, что ты так смотришь? Я очень соскучился по Раде. А ты нет? Ребят мы завезём в казарму, а потом на грузовике поедем домой. Шофёра отпустим...

Гай набрал в грудь побольше воздуха, но тут серебристый ящик громкоговорителя на столбе почти над их головами зарычал, и голос дежурного по бригаде скомандовал:

— Шестая рота, выходи строиться на плац! Внимание, шестая рота...

И Гай только рывкнул:

— Кандидат Сим! Прекратить разговоры, марш на построение! — Максим рванулся, но Гай поймал его за ствол автомата. — Я тебя очень прошу, — сказал он. — *Как все! Держись, как все!* Сегодня сам ротмистр будет за тобой наблюдать...

Через три минуты рота построилась. Уже стемнело, над плацем вспыхнули прожекторы. Позади строя мягко ворчали двигателями грузовики. Как всегда перед операцией, господин бригадир в сопровождении господина ротмистра Чачу молча обошёл строй, осматривая каждого гвардейца. Он был спокоен, глаза прищурены, уголки губ приветливо приподняты. Потом, так ничего и не сказав, он кивнул господину ротмистру и удалился. Господин ротмистр, переваливаясь и помахивая искалеченной рукой, вышел перед строем и повернул к гвардейцам своё тёмное, почти чёрное лицо.

— Гвардейцы! — каркнул он голосом, от которого у Гая пошли мурашки по коже. — Перед нами *дело*. Выполним его достойно... Внимание, рота! По машинам! Капрал Гаал, ко мне!

Когда Гай подбежал и вытянулся перед ним, господин ротмистр сказал негромко:

— Ваша секция имеет *специальное задание*. По прибытии на место из машины не выходить. Командовать буду я сам.





## 6.

У грузовика были отвратительные амортизаторы, и это очень чувствовалось на отвратительной булыжной мостовой. Кандидат Мак Сим, зажав автомат между коленями, заботливо придерживал Гая за поясной ремень, рассудив, что капралу, который так заботится об авторитете, не к лицу реять над скамейками, подобно какому-нибудь кандидату Зойзе. Гай не возражал, а может быть,<sup>112</sup> он и не замечал предупредительности своего подчинённого. После разговора с ротмистром Гай был чем-то сильно озабочен, и Максим радовался, что по расписанию им придётся быть рядом, и он сможет помочь, если понадобится.

Грузовики миновали Центральный Театр, долго катились вдоль вонючего канала Новой Жизни, потом свернули по длинной, пустой в этот час Заводской улице и принялись колесить кривыми переулочками рабочего предместья, где Максим ещё никогда не бывал. А побывал он за последнее время во многих местах и изучил город основательно, по-хозяйски. Он вообще много узнал за эти сорок с лишним дней и разобрался, наконец, в положении. Положение оказалось гораздо менее утешительным и более причудливым, чем он думал.

Он ещё корпел над букварём, когда Гай пристал к нему с вопросом, откуда он, Максим, взялся. Рисунки не помогали. Гай воспринимал их с какой-то странной улыбкой и продолжал повторять всё тот же вопрос: «Откуда ты?» Тогда Максим в раздражении ткнул пальцем в потолок и сказал: «Из неба». К его удивлению Гай нашёл это вполне естественным и стал с вопросительной интонацией сыпать какими-то словами, которые Максим вначале принял за названия планет местной системы. Но Гай развернул карту мира в меркаторской проекции<sup>113</sup>, и тут выяснилось, что это вовсе не названия планет, а названия стран-антиподов. Максим пожал плечами, произнёс все известные ему выражения отрицания и стал изучать карту, так что разговор на этом временно прекратился.

Вечером дня через два Максим и Рада смотрели телевизор. Шла какая-то очень странная передача, нечто вроде кинофильма без начала и конца, без определённого сюжета, с бесконечным количеством действующих лиц — довольно жутких лиц, действующих довольно дико с точки зрения любого гуманоида. Рада смотрела с интересом, вскрикивала, хватала Максима за рукав, два раза всплакнула, а Максим быстро соскучился и задремал было под уныло-угрожающую музыку, как вдруг на экране

112 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

113 Gerardus Mercator, Герард Меркатор (латинизированные имя и фамилия Герхарда Кремера — Gerhard van Kremer, 05.03.1512 г. — 02.12.1594 г.) — фламандский картограф. По окончании университета в Лувене занимался изготовлением точных оптических инструментов и изданием карт. В 1552 г. эмигрировал в Дуйсбург (Германия). Критически пересмотрев имевшийся картографический материал, Меркатор предложил новые математически обоснованные принципы построения карт, в частности несколько картографических проекций, из которых наиболее известна цилиндрическая равноугольная проекция карты мира (1569 г.). Эта проекция получила всеобщее распространение, и с тех пор до настоящего времени в этой проекции составляются морские навигационные карты, аэронавигации и другие карты, требующие точного изображения углов. Исследуя земной магнетизм, Меркатор вычислил координаты магнитного полюса. Основная работа — сборник карт европейских стран, названный «Атласом» (1595 г., изд. посмертно), в предисловии к которому излагаются предмет и задачи географии. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







мелькнуло что-то знакомое. Он даже глаза протёр. На экране была Пандора, угрюмый тахорг тащился через джунгли, давя деревья, и вдруг появился Олег с маяком в руках, очень сосредоточенный и серьёзный, он пятился задом, споткнулся о корягу и полетел спиной прямо в болото. С огромным изумлением Максим узнал собственную ментограмму, а потом ещё одну, и ещё, но не было никаких комментариев, играла всё та же музыка, и Пандора исчезла, уступив место слепому тощему человеку, который полз по потолку, плотно затянутому пыльной паутиной. «Что это?» — спросил Максим, тыча пальцем в экран. «Передача, — нетерпеливо сказала Рада. — Интересно. Смотри». Он так и не добился толку, и в голову ему пришла мысль о многих десятках разнообразных пришельцев, добросовестно вспоминающих свои миры. Однако он быстро отказался от этой мысли: миры были слишком страшны и однообразны — глухие душные комнатки, бесконечные коридоры, заставленные мебелью, которая вдруг прорастала гигантскими колючками; спиральные лестницы, винтом уходящие в непроглядный мрак узких колодцев; зарешёченные подвалы, набитые тупо копошащимися телами, меж которых выглядывали болезненно-неподвижные лица, как на картинах Иеронима Босха, — это было больше похоже на бредовую фантазию, чем на реальные миры. На фоне этих видений ментограммы Максима ярко сияли реализмом, переходящим из-за Максимова темперамента в романтический натурализм. Такие передачи повторялись почти каждый день, назывались они «Волшебное путешествие», но Максим так до конца и не понял, в чём их соль. В ответ на его вопросы Гай и Рада недоумённо пожимали плечами и говорили: «Передача. Чтобы было интересно. Волшебное путешествие. Сказка. Ты смотри, смотри! Бывает смешно, бывает страшно». И у Максима зародились самые серьёзные сомнения в том, что целью исследований профессора Бегемота был контакт и что вообще эти исследования были исследованиями.

Этот интуитивный вывод косвенно подтвердился ещё декаду спустя, когда Гай прошёл по конкурсу в заочную школу претендентов на первый офицерский чин и принялся зубрить математику и механику. Схемы и формулы из элементарного курса баллистики привели Максима в недоумение. Он пристал к Гаю, Гай сначала не понял, а потом, снисходительно ухмыляясь, объяснил ему космографию своего мира. И тогда выяснилось, что обитаемый остров не есть шар, не есть геоид и вообще не является планетой.

Обитаемый остров был Миром, единственным миром во Вселенной. Под ногами аборигенов была твёрдая поверхность Сферы Мира. Над головами аборигенов имел место гигантский, но конечного объёма газовый шар неизвестного пока состава и обладающий не вполне ясными пока физическими свойствами. Существовала теория о том, что плотность газа быстро растёт к центру газового пузыря, и там происходят какие-то таинственные процессы, вызывающие регулярное изменение яркости так называемого Мирового Света, обуславливающие смену дня и ночи. Кроме короткопериодических, суточных, изменений состояния Мирового Света, существовали долгопериодические, порождающие сезонные колебания температуры и смену времён года. Сила тяжести была направлена от центра Сферы Мира перпендикулярно к её поверхности.





Короче говоря, обитаемый остров существовал на внутренней поверхности огромного пузыря в бесконечной тверди, заполняющей остальную Вселенную.

Максим, совершенно обалдевший от неожиданности, пустился было в спор, но очень скоро оказалось, что они с Гаем говорят на разных языках, что понять друг друга им гораздо труднее, чем убеждённому коперниканцу понять убеждённого последователя Птолемея. Всё дело было в удивительных свойствах атмосферы этой планеты. Во-первых, необычайно сильная рефракция непомерно задирала горизонт и спокон века внушала аборигенам, что их земля не плоская и уж во всяком случае не выпуклая — она вогнутая. *«Встаньте на морском берегу, — рекомендовали школьные учебники, — и проследите за движением корабля, отошедшего от пристани. Сначала он будет двигаться как бы по плоскости, но чем дальше он будет уходить, тем выше он будет подниматься, пока не скроется в атмосферной дымке, заслоняющей остальную часть Мира»*. Во-вторых, атмосфера эта была весьма плотна и фосфоресцировала днём и ночью, так что никто никогда здесь не видел звёздного неба, а случаи наблюдения Солнца были записаны в хрониках и служили основой для бесчисленных попыток создать теорию Мирового Света.

Максим понял, что находится в гигантской ловушке, что контакт сделается возможным только тогда, когда ему удастся буквально вывернуть наизнанку естественные представления, сложившиеся в течение десятилетий. По-видимому, это уже пытались здесь проделать, если судить по распространённому проклятию «массаракиш», что дословно означало «мир наизнанку»; кроме того, Гай рассказал о чисто абстрактной математической теории, рассматривавшей Мир иначе. Теория эта возникла ещё в античные времена, преследовалась некогда официальной религией, имела своих мучеников, получила математическую стройность трудами гениальных математиков прошлого века, но так и осталась чисто абстрактной, хотя, как и большинство абстрактных теорий, нашла себе,<sup>114</sup> наконец,<sup>115</sup> практическое применение — совсем недавно, когда были созданы сверхдальнобойные баллистические снаряды.

Обдумав и сопоставив всё, что стало ему известно, Максим понял, во-первых, что всё это время выглядел здесь сумасшедшим и недаром его ментограммы включены в шизоидное «Волшебное путешествие». Во-вторых, он понял, что до поры, до времени он должен молчать о своём инопланетном происхождении, если не хочет вернуться к Бегемоту. Это означало, что обитаемый остров не придёт к нему на помощь, что рассчитывать он может только на себя, что постройка нуль-передатчика откладывается на неопределённое время, а сам он застрял здесь, по-видимому,<sup>116</sup> надолго и, может быть, массаракиш, навсегда. Безднадёжность ситуации едва не сбила его с ног, но он стиснул зубы и принудил себя рассуждать чисто логически. *Маме придётся пережить тяжёлое время. Ей будет безмерно плохо, и одна эта мысль отбивает всякую охоту рассуждать логически. Будь он неладен, этот бездарный замкнутый мир! ... Но у меня есть только два выхода: либо тосковать по невозможному и бессильно кусать локти, либо*

114 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

115 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

116 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





собраться и жить. По-настоящему жить, как я хотел жить всегда — любить друзей, добиваться цели, драться, побеждать, терпеть поражения, получать по носу, давать сдачи — всё, что угодно, только не заламывать рúки... Он прекратил разговоры о строении Вселенной и принялся расспрашивать Гая об истории и социальном устройстве своего обитаемого острова.

С историей дело обстояло неважно. Гай имел из неё только отрывочные сведения, а серьёзных книг у него не было. В городской библиотеке серьёзных книг не оказалось тоже. Но можно было понять, что приютившая Максима страна вплоть до последней разрушительной войны была значительно обширней и управлялась кучкой бездарных финансистов и выродившихся аристократов, которые вогнали народ в нищету, разложили государственный аппарат коррупцией и в конце-концов влезли в большую колониальную войну, развязанную соседями. Война эта охватила весь мир, погибли миллионы и миллионы, были разрушены тысячи городов, десятки малых государств оказались сметены с лица земли, в мире и в стране воцарился хаос. Наступили дни жестокого голода и эпидемий. Попытки народных восстаний кучка эксплуататоров подавляла ядерными снарядами. Страна и мир шли к гибели. Положение было спасено Неизвестными Отцами. Судя по всему, это была анонимная группа молодых офицеров генерального штаба, которые в один прекрасный день, располагая всего двумя дивизиями, очень недовольными тем, что их направляют в атомную мясорубку, организовали путч и захватили власть. Это случилось двадцать четыре года назад. С тех пор положение в значительной степени стабилизировалось, и война утихла как-то сама собой, хотя мира никто ни с кем не заключал. Энергичные анонимные правители навели относительный порядок, жёсткими мерами упорядочили экономику — по крайней мере, в центральных районах — и сделали страну такой, какова она сейчас. Уровень жизни повысился весьма значительно, быт вошёл в мирную колею, общественная мораль поднялась до небывалой в истории высоты, и в общем всё стало хорошо. Максим понял, что политическое устройство страны весьма далеко от идеального и представляет собой некую разновидность военной диктатуры. Однако ясно было, что популярность Неизвестных Отцов чрезвычайно велика, причём во всех слоях общества. Экономическая основа этой популярности осталась Максиму непонятна: как ни говори, а пол-страны ещё лежит в развалинах, военные расходы огромны, подавляющее большинство населения живёт более чем скромно... Но дело было, очевидно, в том, что военная верхушка сумела укротить аппетиты промышленников, чем завоевала популярность у рабочих, и привела в подчинение рабочих, чем завоевала популярность у промышленников. Впрочем, это были только догадки. Гаю, например, такая постановка вопроса вообще казалась диковинной: общество было для него единым организмом, противоречий между социальными группами он представить себе не мог...

Внешнее положение страны продолжало оставаться крайне напряжённым. К северу от неё располагались два больших государства — Хонти и Пандея — бывшие не то провинции, не то колонии. Об этих странах никто ничего не знал, но было известно, что обе страны питают самые агрессивные намерения, непрерывно засылают диверсантов и шпионов,







организуют инциденты на границах и готовят войну. Цель этой войны была Гаю неясна, да он никогда и не задавался таким вопросом. На севере были враги, с агентурой он дрался насмерть, и этого ему было вполне достаточно.

К югу, за приграничными лесами, лежала пустыня, выжженная ядерными взрывами, образовавшаяся на месте целой группы стран, принимавших в военных действиях наиболее активное участие. О том, что происходит на этих миллионах квадратных километров, тоже не было известно ничего, да это никого и не интересовало. Южные границы подвергались непрерывным атакам колоссальных орд полудикарей-выродков, которыми кишели леса за рекой Голубая Змея. Проблема южных границ считалась чуть ли не важнейшей. Там было очень трудно, и именно там концентрировались отборные части Боевой Гвардии. Гай прослужил на Юге три года и рассказывал невероятные вещи.

Южнее пустыни, на другом конце единственного материка планеты, тоже могли сохраниться какие-то государства, но они не давали о себе знать. Зато постоянно и неприятно давала о себе знать так называемая Островная Империя, обосновавшаяся на двух мощных архипелагах другого полушария. Мировой Океан принадлежал ей. Радиоактивные воды бороздил огромный флот подводных лодок, вызывающе окрашенных в снежно-белый цвет, оснащённых по последнему слову истребительной техники, с бандами специально выдрессированных головорезов на борту. Жуткие, как призраки, белые субмарины держали под страшным напряжением прибрежные районы, производя неспровоцированные обстрелы и высаживая пиратские десанты. Этой белой угрозе также противостояла Гвардия.

Картина всемирного хаоса и разрушения потрясла Максима. Перед ним была планета-могильник, планета, на которой еле-еле теплилась разумная жизнь, и эта жизнь готова была окончательно погасить себя в любой момент.

Максим слушал Радугу, её спокойные и страшные рассказы о том, как мать получила известие о гибели отца (отец, врач-эпидемиолог, отказался покинуть зачумлённый район, а у государства в то время не было ни времени, ни возможностей бороться с чумой регулярными средствами, и на район была просто сброшена бомба); о том, как десять лет назад к столице подступили мятежники, началась эвакуация, в толпе, штурмующей поезд, затоптали бабушку, мать отца, а через десять дней умер от дизентерии младший братишка; о том, как после смерти матери она, чтобы прокормить маленького Гаю и совершенно беспомощного дядюшку Каана, по восемнадцать часов в сутки работала судомойкой на пересылочном пункте, потом уборщицей в роскошном притоне для спекулянтов, потом выступала в «женских бегах с тотализатором», потом сидела в тюрьме, правда — недолго, но из-за этой тюрьмы осталась без работы и несколько месяцев просила милостыню...

Максим слушал дядюшку Каана, когда-то крупного учёного, как в первый же год войны упразднили Академию Наук, составили Его Императорского Величества Академии батальон; как во время голода сошёл







с ума и повесился создатель эволюционной теории; как варили похлёбку из клея, соскобленного с обоев; как голодная толпа разгромила зоологический музей и захватила в пищу заспиртованные препараты...

Максим слушал Гая, его бесхитростные рассказы о строительстве башен противобаллистической защиты на южной границе, как по ночам людоеды подкрадываются к строительным площадкам и похищают воспитуемых-рабочих и сторожевых гвардейцев; как в темноте неслышными призраками нападают беспощадные упыри, полу-люди, полу-медведи, полу-собаки; слушал его восторженную хвалу системе ПБЗ, которая создавалась ценой невероятных лишений в последние годы войны, которая по сути и прекратила военные действия, защитив страну с воздуха, которая и теперь является единственной гарантией безопасности от агрессии с севера... *А эти мерзавцы устраивают нападения на отражательные башни, продажная сволочь, убийцы женщин и детей, купленные на грязные деньги Хонти и Пандеи, выродки, мразь хуже всякого Крысолова...* Нервное лицо Гая искажалось ненавистью. *Здесь самое главное, говорил он, постукивая кулаком по столу, и поэтому я пошёл в Гвардию, не на завод, не в поле, не в контору — в Боевую Гвардию, которая сейчас отвечает за всё...*

Максим слушал жадно, как страшную, невозможную сказку, тем более страшную и невозможную, что всё это было на самом деле, что многое и многое из этого продолжало быть, а самое страшное и самое невозможное из этого могло повториться в любую минуту. Смешно и стыдно стало ему думать о собственных неурядицах, игрушечными сделались его собственные проблемы — какой-то там контакт, нуль-передатчик, тоска по дому, ломание рук...

Грузовик круто свернул в неширокую улицу с многоэтажными кирпичными домами, и Панди сказал: «*Приехали*». Прохожие на тротуаре шарахнулись к стенам, закрываясь от света фар. Грузовик остановился, над кабиной водителя выдвинулась длинная телескопическая антенна.

— Выходи! — в один голос гаркнули командиры второй и третьей секции, и гвардейцы посыпались через борта.

— Первой секции остаться на месте! — скомандовал Гай.

Вскочившие было Панди и Максим снова сели.

— На тройки разберись! — орали капралы на тротуаре. — Вторая секция, вперёд! Третья секция, за мной!

Прогрохотали подкованные сапоги, восторженно взвизгнул женский голос, кто-то с верхнего этажа пронзительно завопил:

— Господа! Боевая Гвардия! ...

— Да здравствует Боевая Гвардия!

— Ура! — закричали бледные люди, прижимавшиеся к стенам, чтобы не мешать. Эти прохожие словно ждали здесь гвардейцев и теперь, дождавшись, радовались им, как лучшим друзьям.

Сидевший справа от Максима кандидат Зойза, совсем ещё мальчишка, длинный, тощий, с белесым пухом на щеках, ткнул Максима острым локтём в бок и радостно подмигнул. Максим улыбнулся в ответ.





Секции уже исчезли в подъездах, у дверей стояли только капралы, стояли твёрдо, надёжно, с неподвижными лицами под беретами набекрень. Хлопнула дверь кабины, и голос ротмистра Чачу прокаркал:

— Первая секция, выходи, стройся!

Максим прыжком перемахнул через борт. Когда секция построилась, ротмистр движением руки остановил Гая, подбежавшего с рапортом, подошёл к строю вплотную и скомандовал:

— Надеть каски!

Действительные рядовые словно ждали этой команды, а кандидаты несколько замешкались. Ротмистр, нетерпеливо постукивая каблуком, дождался, пока Зойза справится с подбородочным ремнём, и скомандовал «направо» и «бегом вперёд». Он сам побежал впереди, неуклюже-ловкий, сильно отмахивая покалеченной рукой, ведя секцию под тёмную арку мимо железных баков с гниющими отбросами, во двор, узкий и мрачный, как колодец, заставленный поленницами дров, свернул под другую арку, такую же мрачную и вонючую, и остановился перед облупленной дверью под тусклой лампочкой.

— Внимание! — каркнул он. — Первая тройка и кандидат Сим пойдут со мной. Остальные останутся здесь. Капрал Гаал, по свистку вторую тройку ко мне наверх, на четвёртый этаж. Никого не выпускать, брать живым, стрелять только в крайнем случае. Первая тройка и кандидат Сим, за мной!

Он толкнул обшарпанную дверь и исчез. Максим, обогнав Панди, кинулся следом. За дверью оказалась крутая каменная лестница с липкими железными перилами, узкая и грязная, озарённая каким-то нездоровым гнойным светом. Ротмистр резво, через три ступеньки, бежал вверх. Максим нагнал его и увидел в его руке пистолет. Тогда Максим на бегу снял с шеи автомат, на секунду он ощутил тошноту при мысли, что сейчас, может быть, придётся стрелять в людей, но отогнал эту мысль — *это были не люди, это были животные, хуже усатого Крысолова, хуже пятнистых обезьян*, — и гнусная слякоть под ногами, гнойный свет, захарканные стены подтверждали и поддерживали это ощущение.

*Второй этаж.* Удушливый кухонный чад, в щели приоткрытой двери с лохмотьями рогожи — испуганное старушечье лицо. С мявом шарахается из-под ног ополоумевшая кошка. *Третий этаж.* Какой-то болван оставил посередине площадки ведро с помоями. Ротмистр сшибает ведро, помои летят в пролёт. «Массаракиш...» — рычит снизу Панди. Парень и девушка, обнявшись, прижались в тёмном углу, лица у них испуганно-радостные. «Прочь, вниз!» — каркает на бегу ротмистр. *Четвёртый этаж.* Безобразная коричневая дверь с облезшей масляной краской, исцарапанная жестяная дощечка с надписью: «Гобби, зубной врач. Приём в любое время». За дверью кто-то протяжно кричит. Ротмистр останавливается и хрипит: «Замók!» По его чёрному лицу катится пот. Максим не понимает. Набежавший Панди отталкивает его, приставляет дуло автомата к двери под ручкой и даёт очередь. Сыплются искры, летят куски дерева, и сейчас же, словно в ответ, за дверью глухо, сквозь протяжный крик, хлопают выстрелы, снова с треском летят щепки, что-то горячее, плотное с гнусным визгом проносится у Максима над головой. Ротмистр распахивает дверь, там темно, жёлтые





вспышки выстрелов озаряют клубы дыма. «За мной!» — хрипит ротмистр и ныряет головой вперёд навстречу вспышкам. Максим и Панди рвутся вслед за ним, дверь узкая, придавленный Панди коротко вякает. Коридор, духота, пороховой дым. *Угроза слева.* Максим выбрасывает руку, ловит горячий ствол, рвёт оружие от себя и вверх. Тихо, но ужасающе отчётливо хрустят чьи-то вывернутые суставы, большое мягкое тело застывает в безвольном падении. Впереди, в дыму, ротмистр каркает: «*Не стрелять! Брать живьём!*» Максим бросает автомат и врывается в большую освещённую комнату. Здесь очень много книг и картин, и стрелять здесь не в кого. На полу корчатся двое мужчин. Один из них всё время кричит, уже охрип, но всё кричит. В кресле, откинув голову, лежит в обмороке женщина — белая до прозрачности. *Комната полна болью.* Ротмистр стоит над кричащим человеком и озирается, засовывая пистолет в кобуру. Сильно толкнув Максима, в комнату вваливается Панди, за ним гвардейцы волокут грузное тело того, кто стрелял. Кандидат Зойза, мокрый и взволнованный, без улыбки протягивает Максиму брошенный автомат. Ротмистр поворачивает к ним своё страшное чёрное лицо. «*А где ещё один?*» — каркает он, и в тот же момент падает синяя портьера, с подоконника тяжело соскакивает длинный худой человек в белом запятнанном халате. Он как слепой идёт на ротмистра, медленно поднимая два огромных пистолета на уровень стеклянных от боли глаз. «*Ай!*» — кричит Зойза...

Максим стоял боком и у него не оставалось времени повернуться. Он прыгнул изо всех сил, но человек всё-таки успел один раз нажать на спусковые крючки. Максиму опалило лицо, пороховая гарь забила рот, а пальцы его уже сомкнулись на запястьях белого халата, и пистолеты со стуком упали на пол. Человек опустился на колени, уронил голову и, когда Максим отпустил его, мягко повалился ничком.

— Ну-ну-ну, — сказал ротмистр с непонятной интонацией. — Кладите этого сюда же, — приказал он Панди. — А ты, — сказал он бледному и мокрому Зойзе, — беги вниз и сообщи командирам секций, где я нахожусь. Пусть доложат, как у них дела. — Зойза щёлкнул каблуками и метнулся к двери. — Да! Передай Гаалу, пусть поднимется сюда... Перестань орать, сволочь, — прикрикнул он на стонавшего человека и легонько стукнул его носком сапога в бок. — Э, бесполезно. Хлипкая дрянь, мусор... Обыскать, — приказал он Панди. — И положите их всех в ряд. Тут же, на полу. И бабу тоже, а то расселась в единственном кресле...

Максим подошёл к женщине, осторожно поднял её и перенёс на кровать. У него было смутно на душе. Не этого он ожидал. Теперь он и сам не знал, чего ожидал — жёлтых, оскаленных от ненависти клыков, злобного воя, свирепой схватки не на жизнь, а на смерть... Ему не с чем было сравнить свои ощущения, но он почему-то вспомнил, как однажды подстрелил тахорга, и как это огромное, грозное на вид и беспощадное по слухам животное, провалившись с перебитым позвоночником в огромную яму, тихо, жалобно плакало и что-то бормотало в смертной тоске, почти членораздельно...

— Кандидат Сим, — каркнул ротмистр. — Я приказал — на пол!





Он смотрел на Максима своими жуткими прозрачными глазами, губы у него словно свело судорогой, и Максим понял: *не ему судить здесь и определять, что верно и что неверно. Он ещё чужак, он ещё не знает их ненависти и их любви...* Он снова поднял женщину и положил её рядом с грузным человеком, который стрелял в коридоре. Панди и второй гвардеец, пыхтя, выворачивали карманы арестованных. А арестованные были без памяти. Все пятеро.

Ротмистр уселся в кресло, бросил на стол фуражку, закурил и пальцем поманил к себе Максима. Максим подошёл, браво щёлкнув каблуками.

— Почему бросил автомат? — негромко спросил ротмистр.

— Вы приказали не стрелять.

— *Господин ротмистр.*

— Так точно. Вы приказали не стрелять, *господин ротмистр.*

Ротмистр, прищурившись, пускал дым в потолок.

— Значит, если бы я приказал не разговаривать, ты бы откусил себе язык?

Максим промолчал. Разговор ему не нравился, но он хорошо помнил наставления Гая.

— Кто отец? — спросил ротмистр.

— Ядерный физик, господин ротмистр.

— Жив?

— Так точно, господин ротмистр.

Ротмистр вынул изо рта сигарету и посмотрел на Максима.

— Где он?

Максим понял, что сболтнул. Надо было выкручиваться.

— Не знаю, господин ротмистр. Точнее, не помню.

— Однако то, что он ядерщик, ты помнишь... А что ты ещё помнишь?

— Не знаю, господин ротмистр. Помню многое, но капрал Гаал полагает, что это ложная память.

В коридоре слышались торопливые шаги, в комнату вошёл Гай и вытянулся перед ротмистром.

— Займись этими полутрусами, капрал, — сказал ротмистр. — Наручников хватит?

Гай посмотрел через плечо на арестованных.

— С вашего разрешения, господин ротмистр, одну пару придётся взять во второй секции.

— Действуй.

Гай выбежал, а в коридоре уже опять топали сапоги, появились командиры секций и доложили, что операция проходит успешно, двое подозрительных уже взяты, жильцы, как всегда, оказывают активную помощь. Ротмистр приказал скорее заканчивать, а по окончании передать в







штаб парольное слово «Тумба». Когда командиры секций вышли, он закурил новую сигарету и некоторое время молчал, глядя, как гвардейцы снимают со стеллажей книги, перелистывают их и бросают на кровать.

— Панди, — сказал он негромко, — займись картинами. Только вот с этой осторожнее, не попорти, я возьму её себе... — Затем он снова повернулся к Максиму. — Как ты её находишь? — спросил он.

Максим посмотрел. На картине был морской берег, высокая водная даль без горизонта, сумерки и женщина, выходящая из моря. Ветер. Свежо. Женщине холодно.

— Хорошая картина, господин ротмистр, — сказал Максим.

— Узнаёшь местá?

— Никак нет. Этого моря я никогда не видел.

— А какое видел?

— Совсем другое, господин ротмистр. Но это ложная память.

— Вздор. Это же самое. Только ты смотрел не с бёрега, а с мостика, и под тобой была белая палуба, а позади, на корме, был ещё один мостик, только пониже. А на берегу была не эта баба, а танк, и ты наводил под башню... Знаешь ты, щенок, что это такое, когда болванка попадает под башню? Массаракш... — прошипел он и раздавил окурок об стол.

— Не понимаю, — сказал Максим холодно. — Никогда в жизни ничего никуда не наводил.

— Как же ты можешь это знать? Ты же ничего не помнишь, кандидат Сим!

— Я помню, что не наводил.

— *Господин ротмистр!*

— Помню, что не наводил, *господин ротмистр*. И я не понимаю, о чём вы говорите.

Вошёл Гай в сопровождении двух кандидатов. Они принялись надевать на задержанных тяжёлые наручники.

— Тоже ведь люди, — сказал ротмистр. — У них жёны, у них дети. Они кого-то любили, их кто-то любил...

Он говорил, явно издеваясь, но Максим сказал то, что думал:

— Да, господин ротмистр. Они, оказывается, тоже люди.

— Не ожидал?

— Да, господин ротмистр. Я ожидал чего-то другого.

Краем глаза он видел, что Гай испуганно смотрит на него. Но ему уже до тошноты надоело врать, и он добавил:

— Я думал, что это действительно выродки. Вроде голых, пятнистых... животных.

— *Голый пятнистый дурак*, — веско сказал ротмистр. — Деревня. Ты не на Юге... Здесь они как люди. Добрые милые люди, у которых при сильном волнении отчаянно болит головка. *Бог шельму метит*. А у тебя не болит головка при волнении? — спросил он неожиданно.





— У меня никогда ничего не болит, господин ротмистр, — ответил Максим. — А у вас?

— Что-о?

— У вас такой раздражённый тон, — сказал Максим, — что я подумал...

— Господин ротмистр! — каким-то дребезжащим голосом крикнул Гай. — Разрешите доложить... Арестованные пришли в себя.

Ротмистр поглядел на него и усмехнулся.

— Не волнуйся, капрал. Твой дружок показал себя сегодня настоящим гвардейцем. Если бы не он, ротмистр Чачу валялся бы сейчас с пулей в башке... — Он закурил третью сигарету, поднял глаза к потолку и выпустил толстую струю дыма. — У тебя верный нюх, капрал. Я бы хоть сейчас произвёл этого молодчика в действительные рядовые... Массаракш, я бы произвёл его в офицеры! У него бригадирские замашки, он обожает задавать вопросы офицерам... Но я теперь очень хорошо понимаю тебя, капрал. Твой рапорт имел все основания. Так что... погодим пока производить его в офицеры... — Ротмистр поднялся, тяжело ступая,<sup>117</sup> обошёл стол и остановился перед Максимом. — Не будем даже производить его пока в действительные рядовые. Он хороший боец, но он ещё молокосос, деревня... Мы займёмся его воспитанием... Внимание! — заорал он вдруг. — Капрал Гаал, вывести арестованных! Рядовой Панди и кандидат Сим, забрать мою картину и всё, что здесь есть бумажного! Отнести ко мне в машину!

Он повернулся и вышел из комнаты. Гай укоризненно посмотрел на Максима, но ничего не сказал. Гвардейцы поднимали задержанных, пинками и тычками ставили их на ноги и вели к двери. Задержанные не сопротивлялись. Они были как ватные, они шатались, у них подгибались ноги. Грузный человек, стрелявший в коридоре, громко постанывал и ругался шёпотом. Женщина беззвучно шевелила губами. У неё странно светились глаза.

— Эй, Мак, — сказал Панди, — возьми вон одеяло с кровати, заверни в него книжки, а если не хватит — возьми ещё и простыню. Как сложишь — тащи всё вниз, а я картину понесу... Да не забудь автомат, дурья голова! Ты думаешь, чего на тебя господин ротмистр взъелся? Автомат ты бросил. Разве можно оружие бросать? Да ещё в бою... Эх, деревня...

— Прекрати разговоры, Панди, — сердито сказал Гай, — бери картину и иди.

В дверях он обернулся к Максиму, постучал себя пальцем по лбу и скрылся. Было слышно, как Панди, спускаясь по ступенькам, во всё горло распевает «Уймись, мамаша». Максим вздохнул, положил автомат на стол и подошёл к груде книг, сваленных на кровать и на пол. Его вдруг осенило, что он здесь нигде ещё не видел такого количества книг, разве что в библиотеке. В книжных лавках книг было, конечно, тоже больше, но только по количеству, а не по названиям.

117 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Книги были старые, с пожелтевшими страницами. Некоторые немного обгорели, а некоторые, к удивлению Максима, оказались ощутимо радиоактивными. Не было времени как следует рассмотреть их. Максим торопливо складывал аккуратные пачки на расстеленное одеяло и читал только заголовки. Да, здесь не было *«Колицу Фельша, или Безумно храбрый бригадир, совершающий подвиги в тылу врага»*, не было романа *«Любовь и преданность чародея»*, не было пухлой поэмы *«Пылающее сердце женщины»* и популярной брошюры *«Задачи социальной гигиены»*. Здесь Максим увидел толстые тома серьёзных сочинений: *«Теория эволюции»*, *«Проблемы рабочего движения»*, *«Финансовая политика и экономически здоровое государство»*, *«Голод: стимул или препятствие?»*... какие-то *«Критики»*, *«Курсы»*, *«Основания»* в сопровождении терминов, которых Максим не знал. Здесь были сборники средневековой хонтийской поэзии, сказки и баллады неизвестных Максиму народов, четырёхтомное собрание сочинений некоего Т. Куура<sup>118</sup> и много беллетристики: *«Буря и трава»*, *«Человек, который был Мировым Светом»*, *«Острова без лазури»*... и ещё много книг на незнакомых языках, и опять книги по математике, физике, биологии, и снова беллетристика...

Максим упаковал два узла и несколько секунд постоял, оглядывая комнату. Пустые перекошенные стеллажи, тёмные пятна — там, где были картины, сами картины, выдранные из рам, затоптанные... и *никаких следов зубоврачебной техники*... Он взял узлы и направился к двери, но потом вспомнил и вернулся за автоматом. На столе под стеклом лежали две фотографии. На одной — та самая прозрачная женщина, и на коленях у неё мальчик лет четырёх с изумлённо раскрытым ртом, а женщина — молодая, удовлетворённая, гордая... На второй фотографии — красивая местность в горах, тёмные купы деревьев, старинная полуразрушенная башня... Максим закинул автомат за спину и вернулся к узлам.

118 В оригинале «Т.Куура», т. е. без пробела перед инициалом (сокращением имени), также см. 189 и 191. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





## 7.

По утрам после завтрака бригада выстраивалась на плацу для зачитания приказов и развода на занятия. Это была самая тяжкая для Максима процедура, если не считать вечерних проверок. Зачтение любых приказов завершалось каждый раз настоящим пароксизмом восторга — какого-то слепого, бессмысленного, неестественного, ничем не обоснованного и потому производящего на постороннего человека самое неприятное впечатление. Максим заставлял себя подавлять невольное отвращение к этому внезапному безумию, которое охватывало всю бригаду от командира до последнего кандидата; он уговаривал себя, что ему просто недоступно такое горячее внимание гвардейцев к деятельности бригадной канцелярии; он ругал себя за скептицизм инородца и чужака, старался вдохновиться сам, твердил мысленно, что в тяжёлых условиях такие взрывы массового энтузиазма говорят только о сплочённости людей, об их единодушии и готовности целиком отдать себя общему делу. Но ему было очень трудно.

С детства воспитанный в правилах сдержанно-иронического отношения к себе, в неприязни к громким словам вообще и к торжественному хоровому пению в частности, он почти злился на своих товарищей по строю, на ребят добрых, простодушных, отличных в общем ребят, когда они вдруг после зачитания приказа о наказании тремя сутками карцера кандидата имярек за пререкания с действительным рядовым таким-то разевали рты, теряли присущее им добродушие и чувство юмора и принимались восторженно реветь «ура», а потом запевали со слезами на глазах «Марш Боевой Гвардии» и повторяли его дважды, трижды, а иногда и четырежды. При этом из бригадной кухни высыпали даже повара и с энтузиазмом подхватывали, неистово размахивая черпаками и ножами, благо были вне строя. Памятуя, что в этом мире надо быть как все, Максим тоже пел и тоже старался утратить чувство юмора, и это ему удавалось, но было противно, потому что сам он никакого энтузиазма не испытывал, а испытывал одну лишь неловкость.

На этот раз взрыв энтузиазма последовал после приказа номер 127 о производстве действительного рядового Димбы в капралы, приказа номер 128 о вынесении благодарности кандидату в действительные рядовые Симу за проявленную в операции отвагу и приказа номер 129 о переводе казармы четвёртой роты на ремонт. Едва бригадный адъютант засунул листки приказов в кожаный планшет, как бригадир, сорвав с себя фуражку, набрал полную грудь воздуха и скрипучим фальцетом закричал: «Боевая! ... Гвардия! ... Тяжёлыми! ...» И пошло, и пошло... Сегодня было особенно неловко, потому что Максим увидел, как по тёмным щекам ротмистра Чачу покатились слёзы. Гвардейцы ревели быками, отбивая такт прикладами на массивных ременных пряжках. Чтобы не видеть этого и не слышать, Максим поплотнее зажмурился и взревел распалённым тахоргом, и голос его покрыл все голоса — во всяком случае, так ему казалось. «Вперёд, бесстрашные! ...» — ревел он, уже никого больше не слыша, кроме себя. До чего же идиотские слова... Наверное, какой-нибудь капрал сочинил. Нужно







очень любить своё дело, чтобы ходить в бой с такими словами. Он открыл глаза и увидел стаю чёрных птиц, всполошённо и беззвучно мечущихся над плацем... «Алмазный панцирь не спасёт тебя, о враг! ...»

Потом всё кончилось так же внезапно, как и началось. Бригадир обвёл строй посоловевшими глазами, вспомнил, где он находится, и рыдающим сорванным голосом скомандовал: «Господам офицерам развести роты на занятия!» Ребята, помахивая головами, оторопело косили друг на друга. Кажется, они ничего не соображали, и ротмистру Чачу пришлось дважды крикнуть «равняйся», прежде чем ряды приняли должный вид. Затем роту отвели к казарме, и ротмистр распорядился:

— Первая секция назначается в конвой. Остальным секциям приступить к занятиям по распорядку. Р-разойдись!

Разошлись. Гай построил свою секцию и распределил посты. Максиму с действительным рядовым Панди достался пост в допросной камере. Гай наскоро объяснил ему обязанности: *стоять смирно справа и позади арестованного, при малейшей попытке арестованного подняться со скамьи — препятствовать силой, подчиняться непосредственно командиру бригады, старший — рядовой Панди... Короче говоря, смотри на Панди и делай как он. Я бы тебя ни за что не поставил на этот пост, не положено кандидату, но господин ротмистр приказал...*

— Ты держи ухо востро, Мак. Что-то я господина ротмистра не пойму. То ли он тебя хочет продвинуть поскорее — очень ты ему понравился в деле; вчера на разборе операции с командирами секций он хорошо о тебе говорил, да и в приказ послал... То ли он тебя проверяет. Почему так — не знаю. Может быть, я виноват со своим рапортом, а может быть, ты сам со своими разговорчиками... — Он озабоченно оглядел Максима. — Почисти-ка ещё раз сапоги, подтяни ремень и надень парадные перчатки... Да, у тебя же нет, кандидатам не положено... Ладно, беги на склад, да живее, через тридцать минут выходим.

На складе Максим застал Панди, который менял треснувшую кокарду.

— Во, капрал! — сказал Панди, обращаясь к начальнику склада и хлопая Максима по плечу. — Видал? Девятый день парень в Гвардии, и уже благодарность. В камеру его со мной поставили... Небось за белыми перчатками прибежал? Выдай ему хорошие перчатки, капрал, он заслужил. Парень — гвоздь!

Капрал недовольно заворчал, полез в стеллажи, заваленные вещевым довольствием, бросил на прилавок перед Максимом несколько пар белых нитяных перчаток и сказал пренебрежительно:

— Гвоздь... Это вы здесь,<sup>119</sup> с очумелыми — гвозди. Конечно, когда у него от боли всё нутро потрескалось — подходи, да клади его в мешок. Тут бы и мой дед гвоздём был — без рук, без ног...

Панди обиделся.

119 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





— Твой бы дед без рук, без ног на одних бровях дёру бы задал, — сказал он, — если бы на него вот так с двумя пистолетами наскочили... Я было подумал — каюк господину ротмистру...

— Каюк, каюк... — брюзжал капрал. — Вот загремите через полгода<sup>120</sup> на южную границу, тогда посмотрим, кто на бровях бегать будет...

Когда они вышли из склада, Максим спросил со всевозможной почтительностью (старина Панди любил почтительность):

— Господин Панди, почему у этих вырождков такие боли? И у всех сразу. Как это так?

— От страху, — ответил Панди, для важности понизив голос. — Выродки, понимаешь? Читать тебе надо больше, Мак. Есть такая брошюра «Выродки, кто они и откуда». Прочти, а то,<sup>121</sup> как был ты деревней, так и останешься. На одной храбрости далеко не уедешь... — Он помолчал. — Вот мы волнуемся, например, злимся, скажем, или испугались — у нас ничего, только вспотеет разве, или, скажем, поджилки затрясутся. А у них организм ненормальный, вырожденный. Злитесь он на кого-нибудь или, например, трусил, или вообще... у него сразу сильные боли в голове и по всему телу. До беспамятства, понял? По такой особенности мы их узнаём и, конечно, задерживаем... берём... А хороши перчаточки, как раз на меня. Как ты полагаешь?

— Тесноваты они мне, господин Панди, — пожаловался Максим. — Давайте поменяемся: вы эти возьмите, а мне свои дайте, разношенные.

Панди был очень доволен. И Максим был очень доволен. И вдруг он вспомнил Фанка, как тот корчился в машине, катался от боли... и как его забрали патрульные гвардейцы... Только чего Фанк мог испугаться? И на кого он мог там злиться? Ведь он не волновался, спокойно вёл автомобиль, посвистывал, очень ему чего-то хотелось... вероятно, курить... Впрочем, он ведь обернулся, увидел патрульную машину... или это было после? Да, он очень торопился, а фургон загораживал дорогу... может быть, он разозлился? ... Да нет, чего я выдумываю? Мало ли какие приступы бывают у людей... А задержали его — за аварию. Интересно, однако, куда он меня вёз и кто он такой? Фанка надо бы найти.

Он начистил сапоги, привёл себя в совершенный порядок перед большим зеркалом, навесил на шею автомат, снова погляделся в зеркало, и тут Гай приказал строиться.

Придирчиво всех оглядев и проверив знание обязанностей, Гай побежал в ротную канцелярию доложить. Пока его не было, гвардейцы сыграли в «мыло», было рассказано три истории из солдатской жизни, которых Максим не понял из-за незнания некоторых специфических выражений, потом к Максиму пристали, чтобы он рассказал, откуда он такой здоровенный — это стало уже привычной шуткой в секции, — и упросили его скатать в трубочку пару монеток на память. Затем из канцелярии вышел ротмистр Чачу в сопровождении Гая. Он тоже придирчиво всех осмотрел, отошёл, сказавши Гаю: «Веди секцию, капрал», и секция направилась к штабу.

120 В оригинале «пол-года» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

121 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





В штабе ротмистр приказал действительному рядовому Панди и кандидату Симу следовать за собой, а Гай увёл остальных. Они вошли в небольшую комнату с плотно занавешенными окнами, пропахшую табаком и одеколоном. В дальнем конце стоял огромный пустой стол, вокруг стола были расставлены мягкие стулья, а на стене висела потемневшая картина, изображающая старинное сражение: лошади, тесные мундиры, обнажённые сабли и много клубов белого дыма. В десяти шагах от стола и правее двери Максим увидел железный табурет с дырчатым сидением. Ножки табурета были привинчены к полу здоровенными болтами.

— Встать по местам, — скомандовал ротмистр, прошёл вперёд и сел у стола.

Панди заботливо установил Максима справа и позади табурета, сам встал слева и шёпотом приказал «смирно». И они с Максимом застыли. Ротмистр сидел, положив ногу на ногу, покуривал и безразлично разглядывал гвардейцев. Он был очень безразличен и равнодушен, однако Максим явственно чувствовал, что ротмистр самым внимательным образом наблюдает за ним и только за ним.

Потом за спиной Панди распахнулась дверь. Панди мгновенно сделал два шага вперёд, шаг вправо и поворот налево. Максим тоже дёрнулся было, но сообразил, что он на дороге не стоит и к нему это не относится, а потому просто выкатил глаза подальше. Всё-таки было в этой взрослой игре что-то заразительное, несмотря на примитивность её и очевидную неуместность при бедственном положении обитаемого острова.

Ротмистр поднялся, гася сигарету в пепельнице, и лёгким щёлканьем каблуков поприветствовал идущих к столу бригадира, какого-то незнакомого человека в штатском и бригадного адъютанта с толстой папкой под мышкой. Бригадир уселся за стол посередине, лицо у него было кислое, недовольное, он засунул палец под шитый воротник, оттянул и покрутил головой. Штатский, невзрачный маленький человечек, плохо выбритый, с вялым желтоватым лицом, неслышно двигаясь, устроился рядом. Бригадный адъютант, не сядя, раскрыл папку и принялся перебирать бумаги, передавая некоторые бригадиру.

Панди, постояв немного как бы в нерешительности, теми же чёткими передвижениями вернулся на место. За столом негромко разговаривали. «Ты будешь сегодня в собрании, Чачу?» — спрашивал бригадир. «У меня дела», — отвечивал ротмистр, закуривши новую сигарету. «Напрасно. Сегодня там диспут». — «Поздно спохватились. Я уже высказался по этому поводу». — «Не лучшим образом, — мягко заметил ротмистру штатский. — Кроме того, меняются обстоятельства — меняются мнения». — «У нас,<sup>122</sup> в Гвардии это не так», — сухо сказал ротмистр. «Право же, господа, — капризным голосом произнёс бригадир. — Давайте всё-таки встретимся сегодня в собрании...» — «Я слышал, свежие креветки привезли», — не переставая рыться в бумагах, сообщил адъютант. «Под пиво, а? Ротмистр!» — поддержал его штатский. «Нет, господа, — сказал ротмистр. — У меня одно мнение, и я уже высказал его. А что касается пива...» Он добавил ещё что-то невнятное, вся компания расхохоталась, а ротмистр Чачу с

122 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





довольным видом откинулся на спинку стула. Потом адъютант перестал рыться в бумагах, нагнулся к бригадиру и что-то шепнул ему. Бригадир покивал. Адъютант сел и произнёс, обращаясь как бы к железной табуретке:

— Ноле Ренаду.

Панди толкнул дверь, высунулся и громко повторил а коридор:

— Ноле Ренаду.

В коридоре послышалось движение, и в комнату вошёл пожилой, хорошо одетый, но какой-то измятый и встрёпанный мужчина. Ноги у него слегка заплетались. Панди взял его за локоть и усадил на табурет. Щёлкнула, закрываясь, дверь. Мужчина громко откашлялся, упёрся руками в раздвинутые колени и гордо поднял голову.

— Та-ак... — протянул бригадир, разглядывая бумаги, и вдруг зачастил скороговоркой: — Ноле Ренаду, пятьдесят шесть лет, домовладелец, член магистратуры... Та-ак... Член клуба «Ветеран», членский билет номер такой-то... *(Штатский зевнул, прикрывая рот рукой, вытянул из кармана пёстрый журнал, положил себе на колени и принялся перелистывать)* Задержан тогда-то там-то... при обыске изъято... та-ак... Что вы делали в доме номер восемь по улице Трубачей?

— Я — владелец этого дома, — с достоинством сказал Ренаду. — Я совещался со своим управляющим.

— Документы проверены? — обратился бригадир к адъютанту.

— Так точно. Всё в порядке.

— Та-ак, — сказал бригадир. — Скажите, господин Ренаду, вам знаком кто-нибудь из арестованных?

— Нет, — сказал Ренаду. Он энергично потряс головой. — Каким образом? ... Впрочем, фамилия одного из них... Кетшеф... По-моему, у меня в доме живёт некий Кетшеф... а впрочем, не помню. Может быть, я ошибаюсь, а может быть,<sup>123</sup> не в этом моём доме. У меня есть ещё два дома, один из них...

— Виноват, — перебил штатский, не поднимая глаз от журнала. — А о чём разговаривали в камере остальные арестованные, вы не обратили внимания?

— Э-э-э... — протянул Ренаду. — Должен признаться... У вас там... э-э-э... насекомые... Так вот мы, главным образом, о них... Кто-то шептался в углу, но мне было, признаться, не до того... И потом, эти люди мне крайне неприятны, я — ветеран... Я предпочёл иметь дело с насекомыми, хе-хе!

— Естественно, — согласился бригадир. — Ну,<sup>124</sup> что же, мы не извиняемся, господин Ренаду. Вот ваши документы, вы свободны... Начальник конвоя! — сказал он, повысив голос.

Панди распахнул дверь и крикнул:

— Начальник конвоя, к бригадиру!

<sup>123</sup> В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

<sup>124</sup> В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— Ни о каких извинениях не может быть и речи, — важно произнёс Ренаду. — Виноват только я, я один... И даже не я, а проклятая наследственность... Вы разрешите? — обратился он к Максиму, указывая на стол, где лежали документы.

— Сидеть, — негромко сказал Панди.

Вошёл Гай. Бригадир передал ему документы, приказал вернуть господину Ренаду изъятое имущество, и господин Ренаду был отпущен.

— В провинции Айю, — задумчиво сказал штатский, — есть обычай: с каждого выродка — я имею в виду легальных выродков — при задержании взимается налог... добровольный взнос в пользу Гвардии.

— У нас это не принято, — холодно сказал бригадир. — По-моему, это противозаконно... Давайте следующего, — приказал он.

— Раше Мусаи, — сказал адъютант железной табуретке.

— Раше Мусаи, — повторил Панди в открытую дверь.

Раше Мусаи оказался худым, совершенно замученным человечком в потрёпанном домашнем халате и в одной туфле. Едва он сел, как бригадир, налившись кровью, заорал: «Скрываешься, мерзавец?», на что Раше Мусаи принялся многословно и путано объяснять, что он совсем не скрывается, что у него больная жена и трое детей, что у него за квартиру не плачено<sup>125</sup>, что его уже два раза задерживали и отпускали, что работает он на фабрике, мебельщик, что ни в чём не виноват, и Максим уже ожидал, что его выпустят, но бригадир вдруг встал и объявил, что *Раше Мусаи, сорока двух лет, женатый, рабочий, имеющий два задержания, нарушивший постановление о высылке, приговаривается согласно закону о профилактике к семи годам воспитательных работ с последующим запрещением жительства в центральных районах.* Примерно минуту Раше Мусаи осмысливал этот приговор, а затем разыгралась ужасная сцена. Несчастный мебельщик плакал, несвязно умолял о прощении, пытался падать на колени и продолжал кричать и плакать, пока Панди выволакивал его в коридор. И Максим снова поймал на себе пристальный взгляд ротмистра Чачу.

— Киви Попшу, — сказал адъютант.

В дверь втокнули плечистого парня с лицом, изуродованным какой-то кожной болезнью. Парень оказался квартирным вором-рецидивистом, был захвачен на месте преступления и держался нагло-заискивающе. Он то принимался молить господ-начальничков не предавать его лютой смерти, то вдруг истерически хихикал, отпускал остроты и затевал рассказывать истории из своей жизни, которые все начинались одинаково: «Захожу я в один дом...» Он никому не давал говорить. Бригадир, после нескольких безуспешных попыток задать вопрос, откинулся на спинку стула и возмущённо поглядел направо и налево от себя. Ротмистр Чачу сказал ровным голосом:

— Кандидат Сим, заткни ему пасть.

125 В оригинале «плочено» через «о», хотя, возможно, так и было задумано. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





Максим не знал, как затыкают пасть, поэтому он просто взял Киви Попшу за плечо и пару раз встряхнул. У Киви Попшу лязгнули челюсти, он прикусил язык и замолчал. Тогда штатский, давно уже с интересом наблюдавший арестованного, произнёс: «Этого я возьму. Пригодится». «Прекрасно!» — сказал бригадир и приказал отправить Киви Попшу обратно в камеру. Когда парня вывели, адъютант сказал:

— Вот и весь мусор. Теперь пойдёт группа.

— Начинайте прямо с руководителя, — посоветовал штатский. — Как там его — Кетшеф?

Адъютант заглянул в бумаги и сказал железной табуретке:

— Гэл Кетшеф.

Ввели знакомого — худого человека в белом халате. Он был в наручниках, и поэтому держал руки, неестественно вытянув их перед собой. Глаза у него были красные, лицо отекло. Он сел и стал смотреть на картину поверх головы бригадира.

— Ваше имя — Гэл Кетшеф? — спросил бригадир.

— Да.

— Зубной врач?

— Был.

— В каких отношениях находитесь с зубным врачом Гобби?

— Купил у него практику.

— Почему же не практикуете?

— Продал кабинет.

— Почему?

— Стеснённые обстоятельства, — сказал Кетшеф.

— В каких отношениях находитесь с Орди Тадер?

— Она моя жена.

— Дети есть?

— Был. Сын.

— Где он?

— Не знаю.

— Чем занимались во время войны?

— Воевал.

— Где? Кем?

— На юго-западе. Сначала начальником полевого госпиталя, затем командиром пехотной роты.

— Ранения? Ордена?

— Всё было.

— Почему решили заняться антигосударственной деятельностью?





— Потому что в истории мира не было более отвратительного государства, — сказал Кетшеф. — Потому что любил свою жену и своего ребёнка. Потому что вы убили моих друзей и растлили мой народ. Потому что всегда ненавидел вас. Достаточно?

— Достаточно, — спокойно сказал бригадир. — Более, чем достаточно. Скажите нам лучше, сколько вам платят хонтийцы? Или вам платит Пандея?

Человек в белом халате засмеялся. Жуткий это был смех, так мог бы смеяться мертвец.

— Кончайте эту комедию, бригадир, — сказал он. — Зачем это вам?

— Вы — руководитель группы?

— Да. Был.

— Кого можете назвать из членов организации?

— Никого.

— Вы уверены? — спросил вдруг человек в штатском.

— Да.

— Видите ли, Кетшеф, — мягко сказал человек в штатском, — вы находитесь в крайне тяжёлом положении. Мы знаем о вашей группе всё. Мы даже знаем кое-что о связях вашей группы. Вы должны понять, что эта информация получена нами от какого-то лица, и теперь только о нас зависит, какое имя будет у этого лица — Кетшеф или какое-нибудь другое...

Кетшеф молчал, опустив голову.

— Вы! — каркнул ротмистр Чачу. — Вы, бывший боевой офицер! Вы понимаете, что вам предлагают? Не жизнь, массаракш! Честь!

Кетшеф опять засмеялся, закашлялся, но ничего не сказал. Максим чувствовал, что этот человек ничего не боится. Ни смерти, ни позора. Он уже всё пережил. Он уже считает себя мёртвым и опозоренным... Бригадир посмотрел на штатского. Тот покачал головой. Бригадир пожал плечами, поднялся и объявил, что Гэл Кетшеф, пятидесяти лет, женатый, зубной врач, приговаривается на основании закона об охране общественного здоровья к уничтожению. Срок исполнения приговора — сорок восемь часов. Приговор может быть заменён в случае согласия приговорённого дать показания.

Когда Кетшефа вывели, бригадир с неудовольствием сказал штатскому: «Не понимаю тебя. По-моему,<sup>126</sup> он разговаривал довольно охотно. Типичный болтун — по вашей же классификации. Не понимаю...» Штатский засмеялся: «Вот потому-то, дружище, ты командуешь бригадой, а я... а я — у себя». — «Всё равно, — обиженно сказал бригадир. — Руководитель группы... склонен пофилософствовать... Не понимаю». — «Дружище, — сказал штатский. — Ты видел когда-нибудь философствующего покойника?» — «А, вздор...» — «А всё-таки?» — «Может быть, ты видел?» — спросил бригадир. «Да, только что, — сказал штатский веско. — И заметь, не в первый раз... Я жив, он мёртв, о чём нам говорить? Так, кажется, у Верблибена? ...» Ротмистр Чачу вдруг поднялся, подошёл

126 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





вплотную к Максиму и прошипел ему в лицо снизу вверх: «Как стоишь, кандидат? Куда смотришь? Смир-рна! Глаза перед собой! Не бегать глазами!» Несколько секунд он, шумно дыша, разглядывал Максима — зрачки его бешено сужались и расширялись — потом вернулся на своё место и закурил.

— Так, — сказал адъютант. — Остались: Орди Тадер, Мемо Грамену и ещё двое, которые отказались себя назвать.

— Вот с них и начнём, — предложил штатский. — Вызывайте.

— Номер семьдесят три-тринадцать, — сказал адъютант.

Номер семьдесят три-тринадцать вошёл и сел на табурет. Он тоже был в наручниках, хотя одна рука у него была искусственная — сухой жилистый человек с болезненно-толстыми, распухшими от прокусов губами.

— Ваше имя? — спросил бригадир.

— Которое? — весело спросил однорукий. Максим даже вздрогнул: он был уверен, что однорукий будет молчать.

— У вас их много? Тогда назовите настоящее.

— Настоящее моё имя — номер семьдесят три-тринадцать.

— Та-ак... Что вы делали в квартире Кетшефа?

— Лежал в обмороке. К вашему сведению, я это очень хорошо умею. Хотите, покажу?

— Не трудитесь, — сказал человек в штатском. Он был очень зол. — Вам ещё понадобится это умение.

Однорукий вдруг захохотал. Он смеялся громко, звонко, как молодой, и Максим с ужасом понял, что он смеётся искренне. Люди за столом молча, словно окаменев, слушали этот смех.

— Массаракш! — сказал, наконец, однорукий, вытирая слёзы плечом. — Ну и угроза! ... Впрочем, вы ещё молодой человек... *Все архивы после переворота сожгли, и вы даже не знаете, до чего вы все измельчали...* Это была большая ошибка — уничтожать старые кадры: они бы научили вас относиться к своим обязанностям спокойно. *Вы слишком эмоциональны. Вы слишком ненавидите. А вашу работу нужно делать по возможности сухо, казённо — за деньги. Это производит на подсудимого огромное впечатление. Ужасно, когда тебя пытается не враг, а чиновник.* Вот,<sup>127</sup> посмотрите на мою левую руку. Мне её отпилили в доброй довоенной охране, в три приёма, и каждый акт сопровождался обширной перепиской... Палачи выполняли тяжёлую, неблагодарную работу, им было скучно, они пилили мою руку и ругали нищенские оклады. И мне было страшно. Только очень большим усилием воли я удержался тогда от болтовни. А сейчас... Я же вижу, как вы меня ненавидите. Вы — меня, я — вас. Прекрасно! ... Но вы меня ненавидите меньше двадцати лет, а я вас — больше тридцати. Вы тогда ещё пешком под стол ходили и мучили кошек, молодой человек...

— Ясно, — сказал штатский. — Старая ворона. Лучший друг рабочих. Я думал, вас уже всех перебили.

127 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— И не надейтесь, — возразил однорукий. — Надо всё-таки разбираться в мире, где вы живёте... а то вы все воображаете, будто старую историю отменили и начали новую... Ужасное невежество, разговаривать с вами не о чём...

— По-моему, достаточно, — сказал бригадир, обращаясь к штатскому.

Тот быстро написал что-то на журнале и дал бригадирю прочесть. Бригадир очень удивился, побарабанил пальцами по подбородку и с сомнением поглядел на штатского. Штатский улыбался. Тогда бригадир пожал плечами, подумал и обратился к ротмистру:

— Свидетель Чачу, как вёл себя обвиняемый при аресте?

— Валялся, откинув копыта, — мрачно ответил ротмистр.

— То есть<sup>128</sup>, сопротивления он не оказывал... Та-ак... — Бригадир ещё немного подумал, поднялся и огласил приговор. — *Обвиняемый номер семьдесят три-тринадцать приговаривается к смертной казни, срок исполнения приговора не определяется, впредь до исполнения приговора обвиняемый имеет пребывать в работах на воспитании.*

На лице ротмистра Чачу проступило презрительное недоумение, а однорукий, когда его выводили, тихонько смеялся и тряс головой, как бы приговаривая: «Ну и ну! ...»

Затем был введён номер семьдесят три-четыренадцать. Это был тот самый человек, который кричал, корчась на полу. Он был полон страха, но держался вызывающе. Прямо с порога он крикнул, что *отвечать не будет и снисхождения не желает*. Он действительно молчал и не ответил ни на один вопрос, даже не вопрос штатского: *нет ли жалоб на дурное обращение?* Кончилось тем, что бригадир посмотрел на штатского и вопросительно хмыкнул. Штатский кивнул и сказал: «Да, ко мне». Он казался очень довольным.

Потом бригадир перебрал оставшиеся бумаги и сказал: «*Пойдёмте, господа, поедим. Невозможно...*» Суд удалился, а Максиму и Панди разрешили стоять вольно. Когда ротмистр тоже вышел, Панди сказал:

— Видал гадов? Хуже змей, ей-богу. Главное ведь что? Не боли у них голова, ну как бы ты узнал, что они выродки? Подумать страшно, что бы тогда было...

Максим промолчал. Говорить ему не хотелось. Картина мира, ещё сутки назад казавшаяся такой логичной и отчётливой, сейчас размылась, потеряла очертания. Впрочем, Панди не нуждался в репликах. Снявши, чтобы не запачкать, перчатки, он извлёк из кармана кулёк с леденцами, угостил Максима и принялся рассказывать, как он не терпит этот пост. *Во-первых, страшно было заразиться от выроdkов. Во-вторых, некоторые из них, вроде этого, однорукого, вели себя ну до того нагло, что сил нет как хотелось дать по шее. Один раз он вот так терпел-терпел, а потом и дал — чуть в кандидаты не разжаловали. Спасибо ротмистру, отстоял. Засадил только на двадцать суток и ещё сорок суток без увольнения...*

128 В оригинале «То-есть» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Максим сосал леденец,<sup>129</sup> слушал вполуха<sup>130</sup> и молчал. Ненависть, думал он. Те ненавидят этих, эти ненавидят тех. За что? ... Самое отвратительное государство... Почему? Откуда он это взял? ... Растлили народ... Как? Что это может значить? ... И этот штатский... Не может быть, чтобы он намекал на пытки. Это же было давно, в средние века... Впрочем... фашизм... Да, помнится, не только в средние. Может быть, это фашистское государство? Массаракиш, что такое фашизм? Агрессия, расовая теория... Гилтер... нет, Гилмер... Да-да — теория расового превосходства, массовые уничтожения, геноцид, захват мира... ложь, возведённая в принцип политики, государственная ложь — это я хорошо помню, это меня больше всего поразило. Но по-моему, здесь этого нет. Гай — фашист? И Рада? Нет, здесь другое — последствия войны, явная жестокость нравов, как следствие тяжёлого положения. Большинство стремится подавить оппозицию меньшинства. Смертная казнь, воспитательные работы... Для меня это отвратительно, но как же иначе? ... А в чём, собственно, оппозиция? Да, они ненавидят существующий строй. Но что они делают конкретно? Ни слова об этом не было сказано. Странно... Словно судьи заранее сговорились с обвиняемыми, и обвиняемые ничего не имеют против... А что же, очень даже похоже. Обвиняемые стремятся разрушить систему противобаллистической защиты, судьям об этом хорошо известно, и обвиняемые знают, что судьям об этом хорошо известно, все остаются при своих убеждениях, говорить не о чём, и остаётся только оформить сложившиеся отношения официально. Одного уничтожить, другого — на перевоспитание, третьего... третьего зачем-то берёт к себе этот штатский... Теперь хорошо бы понять, какая существует связь между больной головой и пристрастием к оппозиции. Почему систему ПБЗ стремятся разрушить только выродки? И при этом даже не все выродки?

— Господин Панди, — сказал он. — А хонтийцы — они все выродки, вы не слышали?

Панди глубоко задумался.

— Как тебе... понимаешь... — произнёс, наконец, он. — Мы в основном насчёт внутренних дел, насчёт выродков, как городских, так и диких, которые на Юге. А что там в Хонти или, скажем, ещё где — этому, наверно, армейцев обучают. Главное, что ты должен знать, — это что хонтийцы есть злейшие внешние враги нашего государства. До войны они нам подчинялись, а теперь злобно мстят... А выродки — внутренние враги. Вот и всё. Понял?

— Более или менее, — сказал Максим, и Панди сейчас же затеял ему выговор: в Гвардии так не отвечают, в Гвардии отвечают «так точно» или «никак нет», а «более или менее» есть выражение штатское, это капральской<sup>131</sup> сестрёнке можешь так отвечать, а здесь служба, здесь так нельзя...

129 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

130 В оригинале «в пол-уха» тремя словами — раздельно и через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

131 В оригинале «капраловой», хотя, возможно, так специально было задумано. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Вероятно,<sup>132</sup> он долго ещё разглагольствовал бы, тема была благодарная, близкая его сердцу, и слушатель был внимательный, почтительный, но тут вернулись господа офицеры. Панди замолчал на полуслове, прошептал «*смирно*» и, совершив необходимые эволюции между столом и железной табуреткой, застыл. Максим тоже застыл.

Господа офицеры были в прекрасном настроении. Ротмистр Чачу громко и с пренебрежительным видом рассказывал, как в восемьдесят четвёртом они лепили сырое тесто прямо на раскалённую броню и пальчики, бывало, облизывали. Бригадир и штатский возражали, что *гвардейский дух — гвардейским духом, но гвардейская кухня должна быть на соответствующей высоте, и чем меньше консервов, тем лучше*. Адъютант, полузакрыв глаза, вдруг принялся цитировать наизусть какую-то поваренную книгу, и все замолчали и довольно долго слушали его со странным умилением на лицах. Потом адъютант захлебнулся слюной и закашлялся, а бригадир, вздохнув, сказал:

— Да, господа... Но надо, однако, кончать.

Адъютант, всё ещё кашляя, раскрыл папку, покопался в бумагах и произнёс сдавленным голосом:

— Орди Тадер.

И вошла женщина, такая же белая и почти прозрачная, как и вчера, словно она всё ещё была в обмороке, но когда Панди по обыкновению протянул руку, чтобы взять её за локоть и усадить, она резко отстранилась как от гадины, и Максиму почудилось, что она сейчас ударит. Она не ударила, у неё были скованы рúки, она только отчётливо произнесла: «*Не тронь, холуй!*», обошла Панди и села на табурет.

Бригадир задал ей обычные вопросы. Она не ответила. Штатский напомнил ей о ребёнке, о муже, и ему она тоже не ответила. Она сидела, выпрямившись, Максим не видел её лица, видел только напряжённую худую шею под растрёпанными светлыми волосами. Потом она вдруг сказала спокойным низким голосом:

— Вы, все, оболваненные болваны. Убийцы. Вы все умрёте. Ты, бригадир, я тебя не знаю, я тебя вижу в первый и последний раз. Ты умрёшь скверной смертью. Не от моей руки, к сожалению, но очень, очень скверной смертью. И ты, сволочь из охраны. Двоих таких,<sup>133</sup> как ты,<sup>134</sup> я прикончила сама. Я бы сейчас убила тебя, я бы до тебя добралась, если бы не эти холуи у меня за спиной... — Она перевела дыхание. — И ты, черномордый, пушечное мясо, палач, ты ещё попадёшься к нам в рúки. Но ты умрёшь просто. Гэл промахнулся, но я знаю людей, которые не промахнутся. Вы все здесь сдохнете ещё задолго до того, как мы сшибём ваши проклятые башни, и это хорошо, я молю бога, чтобы вы не пережили своих башен, а то ведь вы поумнеете, и тем, кто будет после, будет жалко убивать вас.

132 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

133 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

134 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Они не перебивали её, они внимательно слушали. Можно было подумать, что они готовы слушать её часами, а она вдруг поднялась и шагнула к столу, но Панди поймал её за плечо и бросил обратно на табурет. Тогда она плюнула изо всех сил, но плевок не долетел до стола, и она вдруг обмякла и заплакала. Некоторое время они смотрели, как она плачет. Потом бригадир встал и *приговорил её к уничтожению в сорок восемь часов*, и Панди взял её за локоть и вышвырнул за дверь, а штатский сильно потёр руки, улыбнулся и сказал бригадире: «*Это удача. Отличное прикрытие!*» А бригадир ответил ему: «*Благовари ротмистра*». А ротмистр Чачу сказал только: «*Языки!*», и все замолчали.

Потом адъютант вызвал Мемо Грамену, и с этим совсем уж не церемонились. Это был человек, который стрелял в коридоре. С ним было всё ясно: при аресте он оказал вооружённое сопротивление, и ему даже не задавали вопросов. Он сидел на табурете, грузный, сгорбленный, и пока бригадир зачитывал ему смертный приговор, он равнодушно глядел в потолок, нянча левой рукой правую, вывихнутые пальцы которой были обмотаны тряпкой. Максиму почудилось в нём какое-то противоестественное спокойствие, какая-то деловитая уверенность, холодное равнодушие к происходящему, но он не сумел разобраться в своих ощущениях...

Грамену не успели ещё вывести, а адъютант уже с облегчением складывал бумаги в папку, бригадир затеял со штатским разговор о порядке чинопроизводства, а ротмистр Чачу подошёл к Панди и Максиму и приказал им идти. В его прозрачных глазах Максим ясно увидел издёвку и угрозу, но не захотел думать об этом. С каким-то отчуждённым любопытством и сочувствием он думал о том человеке, которому предстоит убить женщину. Это было чудовищно, это было невозможно, но кому-то предстояло это сделать в ближайшие сорок восемь часов.

## 8.

Гай переоделся в пижаму, повесил мундир в шкаф и повернулся к Максиму. Кандидат Сим сидел на своей раскладушке, которую Рада поставила ему в свободном углу, один сапог он стянул и держал в руке, а за другой ещё не принимался. Глаза его были устремлены в стену, рот приоткрыт. Гай подкрался сбоку и щёлкнул его по носу. И,<sup>135</sup> как всегда,<sup>136</sup> промахнулся — в последний момент Мак отдёргнул голову.

— О чём задумался? — игриво спросил Гай. — Горюешь, что Рады нет? Тут тебе, брат, не повезло, у неё сегодня дневная смена.

Мак слабо улыбнулся и принялся стаскивать второй сапог.

— Почему — нет? — спросил он рассеянно. — Ты меня не обманешь... — Он снова замер. — Гай, — сказал он, — ты всегда говорил, что *они работают за деньги*...

— Кто? *Выродки*?

135 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

136 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— Да. Ты об этом часто говорил — и мне, и ребятам... Платные агенты хонтийцев... И ротмистр всё время об этом твердит, каждый день одно и то же...

— Как же иначе? — сказал Гай. Он решил, что Мак опять заводит разговор об однообразии. — Ты всё-таки чудачина, Мак. Откуда у нас могут появиться какие-то новые слова, если всё остаётся по-старому? Выродки как были выродки, так и остались. Как они получали деньги от врага, так и получают. Вот в прошлом году, например, накрыли одну компанию за городом — у них целый подвал был набит денежными мешками. Откуда у честного человека могут быть такие деньги? Они не промышленники, не банкиры... да сейчас и у банкиров таких денег нет, если этот банкир настоящий патриот...

Мак аккуратно поставил сапоги у стены, встал и принялся расстёгивать комбинезон.

— Гай, — сказал он, — а у тебя бывает так, что говорят тебе про человека одно, а ты смотришь на<sup>137</sup> этого человека и чувствуешь: не может этого быть. Ошибка. Путаница.

— Бывает, — сказал Гай, нахмурившись. — Но если ты о выродках...

— Да, именно о них. Я сегодня на них смотрел. Это люди, как люди, разные, получше и похуже, смелые и трусливые, и вовсе не звери, как я думал... и как вы все считаете... погоди, не перебивай. И не знаю я, приносят они вред или не приносят, то есть<sup>138</sup>, судя по всему, приносят, но я не верю, что они куплены.

— Как это — *не веришь?* — сказал Гай, хмурясь ещё сильнее. — Ну, предположим, мне ты можешь не верить, я — человек маленький. Ну,<sup>139</sup> а господину ротмистру? А бригадиру? *Радио, наконец? Как можно не верить Отцам? Они никогда не лгут.*

Максим сбросил комбинезон, подошёл к окну и стал смотреть на улицу, прижавшись лбом к стеклу и держась обеими руками за раму.

— Почему обязательно — *лгут?* — проговорил он наконец. — А если они ошибаются?

— *Ошибаются...* — с недоумением повторил Гай, глядя ему в голую спину. — *Кто ошибается? Отцы? Вот чудак... Отцы никогда не ошибаются!*

— Ну, пусть, — сказал Мак, оборачиваясь. — Мы не об Отцах сейчас говорим. Мы говорим о выродках. Вот ты, например... Ты умрёшь за своё дело, если понадобится?

— Умру, — сказал Гай. — И ты умрёшь.

— Правильно! Умрём. Но ведь за дело умрём — не за паёк гвардейский и не за деньги. Дайте мне хоть тысячу миллионов ваших бумажек, не соглашусь я ради этого идти на смерть! ... Неужели ты согласишься?

— Нет, конечно, — сказал Гай. *Чудачина этот Мак, вечно что-нибудь выдумает...*

137 В оригинале «не». (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

138 В оригинале «то-есть» через дефис. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

139 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— Ну?

— Что — ну?

— Ну как же! — сказал Мак с нетерпением. — Ты за деньги не согласен умирать. Я за деньги не согласен умирать. А выродки, значит, согласны! Что за чепуха!

— Так то — выродки! — сказал Гай проникновенно. — На то они и выродки! Им деньги дороже всего, у них нет ничего святого. Им ничего не стоит ребёнка задушить — бывали такие случаи... Ты пойми, если человек старается уничтожить систему ПБЗ, что это может быть за человек? Это же хладнокровный убийца!

— Не знаю, не знаю, — сказал Мак. — Вот их сегодня допрашивали. Если бы они назвали сообщников, могли бы остаться живы, отделались бы воспитательными работами... А они не назвали! Значит, сообщники им дороже, чем деньги? Дороже, чем жизнь?

— Это ещё неизвестно, — возразил Гай. — Они по закону все приговорены к смерти, без всякого суда, ты же видишь, как их судят. А если некоторых и посылают на работы, так это знаешь почему? Людей не хватает на Юге... и скажу тебе, работы там — это ещё хуже, чем смерть...

Он смотрел на Мака и видел, что друг его колеблется, растерян, доброе у него сердце, зелен ещё, не понимает, что жестокость с врагом неизбежна, что доброта сейчас хуже воровства... Трахнуть бы кулаком по столу, да прикрикнуть, чтобы молчал, не болтал зря, не молол бы глупостей, а слушал старших, пока не научился разбираться сам. Но ведь Мак не дубина какая-нибудь необразованная, ему нужно только объяснить как следует, и он поймёт...

— Нет! — упрямо сказал Мак. — Ненавидеть за деньги нельзя. А они ненавидят... так ненавидят нас, я даже не знал, что люди могут так ненавидеть. Ты их ненавидишь меньше, чем они тебя. И вот я хотел бы знать: за что?

— Вот послушай, — сказал Гай. — Я тебе ещё раз объясню. Во-первых, они выродки. Они вообще ненавидят всех нормальных людей. Они по природе злобны, как крысы. А потом — мы им мешаем! Они хотели бы сделать своё дело, получить денежки и жить себе припеваючи. А мы им говорим: стоп! Руки за голову! Что ж они, любить нас должны за это?

— Если они все злобны, как крысы, почему же тогда этот... домовладелец... не злобный? Почему его отпустили, если они все подкуплены?

Гай засмеялся.

— Домовладелец — трус. Таких тоже хватает. Ненавидят нас, но боятся. Полезные выродки, легальные. Им выгоднее жить с нами в дружбе... А потом — он домовладелец, богатый человек, его так просто не подкупишь. Это тебе не зубной врач... Смешной ты, Мак, как ребёнок! Люди ведь не бывают одинаковые — и выродки не бывают одинаковые...





— Это я уже знаю, — нетерпеливо прервал Мак. — Но вот, кстати, о зубном враче. То, что он неподкупен, за это я головой ручаюсь. Я не могу тебе это доказать, я это *чувствую*. *Это очень смелый и хороший человек...*

— Выродок!

— Хорошо. Это *смелый и хороший выродок*. Я видел его библиотеку. Это очень знающий человек. Он знает в тысячу раз больше, чем ты или ротмистр... Почему он против нас? Если наше дело правое, почему он не знает этого — образованный, культурный человек? Почему он на пороге смерти говорит нам в лицо, что *он за народ и против нас?*

— *Образованный выродок — это выродок в квадрате*, — сказал Гай поучающе. — Как выродок, он нас ненавидит. А образование помогает ему эту ненависть обосновать и распространить. *Образование — это, дружок, тоже не всегда благо. Это как автомат — смотря в чьих руках...*

— *Образование — всегда благо*, — убеждённо сказал Мак.

— Ну уж нет. Я бы предпочёл, чтобы хонтийцы все были необразованные. Тогда бы мы,<sup>140</sup> по крайней мере,<sup>141</sup> могли жить как люди, а не ждать всё время ядерного удара. Мы бы их живо усмирили.

— Да, — сказал Мак с непонятной интонацией. — *Усмирять мы умеем. Жестокости нам не занимать.*

— И опять ты как ребёнок. *Не мы жестокие, а время жестокое*. Мы бы и рады уговорами обойтись, и дешевле бы это было, и без кровопролития. А что прикажешь? Если их никак не переубедить...

— Значит, они *убеждены?* — прервал его Мак. — Значит, *убеждены?* А если знающий человек убеждён, что он прав, то при чём тут хонтийские деньги...

Гаю надоело. Он хотел уже, как к последнему средству, прибегнуть к цитате из Кодекса Отцов и покончить с этим бесконечным глупым спором, но тут Мак перебил сам себя, махнул рукой и крикнул:

— Рада! Хватит спать! Гвардейцы проголодались и скучают по женскому обществу!

К огромному изумлению Гая из-за ширмы послышался голос Рады:

— А я давно не сплю. Вы тут раскричались, господа гвардейцы, как у себя на плацу.

— Ты почему дома? — гаркнул Гай.

Рада, запахивая халатик, вышла из-за ширмы.

— Меня рассчитали, — объявила она. — Мамаша Тэй закрыла своё заведение, наследство получила и собирается в деревню. Но она меня уже рекомендовала в хорошее место... Мак, почему у тебя всё разбросано? Прибери в шкаф. Мальчики, я же просила вас не ходить в комнату в сапогах! Где твои сапоги, Гай? ... Накрывайте на стол, сейчас будем обедать... Мак, ты похудел. Что они там с тобой делают?

— Давай, давай! — сказал Гай. — Разговорчики! Неси обед...

140 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

141 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





Она показала ему язык и вышла. Гай взглянул на Мака. Мак смотрел ей вслед со своим обычным добрым выражением.

— Что, хороша девочка? — спросил Гай и испугался: лицо Мака вдруг окаменело. — Ты что?

— Слушай, — сказал Мак. — Всё можно. Даже пытаться, наверное, можно. Вам виднее. Но женщин расстреливать... женщин мучить... — Он схватил свои сапоги и пошёл из комнаты.

Гай крикнул, сильно почесал обеими руками затылок и принялся накрывать на стол. От всего этого разговора у него остался неприятный осадок. Какая-то раздвоенность. Конечно, Мак ещё зелен и не от мира сего. Но как-то опять у него всё удивительно получилось. Логик он, вот что, логик замечательный. Вот ведь сейчас — чепуху же порол, но как у него всё логично выстроилось! Гай вынужден был признать, что если бы не этот разговор, сам он вряд ли дошёл бы до очень простой, в сущности, мысли: главное в вырождаках то, что они вырождаки. Отними у них это свойство, и все остальные обвинения против них — предательство, людоедство и прочее — превращаются в чепуху. Да, всё дело в том, что они вырождаки и ненавидят всё нормальное. Этого достаточно, и можно обойтись без хонтийского золота... А хонтийцы что — тоже, значит, вырождаки? Этого нам не говорили. А если они не вырождаки, тогда наши вырождаки должны их ненавидеть, как и нас... А, массаракш! Будь она проклята, эта логика! ... Когда Мак вернулся, Гай набросился на него:

— Откуда ты знал, что Рада дома?

— Ну как — откуда? Это и так было ясно...

— А если тебе было ясно, массаракш, так почему ты меня не предупредил? И почему ты, массаракш, распускаешь язык при посторонних? Тридцать три раза массаракш...

Мак тоже разозлился.

— Это кто здесь посторонний, массаракш? Рада? Да вы все со своим ротмистром для меня более посторонние, чем Рада!

— Массаракш! Что в уставе сказано о служебной тайне?

— Массаракш-и-массаракш! Что ты ко мне пристал? Я же не знал, что ты не знаешь, что она дома! Я думал, ты меня разыгрываешь! И потом... о каких служебных тайнах мы тут говорили?

— Всё, что касается службы...

— Провалитесь вы со своей службой, которую нужно скрывать от родной сестры! И вообще от кого бы то ни было, массаракш! Поразвели секретов в каждом углу, повернуться негде, рта не раскрыть!

— И ты же ещё на меня орёшь! Я тебя, дурака, учу, а ты на меня орёшь! ...

Но Мак уже перестал злиться. Он вдруг мгновенно оказался рядом, Гай не успел пошевелиться, сильные руки сдавили ему бока, комната завертелась перед глазами, и потолок стремительно надвинулся. Гай придушенно ахнул, а Мак, бережно неся его над головой в вытянутых руках, подошёл к окну и сказал:







— Ну, куда тебя девать с твоими тайнами? Хочешь за окно?

— Что за дурацкие шутки, массаракш! — закричал Гай, судорожно размахивая руками в поисках опоры.

— Не хочешь за окно? Ну ладно, оставайся...

Гая поднесли к ширме и вывалили на кровать Рады. Он сел, поправил задравшуюся пижаму и проворчал: «Чёрт здоровенный...» Он тоже больше не сердился. Да и не на кого было сердиться, разве что на выроdkов...

Они принялись накрывать на стол, потoм пришла Рада с кастрюлей супа, а за нею — дядюшка Каан со своей заветной флягой, которая одна только, по его заверениям, спасала его от простуды и других старческих болезней. Уселись, принялись за суп. Дядюшка выпил рюмку, потянул носом воздух и принялся рассказывать про своего врага, коллегу Шапшу, который опять написал статью о назначении такой-то кости у такой-то древней ящерицы, причём вся статья была построена на глупости, ничего, кроме глупости, не содержала и рассчитана была на глупцов...

У дядюшки Каана все были глупцы. Коллеги по кафедре — глупцы, одни старательные, другие обленившиеся. Ассистенты — болваны от рождения, коим место в горах пасти скотину, да и то, говоря по правде, неизвестно — справятся ли. Что же касается студентов, то молодёжь сейчас вообще словно подменили, а в студенты, к тому же, идёт самая отборная дурость, которую рачительный предприниматель не подпустил к станкам, а знающий командир отказался принять в солдаты. Так что судьба науки об ископаемых животных предрешена... Гай не слишком об этом сожалел, бог с ними, ископаемыми, не до них сейчас, и вообще непонятно, зачем и кому эта наука может когда-либо понадобиться. Но Рада дядюшку очень любила и всегда ужасалась вместе с ним по поводу глупости коллеги Шапшу и горевала, что университетское начальство не выделяет средств, необходимых для экспедиций...

Сегодня, впрочем, разговор пошёл о другом. Рада, которая, массаракш, всё-таки всё слышала у себя за ширмой, спросила вдруг дядю, чем выроdkи отличаются от обычных людей. Гай грозно посмотрел на Мака и предложил Раде не портить родным и близким аппетита, а читать лучше литературу. Однако дядюшка заявил, что эта литература написана для глупейших из дураков; что в Департаменте общественного просвещения воображают, будто все такие же невежды, как они сами; что вопрос о выроdkах совсем не так прост и совсем не так мелок, как его пытаются изобразить для создания определённого общественного мнения; и что либо мы будем здесь как культурные люди, либо как наши brave, но — увы! — малообразованные офицеры в казармах. Мак предложил ради разнообразия побыть как культурные люди. Дядюшка выпил ещё рюмку и принялся излагать имеющую сейчас хождение в научных кругах теорию о том, что выроdkи есть не что иное, как новый биологический вид, появившийся на лице земли в результате радиоактивного облучения. Выроdkи несомненно опасны, говорил дядюшка, подняв палец. Но они гораздо более опасны, чем это изображается в твоих, Гай, дешёвых брошюрках, написанных дураками для дураков. Выроdkи опасны не как социальное и политическое явление, выроdkи опасны биологически, ибо они борются не против какой-то одной народности, они борются против всех





народов, национальностей и рас одновременно. Они борются за место в этом мире, за существование своего вида, и эта борьба не зависит ни от каких социальных условий, а кончится она только тогда, когда уйдёт с арены биологической истории либо последний человек, либо последний выродок-мутант... Хонтийское золото — вздор! — орал разбушевавшийся профессор. Диверсии против системы ПБЗ — чепуха! Смотрите на юг, господа мои! На Юг! За Голубую Змею! Вот откуда идёт настоящая опасность! Вот откуда, размножившись, двинутся колонны человекоподобных чудовищ, чтобы растоптать нас и смести с лица Мира. Ты слепец, Гай. И командиры твои — слепцы. Вы не понимаете истинно великого назначения нашей страны и исторического подвига Неизвестных Отцов! Спасти человечество! Спасти цивилизацию! Не один какой-нибудь народ, не просто матерей и детей наших, но всё человечество целиком! ...

Гай разозлился и сказал, что судьбы человечества его занимают мало. Он в этот кабинетный бред не верит. И если бы ему сказали, что есть возможность натравить диких выродков на Хонти, минуя нашу страну, он бы этому всю жизнь посвятил. Профессор снова взбеленился и опять назвал его слепым слепцом. Он сказал, что Неизвестные Отцы — герои из героев: им приходится вести поистине неравную борьбу, если в их распоряжении только такие жалкие, слепые исполнители, как Гай. Гай решил с ним не спорить. Дядюшка ничего не смыслил в политике и сам был в известной степени ископаемым животным. Мак попытался вмешаться и начал рассказывать про выродка, который ещё до войны боролся против властей, но Гай эти поползновения разгласить служебную тайну пресёк и велел Раде подавать второе. Маку же он приказал включить телевизор. Слишком много разговоров сегодня, сказал он. Дайте немного отдохнуть солдату, прибывшему в увольнение...

Однако воображение его было возбуждено, по телевизору показывали какие-то глупости, и Гай, не удержавшись, принялся рассказывать о диких выродках. Он о них кое-что знал — слава богу, три года воевал с ними, а не отсиживался в тылу, как некоторые философы... Рада обиделась за старика и обозвала Гая хвастуном, но дядюшка и Мак почему-то приняли его сторону и стали просить продолжать. Гай объявил, что не скажет больше ни слова. Во-первых, он в самом деле был несколько обижен, а во-вторых, пошарив в памяти, он не смог найти там ничего, что опровергало бы измышления старого пьяницы. Южные выродки были, действительно, существами жуткими и совершенно беспощадными. Такие, не задумываясь, может быть, даже с удовольствием истребили бы весь род людской при первой же возможности. Но потом его осенило — он вспомнил, что рассказывал однажды старшина сто четырнадцатой группы смертников Зеф, и с удовольствием преподнёс эту теорию дядюшке. Рыжее хайло Зеф говорил, что выродки потому проявляют всё усиливающуюся активность, что на них самих с юга наступает радиоактивная пустыня, и деваться этим беднякам некуда, кроме как пытаться с боем пробиться на север, в районы, свободные от радиоактивности. «Кто это тебе рассказал? — спросил дядя с презрением. — Какому деревянному дураку могла прийти в голову столь примитивная мысль?» Гай посмотрел на него со злорадством и веско ответил: «Таково мнение некоего Аллу Зефа, лауреата императорской





премии, крупнейшего нашего медика-психиатра». «Где это ты с ним встречался? — ещё более презрительно осведомился дядюшка. — Уж не на ротной ли кухне?» Гай сгоряча хотел было сказать, где он с ним встречался, но прикусил язык, придал своему лицу значительное выражение и с подчёркнутым вниманием стал слушать телевизионного диктора, сообщающего прогноз погоды.

И тут в разговор, массараکش, опять влез этот Мак. Я готов признать, объявил он, в этих чудовищах на юге некую новую породу людей, но что общего между ними и домохозяином Ренаду, например? Ренаду тоже считается выродком, но он явно относится не к новой, а, прямо скажем, к очень старой породе людей... Гай об этом никогда не думал, и потому он был очень рад, что отвечать на этот вопрос бросился дядюшка. Обозвав Мака развесистым пнём, дядюшка принялся объяснять, что скрытые выродки, они же выродки городские, есть не что иное, как уцелевшие в борьбе за существование остатки нового вида, почти начисто уничтоженного в наших центральных районах ещё в колыбели... Я ещё помню эти ужасы: их убивали прямо при рождении, иногда вместе с матерями... Уцелели только те, у которых новые видовые признаки ничем наружно не проявляются... Дядя Каан хватил пятую рюмку, разошёлся и развил перед слушателями чёткий план поголовного тотального медицинского обследования населения, которым неизбежно придётся заняться рано или поздно, и лучше рано, чем поздно. И никаких легальных выродков! Никакого попустительства! Сорная трава должна быть выполота без пощады...

На этом обед кончился. Рада принялась мыть посуду, дядя, не дождавшись возражений, победительно всех оглядел, закупорил флягу и понёс её к себе, пробормотав, что идёт писать ответ этому дураку Шапшу. При этом он зачем-то захватил с собой и рюмку. Гай посмотрел ему вслед — на обтёрханный его пиджачок, на старые залатанные брюки, на штопаные носки и стоптанные туфли — и пожалел старика. Проклятая война! Раньше дяде принадлежала вся эта квартира, у него была прислуга, жена, был сын, была роскошная посуда, много денег, даже поместье где-то было, а теперь — пыльный, забитый книгами кабинет, он же спальня, он же всё прочее, поношенная одежда, одиночество, забвение... Да. Он пододвинул единственное кресло к телевизору, вытянулся и стал сонно смотреть на экран. Мак некоторое время сидел рядом, потом мгновенно и бесшумно, как он один умел это делать, исчез и обнаружился уже в другом углу. Он покопался в небольшой библиотечке Гая, выбрал какой-то учебник и принялся листать его, стоя, прислонясь плечом к платяному шкафу. Рада прибрала со стола, села рядом с Гаем и стала вязать, изредка поглядывая на экран. В доме воцарился покой, мир, удовлетворение. Гай задремал.

Ему приснилась чепуха: будто он поймал двух выродков в каком-то железном тоннеле, начал снимать с них допрос и вдруг обнаружил, что один из выродков — Мак, а другой выродок, мягко и добро улыбаясь, говорит Гаю: «Ты всё время ошибался, твоё место с нами, а ротмистр — просто профессиональный убийца, без всякого патриотизма, без настоящей верности, ему просто нравится убивать, как тебе нравится суп из креветок...» И Гай вдруг ощутил душное сомнение, почувствовал, что вот







сейчас поймёт всё до конца, ещё секунда — и не останется больше ни одного вопроса. Это непривычное состояние было настолько мучительно, что сердце остановилось, и он проснулся.

Мак и Рада тихонько говорили о какой-то ерунде — о морских купаниях, о песке, о ракушках... Он их не слушал. Ему в голову вдруг пришла мысль: *неужели он способен на какие-то сомнения, колебания, на неуверенность? Но ведь сомневался же он во сне... Значит ли это, что он и наяву в такой же ситуации засомневался бы?* Некоторое время он старался во всех деталях припомнить свой сон, но сон ускользал, как мокрое мыло из мокрых рук, расплывался и в конце концов стал совсем неправдоподобным, и Гай с облегчением подумал, что *всё это чушь*. И когда Рада,<sup>142</sup> заметив, что он не спит, спросила, *что, по его мнению, лучше — море или река*, он ответил по-солдатски, в стиле старины Дога: «*Лучше всего хорошая баня*».

По телевизору передавали «узоры». Было скучно. Гай предложил выпить пива, Рада сходила на кухню и принесла из холодильника две бутылки. За пивом говорили о том, о сём, и как-то между делом выяснилось, что Мак за последние полчаса одолел учебник по геополитике. Рада восхитилась, Гай не поверил. Он сказал, что за это время можно пролистать учебник, может быть, даже прочесть, но только механически, без всякого понимания. Мак потребовал экзамена. Гай потребовал учебник. Было заключено пари: проигравшему предстояло пойти к дядюшке Каану и объявить ему, что коллега Шапшу — умный человек и прекрасный учёный. Гай раскрыл учебник наугад, нашёл в конце главы контрольные вопросы и спросил: «*В чём заключается нравственное благородство экспансии нашего государства на север?*» Мак ответил своими словами, но очень близко к тексту, и добавил, что на его взгляд нравственное благородство здесь ни при чём, всё дело, как он понимает, в агрессивности режимов Хонти и Пандеи, и вообще это место учебника находится в противоречии с основным тезисом первой главы о суверенности каждого народа, достигшего представлений о государственности. Гай почесал обеими руками затылок, лизнув палец,<sup>143</sup> перекинул несколько страниц и спросил: «*Каков средний урожай злаков в северо-западных районах?*» Мак засмеялся и сказал, что данных о северо-западных районах не имеется. Поймать его не удалось, очень обрадованная Рада показала Гаю язык. «*А каково удельное демографическое давление в устье Голубой Змеи?*» — спросил Гай. Мак назвал цифру, назвал погрешность и не преминул добавить, что понятие демографического давления кажется ему смутным. Во всяком случае, он не понимает, зачем оно введено. Гай принялся было ему объяснять, что демографическое давление есть мера агрессивности, но тут вмешалась Рада. Она сказала, что Гай крутит и хочет уклониться от дальнейшего экзамена, потому что понимает, что дела его плохи.

Гаю страшно не хотелось идти к дяде Каану, и он, чтобы затянуть время, вступил в пререкания. Мак некоторое время слушал, а потом вдруг ни с того, ни с сего заявил, что Раде не следует ни в коем случае снова поступать в официантки; ей надо учиться, сказал он. Гай, обрадованный переменной темы, вскричал, что он уже тысячу раз говорил ей то же самое и

142 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

143 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







уже предлагал ей похлопотать о приёме в женский гвардейский корпус, где из неё сделают по-настоящему полезного человека. Однако нового разговора не получилось. Мак только покачал головой, а Рада, как и раньше, отозвалась о женском гвардейском корпусе в самых непочтительных выражениях.

Гай не стал спорить. Он бросил учебник, полез в шкаф, достал гитару и принялся её настраивать. Рада и Максим сейчас же отодвинули в сторону стол и встали друг перед другом, готовые оторвать «да-да, нет-нет». Гай выдал им «да-да, нет-нет» с подстуком и перезвоном. Он смотрел, как они танцуют, и думал, что пара подобралась отменная, что жить вот только негде, и если они поженятся, то придётся ему совсем перебраться в казарму. Ну что же, многие капралы живут в казармах... Впрочем, по Маку не видно, чтобы он собирался жениться. Он относится к Раде скорее как к другу, только более нежно и почтительно, а Рада, надо понимать, втюрилась. Ишь, как глаза блестят... Да и как не втюриться в такого парня! Даже мадам Го, старая ведь карга, за шестьдесят, а туда же, как Мак идёт по коридору, так она откроет дверь, выставит свой череп и ослабляется. А впрочем, чёрт его знает, Мака весь дом любит, и ребята его любят, только вот господин ротмистр к нему странно относится... но и он не отрицает, что парень — огонь.

Пара утанцевалась до упаду, Мак отобрал у Гая гитару, перестроил её на свой чудной манер и начал петь странные свои горские песни. Тысячи песен и ни одной знакомой. И каждый раз — что-нибудь новое. И вот что странно: ни одного слова не понять, а слушаешь и — то плакать хочется, то смеёшься без удержу... Некоторые песни Рада уже запомнила и теперь пыталась подпевать. Особенно ей нравилась смешная песня (Мак перевёл) про девушку, которая сидит на горе и ждёт своего дружка, а дружок никак не может до неё добраться — то одно ему мешает, то другое... За гитарой и пением они не услышали звонка в парадную дверь. Раздался стук, и в комнату ввалился вестовой господина ротмистра Чачу.

— Господин капрал, разрешите обратиться! — рявкнул он, косясь на Раду. Мак перестал играть. Гай сказал: «Обращайтесь». — Господин ротмистр приказали вам и кандидату Симу срочно явиться в канцелярию роты. Машина внизу.

Гай вскочил.

— Ступайте, — сказал он. — Подождите в машине, мы сейчас спустимся. Одевайся, быстро, — сказал он Максиму. Рада взяла гитару на руки, как ребёнку, и встала у окна, отвернувшись.

Гай и Мак торопливо одевались.

— Как ты думаешь, зачем? — спросил Мак.

— Откуда мне знать? — проворчал Гай. — Может быть, учебная тревога будет...

— Не нравится мне это, — сказал Мак.

Гай посмотрел на него и на всякий случай включил радио. По радио передавали ежедневные «праздные разговоры деловитых женщин».

Они оделись, затянули ремни и Гай сказал:





— Рада, ну, мы пошли.

— Идите, — сказала Рада, не оборачиваясь.

— Пошли, Мак, — сказал Гай, нахлобучивая берет.

— Позвоните, — сказала Рада. — Если задержитесь, обязательно позвоните... — Она так и не обернулась.

Вестовой предупредительно распахнул перед Гаем дверцу. Сели, поехали. Видимо, дело было срочное: шофёр гнал, включив сирену, по резервной зоне. Гай с некоторым сожалением подумал, что *вот пропал вечерок, редкий, хороший вечерок, уютный, домашний, беззаботный. Но такова жизнь гвардейца! Сейчас прикажут, ты сядешь в танк и будешь стрелять, — сразу после бутылки пива, после уютной пижамы, после песенок под гитару. Такова прекрасная жизнь гвардейца, лучшая из всех возможных. И не нужно нам ни подружек, ни жён, и правильно Мак не ищет жениться на Раде, хотя и жалко сестрёнку, конечно... Ничего, подождёт. Любит — так подождёт...*

Машина ворвалась на плац и затормозила у входа в казарму. Гай выскочил, взбежал по ступенькам. Перед дверью канцелярии он остановился, проверил положение берета, пряжки, быстро оглядел Мака, застегнул ему пуговицу на воротнике — *массаракиш, вечно она у него растёгнута!* — и постучал. «Войдите!» — каркнул знакомый голос. Гай вошёл и доложил. Господин ротмистр Чачу в суконной накидке и фуражке сидел за своим столом. Он курил и пил кофе, снарядная гильза перед ним была полна окурками. Сбоку на столе лежали два автомата. Господин ротмистр медленно поднялся, тяжело опёрся на стол обеими руками и, уставясь на Мака, заговорил:

— Кандидат Сим. Ты проявил себя незаурядным бойцом и верным боевым товарищем. Я ходатайствовал перед командиром бригады о досрочном производстве тебя в достоинство действительного рядового Боевой Гвардии. Экзамен огнём ты выдержал вполне успешно. Остаётся последний экзамен — экзамен кровью...

У Гая радостно подпрыгнуло сердце. Он *не ожидал, что это случится так скоро. Молодец, ротмистр! Вот что значит — старый вояка! А я-то, дурак, вообразил, будто он под Мака копает...* Гай посмотрел на Мака, и радость его несколько поубавилась. Лицо Мака было совершенно деревянным, глаза выкачены, всё по уставу, но именно сейчас можно было бы не придерживаться так строго уставных правил.

— Я вручаю тебе приказ, кандидат Сим, — продолжал господин ротмистр, протягивая Маку лист бумаги. — Это первый письменный приказ, адресованный тебе лично. Надеюсь, не последний. Прочти и распишись.

Мак взял приказ и пробежал его глазами. У Гая снова ёкнуло сердце, но уже не от радости, а от какого-то тяжёлого предчувствия. Лицо Мака оставалось по-прежнему неподвижным, и всё было как будто в порядке, но он чуть-чуть помедлил, прежде чем взял перо и расписался. Господин ротмистр осмотрел подпись и положил листок в планшет.





— Капрал Гаал, — сказал он, беря со стола запечатанный конверт. — Ступай в караульное помещение и приведи приговорённых. Возьми автомат... нет, вот этот — с краю.

Гай взял конверт, повесил автомат на плечо, повернулся кругом и направился к двери. Он ещё услышал, как господин ротмистр сказал Маку: *«Ничего, кандидат, не трусь. Это страшно только по первому разу...»* Гай бегом направился через плац к зданию бригадной тюрьмы, вручил начальнику караула конверт, расписался, где нужно, сам получил необходимые расписки, и ему вывели приговорённых. Это были давешние заговорщики — толстый дядька, которому Мак вывернул пальцы, и женщина. *Массаракиш, этого только не хватало! Женщина — это совсем лишнее... Это не для Мака...* Он вывел арестованных на плац и погнал их к казарме. Мужчина плёлся нога за ногу и всё баюкал свою руку, а женщина шла, прямая, как жердь, засунув руки глубоко в карманы жакетки, и, казалось, ничего не видела и не слышала. *Массаракиш, а почему, собственно, не для Мака? Какого дьявола! Эта баба такая же гадина, как и мужик. Почему мы должны давать ей какие-то льготы? И почему это, массаракиш, надо предоставлять какие-то льготы кандидату Симу? Пусть привыкает, массаракиш-и-массаракиш! ...*

Господин ротмистр и Мак были уже в машине. Господин ротмистр — за рулём, Мак с автоматом между колен — на заднем сидении. Он открыл дверцу, и приговорённые залезли внутрь. *«На пол!»* — скомандовал Гай. Они послушно сели на железный пол, а Гай — на сидение напротив Мака. Он попытался поймать его взгляд, но Мак глядел на приговорённых. Нет, он глядел на эту бабу, которая съёжилась на полу, обхватив колени. Господин ротмистр, не оборачиваясь, сказал: *«Готовы?»*, и машина тронулась.

По дороге не разговаривали. Господин ротмистр гнал машину на безумной скорости — видимо, хотел всё кончить до сумерек, да и чего медлить... Мак всё время глядел на женщину, словно ловил её взгляд, а Гай всё ловил взгляд Мака. Приговорённые, цепляясь друг за друга, ёрзали по полу, толстяк попытался было заговорить с бабой, но Гай прикрикнул на него. Машина выскочила за город, миновала южную заставу и сразу же свернула на заброшенный просёлок, знакомый, очень знакомый просёлок, ведущий к Розовым Пещерам. Машина подпрыгивала всеми четырьмя колёсами, держаться было неудобно, Мак не желал поднимать глаз, а тут ещё эти полупокройники всё время хватались за колени, спасаясь от немилосердной тряски. Гай, наконец, не вытерпел и треснул толстого гада сапогом под рёбра, но это не помогло, — тот всё равно продолжал хвататься. Господин ротмистр ещё раз повернул, резко притормозил, и машина медленно, осторожно съехала в карьер. Господин ротмистр выключил двигатель и скомандовал: *«Выходи!»*

Было уже около девятнадцати часов, в карьере собирался лёгкий вечерний туман, выветрившиеся каменные стены отсвечивали розовым. *Когда-то здесь добывали мрамор, а кому он сейчас нужен, этот мрамор? ...*

Дело подходило к развязке. Мак по-прежнему держался, как идеальный солдат: ни одного лишнего движения, лицо равнодушно-деревянное, глаза в ожидании приказа уставлены на





начальство. Толстяк вёл себя хорошо, с достоинством. С ним хлопот, по-видимому, не будет. А вот баба под конец расклеилась. Она судорожно стискивала кулаки, прижимала их к груди и снова опускала, и Гай решил, что истерика будет, но волочить её на руках к месту казни всё-таки, кажется, не придётся.

Господин ротмистр закурил, посмотрел на небо и сказал Маку:

— Веди их по этой тропинке. Дойдёшь до пещер — сам увидишь, где их ставить. Когда закончишь, обязательно проверь и при необходимости добей контрольным выстрелом. Что такое контрольный выстрел — знаешь?

— Так точно, — произнёс Мак деревянным голосом.

— Врёшь, не знаешь. Это — в голову. Действуй, кандидат. Сюда ты вернёшься уже действительным рядовым.

Женщина вдруг сказала:

— Если среди вас есть хоть один человек... сообщите моей матери... Посёлок Утки, дом два... это рядом... Её зовут...

— Не унижайся, — басом произнёс грузный.

— Её зовут Илли Тадер...

— Не унижайся, — повторил грузный, повысив голос, и господин ротмистр, не размахиваясь, ткнул его кулаком в лицо. Грузный замолчал, схватившись за щеку, и с ненавистью посмотрел на господина ротмистра.

— Действуй, кандидат, — повторил господин ротмистр.

Мак повернулся к приговорённым и сделал движение автоматом. Приговорённые пошли по тропинке. Женщина обернулась и ещё раз крикнула:

— Посёлок Утки, дом два, Илли Тадер!

Мак, выставив перед собой автомат, медленно шёл за ними. Господин ротмистр распахнул дверцу, боком сел за руль, вытянул ноги и сказал:

— Ну вот. Четверть часика подождём.

— Так точно, господин ротмистр, — машинально ответил Гай. Он смотрел вслед Маку, смотрел до тех пор, пока вся группа не скрылась за розоватым выступом. На обратном пути нужно будет купить водки, подумал он. Пусть напьётся. Некоторым это помогает.

— Можешь закурить, капрал, — сказал господин ротмистр.

— Благодарю вас, господин ротмистр, я не курю.

Господин ротмистр далеко сплюнул сквозь зубы.

— Не боишься разочароваться в своём приятеле?

— Никак нет... — нерешительно сказал Гай. — Хотя, с вашего позволения, мне очень жаль, что ему досталась женщина. Он — горец, а у них там...

— Он такой же горец, как мы с тобой, — сказал господин ротмистр. — И дело здесь не в женщинах... Впрочем, посмотрим. Чем вы занимались, когда вас вызвали?







— Пели хором, господин ротмистр.

— И что же вы пели?

— Горские песни, господин ротмистр. Он знает очень много разных песен.

Господин ротмистр вышел из машины и принялся прохаживаться взад-вперёд по тропинке. Больше он не разговаривал, а минут через десять принялся насвистывать «Гвардейский марш». Гай всё ждал выстрелов, но выстрелов не было, и он начал беспокоиться. Он и сам не знал, почему беспокоится. *Убежать от Мака немисливо. Обезоружить его — ещё более немисливо. Но тогда почему он не стреляет? Может быть, он повёл их дальше обычного места... На обычном — слишком сильно пахнет, божедомы<sup>144</sup> зарывают неглубоко, а у Мака слишком уж сильное обоняние... он из одной своей брезгливости лишних километров пять пройти способен...*

— Н-ну, так... — сказал господин ротмистр, останавливаясь. — Вот и всё, капрал Гаал. Боюсь, что мы не дождёмся твоего дружка. И боюсь, тебя сегодня в последний раз называют капралом.

Гай с изумлением посмотрел на него. Господин ротмистр ухмылялся.

— Ну, что смотришь? Что ты таращишься, как свинья на ветчину? Твой приятель бежал, дезертировал, он трус и изменник! Понятно, рядовой Гаал?

Гай был поражён. И не столько словами господина ротмистра, сколько его тоном. *Господин ротмистр был в восторге. Господин ротмистр торжествовал. У господина ротмистра был такой вид, словно он выиграл крупное пари.* Гай машинально поглядел в глубину карьера и вдруг увидел Мака. Мак возвращался один, автомат он нёс в руке за ремень.

— Массаракиш! — прохрипел господин ротмистр. Он тоже увидел Мака, и вид у него сделался обалделый.

Больше они не говорили, они только смотрели, как Мак неторопливо приближается к ним, легко шагая по каменному крошеву, на его спокойное доброе лицо со странными глазами, и в голове у Гая царил сумятица: *ведь выстрелов же не было... неужели он задушил их... или забил прикладом... он, Мак, женщину? Да нет, чепуха... Но не было же выстрелов! ...*

В пяти шагах от них Мак остановился и, глядя господину ротмистру в лицо, швырнул автомат ему под ноги.

— Прощайте, господин ротмистр, — сказал он. — Тех несчастных я отпустил и теперь хочу уйти сам. Вот ваше оружие, вот одежда... — Он повернулся к Гаю и, расстёгивая ремень, сказал ему: — Гай, это нечистое дело. Они нас обманули, Гай...

Он стянул с себя сапоги и комбинезон, свернул всё в узел и остался таким, каким Гай увидел его впервые на<sup>145</sup> южной границе — почти голым и теперь даже без обуви, в одних серебристых трусах. Он подошёл к машине и положил узел на радиатор. Гай ужаснулся. Он посмотрел на господина ротмистра и ужаснулся ещё больше.

144 Богаделенник, богадельник, богадельница, богадельщик, богадельщица, божедом, божедомка — убогие, призренные в богадельне. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

145 В оригинале «не». (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— Господин ротмистр! — закричал он. — Не надо! Он сошёл с ума! Он опять...

— Кандидат Сим! — каркнул господин ротмистр, держа руку на кобуре. — Немедленно садитесь в машину! Вы арестованы.

— Нет, — сказал Мак. — *Это вам только кажется. Я свободен. Я пришёл за Гаем. Гай, пошли! Они тебя надули. Они — грязные люди. Раньше я сомневался, теперь я уверен. Пошли.*

Гай замотал головой. Он хотел что-то сказать, что-то объяснить, но не было времени и не было слов. Господин ротмистр вытащил пистолет.

— Кандидат Сим! В машину! — каркнул он.

— Ты идёшь? — спросил Мак.

Гай снова замотал головой. Он смотрел на пистолет в руке господина ротмистра и думал только об одном, и знал только одно: *Мака сейчас убьют.* И он не понимал, что надо делать.

— Ладно, — сказал Мак. — Я тебя найду. Я всё узнаю и найду тебя. Тебе здесь не место... Поцелуй Раду, до свидания.

Он повернулся и пошёл, также легко ступая по каменному крошеву босыми ногами, как и в сапогах, а Гай, трясаясь, словно в лихорадке, немо смотрел на его широкую треугольную спину и ждал выстрела и чёрной дырки под левой лопаткой.

— Кандидат Сим, — сказал господин ротмистр, не повышая голоса. — Приказываю вернуться. Буду стрелять.

Мак остановился и снова повернулся к нему.

— Стрелять? — сказал он. — В меня? За что? Впрочем, это неважно... Дайте сюда пистолет.

Господин ротмистр, держа пистолет у бедра, навёл дуло на Мака.

— Я считаю до трёх, — сказал он. — Садись в машину, кандидат. *Раз!*

— А ну, дайте сюда пистолет, — сказал Мак, протягивая руку и направляясь к господину ротмистру.

— *Два!* — сказал господин ротмистр.

— Не надо! — крикнул Гай.

Господин ротмистр выстрелил. Мак был уже близко. Гай видел, как пуля попала ему в плечо и как он отшатнулся, словно налетел на препятствие.

— Глупец, — сказал Мак. — Дайте сюда оружие, злобный глупец...

Он не остановился, он всё шёл на господина ротмистра, протянув руку за оружием, и из дырки на плече вдруг толчком выплеснулась кровь. А господин ротмистр, издавши странный скрипящий звук, попятился и очень быстро выстрелил три раза подряд прямо в широкую коричневую грудь. Мака отбросило, он упал на спину, сейчас же вскочил, снова упал, приподнялся, и господин ротмистр, присев от напряжения, выпустил в него ещё три пули. Мак перевалился на живот и застыл.





У Гая всё поплыло перед глазами, и он опустился на подножку машины. Нόги его не держали. В ушах его всё ещё звучал отвратительный плотный хруст, с которым пули входили в тело этого странного и любимого человека. Потόм он опомнился, но ещё некоторое время сидел, не рискуя подняться на нόги.

Коричневое тело Мака лежало среди бело-розовых камней и само было неподвижно, как камень. Господин ротмистр стоял на прежнем месте и, держа пистолет наготове, курил, жадно затягиваясь. На Гая он не смотрел. Потόм он докурил до конца, до самых губ, обжигаясь, отбросил окуроч и сделал два шага в сторону убитого. Но уже второй шаг был очень короткий. Господин ротмистр Чачу так и не решился подойти вплотную. Он произвёл контрольный выстрел с десяти шагов. Он промахнулся. Гай видел, как каменная пыль брызнула рядом с головой Мака.

— Массаракш, — прошипел господин ротмистр и принялся засовывать пистолет в кобуру. Он засовывал пистолет долго, а потόм никак не мог застегнуть кобуру, а потόм подошёл к Гаю, взял его искалеченной рукой за мундир на груди, рывком поднял и, громко дыша в лицо, проговорил, растягивая слова, как пьяный:

— Ладно, ты останешься капралом. Но в Гвардии тебе делать нечего... Напишешь рапорт о переводе в армию. Полежай в машину.

## «Как-то скверно здесь пахнет...»

— Как-то скверно здесь пахнет, — сказал Папа.

— Правда? — сказал Свёкор. — А я не чувствую.

— Пахнет, пахнет, — сказал Деверь брюзгливо. — Тухлятиной какой-то. Как на помойке...

— Стены, должно быть, сгнили, — решил Папа.

— Вчера я видел новый танк, — сказал Тесть. — «Вампир». Идеальная герметика. Термический барьер до тысячи градусов...

— Они, наверное, ещё при покойном императоре сгнили, — сказал Папа, — а после переворота ремонта не было...

— Утвердил? — спросил Тестя Шурин.

— Утвердил, — сказал Тесть.

— А когда на конвейер? — спросил Шурин.

— Уже, — сказал Свёкор. — Десять машин в сутки.

— С вашими танкам скоро без штанов останемся, — брюзгливо сказал Деверь.

— Лучше без штанов, чем без танков, — возразил Тесть.

— Как был ты полковником, — сварливо сказал ему Деверь, — так и остался. Всё бы тебе в танки играть...

— Что-то у меня зуб ноет, — сказал Папа задумчиво. — Странник, неужели так трудно изобрести безболезненный способ лечения зубов?

— Можно подумать, — сказал Странник.





— Ты лучше подумай о тяжёлых системах, — сердито сказал Шурин.

— Можно подумать и о тяжёлых системах, — сказал Странник.

— Давайте сегодня не будем говорить о тяжёлых системах, — предложил Папа. — Давайте считать, что это несвоевременно.

— А по-моему,<sup>146</sup> очень своевременно, — возразил Шурин. — Пандейцы перебросили на хонтийскую границу ещё одну дивизию.

— Какое тебе до этого дело? — брюзгливо спросил Деверь.

— Самое прямое, — ответил Шурин. — Я прикидывал такой вариант: пандейцы вмешиваются в хонтийскую кашу, быстренько ставят там своего человека, и мы имеем объединённый фронт — пятьдесят миллионов против наших сорока.

— Я бы большие деньги дал, чтобы они вмешались в хонтийскую кашу, — сказал Деверь. — Это вы все воображаете, что раз каша — так уже и кушать можно... А я говорю: *кто Хонти тронет, тот и проиграл*.

— Смотря как трогать, — негромко сказал Свёкор. — Если деликатно, небольшими силами, да не увязать — тронул и отскочил, как только они там перестанут ссориться... и при этом успеть раньше пандейцев...

— В конце концов что нам нужно? — сказал Тесть. — Либо объединённые хонтийцы, без этой своей гражданской каши, либо наши хонтийцы, либо мёртвые хонтийцы... В любом случае без вторжения не обойтись. Договоримся о вторжении, а прочее — уже детали... На каждый вариант уже готов свой план.

— Тебе обязательно надо нас без штанов пустить, — сказал Деверь. — Тебе — пусть без штанов, лишь бы с орденами... Зачем тебе объединённая Хонти, если можно иметь разъединённую Пандею?

— Приступ детективного бреда, — заметил Шурин, ни к кому не обращаясь.

— Не смешно, — сказал Деверь. — Я нереальных вариантов не предлагаю. Если я говорю, значит, у меня есть основания.

— Вряд ли у тебя могут быть серьёзные основания, — мягко сказал Свёкор. — Просто тебя соблазняет дешевизна решения, я тебя понимаю, только северную проблему малыми средствами не решить. Там ни путчами, ни переворотами не обойдёшься. Деверь, который был до тебя, разъединил Хонти, а теперь нам приходится опять объединять... *Путчи — путчами, а так можно и до революции доиграться. У них ведь не так, как у нас*.

— А ты что молчишь, Умник? — спросил Папа. — Ты ведь у нас умник.

— Когда говорят отцы, благоразумным детям лучше помалкивать, — ответил Умник, улыбаясь.

— Ну, говори, говори, будет тебе.

— Я не политик, — сказал Умник. Все засмеялись, Тесть даже подавился. — Право, господа, здесь нет ничего смешного... Я действительно всего лишь узкий специалист. И как таковой, могу только сообщить, что по моим данным армейское офицерство настроено в пользу войны...

146 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— Вот как? — сказал Папа, пристально на него глядя. — И ты туда же?

— Прости, Папа, — горячо сказал Умник. — Но сейчас, по-моему, очень выгодный момент для вторжения: перевооружение армии заканчивается...

— Хорошо, хорошо, — сказал Папа добродушно. — Я потом с тобой об этом побеседую.

— Нет никакой необходимости с ним потом беседовать, — возразил Свёкор. — Здесь все свои, а специалист обязан высказывать своё мнение. На то мы его и держим.

— Кстати, о специалистах, — сказал Папа. — Почему я не вижу Дергунчика?

— Дергунчик инспектирует горный оборонительный пояс, — сказал Тесть. — Но его мнение и так известно. Бойтся за армию, как будто это его собственная армия...

— Да, — сказал Папа. — Горы — это серьёзно... Шурин, это *ты* мне говорил, что в Гвардии обнаружили горского шпиона? ... Да, господа мои, Север — Севером, а на востоке висят ещё горы, а за горами океан... С Севером мы как-нибудь управимся... воевать хотите — что же, можно и повоевать, хотя... На сколько нас хватит, Странник?

— Дней на десять, — сказал Странник.

— Ну, что же, дней пять-шесть можно повоевать...

— План глубокого вторжения, — сказал Тесть, — предусматривает разгром Хонти в течение восьми суток.

— Хороший план, — сказал Папа одобрительно. — Ладно, так и решим... Ты, кажется, против, Странник?

— Меня это не касается, — сказал Странник.

— Ладно, — сказал Папа. — Побудь против... Что ж, Деверь, присоединимся к большинству?

— А! — сказал Деверь с отвращением. — Делайте, как хотите... Революции он испугался...

— Папа! — сказал Свёкор торжественно. — Я знал, что ты будешь с нами!

— А как же! — сказал Папа. — Куда я без вас? ... Помнится, были у меня в Хонтийском генерал-губернаторстве какие-то рудники... медные... Как они там сейчас, интересно? ... Да, Умник! А ведь,<sup>147</sup> наверное,<sup>148</sup> надо будет организовать общественное мнение. Ты уже наверное что-нибудь придумал, ты ведь у нас умник.

— Конечно, Папа, — сказал Умник. — Всё готово.

— Покушение какое-нибудь? Или нападение на башни? Иди-ка ты прямо сейчас и подготовь мне к ночи материалы, а мы здесь обсудим сроки...

Когда дверь за Умником закрылась, Папа сказал:

147 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

148 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— Ты что-то хотел сообщить нам о Волдыре, Странник?

## Часть третья. Террорист

### 9.

Сопровождающий негромко сказал: «Ждите здесь» и ушёл, — скрылся между кустами и за деревьями. Максим сел на пенёк посередине полянки, засунул руки глубоко в карманы брезентовых штанов и стал ждать. Лес был старый, запущенный, подлесок душил его, от древних морщинистых стволов несло трухлявой гнилью. Было сыро. Максим ёжился, он чувствовал дурноту, хотелось посидеть на солнышке, погреть плечо. В кустах неподалёку кто-то был, но Максим не обращал внимания — за ним следили от самого посёлка, и он ничего не имел против. Странно было бы, если бы они поверили сразу же.

Сбоку на полянку вышла маленькая девочка в огромной залатанной кофте и с корзинкой на руке. Она уставилась на Максима и так, не отрывая от него любопытных глаз, прошла мимо, спотыкаясь и путаясь в траве. Какой-то зверёк вроде белки мелькнул между кустами, взлетел на дерево, глянул вниз, испугался и исчез. Было тихо, только где-то далеко стучала неровным стуком машина — резала тростник на озере.

Человек в кустах не уходил — буравил спину недобрым взглядом. Это было неприятно, но надо привыкать. Теперь всегда будет так. Обитаемый остров ополчился на него, стрелял в него, следил за ним, не верил ему. Максим задремал. Последнее время он часто задрёмывал в самые неподходящие моменты. Засыпал, просыпался, опять засыпал. Он не пытался с этим бороться: так хотел организм, а ему виднее. Это пройдёт, только не надо сопротивляться.

Зашуршали шаги, и сопровождающий сказал: «Идите за мной». Максим поднялся, не вынимая рук из карманов, и пошёл за ним, глядя на его ноги в мягких мокрых сапогах. Они углубились в лес и принялись ходить, описывая круги и сложные петли, постепенно приближаясь к какому-то жилью, до которого от полянки напрямик было совсем близко. Потом сопровождающий решил, что он достаточно запутал Максима, и полез напрямик через бурелом, причём, как человек городской, производил много шума и треска, так что Максим даже перестал слышать шаги того человека, который крался следом.

Когда бурелом кончился, Максим увидел за деревьями лужайку и покосившийся бревенчатый дом с заколоченными окнами. Лужайка заросла высокой травой, но Максим видел, что здесь ходили — и совсем недавно, и давно. Ходили осторожно, стараясь каждый раз подойти к дому другим путём. Сопровождающий открыл скрипучую дверь, и они вошли в тёмные затхлые сени. Человек, который шёл следом, остался снаружи.





Сопровождающий отвалил крышку погреба и сказал: «Идите сюда, осторожнее...» Он плохо видел в темноте. Максим спустился по деревянной лестнице.

В погребе было тепло, сухо, здесь были люди, они сидели вокруг деревянного стола и смешно тарасились, пытаясь разглядеть Максима. Пахло свежепогашенной свечой<sup>149</sup>. По-видимому, они не хотели, чтобы Максим видел их лица. Максим узнал только двоих: Орди, дочь старой Илли Тадер, и толстого Мемо Грамену, сидевшего у самой лестницы с пулемётом на коленях. Вверху тяжело грохнула крышка люка, и кто-то сказал:

— Кто вы такой? Расскажите о себе.

— Можно сесть? — спросил Максим.

— Да, конечно. Идите сюда, на мой голос. Наткнётесь на скамью.

Максим сел за стол и обвёл глазами соседей. За столом,<sup>150</sup> кроме него,<sup>151</sup> было четверо. В темноте они казались серыми и плоскими, как на старинной фотографии. Справа сидела Орди, а говорил плотный широкоплечий человек, сидевший напротив. Он был неприятно похож на ротмистра Чачу.

— Рассказывайте, — повторил он.

Максим вздохнул. Ему очень не хотелось начинать знакомство прямо с вранья, но делать было нечего.

— Своего прошлого я не знаю, — сказал он. — Говорят, я горец. Может быть. Не помню... Зовут меня Максим, фамилия — Каммерер. В Гвардии меня звали Мак Сим. Помню себя с того момента, когда меня задержали в лесу у Голубой Змеи...

С враньём было покончено, и дальше дело пошло легче. Он рассказывал, стараясь быть кратким и в то же время не упустить то, что казалось ему важным.

— ... Я отвёл их как можно дальше вглубь карьера, велел им бежать, а сам не торопясь вернулся. Тогда ротмистр расстрелял меня. Ночью я пришёл в себя, выбрался из карьера и вскоре набрёл на пастбище. Днём я прятался в кустах и спал, а ночью подбирался к коровам и пил молоко. Через несколько дней мне стало лучше. Я взял у пастухов какое-то тряпье, добрался до посёлка Утки и нашёл там Илли Тадер. Остальное вам известно.

Некоторое время все молчали. Потом человек деревенского вида, с длинными волосами до плеч, сказал:

— Не понимаю, как это он не помнит прошлой жизни. По-моему, так не бывает. Пусть вот Доктор скажет.

— Бывает, — коротко сказал Доктор. Он был худой, заморенный и вертел в руках трубку. Видимо, ему очень хотелось курить.

— Почему вы не бежали вместе с приговорённым? — спросил широкоплечий.

149 В оригинале вдруг явно ошибочное «свечей». (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

150 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

151 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— Там оставался Гай, — сказал Максим. — Я надеялся, что Гай пойдёт со мной... — Он замолчал, вспоминая бледное потерянное лицо Гая и страшные глаза ротмистра, и горячие толчки в грудь и живот, и ощущение бессилия и обиды. — Это, конечно, была глупость, — сказал он. — Но тогда я этого не понимал.

— Вы принимали участие в операциях? — спросил позади грузный Мемо.

— Я уже рассказывал.

— Повторите!

— Я принимал участие в одной операции, когда были захвачены Кетшеф, Орди, вы и ещё двое, не назвавших себя. Один из них был с искусственной рукой, профессиональный революционер.

— Как же вы объясняете такую поспешность вашего ротмистра? Ведь для того, чтобы кандидат получил право на испытание кровью, ему нужно сначала принять участие по меньшей мере в трёх операциях.

— Не знаю. Я знаю только, что он мне не доверял. Я сам не понимаю, почему он послал меня расстреливать...

— А почему он, собственно, стрелял в вас?

— По-моему, он испугался. Я хотел отобрать у него пистолет...

— Не понимаю я, — сказал человек с длинными волосами. — Ну,<sup>152</sup> не доверял он вам. Ну, для проверки послал казнить...

— Подождите, Лесник, — сказал Мемо. — Это всё разговоры. Доктор, на вашем месте я бы его осмотрел. Что-то я не очень верю в эту историю с ротмистром.

— Я не могу осматривать в темноте, — раздражённо сказал Доктор.

— А вы зажгите свет, — посоветовал Максим. — Всё равно я вас вижу.

Наступило молчание.

— Как так — *видите?* — спросил широкоплечий.

Максим пожал плечами.

— Вижу, — сказал он.

— Что за вздор, — сказал Мемо. — Ну, что я сейчас делаю, если вы видите?

Максим обернулся.

— Вы наставили на меня... то есть<sup>153</sup>, это вам кажется, что на меня, а на самом деле на Доктора... ручной пулемёт. Вы — Мемо Грамену, я вас знаю. На правой щеке у вас царапина, раньше её не было.

152 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

153 В оригинале «то-есть» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— Нокталопия<sup>154</sup>, — проворчал Доктор. — Давайте зажигать свет. Глупо. Он нас видит, а мы его не видим. — Он нащупал перед собой спички и стал чиркать одну за другой. Они ломались.

— Да, — сказал Мемо. — Конечно, глупо. Отсюда он выйдет либо нашим, либо не выйдет совсем.

— Позвольте-ка... — Максим протянул руку, отобрал у Доктора спички и зажёл свечу.

Все зажмурились, прикрывая ладонью глаза. Доктор немедленно закурил.

— Раздевайтесь, — сказал он, треща трубкой.

Максим стянул через голову брезентовую рубаху. Все уставились на его грудь. Доктор выбрался из-за стола, подошёл к Максиму и принялся вертеть его в разные стороны, ощупывая крепкими холодными пальцами. Было тихо. Потом длинноволосый сказал с каким-то сожалением:

— Красивый мальчик. Сын у меня был... тоже...

Ему никто не ответил, он тяжело поднялся, пошарил в углу, с трудом поднял и водрузил на стол большую оплетённую бутыл. Потом выставил три кружки.

— Можно будет по-очереди, — объяснил он. — Ежели кто хочет покушать, то сыр найдётся. И лук...

— Погодите, Лесник, — раздражённо сказал широкоплечий. — Отодвиньте бутылку, мне ничего не видно... Ну, что, Доктор?

Доктор ещё раз прошёлся по Максиму холодными пальцами, окутался дымом и сел на своё место.

— Налей-ка мне, Лесник, — сказал он. — Такие обстоятельства надобно запить... Одевайтесь, — сказал он Максиму. — И не улыбайтесь, как майская роза. У меня будет к вам несколько вопросов.

Максим оделся. Доктор отхлебнул из кружки, сморщился и спросил:

— Когда, говорите, в вас стреляли?

— Сорок семь дней назад.

— Из чего, вы говорите, стреляли?

— Из пистолета. Из армейского пистолета.

Доктор снова отхлебнул, снова сморщился и проговорил, обращаясь к широкоплечему:

— Я бы голову дал на отсечение, что в этого молодчика действительно стреляли из армейского пистолета, причём с очень короткой дистанции, но не сорок семь дней назад, а по меньшей мере сто сорок семь... Где пули? — спросил он вдруг Максима.

— Они вышли, и я их выбросил.

154 Очевидно, выдуманный термин. В реальности существует нустало́пия, никтало́пия, гемерало́пия — куриная, ночная слепота (неспособность различать окружающие предметы при сумеречном свете или в ночное время), а ещё нустофи́лия, scotophília, никтофи́лия — склонность к ночи или темноте (похоже, именно она и подразумевается, хотя и в несколько расширенном смысле). (прим. ред. Alex.Rus.UA)





— Слушайте, как вас... Мак! Вы врётё. Признайтесь, как вам *это* сделали?

Максим покусал губу.

— Я говорю правду. Вы просто не знаете, как у нас быстро заживают раны. Я не вру. — Он помолчал. — Впрочем, меня легко проверить. Разрежьте мне руку. Если надрез будет неглубокий, я затяну его за<sup>155</sup> десять-пятнадцать минут.

— Это правда, — сказала Орди. Она заговорила впервые за всё время. — Это видела я сама. Он чистил картошку и обрезал палец. Через полчаса остался только белый шрам, а на другой день вообще уже ничего не было. Я думаю, он действительно горец. Гэл рассказывал про древнюю горскую медицину, они умеют заговаривать раны.

— Ах, горская медицина... — сказал Доктор, снова окутываясь дымом. — Ну, что же, предположим. Правда, порезанный палец — это одно, а семь пуль в упор — это другое, но — предположим... То, что раны заросли так поспешно, — не самое удивительное. Я хотел бы, что бы мне объяснили другое. В молодом человеке семь дыр. И если эти дыры были действительно проделаны настоящими пистолетными пулями, то,<sup>156</sup> по крайней мере,<sup>157</sup> четыре из них — каждая в отдельности, заметьте! — были смертельными.

Лесник охнул и молитвенно сложил рúки.

— Какого чёрта? — сказал широкоплечий.

— Нет уж, вы мне поверьте, — сказал Доктор. — Пуля в сердце, пуля в позвоночнике и две пули в печени. Плюс к этому — общая потеря крови. Плюс к этому — неизбежный сепсис. Плюс к этому — отсутствие каких бы то ни было следов квалифицированного врачебного вмешательства. Массаракш, хватило бы и одной пули в сердце!

— Что вы *на это* скажете? — сказал широкоплечий Максиму.

— Он ошибается, — сказал Максим. — Он всё верно определил, но он ошибается. Для нас эти раны не смертельны. Вот если бы ротмистр попал мне в голову... но он не попал... Понимаете, Доктор, вы даже представить себе не можете, какие это жизнеспособные органы — сердце, печень — в них же полно крови...

— Н-да, — сказал Доктор.

— Одно мне ясно, — проговорил широкоплечий. — Вряд ли они бы направили к нам такую грубую работу. Они же знают, что среди нас есть врачи.

Наступило длительное молчание. Максим терпеливо ждал. А я бы поверил? — думал он. Я бы, наверно, поверил. Но я вообще, кажется, слишком легковверен для этого мира. Хотя уже не так легковверен, как раньше. Например, мне не нравится Мемо. Он всё время чего-то боится. Сидит с пулемётom среди своих и чего-то боится. Странно. Впрочем, он, наверно, боится меня. Наверное, он боится, что я отберу у него пулемёт и опять вывихну ему пальцы. Что ж, может быть, он прав. Я больше не позволю в себя стрелять. Это слишком гадко, когда в тебя стреляют... Он

155 В оригинале малопрigодное «на». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

156 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

157 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





вспомнил ледяную ночь в карьере, мёртвое фосфоресцирующее небо, холодную липкую лужу, в которой он лежал. *Нет, хватит. С меня хватит... Теперь лучше я буду стрелять сам...*

— Я ему верю, — сказала вдруг Орди. — У него концы с концами не сходятся, но это просто потому, что он странный человек. Такую историю нельзя придумать, это было бы слишком нелепо. Если бы я ему не верила, я бы, услышав такую историю, сразу бы его застрелила. Он же громоздит нелепость на нелепость. Не бывает таких провокаторов, товарищи... Может быть, он сумасшедший. Это может быть... Но не провокатор... Я за него, — добавила она, помолчав.

— Хорошо, Птица, — сказал широкоплечий. — Помолчи пока... Вы проходили комиссию в Департаменте общественного здоровья? — спросил он Максима.

— Да.

— Вас признали годным?

— Конечно.

— Без ограничений?

— В карточке было написано просто: «*годен*».

— Что вы думаете о Боевой Гвардии?

— Теперь я думаю, что это безмозглое оружие в чьих-то руках. Скорее всего — в руках этих пресловутых Неизвестных Отцов. Но я ещё многого не понимаю.

— А что вы думаете о Неизвестных Отцах?

— Я думаю, что это верхушка военной диктатуры. То, что я о них знаю — очень противоречиво. Может быть, их цели даже благородны, но средства... — Максим покачал головой.

— Что вы думаете о вырождаках?

— Думаю, что термин неудачен. Думаю, что вы — заговорщики. Цели ваши представляю довольно смутно. Но мне понравились люди, которых я видел сам. Все они показались мне честными и... как бы это сказать... не оболваненными, действующими сознательно.

— Так, — сказал широкоплечий. — У вас бывают боли?

— В голове? Нет, не бывают.

— Зачем об этом спрашивать? — сказал Лесник. — Если бы были, он бы здесь не сидел.

— Вот я и хочу понять, *зачем* он здесь сидит, — сказал широкоплечий. — Зачем вы пришли к нам? Вы хотите участвовать в нашей борьбе?

Максим покачал головой.

— Я бы так не сказал. Это была бы неправда. *Я хочу разобраться.* Сейчас я скорее с вами, чем с ними, но ведь и о вас я знаю слишком мало.

Все переглянулись.





— У нас так не делается, милый, — сказал Лесник. — У нас так: либо ты наш, и тогда на тебе оружие и иди воевать. Либо ты, значит, не наш, и тогда извини, тогда мы тебя... сам понимаешь... куда тебя — в голову надо, да?

Опять наступило молчание. Доктор тяжело вздохнул и выколотил трубку о скамью.

— Редкий и тяжёлый случай, — объявил он. — У меня есть предложение. Пусть он нас поспрашивает... У вас же есть вопросы, не так ли, Мак?

— Да, я пришёл спрашивать, — отозвался Максим.

— У него много вопросов, — подтвердила Орди, усмехаясь. — Он матери жить не давал вопросами. Да и ко мне приставал.

— Задавайте, — сказал широкоплечий. — А вы, Доктор, будете отвечать. А мы послушаем.

— Кто такие Известные Отцы и чего они хотят? — начал Максим.

Все зашевелились, очевидно, этого вопроса они не ждали.

— Известные Отцы, — сказал Доктор, — это анонимная группа наиболее опытных интриганов, остатки партии путчистов, сохранившиеся после двадцатилетней борьбы за власть между военными, финансистами и политиками. У них две цели, одна — главная, другая — основная. Главная — удержаться у власти. Основная — получить от этой власти максимум удовлетворения. Среди них есть и незлые люди, они получают удовлетворение от сознания того, что они — благодетели народа. Но в большинстве своём это хапуги, сибариты, садисты, и все они властолюбивы... Вы удовлетворены?

— Нет, — сказал Максим. — Вы мне просто сказали, что они — *тираны*. Это я и так подозревал... Их экономическая программа? Их идеология? Их база, на которую они опираются? ...

Все опять переглянулись. Лесник, раскрыв рот, смотрел на Максима.

— Экономическая программа... — сказал Доктор. — Вы слишком много от нас хотите. Мы не теоретики, мы — практики... Вот на кого они опираются, это я могу вам сказать. На штыки. На невежество. На усталость нации. Справедливого общества они не построят, они и думать об этом не желают... Да нет у них никакой экономической программы, ничего у них нет, кроме штыков, и ничего они не хотят, кроме власти... *Для нас важнее всего то, что они хотят нас уничтожить. Собственно говоря, мы боремся за свою жизнь...* — Он стал раздражённо набивать трубку.

— Я не хотел никого обидеть, — сказал Максим. — Я просто хочу разобраться. Тирания, властолюбие... Само по себе это ещё мало что значит. — Он бы с удовольствием изложил Доктору основы теории исторических последовательностей, но у него не хватало слов. И без того ему временами приходилось переходить на русский. — Ладно. Но вот вы сказали — *справедливое общество*. Это что такое? И чего хотите вы? К чему вы стремитесь, кроме сохранения жизни? И кто вы?

Трубка Доктора шуршала и трещала, тяжёлый смрад распространялся от неё по подвалу.







— Дайте мне, — сказал вдруг Лесник. — Дайте я ему скажу... Мне дайте... Ты, мил-человек, того... Не знаю, как там у вас в горах, а у нас тут люди любят жить. Как это так — кроме, говорит, сохранения жизни? А мне, может быть, кроме этого ничего и не надо! ... Ты что полагаешь — этого мало? Ишь ты, какой храбрый нашёлся! Ты поживи-ка в подвале, когда у тебя дом есть, жена, семья, и все от тебя отреклось... Ты это брось!

— Подождите, Лесник, — сказал широкоплечий.

— Нет, это пусть он подождёт! Ишь ты, какой нашёлся! Общество ему подавай, базу всякую...

— Подожди, дядя, — сказал Доктор. — Не сердись. Видишь,<sup>158</sup> человек ничего не понимает... Видите ли, — сказал он Максиму, — наше движение очень разнородно. Какой-то единой политической программы у нас нет, да и быть не может: *все мы убиваем, потому что убивают нас*. Это надо понять. Вы это поймите. Все мы — смертники, шансов выжить у нас немного. И всю политику у нас заслоняет по существу биология. Выжить — вот главное. Тут уж не до базы. Так что если вы явились с какой-нибудь социальной программой, ничего у вас не выйдет.

— В чём же дело? — спросил Максим.

— Нас считают вырожденками. Откуда это пошло — теперь и не вспомнишь. Но сейчас Неизвестным Отцам выгодно нас травить, это отвлекает народ от внутренних проблем, от коррупции финансистов, загребавших деньги на военных заказах и на строительстве башен. Если бы нас не было, Отцы бы нас изобрели...

— Это уже нечто, — сказал Максим. — Значит, в основе всего опять же деньги. Значит, Отцы служат деньгам. Кого они ещё прикрывают?

— Отцы никому не служат. Они сами — деньги. Они — всё. И они, между прочим, ничто, потому что они анонимны и всё время жрут друг друга... Ему бы с Вепрем поговорить, — сказал он широкоплечему. — Они бы нашли общий язык.

— Хорошо, об Отцах я поговорю с Вепрем. А сейчас...

— С Вепрем вы уже не поговорите, — сказал Мемо злобно. — Вепря расстреляли.

— Это тот однорукий, помните? — пояснила Орди. — Вы же должны его помнить...

— Я помню, — сказал Максим. — Но его не расстреляли. Его приговорили к воспитательным работам.

— Не может быть, — сказал широкоплечий. — Вепря? К каторге?

— Да, — сказал Максим. — Гэла Кетшефа — к смертной казни, Вепря — к воспитательным работам... к каторге, а ещё одного, который не назвал своего имени, забрал к себе штатский. По-видимому,<sup>159</sup> в контрразведку.

И снова все замолчали. Доктор хлебнул из кружки. Широкоплечий сидел, опершись головой на руки. Лесник, горестно побряхтывая, с жалостью глядел на Орди. Орди, сжав губы, смотрела в стол. Это было горе, и Максим жалел, что заговорил на эту тему. Это было настоящее горе, и

158 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

159 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





только Мемо в углу не столько горевал, сколько боялся... Таким нельзя поручать пулемёт, мельком подумал Максим. Он нас тут всех перестреляет.

— Ну, хорошо, — сказал широкоплечий. — У вас есть ещё вопросы?

— У меня много вопросов, — медленно сказал Максим. — Но я боюсь, что все они в той или иной степени бестактны.

— Что ж, давайте бестактные.

— Хорошо, последний вопрос. Причём здесь башни ПБЗ? Почему они вам мешают?

Все неприятно засмеялись.

— Вот дурак, — сказал Лесник. — А туда же — базу ему подавай...

— Это не ПБЗ, — сказал Доктор. — Это наше проклятие. Они изобрели излучение, при помощи которого создали понятие о выродке. Большинство людей — вот и вы, например, — не замечают этого излучения, словно бы его и нет. А несчастное меньшинство из-за каких-то особенностей своего организма испытывают при облучении адские боли. Некоторые из нас — таких единицы — могут терпеть эту боль, другие не выдерживают, кричат, третьи теряют сознание, а четвёртые сходят с ума и умирают... А башни — это не противобаллистическая защита, такой защиты вообще не существует, она не нужна, потому что ни Хонти, ни Пандея не имеют баллистических снарядов и авиации... им вообще не до этого, там уже четвёртый год идёт гражданская война... Так вот, эти башни — это излучатели. Они включаются два раза в сутки по всей стране — и нас отлавливают, пока мы валяемся беспомощные от боли. Плюс ещё установки локального действия на патрульных автомобилях... плюс самоходные излучатели... плюс нерегулярные лучевые удары по ночам... Нам негде укрыться, экранов не существует, мы сходим с ума, стреляемся, делаем глупости от отчаяния, вымираем...

Доктор замолчал, схватил кружку и залпом осушил её. Потом он принялся яростно раскуривать свою трубку, лицо у него подёргивалось.

— Да-а, жили — не тужили, — с тоской сказал Лесник. — Гады, — добавил он, помолчав.

— Ему это бессмысленно рассказывать, — сказал вдруг Мемо. — Он же не знает, что это такое. Он понятия не имеет, что это значит — ждать каждый день очередного сеанса...

— Хорошо, — сказал широкоплечий. — Не имеет понятия — значит, и говорить не о чём. Птица высказалась за него. Кто ещё — за и против?

Лесник открыл было рот, но Орди опередила его.

— Я хочу объяснить, почему я — за. Во-первых, я ему верю. Это я уже говорила, и это может быть, не так важно, это касается только меня. Но этот человек обладает способностями, которые могут быть полезны всем. Он умеет заживлять не только свои, но и чужие раны... Гораздо лучше вас, Доктор, не в обиду вам будет сказано...

— Какой я доктор, — сказал Доктор. — Я так — судебная медицина...

— Но это ещё не всё, — продолжала Орди. — Он умеет снимать боль.





— Как это? — спросил Лесник.

— Я не знаю, как он это делает. Он массирует виски, шепчет что-то, и боль проходит. Меня дважды схватывало у матери, и оба раза он мне помог. В первый раз не очень, но всё-таки я не потеряла сознания, как обычно. А во второй раз боли не было совсем...

И сразу всё переменялось. Только что они были судьями, только что они решали, как им казалось, вопрос его жизни и смерти, а теперь судьи исчезли, и остались измученные обречённые люди, которые вдруг ощутили надежду. Они смотрели на него, будто ждали, что он вот сейчас, немедленно снимет с них кошмар, терзавший их ежеминутно, каждый день и каждую ночь много лет подряд... Ну что же, подумал Максим, здесь я,<sup>160</sup> по крайней мере,<sup>161</sup> буду нужен не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы лечить... Но почему-то эта мысль не доставила ему никакого удовлетворения. Башни, думал он. Какая гадость... Это же надо было придумать. Надо быть сумасшедшим, надо быть садистом, чтобы это придумать...

— Вы действительно это умеете? — спросил Доктор.

— Что?

— Снимать боль...

— Снимать боль... Да.

— Как?

— Я не могу вам объяснить. У меня не хватит слов, а у вас не хватит знаний... Я не понимаю, разве у вас нет лекарств, каких-нибудь болезазитных препаратов?

— От этого не помогают никакие лекарства. Разве что в смертельной дозе.

— Слушайте, — сказал Максим. — Я, конечно, готов снимать боль... я постараюсь... Но это же не выход! Надо искать какое-нибудь массовое средство... У вас есть химики?

— У нас все есть, — сказал широкоплечий, — но это задача не решается, Мак. Если бы она решалась, государственный прокурор не мучался бы от боли, как и мы. Уж он-то раздобыл бы лекарство. А сейчас он перед каждым регулярным сеансом напивается и парится в горячей ванне.

— Государственный прокурор — выродок? — спросил Максим озадаченно.

— По слухам, — сказал широкоплечий сухо. — Но мы отвлеклись. Птица, ты закончила? Кто хочет ещё?

— погоди, Генерал, — сказал Лесник. — Это что же получается? Это же получается, что он наш благодетель? Ты и у меня можешь боль снимать? ... Да ведь этому человеку цены нет, я его из подвала не выпущу, у меня же, извиняюсь, такие боли, что терпеть невозможно... А может быть, он и порошки выдумает? Ведь выдумаешь, а? ... Нет, господа мои, товарищи, такого человека надо беречь...

160 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

161 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— То есть<sup>162</sup>, ты — за, — сказал Генерал.

— То есть<sup>163</sup>, я так — за, что ежели кто его тронет...

— Понятно. Вы, Доктор?

— Я был бы «за» и без этого, — проворчал Доктор, попыхивая трубкой. — У меня такое же впечатление, как у Птицы. Пока он ещё не наш, но он станет нашим, иначе быть не может. Им он,<sup>164</sup> во всяком случае,<sup>165</sup> никак не подходит. Слишком умён.

— Хорошо, — сказал Генерал. — Вы, Копыто?

— Я — за, — сказал Мемо. — Полезный человек.

— Ну что же, —<sup>166</sup> сказал Генерал. — Я тоже — за. Очень рад за вас, Мак. Вы — симпатичный парень, и мне было бы жалко убивать вас... — Он посмотрел на часы. — Давайте поедим, — сказал он. — Скоро сеанс, и Мак покажет нам своё искусство. Налейте ему пива, Лесник, и давайте на стол ваш хваленый сыр... Копыто, ступайте и подмените Зелёного — он не ел с утра.

## 10.

Последнее совещание перед операцией Генерал собрал в замке Двуглавой Лошади. Это были заросшие плющом и травой развалины загородного музея, разрушенного в годы войны, — место уединённое,<sup>167</sup> дикое, горожане не посещали его из-за близости малярийного болота, а у местного населения оно пользовалось дурной славой как пристанище воров и бандитов. Максим пришёл пешком вместе с Орди. Зелёный приехал на мотоцикле и привёз Лесника. Генерал и Мемо-Копыто уже ждали их в старой канализационной трубе, выходящей прямо на болото. Генерал курил, а мрачный Мемо остервенело отмахивался от комаров ароматической палочкой.

— Привёз? — спросил он Лесника.

— Обязательно, — сказал Лесник и вытащил из кармана тюбик репеллента. Все намазались, и Генерал открыл совещание.

Мемо расстелил схему и снова повторил ход операции. Всё это было уже известно наизусть. *В час ночи группа подползает с четырёх сторон к проволочному заграждению и закладывает удлиненные заряды. Лесник и Мемо действуют в одиночку — соответственно с севера и с запада. Генерал в паре с Орди — с востока, Максим в паре с Зелёным — с юга. Взрывы производятся одновременно ровно в час ноль-ноль, и сейчас же Генерал, Зелёный, Мемо и Лесник врываются в проходы, имея задачей добежать до капонира и забросать его гранатами. Как только огонь из капонира прекратится или ослабнет, Максим и Орди с магнитными минами подбегают к башне и подготавливают взрыв, предварительно*

162 В оригинале «То-есть» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

163 В оригинале «То-есть» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

164 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

165 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

166 В оригинале без тире после запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

167 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







*бросив в капонир ещё по две гранаты для страховки. Затем они включают запалы, забирают раненых — только раненых! — и уходят на восток через лес к просёлку, где возле межевого знака будет ждать Малыш с мотоциклом. Тяжело раненые грузятся в мотоцикл, легко раненые и здоровые уходят пешком. Место сбора — домик Лесника. Ждать на месте сбора не более двух часов, после чего уходить обычным порядком. Вопросы есть? Нет? У меня всё.*

Генерал бросил окуроч, полез за пазуху и извлёк пузырек с жёлтыми таблетками.

— Внимание, — сказал он. — По решению штаба план операции несколько меняется. Начало операции переносится на двадцать два ноль-ноль...

— Массаракш! — сказал Мемо. — Что ещё за новости!

— Не перебивайте, — сказал Генерал. — Ровно в двадцать два ноль-ноль начинается вечерний сеанс. За несколько секунд до этого каждый из нас примет по две таких таблетки. Далее всё по старому плану с одним исключением: Птица наступает как гранатомётчик вместе со мной. Все мины будут у Мака, башню подрывает он один.

— Это как же? — задумчиво сказал Лесник, разглядывая схему. — Это мне никак не понятно. Двадцать два часа — это же вечерний сеанс... Я же, извиняюсь, как лягу, так и не встану, пластом лежать буду... Меня, извиняюсь, колом не поднимешь...

— Одну минуту, — сказал Генерал. — Ещё раз повторяю: без десяти секунд десять все примут этот болеутолитель. Понимаете, Лесник? Болеутолитель примете. Таким образом, к десяти часам...

— Я эти пилюли знаю, — сказал Лесник. — Две минуты облегчения, а потом совсем в узел завяжешься... небо в овчинку... знаем, пробовали.

— Это новые пилюли, — терпеливо сказал Генерал. — Они действуют до пяти минут. Добежать до капонира и бросить гранаты мы успеем, а остальное сделает Мак.

Наступило молчание. Они думали. Туго соображающий Лесник со скрипом копался в волосах, отвесив нижнюю губу. Видно было, как идея медленно доходит до него, он часто заморгал, оставил в покое шевелюру, оглядел всех просветлевшим взглядом и, оживившись, хлопнул себя по коленям.

Чудесный дядька, добряк, с ног до головы исполосованный жизнью и ничего о жизни так и не узнавший. Ничего ему не надо было, и ничего он не хотел, кроме как чтобы оставили его в покое, дали бы вернуться к семье и сажать свеклу. Хорошие деньги до войны зарабатывал он на свекле, крепкий был хозяин, хоть и молодой, а войну провёл в окопах и пуще атомных снарядов боялся своего капрала, такого же мужика, но хитрого и большого подлеца. Максима он очень полюбил, век благодарен был, что залечил ему Максим старый свищ на голени, и с тех пор уверовал, что,<sup>168</sup> пока Максим тут, ничего плохого с ними случиться не может. Максим весь этот месяц ночевал у него в подвале, и каждый раз, когда укладывались спать, Лесник рассказывал Максиму сказку, одну и ту же, но с разными

168 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





концами: «А вот жила на болоте жаба, больша́я была дура, прямо даже никто не верил, и вот повадилась она, дура...» Никак не мог Максим вообразить его в кровавом деле, хотя говорили ему, что Лесник — боец умелый и беспощадный.

— Новый план даёт следующие преимущества, — говорил Генерал. — Во-первых, нас в это время не ждут. Преимущество внезапности. Во-вторых, прежний план разработан уже давно, и достаточно велика опасность, что противнику он известен. Теперь мы его опережаем. Вероятность успеха увеличивается...

Зелёный всё время одобрительно кивал. Хищное лицо его светилось злорадным удовольствием, ловкие длинные пальцы сжимались и разжимались. Он любил неожиданности — очень рискованный был человек. Прошное его было темно. Он был вор и, кажется, убийца, порождение чёрного послевоенного времени, сирота, шпана, ворами воспитанный, ворами вскормленный, ворами выбитый, сидел в тюрьме, бежал — нагло, неожиданно, как делал всё — попытался вернуться к своему вору, но времена переменились, дружки не потерпели выродка, хотели его выдать, но он отбилсЯ и снова бежал, скрывался по деревням, пока не нашёл его покойный Гэл Кетшеф. Он был умница, фантазёр, землю полагал плоской, небо твёрдым, и именно в силу своего невежества, взбадриваемого бурной фантазией, был единственным человеком на обитаемом острове, который, кажется, подозревал в Максиме не горца какого-то («Видал я этих горцев, во всех видах видал»), не странную игру природы («Мы от природы все везде одинаковые, что в тюрьме, что на воле»), а прямо-таки пришельца из невозможных мест, скажем, из-за небесной тверди. Открыто об этом он Максиму никогда не говорил, но намёки делал и относился к нему с почтением, переходящим в подхалимаж. «Ты у нас Батей станешь, — говорил он. — Вот тогда я под тобой развернусь...» Как и куда он собирался разворачиваться, было совершенно непонятно, но одно было ясно: очень любил Зелёный рискованные дела и терпеть не мог никакой работы. И ещё не нравилось в нём Максиму дикая его и первобытная жестокость. Это была та же пятнистая обезьяна, только приручённая, натасканная на панцирных волков.

— Мне это не нравится, — сказал Мемо утрюмо. — Это авантюра. Без подготовки, без проверки... Нет, мне это не нравится.

Ему никогда ничего не нравилось, этому Мемо Грамену по прозвищу Копыто Смерти. Его никогда ничто не удовлетворяло, и он всегда чего-то боялся. Прошное его скрывалось, потому что в подполье он сначала занимал весьма высокий пост. Потом он однажды попался в лапы контрразведки и выжил только чудом — изуродованный пытками был вытащен соседями по камере, устроившими побег. После этого, по законам подполья, его вывели из штаба, хотя он и не внушал никаких подозрений. Он был назначен помощником к Гэлу Кетшефу, дважды участвовал в нападениях на башни, лично уничтожил несколько патрульных машин, выследил и собственноручно застрелил командира одной из гвардейских бригад, был известен как человек фанатической смелости и отличный пулемётчик. Его уже собирались сделать руководителем группы в каком-то городке на юго-западе, но тут группа Гэла попалась. Подозрений Копыто по-прежнему





не вызывал, его даже назначили руководителем новой группы, но он, видимо, всё время чувствовал на себе косые взгляды, которых не было, но которые вполне могли бы быть: в подполье не жаловали людей, которым слишком везёт. Он был молчалив, придирчив, хорошо знал науку конспирации и требовал безусловного выполнения всех её правил, даже самых незначительных. На общие темы никогда ни с кем не говорил, занимался только делами группы и добился того, что у группы было всё — и оружие, и продукты, и деньги, и хорошая сеть явок, и даже мотоцикл. Максима он недолюбливал. Это чувствовалось, и Максим не знал — почему, а спрашивать ему не хотелось: Мемо был не из тех людей, с кем приятно откровенничать. Может быть, всё дело было в том, что Максим единственный чувствовал его вечный страх — остальным и в голову не могло прийти, что угрюмый Копыто Смерти, запросто разговаривающий с любимыми представителями штаба, один из зачинателей подполья, террорист до мозга костей, может чего-либо бояться.

— Мне непонятны резоны штаба, — продолжал Мемо, с отвращением размазывая по шее новую порцию репеллента. — Я знаю этот план сто лет. Сто раз его хотели испытать и сто раз отказывались, потому что это почти верная гибель. Пока нет излучения, мы ещё имеем шанс,<sup>169</sup> в случае неудачи,<sup>170</sup> хотя бы улизнуть и попробовать ударить снова в другом месте. Здесь — первая же неудача, и все мы погибли.

— Ты не совсем прав, Копыто, — возразила Орди. — Теперь у нас есть Мак. Если что-нибудь и не получится, он сумеет нас вытащить и,<sup>171</sup> может быть,<sup>172</sup> даже сумеет взорвать башню.

Она лениво курила, глядя вдаль, на болото, сухая, спокойная, ничему не удивляющаяся и ко всему готовая. Она вызывала у людей робость, потому что видела в них только более или менее подходящие механизмы истребления. Она вся была как на ладони — ни в прошлом её, ни в настоящем, ни в будущем не было тёмных и туманных пятен. Происходила она из интеллигентной семьи, отец погиб на войне, мать и сейчас работала учительницей в посёлке Утки, и сама Орди работала учительницей до тех пор, пока её не выгнали из школы, как выроodka. Она скрывалась, пыталась бежать в Хонти, встретила на границе Гэла, переправлявшего оружие, и он сделал её террористкой. Сначала она работала из чисто идейных соображений — боролось за справедливое общество, где каждый волен думать и делать, что хочет и может, но семь лет назад контрразведка напала на её след и забрала её ребёнка заложником, чтобы заставить её выдать себя и мужа. Штаб не разрешил ей явиться, она слишком много знала, о ребёнке она больше ничего не слышала, считала его мёртвым, хотя втайне не верила этому, и вот уже семь лет ею двигала прежде всего ненависть. Сначала ненависть, а потом уже изрядно потускневшая мечта о справедливом обществе. Потерю мужа она пережила удивительно спокойно, хотя очень любила его. Вероятно,<sup>173</sup> она просто задолго до ареста свыклась с

169 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

170 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

171 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

172 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

173 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))







мыслью, что ни за что в мире не следует держаться слишком крепко. Теперь она была как Гэл на суде — живым мертвецом, только очень опасным мертвецом.

— Мак — новичок, — мрачно сказал Мемо. — Кто поручится, что он не растеряется, оставшись один? Смешно на это рассчитывать. Смешно отвергать старый, хорошо рассчитанный план из-за того, что у нас есть новичок Мак. Я сказал и повторяю: это авантюра.

— Да брось ты, начальник, — сказал Зелёный. — Такая у нас работа. По мне,<sup>174</sup> что старый план, что новый план — всё авантюра. А как же по-другому? Без риска нельзя, а с этими пилюлями риск меньше. Они же там,<sup>175</sup> под башней обалдеют, когда мы в десять часов на них наскочим. Они там, небось, в десять часов водку пьют и песни орут, а тут мы наскочим, а у них, может, и автоматы не заряжены, и сами они пьяные лежат... Нет, мне нравится. Верно, Мак?

— Я, это самое, тоже... — сказал Лесник. — Я рассуждаю как? Если такой план даже мне удивителен, то уж гвардейцам этим и подавно. Правильно Зелёный говорит, обалдеют они... Опять же лишних пять минуток не помучаемся, а там, глядишь, Мак башню повалит, и совсем будет хорошо... Да ведь как хорошо-то! — сказал он вдруг, словно озарённый новой идеей. — Ведь никто же до нас башен не валил, только хвастались, а мы первыми будем... И опять же — пока они эту башню снова наладят, это сколько времени пройдёт! Хоть месяц-то по-человечески поживём... без приступов этих гадских...

— Боюсь, что вы меня не поняли, Копыто, — сказал Генерал. — В плане ничего не меняется, мы только нападаем неожиданно, усиливаем атаку за счёт Птицы и несколько меняем порядок отступления.

— А если ты беспокоишься, что Маку всех нас будет не вытащить, — по-прежнему лениво проговорила Орди, глядя на болото, — так ты не забывай, что тащить ему придётся одного, от силы — двоих, а он мальчик сильный.

— Да, — сказал Генерал, глядя на неё. — Это правда...

Генерал был влюблён в Орди. Никто, кроме Максима, этого не видел, но Максим знал, что это любовь старая, безнадёжная, началась она ещё при Гэле, а теперь стала ещё безнадёжнее, если это возможно. Генерал был не генерал. До войны он был рабочим на конвейере, потом попал в школу младших командиров, воевал капралом, кончил войну ротмистром. Он хорошо знал ротмистра Чачу, имел с ним счёты (были какие-то беспорядки в каком-то полку сразу после войны) и давно и безуспешно охотился за ним. Он был работником штаба подполья, но часто принимал участие в практических операциях, был хорошим воякой, знающим командиром. Работать в подполье ему нравилось, но что будет после победы — он представлял себе плохо. Впрочем, в победу он и не верил. Прирождённый солдат, он легко приспособивался к любым условиям и никогда не загадывал дальше, чем на десять-двенадцать дней вперёд. Своих идей у него не было, кое-чего он нахватался от однорукого, кое-что перенял у

174 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

175 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







Кетшефа, ещё кое-что ему внушили в штабе, но главным в его сознании оставалось то, что вдолбили ему в школе младших командиров. Поэтому, теоретизируя, он высказывал странную смесь взглядов: власть богатых надобно свергнуть (это от Вепря, который, видимо, был чем-то вроде социалиста или коммуниста), во главе государства поставить надлежит инженеров и техников (это от Кетшефа), городá скрыть, а самим жить в единении с природой (какой-то штабной мыслитель-буколист<sup>176</sup>), и всего этого можно добиться только беспрекословным подчинением приказу вышестоящих командиров, и поменьше болтовни на отвлечённые темы. Два раза Максим с ним сцепился. Было совершенно непонятно, зачем разрушать башни, терять на этом смелых товарищей, время, средства, оружие — через десять-двадцать дней башню всё равно восстановят, и всё пойдёт по-прежнему, с той только разницей, что население окрестных деревень своими глазами убедится, какие гнусные дьяволы — эти выродки. Генерал так и не сумел толком объяснить Максиму, в чём смысла диверсионной деятельности. То ли он что-то скрывал, то ли сам не понимал, зачем это нужно, но каждый раз он твердил одно и то же: *приказы не обсуждаются, каждое нападение на башню — удар по врагу, нельзя удерживать людей от активной деятельности, иначе ненависть скиснет в них, и жить станет совсем уже не для чего...* «Надо искать центр! — настаивал Максим. — Надо бить сразу по центру, всеми силами, сразу! Что у вас в штабе за головы, если не понимают такой простой вещи?» «Штаб знает, что делает, — веско отвечал Генерал, вздёргивая подбородок и высоко задирая брови. — Дисциплина в нашем положении — прежде всего, и давай-ка без крестьянской вольницы, Мак, всему своё время, будет тебе и центр, если доживёшь...» Впрочем, он относился к Максиму с уважением и охотно прибегал к его услугам, когда лучевые удары застигали его в подвале Лесника...

— Всё равно я против, — упрямо сказал Мемо. — А если нас положат огнём? А если мы не успеем за пять минут, а понадобится нам шесть? Безумный план. И всегда он был безумным.

— Удлинённые заряды мы применяем впервые, — сказал Генерал, с трудом отрывая взгляд от Орди. — Но если брать прежние способы прорыва через проволоку, то судьба операции определяется в среднем через три-четыре минуты. Если мы застанем их врасплох, у нас ещё останется одна или даже две минуты в запасе.

176 Буколика (от греч. βουκολικός — пастушеский, βουκόλος — пастух) — жанр античной поэзии (буколический), идеализированно изображавший пастушескую жизнь и сельский быт на фоне природы. Один из малых жанров александрийской поэзии (эллинистическая культура), получивший дальнейшее развитие в римской литературе и в европейской литературе нового времени. Связанная со своим фольклорным источником — песнями пастухов, греческая буколика как жанр определяется наличием песни, разнообразием и убедительностью раскрытых изнутри характеров, мастерством детали (особенно в пейзаже, всегда мирном и потому условном), восхвалением прелестей сельской жизни. Размер стиха — дактилический гекзаметр, облегчённый по сравнению с гекзаметром эпоса обязательной второй цезурой (так называемая буколическая цезура). Основателем этого жанра считается Феокрит. На римской почве крупнейшим буколическим поэтом был Вергилий. Новое в римской буколике — обилие злободневных политических намёков (главным образом восхвалений правящих императоров). После Вергилия — у Кальпурния (I в.) и Немесиана (II в.) — буколика приобретает отчасти дидактический характер (также см. 34). (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— Две минуты — время большое, — сказал Лесник. — За две минуты я их там всех голыми руками передавлю. Добежать бы только.

— Добежать бы... да-а... — с какой-то зловещей мечтательностью протянул Зелёный. — Верно, Мак?

— Ты ничего не хочешь сказать, Мак? — спросил Генерал.

— Я уже говорил, — сказал Максим. — Новый план лучше старого, но всё равно плох. Дайте, я всё сделаю один. Рискните.

— Не будем об этом, — сказал Генерал раздражённо. — Об этом — всё. Дельные замечания у тебя есть?

— Нет, — сказал Максим. Он уже жалел, что снова затеял этот разговор.

— Откуда взялись эти таблетки? — спросил вдруг Мемо.

— Это старые таблетки, — сказал Генерал. — Маку удалось немного улучшить их.

— Ах, Маку... Значит, это его идея?

Копыто произнёс это таким тоном, что всем стало неловко. Его слова можно было понять так: *новичок, да ещё не совсем наш, да ещё пришедший с той стороны, — а не пахнет ли это засадой, такие случаи бывали...*

— Нет, — резко ответил Генерал. — Это идея штаба. И изволь подчиняться, Копыто.

— Я подчиняюсь, — сказал Мемо, пожав плечами. — Я против этого, но я подчиняюсь. Куда же деваться...

Максим грустно смотрел на них. Они сидели перед ним, очень разные — в обычных условиях, наверно, им и в голову бы не пришло, что они могут собраться вместе: бывший фермер, бывший уголовник, бывшая учительница... У них было только одно общее — они были объявлены врагами общества, по какой-то идиотской причине они были ненавистны всем, и весь огромный государственный аппарат подавления был нацелен против них. То, что они собирались сделать, было бессмысленно; пройдёт несколько часов, и большинство из них будут мертвы, а в мире ничего не изменится, и для тех, кто останется в живых, тоже ничего не изменится, — в лучшем случае они получат передышку на десяток дней от адских болей, но они будут изранены, измучены бегством, их будут травить собаками, им придётся отсиживаться в вонючих норах, а потом всё начнётся сначала. Действовать с ними заодно было глупо, но покинуть их было бы подло, и приходилось выбирать глупость. А может быть, в этом мире вообще нельзя иначе, и если хочешь что-нибудь сделать, приходится пройти через глупость, через бессмысленную кровь, а может быть, и через подлость придётся пройти. Жалкий человек... глупый человек... подлый человек... А что ещё можно ожидать от человека в этом жалком, глупом и подлом мире? Надо помнить только, что глупость есть следствие бессилия, а бессилие проистекает из невежества, из незнания верной дороги... но ведь не может быть так, чтобы среди тысячи дорог не нашлось верной! По одной дороге я уже прошёл, думал Максим, это была неверная дорога. Теперь надо пройти по этой, хотя уже сейчас видно, что это тоже неверная дорога. И может быть, мне ещё не раз придётся ходить по





неверным дорогам и забираться в тупики. А перед кем я оправдываюсь? — подумал он. И зачем? Они мне нравятся, я могу им помочь, вот и всё, что мне нужно знать сегодня...

— Сейчас мы разойдёмся, — сказал Генерал. — Копыто идёт с Лесником, Мак — с Зелёным, я — с Птицей. Встреча в двадцать один ноль-ноль у межевой отметки, идти только лесом, без дорог. Парам не разлучаться, каждый отвечает за каждого. Идите. Первыми уходят Мемо и Лесник. — Он собрал окурки на лист бумаги, свернул и положил в карман.

Лесник потёр колени.

— Кости болят, — сообщил он. — К дождичку. Хорошая нынче будет ночь, тёмная...

## 11.

От лесной опушки до проволоки надо было ползти. Впереди полз Зелёный, он волочил шест с удлинённым зарядом и едва слышно ругал колючки, впивавшиеся в руки. Максим, придерживая мешок с магнитными минами, полз следом. Небо было затянуто тучами, моросил дождь. Трава была мокрая, и в первые же минуты они оба промокли до нитки. За дождём ничего не было видно, Зелёный полз по компасу и ни разу не отклонился — опытный был человек, этот Зелёный. Потом резко запахло сырой ржавчиной, и Максим увидел проволоку в три ряда, а за проволокой — смутную решётчатую громаду башни, а приподняв голову — разглядел у основания башни приземистое сооружение с прямоугольными очертаниями. Это был капонир, там сидели трое гвардейцев с пулемётом. Сквозь шорох дождя слышались неразличимые голоса, потом там зажгли спичку, и слабым жёлтым светом озарилась длинная амбразура.

Зелёный, шёпотом чертыхаясь, просовывал шест под проволоку. «Готово, — шепнул он. — Отползай». Они отползли на десяток шагов и стали ждать. Зелёный, зажав в кулаке шнур детонатора, глядел на светящиеся стрелки часов. Его трясло, Максим слышал, как он постукивает зубами и сдавленно дышит. Максима тоже трясло. Он сунул руку в мешок и потрогал мины, они были шероховатые, холодные.<sup>177</sup> Дождь усилился, шуршание заглушало теперь все звуки. Зелёный приподнялся и встал на четвереньки. Он всё время что-то шептал, то ли молился, то ли ругался. «Ну, гады!» — сказал он вдруг громко и сделал резкое движение правой рукой. Раздался пистонный щелчок, шипение, и впереди ахнуло из-под земли полотнище красного пламени, и взметнулось широкое полотнище далеко слева, ударило по ушам, посыпалась горячая мокрая земля, клочья тлеющей травы, какие-то раскалённые кусочки. Зелёный рванулся вперёд, крича чужим голосом, и вдруг стало светло, как днём, светлее, чем днём, ослепительно светло. Максим зажмурился и ощутил холод внутри, и в голове мелькнула мысль: «Всё пропало», но выстрелов не было, тишина продолжалась, ничего не было слышно, кроме шуршания и шипения.

177 В оригинале запятая вместо точки в конце предложения. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))







Когда Максим открыл глаза, он сквозь слепящий свет увидел серый капонир, широкий проход в проволоке и каких-то людей, очень маленьких и одиноких на огромном пустом пространстве вокруг башни, — они со всех ног бежали к капониру, молча, беззвучно, спотыкались, падали, снова вскакивали и бежали. Потом послышался жалобный стон, и Максим увидел Зелёного, который никуда не бежал, а сидел, раскачиваясь, на земле сразу за проволокой, обхватив голову руками. Максим бросился к нему, оторвал его руки от лица, увидел закаченные глаза и пузыри слюны на губах, а выстрелов всё не было, прошла уже целая вечность, а капонир молчал, и вдруг там грянули знакомый боевой марш.

Максим повалил этого разгильдяя навзничь, шаря одной рукой в кармане и радуясь, что Генерал такой недоверчивый, что он и Максиму дал на всякий случай болезащитные пилюли. Он разжал Зелёному сведённый судорогой рот и засунул пилюли глубоко в хрипящую чёрную глотку. Потом он схватил автомат Зелёного и повернулся, ища, *откуда свет, почему столько света, не должно быть столько света...* Выстрелов всё не было, одинокие люди продолжали бежать, один был уже совсем недалеко от капонира, другой немного отстал, а третий, который бежал справа, вдруг с размаху упал и покотился через голову. «Когда в бою гвардейские колонны...» — ревели в капонире, а свет бил сверху, с высоты десятка метров, наверно, с башни, которую нельзя было теперь разглядеть.<sup>178</sup> Пять или шесть ослепительных бело-синих дисков, и Максим вскинул автомат и нажал на спусковой крючок, и самодельный автомат, маленький, неудобный, непривычный, забился у него в руках, и словно в ответ засверкали красные вспышки в амбразуре капонира, и вдруг автомат вырвали у него из рук, он ещё не попал ни в один из ослепительных дисков, а Зелёный уже вырвал у него автомат и кинулся вперёд, и сразу же упал, споткнувшись на ровном месте...

Тогда Максим лёг и пополз обратно к своему мешку. Позади торопливо трещали автоматы, гулко и страшно ревел пулемёт, и вот — наконец-то! — хлопнула граната, потом другая, потом две сразу, и пулемёт замолчал, трещали только автоматы, и снова захлопали взрывы, кто-то завизжал нечеловеческим визгом, и стало тихо. Максим подхватил мешок и побежал.

Над капониром столбом поднимался дым, несло гарью и порохом, а вокруг было светло и пусто, только чёрный сутулый человек брёл возле самого капонира, придерживаясь за стенку, добрался до амбразуры, бросил туда что-то и повалился. Амбразура озарилась красным, донёсся хлопок, и снова всё стихло...

Максим споткнулся и чуть не упал. Через несколько шагов он снова споткнулся и тогда заметил, что из земли торчат колышки, толстые короткие колышки, спрятанные в траве... *Вот оно как... вот оно как здесь... Если бы Генерал пустил меня в одиночку, я бы сразу разможил себе обе ноги и сейчас валялся бы мертво на этих гнусных ехидных колышках... хвастун... невежда...* Башня была уже совсем близко. Он бежал и смотрел под ноги, он был уже совсем близко. Он бежал и смотрел под ноги, он был один, и ему не хотелось думать об остальных.

178 В оригинале запятая вместо точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







Он добежал до огромной железной лапы, бросил мешок. Ему очень хотелось тут же прилепить тяжёлую шершавую лепёшку к мокрому железу, но был ещё капонир... Железная дверь была приоткрыта, из неё высовывались ленивые языки пламени, на ступеньках лежал гвардеец — тут всё было кончено. Максим пошёл вокруг капонира и нашёл Генерала. Генерал сидел, прислонившись к бетонной стенке, глаза у него были бессмысленные, и Максим понял, что срок действия таблеток кончился. Он огляделся, поднял Генерала на руки и понёс от башни. Шагах в двадцати лежала в траве Орди с гранатой в руке. Она лежала ничком, но Максим сразу понял, что она мертва. Он стал искать дальше и нашёл Лесника, тоже мёртвого. И Зелёный тоже был убит, и не с кем было положить живого Генерала...

Он шёл по полю, отбрасывая множественную чёрную тень, оглушённый всеми этими смертями, хотя минуту назад думал, что готов к ним, и ему не терпелось вернуться и взорвать башню, чтобы закончить то, что они начали, но сначала надо было посмотреть, что с Копытом, и он нашёл Мемо совсем рядом с проволокой. Мемо был ранен и, наверно, пытался уползти и полз к проволоке, пока не свалился без сознания. Максим положил Генерала рядом и снова побежал к башне. Странно было думать, что теперь эти несчастные двести метров можно спокойно пройти, ничего не опасаясь.

Он принялся прилаживать мины к опорам, по две штуки на каждую опору для верности, он торопился, время было, но Генерал истекал кровью и Мемо истекал кровью, а где-то уже неслись по шоссе грузовики с гвардейцами, и Гая подняли по тревоге, и теперь он трясся по булыжнику рядом с Панди, и в окрестных деревнях уже проснулись люди — мужчины хватали ружья и топоры, дети плакали, а женщины проклинали кровавых шпионов, из-за которых ни сна, ни покоя. Он чувствовал, как морозящая тьма вокруг оживает, шевелится, становится грозной и опасной...

Запалы были рассчитаны на пять минут, он поочерёдно включил их все и побежал назад, к Генералу и Мемо. Что-то мешало ему, он остановился, поискал глазами и понял: Орди. Бегом, глядя под ноги, чтобы не споткнуться, он вернулся к ней, поднял на плечо лёгкое тело и снова бегом, глядя под ноги, чтобы не споткнуться, — к проволоке, к северному проходу, где мучились Генерал и Мемо, но им недолго уже оставалось мучиться. Он остановился возле них и обернулся к башне.

И вот исполнилась эта бессмысленная мечта подпольщиков. Быстро, одна за другой, треснули мины, основание башни заволокло дымом, а затем слепящие огни погасли, стало непроглядно темно, в темноте заскрежетало, загрохотало, тряхнуло землю, с лязгом подпрыгнуло и снова тряхнуло землю.

Максим поглядел на часы. Было семнадцать минут одиннадцатого. Глаза привыкли к темноте, снова стала видна развороченная проволока, и стала видна башня. Она лежала в стороне от капонира, где всё ещё горело, растопылив изуродованные взрывами опоры.

— Кто здесь? — прохрипел Генерал, завозившись.

— Я, — сказал Максим. Он нагнулся. — Пора уходить. Куда вам попало? Вы можете идти?





— Погоди, — сказал Генерал. — Что с башней?

— Башня готова, — проговорил Максим. Орди лежала на его плече, и он не знал, как сказать о ней.

— Не может быть, — сказал Генерал, приподнимаясь. — Массаракш! Неужели? ... — Он засмеялся и опять лёг. — Слушай, Мак, я ничего не соображаю... Сколько времени?

— Двадцать минут одиннадцатого.

— Значит, всё верно... Мы её прикончили... Молодец, Мак... Подожди, а это кто рядом?

— Копыто, — сказал Максим.

— Дышит, — сказал Генерал. — Подожди, а кто ещё жив? Это у тебя кто?

— Это Орди, — с трудом сказал Максим.

Несколько секунд Генерал молчал.

— Орди... — повторил он нерешительно и встал, пошатываясь. — Орди, — снова повторил он и приложил ладонь к её щеке. Некоторое время они молчали. Потом Мемо хрипло спросил:

— Который час?

— Двадцать две минуты, — сказал Максим.

— Где мы? — спросил Мемо.

— Нужно уходить, — сказал Максим.

Генерал повернулся и пошёл через проход в проволоке. Его сильно шатало. Тогда Максим нагнулся, взвалил на другое плечо грузного Мемо и двинулся следом. Он догнал Генерала, и тот остановился.

— Только раненых, — сказал он.

— Я донесу, — сказал Максим.

— Выполняй приказ, — сказал Генерал. — Только раненых.

Он протянул руки и, постанывая от боли, снял тело Орди с плеча Максима. Он не мог удержать её и сразу положил на землю.

— Только раненых, — сказал он странным голосом. — Бегом... марш!

— Где мы? — спросил Мемо. — Кто тут? Где мы?

— Держитесь за мой пояс, — сказал Максим Генералу и побежал. Мемо вскрикнул и обмяк. Голова его болталась, руки болтались, ноги поддавали Максиму в спину. Генерал, громко и сипло дыша, бежал по пятам, держась за пояс.

Они вбежали в лес, по лицу захлестали мокрые ветви, Максим увёртывался от деревьев, бросавшихся навстречу, перепрыгивал через выскакивавшие пни, это оказалось труднее, чем он думал, он был уже не тот, и воздух здесь был не тот, и вообще всё было не так, всё было неправильно, всё было не нужно и бессмысленно. Позади оставались поломанные кусты, и кровавый след, и запах, а дороги уже давно оцеплены, рвутся с поводков собаки, и ротмистр Чачу с пистолетом в руке, каркая команды, косолапо бежит по асфальту, перемахивает кювет и первым ныряет в лес. Позади оставалась дурацкая поваленная башня, и обгоревшие





гвардейцы, и трое мёртвых товарищей, а здесь было двое, израненных, полумёртвых, не имеющих почти никаких шансов... и всё ради одной башни, одной дурацкой, бессмысленной, грязной, ржавой башни, одной из десятков тысяч таких же... больше я никому не позволю совершать такие глупости, нет, скажу я, я это видел... сколько крови, и всё за груды бесполезного ржавого железа, одна молодая глупая жизнь за ржавое железо, и одна старая глупая жизнь за жалкую надежду хоть несколько дней побыть, как люди, и одна расстрелянная любовь — даже не за железо и даже не за надежду... если вы хотите просто выжить, скажу я, то зачем же вы так просто умираете, так дешёво умираете... массаракиш, я не позволю им умирать, они у меня будут жить, научатся жить... какой болван, как я пошёл на это, как я им позволил пойти на это...

Он стремглав выскочил на просёлок, держа Мемо на плече и волоча Генерала подмышки, огляделся — Малыш уже бежал к нему от межевого знака, мокрый, пахнувший потом и страхом.

— Это — все? — спросил он с ужасом, и Максим был ему благодарен за этот ужас.

Они дотащили раненых до мотоцикла, впихнули Мемо в коляску, а Генерала посадили на заднее седло, и Малыш привязал его к себе ремнём. В лесу было ещё тихо, но Максим знал, что это ничего не означает.

— Вперёд, — сказал он. — Не останавливайся, прорывайся...

— Знаю, — сказал Малыш. — А ты?

— Я постараюсь отвлечь их на себя. Не беспокойся, я уйду.

— Безнадёга, — сказал Малыш с тоской, дёрнул стартёр, и мотоцикл затрещал. — Ну, хоть башню-то взорвали? — крикнул он.

— Да, — сказал Максим, и Малыш умчался.

Оставшись один, Максим несколько секунд стоял неподвижно, потом кинулся обратно в лес. На первой же попавшейся полянке он сорвал с себя куртку и швырнул в кусты. Потом бегом вернулся на дорогу и некоторое время бежал изо всех сил по направлению к городу, остановился, отцепил от пояса гранаты, разбросал их по дороге, продрался сквозь кусты на другой стороне, стараясь сломать как можно больше веток, бросил за кустами носовой платок и только тогда побежал прочь через лес, перестраиваясь на ровный охотничий бег, которым ему предстояло пробежать десять или пятнадцать километров.

Он бежал, ни о чём не думая, следя только за тем, чтобы не отклониться сильно от направления на юго-запад и выбирая место, куда ставить ногу. Дважды он пересекал дорогу, один раз — просёлочную, на которой было пусто, и другой раз — Курортное шоссе, где тоже никого не было, но здесь он впервые услышал собак. Он не мог определить, какие это собаки, но на всякий случай дал большой крюк и через полтора часа оказался среди пакгаузов городской сортировочной станции.

Здесь светились огни, жалобно посвистывали паровозы, сновали люди. Здесь, вероятно, ничего не знали, но бежать было уже нельзя — могли принять за вора. Он перешёл на шаг, а когда мимо грузно покатился в город тяжёлый товарный состав, вскочил на первую же попавшуюся платформу с





песком, залёг и так доехал до самого бетонного завода. Тут он соскочил, отряхнул песок, слегка запачкал руки песком и мазутом и стал думать, что делать дальше.

Пробираться в дом Лесника не имело никакого смысла, а это была единственная явка поблизости. Можно было попытаться переночевать в посёлке Утки, но это было опасно, это был адрес, известный ротмистру Чачу, и кроме того, Максиму было страшно подумать — явиться сейчас к старой Илли и рассказать ей о смерти дочери. Идти было некуда. Он зашёл в захудалый ночной трактирчик для рабочих, поел сосисок, выпил пива, подремал, привалившись к стене — все здесь были такие же грязные и усталые, как он, рабочие после смены, опоздавшие на последний трамвай. Ему приснилась Рада, и он подумал во сне, что *Гай сейчас, вероятно, в облаве, и это хорошо. А Рада его любит и примет, даст переодеться и умыться, там ещё должен остаться его гражданский костюм, тот самый, который дал ему Фанк... а утром можно будет уехать на восток, где находится вторая известная ему явка...* Он проснулся, расплатился и вышел.

Идти было недалеко и неопасно. Народу на улицах не было, только у самого дома он заметил человека — это был дворник. Дворник сидел в подъезде на своём табурете и спал. Максим осторожно прошёл мимо, поднялся по лестнице и позвонил так, как звонил всегда. За дверью было тихо, потом что-то скрипнуло, послышались шаги, и дверь приоткрылась. Он увидел Раду.

Она не закричала только потому, что задохнулась и зажала себе рот ладонью. Максим обнял её, прижал к себе, поцеловал в лоб, у него было такое чувство, как будто он вернулся домой, где его давно уже перестали ждать. Он закрыл за собой дверь, и они тихо прошли в комнату, и Рада сразу заплакала. В комнате было всё по-прежнему, только не было его раскладушки, а на диване сидел Гай в ночной рубашке и ошалело таращился на Максима испуганными, дикими от удивления глазами. Так прошло несколько минут: Максим и Гай смотрели друг на друга, а Рада плакала.

— Массаракш, — сказал, наконец, Гай беспомощно. — Ты живой? Ты не мёртвый...

— Здравствуй, дружище, — сказал Максим. — Жалко, что ты дома. Я не хотел тебя подводить. Если скажешь, я сразу уйду.

И сейчас же Рада крепко вцепилась в его руку.

— Ни-ку-да! — сказала она сдавленно. — Ни-за-что! Никуда не уйдёшь... Пусть попробует... тогда я тоже...

Гай отшвырнул одеяло, спустил с дивана ноги и подошёл к Максиму. Он потрогал его за плечи, за руки, испачкался мазутом, вытер себе лоб, испачкал лоб.

— Ничего не понимаю, — сказал он жалобно. — Ты живой... Откуда ты взялся? Рада, перестань реветь... Ты не ранен? У тебя ужасный вид... И вот кровь...

— Это не моя, — сказал Максим.







— Ничего не понимаю, — повторил Гай. — Слушай, ты жив! Рада, грей воду! Разбуди этого старого хрена, пусть даст водки...

— Тихо, — сказал Максим. — Не шумите, за мной гонятся.

— Кто? Зачем? Чепуха какая... Рада, дай ему переодеться! ... Мак, садись, садись... или, может быть, ты хочешь лечь? Как это получилось? Почему ты жив? ...

Максим осторожно сел на краешек стула, положил рúки на колени, чтобы ничего не испачкать, и, глядя на этих двоих, в последний раз глядя на них, как на своих друзей, ощущая даже какое-то любопытство к тому, что произойдёт дальше, сказал:

— Я ведь теперь государственный преступник, ребята. Я только что взорвал башню.

Он не удивился, что они поняли его сразу, мгновенно поняли, *о какой башне идёт речь*, и не переспросили. Рада только стиснула рúки, не отрывая от него взгляда, а Гай крикнул, фамильным жестом почесал шевелюру обеими руками и, отведя глаза, сказал с досадой:

— Болван. Отомстить, значит, решил... Кому мстишь? Эх, ты, как был псих, так и остался. Ребёнок маленький... Ладно. Ты ничего не говорил, мы ничего не слышали. Ладно... Ничего не желаю знать. Рада, иди грей воду. Да не шуми там, не буди людей... Раздевайся, — сказал он Максиму строго. — Извозился, как чёрт, где тебя носит...

Максим поднялся и стал раздеваться. Сбросил грязную мокрую рубаху (Гай увидел шрамы от пуль и гулко проглотил слюну), с отвращением стянул безобразно грязные сапоги и штаны. Вся одежда была в чёрных пятнах и, освободившись от неё, Максим почувствовал облегчение.

— Ну, вот и славно, — сказал он и снова сел. — Спасибо, Гай. Я ненадолго, только до утра, а потóм уйду...

— Дворник тебя видел? — мрачно спросил Гай.

— Он спал.

— Спал... — сказал Гай с сомнением. — Он, знаешь... Ну, может быть, конечно, и спал. Спит же он когда-нибудь...

— Почему ты дóма? — спросил Максим.

— В увольнении.

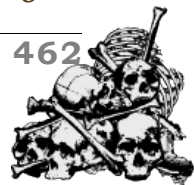
— Какое может быть увольнение? — спросил Максим. — Вся Гвардия, наверно, сейчас за городом...

— А я больше не гвардеец, — сказал Гай, криво усмехаясь. — Выгнали меня из Гвардии, Мак. Я теперь всего-навсего армейский капрал, учу деревенщину, какая нога правая, какая — левая. Обучу — и айда на хонтийскую границу, в окопы... Такие вот у меня дела, Мак.

— Это из-за меня? — тихо спросил Максим.

— Да как тебе сказать... В общем, да.

Они посмотрели друг на друга, и Гай отвёл глаза. Максим вдруг подумал, что *если бы Гай сейчас выдал его, то, наверное, вернулся бы в Гвардию и в свою заочную офицерскую школу*, и ещё он подумал, что *каких-нибудь два месяца назад такая мысль не могла бы прийти ему в*





голову. Ему стало неприятно, захотелось уйти, сейчас же, немедленно, но тут вернулась Рада и позвала его в ванную. Пока он мылся, она приготовила поесть, согрела чай, а Гай сидел на прежнем месте, подперев щеки кулаками, и на лице его была тоска. Он ни о чём не спрашивал — должно быть, боялся услышать что-нибудь страшное, что-нибудь такое, что прорвёт последнюю линию его обороны, перережет последние ниточки, ещё соединяющие его с Максимом. И Рада ни о чём не спрашивала — должно быть, ей было не до<sup>179</sup> того, она не спускала с него глаз, не отпускала его руки и время от времени всхлипывала, — боялась, что он вдруг исчезнет, любимый человек. Исчезнет и никогда больше не появится. И тогда Максим — времени оставалось мало — отодвинул недопитую чашку и принялся рассказывать сам.

О том, как помогла ему мать государственной преступницы; как он встретился с выродками; кто они такие — выродки — на самом деле, почему они выродки и что такое башни, какая дьявольская, отвратительная выдумка, эти башни. О том, что произошло сегодня ночью, как люди бежали на пулемёт и умирали один за другим, как рухнула эта гнусная груда мокрого железа и как он нёс мёртвую женщину, у которой отняли ребёнка и убили мужа...

Рада слушала жадно, и Гай тоже в конце концов заинтересовался, он даже стал задавать вопросы, ехидные, злые вопросы, глупые и жестокие, и Максим понял, что он ничему не верит, что сама мысль о коварстве Неизвестных Отцов отталкивается от его сознания, как вода от жира, что ему неприятно это слушать и он с трудом сдерживается, чтобы не оборвать Максима. И когда Максим закончил рассказ, он сказал, нехорошо усмехаясь:

— Здёрово они обвели тебя вокруг пальца.

Максим посмотрел на Радy, но Рада отвела глаза и, покусывая губу проговорила нерешительно:

— Не знаю... Может быть, конечно, была одна такая башня... Попадаются ведь негодяи даже в муниципалитете... а Отцы просто не знают... им не докладывают, и они не знают... Понимаешь, Мак, это просто не может быть, то, что ты рассказываешь. Это ведь башни баллистической защиты...

Она говорила замирающим тихим голосом, явно стараясь не обидеть его, просительно заглядывала ему в глаза, поглаживала по плечу, а Гай вдруг рассвирепел и стал говорить, что это же глупо, что Максим просто не представляет себе, сколько таких башен стоит по стране, сколько их строится ежегодно, ежедневно, так неужели же эти огромные миллиарды тратятся в нашем бедном государстве только для того, чтобы дважды в день доставлять неприятности жалкой кучке уродов, которые сами по себе — нуль в океане народа... «На одну охрану сколько денег уходит», — добавил он после паузы.

179 В оригинале без «до». (прим. ред. Alex.Rus.UA)





— Об этом я думал, — сказал Максим. — Наверное, всё действительно не так просто. Но хонтийские деньги здесь ни при чём... и потом,<sup>180</sup> я сам видел: как только башня свалилась, им всем стало лучше. А что касается ПБЗ... Пойми, Гай, для защиты с воздуха башен слишком много. Чтобы перекрыть воздушное пространство, их нужно гораздо меньше... и потом, зачем ПБЗ на южной границе? Разве у диких выроdkов есть баллистические средства?

— Там много что есть, — сказал Гай зло. — Ты ничего не знаешь, а всему веришь... Извини, Мак, но если бы ты был не ты... Все мы слишком доверчивы, — горько добавил он.

Максиму больше не хотелось спорить и вообще говорить на эту тему. Он стал расспрашивать, как идёт жизнь, где работает Рада, почему не пошла учиться, как дядюшка, как соседи... Рада оживилась, принялась рассказывать, потом спохватилась, собрала грязную посуду и ушла на кухню. Гай шибко почесался двумя руками, похмурился на тёмное окно, а потом решился и начал серьёзный мужской разговор.

*Мы тебя любим, сказал он. Я тебя люблю, Рада тебя любит, хотя и беспокойный ты человек, и всё у нас из-за тебя пошло как-то не так. Но ведь вот в чём дело: Рада тебя не просто любит, не так, понимаешь... а как бы тебе сказать... в общем, ты понимаешь... в общем, нравишься ты ей, и всё это время она проплакала, а первую неделю даже проболела. Она девушка хорошая, хозяйственная, многие на неё заглядываются, и это не удивительно... Не знаю, как ты к ней, но что бы я тебе посоветовал? Брось ты все эти глупости, не для тебя они, не твоего ума дело, запутают тебя, сам погибнешь, многим невинным людям жизнь испортишь — ни к чему всё это. А поезжай ты обратно к себе в горы, найди своих, головой не вспомнишь — сердце подскажет, где твоя родина... искать тебя там никто не будет, устроишься, наладишь жизнь, тогда приезжай, забирай Радy, и будет вам там хорошо. А может,<sup>181</sup> мы к тому времени уже и с хонтийцами покончим, наступит, наконец, мир, и заживём как люди...*

Максим слушал его и думал, что если бы он был действительно горцем, он бы, наверное, так и поступил: вернулся бы на родину и зажил бы потихоньку с молодой женой, забыл бы обо всех этих ужасах, о сложностях... нет, не забыл бы, а организовал бы оборону, так что чиновники Отцов и носу бы туда не сунули, а явились бы туда гвардейцы, бился бы у родного порога до последнего... Только я не горец. В горах мне делать нечего, а дело моё здесь, я всего этого терпеть не намерен... Рада? Что же — Рада... если действительно любит, тогда поймёт, должна будет понять... Не хочу сейчас об этом думать, не хочу любить, не время сейчас любить...

Он задумался и не сразу осознал, что в доме что-то переменилось. Кто-то ходил по коридору, кто-то шептался за стеной, и вдруг в коридоре завопили, Рада отчаянно крикнула: «Мак...» и сразу же замолчала, словно ей зажали рот. Он вскочил и бросился к окну, но дверь распахнулась, и на пороге появилась Рада, без кровинки в лице, пахло знакомым запахом гвардейской казармы, застучали, больше не таясь, подкованные сапоги, Радy впихнули в комнату, и следом повалили люди в чёрных комбинезонах,

180 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

181 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





и Панди с озверелым лицом навёл на него автомат, а ротмистр Чачу хитрый, как всегда, и умный, как всегда, стоял рядом с Радой, уперев ствол пистолета ей в бок.

— Ни с мёста! — крикнул он. — Пошевелишься — стреляю!

Максим замер. Он ничего не мог, ему нужно было по меньшей мере две десятых секунды, может быть — полторы, но этому убийце хватило бы и одной.

— Рўки вперёд! — крикнул ротмистр. — Капрал, наручники! Двойные наручники! Шевелись, массаракш!

Панди, которого Максим неоднократно на занятиях бросал через голову, с большой осторожностью приблизился, отстёгивая от пояса тяжёлую цепь. Озверелость не его лице сменилась озабоченным выражением.

— Ты смотри, — сказал он Максиму. — Ежели что, господин ротмистр её сразу... того... любовь твою...

Он защёлкнул стальные браслеты на запястьях Максима, присел на корточки и сковал ему нўги. Максим мысленно усмехнулся. Он знал, что будет делать дальше. Но он недооценил ротмистра. Ротмистр не отпустил Раду. Все вместе они спустились по лестнице, все вместе сели в грузовик, и ротмистр ни на секунду не опустил пистолета. Затем в грузовик втокнули скованного Гая. До рассвета было ещё далеко, по-прежнему моросил дождь, размытые огни едва освещали мокрую улицу. На скамьях в кузове с грохотом рассаживались гвардейцы, огромные мокрые псы молча рвались с поводков и, осаженные, нервно, с прискуливанием, зевали. А в подъезде, прислонившись к косяку, стоял, сложив рўки на животе, дворник. Он дремал.







## 12.

Государственный прокурор откинулся на спинку кресла, бросил в рот несколько сушёных ягод, пожевал и запил глотком целебной воды. Зажмурившись и придавив пальцами утомлённые глаза, он прислушался. Вокруг на многие сотни метров было хорошо. Здание Дворца Юстиции было пусто, в окна монотонно барабанил ночной дождь, не слышно было сирен и скрипа тормозов, не стучали и не жужжали лифты. И никого не было, только в приёмной за высокой дверью, тихий, как мышь, томился в ожидании приказаний ночной референт. Прокурор медленно разжмурился и сквозь плывущие цветные пятна взглянул на кресло для посетителей, сделанное по особому заказу. *Кресло надо будет взять с собой. И стол надо взять тоже, я к нему привык... А ведь жалко будет, пожалуй, уходить отсюда — нагрел местечко за десять лет... И зачем мне уходить? Странно устроен человек: если перед ним лестница, ему обязательно надо вскарабкаться на самый верх. На самом верху холодно, дуют очень вредные для здоровья сквозняки, падать оттуда смертельно, ступеньки скользкие, опасные, и ты отлично знаешь это, и всё равно лезешь, карабкаешься — язык на плечо. Вопреки обстоятельствам — лезешь, вопреки любым советам — лезешь, вопреки сопротивлению врагов — лезешь, вопреки собственным инстинктам, здравому смыслу, предчувствиям — лезешь, лезешь, лезешь... Тот, кто не лезет вверх, тот падает вниз, это верно. Но и тот, кто лезет вверх, тоже падает вниз...*

Писк внутреннего телефона прервал его мысли. Он взял наушник и, досадливо морщась, сказал:

— В чём дело? Я занят.

— Ваше превосходительство, — прошелестел референт. — Некто, назвавший себя Странником, звонит по «серой» линии и настоятельно просит разговора с вами...

— Странник? — прокурор оживился. — Соедините.

В наушнике щёлкнуло, референт прошелестел: *«Его превосходительство вас слушает»*. Снова щёлкнуло, и знакомый голос произнёс, твёрдо, по-пандейски, выговаривая слова:

— Умник? Здравствуй. Ты сильно занят?

— Для тебя — нет.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Когда?

— Сейчас, если можно.

— Я в твоём распоряжении, — сказал прокурор. — Приезжай.

— Я буду через десять-пятнадцать минут. Жди.

Прокурор положил наушник и некоторое время сидел неподвижно, пощипывая нижнюю губу. *Явился, голубчик, подумал он. И опять как снег на голову. Массаракиш, сколько денег я убил на этого человека, больше, наверное, чем на всех прочих вместе взятых, а знаю только то же самое, что все прочие, взятые по отдельности. Опасная фигура. Непредсказуемая. Испортил настроение...* Прокурор сердито посмотрел на бумаги,





разложенные по столу, небрежно сгрёб их в кучу и сунул в стол. Сколько же времени его не было? ... Да, два месяца. Как всегда. Исчез неизвестно куда, два месяца никаких сведений, и вот — пожалуйста, как чёртик из коробки... Нет, с этим чёртиком надо что-то делать, так работать нельзя... Ну, хорошо, а что ему от меня нужно? Что, собственно, случилось за эти два месяца? Съели Ловкача... Вряд ли это его интересует. Ловкача он презирал. Впрочем, он всех презирает... По его конторе ничего не было, до и не придёт он ко мне из-за такой чепухи — пойдёт прямо к Папе или к Свёкру<sup>182</sup>... Может быть, нащупал что-нибудь любопытное и хочет в альянс войти? Дай бог, дай бог... а только я бы на его месте ни с кем в альянс не вступал... Может быть, процесс? ... Да нет, причём здесь процесс... А, чего гадать, примем-ка лучшие необходимые меры.

Он выдвинул потайной ящик и включил все фонографы и скрытые камеры. Эту сцену мы сохраним для потомства. Ну, где же ты, Странник? От возбуждения он вспотел, его ударило в дрожь; чтобы успокоиться, он бросил в рот несколько ягод, пожевал, закрыл глаза и стал считать. Когда он досчитал до семисот, дверь отворилась, и,<sup>183</sup> отстранив референта, в кабинет вошёл этот верзила, этот холодный шутник, эта надежда Отцов, ненавидимый и обожаемый, ежесекундно повисающий на волоске и никогда не падающий, тощий, сутулый, с круглыми зелёными глазами, с большими оттопыренными ушами, в своей вечной нелепой куртке до колен, лысый, как попка, чародей, вершитель, пожиратель миллиардов... Прокурор поднялся ему навстречу. С этим человеком не надо было притворяться и говорить вымученные слова.

— Привет, Странник, — сказал прокурор. — Пришёл похвастаться?

— Чем? — спросил Странник, проваливаясь в известное всем кресло и нелепо задирая колени. — Массараکش! Каждый раз я забываю про это чёртово устройство. Когда ты прекратишь издеваться над посетителями?

— Посетителю должно быть неудобно, — сказал прокурор поучающе. — Посетитель должен быть смешон, иначе какое мне от него удовольствие? Вот сейчас смотрю на тебя, и мне весело.

— Да, я знаю, ты — весёлый человек, — сказал Странник. — Только очень уж неприятный у тебя юмор... Между прочим, ты можешь сесть.

Прокурор обнаружил, что всё ещё стоит. Как всегда, Странник быстро сровнял счёт. Прокурор сел поудобнее и хлебнул целебной дряни.

— Итак? — сказал он.

Странник приступил прямо к делу.

— У тебя в когтях, — деловито сказал он, — человек, который мне нужен. Некто Мак Сим. Ты упёк его на перевоспитание, помнишь?

— Нет, — сказал прокурор искренне. Он ощутил некоторое разочарование. — А когда я его упёк? По какому делу?

— Недавно. По делу о взрыве башни.

— А, помню... Ну и что?

— Всё, — сказал Странник. — Он мне нужен.

182 В оригинале вдруг «Свекору» (см. 290). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

183 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





— Погоди, — сказал прокурор с досадой. — Процесс вёл не я, не могу же я помнить каждого осужденного.

— А я думал, это всё твои люди, — сказал Странник.

— Там был только один мой, остальные — настоящие... Как, ты сказал, его зовут?

— Мак Сим.

— Мак Сим... — повторил прокурор. — А! Этот горский шпион... Помню. Там с ним случилась какая-то странная история — его расстреляли, и неудачно...

— Да, кажется.

— Силач какой-то необыкновенный... Да, мне что-то докладывали... А зачем он тебе нужен?

— Это мутант, — сказал Странник. — У<sup>184</sup> него любопытные ментограммы, и он мне нужен для работы.

— Вскрывать его будешь?

— Возможно. Мои люди засекли его давно, когда его ещё использовали в Специальной студии, но потом он удрал...

Прокурор, испытывая сильнейшее разочарование, набил рот ягодами.

— Ладно, — сказал он, вяло жуя. — Ну, а как у тебя дела?

— Как всегда — прекрасно, — ответил Странник. — У тебя, я слышал, тоже. Подкопался-таки под Дергунчика. Поздравляю... Так когда я получу своего Мака?

— Да завтра отправлю депешу, дней через пять-семь его доставят.

— Неужели даром? — сказал Странник.

— Любезность, — сказал прокурор. — А что ты можешь мне предложить?

— Первый же защитный шлем.

Прокурор усмехнулся.

— И Мировой Свет в придачу, — сказал он. — Между прочим, имей в виду: *первый шлем мне не нужен. Мне нужен единственный...* Кстати, правда, что твоей банде поручили разработку направленного излучателя?

— Возможно, — сказал Странник.

— Слушай, а на кой чёрт нам это надо? Мало у нас неприятностей? Прижал бы ты эту работу, а?

Странник оскалил зубы.

— Боишься, Умник? — сказал он.

— Боюсь, — сказал прокурор. — А ты не боишься? Или ты, может быть, вообразил, что у тебя любовь с Тестем на века? Он ведь тебя же твоим же излучателем... Это же дважды два.

Странник снова оскалился.

— Убедил, — сказал он. — Договорились... — Он встал. — Я сейчас к Папе. Передать что-нибудь?

184 В оригинале «К». (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— Папа на меня сердится, — сказал прокурор. — Мне это чертовски неприятно.

— Хорошо, — сказал Странник. — Я ему это передам.

— Шутки шутками, — сказал прокурор, — а если бы ты замолвил словечко...

— Ты у нас умник, — сказал Странник папиным голосом. — Попробую.

— Процессом он, по крайней мере, доволен?

— Откуда я знаю? Я только приехал.

— Ну вот, узнай... А насчёт твоего... как ты его назвал? Дай-ка я запишу...

— Мак Сим.

— Так... Насчёт него я завтра же.

— Будь здоров, — сказал Странник и вышел.

Прокурор хмуро посмотрел ему вслед. Да, можно только позавидовать. Вот положение у человека: единственный, от кого зависит защита. Поздно сожалеть, но, может быть, следовало с ним сблизиться. Но как с ним сблизиться? Ему ничего не надо, он и так самый важный, все мы от него зависим, все мы на него молимся... Ах, взять бы такого человека за горло — как бы это было здорово<sup>185</sup>! Если бы он хоть что-нибудь хотел! А то вот, пожалуйста, — воспитуемый ему нужен, драгоценность какая... ментограммы, видите ли, у него интересные... Вообще-то воспитуемый этот — горец, а Папа в последнее время что-то часто говорит о горцах... Может, сто́ит заняться... как там ещё с войной получится, а Папа есть Папа... Массаракиш, работать всё равно сегодня больше невозможно... Он сказал в микрофон:

— Кох, что у вас есть по осуждённому Симу? — Он вдруг вспомнил. — Вы, кажется, составляли по нему какую-то компиляцию...

— Так точно, ваше превосходительство, — прошелестел референт. — Я имел честь обратить внимание вашего...

— Давайте сюда. И принесите ещё воды.

Он положил наушник, и тотчас в двери появился неосязаемый, как тень,<sup>186</sup> референт. Перед прокурором легла на стол толстая папка, тихонько звякнуло стекло, булькнула вода, и рядом с папкой возник полный стакан. Прокурор отхлебнул, разглядывая папку.

*«Извлечение из дела Мака Сима (Максима Каммерера). Подготовил референт Кох».* Толстая-то какая, ничего себе — извлечение... Он раскрыл папку и взял первую пачку сброшюрованных листов.

*Показания ротмистра Тоота... Показания подсудимого Гаала... Кроки какого-то пограничного района на Юге... «Другой одежды на нём не было. Речь показалась мне членораздельной, но совершенно непонятной. Попытка заговорить с ним по-хонтийски не привела ни к чему...» Ох уже эти мне пограничные ротмистры! Хонтийский шпион на южной границе...*

185 В оригинале вдруг «здоровая». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

186 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







«Рисунку, выполненные задержанным, показались мне искусными и удивительными...» Ну, на Юге много удивительного. К сожалению. И обстоятельства появления этого Сима не слишком выделяются на фоне прочих южных обстоятельств. Хотя, конечно... Но посмотрим.

Прокурор отложил пачку, выбрал две ягодки покрупнее, сунул в рот и взял следующий лист. «Заключение экспертной комиссии в составе сотрудников Института тканей и одежды... Мы, нижеподписавшиеся... гм... так... так... обследовали всеми доступными нам лабораторными методами ткань предмета одежды, присланного нам из Департамента юстиции...» Чепуха какая-то... «и пришли к следующему заключению: 1. Указанный предмет представляет собой короткие штаны четвёртого размера второго роста, каковые могут быть использованы для ношения как мужчинами, так и женщинами; 2. Покрой штанов не может быть отнесён к какому-либо известному стандарту и не может, собственно, называться покроем, ибо штаны не сшиты, а изготовлены неким способом, нам неизвестным; 3. Штаны изготовлены из мягкой упругой ткани серебристого цвета, каковая, собственно, не может быть названа тканью, ибо даже микроскопическое исследование не обнаружило в ней структуры. Материал этот не горюч, не смачиваем и обладает чрезвычайной прочностью на разрыв. Химический анализ...» Странные штаны. Надо понимать, что это его штаны... Прокурор взял тонко отточенный карандаш и написал на полях: «Референту. Почему не даёте сопроводительного объяснения? Чьи штаны? Откуда штаны?» Так... А выводы? Формулы... Опять формулы... массараки, снова формулы... Ага! «... технология неизвестна ни в нашей стране, ни в других цивилизованных государствах (по довоенным данным)».

Прокурор отложил заключение. Ну, штаны... Пусть. Штаны есть штаны... Что там дальше?? «Акт медицинского освидетельствования». Любопытно. Что это у него такое кровяное давление? ... Ого, вот это лёгкие! ... Что такое? Следы четырёх смертельных ранений... Это уже мистика. Ага... «Смотри показания свидетеля Чачу и обвиняемого Гаала». Семь пуль — однако! Гм... Некоторые расхождения имеет место: Чачу показывает, что применил оружие в видах самообороны и под угрозой смерти, а этот Гаал утверждает, будто Сим только хотел отобрать у Чачу пистолет. Ну, это не моё дело... Две пули в печень — это слишком много для нормального человека... Та-ак, скручивает монетки в трубочку... бежит с человеком на плечах... Ага, это я уже читал. Помнится, на этом месте я подумал, что парень на редкость здоровенный и что обычно такие глупы. И дальше читать не стал... А это что? А-а, старый приятель... «Извлечение из донесения агента №\_711»... «видит совершенно отчётливо дождливой ночью (может даже читать) и в полной темноте (различает предметы, видит выражение лица на расстоянии до десяти метров)... обладает очень чувствительным нюхом и вкусом — различал членов группы по запаху на расстоянии до пятидесяти метров, на спор различал напитки в плотно закупоренных сосудах... ориентируется по странам света без компаса... с большой точностью определяет время без часов... имел место следующий случай: была куплена и сварена рыба, которую он запретил нам есть, утверждая, что она радиоактивная. Будучи проверена радиометром, рыба действительно оказалась радиоактивной. Обращаю внимание на тот





факт, что сам он эту рыбу съел, сказавши, что ему она не опасна, и действительно, остался здоров, хотя излучение превышало тройную санитарную норму (почти 77 единиц)»...

Прокурор откинулся в кресле. Нет, это уже слишком. Может быть, он ещё и бессмертен заодно? Да, Страннику всё это должно быть интересно. Посмотрим, что там дальше. Вот серьёзный документ. «Заключение Особой комиссии Департамента общественного здоровья. Материал: Мак Сим. Реакция на белое излучение отсутствует. Противопоказаний к несению службы в специальных войсках не имеется». Ага... Это когда он вербовался в Гвардию. Белое излучение, массаракиш... палачи, чёрт бы их побрал... А это, значит, их экспертиза для целей следствия... «<sup>187</sup>Будучи испытан на белое излучение различных интенсивностей, вплоть до максимальной, никакой реакции не обнаружил. Реакция на А-излучение нулевая в обоих смыслах. Реакция на Б-излучение нулевая. Примечание: считаем своим долгом присовокупить, что данный материал (Мак Сим, ок. 20 лет) представляет опасность ввиду возможных генетических последствий. Рекомендуются полная стерилизация или уничтожение...» Ого! Эти не шутят. Кто там у них сейчас? А, Любитель. Да, не шутник, не шутник, что и говорить. Помнится, Весельчак-Жеребчик рассказывал по этому поводу отличный анекдот... массаракиш, не помню... А хорошо, никого вокруг нет. Вот мы сейчас ягодку съедим, водичкой запьём... экая гадость, но, говорят, помогает... Ладно. Что дальше?

О-о, он уже и там успел побывать! Ну-ка, ну-ка... Опять, наверное, реакция нулевая... «Подвергнутый форсированным методам, подследственный Сим показаний не дал. В соответствии с параграфом 12 относительно непричинения видимых физических повреждений подследственным, коим предстоит выступить в открытом судебном заседании, применялись только: А. иглохирургия до самой глубокой с проникновением в нервные узлы (реакция парадоксальная, форсируемый засыпает); Б. хемообработка нервных узлов алкалоидами и щелочами (реакция аналогичная); В. световая камера (реакции нет, форсируемый удивлён); Г. паротермическая камера (потеря веса без неприятных ощущений). На этом последнем применение форсированных методов пришлось прекратить». Бр-р-р... Ну и бумага! Да, Странник прав: это какой-нибудь мутант. Нормальные люди так не могут... Да, я слышал, что случаются удачные мутации, правда, редко... Это всё объясняет... кроме штанов, впрочем. Штаны, насколько я понимаю, не мутируют...

Он взял следующий лист. Бумага оказалась неинтересной: *показание директора Специальной студии при Управлении телевидения и радиовещания. Дурацкое заведение. Записывают бред разных психов на потеху почтеннейшей публики. Помнится, эту студию придумал Калу-Мошенник, который сам был немного того... Надо же, сохранилась студия! Мошенника давно уже нет, а идея его бредовая процветает... Из показаний директора следует, что Сим был образцовым объектом и что крайне желательно было бы получить его назад... Стоп, стоп, стоп! «Передан в распоряжение*

187 В оригинале закрывающие кавычки и пробел вместо пробела и открывающих кавычек. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





*Департамента специальных исследований на основании ордера номер такой-то от такого-то числа...» И вот он, ордер, и подписан он Фанком... Прокурор ощутил некое слабое озарение. Фанк... Что-то ты здесь, Странник... Нет, не будем<sup>188</sup> спешить с выводами. Он досчитал до тридцати, чтобы успокоиться, и взял следующую бумагу, вернее, довольно толстую пачку бумаг: «Извлечение из акта Специальной этнолингвистической комиссии по проверке предположения о горском происхождении М. Сима<sup>189</sup>».*

Он начал рассеянно читать, всё ещё думая о Фанке и о Страннике, но неожиданно для себя заинтересовался. Это было любопытное исследование, в котором сводились воедино и обсуждались все доносы, показания и свидетельства очевидцев, так или иначе затрагивающие вопрос о происхождении Мака Сима:<sup>190</sup> антропологические, этнографические, лингвистические данные и их анализ; результаты изучения фонограмм, ментограмм и собственноручных рисунков подследственного. Всё это читалось как роман, хотя выводы были весьма скудны и осторожны. Комиссия не причисляла М. Сима<sup>191</sup> не к одной из известных этнических групп, обитающих на материке. (Особняком было приведено мнение известного палеоантрополога Шапшу, который усмотрел в черепе подследственного большое сходство, но не идентичность, с ископаемым черепом так называемого Человека Древнего, жившего на Архипелаге более ста пятидесяти тысяч лет назад). Комиссия утверждала полную психическую нормальность подследственного в настоящий момент, но допускала, что в недавнем прошлом он мог страдать одной из форм амнезии в совокупности с интенсивным вытеснением истинной памяти памятью ложной. Комиссия произвела лингвистический анализ фонограмм, оставшихся в архиве Специальной студии, и пришла к выводу, что язык, на котором в то время говорил подследственный, не может быть причислен ни к одной группе известных современных или мёртвых языков. По этому поводу комиссия допускала, что этот язык мог быть плодом воображения подследственного (так называемый «рыбий язык»), тем более, что в настоящее время он, по собственному утверждению, этого языка больше не помнит. Комиссия воздерживается от определённых выводов, но склонна полагать, что в лице М. Сима приходится иметь дело с неким мутантом неизвестного ранее типа... Хорошие идеи приходят в умные головы одновременно, с завистью подумал прокурор и быстро пробежал «Особое мнение члена комиссии профессора Поррумоварруи». Профессор, сам горец по происхождению, напоминал о существовании в глубине гор полулегендарной страны Зартак, населённой племенем Птицеловов, которое до сих пор не попало в поле зрения этнографии и которому цивилизованные горцы приписывают владение магическими науками и способностью летать по воздуху без аппаратов. Птицеловы, по рассказам, чрезвычайно рослы, обладают огромной физической силой и выносливостью, а также имеют кожу коричнево-золотистого оттенка. Всё это удивительно совпадает с физическими особенностями подследственного... Прокурор поиграл

188 В оригинале малопривлекательное «будет». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

189 В оригинале «М.Сима», т. е. без пробела перед инициалом (сокращением имени), также см. 118 и 191. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

190 В оригинале точка с запятой вместо двоеточия (следом — перечень). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

191 В оригинале «М.Сима», т. е. без пробела перед инициалом (сокращением имени), также см. 118 и 189. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







карандашиком над профессором Порру... и так далее, потом отложил карандаш и громко сказал: «Под это мнение, пожалуй, и штаны подойдут. Несгораемые штаны...»

Он съел ягодку и проглядел следующий лист. «Извлечение из стенограммы судебного процесса». Гм... Это ещё зачем? ОБВИНИТЕЛЬ: Вы не будете отрицать, что вы — образованный человек? ОБВИНЯЕМЫЙ: Я имею образование, но в истории, социологии и экономике разбираюсь очень плохо. ОБВИНИТЕЛЬ: Не скромничайте. Вам знакома эта книга? ОБВИНЯЕМЫЙ: Да. ОБВИНИТЕЛЬ: Вы читали её? ОБВИНЯЕМЫЙ: Естественно. ОБВИНИТЕЛЬ: С какой целью вы, находясь под следствием, в тюрьме, занялись чтением монографии «Тензорное исчисление и современная физика»? ОБВИНЯЕМЫЙ: Не понимаю... Для удовольствия... с целью развлечения, если угодно... Там есть очень забавные страницы. ОБВИНИТЕЛЬ: Я думаю, суду ясно, что только очень образованный человек станет читать столь специальное исследование для развлечения и для удовольствия... Что за чушь? Зачем мне это подсовывают? А дальше? Массаракиш, опять процесс... ЗАЩИТНИК: Вам известно, какие средства выделяют Неизвестные Отцы на преодоление детской преступности? ОБВИНЯЕМЫЙ: Не совсем вас понимаю. Что такое «детская преступность»? Преступления против детей? ЗАЩИТНИК: Нет. Преступления, совершаемые детьми. ОБВИНЯЕМЫЙ: Я не понимаю. Дети не могут совершать преступлений... Гм, забавно... А что там в конце? ЗАЩИТНИК: Я надеюсь, мне удалось показать суду наивность моего подзащитного, доходящую до житейского идиотизма. Подзащитный выступал против государства, не имея о нём ни малейшего представления. Ему неведомы понятия детской преступности, благотворительности, социального вспомоществования... Прокурор улыбнулся и отложил листок. Понятно. Действительно, странное сочетание: математика, физика для удовольствия, а элементарных вещей не знает. Прямо-таки чудак-профессор из дрянного романа.

Прокурор просмотрел ещё несколько листков. Непонятно, Мак, что это ты так держишься за эту самочку... как её... Рада Гаал. Любовной связи у тебя с нею нет, ничем ты ей не обязан, и общего у вас нет с нею ничего; дурак-обвинитель совершенно напрасно пытается припутать её к подполью... А создаётся впечатление, что,<sup>192</sup> держа её под прицелом, можно заставить тебя делать всё, что угодно. Очень полезное качество — для нас, а для тебя очень неудобное... Та-ак, в общем, все эти показания сводятся к тому, что ты, братец, раб своего слова и вообще человек негибкий. Политический деятель из тебя бы не получился. И не надо... Гм, фотографии... Вот ты какой. Приятное лицо, очень, очень... Глаза странноватые... Где это тебя снимали? На скамье подсудимых... Гляди-ка, свеж, бодр, глаза ясные, поза непринуждённая. Где это тебя научили так изящно сидеть и вообще держаться, ведь скамья подсудимых — вроде моего кресла, непринуждённо на ней не посидишь... Любопытный, любопытный человечек... Впрочем, всё это вздор, не в этом дело.

Прокурор вылез из-за стола и прошёлся по кабинету. Что-то сладко щекотало в мозгу, что-то возбуждало и подталкивало... Что-то я нашёл в этой папке... что-то важное... что-то важнейшее... Фанк? Да, это важно,

192 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







потому что Странник употребляет своего Фанка только по очень важным, самым важным делам. Но Фанк — это только подтверждение, а что же главное? Штаны? ... Чепуха... А! Да-да-да. Этого в папке нет. Он взял наушник.

— Кох. Что там было с нападением на конвой?

— Четырнадцать суток назад, — сейчас же зашелестел референт, словно читая заранее подготовленный текст, — в восемнадцать часов тридцать три минуты на полицейские машины, переправлявшие подсудимых по делу номер 6981-84 из здания суда в городскую тюрьму было совершено вооружённое нападение. Нападение было отбито, в перестрелке один из нападавших был тяжело ранен и умер, не приходя в сознание. Труп не опознан. Дело о нападении прекращено.

— Чья работа?

— Выяснить не удалось.

— То есть<sup>193</sup>?

— Официальное подполье не имеет к этому никакого отношения.

— Соображения?

— Возможно, действовали представители левого крыла подполья, пытавшиеся освободить подсудимого Дэка Потту по кличке «Генерал». Дэк Потту — ответственный и опытный работник штаба, известен тесными связями с левым крылом...

Прокурор бросил наушник. Что ж, всё это может быть. И всё это может быть не так... Ну-ка, перелистаем ещё раз. Южная граница, дурак-ротмистр... Штаны... Бежит с человеком на<sup>194</sup> плечах... Радиоактивная рыба, 77 единиц... Реакция на А-излучение... Хемообработка нервных узлов... Стоп! Реакция на А-излучение. «*Реакция на А-излучение нулевая в обоих смыслах*». Нулевая. В обоих смыслах. Прокурор прижал ладонью забившееся сердце. Идиот! НУЛЕВАЯ В ОБОИХ СМЫСЛАХ!

Он снова схватил наушник.

— Кох! Немедленно подготовить специального курьера с охраной. Отдельный вагон на юг... Нет! Мою электромотриссу... Массаракш! — Он торопливо сунул руку в ящик и выключил все регистрирующие аппараты. — Действуйте!

Всё ещё прижимая левую руку к сердцу, он извлёк из бювара личный бланк и стал быстро, но разборчиво писать: «*Государственная важность. Совершенно секретно. Генерал-коменданту Особого Южного Округа. Под личную сугубую ответственность — к срочному неукоснительному исполнению. Немедленно передать в опеку подателя сего воспитуемого Мака Сима, дело № 6983. С момента передачи считать осуждённого Мака Сима пропавшим без вести, о чём иметь в архивах соответствующие документы. Государственный прокурор...*»

193 В оригинале «То-есть» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

194 В оригинале без «на». (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Он схватил второй бланк: *«Предписание. Настоящим приказываю всем чинам военной, гражданской и железнодорожной администрации оказывать предъявителю сего, специальному курьеру государственной прокуратуры с сопровождающей его охраной, содействие по категории ЭКСТРА. Государственный прокурор...»*

Потом он допил стакан, налил ещё и уже медленно, обдумывая каждое слово, начал на третьем бланке: *«Дорогой Странник! Получилась глупая история. Как только что выяснилось, интересующий тебя материал пропал без вести, как это частенько бывает в южных джунглях...»*

## Часть четвёртая. Воспитуемый

### 13.

Первым выстрелом ему раздробило гусеницу, и оно впервые за двадцать с лишним лет покинуло разъезженную колею, выворачивая обломки бетона, вломилось в чащу и начало медленно поворачиваться на месте, с хрустом наваливаясь широким лбом на кустарник, отталкивая от себя содрогающиеся деревья, и когда оно показало необъятную грязную корму с болтающимся на ржавых заклёпках листом железа, Зеф аккуратно и точно, так, чтобы, упаси бог, не задеть котла, всадил ему фугасный заряд в двигатель — в мускулы, в сухожилия, в нервные сплетения, — и оно ахнуло железным голосом, выбросило из сочленений клуб раскалённого дыма и остановилось навсегда, но что-то ещё жило в его нечистых бронированных недрах, какие-то уцелевшие нервы ещё продолжали посылать бессмысленные сигналы, ещё включались и тут же выключались аварийные системы, шипели, плевались пеной, и оно ещё дрябло трепетало, еле-еле скребя уцелевшей гусеницей, и грозно и бессмысленно, как брюхо раздавленной осы, поднималась и опускалась над издыхающим драконом облезлая решётчатая труба ракетной установки. Несколько секунд Зеф смотрел на эту агонию, а потом повернулся и пошёл в лес, волоча гранатомёт за ремень. Максим и Вепрь двинулись следом, и они вышли на тихую лужайку, которую Зеф наверняка заметил ещё по пути сюда, повалились в траву, и Зеф сказал: «Закурим».

Он свернул сигарку однорукому, дал ему прикурить и закурил сам. Максим лежал, положив подбородок на руки, и сквозь редколесье всё смотрел, как умирает железный дракон — жалобно дребезжит какими-то последними шестерёнками и со свистом выпускает из разодранных внутренностей струи радиоактивного пара.

— Вот так и только так, — сказал Зеф менторским тоном. — А если будешь делать не так — надеру уши.

— Почему? — спросил Максим. — Я хотел его остановить.

— А потому, — ответил Зеф, — что граната могла рикошетом засадить в ракету, и тогда нам был бы карачун.

— Я целился в гусеницу, — сказал Максим.





— А надо целиться в корму, — сказал Зеф. Он затаился. — И вообще, пока ты новичок, никуда не суйся первым. Разве что я тебя попрошу. Понял?

— Понял, — сказал Максим.

Все эти тонкости Зефа его не интересовали. И сам Зеф его не очень интересовал. Его интересовал Вепрь. Но Вепрь, как всегда, равнодушно молчал, положив искусственную руку на обшарпанный кожаный миноискатель. Всё было, как всегда.<sup>195</sup> И всё было не так, как хотелось.

Когда неделю назад новоприбывших воспитуемых выстроили перед бараками, Зеф прямо подошёл к Максиму и взял его в свой сто четырнадцатый отряд сапёров. Максим обрадовался. Он сразу узнал эту огненную бородищу и квадратную коренастую фигуру, и ему было приятно, что его узнали в этой душной клетчатой толпе, где всем было наплевать на каждого и никому ни до кого не было дела. Кроме того, у Максима были все основания предполагать, что Зеф — бывший знаменитый психиатр Аллу Зеф, человек образованный и интеллигентный, не чета полууголовному сброду, которым был набит арестантский вагон, — находился здесь за политику и как-то связан с подпольем. А когда Зеф привёл его в барак и указал место на нарах рядом с одноруким Вепрем, Максим решил было, что судьба его здесь окончательно определилась. Но очень скоро он понял, что ошибся. Вепрь не пожелал разговаривать. Он выслушал торопливый, шёпотом, рассказ Максима о судьбе группы, о взрыве башни, о процессе, неопределённо, сквозь зевок, промямлил: *«Бывает и не такое...»* и лёг, отвернувшись. Максим почувствовал себя обманутым, и тут на нары забрался Зеф. *«Здóрово я сейчас нажрался»*, — урча и отрываясь сообщил он Максиму и, без всякого перехода, нахально, с примитивной назойливостью принялся вытягивать из него имена и явки. Может быть, он когда-нибудь и был знаменитым учёным, образованным и интеллигентным человеком, может быть и даже наверняка, он имел какое-то отношение к подполью, но сейчас он производил впечатление обыкновенного нажравшегося провокатора, решившего от нечего делать, на сон грядущий, обработать глупого новичка. Максим отделался от него не без труда, а когда Зеф вдруг захрапел сытым довольным храпом, ещё долго лежал без сна, вспоминая, сколько раз его здесь уже обманывали люди и обстоятельства.

Нервы его расходились. Он вспомнил процесс, отвратительный и лживый, весь заранее отрепетированный, подготовленный ещё до того, как группа получила приказ напасть на башню, и письменные доносы какой-то сволочи, которая знала о группе всё и была, может быть,<sup>196</sup> даже членом группы, и фильм, снятый с башни во время нападения, и свой стыд, когда он узнал на экране себя самого, палящего из автомата по прожекторам... нет, *по юпитерам, освещавшим сцену этого страшного спектакля...* В наглухо закупоренном бараке было отвратительно душно, кусались паразиты, воспитуемые бредили, а в дальнем углу барака при свете самодельной свечки резались в карты и хрипло орали друг на друга привилегированные.

<sup>195</sup> В оригинале запятая вместо точки в конце предложения. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

<sup>196</sup> В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





А на другой день обманул Максима и лес. Здесь шагу нельзя было ступить, не наткнувшись на железо: на мёртвое, проржавевшее насквозь железо, готовое во всякую минуту убить; на тайно шевелящееся, целящееся железо; на движущееся железо, слепо и бестолково распаивающее остатки дорог. Земля и трава отдавали ржавчиной, на дне лощин копились радиоактивные лужи, птицы не пели, а хрипло вопили, словно в предсмертной тоске, животных не было, и не было даже лесной тишины — то справа, то слева бұхали и грохотали взрывы, в ветвях клубилась сизая гарь, а порывы ветра доносили рёв изношенных двигателей...

И так пошло: день — ночь, день — ночь. Днём они уходили в лес, который не был лесом, а был древним укрепённым районом. Он был буквально нафарширован автоматическими боевыми устройствами, самодвижущимися пушками, ракетами на гусеницах, огнемётами, газомётами, и всё это не умерло за двадцать с лишним лет, всё продолжало жить своей ненужной механической жизнью, всё продолжало целиться, наводиться, изрыгать свинец, огонь, смерть, и всё это нужно было задавить, взорвать, убить, чтобы расчистить трассу для строительства новых излучающих башен. А ночью Вепрь по-прежнему молчал, а Зеф снова и снова приставал к Максиму с расспросами и был то прямолинеен до глупости, то хитроумен и ловок на удивление. И была грубая пища, и странные песни воспитуемых, и кого-то били по лицу гвардейцы, и дважды в день все в бараках и в лесу корчились под лучевыми ударами, и раскачивались на ветру повешенные беглые...

День — ночь, день — ночь...

— Зачем вы хотели его остановить? — спросил вдруг Вепрь.

Максим быстро сел. Это был первый вопрос, который ему задал однорукий.

— Я хотел посмотреть, как он устроен.

— Бежать собрались?

Максим покосился на Зефа и сказал:

— Да нет, дело не в этом. Всё-таки танк, боевая машина...

— А зачем вам танк? — спросил Вепрь. Он говорил так, словно рыжего провокатора здесь не было.

— Не знаю, — проговорил Максим. — Над этим ещё надо подумать. Их здесь много таких?

— Много, — вмешался рыжий провокатор. — И танков здесь много, и дураков здесь тоже всегда хватало... — Он зевнул. — Сколько раз уже пробовали. Залезут, покопаются-покопаются, да и бросят. А один дурак — вот вроде тебя — тот и вовсе взорвался.

— Ничего, я бы не взорвался, — холодно сказал Максим. — Эта машина не из сложных.

— А зачем она вам всё-таки? — спросил однорукий. Он курил, лёжа на спине, держа сигарку в искусственных пальцах. — Предположим, вы наладите её. Что дальше?

— На прорыв через мост, — сказал Зеф, хохотнув.







— Почему бы и нет? — спросил Максим. Он положительно не знал, как себя держать. *Этот рыжий, кажется, всё-таки не провокатор. Массаракиш, чего они вдруг пристали?*

— Вы не доберётесь до моста, — сказал однорукий. — Вас тридцать три раза расстреляют. А если даже доберётесь, то увидите, что мост разведён.

— А по дну реки?

— Река радиоактивна, — сказал Зеф и сплюнул. — Если бы это была человеческая река, не надо было бы никаких танков. Переплывай её в любом месте, берега не охраняются. — Он снова сплюнул. — Впрочем, тогда бы они охранялись... Так что, юноша, не пыли. Ты попал сюда надолго, приспосабливайся. Приспособишься — дело будет. А не станешь слушать старших, ещё сегодня можешь узреть Мировой свет.

— Убежать нетрудно, — сказал Максим. — Убежать я мог бы прямо сейчас...

— Ай да ты! — восхитился Зеф.

— ... и если вы намерены и дальше играть в конспирацию... — продолжал Максим, демонстративно обращаясь только к Вепрю, но Зеф снова прервал его:

— Я намерен выполнить сегодняшнюю норму, — заявил он, поднимаясь. — Иначе нам не дадут сегодня жрать. Пошли!

Он ушёл вперёд, шагая вперевалку между деревьями, а Максим спросил однорукого:

— Разве он политический?

Однорукий быстро взглянул на него и сказал:

— Что вы, как можно!

Они пошли за Зефом, стараясь ступать след в след. Максим шёл замыкающим.

— За что же он сидит?

— За неправильный переход улицы, — сказал однорукий, и у Максима опять пропала охота разговаривать.

Они не прошли и сотни шагов, как Зеф скомандовал: «Стой!» и началась работа. «Ложись!» — заорал Зеф. Они бросились плашмя на землю, толстое дерево впереди с протяжным скрипом повернулось, выдвинуло из себя длинный тонкий орудийный ствол, пошевелило им из стороны в сторону, как бы примериваясь, затем что-то зажужжало, раздался щелчок, и из чёрного дула лениво выползло облачко жёлтого дыма. «Протухло», — сказал Зеф деловито и поднялся первым, отряхивая штаны. Дерево с пушкой они подорвали. Потом было минное поле, потом холм-ловушка с пулемётом, который не протух и долго прижимал их к земле, грохоча на весь лес; потом они попали в настоящие джунгли колючей проволоки, еле продрались, а когда всё-таки продрались, по ним открыли огонь откуда-то сверху, всё вокруг рвалось и горело, Максим ничего не понимал, однорукий молча и спокойно лежал лицом вниз, а Зеф палил из гранатомёта в небо и





вдруг заорал: «Бегом, за мной!»,<sup>197</sup> и они побежали, а там, где они только что были, вспыхнул пожар. Зеф ругался страшными словами, однорукий посмеивался, они забрались в глухую чащу, но тут вдруг засвистело, засопело, и сквозь ветви повалили зеленоватые облака отвратительно пахнущего газа, и опять надо было бежать, продираться через кусты, и Зеф опять ругался, а однорукого мучительно тошнило...

Потом Зеф, наконец, притомился и объявил отдых. Они разожгли костёр, и Максим, как младший, принялся готовить обед — варить суп из консервов в том самом котелке. Зеф и однорукий, чумазые, ободранные, лежали тут же и курили. У Вепря был замученный вид, он был уже стар, ему приходилось труднее всех.

— Уму непостижимо, — сказал Максим, — как это мы ухитрились проиграть войну при таком количестве техники на квадратный метр.

— А откуда ты взял, что мы её проиграли? — лениво спросил Зеф.

— Не выиграли же, — сказал Максим. — Победители так не живут.<sup>198</sup>

— В современной войне не бывает победителей, — заметил однорукий. — Вы, конечно, правы. Войну мы проиграли. Эту войну проиграли все. Выиграли только Неизвестные Отцы.

— Неизвестным Отцам тоже несладко приходится, — сказал Максим, помешивая похлёбку.

— Да, — серьёзно сказал Зеф. — Бессонные ночи и мучительные раздумья о судьбах своего народа... Усталые и добрые, всевидящие и всепонимающие... Массаракш, давно газет не читал, забыл, как там дальше...

— Верные и добрые, — поправил однорукий. — Отдающие себя целиком прогрессу и борьбе с хаосом.

— Отвык я от таких слов, — сказал Зеф. — У нас тут всё больше «хайло» да «мурло»... Эй, парень, как тебя...

— Максим.

— Да, верно... Ты, Мак, помешивай, помешивай. Смотри, если пригорит!

Максим помешивал. А потом Зеф заявил, что *пора, сил больше нет терпеть*. В полном молчании они съели суп. Максим чувствовал: *что-то изменилось, что-то сегодня будет сказано*. Но после обеда однорукий снова улёгся и стал глядеть в небо, а Зеф с неразборчивым ворчанием забрал котелок и принялся вымазывать дно краюхой хлеба. «Подстрелить бы что-нибудь... — бормотал он. — Жрать охота, как и не ел... только аппетит зря растравил...» Чувствуя неловкость, Максим попытался завести разговор об охоте в этих местах, но его не поддержали. Однорукий лежал с закрытыми глазами и, казалось, спал. Зеф, дослушав до конца Максимовы соображения, проворчал только: «Какая здесь охота, всё грязное, активное...» и тоже повалился на спину.

197 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

198 Уже за одну такую фразу в «совке» начинали маячить «этапы большого пути». (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Максим вздохнул, взял котелок и побрёл к ручейку, который слышался неподалёку. Вода в ручейке была прозрачная, на вид чистая и вкусная, так что Максиму захотелось попить, и он зачерпнул горстью. Увы, мыть котелок здесь было нельзя, да и пить не стоило: ручеек был заметно радиоактивный. Максим присел на корточки, поставил котелок рядом и задумался.

Сначала он почему-то подумал о Раде, как она всегда мыла посуду после еды и не разрешала помогать под нелепым предлогом, что *это — дело женское*. Он вспомнил, что она его любит, и ощутил гордость, потому что до сих пор его не любила ещё никакая женщина. Ему очень захотелось увидеть Раду, и он тут же, с крайней непоследовательностью, подумал, как *это хорошо, что её здесь нет*. Здесь не место даже для самых скверных мужчин, сюда надо было бы пригнать тысяч двадцать кибердворников, а может быть — просто распылить все эти лесá со всем содержимым и вырастить новые, весёлые, или пусть даже мрачные, но чистые и с мрачностью природной.

Потом он вспомнил, что сослан сюда навечно, и подивился наивности тех, кто сослал его сюда и, не взявши с него никакого слóва, вообразил, что он станет добровольно тут существовать, да ещё помогать им тянуть через эти лесá линию лучевых башен. В арестантском вагоне говорили, что лесá тянутся на юг на сотни километров, а военная техника встречается даже в пустыне... *Ну нет, я здесь не задержусь. Массаракиш, ещё вчера я эти башни валил, а сегодня буду расчищать для них место? Хватит с меня глупостей...*

*Вепрь мне не верит. Зефу он верит, а мне — нет. А я не верю Зефу и, кажется, напрасно. Наверное, я кажусь Вепрю таким же назойливо-подозрительным, каким мне кажется Зеф... Ну, хорошо, Вепрь мне не верит, значит,<sup>199</sup> я опять один. Можно, конечно, надеяться на встречу с Генералом или с Копытом, но это слишком маловероятно: говорят, воспитуемых здесь больше миллиона, а пространства огромные. Да, на такую встречу надеяться нельзя... Можно, конечно, попытаться сколотить группу из незнакомых, но — массаракиш! — надо быть честным с самим собой: я для этого не гожусь. Пока я для этого не годен. Слишком доверчив... погоди, давай всё-таки уясним задачу. Чего я хочу?*

Несколько минут он уяснял задачу. Получилось следующее: свалить Неизвестных Отцов; если они военные, пусть служат в армии, а если финансисты — пусть занимаются финансами, что бы это ни означало; учредить демократическое правительство — он более или менее представлял себе, что такое демократическое правительство и даже отдавал себе отчёт в том, что республика будет поначалу буржуазно-демократическая — это не решит всех проблем, но,<sup>200</sup> по крайней мере,<sup>201</sup> позволит прекратить беззаконие и уничтожит бессмысленные расходы на башни и на подготовку войны. Впрочем, он честно признал, что ясно представляет себе только первый пункт своей программы: свержение тирании. Что будет дальше, он представлял себе довольно смутно. Более того, он даже не был уверен, что

199 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

200 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

201 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







широкие народные массы поддержат его идею свержения. Неизвестные Отцы были совершенно явными лжецами и мерзавцами, но они почему-то пользовались у народа несомненной популярностью. Ладно, решил он. Не будем заглядывать так далеко. Остановимся на первом пункте и посмотрим, что стоит между мною и жирными шеями Неизвестных Отцов. Во-первых, вооружённые силы, отлично выдрессированная Гвардия и армия, о которой я знаю только, что где-то там, в какой-то штрафной роте (странное выражение!) служит мой Гай. Во-вторых — и это более существенно — сама анонимность Неизвестных Отцов. Кто они, где их искать? Откуда они берутся, где пребывают, как становятся? Он попытался вспомнить, как было на Земле в эпоху революций и диктатур... Массаракш! Помню только узловые даты, самые главные имена, самую общую расстановку сил, а мне нужны детали, аналогии, прецеденты... Вот, например, фашизм. Как там было? Помню, было тошно об этом читать и слушать. Гилмар был там какой-то, отвратительный, как паук-кровосос... Постой-ка, значит, это уже не было анонимное правительство... Н-да, немного же я помню. Но ведь это же было так давно, и это было так гнусно, и кто мог знать, что я попаду в такую кашу? Сюда бы дядей из Галактической безопасности или из Института экспериментальной истории — они бы живо разобрались, что здесь к чему. Может, попробовать построить передатчик? ... Он грустно засмеялся, вспомнив, что один раз уже думал здесь о передатчике — в этом же районе, где-то совсем близко отсюда... Нет, видно, придётся надеяться только не себя. Ладно. Против армии есть только одно оружие — армия. Против анонимности и загадочности — разведка. Очень просто всё получается...

Во всяком случае, отсюда надо уходить. Я, конечно, попытаюсь собрать какую-нибудь группу, но если не получится, уйду один... И обязательно — танк. Здесь оружия — на сто армий... потрёпанное, правда, за двадцать лет, да ещё автоматическое, но надо попытаться его приспособить... Неужели Вепрь мне так и не поверит? — подумал он почти с отчаянием, подхватил котелок и побежал обратно к костру.

Зеф и Вепрь не спали, они лежали голова к голове и о чём-то тихо, но горячо спорили. Увидев Максима, Зеф торопливо сказал: «Хватит!» и поднялся. Задрав рыжую бородищу и выкатив глаза, он заорал:

— Где тебя носит, массаракш! Кто тебе разрешил уходить? Работать надо, а не то жрать не дадут, тридцать три раза массаракш!

И тут Максим взбеленился. Кажется, впервые в своей жизни он гаркнул на человека во весь голос:

— Чёрт бы вас подрал, Зеф! Вы можете ещё о чём-нибудь думать, кроме жратвы? Целый день я только и слышу от вас: жрать, жрать, жрать! Можете сожрать мои консервы, если это так вас мучает! ...

Он швырнул оземь котелок и, схватив рюкзак, принялся продевать руки в ремни. Присевший от акустического удара Зеф ошеломлённо смотрел на него, зияя чёрной пастью в огненной бородище. Потом пасть захлопнулась, раздалось бульканье, всхрапывание, и Зеф загоготал на весь







лес. Однорукий вторил ему, что было только видно, но не слышно. Максим не выдержал и тоже засмеялся, несколько смущённый. Ему было неловко за свою грубость.

— Массаракш, — прохрипел, наконец, Зеф. — Вот это голосина! ... Нет, дружище, — обратился он к Вепрю. — Ты попомни мои слова. А впрочем, я сказал: *хватит... Подъём!* — заорал он. — Вперёд, если хотите... гм... жрать сегодня вечером.

И всё. Поорали, посмеялись, посерьёзнили и отправились дальше — рисковать жизнью во имя Неизвестных Отцов. Максим с ожесточением разряжал мины, выламывал из гнёзд спаренные пулемёты, свинчивал боеголовки у зенитных ракет, торчавших из раскрытых люков; снова были огонь, смрад, шипящие струи слезоточивых газов, отвратительная вонь от разлагающихся трупов животных, расстрелянных автоматами. Они стали ещё грязнее, ещё злее, ещё оборваннее, а Зеф хрипел Максиму: «*Вперёд, вперёд! Жрать хочешь — вперёд!*», а однорукий Вепрь окончательно вымотался и еле тащился далеко позади, опираясь на свой миноискатель, как на клюку...

За эти часы Зеф осточертел Максиму окончательно, и Максим даже обрадовался, когда рыжебородый вдруг взревел и с шумом провалился под землю. Максим, вытирая пот с грязного лба грязным рукавом, неторопливо подошёл и остановился на краю мрачной узкой щели, скрытой в траве. Щель была глубокая, непроглядная, из неё несло холодом и сыростью, ничего не было видно, и слышался только какой-то хруст, дребезг и невнятная ругань. Прихрамывая, подошёл Вепрь, тоже заглянул в щель и спросил Максима: «*Он там? Что он там делает?*»

— Зеф! — позвал Максим, нагнувшись. — Где вы там, Зеф!

Из щели гулко донеслось:

— Спускайтесь сюда! Прыгайте, здесь мягко...

Максим поглядел на однорукого. Тот покачал головой.

— Это не для меня, — сказал он. — Прыгайте, я потом спущу вам верёвку.

— Кто здесь? — заревел вдруг внизу Зеф. — Стрелять буду, массаракш!

Максим спустил ноги в щель, оттолкнулся и прыгнул. Почти сейчас же он по колени погрузился в рыхлую массу и сел. Зеф был где-то рядом. Максим закрыл глаза и несколько секунд посидел, привыкая к темноте.

— Иди сюда, Мак, тут кто-то есть, — прогудел Зеф. — Вепрь! — крикнул он. — Прыгай!

Вепрь ответил, что устал, как собака, и с удовольствием посидит наверху.

— Как хочешь, — сказал Зеф. — Но по-моему,<sup>202</sup> это — Крепость. Потом пожалеешь...

Однорукий ответил невнятно, голос у него был слабый, его, кажется, опять мутило, и было ему не до Крепости. Максим открыл глаза и огляделся. Он сидел на куче земли посередине длинного коридора с шершавыми

202 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





цементными стенами. Дыра в потолке была не то вентиляционным отверстием, не то пробоиной. Зеф стоял шагах в двадцати и тоже осматривался, светя фонариком.

— Что это здесь? — спросил Максим.

— Откуда я знаю? — сказал Зеф сварливо. — Может, укрытие какое-нибудь. А может быть,<sup>203</sup> и в самом деле Крепость. *Знаешь, что такое Крепость?*

— Нет, — сказал Максим и стал сползать с кучи.

— Не знаешь... — сказал Зеф рассеянно. Он всё оглядывался, шаря фонариком по стенам. — Что же ты тогда знаешь... Массаракш, — сказал он. — Здесь только что кто-то был...

— Человек? — спросил Максим.

— Не знаю, — ответил Зеф. — Прокрался вдоль стены и пропал... А Крепость, приятель, это такая штука, что мы могли бы за один день закончить всю нашу работу... Ага, следы...

Он присел на корточки. Максим присел рядом и увидел цепочку отпечатков в пыли под стеной.

— Странные следы, — сказал он.

— Да, приятель, — сказал Зеф, оглядываясь. — Я таких следов не видал.

— Словно кто-то на кулаках прошёл, — сказал Максим. Он сжал кулак и сделал отпечаток рядом со следом.

— Похоже, — с уважением признал Зеф. Он посветил вглубь коридора. Там что-то слабо мерцало, отсвечивая, то ли поворот, то ли тупик. — Сходим,<sup>204</sup> посмотрим? — сказал он.

— Тише, — сказал Максим. — Молчите и не двигайтесь.

В подземелье стояла ватная сырая тишина, но коридор не был безжизненным. Кто-то там, впереди, — Максим не мог точно определить, где и как далеко, — стоял, прижимаясь к стене, кто-то небольшой, слабо и незнакомо пахнувший, наблюдающий за ними и недовольный их присутствием. Это было что-то совсем неизвестное, и намерения его были неуловимы.

— Нам обязательно надо идти? — спросил Максим.

— Хотелось бы, — сказал Зеф.

— Зачем?

— Надо посмотреть, может быть,<sup>205</sup> это всё-таки Крепость... Если бы мы нашли Крепость, тогда бы, друг мой, всё стало бы по-другому. Я в Крепость не верю, но раз говорят — как знать... Может быть, и не все врут...

— Там кто-то есть, — сказал Максим. — Я не понимаю — кто.

203 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

204 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

205 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





— Да? Гм... Если это Крепость, здесь, по легенде, живут либо остатки гарнизона... они, понимаешь, тут сидят и не знают, что война кончилась, они, понимаешь, в разгар войны объявили себя нейтральными, заперлись и пообещали, что взорвут весь материк, если к ним полезут...

— А они могут?

— Если это Крепость, они всё могут... Да-а... Наверху ведь всё время взрывы, стрельба... Очень может быть, что они считают, что война ещё не кончилась... Принц здесь какой-то командовал, или герцог, хорошо было бы с ним встретиться и поговорить.

Максим прислушался.

— Нет, — сказал он уверенно. — Нет там ни принца, ни герцога. Там какой-то зверь, что ли... Нет, не зверь... *Либо?*

— Что — *либо?*

— Вы сказали: *либо остатки гарнизона, либо? ...*

— А-а... Ну, это чепуха, бабьи сказки... Пойдём, посмотрим.

Зеф зарядил гранатомёт, взял его навскидку и двинулся вперёд, светя фонариком. Максим пошёл рядом. Несколько минут они брели по коридору, потом упёрлись в стену и свернули направо.

— Вы очень шумите, — сказал Максим. — Там что-то происходит, а вы так сопите...

— Что же мне — не дышать? — немедленно ошетинился Зеф.

— И фонарик мне ваш мешает, — сказал Максим.

— То есть<sup>206</sup> *как это мешает? Темно...*

— В темноте я вижу, — сказал Максим, — а вот из-за вашего фонарика ничего разобрать не могу... Давайте я пойду вперёд, а вы останетесь. А то мы так ничего не узнаем.

— Н-ну, как хочешь... — произнёс Зеф непривычно-неуверенным голосом.

Максим снова зажмурился, отдохнул от неверного света, пригнулся и пошёл вдоль стены, стараясь никак не шуметь. Незнакомый был где-то недалеко, и Максим приближался к нему с каждым шагом. Коридору конца не было. Справа объявились двери, все они были железные и все заперты. Навстречу тянуло сквознячком. Воздух был сыроват, наполнен запахом плесени и ещё того, неизвестного, живого и тёплого. Позади осторожно шумел Зеф, ему было не по себе, и он боялся отстать. Почувствовав это, Максим засмеялся про себя. Он отвлёкся буквально на секунду, и за эту секунду неизвестный впереди исчез. Максим остановился в недоумении. Незнакомый только что был впереди, совсем рядом, а затем в одно мгновение словно растворился в воздухе и так же мгновенно возник за спиной, тоже совсем рядом.

— Зеф! — позвал Максим.

— Да! — гулко отозвался рыжебородый.

Максим представил себе, как неизвестный стоит между ними и поворачивает голову на голоса.

206 В оригинале «То-есть» через дефис. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— Он между нами, — сказал Максим. — Не вздумайте стрелять.

— Ладно, — сказал Зеф, помолчав. — Ни черта не видно, — сообщил он. — Как он выглядит?

— Не знаю, — ответил Максим. — Мягкое.

— Животное?

— Не похоже, — сказал Максим.

— Ты же сказал, что *видишь в темноте*.

— *Я не глазами вижу*, — сказал Максим. — Помолчите.

— *Не глазами...* — проворчал Зеф и затих.

Неизвестный постоял, пересёк коридор, исчез и через некоторое время снова появился впереди. *Ему тоже любопытно*, подумал Максим. *Он очень старался вызвать в себе ощущение симпатии к этому существу, но что-то мешало — вероятно, неприятное сочетание незвериного интеллекта с полузвериной внешностью.* Он снова пошёл вперёд. Неизвестный отступал, сохраняя постоянную дистанцию.

— Как дела? — спросил Зеф.

— Всё то же, — ответил Максим. — Возможно, он нас куда-то ведёт или заманивает.

— А справимся? — спросил Зеф.

— Он не собирается нападать, — сказал Максим. — Ему самому интересно.

Он замолчал, потому что неизвестный снова исчез, и Максим сейчас же почувствовал, что коридор кончился. Вокруг было большое помещение. Всё-таки здесь было слишком темно. Максим почти ничего не видел. Он ощущал присутствие металла, стекла, попахивало ржавчиной, и был здесь ток высокого напряжения. Несколько секунд Максим стоял неподвижно, потом, разобрав, где выключатель, потянулся к нему, но тут неизвестный появился снова. И не один. С ним был второй, похожий, но не точно такой же. Они стояли у той самой стены, что и Максим, он слышал их дыхание — частое и влажное. Он замер, надеясь, что они подойдут поближе, но они не подходили, и тогда он, изо всех сил сузив зрачки, нажал на клавишу выключателя.

По-видимому, что-то было не в порядке в цепи — лампы вспыхнули лишь на долю секунды, где-то с треском лопнули предохранители, и свет снова погас, но Максим успел увидеть, что неизвестные существа были небольшие, ростом с крупную собаку, стояли на четвереньках, были покрыты тёмной шерстью, и у них были большие тяжёлые головы. Глаза их Максим разглядеть не успел. Существа немедленно исчезли, как будто их и не было.

— Что там у тебя? — спросил Зеф встревоженно. — Что за вспышка?

— Я зажигал свет, — отозвался Максим. — Идите сюда.

— А где этот? Ты его видел?

— Почти не видел. Похожи всё-таки на животных. Вроде собак с большими головами...

По стенам запрыгали отсветы фонарика. Зеф говорил на ходу:







— А, собаки... Знаю, живут здесь такие в лесу. Живых я их, правда, никогда не видел, но подстреленных — много раз...

— Нет, — сказал Максим с сомнением. — Это всё-таки *не животные*.

— *Животные, животные*, — сказал Зеф. Голос его гулко отдался под высоким сводом. — Зря мы с тобой перетрусили. Я было подумал, что это упыри... Массаракш! Да это же Крепость!

Он остановился посередине помещения, шаря лучом по стенам, по рядом циферблатов, по распределительным щитам. Сверкало стекло, никель, выцветшая пластмасса.

— Ну, поздравляю, Мак. Всё-таки мы её с тобой нашли. Зря я не верил. Зря... А это что такое? Ага... Это электронный мозг, и ведь всё под током. Ах, чёрт возьми, сюда бы Кузнецца... Слушай, а ты ничего в этом не понимаешь?

— В чём именно? — спросил Максим, подходя.

— Вот во всей этой механике... Это же пульт управления! Если в нём разобраться — весь край наш! Вся эта техника наверху управляется отсюда! Ах, если бы разобраться, массаракш! ...

Максим отобрал у него фонарик, поставил так, чтобы свет рассеивался по помещению, и огляделся. Везде лежала пыль, лежала уже много лет, а на столе в углу, на расстеленной истлевшей бумаге стояла тарелка, заляпанная чёрным, и рядом — вилка. Максим прошёлся вдоль пультов, потрогал верньеры, попытался включить электронную машину, взялся за какой-то рубильник — рукоять осталась у него в пальцах...

— Вряд ли, — сказал он, наконец. — Вряд ли отсюда можно чем-нибудь особенным управлять. Во-первых, слишком здесь всё просто, скорее всего,<sup>207</sup> это либо станция наблюдения, либо одна из контрольных подстанций... тут всё какое-то вспомогательное... и машина слабая, не хватит даже, чтобы десятком танков управлять... А потом здесь же всё развалилось, ни к чему нельзя притронуться. Ток, правда, есть, но напряжение ниже нормы, котёл, наверное, совсем забило... Нет, Зеф, всё это не так просто, как вам кажется.

Он вдруг заметил торчащие из стены длинные трубки, соединённые резиновыми наглазником, пододвинул алюминиевый стул, уселся и сунул лицо в наглазник. К его удивлению,<sup>208</sup> оптика оказалась в превосходном состоянии, но ещё больше он удивился тому, что увидел. В поле его зрения был совсем незнакомый пейзаж: бело-жёлтая пустыня, песчаные дюны, остов какого-то металлического сооружения... Там дул сильный ветер, бежали по дюнам струйки песка, мутный горизонт заворачивался чашей.

— Посмотрите, — сказал он Зефу. — Где это?

Зеф прислонил гранатомёт к пульта, подошёл и посмотрел.

— Странно, — сказал он, помолчав. — Это пустыня. Это, друг мой, от нас километров четыреста... — Он отодвинулся от окуляров и поднял глаза на Максима. — Сколько же они труда во всё это вбили, мерзавцы... А что толку? Вон ветер гуляет по пескам, а какой это был край! ... Меня до войны

207 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

208 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





мальчишкой ещё на курорт возили... — Он встал. — Пойдём отсюда к чёрту, — сказал он горько и взял фонарик. — Мы с тобой тут ничего не поймём. Придётся ждать, когда Кузнеца сцапают и посадят... Только его не посадят, а расстреляют, наверное... Ну, пошли?

— Да, — сказал Максим. Он разглядывал странные следы на полу. — *Вот это меня интересует гораздо больше,* — сообщил он.

— И напрасно, — сказал Зеф. — Тут, наверное, много всякого зверья бегают...

Он закинул за спину гранатомёт и пошёл к выходу из зала. Максим, оглядываясь на следы, двинулся за ним.

— Жрать хочется, — сказал Зеф.

Они пошли по коридору. Максим предложил взломать одну из дверей, но по мнению Зефа это было ни к чему. *Этим делом надо заниматься серьёзно,* сказал он. *Что мы тут будем время тратить, мы ещё норму не отработали, а сюда нужно прийти со знающим человеком...*

— На вашем месте, — возразил Максим, — я бы не очень рассчитывал на эту вашу Крепость. Во-первых, здесь всё сгнило, а во-вторых, она уже занята.

— Кем это? Ах, ты опять про собак? ... И ты туда же. Те про упырей твердят, а ты...

Зеф замолчал. По коридору пронёсся гортанный возглас, многократным эхом отразился от стен и затих. И сразу же, откуда-то издали отозвался другой такой же голос. Это были *очень знакомые звуки,* но Максим никак не мог вспомнить, где слышал их.

— Так вот,<sup>209</sup> кто это кричит по ночам! — сказал Зеф. — А мы думали — птицы...

— Странный крик, — сказал Максим.

— Странный — не знаю, — возразил Зеф. — Но страшноватый. Ночью как начнут орать по всему лесу — душа в пятки уходит. Сколько об этих криках сказок рассказывают... Был один уголовник, так он хвастался, будто знает этот язык. Переводил.

— И что же он переводил? — спросил Максим.

— А, вздор. Какой там язык...

— А где этот уголовник?

— Да его съели, — сказал Зеф. — Он был в строителях, партия в лесу заблудилась, ребята оголодали и, сам понимаешь...

Они свернули налево, и далеко впереди показалось смутное бледное пятно света. Зеф выключил фонарик и спрятал в карман. Он шёл теперь впереди, и когда резко остановился, Максим чуть не налетел на него.

— Массаракш, — пробормотал Зеф.

На полу поперёк коридора лежал человеческий костяк.

Зеф снял с плеча гранатомёт и огляделся.

— Этого здесь не было, — пробормотал он.

209 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





— Да, — сказал Максим. — Его только что положили.

Сзади, в глубине подземелья, вдруг разразился целый хор гортанных протяжных воплей. Вопли мешались с эхом, казалось, что вопит тысяча глоток, и все они вопили хором, словно скандируя какое-то странное слово из четырёх слогов. Максиму почудилась издёвка, вызов, насмешка. Затем хор умолк так же внезапно, как начался. Зеф шумно перевёл дыхание и опустил гранатомёт. Максим снова посмотрел на скелет.

— По-моему, это намёк, — сказал он.

— По-моему, тоже, — пробурчал Зеф. — Пойдём скорее.

Они быстро дошли до пролома в потолке, забрались на земляную кучу и увидели над собой встревоженное лицо Вепря. Он лежал грудью на краю пролома, спустив вниз верёвку с петлёй.

— Что там у вас? — спросил он. — Это вы кричали?

— Сейчас расскажем, — сказал Зеф. — Верёвку закрепил?

Они выбрались наверх, Зеф свернул себе и однорукому по сигарке, закурил и некоторое время молчал, видимо, пытаясь составить какое-то мнение о том, что произошло.

— Ладно, — сказал он, наконец. — Коротко — было вот что. Это — Крепость. Там есть пульта, мозг и всё такое. Всё в плачевном состоянии, но энергия есть, и пользу мы из этого извлечём, нужно только найти понимающих людей... Дальше. — Он затаился и, широко раскрыв рот, выпустил клуб дыма — совсем как испорченный газомёт. — Дальше. Судя по всему, там живут собаки. Помнишь, я тебе рассказывал? Собаки такие — голова, как у медведя. Кричали они... а если подумать, то может и не они, потому что видишь ли... как бы тебе сказать... пока мы с Маком там бродили, кто-то выложил в коридоре человеческий скелет. Вот и всё.

Однорукий посмотрел на него, потом на Максима.

— Мутанты? — спросил он.

— Возможно, — сказал Зеф. — Я вообще никого не видел, а Мак говорит, что видел собак... только не глазами. Чем ты их там видел, Мак?

— Глазами я их тоже видел, — сказал Максим. — И хочу, кстати, добавить, что никого, кроме этих ваших собак, там не было.<sup>210</sup> Я бы знал. И собаки эти ваши — не то, что вы думаете. *Это не звери.*

Вепрь не сказал ничего. Он поднялся, смотал верёвку, подвесил её к поясу и снова сел рядом с Зефом.

— Чёрт его знает, — пробормотал Зеф. — Может быть,<sup>211</sup> и не звери... Здесь всё может быть. Здесь у нас Юг...

— А может быть, эти собаки и есть мутанты? — спросил Максим.

— Нет, — сказал Зеф. — Мутанты — это просто очень уродливые люди. И дети людей самых обыкновенных. *Мутанты. Знаешь, что это такое?*

— Знаю, — сказал Максим. — Но весь вопрос в том, как далеко может зайти мутация.

210 В оригинале запятая вместо точки в конце предложения. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

211 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





Некоторое время все молчали, раздумывая. Потом Зеф сказал:

— Ну, раз ты такой образованный, хватит болтать. Подъём! — Он поднялся. — Осталось нам немного, но время поджигает. А жрать охота... — он подмигнул Максиму, — ... прямо-таки патологически. Ты знаешь, что такое «патологически»?

Максим сказал, что знает, и они пошли.

Оставалось ещё расчистить юго-западную четверть квадрата, но ничего расчищать они не стали. Какое-то время назад здесь, вероятно, взорвалось что-то очень мощное. От старого леса остались только полусгнившие поваленные стволы, да обгорелые пни, срезанные, как бритвой, а на его месте уже поднялся молодой редкий лесок. Почва почернела, обуглилась и была нашпигована испорошенной ржавчиной. Никакая техника не могла уцелеть после такого взрыва, и Максим понял, что Зеф привёл их сюда не для работы.

Навстречу им из кустарника вылез обросший человек в грязном арестантском балахоне. Максим узнал его: это был первый абориген, которого он встретил, старый Зефов напарник, сосуд мировой скорби.

— Подождите, — сказал Вепрь, — я с ним поговорю.

Зеф велел Максиму сесть, где стоит, уселся сам и принялся перематывать портянки, дудя в бороду уголовный романс «Я мальчик лихой, меня знает окраина». Вепрь подошёл к сосуду скорби, и они, удалившись за кусты, принялись разговаривать шёпотом. Максим слышал их прекрасно, но понять ничего не мог, потому что говорили они на каком-то жаргоне, и он узнал только несколько раз повторённое слово «почта». Скоро он перестал прислушиваться. Он чувствовал себя утомлённым, грязным, сегодня было слишком много бессмысленной работы, бессмысленного нервного напряжения, слишком долго он дышал сегодня всякой гадостью и принял слишком много рентген. И опять за весь этот день не было сделано ничего настоящего, ничего нужного, и ему очень не хотелось возвращаться в барак.

Потом сосуд скорби исчез, а Вепрь вернулся, сел перед Максимом на пень и сказал:

— Ну, давайте поговорим.

— Всё в порядке? — спросил Зеф.

— Да, — сказал Вепрь.

— Я же тебе говорил, — сказал Зеф, рассматривая портянку на свет. — У меня на таких чутьё.

— Ну так вот, Мак, — сказал Вепрь. — Мы вас проверили, насколько это возможно при нашем положении. Генерал за вас ручается. С сегодняшнего дня вы будете подчиняться мне.

— Очень рад, — сказал Максим, криво улыбаясь. Ему хотелось сказать: «А ведь за вас-то Генерал передо мной не поручался», но он только добавил: — Слушаю вас.

— Генерал сообщает, что вы не боитесь радиации и не боитесь излучателей. Это правда?

— Да.







— Значит, вы в любой момент можете переплыть Голубую Змею, и это вам не повредит?

— Я уже сказал, что *могу бежать отсюда хоть сейчас*.

— Нам не нужно, чтобы вы бежали... Значит, насколько я понимаю, патрульные машины вам тоже не страшны?

— Вы имеете в виду передвижные излучатели? Нет, не страшны.

— Очень хорошо, — сказал Вепрь. — Тогда ваша задача на ближайшее время полностью определяется. *Вы будете связным*. Когда я вам прикажу, вы переплывёте реку и пошлёте из ближайшего почтового отделения телеграммы, которые я вам дам. Понятно?

— Это мне понятно, — медленно проговорил Максим. — Мне не понятно другое...

Вепрь смотрел на него, не мигая, — сухой, жилистый, искалеченный старик, холодный и беспощадный боец, сорок лет боец, а может быть,<sup>212</sup> даже с пелёнок боец, страшное и восхищающее порождение мира, где ценность человеческой жизни равна нулю, ничего не знающий, кроме борьбы, — и в его внимательных прищуренных глазах Максим как в книге читал свою судьбу на ближайшие несколько лет.

— Да? — сказал Вепрь.

— Давайте договоримся сразу, — твёрдо сказал Максим. — Я не желаю действовать вслепую. Я не намерен заниматься делами, которые, на мой взгляд, нелепы и не нужны.

— Например? — сказал Вепрь.

— Я знаю, что такое дисциплина. И я знаю, что без дисциплины вся наша работа ничего не стоит. Но я считаю, что дисциплина должна быть разумной, подчинённый должен быть уверен, что приказ разумен. Вы приказываете мне быть связным. Я готов быть связным, я годен на большее, но если это нужно, я буду связным. Но я должен знать, что телеграммы, которые я посылаю, не послужат бессмысленной гибели и без того несчастных людей...

Зеф задрал было бородищу, но Вепрь и Максим одинаковым движением остановили его.

— Мне было приказано взорвать башню, — продолжал Максим. — Мне не объясняли, зачем это нужно. Я видел, что это глупая и смертельная затея, но я выполнил приказ. Я потерял троих товарищей, а потом оказалось, что всё это — ловушка государственной прокуратуры. И я говорю: *хватит! Я больше не намерен нападать на башни. И более того, я намерен всячески препятствовать операциям такого рода...*

— Ну и дурак! — сказал Зеф. — Сопляк.

— Почему? — спросил Максим.

— Погодите, Зеф, — сказал Вепрь. Он по-прежнему не спускал глаз с Максима. — Другими словами, Мак, вы хотите знать<sup>213</sup> все планы штаба?

— Да, — сказал Максим. — Я не хочу работать вслепую.

212 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

213 В оригинале запятая. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— А ты, братец, наглец, — объявил Зеф. — У меня, братец, слов не хватает, чтобы описать, какой ты наглец! ... Слушай, Вепрь, а он мне нравится. Не-ет, глаз у меня верный...

— Вы требуете слишком большого доверия, — холодно сказал Вепрь. — Такое доверие надо заслужить на низовой работе.

— А низовая работа состоит в том, чтобы валить дурацкие башни? — сказал Максим. — Я, правда, всего несколько месяцев в подполье, но всё это время я слышу только одно: *башни, башни, башни...* А я не хочу валить башни, это бессмысленно! Я хочу драться против тирании, против голода, разрухи, коррупции, лжи... против системы лжи, а не против системы башен! Я понимаю, конечно, башни мучают вас, просто физически мучают... Но даже против башен вы выступаете как-то по-дурацки. Совершенно очевидно, что башни ретрансляционные, а значит, надо бить в центр, а не сколупывать их по одной...

Вепрь и Зеф заговорили одновременно.

— Откуда вы знаете про центр? — спросил Вепрь.

— А где ты его, этот центр, найдёшь? — спросил Зеф.

— То, что центр должен быть, ясно каждому мало-мальски грамотному инженеру, — сказал Максим пренебрежительно. — А как найти центр — это и есть задача, которой мы должны заниматься. Не бегать на пулемёты, не губить зря людей, а искать центр...

— Во-первых, это мы и без тебя знаем, — сказал Зеф, закипая. — А во-вторых, массаракш, *никто не погиб зря!* Каждому мало-мальски грамотному инженеру, сопляк ты сопливый, должно быть ясно, что повалив несколько башен, мы нарушим систему ретрансляции и сможем освободить целый район! А для этого надо уметь валить башни. И мы учимся это делать, понимаешь или нет? И если ты ещё раз, массаракш, скажешь, что наши ребята гибнут зря...

— Подождите, — сказал Максим. — Уберите рúки. Освободить район... Ну хорошо, а дальше?

— Всякий сопляк приходит здесь и говорит, что мы гибнем зря, — сказал Зеф.

— А дальше? — настойчиво повторил Максим. — Гвардейцы подвозят излучатели, и вам конец?

— Чёрта с два! — сказал Зеф. — За это время население района перейдёт на нашу сторону, и не так-то просто им будет сунуться. Одно дело — десяток так называемых выроdkов, а другое дело — десяток тысяч озверевших крестьян...

— Зеф, Зеф! — предостерегающе сказал Вепрь.

Зеф нетерпеливо отмахнулся от него.

— ... Десяток тысяч озверевших крестьян, которые поняли и на всю жизнь запомнили, что их двадцать лет бесстыдно дурачили...

Вепрь махнул рукой и отвернулся.





— Погодите, погодите, — сказал Максим. — Что это вы говорите? С какой это стати они вдруг *поймут*? Да они вас на куски разорвут. Ведь они-то считают, что это противобаллистическая защита...

— А ты что считаешь? — спросил Зеф, странно усмехаясь.

— Ну, я-то знаю, — сказал Максим. — Мне рассказывали...

— Кто?

— Доктор... и Генерал... А что — это тайна?

— Может быть, хватит на эту тему? — сказал Вепрь тихо.

— А почему — *хватит*? — возразил Зеф тоже как-то очень интеллигентно. — Почему, собственно, — хватит, Вепрь? Ты знаешь, *что* я об этом думаю. Ты знаешь, *почему* я здесь сижу и *почему* я здесь останусь до конца жизни. А я знаю, *что* думаешь по этому поводу *ты*. Так почему же — *хватит*? Мы оба считаем, что об этом надо кричать на всех перекрёстках, а когда доходит до дела — вдруг вспоминаем о подпольной дисциплине и принимаемся послушно играть на-руку всем этим вождистам, либералам, просветителям, всем этим неудавшимся Отцам... А теперь перед нами этот мальчик. Ты же видишь, *какой он*. Неужели и такие не должны *знать*?

— Может быть, именно такие и не должны *знать*, — всё также тихо ответил Вепрь.

Максим, не понимая, переводил взгляд с одного на другого. Они вдруг сделались очень непохожи сами на себя, они как-то поникли, и в Вепре уже не ощущался стальной стержень, о который сломало зубы столько прокуратур и полевых судов, а в Зефе исчезла его бесшабашная вульгарность и прорезалась какая-то тоска, какое-то скрытое отчаяние, обида, покорность... словно они вдруг вспомнили что-то, о чём должны были и честно старались забыть.

— Я расскажу ему, — сказал Зеф. Он не спрашивал разрешения и не советовался. Он просто сообщал. Вепрь промолчал, и Зеф стал рассказывать.

То, что он рассказал, было чудовищно. Это было чудовищно само по себе, и это было чудовищно потому, что больше не оставляло места для сомнений. Всё время, пока он говорил — негромко, спокойно, чистым интеллигентным языком, вежливо замолкая, когда Вепрь вставлял короткие реплики, — Максим изо всех сил старался найти хоть какую-нибудь прореху в этой новой системе мира, но его усилия были тщетны. Картина получалась стройная, примитивная, безнадёжно логичная, она объясняла все известные Максиму факты и не оставляла ни одного факта необъяснённым. Это было самое большое и самое страшное открытие из всех, которые Максим сделал на своём обитаемом острове.

Излучение башен предназначалось не для выродков. Оно действовало на нервную систему каждого человеческого существа этой планеты. Физиологический механизм воздействия известен не был, но суть этого воздействия сводилась к тому, что мозг облучаемого терял способность к критическому анализу действительности. Человек мыслящий превращался в человека верующего, причём верующего исступлённо, фанатически, вопреки бьющей в глаза реальности. Человеку, находящемуся в поле





излучения, можно было самыми элементарными средствами внушить всё, что угодно, и он принимал внушаемое как светлую и единственную истину и готов был жить для неё, страдать за неё, умирать за неё.

А поле было всегда. Незаметное, вездесущее, всепроникающее. Его непрерывно излучала гигантская сеть башен, опутывающая страну. Гигантским пылесосом оно вытягивало из десятков миллионов душ всякое сомнение по поводу того, что кричали газеты, брошюры, радио, телевидение, что твердили учителя в школах и офицеры в казармах, что сверкало неонов поперёк улиц, что провозглашалось с амвонов церковей. Неизвестные Отцы направляли волю и энергию миллионных масс, куда им заблагорассудится. Они могли заставить и заставляли массы обожать себя; могли возбуждать и возбуждали неутолимую ненависть к врагам внешним и внутренним; они могли бы при желании направить миллионы под пушки и пулемёты, и миллионы пошли бы умирать с восторгом; они могли бы заставить миллионы убивать друг друга во имя чего угодно; они могли бы, возникни у них такой каприз, вызвать массовую эпидемию самоубийств... Они могли всё.

А дважды в сутки, в десять утра и в десять вечера, гигантский пылесос запускали на полную мощность, и на полчаса люди переставали вообще быть людьми. Все подспудные напряжения, накопившиеся в подсознании из-за несоответствия между внушённым и реальным, высвобождались в пароксизме горячего энтузиазма, в восторженном экстазе раболепия и преклонения. Такие лучевые удары полностью подавляли рефлексy и инстинкты и замещали их чудовищным комплексом преклонения и долга перед Неизвестными Отцами. В этом состоянии облучаемый полностью терял способность рассуждать и действовал, как робот, получивший приказ.

Опасность для Отцов могли представлять только люди, которые в силу каких-то физиологических особенностей были невосприимчивы к внушению. Их называли вырожденками. Постоянное поле на них не действовало вовсе, а лучевые удары вызывали у них только невыносимые боли. Вырожденков было сравнительно мало, что-то около одного процента, но они были единственными бодрствующими людьми в этом царстве сомнамбул. Только они сохраняли способность трезво оценивать обстановку, воспринимать мир, как он есть, воздействовать на мир, изменять его, управлять им. И самое гнусное заключалось в том, что именно они поставляли обществу правящую элиту, называемую Неизвестными Отцами. Все Неизвестные Отцы были вырожденками, но далеко не все вырожденки были Неизвестными Отцами. И те, кто не сумел войти в элиту, или не захотел войти в элиту, или не знал, что существует элита, — вырожденки-властолюбцы, вырожденки-революционеры, вырожденки-обыватели, — были объявлены врагами человечества, и с ними поступали соответственно.

Максим испытывал такое отчаяние, словно вдруг обнаружил, что его обитаемый остров населён на самом деле не людьми, а куклами. Надеяться было не на что. План Зефа захватить сколько-нибудь значительный район представлялся попросту авантюрой. Перед ними была огромная машина, слишком простая, чтобы эволюционировать, и слишком огромная, чтобы можно было надеяться разрушить её небольшими силами. Не было силы в







стране, которая могла бы освободить огромный народ, понятия не имеющий, что он не свободен, выпавший, по выражению Вепря, из хода истории. Эта машина была неуязвима изнутри. Она была устойчива по отношению к любым малым возмущениям. Будучи частично разрушена, она немедленно восстанавливалась. Будучи раздражена, она немедленно и однозначно реагировала на раздражение, не заботясь о судьбе своих отдельных элементов. Единственную надежду оставляла мысль, что у машины был Центр, пульт управления, мозг. Этот Центр теоретически можно было разрушить, тогда машина замрёт в неустойчивом равновесии, и наступит момент, когда можно будет попытаться перевести этот мир на другие рельсы, вернуть его на рельсы истории. Но местонахождение Центра было величайшей тайной, да и кто будет его разрушать? Это не атака на башню. Это операция, которая потребует огромных средств и прежде всего — армии людей, неподверженных действию излучения. Нужны были люди, невосприимчивые к излучению, или простые, легко доступные средства защиты. Ничего этого не было и даже не предвиделось. Несколько сотен тысяч выродков были раздроблены, разрозненны, преследуемы, многие вообще относились к категории так называемых легальных, но если бы даже их удалось объединить и вооружить, эту маленькую армию Неизвестные Отцы уничтожили бы немедленно, выслав ей навстречу передвижные излучатели, включённые на полную мощность...

Зеф давно уже замолчал, а Максим всё сидел, понурившись, ковыряя прутиком чёрную сухую землю. Потом Зеф покашлял и сказал неловко:

— Да, приятель. Вот оно как на самом-то деле...

Кажется, он уже раскаивался в том, что рассказал, как оно на самом деле.

— На что же вы надеетесь? — проговорил Максим.

Зеф и Вепрь молчали. Максим поднял голову, увидел их лица и пробормотал:

— Простите... Я... Это всё так... Простите.

— Мы должны бороться, — ровным голосом произнёс Вепрь, — мы боремся, и мы будем бороться. Зеф сообщил вам одну из стратегий штаба. Существуют и другие, столь же уязвимые для критики и ни разу не опробованные практически... Вы понимаете, у нас сейчас всё в становлении. Зрелую теорию борьбы не создашь на пустом месте за два десятка лет...

— Скажите, — медленно проговорил Максим, — это излучение... Оно действует одинаково на все народы вашего мира?

Вепрь и Зеф переглянулись.

— Не понимаю, — сказал Вепрь.

— Я имею в виду вот что. Есть здесь какой-нибудь народ, где найдётся хотя бы несколько тысяч таких, как я?

— Вряд ли, — сказал Зеф. — Разве что у этих... у мутантов. Массаракш, ты не обижайся, Мак, но ведь ты — явный мутант... Счастливая мутация, один шанс на миллион...





— Я не обижаюсь, — сказал Максим. — Значит, мутанты... Это там, дальше на юг?

— Да, — сказал Вепрь. Он пристально глядел на Максима.

— А что там, собственно, на юге? — спросил Максим.

— Лес, потом пустыня... — ответил Вепрь.

— И мутанты?

— Да. Полузвери. Сумасшедшие дикари... Слушайте, Мак, бросьте вы это.

— Вы их когда-нибудь видели?

— Я видел только мёртвых, — сказал Вепрь. — Их иногда ловят в лесу, а потом вешают перед бараками для поднятия духа.

— А за что?

— За шею! — рявкнул Зеф. — Дурак! Это зверьё! Они неизлечимы, и они опаснее любого зверя! Я-то их повидал, ты такого и во сне не видел...

— А зачем туда тянут башни? — спросил Максим. — Хотят их приручить?

— Бросьте, Мак, — снова сказал Вепрь. — Это безнадежно. Они нас ненавидят... А впрочем, поступайте, как знаете. Мы никого не держим.

Наступило молчание. Потом вдалеке, у них за спиной, послышался знакомый лязгающий рык. Зеф приподнялся.

— Танк... — сказал он раздумчиво. — Пойти его убить? ... Это недалеко, восемнадцатый квадрат... Нет, завтра.

Максим вдруг решил:

— Я им займусь. Идите, я вас догоню.

Зеф с сомнением поглядел на него.

— Сумеешь ли? — сказал он. — Подорвёшься ещё...

— Мак, — сказал однорукий. — Подумайте!

Зеф всё смотрел на Максима, а потом вдруг осклабился.

— Ах,<sup>214</sup> вот зачем тебе танк! — сказал он. — Хитрец, парень. Не-ет, меня не обманешь. Ладно, иди, ужин я тебе сберегу, одумаешься — приходи жрать... Да имей в виду, что многие самоходки заминированы, копайся там осторожнее... Пошли, Вепрь. Он догонит.

Вепрь хотел ещё что-то сказать, но Максим уже поднялся и зашагал к просеке. Он больше не хотел разговоров. Он шёл быстро, не оборачиваясь, держа гранатомёт под мышкой. Теперь, когда он принял решение, ему сделалось легче, и предстоящее дело зависело только от его умения и от его сноровки.

214 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





## 14.

Под утро Максим вывел танк на шоссе и развернул носом на юг. Можно было ехать, но он вылез из отсека управления, спрыгнул на изломанный бетон и присел на краю кювета, вытирая травой запачканные руки. Ржавая громадина мирно клочкотала рядом, уставив в мутное небо острую верхушку ракеты.

Он проработал всю ночь, но усталости не чувствовал. Аборигены строили прочно, машина оказалась в неплохом состоянии. Никаких мин, конечно, не обнаружилось, а ручное управление, напротив, было. Если кто-нибудь и подрывался на таких машинах, то это могло произойти только из-за изношенности котла, либо от полного технического невежества. Котёл, правда, давал не больше двадцати процентов нормальной мощности, и была порядком потрёпана ходовая часть, но Максим был доволен — вчера он не надеялся и на это.

Было около шести часов утра, совсем рассвело. Обычно в это время воспитуемых строили в клетчатые колонны, наскоро кормили и выгоняли на работы. Отсутствие Максима было, конечно, уже замечено, и вполне возможно, что теперь он числился в бегах и был приговорён, а может быть,<sup>215</sup> Зеф придумал какое-нибудь объяснение — подвернулась нога, ранен или ещё что-нибудь.

В лесу стало тихо. «Собаки», переключавшиеся всю ночь, утомонились, ушли, наверное, в подземелье и хихикают там, потирая лапы, вспоминая, как напугали вчера двуногих... Этими «собаками» надо будет потом основательно заняться, но сейчас придётся оставить их в тылу. Интересно, воспринимают они излучение или нет? Странные существа... Ночью, пока он копался в двигателе, двое всё время торчали за кустами, тихонько наблюдая за ним, а потом пришёл третий и забрался на дерево, чтобы лучше видеть. Максим, высунувшись из люка, помахал ему рукой, а потом, озорства ради, воспроизвёл как мог то четырёхсложное слово, которое вчера скандировал хор. Тот, что был на дереве, страшно рассердился, засверкал глазами, надул шерсть по всему телу и принялся выкрикивать какие-то гортанные оскорбления. Двое в кустах были, очевидно, этим шокированы, потому что немедленно ушли и больше не возвращались. А ругатель ещё долго не слезал и всё никак не мог успокоиться: шипел, плевался, делал вид, что хочет напасть, и скалил белые редкие клыки. Убрался он только под утро, поняв, что Максим не собирается вступать с ним в честную драку... Вряд ли они разумны в человеческом смысле, но существа занятные и, вероятно, представляют собой какую-то организованную силу, если сумели выжить из Крепости военный гарнизон во главе с принцем-герцогом... До чего же у них здесь мало информации, одни слухи и легенды... Хорошо бы помыться сейчас, весь извозился в ржавчине, да и котёл подтекает, кожа горит от радиации. Если Зеф и однорукий согласятся ехать, надо будет заслонить котёл тремя-четырьмя плитами, ободать броню с бортов...

215 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





Далеко в лесу что-то бухнуло, отдалось эхом — сапёры-смертники начали рабочий день. Бессмыслица, бессмыслица... Снова бухнуло, застучал пулемёт, стучал долго, потом стих. Стало совсем светло, день выдавался ясный, небо было без туч, равномерно белое, как светящееся молоко. Бетон на шоссе блестел от росы, а вокруг танка росы не было — от брони шло нездоровое тепло.

Потом из-за кустов, напolzших на дорогу, появились Зеф и Вепрь, увидели танк и зашагали быстрее. Максим поднялся и пошёл навстречу.

— Жив! — сказал Зеф вместо приветствия. — Так я и думал. Баланду твою я, брат, того... не в чем нести. А хлеб принёс, лопай.

— Спасибо, — сказал Максим, принимая краюху.

Вепрь стоял, опершись на миноискатель, и смотрел на него.

— Лопай и удирай, — сказал Зеф. — Там, брат, за тобой приехали. По-моему, на доследование тебя хотят...

— Кто? — спросил Максим, перестав жевать.

— Нам не доложил, — сказал Зеф. — Какой-то штымп<sup>216</sup> в орденах с ног до головы. Орал на весь лагерь, почему тебя нет, меня чуть не застрелил... а я, знай, глаза луплю и докладываю: так-мол и так, погиб на минном поле смертью храбрых...

Он обошёл танк вокруг, сказал: «Экая пакость...», сел на обочину и стал свёртывать сигарку.

— Странно, — сказал Максим, задумчиво откусывая от краюхи. — На доследование? ... Зачем?

— Может быть, это Фанк? — негромко спросил Вепрь.

— Фанк? Среднего роста, квадратное лицо, кожа шелушится? ...

— Какое там, — сказал Зеф. — Здоровенная жердь, весь в прыщах, дурак дураком — Гвардия.

— Это не Фанк, — сказал Максим.

— Может быть, по приказу Фанка? — спросил Вепрь.

Максим пожал плечами и отправил в рот последнюю корку.

— Не знаю, — сказал он. — Раньше я думал, что Фанк имеет какое-то отношение к подполью, а теперь не знаю, что и думать...

— Тогда вам, пожалуй, действительно лучше уехать, — проговорил Вепрь. — Хотя, честно говоря, я не знаю, что хуже — мутанты или этот гвардейский чин...

— Да ладно, пусть едет, — сказал Зеф. — Связным он у тебя работать всё равно не станет, а так,<sup>217</sup> по крайней мере,<sup>218</sup> хоть привезёт какую-нибудь информацию о Юге... если с него там шкуру не сдерут.

— Вы, конечно, со мной не поедете, — сказал Максим утвердительно.

Вепрь покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Желаю удачи.

216 На воровском жаргоне «штymп» — изначально свидетель, но часто и просто человек. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

217 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

218 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— Ракету сбрось, — посоветовал Зеф. — А то взорвёшься с нею... И вот что. Впереди у тебя будут две заставы. Ты их проскочишь легко, только не останавливайся. Они повернуты на юг. А вот дальше будет хуже. Радиация ужасная, жрать нечего, мутанты, а ещё дальше — пески, безводье.

— Спасибо, — сказал Максим. — До свидания.

Он вспрыгнул на гусеницу, отвалил люк и залез в жаркую полутьму. Он уже положил руки на рычаги, когда вспомнил, что остался ещё один вопрос. Он высунулся.

— Слушайте, — сказал он. — А почему истинное назначение башен скрывают от рядовых подпольщиков?

Зеф сморщился и плюнул, а Вепрь грустно ответил:

— Потому что большинство в штабе надеется когда-нибудь захватить власть и использовать башни по-старому, но для других целей.

— Для каких — *других*? — мрачно спросил Максим.

— Для воспитания масс в духе добра и взаимной любви, — сказал Вепрь.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Зеф, отвернувшись, старательно заклеивал языком цигарку. Потом Максим сказал: «Желаю вам выжить» и вернулся к рычагам. Танк загредел, залязгал, хрустнул гусеницами и покатился вперёд.

Вести машину было неудобно. Сидения для водителя не было, а груда веток и травы, которую Максим набросал ночью, очень быстро расплзлась. Обзор был отвратительный, разогнаться как следует не удавалось — на скорости тридцать километров в двигателе начинало что-то греметь и захлёбываться, поднималась вонь. Правда, проходимость у этого атомного одра всё ещё была прекрасная. Дорога или не дорога — ему было всё равно, кустов и неглубоких рытвин он не замечал вовсе, поваленные деревья давил в крошку. Молодые деревца, проросшие сквозь рассеявшийся бетон, он с лёгкостью подминал под себя, а через глубокие ямы, наполненные тухлой водой, переползал, словно бы даже фыркая от удовольствия. И курс он держал прекрасно, повернуть его было весьма нелегко.

Шоссе было довольно прямое, в отсеке — грязно и душно, и в конце концов Максим поставил ручной газ, вылез наружу и удобно устроился на краю люка под решётчатым лотком ракеты. Танк пёр вперёд, словно это и был его настоящий курс, заданный давней программой. Было в нём что-то самодовольное и простоватое, и Максим, любивший машины, даже похлопал его по броне, выражая одобрение.

Жить было можно. Справа и слева уползал назад лес, мерно клокотал двигатель, радиация наверху почти не чувствовалась, ветерок был сравнительно чистым и приятно охлаждал горящую кожу. Максим поднял голову и взглянул на качающийся нос ракеты. *Пожалуй, её действительно нужно сбросить. Лишний вес. Взорваться она, конечно, не взорвётся, давно «протухла», он ещё ночью обследовал её, но весит она тонн десять, зачем такое таскать?* Танк полз себе вперёд, а Максим принялся лазить по лотку, отыскивая механизм крепления. Он нашёл механизм, но всё заржавело, и пришлось повозиться, и пока он возился, танк дважды съезжал на





поворотах в лес и принимался, гневно завывая, ломать деревья, и Максиму приходилось спешить к рычагам, успокаивать железного дурака и выводить его снова на дорогу. Но в конце концов механизм сработал, ракета тяжело мотнулась и ухнула на бетон, а потом грузно откатилась в кювет. Танк подпрыгнул и пошёл легче, и тут Максим увидел впереди первую заставу.

На опушке стояли две больших палатки и автофургон, дымила полевая кухня. Два гвардейца, голые до пояса, умывались — один сливал другому из манерки. Посередине шоссе стоял и глядел на танк часовой в чёрной накидке, а справа от шоссе торчали два столба, соединённых перекладиной, и с этой перекладины что-то свисало, что-то длинное и белое, почти касаясь земли. Максим спустился в отсек, чтобы не было видно клетчатого балахона, и выставил голову. Часовой, с изумлением поглядывая на танк, отходил к обочине, потом растерянно оглянулся на фургон. Полуголые гвардейцы перестали умываться и тоже глядели на танк. На грохот гусениц из палаток и из фургона вышло ещё несколько человек, один — в мундире с офицерскими шнурами. Они были очень удивлены, но не встревожены — офицер показал на танк рукой и что-то сказал, и все засмеялись. Когда Максим поровнялся с часовым, тот крикнул ему неслышно за шумом двигателя, и Максим в ответ прокричал: «*Всё в порядке, стой, где стоишь...*» Часовой тоже ничего не слышал, но на лице его выразилось удовлетворение. Пропустив танк, он снова вышел на середину шоссе и встал в прежней позе. Было ясно, что всё обошлось.

Максим повернул голову и увидел вблизи то, что свисало с перекладины. Секунду он смотрел, потом быстро присел, зажмурился и без всякой нужды ухватился за рычаги. *Не надо было смотреть, подумал он. Чёрт меня дёрнул поворачивать голову, ехал бы и ехал, ничего бы не знал...* Он заставил себя раскрыть глаза. *Нет, подумал он. Смотреть надо. Надо привыкать. И надо узнавать. Нечего отворачиваться. Я не имею права отворачиваться, раз уж я взялся за это дело. Наверное, это был мутант, смерть не может так изуродовать человека. Вот жизнь — уродует. Она и меня изуродует, и никуда от этого не денешься, и не надо сопротивляться, надо привыкать. Может быть, впереди у меня сотни километров дорог, уставленных виселицами...*

Когда он снова высунулся из люка и поглядел назад, заставы уже не было видно — ни заставы, ни одинокой виселицы у дороги. Хорошо бы сейчас ехать домой... так вот ехать, ехать, ехать, а в конце — дом, мама, отец, ребята... приехать, проснуться, умыться и рассказать им страшный сон про обитаемый остров... Он попытался представить себе Землю, но у него ничего не получилось, только было странно думать, что где-то есть чистые весёлые города, много добрых умных людей, все друг другу доверяют, нет ржавчины, дурных запахов, радиации, чёрных мундиров, грубых скотских лиц, жутких легенд, смешанных с ещё более жуткой правдой, и он вдруг впервые подумал, что на Земле тоже могло так случиться и он был бы сейчас таким, как все вокруг — невежественным, обманутым, раболепным и преданным. Ты искал себе дела, подумал он. Ну вот, у тебя теперь есть дело — трудное дело, грязное дело, но вряд ли ты найдёшь где-нибудь когда-нибудь другое дело, столь же важное...





Впереди на шоссе показался какой-то механизм, медленно ползущий в ту же сторону — на юг. Это был небольшой гусеничный трактор, тянувший за собой прицеп с металлической решётчатой фермой. В открытой кабине сидел человек в клетчатом балахоне и курил трубку, он равнодушно посмотрел на танк, на Максима и отвернулся. *Что это за ферма?* — подумал Максим. *Какие знакомые очертания...* Потом он вдруг понял, что это секция башни. *Столкнуть бы её сейчас в канаву,* подумал он, *и проехаться по ней раза два взад-вперёд...* Он оглянулся, и выражение его лица, видимо, очень не понравилось водителю трактора — водитель вдруг затормозил и спустил одну ногу на гусеницу, как бы готовясь выпрыгнуть. Максим отвернулся.

Минут через десять он увидел вторую заставу. Это был аванпост огромной армии клетчатых рабов, а может быть,<sup>219</sup> и не рабов как раз, а самых свободных людей в стране, — два временных домика с блестящими цинковыми крышами, невысокий искусственный холм, на нём — серый приземистый капонир с чёрными щелями амбразур. Над капониром уже поднимались первые секции башни, а вокруг холма стояли автокраны, трактора, валялись в беспорядке железные фермы. Лес на несколько сотен метров вправо и влево от шоссе был уничтожен, по открытому пространству кое-где копошились люди в клетчатой одежде. За домиками виднелся длинный низкий барак, такой же, как в лагере. Перед бараксом сохло на верёвках серое тряпье. Немного дальше у шоссе торчала деревянная вышка с площадкой, на площадке прохаживался часовой в серой армейской форме, в глубокой каске, и стоял пулемёт на треноге. Под вышкой толпились ещё солдаты, у них был вид людей, изнемогающих от комаров и скуки. Все курили.

*Ну, здесь я тоже проеду без хлопот,* подумал Максим, *здесь конец света и всем на всё наплевать.* Но он ошибся. Солдаты перестали отмахиваться от комаров и уставились на танк. Потом один, тощий, на кого-то очень похожий, поправил на голове каску, вышел на середину шоссе и поднял руку. *Это ты зря,* подумал Максим с сожалением, *это тебе ни к чему. Я решил здесь проехать, и я проеду...* Он соскользнул вниз, к рычагам, устроился поудобнее и поставил ногу на акселератор. Солдат на шоссе продолжал стоять с поднятой рукой. *Сейчас я дам газ,* подумал Максим, *взреву как следует, и он отскочит... а если не отскочит,* подумал он с внезапным ожесточением, *то что же — на войне, как на войне...*

И вдруг он узнал этого солдата. Перед ним был Гай — похудевший, осунувшийся, заросший щетиной, в мешковатом солдатском комбинезоне. «Гай... — пробормотал Максим. — *Дружище... как же я теперь?*» Он снял ногу с газа, выключил сцепление, танк замедлил ход и остановился. Гай опустил руку и неторопливо пошёл навстречу. И тут Максим даже засмеялся от радости. *Всё получалось очень хорошо.* Он снова включил сцепление и приготовился.

— Эй! — начальственно крикнул Гай и постучал прикладом по броне. — Кто такой?

Максим молчал, тихонько посмеиваясь.

219 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— Есть там кто? — в голосе Гая появилась некоторая неуверенность.

Потом его подкованные каблуки загремели по броне, люк слева распахнулся, и Гай просунулся в отсек. Увидев Максима, он открыл рот, и в ту же секунду Максим схватил его за комбинезон, рванул к себе, повалил на ветки под ногами и прижал... Танк взревел ужасным рёвом и рванулся вперёд. *Разобью двигатель*, подумал Максим. Гай дёргался и ворочался, каска съехала ему на лицо, он ничего не видел и только брыкался вслепую, пытаясь вытащить их-под себя автомат. Отсек вдруг наполнился громом и лязгом — по-видимому, в тыл танку ударили автоматы и пулемёт. Это было безопасно, но неприятно, и Максим с нетерпением следил, как надвигается стена леса, всё ближе... ближе... и вот первые кусты... кто-то клетчатый шарахнулся с дороги... и вот уже вокруг лес, и пули уже не стучат по броне, и шоссе впереди свободно на много сотен километров.

Гай, наконец, вытащил из-под себя автомат, но Максим содрал с него каску и увидел его потное оскаленное лицо, и засмеялся, когда ярость, ужас и жажда убивать сменились на этом лице выражением сначала растерянности, потом изумления и, наконец, радости. Гай пошевелил губами — видимо, сказал: *«Массаракш!»* Максим бросил рычаги, притянул его к себе, мокрого, тощего, заросшего, обнял, прижал от избытка чувств, потом отпустил и, держа его за плечи, сказал: *«Гай, дружище, как я рад!»* Ничего решительно не было слышно. Он глянул в смотровую щель, шоссе было прямое по-прежнему, и он снова поставил ручной газ, а сам вылез наверх и вытащил Гая за собой.

— Массаракш! — сказал помятый Гай. — Это опять ты!

— А ты не рад? Я вот ужасно рад! — Максим только сейчас понял, как ему всегда не хотелось ехать на юг в одиночку.

— Что всё это значит?!<sup>220</sup> — крикнул Гай. Первая радость у него уже прошла, он с беспокойством оглядывался по сторонам. — Куда?! Зачем?!

— На юг! — крикнул Максим. — Хватит с меня твоего гостеприимного отечества!

— Побег?!

— Да!

— Ты с ума сошёл! Тебе подарили жизни!

— Кто это мне подарил жизнь?! Жизнь моя! Принадлежит мне!

Разговаривать было трудно, приходилось кричать, и как-то невольно, вместо дружеской беседы, получалась ссора. Максим соскочил в люк и уменьшил обороты. Танк пошёл медленнее, но больше не ревел и не лязгал так громко. Когда Максим вылез обратно, Гай сидел насупленный и решительный.

— Я обязан тебя вернуть, — объявил он.

— А я обязан тебя отсюда утащить, — объявил Максим.

— Не понимаю. Ты совсем сошёл с ума. Отсюда бежать невозможно. Надо вернуться... Массаракш, возвращаться тебе тоже нельзя, тебя расстреляют... А на юге нас съедят... Провались ты пропадом со своим сумасшествием! Связался я с тобой, как с фальшивой монетой...

220 В оригинале только восклицательный знак, без вопросительного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— Подожди, не ори, — сказал Максим. — Дай я тебе всё объясню.

— Не желаю ничего слушать. Останови машину!

— Да подожди ты, — уговаривал Максим. — Дай рассказать!

Но Гай не желал, чтобы ему рассказывали. Гай требовал, чтобы *эта незаконно похищенная машина была немедленно остановлена и возвращена в зону*. Максима дважды, трижды и четырежды обозвали болваном. Вопль «массаракиш» перекрывал шум двигателя. *Положение, массаракиш, было ужасным. Оно было безвыходным, массаракиш! Впереди, массаракиш, была верная смерть. Позади, массаракиш, тоже. Максим был всегда болваном и психом, массаракиш, но эта его выходка, массаракиш, надо полагать, последняя, массаракиш-и-массаракиш...*

Максим не мешал. Он вдруг сообразил, что поле последней башни, очевидно, кончается где-то здесь, скорее всего — уже кончилось, последняя застава должна находиться на самой границе крайнего поля... *Пусть выговаривается, на обитаемом острове слова ничего не значат... ругайся, ругайся, а я тебя вытащу, нечего тебе там делать... Надо с кого-то начинать, и ты будешь первым, не хочу, чтобы ты был куклой, даже если тебе это нравится — быть куклой...*

Изругав Максима вдоль и поперёк, Гай соскочил в люк и стал там возиться, пытаясь остановить машину. Это ему не удалось, и он выбрался обратно, уже в каске, очень молчаливый и деловитый. Он явно намеревался спрыгнуть и уйти обратно. Он был очень сердит. Тогда Максим поймал его за штаны, усадил рядом и принялся объяснять положение.

Он говорил больше часу, прерываясь иногда, чтобы выровнять движение танка на поворотах. Он говорил, а Гай слушал. Сначала Гай пытался перебивать, порывался соскочить на ходу, затыкал уши, но Максим говорил и говорил, повторял одно и то же снова и снова, объяснял, втолковывал, разубеждал, и Гай, наконец, начал прислушиваться, потом задумался, приуныл, залез обеими руками под каску и шибко почесал шевелюру, потом вдруг сам перешёл в наступление и принялся допрашивать Максима, *откуда всё это стало известно и кто докажет, что всё это не враньё, и как можно во всё это поверить, если это очевидная выдумка...* Максим бил его фактами, а когда фактов не хватало, клялся, что говорит правду, а когда и это не помогало, называл Гая дубиной, куклой, роботом, а танк всё шёл и шёл на юг, всё глубже зарываясь в страну мутантов.

— Ну, хорошо, — сказал, наконец, Максим, остервенев. — Сейчас мы всё это проверим. По моим расчётам мы давно уже выехали из поля излучения, а сейчас примерно без десяти десять. Что вы все делаете в десять часов?

— В десять ноль-ноль — построение, — мрачно сказал Гай.

— Вот именно. Собираетесь стройными рядами и начинаете истошно орать дурацкие гимны, и надываетесь от энтузиазма. Помнишь?

— Энтузиазм у нас в крови, — заявил Гай.

— Энтузиазм вам вбивают в ваши тупые головы, — возразил Максим. — Ничего, вот сейчас мы посмотрим, какой у тебя там в крови энтузиазм. Который час?





— Без семи, — мрачно сказал Гай.

Некоторое время они ехали молча.

— Ну? — спросил Максим.

Гай посмотрел на часы и неуверенным голосом запел: «Боевая Гвардия тяжёлыми шагами...» Максим насмешливо смотрел на него. Гай сбился и перепутал слова.

— Перестань на меня глазеть, — сердито сказал он. — Ты мне мешаешь. И вообще, какой может быть энтузиазм вне строя?

— Брось, брось, — сказал Максим. — Вне строя ты, бывало, также орал, как в строю. Смотреть на вас с дядей Кааном страшно было. Один орёт «Боевую Гвардию». Другой тянет «Славу Отцам». А тут ещё Рада... Ну, где энтузиазм? Где твоя любовь к Отцам?

— Не смей, — сказал Гай. — Ты не смеешь так говорить про Отцов. Даже если то, что ты рассказываешь, — правда, это означает только, что Отцов просто обманули.

— Кто же из обманул?

— Н-ну... мало ли...

— Значит, Отцы не всемогущи? Значит, они не всё знают?

— Не желаю на эту тему разговаривать, — объявил Гай.

Он приуныл, сгорбился, лицо его ещё больше осунулось, глаза потускнели, отвисла нижняя губа. Максим вдруг вспомнил Фишту Луковицу и Красавчика Кетри из арестантского вагона. Они были наркоманами, несчастными людьми, привыкшими употреблять особенно сильные наркотические вещества. Они страшно мучились без своего зелья, не ели и не пили, а дни напролёт сидели вот так, с потухшими глазами и отвисшей губой.

— У тебя болит что-нибудь? — спросил он Гая.

— Нет, — уныло ответил Гай.

— А что ты так нахохлился?

— Да так как-то... — Гай оттянул воротник и вяло повертел шеей. — Нехорошо как-то... Я лягу, а?

Не дожидаясь ответа Максима, он полез в люк и прилёт там на ветки, поджав ноги. *Вот оно как, подумал Максим. Это не так просто, как я думал.* Он забеспокоился. Лучевого удара Гай не получил, из поля мы выехали почти два часа назад... Он же всю жизнь живёт в этом поле... А может быть, ему это вредно — без поля? Вдруг он заболит? Надо же, дрянь какая... Он смотрел через люк на бледное лицо, и ему становилось всё страшнее. Наконец, он не выдержал, прыгнул в отсек, выключил двигатель, выволок Гая наружу и положил на траву у шоссе.

Гай спал, бормотал что-то во сне, сильно вздрагивал. Потом его начал бить озноб, он скрючивался, сжимался, словно стараясь согреться, засовывал ладони под мышки. Максим положил его голову к себе на колени, прижал ему пальцами виски и постарался сосредоточиться. Ему давно не приходилось делать психомассаж, но он знал, что главное — отвлечься от всего, сосредоточиться, включить больного в свою, здоровую, систему. Так





он сидел минут десять или пятнадцать, а когда очнулся, то увидел, что Гаю лучше: лицо порозовело, дыхание стало ровным, он больше не мёрз. Максим устроил ему подушку из травы, посидел некоторое время, отгоняя комаров, а потом вспомнил, что им ведь *ещё ехать и ехать, а реактор течёт, для Гая это опасно, надо что-то придумать*. Он поднялся и вернулся к танку.

Ему пришлось основательно повозиться, прежде чем он снял с проржавевших заклёпок несколько листов бортовой брони, а затем он набивал эти листы на керамическую перегородку, отделяющую реактор и двигатель от отсека управления. Ему оставалось прикрепить последний лист, когда он вдруг почувствовал, что вблизи появились посторонние. Он осторожно высунулся из люка, и внутри у него похолодело и съёжилось.

На шоссе, шагах в десяти перед танком, стояли три человека, но он не сразу понял, что это люди. Правда, они были одеты, и двое держали на плечах жердь, с которой свисало окровавленной головой вниз небольшое копытное животное, похожее на оленя, а на шее у третьего,<sup>221</sup> поперёк цыплячьей груди, висела громоздкая винтовка непривычного вида. *Мутанты*, — подумал Максим. *Вот они — мутанты...* Все рассказы и легенды, слышанные им, вдруг всплыли в памяти и сделались очень правдоподобными. *Сдирают с живых кожу... людоеды... дикари... звери*. Он стиснул зубы, выскочил на броню и поднялся во весь рост. Тогда тот, что был с винтовкой, смешно перебрал коротенькими ножками, выгнутыми дугой, но не двинулся с места. Он только поднял жуткую руку с двумя длинными многосуставными пальцами, громко зашипел, а потом произнёс скрипучим голосом:

— Кушать хочешь?

Максим разлепил губы и сказал:

— Да.

— Стрелять не будешь? — поинтересовался обладатель винтовки.

— Нет, — сказал Максим, улыбаясь. — Ни в коем случае.

## 15.

Гай сидел за грубым самодельным столом и чистил автомат. Было около четверти одиннадцатого утра, мир был серым, бесцветным, сухим, в нём не было места радости, не было места движению жизни, всё было тусклое и больное. Не хотелось думать, не хотелось ничего видеть и слышать, даже спать не хотелось — хотелось просто положить голову на стол, опустить руки и умереть. Просто умереть — и всё.

Комнатка была маленькая, с единственным окном без стекла, выходившим на огромный, загромождённый развалинами, заросший диким кустом серо-рыжий пустырь. Обои в комнате пожухли и скрутились — не то от жары, не то от старости, — паркет рассохся, в одном углу обгорел до угля. От прежних жильцов в комнате ничего не осталось, кроме большой фотографии под разбитым стеклом, на которой, если внимательно

221 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





присмотреться, можно было различить какого-то пожилого господина с дурацкими бакенбардами и в смешной шляпе, похожей на жестяную тарелку.

Глаза бы всего этого не видели, сдохнуть бы сейчас или завывать последней бездомной собакой, но Максим приказал: «Чисти!» «Каждый раз, — приказал Максим, постукивая каменным пальцем по столу, — каждый раз, как только тебя скрутит, садись и чисти автомат...» Значит, надо чистить. Максим всё-таки. Если бы не Максим, давно бы лёг и помер. Просил ведь его: «Не уходи ты от меня в это время, посиди, полечи». Нет. Сказал, что теперь сам должен. Сказал, что это не смертельно, что должно пройти и обязательно пройдёт, но надо перемочься, надо справиться...

Ладно, вяло подумал Гай, справлюсь. Максим всё-таки. Не человек, не Отец, не бог — Максим... И ещё он сказал: «Злись! Как тебя скрутит, вспоминай, откуда это у тебя, кто тебя к этому приучил, зачем, и злись, копи ненависть. Скоро она понадобится: ты не один такой, вас таких сорок миллионов, оболваненных, отравленных...» Трудно поверить, массаракиш, ведь всю жизнь — в строю, всегда знали, что к чему, всё было просто, дорога была ясная, все были вместе, и хорошо было быть одним из миллионов, таким, как все. Нет, пришёл, влюбил в себя, карьеру испортил, а потом буквально за шиворот вырвал из рядов и утащил в другую жизнь, где и цель непонятна, и средства непонятны, где нужно — массаракиш-и-массаракиш! — обо всём думать самому! Раньше и понятия не имел, что это такое — думать самому. Был приказ, всё ясно, думай, как его лучше выполнить. Да... вытащил за шиворот, повернул мордой назад, к родному, к гнезду, к самому дорожному и показал: помойка, гнусь, мерзость, ложь... И вот смотришь — действительно, мало красивого, себя вспомнить тошно, ребят вспомнить тошно, а уж господин ротмистр Чачу! ... Гай с сердцем загнал на место затвор и цокнул защёлкой. И снова навалилась вялость, апатия, и воли на то, чтобы вставить магазин, уже не оставалось. Плохо, ох как плохо...

Перекошенная скрипучая дверь отворилась, всунулось маленькое деловитое рыльце — в общем даже симпатичное, если бы не лысый череп и не воспалённые веки без ресниц — Танга, соседская девчонка.

— Дядя Мак приказали вам идти на площадь! Там уже все собрались, одного вас ждут!

Гай угрюмо покосился на неё, на тщедушное это тельце в платице из грубой мешковины, на ненормально-тонкие ручки-соломинки, покрытые коричневыми пятнами, на кривые ножки, распухшие в коленях, и его замутило, и самому стало стыдно своего отвращения — ребёнок, а кто виноват? — он отвёл глаза и сказал:

— Не пойду. Передай, что плохо себя чувствую. Заболел.

Дверь скрипнула, и когда он снова поднял глаза, девчонки не было. Он с досадой бросил автомат на койку, подошёл к окну, высунулся. Девчонка со страшной скоростью пылила по лощине между остатками стен, по бывшей улице, за нею увязался какой-то карапузик, проковылял несколько шажков, зацепился, шлёпнулся, поднял голову, полежал некоторое







время, потом взревел ужасным басом. Из-за руин выскочила мать — Гай поспешно отшатнулся, потряс головой и вернулся к столу. *Нет, не могу привыкнуть. Гадкий я, видно, человек... Ну уж попался бы мне тот, кто за всё это в ответе, тут уж я бы не промахнулся. Но всё-таки, почему я не могу привыкнуть? Господи, да за этот месяц я такого повидал — на сто кошмарных снов хватит...*

Мутанты жили небольшими общинами; иные кочевали, охотились, искали места получше, искали дорогу на север в обход гвардейских пулемётов, в обход страшных областей, где они сходили с ума и умирали на месте от приступов чудовищной головной боли; иные жили осёдло на фермах и в деревушках, уцелевших после боёв и взрыва трёх атомных бомб, из которых одна взорвалась над этим городом, а две в окрестностях — там сейчас километровые проплешины блестящего, как зеркало, шлака. Осёдлые сеяли мелкую выродившуюся пшеницу, возделывали странные свои огороды, где томаты были, как ягоды, а ягоды — как томаты, разводили жуткий скот, на который смотреть было страшно, не то что кушать. Это был жалкий народ — мутанты, дикие южные выродки, про которых плели разную чушь, и сам он плёл разную чушь, — тихие, болезненные, изуродованные карикатуры на людей. Нормальными здесь были только старики, но их оставалось очень мало, все они были больны и обречены на скорую смерть. Дети их и внуки тоже казались не жильцами на этом свете. Детей у них рождалось много, но почти все они умирали либо при рождении, либо в младенчестве. Те, что выживали, были слабыми, всё время маялись неизвестными недугами, уродливы были — страсть, но все выглядели послушными, тихими, умненькими<sup>222</sup>. Да что там говорить, неплохие оказались люди — мутанты, добрые, гостеприимные, мирные... Вот только смотреть на них было невозможно. Даже Максима сначала корёжило с непривычки, но он-то быстро привык, ему что — он своей натуре хозяин...

Гай вставил в автомат магазин, подпёр щеку ладонью, задумался. *Да, Максим...*

*Правда, затеял Максим на этот раз явно бессмысленное дело. Затеял он собрать мутантов, вооружить их и выбить Гвардию для начала хотя бы за Голубую Змею. Смешно, ей-богу. Они же еле ходят, многие помирают на ходу — мешок с зерном поднимет и помрёт, — а он хочет с ними на Гвардию идти. Необученные, слабые, робкие, куда им<sup>223</sup>... Пусть даже соберёт он этих... разведчиков ихних — на всю эту армию, если без Максима, одного ротмистра хватит, а если с Максимом, то ротмистра с ротой. Максим это, кажется, и сам понимает. Но вот целый месяц бегал по лесу от посёлка к посёлку, от общины к общине, уговаривал стариков и уважаемых людей, тех, кого общины слушаются. Сам бегал и меня с собой повсюду таскал, угомону на него нет. Не хотят старики идти, и разведчиков не отпускают... И вот теперь на это совещание надо. Не пойду.*

222 В оригинале малосвязно «но все глядели послушными, тихими, умненькими», возможно, пропущено в конце «глазами». (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

223 В оригинале «ми». (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





Мир стал светлее. Было уже не так тошно глядеть вокруг, кровь быстрее побежала по жилам, зашевелились смутно какие-то надежды, что сегодняшнее совещание провалится, что Максим придёт и скажет: хватит, нечего здесь больше делать, — и они двинут дальше на юг, в пустыню, где, говорят, тоже живут мутанты-выродки, но не такие жуткие, больше похожие на людей и не такие больные. Говорят, у них там что-то вроде государства, и даже армия есть. Может быть, с ними удастся кашу сварить... Правда, там всё радиоактивно, туда, говорят, сажали бомбу на бомбу, специально для заражения... Были, говорят, такие специальные бомбы.

Вспомнив про радиоактивность, Гай полез в свой вещевой мешок и вытащил коробочку с жёлтыми таблетками, бросил две штуки в рот — скривился от пронзительной горечи. Надо же, какая мерзость, но без неё здесь нельзя, здесь тоже всё заражено. А в пустыне придётся, наверное, горстями их сосать... Спасибо принцу-герцогу, мне бы без этих пилюль здесь как-то... А принц-герцог молодчина, не теряется, не отчаивается в этом аду, лечит, помогает, обходы делает, целую фабрику медикаментов организовал. Между прочим, он говорил, что Страна Отцов — только кусочек, охвостье бывшей великой нашей империи, и столица раньше другая была, в трёхстах километрах южнее — там, говорит, до сих пор остались ещё развалины, причём, говорит, величественные...

Дверь распахнулась, в комнату вошёл сердитый Максим, голый, в одних чёрных шортах, поджарый, быстрый, и видно, что злится. Увидев его, Гай надулся и стал смотреть в окно.

— Ну, не выдумывай, — сказал Максим. — Пошли.

— Не хочу, — сказал Гай. — Ну их всех. С душой воротит, невозможно.

— Глупости, — возразил Максим. — Прекрасные люди, очень тебя уважают. Не будь мальчишкой.

— Да уж, уважают, — сказал Гай.

— Ещё как уважают! Давеча принц-герцог просил, чтобы ты остался здесь. Я, говорит, умру скоро, нужен настоящий человек, чтобы меня заменить.

— Ну да, заменить... — проворчал Гай, чувствуя, однако, как внутри у него, помимо воли, всё размягчается.

— И ещё Бошку ко мне пристаёт, обращаться к тебе прямо стесняется. Пусть, говорит, Гай останется, учить будет, защищать будет, хороших ребят воспитывать будет... Знаешь, как Бошку разговаривает?

Гай покраснел от удовольствия, откашлялся и сказал, хмурясь, всё ещё глядя в окно:

— Ну, <sup>224</sup> ладно... Автомат брать?

— Возьми, — сказал Максим. — Мало ли что...

Гай взял автомат под мышку, они вышли из комнаты — Гай впереди, Максим по пятам, — спустились по тухлявой лестнице, перешагнули через кучу детишек, возившихся в пыли у порога, и пошли по улице к площади.

224 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





*Эх! Улица, площадь... Одно название. Сколько же здесь людей разом погибло! Говорят, раньше большой красивый город здесь был — театры, цирк, музеи, собачьи бега... церкви, говорят, были особенной красоты, со всего мира сюда съезжались посмотреть, а теперь — мусор один, не поймёшь, где что было. Вместо цирка — болото с крокодилами какими-то; метро было — теперь там упыри, ночью по городу ходить опасно... Загубили страну, гады. Мало того, что людей поперебили, поперекалечили — развели ведь ещё какую-то нечисть, какой сроду здесь никогда не бывало. Да и не только здесь...*

Принц-герцог рассказывал, что до войны жили в лесу звери, похожие на собак, забыл, как называются, умные были и очень добрые зверюги — всё понимали, дрессировать их было — одно удовольствие. Ну и,<sup>225</sup> конечно,<sup>226</sup> стали их дрессировать для военных целей: под танки с минами ложиться, таскать раненых, переносить к противнику посуду с заразой, ну,<sup>227</sup> и всякая такая чепуха. А потом нашёлся умник, расшифровал их язык, оказалось, что у них язык есть, и довольно сложный, и что они вообще любят подражать, и глотка у них так устроена, что некоторых можно было даже обучить говорить по-человечески, не всему языку, конечно, но слов по пятьдесят, по семьдесят они запоминали. В общем, диковинные были животные, нам бы с ними дружить, учиться друг у друга, друг другу помогать — они, говорят, вымирали... Так нет же, приспособили их воевать, приспособили их ходить к противнику за военными сведениями. А потом война началась, стало не до них, вообще ни до чего стало. И вот — пожалуйста: упыри. Тоже мутанты, только не человеческие, а звериные — очень опасные существа. По Особому Южному Округу был даже приказ о борьбе с ними, а принц-герцог — тот прямо говорит: *нам всем здесь конец, будут здесь жить одни упыри...*

Гай вспомнил, как однажды в лесу Бошку со своими охотниками подстрелил оленя, за которым охотились упыри, и началась драка. А мутанты — какие он драчуны? Выпалили по разу из своих дедовских, бросили ружья, сели и закрыли глаза руками, чтобы, значит, не видеть, как их рвать будут. И Максим тоже, надо сказать, растерялся... не то, чтобы растерялся, а так как-то... не хотелось ему драться. Ну, пришлось мне отдуваться за всех. Обойма кончилась — прикладом. Хорошо, упырей немного было, всего шесть голов. Двоих убили, один удрал, а троих, раненых и оглушённых, повязали и собрались утром в деревню нести на казнь. А ночью смотрю — Максим тихонько встаёт и — к ним. Посидел с ними, полечил, как он это умеет, наложением рук, потом развязал, и те, конечно, не будь дураки, рванули когти, только их и видели. Я ему говорю: *ты что же это, Мак, зачем ты? Сам не знаю, говорит, но чувствую, что нельзя их казнить. Ни людей, говорит, нельзя, ни этих... Это, говорит, не собаки никакие и не упыри...*

Да разве только упыри! А летучие мыши какие пошли! Те, что Колдуну прислуживают... Это же ужас летающий, а не мыши! А кто по ночам по деревням бродит с топотом, детей крадёт? Причём сам даже в дом не заходит, а дети, спящие, так, не просыпаясь, к нему и выходят... Положим, это, может быть, и враньё, но кое-что я и сам видел. Как сейчас помню,

225 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

226 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

227 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







повёл нас принц-герцог показывать самый близкий вход в Крепость. Приходим — лужайка такая мирная, зелёная, холмик, в холме — пещера. Смотрим мы — господи боже! — вся лужайка перед входом завалена дохлыми упырями, десятка два, не меньше, причём не покалеченные, не раненые — ни одной капли крови на траве. И<sup>228</sup> что самое удивительное — Максим их осмотрел и сказал: *они же не мёртвые, они<sup>229</sup> как бы в судороге, словно их кто-то загнинотизировал...* Спрашивается: кто? Нет, жуткие места. Здесь человеку только днём можно, да и то с опаской. Если бы не Максим, рванул бы я отсюда, только пятки бы засверкали. Но если говорить честно, то куда бежать? Вокруг леса, в лесах нечисть, танк в болоте потонул... к своим бежать? ... Казалось бы, очень естественно — к своим бежать. Но какие они мне теперь свои? Тоже, если подумать, уроды, куклы, правильно Максим говорит. Что это за люди, которыми можно управлять, как машинами. Нет, это не по мне. Противно...

Они вышли на площадь, на большой пустырь, посередине которого дико чернел оплавившийся памятник какому-то забытому деятелю, и свернули к уцелевшему домику, где обычно собирались представители, чтобы обменяться слухами, посоветоваться насчёт посевной или насчёт охоты, а то и просто посидеть, подремать, послушать рассказы принца-герцога о прежних временах.

В домике, в большой чистой комнате, уже собрался народ. Смотреть здесь ни на кого не хотелось. Даже принц-герцог — казалось бы, не мутант, человек, — а и тот изуродован: всё лицо в ожогах и рубцах. Вошли, поздоровались, сели в круг, прямо на пол. Бошку, сидевший рядом с плитой, снял с угляй чайник, налил им по чашке чаю, крепкого, хорошего, но без сахара. Гай принял свою чашку — необыкновенной красоты чашка, цены ей нет, королевского фарфора, — поставил её перед собой, а потом упёр автомат прикладом в пол между колен, прислонился лбом к рубчатому стволу и закрыл глаза, чтобы никого не видеть.

Начал совещание принц-герцог. Никакой он был не принц и никакой не герцог, а был он полковником медицинской службы, главным хирургом Южной Крепости. Когда Крепость начали ломать атомными бомбами, гарнизон восстал, выкинул белый флаг (по этому флагу свои же немедленно долбанули термоядерной), настоящего принца, командующего, солдаты разорвали на куски, увлеклись, поперебили всех офицеров, а потом спохватились, что некому командовать, а без командования нельзя: война-то продолжается, противник атакует, свои атакуют, а из солдат никто плана Крепости не знает, — получилась гигантская мышеловка, а тут ещё взорвались бактериологические бомбы, весь арсенал, и началась чума. Короче говоря, как-то само собой получилось, что половина гарнизона разбежалась кто куда, от оставшейся половины три четверти вымерли, а остальных принял на себя главный хирург — во время бунта солдаты его не тронули: врач всё-таки. Как-то повелось называть его то принцем, то герцогом, сначала в шутку, потом привыкли, а Максим для определённости называл его принцем-герцогом.

228 В оригинале «и», т. е. с маленькой буквы начало предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

229 В оригинале «он». (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— Друзья! — сказал принц-герцог. — Надо нам обсудить предложения нашего друга Мака. Это очень важные предложения. Насколько они важны, вы можете судить хотя бы по тому, что сам Колдун к нам пожаловал и будет, может быть, с нами говорить...

Гай поднял голову. И верно: в углу, прислонившись спиной к стене, сидел сам Колдун, собственной персоной. Смотреть на него было жутко, а не смотреть невозможно. Замечательная была личность. Даже Максим смотрел на него как-то снизу вверх и говорил Гаю: *Колдун — это, брат, фигура*. Был Колдун небольшого роста, плотный, чистый, ноги и руки у него были коротенькие, но сильные, и в общем он был не такой уж уродливый, во всяком случае слово «уродливый» к нему не подходило. У него был огромный череп, покрытый густым жёстким волосом, похожим на серебристый мех, маленький рот со странно сложенными губами, словно он всё время собирался свистнуть сквозь зубы, лицо в общем даже худощавое, но под глазами мешки, а сами глаза были длинные и узкие, с вертикальным, как у змей, зрачком. Говорил он мало, на людях бывал редко, жил один в подвале на дальнем конце города, но авторитетом пользовался огромным из-за своих удивительных способностей. Во-первых, он был очень умён и знал всё, хотя от роду ему было всего что-то около двадцати лет и нигде он, кроме этого города, не бывал. Когда возникали какие-нибудь вопросы, к нему шли на поклон за советом. Как правило, он ничего не отвечал, и это означало, что вопрос чепуховый, как его не решишь — всё ладно будет. Но если вопрос оказывался жизненно-важным — насчёт погоды, когда что сеять — он всегда давал совет и ни разу ещё не ошибся. Ходили к нему только старшие, и что там происходило — они помалкивали, но бытовало убеждение, что даже давая совет, Колдун не раскрывал рта. Так, посмотрит только — и становится ясно, что нужно делать. Во-вторых, имел он власть над животными. Никогда он не требовал у общества ни еды, ни одежды, всё ему доставляли животные, разные животные — и зверьё, и насекомые, и лягушки, — а главной прислугой у него были огромные летучие мыши, с которыми он, по слухам, мог объясняться, и они его понимали и слушались. Далее, рассказывали, что он знает неведомое. Понять это неведомое было невозможно, на взгляд Гая это был просто набор слов: *чёрный пустой Мир до начала Мирового Света; мёртвый ледяной Мир после угасания Мирового Света; бесконечная пустыня с многими Мировыми Светами...* Никто не мог объяснить, что это означает, а Мак только покачивал головой и восхищённо бормотал: «*Вот это интеллект!*»

Колдун сидел, ни на кого не глядя, на плече у него неловко топталась слепенькая ночная птица. Колдун время от времени доставал из кармана какие-то кусочки и совал ей в клюв, тогда она замирала на секунду, потом задирала голову и как бы с трудом глотала, вытягивая шею.

— Это очень важные предложения, — продолжал принц-герцог, — а потому я прошу вас слушать внимательно, а ты, Бошку, голубчик, заваривай чай покрепче, потому что я вижу — кое-кто уже задрёмывает. Не надо задрёмывать, не надо. Соберитесь с силами, может быть,<sup>230</sup> сейчас решается наша судьба...

230 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





Собрание одобрительно заворчал. Какого-то бельмастого оттащили за уши от стены, где он наладился было подремать, и усадили в первом ряду. «Так ведь я ничего... — бормотал бельмастый. — Я только так, немножко. Я к тому, что говорить надобно покороче, а то пока до конца доходят, я уж и начало забываю...»

— Хорошо, — согласился принц-герцог. — Покороче так покороче. Солдаты отжимают нас на юг, в пустыню. Пощады они не дают, в переговоры не вступают. Из семей, которые пытались пробраться на север, никто не вернулся. Надо полагать, они погибли. Это означает, что лет через десять-пятнадцать нас отождмут в пустыню окончательно, и там мы все погибнем без пищи и без воды. Говорят, что в пустыне тоже обитают люди. Я в это не верю, но многие уважаемые вожди верят и утверждают, будто эти обитатели пустыни такие же жестокие и кровожадные, как солдаты. А мы — люди миролюбивые, сражаться мы не умеем. Многие из нас мрут, и мы, наверное, не доживём до окончательного конца, но мы сейчас правим народом и обязаны думать не только о себе, но и о наших детях... Бошку, — сказал он. — Подай, пожалуйста, чаю уважаемому Хлебопёку. По-моему, заснул Хлебопёк.

Хлебопёка разбудили, сунули ему в пятнистую руку горячую чашку, он обжётся, зашипел, и принц-герцог продолжал:

— Наш друг Мак предлагает выход. Он пришёл к нам со стороны солдат. Солдат он ненавидит и говорит, что пощады ждать от них нельзя, все они там одурачены тиранами и горят желанием нас уничтожить. Мак хотел сначала вооружить нас и повести в бой, но убедился, что мы слабые и воевать не можем. И тогда он решил добраться до обитателей пустыни — он в них тоже верит — договориться с ними и повести их на солдат. Что требуется от нас? Благословить эту затею, пропустить обитателей пустыни через наши зёмли и обеспечить их продовольствием, пока будет идти война. И ещё наш друг Мак предложил: дайте ему разрешение собрать всех наших разведчиков, которые захотят, он обучит их воевать и поведёт на север, чтобы поднять там восстание. Вот, коротко, как обстоят дела. Нам сейчас нужно решить, и я прошу высказываться.

Гай покосился на Максима. Друг Мак сидел, поджав под себя ногу, огромный, коричневый, неподвижный, как скала, даже не как скала, а как гигантский аккумулятор, готовый разрядиться в одно мгновение. Он смотрел в дальний угол, на Колдуна, но взгляд Гая почувствовал немедленно и повернул к нему голову. И вдруг Гай подумал, что друг Мак уж не тот, что прежде. Он вспомнил, что давно уж не улыбался Мак своей знаменитой ослепительно-идиотской улыбкой, что давно он не пел своих горских песен, и что глаза у него стали теперь без прежней ласковости и доброго ехидства, твёрдые стали глаза, остекленели как-то, словно и не Максим это, а господин ротмистр Чачу. И ещё вспомнил Гай, что давно уже перестал друг Мак метаться во все углы, как весёлый любопытный пёс, стал сдержан, и появилась в нём какая-то суровость, целенаправленность какая-то, взрослая деловая сосредоточенность, словно целился он самим собой в какую-то одному ему видимую мишень... Очень, очень изменился друг Мак с тех пор, как всадили в него полную обойму из тяжёлого





армейского пистолета. Раньше он жалел всех и каждого, а теперь не жалеет никого. Что ж, может быть,<sup>231</sup> так и надо... Но страшное он всё-таки дело задумал, резня будет, большая резня будет...

— Что-то я не понял, — подал голос плешивый уродец, судя по одежде — нездешний. — Что же это он хочет? Чтобы варвары сюда к нам пришли? Так они же нас всех перебьют. Что я — варваров не знаю? Всех перебьют, ни одного человека не оставят.

— Они придут сюда с миром, — сказал Мак, — или не придут вовсе.

— Пусть уж лучше вовсе не приходят, — сказал плешивый. — С варварами лучше не связываться. Тогда уж лучше прямо к солдатам выйти под пулемёты. Всё как-то от своей руки погибнешь, у меня отец солдатом был.

— Это, конечно, верно, — проговорил Бошку задумчиво. — Но ведь с другой-то стороны варвары могут и солдат прогнать, и нас не тронуть. Вот тогда и станет хорошо.

— Почему это они вдруг нас не тронут? — возразил бельмастый. — Все нас спокон веков трогали, а эти вдруг не тронут?

— Так ведь он с ними договорится, — пояснил Бошку. — Не трогайте, мол, лесовиков, и всё тут...

— Кто? Кто договорится? — спросил Хлебопёк, вертя головой.

— Да вот Мак. Мак и договорится...

— Ах, Мак... Ну, если Мак договорится, тогда, может быть, и не тронут.

— Чаю тебе дать? — спросил Бошку. — Засыпаешь ведь, Хлебопёк.

— Да не хочу я твоего чаю.

— Ну выпей чайку, чашечку только, что это тебе — шею мыть?

Бельмастый вдруг поднялся.

— Пойду я, — сказал он. — Ничего из этого не выйдет. И Мака они убьют, и нас тоже не пожалеют. Чего нас жалеть? Всё равно лет через десять нам всем конец. У меня в общине уже два года дети не рождаются. Дожить бы до смерти спокойно, и ладно. А так сами решайте, как знаете. Мне всё равно.

Он вышел, перекошенный, неуклюжий, споткнувшись о порог.

— Да, Мак, — покачивая головой, проговорил Пиявка. — Извини нас, но никому мы не верим. Как можно варварам верить? Они в пустыне живут, песок жуют, песком запивают. Они — страшные люди, из железной проволоки скручены, ни плакать не умеют, ни смеяться. Что мы для них? Мох под ногами. Ну, вот придут они, побьют солдат, сядут здесь, лес, конечно, выжгут... зачем им лес, они пустыню любят. И опять же нам конец. Нет, не верю. Не верю, Мак. Пустая твоя затея.

231 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— Да, — сказал Хлебопёк. — Не нужно это нам, Мак. Дай уж нам помереть спокойно, не трогай нас. Ты солдат ненавидишь, хочешь их сокрушить, а мы-то здесь причём? У нас ни к кому ненависти нет. Пожалей нас, Мак. Нас ведь никто никогда не жалел. И ты, хоть ты и добрый человек, но тоже нас не жалеешь... Не жалеешь ведь, а, Мак?

Гай снова посмотрел на Максима и смущённо отвёл глаза. Максим покраснел, покраснел до слёз, наклонил голову и закрыл лицо рукой.

— Неправда, — сказал он. — Я жалею вас. Но я не только вас жалею. Я...

— Не-ет, Мак, — настойчиво сказал Хлебопёк. — Ты ТОЛЬКО нас пожалей. Мы ведь самые разнесчастные люди в мире, и ты это знаешь. Ты про свою ненависть забудь. Пожалей — и всё...

— А что ему нас жалеть? — подал голос Орешник, до глаз замотанный грязными бинтами. — Он сам солдат. Когда это солдаты нас жалели? Не родился ещё солдат, который бы нас пожалел...

— Голубчики, голубчики! — сказал строго принц-герцог. — Мак — наш друг. Он хочет нам добра, хочет уничтожить наших врагов...

— А вот что получится, — рассудительно сказал плешивый из нездешних. — Положим даже, что варвары будут сильнее солдат. Побьют они солдат, порушат ихние проклятые вышки, захватят весь Север. Пусть. Нам не жалко. Пусть они там режутся. Но польза-то нам какая? Нам тогда совсем конец: на юге будут варвары, на севере опять же варвары, над нами — всё те же варвары. Мы им не нужны, а раз не нужны — под корень нас. Это одно... Теперь положим, что солдаты варваров отобьют. Отобьют они варваров, и покатится вся эта война через нас на юг. Что тогда? Тогда опять же нам крышка: на севере солдаты, на юге солдаты, и над нами солдаты. Ну, а солдат мы знаем...

Собрание зашумело, зажужжало, что правильно-мол плешивый излагает, всё точно, но плешивый ещё не кончил.

— Дайте досказать! — возмутился он. — Что вы расшумелись, в самом деле? Это же ещё не всё. Ещё может быть, что солдаты варваров перебьют, а варвары — солдат. Вот тут вроде бы нам самое и жить. Так нет же, опять не получается. Потому что ещё упыри есть. Пока солдаты живы, упыри прячутся, пули боятся, солдатам велено упырей стрелять. А уж как солдат не станет, тут нам полная крышка. Съедят нас упыри и костей не оставят.

Эта идея страшно поразила собрание. «Правильно говорит! — раздались голоса. — Надо же, какие головы у них на болотах... Да, братья, про упырей-то мы и забыли... А они не спят, они своего ждут... Не надо нам ничего, Мак, пусть идёт, как идёт... Двадцать лет худо-бедно прожили, и ещё двадцать протянем, а там, глядишь, и ещё...»

— И разведчиков ему отдавать нельзя! — возвысил голос плешивый. — Мало ли что они сами хотят... Им что — они и дома не живут, Шестипалый вон днюет и ночует на той стороне, срам сказать — грабит там и водку пьёт. Им хорошо, они вышек проклятых не боятся, головы у них не болят. А обществу-то каково? Дичь на север уходит, кто к нам её с севера







гнать будет, если не разведчики? Не давать! И приструнить их ещё надо хорошенько, совсем разбаловались... Убийства там учиняют, солдат крадут и мучают, как и не люди... Не пускать! Совсем разбалуются...

— Не пускать, не пускать... — подтвердило собрание. — Как мы без них? А мы их кормили-поили, мы их родили да вырастили, чувствовать должны, а они, знай себе, на сторону смотрят, как бы посвоевольничать...

Плешивый, наконец, уgomонился, сел на место и принялся жадно глотать остывший чай. Собрание тоже уgomонилось, утихло. Старики сидели неподвижно, стараясь не глядеть на Максима. Бошку, уныло кивая, проговорил:

— Надо же, какая у нас несчастная жизнь! Ниоткуда спасения нет. И что мы кому сделали?

— Рожали нас зря, вот что, — сказал Орешник. — Не подумавши нас рожали, не во-время... — Он протянул пустую чашку. — И мы зря рожаем. На погибель. Да, да, на погибель...

— Равновесие... — произнёс вдруг громкий хриплый голос. — Я вам уже говорил это, Мак. Вы не захотели меня понять...

Непонятно было, откуда идёт голос. Все молчали, скорбно потупившись. Только птица на плече Колдуна топталась, открывая и закрывая жёлтый клюв. Сам Колдун сидел неподвижно, закрыв глаза и сжав тонкие губы.

— Но теперь, надеюсь, вы поняли, — продолжала вроде бы птица. — Вы хотите нарушить это равновесие. Что ж, это возможно. Это в ваших силах. Но спрашивается — зачем? Кто-нибудь просит вас об этом? Вы сделали правильный выбор: вы обратились к самым жалким, к самым несчастным, к людям, которым досталась в равновесии сил самая тяжкая доля. Но даже и они не желают нарушения равновесия. Тогда что же вами движет? ...

Птица нахохлилась и засунула голову под крыло, а голос всё звучал, и теперь Гай понял, что говорит сам Колдун, не разжимая губ, не двигая ни одним мускулом лица. Это было очень страшно, и не только Гаю, но и всем собравшимся, даже принцу-герцогу. Один лишь Максим смотрел на Колдуна хмуро и с каким-то вызовом.

— Нетерпение потревоженной совести! — провозгласил Колдун. — Ваша совесть избалована постоянным вниманием, она принимается стенать при малейшем неудобстве, и разум ваш почтительно склоняется перед нею, вместо того, чтобы прикрикнуть на неё и поставить её на место. Ваша совесть возмущена существующим порядком вещей, и ваш разум послушно и поспешно ищет пути изменить этот порядок. Но у порядка есть свои законы. Эти законы возникают из стремлений огромных человеческих масс, и меняться они могут тоже только с изменением этих стремлений... Итак, с одной стороны — стремления огромных человеческих масс, с другой стороны — ваша совесть, воплощение ваших стремлений. Ваша совесть подвигает вас на изменение существующего порядка, то есть<sup>232</sup> на изменение стремлений миллионных человеческих масс по образу и подобию ваших стремлений. Это смешно и антиисторично. Ваш отуманенный и

232 В оригинале «то-есть» через дефис. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





оглушённый совестью разум утратил способность отличать реальное благо масс от воображаемого, — это уже не разум. Разум нужно держать в чистоте. Не хотите, не можете — что ж, тем хуже для вас. И не только для вас. Вы скажете, что в том мире, откуда вы пришли, люди не могут жить с нечистой совестью. Что ж, перестаньте жить. Это тоже неплохой выход — и для вас, и для других.

Колдун замолчал, и все головы повернулись к Максиму. Гай не вполне уразумел, о чём тут шла речь. По-видимому, это был отголосок какого-то старого спора. И ещё ясно было, что Колдун считает Максима умным, но капризным человеком, действующим скорее по прихоти, чем по необходимости. Это было обидно. Максим был, конечно, странной личностью, но себя он не щадил и всегда всем хотел добра — не по капризу какому-нибудь, а по самому глубокому убеждению. Конечно, сорок миллионов людей, одураченных излучением, никаких перемен не хотели, но ведь они были одурачены, это было несправедливо...

— Не могу с вами согласиться, — холодно сказал Максим. — Совесть своей болью ставит задачи, разум — выполняет. Совесть задаёт идеалы, разум ищет к ним дороги. Это и есть функция разума — искать дороги. Без совести разум работает только на себя, а значит — в холостую. Что же касается противоречий моих стремлений со стремлениями масс... Существует определённый идеал: человек должен быть свободен духовно и физически. В этом мире массы ещё не признают этого идеала, и дорога к нему тяжёлая. Но когда-то нужно начинать. Именно люди с обострённой совестью и должны будоражить массы, не давать им заснуть в скотском состоянии, поднимать их на борьбу с угнетением. Даже если массы не чувствуют этого угнетения.

— Верно, — с неожиданной лёгкостью согласился Колдун. — Совесть действительно задаёт идеалы. Но идеалы потому и называются идеалами, что находятся в разительном несоответствии с действительностью. И поэтому, когда за работу принимается разум, холодный, спокойный разум, он начинает искать средства достижения идеалов, и оказывается, что средства эти не лезут в рамки идеалов, и рамки нужно расширить, а совесть слегка подрастянуть, подправить, приспособить... Я ведь только это и хочу сказать, только это вам и повторяю: не следует нянчиться со своей совестью, надо почаще подставлять её пыльному сквознячку новой действительности и не бояться появления на ней пятнышек и грубой корочки... Впрочем, вы и сами это понимаете. Вы просто ещё не научились называть вещи своими именами. Но вы и этому научитесь. Вот ваша совесть провозгласила задачу: свергнуть тиранию этих Неизвестных Отцов. Разум прикинул, что к чему, и подал совет: поскольку изнутри тиранию взорвать невозможно, ударим по ней снаружи, бросим на неё варваров... пусть лесовики будут растоптаны, пусть русло Голубой Змеи запрудится трупами, пусть начнётся большая война, которая, может быть,<sup>233</sup> приведёт к свержению тиранов, — всё для благородного идеала. Ну что же, сказала совесть, поморщившись, придётся мне слегка огрубеть ради великого дела...

233 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





— Массаракш... — прошипел Максим, красный и злой, каким Гай не видел его никогда. — Да, массаракш! Да! Всё именно так, как вы говорите! А что ещё остаётся делать? За Голубой Змеей сорок миллионов человек превращены в ходячие деревяшки. Сорок миллионов рабов...

— Правильно, правильно, — сказал Колдун. — Другое дело, что сам по себе план неудачен: варвары разобьются о башни и откатятся, а бедные наши разведчики, в общем, ни на что серьёзное не способны. Но в рамках того же плана вы могли бы связаться, например, с Островной Империей... Речь не об этом. Боюсь, вы вообще опоздали, Мак. Вам бы прибыть сюда лет пятьдесят назад, когда ещё не было башен, когда ещё не было войны, когда была ещё надежда передать свои идеалы миллионам... А сейчас этой надежды нет, сейчас наступил эпоха башен... разве что вы перетаскаете все эти миллионы сюда по одному, как вы утащили этого мальчика с автоматом... Вы только не подумайте, что я вас отговариваю. Я хорошо вижу: вы — сила, Максим. И ваше появление здесь само по себе означает неизбежное крушение равновесия на поверхности нашего маленького шара. Действуйте. Только пусть ваша совесть не мешает вам ясно мыслить, а ваш разум пусть не стесняется, когда нужно, отстранить совесть... И ещё советую вам помнить: не знаю, как в вашем мире, а в нашем — никакая сила не остаётся долго без хозяина. Всегда находится кто-нибудь, кто старается приручить её и подчинить себе — незаметно или под благовидным предлогом... Вот и всё, что я хотел сказать.

Колдун с неожиданной ловкостью поднялся — птица на его плече присела и растопырила крылья — скользнул на коротеньких ножках вдоль стены и скрылся за дверью. И тотчас же следом потянулось всё собрание. Уходили,<sup>234</sup> постанывая, покряхтывая, отдуваясь, ничего толком не поняв из сказанного, но явно довольные тем, что всё остаётся по-прежнему, что Колдун не разрешил опасной затеи, пожалел, значит, Колдун, не дал в обиду, и можно будет теперь доживать, как и раньше, благо,<sup>235</sup> впереди ещё целая вечность — лет десять, а то и больше. Последним уплёлся Бошку с пустым чайником, и в комнате остались только Гай, да Мак с принцем-герцогом, да ещё в углу крепко спал притомившийся от умственных усилий<sup>236</sup> Хлебопёк. В голове у Гая было смутно, да и в душе тоже. Понял он только одно: *несчастливая моя жизнь, первую половину был куклой, болванчиком в чьих-то руках, а вторую половину, видно, придётся доживать бродягой без родины, без друзей, без завтрашнего дня...*

— Вы огорчены, Мак? — спросил принц-герцог виновато.

— Да нет, не очень, — отозвался Максим. — Скорее даже наоборот, я испытываю облегчение. Колдун прав, моя совесть ещё не готова к таким затеям. Вероятно, надо ещё побродить, посмотреть. Потренировать совесть... — Он как-то неприятно засмеялся. — Что вы мне можете предложить, принц-герцог?

Старый принц-герцог, кряхтя, поднялся и, растирая затёкшие бока, прошёлся по комнате.

234 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

235 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

236 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— Во-первых, я не советую вам углубляться в пустыню, — сказал он. — есть там варвары, или нет их — ничего подходящего вы там для себя не найдёте. Может быть, стоит, по совету Колдуна, установить контакт с Островитянами, хотя видит бог, не знаю я, как это сделать. Вероятно, надо идти к морю и начинать оттуда... если Островитяне — тоже не миф и если он захотят с вами разговаривать... Самым правильным мне кажется возвращаться назад и действовать там в одиночку. Вспомните, что сказал Колдун: *вы — сила*. А силу каждый старается приспособить для своих целей. История нашей империи знает немало случаев, когда дерзкие и сильные одиночки добивались до трона... Правда, именно они-то и создали самые жестокие традиции тирании, но вас это не касается, вы не такой и вряд ли станете таким... Если я вас правильно понял, надеяться на массовое движение не приходится, а это значит, что ваш путь — не путь гражданской войны и вообще не путь войны. Вам следует действовать в одиночку, как диверсанту. В конце концов вы правы, система башен должна иметь центр. И власть над Севером в руках у того, кто владеет этим центром. Вам следует хорошенько это усвоить.

— Боюсь, это не для меня, — медленно проговорил Максим. — Не могу пока сказать — почему, но это не для меня, я чувствую. Я не хочу владеть Центром. В одном вы правы: мне нечего делать ни здесь, ни в пустыне. Пустыня слишком далеко, а здесь не на кого опереться. Но мне предстоит ещё многое узнать, есть ещё Пандея, Хонти, есть ещё горы, есть ещё где-то Островная Империя... Вы слышали о белых субмаринах? Нет? А я слышал, и Гай вот слышал, и мы знаем человека, который их видел и с ними сражался. Так вот: они могут сражаться... Ну, ладно. — Максим вскочил. — Медлить нечего. Спасибо, принц-герцог, вы очень помогли нам. Пойдём, Гай.

Они вышли на площадь и остановились возле оплавленного памятника. Гай с тоской озирался. Вокруг в жарком мареве колыхались жёлтые развалины, было душно, смрадно, но уже не хотелось уходить отсюда, из этого страшного, но уже привычного места, и снова тащиться через лесá, отдаваясь на волю всех тёмных случайностей, которые подстерегают там человека на каждом вздохе... *Вернуться бы сейчас в свою комнатушку, поиграть с лысенькой Тангой, сделать ей, наконец, обещанную свистульку из стреляной гильзы, — не пожалеть, массараки, выстрелить в воздух патрон для бедной девчонки...*

— Куда же всё-таки намерены идти? — спросил принц-герцог, прикрывая лицо от пыли своей потрёпанной, выцветшей шляпой.

— На запад, — ответил Максим. — К морю. Далеко отсюда море?

— Триста километров... — произнёс принц-герцог раздумчиво. — И придётся идти через очень заражённые места... Слушайте, — сказал он. — А может быть, сделаем так? ... — Он надолго замолчал, и Гай уже начал нетерпеливо переступать с ногí на ногу, но Максим не торопился, ждал. — Эх, зачем он мне! — сказал, наконец, принц-герцог. — Честно говоря, хранил я его для себя, думал: когда совсем станет плохо — когда нервы откажут, сяду на него и вернусь домой, а там хоть под расстрел... Да что уж теперь... Поздно.







— Самолёт? — быстро спросил Максим, с надеждой глядя на принца-герцога.

— Да. «Горный Орёл». Вам говорит что-нибудь это название? Нет, конечно... А вам, молодой человек? Тоже нет... Знаменитейший некогда бомбовоз, господа. Личный Его Императорского Высочества Принца Кириу Четырёх Золотых Знамён Именной Бомбовоз «Горный Орёл»... Солдат, помнится, наизусть заставляли зубрить... Рядовой такой-то! Проименуй личный бомбовоз его императорского высочества! И тот, бывало, именуется... Да... Так вот, я его сохранил. Сначала хотел на нём эвакуировать раненых, но их было слишком много. Потом, когда все раненые умерли... Э, да что рассказывать. Берите его себе, голубчик. Летите. Горючего хватит на полмира<sup>237</sup>...

— Спасибо, — сказал Максим. — Спасибо, принц-герцог. Я вас никогда не забуду.

— Да что ж — меня, — проговорил старик. — Не ради себя даю... А вот если удастся вам, голубчик, что-нибудь, вы *этих вот* не забудьте.

— Удастся, — сказал Максим. — Удастся, массаракш! Должно получится, совесть там или не совесть! ... И я никого никогда не забуду.

## 16.

Гаяю никогда ещё не приходилось летать на самолётах. Он и самолёт-то увидел впервые в жизни. Полицейские вертолёты и штабные летающие платформы он видел не раз и однажды даже принимал участие в облаве с воздуха — их секцию погрузили на вертолёт и высадили на шоссе, по которому пёрла к мосту толпа взбунтовавшихся из-за скверной пищи штрафников. От этого воздушного броска у Гая остались самые неприятные воспоминания: вертолёт шёл очень низко, трясло и раскачивало так, что внутренности выворачивались наизнанку, и вдобавок — одуряющий рёв винта, бензиновая вонь и брызжущие отовсюду фонтаны машинного масла.

Но тут было совсем другое дело.

Личный Е. И. В. Бомбовоз «Горный Орёл» поразил воображение Гая. Это была поистине чудовищная машина, и совершенно невозможно было представить себе, что она способна подняться в воздух. Ребристое узкое тело её, изукрашенное многочисленными золотыми эмблемами, было длинным, как улица. Грозно и величественно простирались исполинские крылья, под которыми могла бы укрыться целая бригада. До них было далеко, как до крыши дома, но лопасти шести огромных пропеллеров почти касались земли. Бомбовоз стоял на трёх колёсах в несколько человеческих ростов каждое — два колеса подпирали носовую часть, на третье опирался этажерчатый хвост. К блестящей стеклом кабине вела на головокружильную высоту серебристая ниточка лёгкой алюминиевой лестницы. Да, это был настоящий символ старой империи, символ великого

237 В оригинале «пол-мира» через дефис. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





прошлого, символ бывшего могущества, распространявшегося на весь континент. Гай, задрав голову, стоял на ослабевших ногах, трепеща от благоговения, и как громом поразили его слова друга Мака:

— Ну и сундук, массаракш! ... Извините, принц-герцог, невольно вырвалось...

— Другого нет, — сухо отозвался принц-герцог. — Кстати, это лучший бомбовоз в мире. В своё время его императорское высочество совершил на нём...

— Да, да, конечно, — поспешно согласился Максим. — Это я от неожиданности...

Наверху, в пилотской кабине, восхищение Гая достигло предела. Кабина была сплошь из стекла. Огромное количество незнакомых приборов, удивительно удобные мягкие кресла, непонятные рычаги и приспособления, пучки разноцветных проводов, странные невиданные шлемы, лежащие наготове... Принц-герцог что-то торопливо втолковывал Маку, указывая на приборы, покачивая рычаги, Мак рассеянно бормотал: «Ну да, понятно, понятно...», а Гай, которого усадили в кресле, чтобы не мешал, с автоматом на коленях, чтобы, упаси бог, чего-нибудь не поцарапать, таращил глаза и бессмысленно вертел головой во все стороны.

Бомбовоз стоял в старом просевшем ангаре на опушке леса, перед ним далеко простиралась ровное серо-зелёное поле без единой кочки, без единого кустика. За полем, километрах в пяти, снова начинался лес, а над всем этим висело белое небо, которое казалось отсюда, из кабины, совсем близким<sup>238</sup>, рукой подать. Гай был очень взволнован. Он плохо запомнил, как прощался со старым принцем-герцогом. Принц-герцог что-то говорил, и Максим что-то говорил, кажется, они смеялись, потом принц-герцог всплакнул, потом хлопнула дверца... Гай вдруг обнаружил, что пристёгнут к креслу широкими ремнями, а Максим в соседнем кресле быстро и уверенно щёлкает какими-то рычажками и клавишами.

Засветились циферблаты на пультах, раздался треск, громовые выхлопы, кабина задрожала мелкой дрожью, всё вокруг наполнилось тяжёлым грохотом, маленький принц-герцог далеко внизу среди полегших кустов и словно бы заструившейся травы схватился обеими руками за шляпу и попятился, Гай обернулся и увидел, что лопасти гигантских пропеллеров исчезли, слились в огромные мутные круги, и вдруг всё широкое поле сдвинулось и поползло навстречу, быстрее и быстрее, не стало больше принца-герцога, не стало ангара, было только поле, стремительно летящее навстречу, и немилосердная тряска, и громовой рёв, и, с трудом повернув голову, Гай с ужасом обнаружил, что гигантские крылья плавно раскачиваются и вот-вот отвалятся, но тут тряска пропала, поле под крыльями ухнуло вниз, и какое-то мягкое ватное ощущение пронизало Гая от ног до головы. А под бомбовозом уже больше не было поля, да и леса не стало, лес превратился в чёрно-зелёную щётку, в огромное латанное-перелатанное одеяло, и тогда Гай догадался, что он летит.

238 В оригинале вдруг «близки». (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Он в полном восторге посмотрел на Максима. Друг Мак сидел в небрежной позе, положив левую руку на подлокотник, а правой едва заметно пошевеливал самый большой и, должно быть, самый главный рычаг. Глаза у него были прищурены, губы наморщены, словно он посвистывал. Да, это был великий человек. Великий и непостижимый. Наверное, он всё может, подумал Гай. Вот он управляет этой сложнейшей машиной, которую видит впервые в жизни. Это ведь не танк какой-нибудь и не грузовик — самолёт, легендарная машина, я и не знал, что они сохранились... а он управляется с ней, как с игрушкой, словно всю жизнь только и делал, что летал в воздушных пространствах. Это просто уму непостижимо: кажется, что он многое видит впервые, и,<sup>239</sup> тем не менее,<sup>240</sup> он моментально принаравливается и делает то, что нужно... И разве только с машинами? Ведь не только машины сразу признают в нём хозяина... Захоти он, и ротмистр Чачу ходил бы с ним в обнимку... Колдун, на которого и смотреть-то боязно, и тот считал его за равного... Принц-герцог, полковник, главный хирург, аристократ, можно сказать, сразу почуял в нём что-то этакое, высокое... Такую машину подарил, доверил... А я ещё Раду за него хотел выдать. Что ему Рада? Так, мимолётное увлечение. Ему бы какую-нибудь графиню или, скажем, принцессу... А вот со мной дружит, надо же... И скажи он сейчас, чтобы я выкинулся вниз, — что же, очень может быть, что и выкинусь... потому что — Максим! И сколько я уже из-за него узнал и повидал, в жизни столько не узнать и не увидеть... И сколько из-за него ещё узнаю и увижу, и чему от него научусь...

Максим почувствовал на себе его взгляд, и его восторг, и его преданность, повернул голову и широко, по-старому, улыбнулся, и Гай с трудом удержался, чтобы не схватить его мощную коричневую руку и не прикинуться к ней в благодарном лобзании. О повелитель мой, защита моя и вождь мой, прикажи! — я перед тобой, я здесь, я готов — швырни меня в огонь, соедини меня с пламенем... На тысячи врагов, на развёрстые жерла, навстречу миллионам пуль... Где они, враги твои? Где эти отвратительные люди в мерзких чёрных мундирах? Где этот злобный офицеришка, осмелившийся поднять на тебя руку? О чёрный мерзавец, я разорву тебя ногтями, я перегрызу тебе глотку... но не сейчас, нет... он что-то приказывает мне, мой владыка, он что-то хочет от меня... Мак, Мак, умоляю, верни мне свою улыбку, почему ты больше не улыбаешься? Да, да, я глуп, я не понимаю тебя, я не слышу тебя, здесь такой рёв, это ревёт твоя послушная машина... Ах,<sup>241</sup> вот оно что, массараки, какой я идиот, ну конечно же, шлем... Да, да, сейчас... Я понимаю, здесь шлемофон, как в танке... слушаю тебя, великий! Приказывай! Нет-нет, я не хочу опомниться! Со мной ничего не происходит, просто я твой, я хочу умереть за тебя, прикажи что-нибудь... Да, я буду молчать, я заткнусь... это разорвёт мне лёгкие, но я буду молчать, раз ты мне приказываешь... Башня? Какая башня? А, да, вижу башню... Эти чёрные мерзавцы, эти подлые Отцы, собачьи Отцы, они понатыкали башни везде, но мы сметём эти башни, мы пройдем тяжёлыми шагами, сметая эти башни, с огнём в

239 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

240 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

241 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





*очах... Веди, ве́ди свою послушную машину на эту гнусную башню... и дай мне бомбу, я прыгну с бомбой и не промахнусь, вот увидишь! Бомбу мне, бомбу! В огонь! О! ... О-о!! О-о-о!!!*

... Гай с трудом вдохнул и рванул на себе ворот комбинезона. В ушах звенело, мир перед глазами плыл и покачивался. Мир был в тумане, но туман быстро рассеивался, ныли мускулы и нехорошо першило в горле. Потом он увидел лицо Максима, тёмное, хмурое, даже какое-то жёсткое. Воспоминание о чём-то сладостном всплыло и тут же исчезло, но почему-то очень захотелось встать «смирно» и щёлкнуть каблуками. Впрочем, Гай понимал, что это неуместно, что Максим рассердится.

— Я что-то натворил? — спросил он виновато и опасливо осмотрелся.<sup>242</sup>

— Это я натворил, — ответил Максим. — Совсем забыл об этой дряни.

— О чём?

Максим вернулся в своё кресло, положил руку на рычаг и стал смотреть вперёд.

— О башнях, — сказал он, наконец.

— О каких башнях?

— Я взял слишком сильно к северу, — сказал Максим. — Мы попали под лучевой удар.

Гаю стало стыдно.

— Я орал гимн? — спросил он.

— Хуже, — ответил Максим. — Ладно, впредь будем осторожнее.

С чувством огромной неловкости Гай отвернулся, мучительно пытаюсь вспомнить, что же он тут делал, и принялся рассматривать мир внизу. Никакой башни он не увидел, и, конечно, уже не увидел ни ангара, ни поля, с которого они взлетели. Внизу медленно ползло всё то же лоскутное одеяло, и ещё была видна река, тусклая металлическая змейка, исчезающая в туманной дымке далеко впереди, где в небе стеной должно было подниматься море... *Что же я тут болтал? — думал Гай. Наверное, какую-то смертную чепуху нёс, потому что Максим очень недоволен и встревожен. Массаракиш, может быть, ко мне вернулись мои гвардейские привычки, и я Максима как-нибудь оскорбил? ... Где же эта проклятая башня? Хороший случай сбросить на неё бомбу...*

Бомбовоз вдруг тряхнуло. Гай прикусил язык, а Максим ухватился за рычаг двумя руками. *Что-то было не в порядке, что-то случилось...* Гай опасливо оглянулся и с облегчением обнаружил, что крыло на месте, а пропеллеры вращаются. Тогда он посмотрел вверх. В белесом небе над головой медленно расплывались какие-то угольно-чёрные пятна. Словно капли туши в воде.

— Что это? — спросил он.

242 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— Не знаю, — сказал Максим. — Странная штука... — Он произнёс ещё два каких-то незнакомых слова, а потом с запинкой сказал: — Атака... небесных камней. Чепуха, так не бывает. Вероятность — ноль целых, ноль-ноль... Что я их — притягиваю? ...

Он снова произнёс незнакомые слова и замолчал.

Гай хотел спросить,<sup>243</sup> что такое небесные камни, но тут краем глаза заметил странное движение справа внизу. Он взгляделся. Над грязно-зелёным одеялом леса медленно вспучивалось грузная желтоватая куча. Он не сразу понял, что это — дым. Потом в недрах кучи блеснуло, из неё скользнуло вверх длинное чёрное тело, и в ту же секунду горизонт вдруг жутко перекосялся, встал стеной, и Гай вцепился в подлокотники. Автомат соскользнул у него с колен и покатился по полу. «*Массаракиш...* — прошипел в наушниках голос Максима. — *Вот это что такое! Ах я, дурак!*» Горизонт снова выровнялся, Гай поискал глазами жёлтую кучу дыма, не нашёл, стал глядеть вперёд и вдруг увидел прямо по курсу, как над лесом поднялся фонтан разноцветных брызг, снова горой вспучилось жёлтое облако, блеснул огонь, снова длинное чёрное тело медленно поднялось в небо и лопнуло ослепительно-белым шаром — Гай прикрыл глаза рукой. Белый шар быстро померк, налился чёрным и расплылся гигантской кляксой. Пол под ногами стал проваливаться, Гай широко раскрыл рот, хватая воздух, на секунду ему показалось, что желудок вот-вот выскочит наружу, в кабине потемнело, рваный чёрный дым скользнул навстречу и в стороны, горизонт опять перекосялся, лес был теперь совсем близко слева, Гай зажмурился и съёжился в ожидании удара, боли, гибели, — воздуха не хватало, всё вокруг тряслось и вздрагивало. «*Массаракиш...* — шипел голос Максима в наушниках. — *Тридцать три раза массаракиш...*» И тут коротко и яростно простучало рядом в стену, словно кто-то в упор бил из пулемёта, в лицо ударила тугая ледяная струя, шлем сорвало прочь, и Гай скорчился, пряча голову от рёва и встречного ветра. *Конец*, думал он. *В нас стреляют*, думал он. *Сейчас нас собьют, и мы сгорим*, думал он... Однако, ничего не происходило. Бомбовоз встряхнуло ещё несколько раз, несколько раз он провалился в какие-то ямы и снова вынырнул, а потом рёв двигателей вдруг смолк, и наступила жуткая тишина, наполненная свистящим воем ветра, рвущегося сквозь пробоины.

Гай подождал немного, затем осторожно поднял голову, стараясь не подставлять лицо ледяным струям. Максим был тут. Он сидел в напряжённой позе, держась за рычаг обеими руками, и поглядывал то на приборы, то вперёд. Мышцы под коричневой кожей вздулись. Бомбовоз летел как-то странно, — неестественно задрал носовую часть. Моторы не работали, Гай оглянулся на крыло и обмер. Крыло горело.

— Пожар! — заорал он и попытался вскочить. Ремни не пустили.

— Сиди спокойно, — сказал Максим сквозь зубы, не оборачиваясь.

— Да крыло же горит! ...

— А я что могу сделать? Я ведь говорил — сундук... Сиди, не дёргайся.

243 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Гай взял себя в руки и стал глядеть вперёд. Бомбовоз летел совсем низко. От мелькания чёрных и зелёных пятен рябило в глазах. А впереди уже поднималась блестящая, стального цвета поверхность моря. *Разобьёмся к чертям, подумал Гай с замиранием в сердца. Проклятый принц-герцог со своим проклятым бомбовозом, массаракиш, тоже мне — обломок империи, или бы себе спокойненько пешком и горя бы не знали, а сейчас сгорим, а если не сгорим, так разобьёмся, а если не разобьёмся, так потонем... Максиму что — он воскреснет, а мне — конец... Не хочу.*

— Не дёргайся, — сказал Максим. — Держись крепче... Сейчас...

Лес внизу вдруг кончился, Гай увидел впереди несущуюся прямо на него волнистую серо-стальную поверхность и закрыл глаза...

Удар. Хруст. Ужасающее шипение. Опять удар. И ещё удар. *Всё летит к чёрту, всё погибло, конец всему,* Гай вопит от ужаса. Какая-то огромная сила хватает его и пытается вырвать с корнем из кресла вместе с ремнями, вместе со всеми потрохами, разочарованно швыряет обратно, вокруг всё трещит и ломается, воняет гарью и брызгается тепловатой водой. Потом всё затихает. В тишине слышится плеск и журчание, что-то шипит и потрескивает, пол начинает медленно колыхаться. Кажется, можно открыть глаза и посмотреть, как там, на *том* свете...

Гай открыл глаза и увидел Максима, который, нависнув над ним, расстёгивал ему ремни.

— Плавать умеешь?

Ага, значит, мы живы.

— Умею, — ответил Гай.

— Тогда пошли.

Гай осторожно поднялся, ожидая острой боли в избитом и переломанном теле, однако тело оказалось в порядке. Бомбовоз тихонько покачивался на мелкой волне. Левого крыла у него не было, правое ещё болталось на какой-то дырчатой металлической полосе. Прямо по носу был берег — очевидно, бомбовоз развернуло при посадке.

Максим подобрал автомат, забросил за спину и распахнул дверцу. В кабину сейчас же хлынула вода, отчаянно завоняло бензином, пол под ногами начал медленно крениться.

— Вперёд, — скомандовал Максим, и Гай, протиснувшись мимо него, послушно бухнулся в волны.

Он погрузился с головой, вынырнул, отплёвываясь, и поплыл к берегу. Берег был близко, твёрдый берег, по которому можно ходить и на который можно падать без опасности для жизни. Максим, бесшумно разрезая воду, плыл рядом. *Массаракиш, он и плавает-то как рыба, словно в воде родился...* Гай, отдуваясь, изо всех сил работал руками и ногами. Плыть в комбинезоне и в сапогах было очень тяжело, и он обрадовался, когда задел ногой песчаное дно. До берега было ещё порядочно, но он встал и пошёл, разгребая перед собой грязную, залитую масляными пятнами воду. Максим продолжал плыть, обогнал его и первым вышел на пологий песчаный берег.





Когда Гай, пошатываясь, подошёл к нему, он стоял, расставив нóги, и смотрел на небо. Гай тоже посмотрел на небо. Там расплывалось множество чёрных клякс.

— Повезло нам, — проговорил Максим. — Штук десять выпущено было.

— Кого? — спросил Гай, похлопывая себя по уху, чтобы вытряхнуть воду.

— Ракет... Я совсем забыл про них... Двадцать лет они ждали, пока мы пролетим — дождались... И как только я не догадался!

Гай недовольно подумал, что он бы тоже мог догадаться об этом, а вот не догадался. А мог бы ещё два часа назад сказать: как же, мол, мы полетим, Мак, если в лесу полно шахт с ракетами? Нет, принц-герцог, спасибо, конечно, но лучше летали бы вы на своём бомбовозе сами... Он оглянулся на море. «Горный Орёл» почти совсем затонул, изломанный этажерчатый хвост его жалко торчал из воды.

— Ну, ладно, — сказал Гай. — Как я понимаю, до Островной Империи нам теперь не добраться. Что делать будем?

— Прежде всего, — ответил Максим, — примем лекарство. Доставай.

— Зачем? — спросил Гай. Он очень не любил принцевы таблетки.

— Очень грязная вода, — сказал Максим. — У меня вся кожа горит. Давай-ка сразу таблетки по четыре, а то и по пять.

Гай поспешно достал одну из ампул, отсыпал на ладонь десяток жёлтых шариков, и они съели эту порцию пополам.

— А теперь пошли, — сказал Максим. — Возьми свой автомат.

Гай взял автомат, сплюнул едкую горечь, скопившуюся во рту и, увязая в песке, двинулся следом за Максимом вдоль бёрега. Было жарко, комбинезон быстро подсох, только в сапогах ещё хлюпало. Максим шёл быстро и уверенно, как будто точно знал, куда нужно идти, хотя вокруг ничего не было видно, кроме моря слева и обширного пляжа впереди и справа, а также высоких дюн в километре от воды, за которыми время от времени появлялись верхушки лесных деревьев.

Они прошли километра три, и Гай всё время думал, куда же они идут и где вообще находятся. Спрашивать он не хотел, хотел сообразить сам, но, припомнив все обстоятельства, сообразил только, что где-то впереди должно быть устье Голубой Змеи, а идут они на север — непонятно куда и непонятно зачем... Соображать ему скоро надоело. Придерживая оружие, он трусцой нагнал Мака и спросил, какие у них теперь, собственно, планы.

Максим охотно ответил, что планов определённых у них с Гаем теперь нет и остаётся полагаться на случайности. Остаётся им надеяться, что какая-нибудь белая субмарина подойдет к берегу, и они подоспеют к ней раньше, чем гвардейцы. Однако, поскольку ждать такого случая посреди сухих песков — удовольствие сомнительное, надо попытаться дойти до Курорта, который должен быть здесь где-то недалеко. Сам город, конечно, давно разрушен, но источники там почти







наверняка сохранились, и вообще будет крыша над головой. Переночуем в городе, а там посмотрим. Возможно, им придётся провести на побережье не один десяток дней.

Гай осторожно заметил, что план этот представляется ему каким-то странным, и Мак тут же согласился с этим и с надеждой в голосе спросил Гая, нет ли у того в запасе какого-нибудь другого плана, поумнее. Гай сказал, что, к сожалению, никакого другого плана у него нет, но что надобно помнить о гвардейских танковых патрулях, которые, насколько ему известно, забираются вдоль побережья на юг очень далеко. Максим нахмурился и сказал, что это плохо, что надо держать ухо востро и не дать застать себя врасплох, после чего некоторое время с пристрастием расспрашивал Гая о тактике патрулей. Узнав, что танки патрулируют не столько берег, сколько море, и что от них можно легко спрятаться, залегши в дюнах, он успокоился и принялся насвистывать незнакомый марш.

Под этот марш они протопали ещё километра два, а Гай всё думал, как же им вести себя, если патруль их всё-таки заметит, и, придумав, изложил свои соображения Максиму. Если нас обнаружат, сказал он, наврём, будто меня похитили выродки, а ты за ними погнался и отбил меня, блуждали мы с тобой, блуждали по лесу и вот сегодня вышли сюда... А что нам это даст? — спросил Максим без особого энтузиазма. А то нам это даст, сказал Гай, рассердившись, что нас,<sup>244</sup> по крайней мере,<sup>245</sup> не шлёпнут сразу же на месте... Ну уж нет, твёрдо сказал Максим. Шлёпать я себя больше не дам, да и тебя тоже... А если танк? — с восхищением спросил Гай. А что — танк? — сказал Максим. Подумаешь, танк... Он помолчал некоторое время, а потом сказал: а знаешь, неплохо бы нам захватить танк. Гай увидел, что мысль эта очень ему по душе. Отличная у тебя идея, Гай, сказал Максим. Так мы и сделаем. Захватим танк. Как только они появятся, ты сейчас же пальни в воздух из автомата, а я заложу рюки за спину, и ты ведёшь меня под конвоем прямо к ним. А там уж моя забота, но смотри, держись в сторонке, не попадись под руку и, главное, больше не стреляй... Гай загорелся и тут же предложил идти по дюнам, чтобы их издали было видно. Так и сделали, поднялись на дюны. И сразу увидели белую субмарину.

За дюнами открывалась небольшая мелководная бухта, и субмарина возвышалась над водой в сотне метров от берега. Собственно, она совсем не была похожа на субмарину и, тем более, на белую. Гай решил сначала, что это — не то туша какого-то исполинского двугорбого животного, не то причудливой формы скала, невесть откуда вставшая из песков. Но Максим сразу понял, что это. Он даже предположил, что субмарина заброшена, что стоит она здесь уже несколько лет и что её засосало. Так оно и оказалось. Когда они добрались до бухты и спустились к воде, Гай увидел, что длинный корпус и обе надстройки покрыты ржавыми пятнами, белая краска облупилась, артиллерийская площадка свёрнута набок, и пушка смотрит в воду. В обшивке зияли чёрные дыры с закопчёнными краями — ничего живого там, конечно, остаться не могло.

244 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

245 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))







— А это точно белая субмарина? — спросил Максим. — Ты видел их раньше?

— По-моему, она, — ответил Гай. — На побережье я никогда не служил, но нам показывали фотографии, ментограммы... описывали... Даже учебный фильм был — «Танки в береговой обороне»... Это она. Надо понимать, её вынесло штормом в бухту, села она на мель, а тут подоспел патруль... Видишь, как её расковыряли? Просто не обшивка, а решето...

— Да, похоже... — пробормотал Максим, вглядываясь. — Пойдём, посмотрим?

Гай замялся.

— Вообще-то, конечно, можно, — проговорил он неуверенно.

— А что такое?

— Да как тебе сказать...

Действительно, как ему сказать? Вот капрал Серембеш, храбрый танкист, рассказывал как-то в тёмной после отбоя казарме, будто на белых субмаринах ходят не обыкновенные моряки — мёртвые моряки на них ходят, служат свой второй срок, а некоторые — из трусов, кто погиб в страхе, те первый дослуживают... морские демоны шарят по дну моря, ловят утопленников и комплектуют из них экипажи... Такое ведь Маку не расскажешь — засмеёт, а смеяться здесь, пожалуй, нечего... Или, например, действительный рядовой Лепту, разжалованный из офицеров, напившись в кантине, говорил просто: «Всё это, ребята, чепуха — выродки ваши, мутанты всякие, радиация — это всё пережить можно и одолеть можно, а главное, ребята, молитесь богу, чтобы не занёс он вас на белую субмарину, — лучше, ребята, сразу потонуть, чем хоть рукой её коснуться, я-то знаю...» Совершенно неизвестно было, почему Лепту разжаловали, но служил он прежде на побережье и командовал сторожевым катером...

— Понимаешь, — сказал Гай проникновенно, — есть всякие суеверия, легенды всякие... я тебе о них рассказывать не буду, но вот ротмистр Чачу говорил, что все эти субмарины заразны и что запрещается подниматься на борт... приказ даже такой есть, говорят. Мол, *подбитые субмарины...*

— Ладно, — сказал Максим. — Ты здесь постой, а я пойду. Посмотрим, какая там зараза.

Гай не успел и слова сказать, только рот раскрыл, а Максим уже прыгнул в воду, нырнул и долго не показывался, у Гая даже дух захватило его ждать, когда черноволосая голова появилась у облупленного борта точно под пробоиной. Ловко и без усилий, как муха по стене, коричневая фигура вскарабкалась на покосившуюся палубу, взлетела на носовую надстройку и исчезла. Гай судорожно вздохнул, потоптался на месте и прошёлся вдоль воды взад-вперёд, не сводя глаз с мёртвого ржавого чудища.

Было тихо, даже волны не шуршали в этой мёртвой бухте. Пустое белое небо, безжизненные белые дюны, всё сухое, горячее, застывшее. Гай с ненавистью посмотрел на ржавый осто. Надо же, невезенье какое: другие годами служат и никаких субмарин не видят, а тут — на тебе, свалились с неба, часок прошагали, и вот она, добро пожаловать... И как это я на такое дело решился? ... Это всё Максим... У него на словах всё так ладно





получается, что вроде бы и думать не о чём, и бояться нечего... А может быть, я не боялся потому, что представлял себе белую субмарину живой, белой, нарядной, на палубе — моряки, все в белом... А здесь — труп железный... и место-то какое мёртвое, даже ветра нет... А ведь был ветер, точно помню: пока шли — дул ветер в лицо, освежающей такой ветерок... Гай с тоской огляделся по сторонам, потом сел на песок, положил рядом автомат и стал нерешительно стаскивать правый сапог. *Надо же, тишина какая! ... А если он совсем не вернётся? Проглотила его эта сволочь железная, и духа от него не осталось... Тьфу-тьфу-тьфу...*

Он вздрогнул и уронил сапог: длинный жуткий звук возник над бухтой, то ли вой, то ли визг, словно черти проскребли по грешной душе ржавым ножом. *О господи, да это же просто люк открылся железный, прижавел люк... тьфу ты, в самом деле, даже в пот бросило! Открыл люк, значит, вылезет сейчас... Нет, не вылезает... Несколько минут Гай, вытянув шею, глядел на субмарину, прислушивался. Тишина. Прежняя страшная тишина, и даже ещё страшнее после этого ржавого воя... А может быть он, это... не открылся люк, а закрылся? Сам закрылся...* Перед помертвелыми глазами Гая возникло видение: тяжёлая стальная дверь сама собой закрывается за Максимом, и сам собой медленно задвигается тяжёлый засов... Гай облизал пересохшие губы, глотнул без слюны, потом крикнул: «Эй, Мак!» Не получилось крика... так, шипение только... Господи, хоть бы звук какой-нибудь! «Эге-гей!» — завопил он в отчаянии. «Э-эй...» — мрачно откликнулись дюны, и снова стало тихо.

Тишина. И кричать больше сил не было...

Не спуская глаз с субмарины, Гай нашарил автомат, трясущимся пальцем сдвинул предохранитель и, не целясь, выпустил в бухту очередь. Протрещало коротко, бессильно и словно бы в вату. На гладкой воде взлетели фонтанчики, разошлись круги. Гай поднял ствол повыше и снова нажал спусковой крючок. На этот раз звук получился: пули загрохотали по металлу, взвизгнули рикошеты, ударило эхо. И — ничего. Ничегошеньки. Ни звука больше, словно он здесь один, словно он и был всегда один. Словно попал он сюда неизвестно как, занесло, как в бредовом сне, в это мёртвое место, только не проснуться и не очнуться. И теперь оставаться ему здесь одному навсегда.

Не помня себя, Гай, как был — в одном сапоге, вошёл в воду, сначала медленно, потом всё быстрее, потом побежал, высоко задирая ноги, по пояс в воде, всхлипывая и ругаясь вслух. Ржавая громадина надвигалась. Гай то брёл, разгребая воду, то бросался вплавь, добрался до борта, попытался вскарабкаться — ничего не получилось, обогнул субмарину с кормы, уцепился за какие-то тросы, вскарабкался, обдирая руки и колени, на палубу и остановился, заливаясь слезами. Ему было совершенно ясно, что он погиб. «Э-эй!» — крикнул он перехваченным голосом.

Палуба была пуста, на дырчатом железе налипли сухие водоросли, словно обросло железо сваявшимися волосами. Носовая надстройка огромным пятнистым грибом нависала над головой, сбоку в броне зиял широкий рваный шрам. Грохоча сапогом по железу, Гай обогнул надстройку и увидел железные скобы, ведущие наверх, ещё влажные, забросил автомат за спину, полез. Лез долго, целую вечность, в душной тишине, навстречу





неминуемой смерти, навстречу вечной смерти, вскарабкался и замер, стоя на четвереньках: чудовище уже ждало его, люк был настезь, словно бы сто лет не закрывался, и даже петли снова прижавели — прошу, мол. Гай подполз к чёрному отверстию зеву, заглянул, голова у него закружилась, сделалось тошно... Из железной глотки плотной массой выпирала тишина, годы и годы застоявшейся, перепревшей тишины, и Гай вдруг представил себе, как там, в жёлтом сгнившем свете, задавленный тоннами этой тишины, насмерть бьётся один против всех добрый друг Мак, бьётся из последних сил и зовёт: «Гай! Гай!», а тишина, ухмыляясь, лениво сглатывает эти крики без остатка и всё наваливается, подминает Мака под себя, душит, давит. Это было невозможно перенести, и Гай полез в люк.

Он плакал и торопился, сорвался в конце концов и загремел вниз, пролетел несколько метров и упал на песок. Здесь был железный коридор, тускло освещённый редкими пыльными лампочками, на полу под шахтой за годы и годы нанесло тонкого песка. Гай вскочил, — он всё ещё торопился, он всё ещё очень боялся опоздать, — и побежал, куда глаза глядели, с криком: «Я здесь, Мак... Я иду... Иду...»

— Что ты кричишь? — недовольно спросил Максим, высываясь словно бы из стены. — Что случилось? Палец порезал?

Гай остановился и уронил руки. Он был близок к обмороку, пришлось опереться о переборку. Сердце колотилось бешено, удары его гремели в ушах, как барабанный бой, голос не слушался. Максим некоторое время смотрел на него с удивлением, потом, должно быть, понял, протиснулся в коридор — дверь отсека снова пронзительно завизжала — и подошёл к нему, взял за плечи, встряхнул, потом прижал к себе, обнял, и несколько секунд Гай в блаженном забытии лежал лицом на его груди, постепенно приходя в себя.

— Я думал... тебя здесь... что ты тут... что тебя...

— Ничего, ничего, — сказал Максим ласково. — Это я виноват, надо было тебя сразу позвать. Но тут странные вещи, понимаешь...

Гай отстранился, вытер мокрым рукавом нос, потом вытер мокрой ладонью лицо и только теперь ощутил стыд.

— Тебя нет и нет, — сказал он сердито, пряча глаза. — Я зову, я стреляю... Неужели трудно отозваться?

— Массаракш, я ничего не слышал, — виновато сказал Максим. — Понимаешь, здесь великолепный радиоприёмник... я и не знал, что у вас умеют делать такие мощные...

— Приёмник, приёмник... — ворчал Гай, протискиваясь сквозь полуоткрытую дверь. — Ты тут развлекаешься, а человек из-за тебя чуть не свихнулся... Что это у них здесь?

Это было довольно обширное помещение с истлевшим ковром на полу, с тремя полукруглыми плафонами в потолке, из которых горел только один. Посередине стоял круглый стол, вокруг стола — кресла. На стенах висели какие-то странные фотографии в рамках, картины, лохмотьями свисали остатки бархатной обивки. В углу потрескивал и завывал большой радиоприёмник — Гай таких никогда не видел.







— Тут что-то вроде кают-компаний, — сказал Максим. — Ты походи, посмотри, тут есть на что посмотреть.

— А экипаж? — спросил Гай.

— Никого нет. Ни живых, ни мёртвых. Нижние отсеки залиты водой. По-моему, они все там...

Гай с удивлением посмотрел на него. Максим отвернулся, лицо у него было озабоченное.

— Должен тебе сказать, — проговорил он, — это, кажется, хорошо, что мы до Империи не долетели. Ты посмотри, посмотри...

Он подсел к приёмнику и принялся крутить верньеры, а Гай огляделся, не зная, с чего начать, потом подошёл к стене и стал смотреть развешенные фотографии. Некоторое время он никак не мог понять, что это за снимки. Потом сообразил: рентгенограммы. На него смотрели смутные, все как один оскаленные черепа. На каждом снимке была неразборчивая надпись, словно кто-то ставил автографы. *Члены экипажа? Знаменитости какие-нибудь? ...* Гай пожал плечами. *Дядюшка Каан, может быть, что-нибудь и разобрал бы здесь, а мы — люди простые...*

В дальнем углу он увидел большой красочный плакат, красивый плакат, в три краски... правда, плесенью тронулся... На плакате было синее море, из моря выходил, наступив одной ногой на чёрный берег, оранжевый красавец в незнакомой форме, очень мускулистый и с непропорционально маленькой головой, состоящей наполовину из мощной шеи. В одной руке богатырь сжимал свиток с непонятной надписью, а другой — вонзал в сушу пылающий факел. От пламени факела занимался пожаром какой-то город, в огне корчились гнусного вида уродцы, и ещё дюжина уродцев окарачь<sup>246</sup> разбежалась в стороны. В верхней части плаката было что-то написано большими оранжевыми буквами. Буквы были знакомые, наши, но слова из них складывались совершенно непригодные.

Чем дольше Гай смотрел на плакат, тем меньше плакат ему нравился. Он почему-то вспомнил плакат в казарме: тем изображался чёрный орёл-гвардеец (тоже с очень маленькой головой и могучими мышцами), смело отстригающий гигантскими ножницами голову гнусному оранжевому змею, высунувшемуся из моря. На лезвиях ножниц было, помнится, написано: на одном — «*Боевая Гвардия*», на другом — «*Наша славная армия*». «Ага, — сказал про себя Гай, в последний раз бросая взгляд на плакат. — *Это мы ещё посмотрим... Посмотрим мы ещё, кто кого прижжёт*<sup>247</sup>, *массаракиш!*» Он отвернулся от плаката и остоленел.

С изящной лакированной полки глядело на него стеклянными глазами знакомое лицо, квадратное, с русой чёлкой над бровями, с приметным шрамом на правой щеке<sup>248</sup>... Ротмистр Пудураш, национальный герой, командир роты в Бригаде Мёртвых-но-Незабвенный, потопитель одиннадцати белых субмарин, погибший в неравном бою. Его портрет, увенчанный букетом бессмертника, висел в каждой казарме, его бюст

246 Окарачь — на четвереньках. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

247 В оригинале вдруг «прижгет», хотя, возможно, умышленно искажено. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

248 В оригинале вдруг «щека». (прим. ред. Alex.Rus.UA)







красовался на каждом плацу... а голова его, ссохшаяся, с жёлтой мёртвой кожей была почему-то здесь. Гай отступил. Да, это самая настоящая голова. А вон ещё голова — незнакомое острое лицо... И ещё голова... и ещё...

— Мак! — сказал Гай. — Ты видел?

— Да, — сказал Максим.

— Это головы! — сказал Гай. — Настоящие головы...

— Посмотри альбомы на столе, — сказал Максим.

Гай с трудом оторвал взгляд от жуткой коллекции, повернулся и нерешительно подошёл к столу. Приёмник что-то кричал на незнакомом языке, раздавалась музыка, тарахтели разряды, и снова кто-то говорил — вкрадчиво, бархатным значительным голосом...

Гай наугад взял один из альбомов и откинул твёрдую, оклеенную кожей обложку. Портрет. Странное длинное лицо с пушистыми бакенбардами, свисающими со щёк на плечи, волосы надо лбом выбриты, нос крючком, разрез глаз непривычный. Неприятное лицо, невозможно представить его себе улыбающимся. Незнакомый мундир, какие-то значки или медали в два ряда... *Ну и тип... Наверное, какая-нибудь шишка.* Гай перекинул страницу. Тот же тип в компании с другими типами на мостике белой субмарины, по-прежнему угрюмый, хотя остальные скалят зубы. На заднем плане, не в фокусе, — что-то вроде набережной, какие-то незнакомые постройки, мутные силуэты не то пальм, не то кактусов... Следующая страница. У Гая захватило дух: горящий «дракон» со свёрнутой набок башней, из открытого люка свисает тело гвардейца-танкиста, и ещё два тела, одно на другом, в сторонке, а над ними, расставив ноги, всё тот же тип — с пистолетом в опущенной руке, в шапке, похожей на остроконечный колпак. Дым от «дракона» густой, чёрный, но местá знакомые — этот самый берег, песчаный пляж и дюны позади... Гай весь напрягся, переворачивая страницу, и не зря. Толпа мутантов, человек двадцать, все голые, целая куча уродов, стянутых одной верёвкой. Несколько деловитых пиратов в колпаках, с дымящими факелами, а сбоку опять этот тип — что-то, видимо, приказывает, протянув правую руку, а левая рука лежит на рукоятке кортика. *До чего же жуткие эти уроды, смотреть страшно...* Но дальше пошло ещё страшнее.

Та же куча мутантов, но уже сгоревшая. Тип — поодаль, нюхает цветочек, беседует с другим типом, повернувшись к трупам спиной...

Огромное дерево в лесу, сплошь увешанное телами. Висят кто за руки, кто за ноги, и уже не уроды — на одном клетчатый комбинезон воспитуемого, на другом чёрная куртка гвардейца.

Горящая улица, женщина с младенцем валяется на мостовой...

Старик, привязанный к столбу. Лицо искажено, кричит, зажмурился. Тип тут как тут — с озабоченным видом проверяет медицинский шприц...

Потом опять повешенные, горящие, сгоревшие, мутанты, воспитуемые, гвардейцы, рыбаки, крестьяне, мужчины, женщины, старики, детишки... целый пляж детишек и тип на корточках за тяжёлым пулемётом, здесь он улыбается... панорамный снимок: линия пляжа, на дюнах —





четыре танка, все горят, на переднем плане две чёрные фигурки с поднятыми руками... *Хватит.* Гай захлопнул и отшвырнул альбом, посидел несколько секунд, потом с проклятием сбросил все альбомы на пол.

— Это ты с *ними* хочешь договариваться? — заорал он Максиму в спину. — Хочешь *их* привести к нам?! *Этого палача!*? — Он подскочил к альбомам и пнул их ногой.

Максим выключил приёмник.

— Не бесись, — сказал он. — Ничего я уже больше не хочу. И нечего на меня орать, сами вы виноваты, проспали свой мир, массаракш, разорили всё, разграбили, оскотинели, как последнее зверьё! Что теперь с вами делать? — Он вдруг оказался возле Гая, схватил его за грудь. — Что мне теперь делать с вами? — гаркнул он. — Что? Что? Не знаешь? Ну, говори!

Гай молча ворочал шеей, слабо отпихиваясь. Максим отпустил его.

— Сам знаю, — сказал он угрюмо. — Никого нельзя приводить. Кругом зверьё... на них самих насыпать нужно... — Он подхватил с пола один из альбомов и стал рывками переворачивать листы. — Какой мир загадили, — говорил он — Какой мир! Ты посмотри, какой мир! ...

Гай глядел ему через руку. В этом альбоме не было никаких ужасов, просто пейзажи разных мест, удивительной красоты и чёткости цветные фотографии — синие бухты, окаймлённые пышной зеленью, ослепительной белизны города над морем, водопад в горном ущелье, какая-то великолепная автострада и поток разноцветных автомобилей на ней, и какие-то древние замки, и снежные вершины над облаками, и кто-то весело мчится по снежному склону горы на лыжах, и смеющиеся девушки играют в морском прибое...

— Где это всё теперь? — говорил Максим. — Куда вы всё это девали, проклятые дети проклятых отцов? Разгромили, изгадили, разменяли на железо... Эх, вы... человечки... — Он бросил альбом на стол. — Пошли.

Он с яростью навалился на дверь, со скрежетом и визгом распахнул её настежь и зашагал по коридору.

На палубе он спросил:

— Есть хочешь?

— Угу... — ответил Гай.

— Ладно, — сказал Максим. — Сейчас будем есть. Поплыли.

Гай выбрался на берег первым, сразу же снял сапог, разделся и разложил одежду на просушку. Максим всё ещё плавал, и Гай не без тревоги следил за ним: очень уж глубоко нырял друг Мак и очень уж подолгу оставался под водой. *Нельзя так, опасно так, как ему воздуха хватает?* ... Наконец, Максим всё-таки вышел, волоча за жабры огромную мощную рыбину. У рыбины был обалделый вид, никак она понять не могла, как же это её словили голыми руками. Максим отшвырнул её подальше в песок и сказал:





— По-моему, эта годится. Почти неактивна. Тоже, наверное, мутант. Прими таблетки, а я её сейчас приготовлю. Её можно сырой есть, я тебя научу, — сасими<sup>249</sup> называется. Не ел? Давай нож...

Потом, когда они наелись сасими — ничего не скажешь, оказалось вполне съедобно, — и улеглись нагишом на горячем песке, Максим после долгого молчания спросил:

— Если бы мы попали в руки патрулей, сдались бы, куда бы они нас отправили?

— Как — *куда?* Тебя — по месту воспитания, меня — по месту службы... А что?

— Это точно?

— Куда уж точнее... Инструкция самого генерал-коменданта. А почему ты спрашиваешь?

— Сейчас пойдём искать гвардейцев, — сказал Максим.

— Танк захватывать?

— Нет. По твоей легенде. Ты похищен выродками, а воспитуемый тебя спас.

— *Сдаваться?* — Гай сел. — Как же так? ... И мне тоже? Обратное под излучение?

Максим молчал.

— Я же опять болванчиком заделаюсь... — беспомощно сказал Гай.

— Нет, — сказал Максим. — То есть<sup>250</sup>, да, конечно... но это уже будет не так, как прежде... Ты, конечно, будешь немножко болванчиком, но ведь теперь ты будешь верить уже в другое, в правильное... Это, конечно, тоже... хорошего мало... но всё-таки лучше, много лучше...

— Да зачем? — с отчаянием закричал Гай. — Зачем это тебе нужно?

Максим провёл ладонью по лицу.

— Видишь ли, Гай, дружище, — сказал он. — Началась война. То ли мы напали на хонтийцев, то ли они на нас... Одним словом, война...

Гай с ужасом смотрел на него. *Война... ядерная... теперь других не бывает... Рада... Господи, да зачем это всё? Опять всё сначала, опять голод, горе, беженцы...*

— *Нам нужно быть там,* — продолжал Максим. — Мобилизация уже объявлена, всех зовут в ряды, даже нашего брата воспитуемого амнистируют и — в ряды... И нам надо быть вместе, Гай. Ты ведь штрафник... Хорошо бы мне попасть к тебе под начало...

Гай почти не слушал его. Вцепившись пальцами в волосы, он раскачивался из стороны в сторону и твердил про себя: «Зачем, зачем, будьте вы прокляты! ... Будьте вы тридцать три раза прокляты!»

Максим тряхнул его за плечо.

249 Сасими, точнее сашими — японское блюдо из сырой рыбы, порезанной тонкими ломтиками; подаётся с соусом. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

250 В оригинале «То-есть» через дефис. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— А ну-ка,<sup>251</sup> возьми себя в руки! — сказал он жёстко. — Не разваливайся. Нам сейчас драться придётся, разваливаться некогда... — Он встал и снова потёр лицо. — Правда, с вашими окаянными башнями... Но ведь война — ядерная! Массаракш, никакие башни им не помогут...

## «Поторапливайтесь, Фанк, поторапливайтесь!»

— Поторапливайтесь, Фанк, поторапливайтесь. Я опаздываю.

— Слушаюсь. Рада Гаал... Она изъята из ведения господина государственного прокурора и находится в наших руках.

— Где?

— У вас, в особняке «Хрустальный лебедь». Считаю своим долгом ещё раз выразить сомнение в разумности этой акции. Вряд ли такая женщина может помочь нам управиться с Маком. Таких легко забывают, и Мак...

— Вы считаете, что Умник глупее вас?

— Нет, но...

— Умник знает, кто выкрал женщину?

— Боюсь, что да.

— Ладно, пусть знает... С этим всё. Дальше?

— Сенди Чичаку встречался с Дергунчиком. Дергунчик, по-видимому, согласился свести его с Тестем...

— Стоп. Какой Чичаку? Лобастый Чик?

— Да.

— Дела подполья меня сейчас не интересуют. По делу Мака у вас всё? Тогда слушайте. Эта чёртова война спутала все планы. Я уезжаю и вернусь дней через тридцать-сорок. За это время, Фанк, вы должны закончить дело Мака. К моему приезду Мак должен быть здесь, в этом доме. Дайте ему должность, пусть работает, свободы его не стесняйте, но дайте ему понять — очень, очень мягко! — что от его поведения зависит судьба Рады... Ни в коем случае не давайте им встречаться... Покажите ему институт, расскажите, над чем мы работаем... в разумных пределах, конечно. Расскажите обо мне, опишите меня, как умного, доброго, справедливого человека, крупного учёного. Дайте ему мои статьи... кроме совершенно секретных. Намекните, что я в оппозиции к правительству. У него не должно быть ни малейшего желания покинуть институт. У меня всё. Вопросы есть?

— Да. Охрана?

— Никакой. Это бессмысленно.

— Слежка?

— Очень осторожная... А лучше не надо. Не спугните его. Главное — чтобы он не захотел покинуть институт... Массаракш, и в такое время я должен уезжать! ... Ну, теперь всё?

251 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— Последний вопрос, извините, Странник.

— Да?

— Кто он всё-таки такой? Зачем он вам?

Странник поднялся, подошёл к окну и сказал, не оборачиваясь:

— Я боюсь его, Фанк. Это очень, очень, очень опасный человек.

## 17.

В двухстах километрах от хонтийской границы, когда эшелон надолго застрял на запасных путях возле какой-то тусклой заплёванной станции, новоиспечённый рядовой второго разряда Зеф, договорившись по-хорошему с охранником, сбегал к колонке за кипятком и вернулся с портативным приёмником. Он сообщил, что на станции творится совершеннейший бедлам, грузятся сразу две бригады, генералы перелаялись между собой, зазевались, и он, Зеф, смешавшись с окружавшей их толпой ординарцев, денщиков, адъютантов,<sup>252</sup> позаимствовал этот приёмник у одного из них.

Теплушка встретила это сообщение смачным патриотическим ржанием. Все сорок человек немедленно сгрудились вокруг Зефа. Долгое время не могли устроиться, кому-то дали по зубам, чтобы не пихался, кого-то пырнули шилом в мягкое место, ругались и жаловались друг на друга, пока Максим, наконец, не гаркнул: «Тихо, подонки!» Тогда все успокоились. Зеф включил приёмник и принялся ловить все станции подряд.

Сразу выяснились любопытные вещи. Во-первых, оказалось, что война ещё не началась и что радиостанция «Голос Отцов», вопящая последнюю неделю о кровопролитных сражениях на нашей территории, врёт самым безудержным образом. Никаких кровопролитных сражений не было. Хонтийская Патриотическая Лига в ужасе орала на весь мир о том, что эти бандиты, эти узурпаторы, эти так называемые Неизвестные Отцы воспользовались гнусной провокацией своих наймитов в лице так называемой и пресловутой Хонтийской Унии Справедливости и теперь сосредотачивают свои бронированные орды на границах многострадальной Хонти. В свою очередь Хонтийская Уния Справедливости костила Хонтийских Патриотов, этих платных агентов Неизвестных Отцов, последними словами и обстоятельно рассказывала, как кто-то превосходящими силами вытеснил чьи-то истощённые предшествующими боями подразделения через границу и не даёт им возможности вернуться обратно, каковое обстоятельство и послужило предлогом для так называемых Неизвестных Отцов к варварскому вторжению, которого следует ожидать с минуты на минуту. И Лига, и Уния при этом почти в одинаковых выражениях считали своим долгом предупредить наглого агрессора, что ответный удар будет сокрушительным и туманно намекали на какие-то атомные ловушки.

252 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Пандейское радио обрисовывало ситуацию в очень спокойных тонах и без всякого стеснения объявляло, что Пандею устроит любое развитие этого конфликта. Частные радиостанции Хонти и Пандеи развлекали слушателей весёлой музыкой и скабрёжными викторинами, а обе правительственные радиостанции Неизвестных Отцов непрерывно передавали *репортажи с митингов Ненависти попеременно с маршами*. Зеф также поймал какие-то передачи на языках, известных только ему, и сообщил, что княжество Ондол, оказывается, ещё существует и, более того, продолжает совершать разбойничьи налёты на остров Хаззалг. (Ни один человек в вагоне, кроме Зефа, никогда прежде не слышал ни об этом княжестве, ни о таком острове). Однако, главным образом эфир был забит невообразимой руганью между командирами частей и соединений, которые тужились протиснуться к Стальному Плацдарму по двум расхлябанным железнодорожным ниточкам.

— Опять мы к войне не готовы, массаракиш, — заметил Зеф, выключая приёмник и открывая прения.

С ним не согласились. По мнению большинства сила пёрла громадная, и хонтийцам теперь придёт конец. Уголовники считали, что главное — перейти границу, а там каждый человек будет сам себе хозяин и каждый захваченный город будут отдавать на три дня. Политические, то есть<sup>253</sup> выродки, смотрели на положение более мрачно, не ждали от будущего ничего хорошего и прямо заявляли, что посылают их на убой, подрывать собою атомные мины, никто из них живой не останется, так что хорошо бы добраться до фронта и там где-нибудь залечь, чтобы не нашли. Точки зрения спорящих были настолько противоположны, что настоящего разговора не получилось, и патриотический диспут очень скоро выродился в однообразную ругань по адресу вонючих тыловинов, которые вторые сутки не дают жрать и уже, поди, успели разворовать всю положенную водку. Об этом предмете штрафники готовы были говорить ночь напролёт, поэтому Максим и Зеф выбрались из толпы и полезли на нары, криво сбитые из нестроганных досок.

Зеф был голоден и зол, он наладился было поспать, но Максим ему не дал. «Спать будешь потом, — строго сказал он. — Завтра, может быть, будем на фронте, а до сих пор ни о чём толком не договорились...» Зеф проворчал, что договариваться не о чем, что утро вечера мудренее, что Максим сам не слепой и должен видеть, в каком они оказались дерьме, что с этими людишками, с этими ворами и бухгалтерами, каши не сварить. Максим возразил, что речь пока идёт не о каше. До сих пор непонятно, зачем эта война, кому она понадобилась, и пусть Зеф будет любезен не спать, когда с ним разговаривают, а поделится своими соображениями. Зеф, однако, не собирался быть любезным и не скрывал этого. С какой это стати, массаракиш, он будет любезен, когда так хочется жрать и когда имеешь дело с молокососом, не способным на элементарные умозаключения, а ещё — туда же! — лезущим в революцию... Он ворчал, зевал, чесался, перематывал портянки, обзывался, но понукаемый, взбадриваемый и подхлестываемый, в конце концов разговорился и изложил свои представления о причинах войны.

253 В оригинале «то-есть» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Таких возможных причин было, по его мнению, по крайней мере,<sup>254</sup> три. Может быть, они действовали все разом, а может быть,<sup>255</sup> преобладала какая-нибудь одна. А может быть, существовала четвёртая, которая ему, Зефу, пока ещё не пришла в голову. Прежде всего — экономика. Данные об экономическом положении Страны Отцов хранятся в строжайшем секрете, но каждому ясно, что положение это — дерьмовое, массаракиш-и-массаракиш, а когда экономика в дерьмовом состоянии, лучше всего затеять войну, чтобы<sup>256</sup> сразу всем заткнуть глотки. Вепрь, зубы съевший в вопросе влияния экономики на политику, предсказывал эту войну ещё пять лет назад. Башни, знаете ли, башнями, а нищета нищетой. Внушать голодному человек, что он сыт, долго нельзя, не выдерживает психика, а править сумасшедшим народом — удовольствие маленькое, особенно если учесть, что умалишённые излучению не поддаются... Другая возможная причина — идеологическая. Государственная идеология в Стране Отцов построена на идее угрозы извне. Сначала это было просто враньё, придуманное для того, чтобы дисциплинировать послевоенную вольницу, потом те, кто придумал это враньё, ушли со сцены, а наследники их верят и искренне считают, что Хонти точит зубы на наши богатства. А если учесть, что Хонти — бывшая провинция старой империи, провозгласившая независимость в тяжёлые времена, то ко всему добавляются ещё и колониалистские идеи: вернуть гадов в лоно, предварительно строго наказав... И, наконец, возможна причина внутриполитического характера. Уже много лет идёт грызня между Департаментом общественного здоровья и военными. Тут уж кто кого съест. Департамент общественного здоровья — организация жуткая и ненасытная, но если военные действия пойдут хоть сколько-нибудь успешно, господа генералы возьмут эту организацию к ногтю. Правда, если из войны ничего путного не получится, к ногтю будут взяты господа генералы, и поэтому нельзя исключить возможность, что вся эта затея есть хитроумная провокация Департамента общественного здоровья. Между прочим, на то и похоже — судя по кабаку, который везде творится, а также по тому, что уже неделю орём на весь мир, а военные действия, оказывается, ещё и не начинались. А может быть, массаракиш, и не начнутся...

Когда Зеф дошёл до этого места, загремели и залязгали буфера, вагон содрогнулся, снаружи слышались крики, свистки, топот, и эшелон со штрафной танковой бригадой тронулся. Уголовники грянули песню: «И снова ни жратвы нам и ни водки...»

Ладно, сказал Максим. Это у тебя получается вполне правдоподобно. Ну,<sup>257</sup> а как тебе представляется ход войны, если она всё-таки начнётся? Что тогда произойдёт? Зеф агрессивно прорычал, что он не какой-нибудь генерал, и без всякого перехода стал рассказывать, как всё это ему представляется. Оказалось, что за время короткой передышки между концом мировой и началом гражданской войны хонтийцы успели отгородиться от своего бывшего сюзерена мощной линией минно-атомных

254 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

255 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

256 В оригинале «что бы» раздельно. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

257 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))







полей. Кроме того, у хонтийцев несомненно была атомная артиллерия, и у ихних политиканов хватило ума все эти богатства в гражданской войне не использовать, а приберечь для нас. Так что картина вторжения мыслится примерно следующим образом. На острие Стального Плацдарма выстроят три или четыре штрафных танковых бригады, подопрут их с тылу армейской корпуснёй, а за армейцами пустят заградотряды гвардейцев на тяжёлых танках, оборудованных излучателями. Выродки, вроде меня, будут рваться вперёд, спасаясь от лучевых ударов, уголовщина и армейщина будет рваться вперёд в приступе наведённого энтузиазма, а уклонения от такой нормы, которые неизбежно возникнут, будут уничтожаться огнём гвардейской сволочи. Если хонтийцы не дураки, они откроют огонь из дальнобойных пушек по заградотрядам, но они, надо думать, дураки, и займутся они, надо думать, взаимоистреблением — Лига в этой суматохе налетит на Унию, а Уния вцепится зубами в задницу Лиге. Тем временем наши доблестные войска глубоко проникнут на территорию противника и начнётся самое интересное, чего мы, к сожалению, уже не увидим. Наш славный бронированный поток потеряет компактность и станет расползаться по стране, неумолимо уходя из зоны действия излучателей. Если Максим не наврал про Гая, у оторвавшихся немедленно начнётся лучевое похмелье, тем более сильное, что энергии на подстёгивание во время прорыва гвардейцы жалеть не будут... Массараки! — завопил Зеф. Я так и вижу, как эти кретины выбираются из танков, ложатся на землю и просят их пристрелить. И добрые хонтийцы, не говоря уже о хонтийских солдатах, озверевшие от всего этого безобразия, им, конечно, не откажут...

Поезд набирал скорость, вагон сильно покачивало. В дальнем углу уголовники резались в кости — играли на охранника, моталась под потолком лампа, на нижних нарах кто-то монотонно бубнил, должно быть,<sup>258</sup> молился. Воняло потом, грязью, парашей. Табачный дым ел глаза.

— Я думаю, в генштабе это учитывают, — продолжал Зеф, — а потому никаких стремительных прорывов не будет. Будет вялая позиционная война, хонтийцы при всей их глупости сообразят когда-нибудь, в чём дело, и примутся охотиться за излучателями... В общем, не знаю я, что будет, — заключил он. — Я не знаю даже, дадут ли нам утром пожрать. Боюсь, что опять не дадут: с какой стати?

Они помолчали. Потом Максим сказал:

— Ты уверен, что мы поступили правильно? Что наше место здесь?

— Приказ штаба, — пробурчал Зеф.

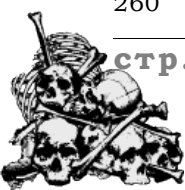
— Приказ приказом, — возразил Максим, — а у нас тоже есть головы на плечах. Может быть, правильнее было бы удрать вместе с Вепрем?<sup>259</sup> Может быть, в столице мы были бы полезнее?<sup>260</sup>

— Может быть, — сказал Зеф. — А может быть и нет. Ты же слышал, что Вепрь рассчитывает на атомные бомбёжки... многие башни будут разрушены, образуются свободные районы... А если бомбёжек не будет? Никто ничего не знает, Мак. Я очень хорошо представляю себе, какой

258 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

259 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

260 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







бедлам сейчас творится в штабе... Правые ходят гоголем: в правительстве вот-вот полетят головы и вся эта сволочь полезет на освободившиеся места... — Он задумался, копая в бороде. — Вепрь вот наплёл нам насчёт бомбёжек, но по-моему он не для этого подался в столицу. Я его знаю, он до этих вождистов давно добирается... так что очень возможно, что и у нас в штабе головы полетят...

— Значит, в штабе тоже бедлам, — медленно сказал Максим. — Тоже, значит, не готовы...

— Как они могут быть готовы? — возразил Зеф. — Одни мечтают уничтожить башни, другие — сохранить башни... Подполье — это тебе не политическая партия, это винегрет, салат с креветками...

— Да, я знаю... — сказал Максим. — Салат.

Подполье не было политической партией. Более того, подполье даже не было фронтом политических партий. Специфика обстоятельств разбила штаб на две непримиримые группы: категорические противники башен и категорические сторонники башен. Все эти люди были в большей или меньшей степени в оппозиции к существующему порядку вещей, но, массаракш, до чего же разнились их побуждения!

Были биологи, которым было абсолютно всё равно, стоит ли у власти Папа, крупнейший потомственный финансист, глава целого клана банкиров и промышленников, или демократический союз представителей трудящихся слоёв общества. Они хотели только, чтобы *проклятые башни были скрыты и можно было бы жить по-человечески*, как они выражались, *то есть*<sup>261</sup> *по-старому, по-довоенному...* Были аристократы, уцелевшие остатки привилегированных классов старой империи, всё ещё воображавшие, что *имеет место затянувшееся недоразумение*<sup>262</sup>, что народ верен законному наследнику императорского престола (здоровенному унылому детине, сильно пьющему и страдающему кровотечениями из носа) и что только эти нелепые башни, преступное порождение изменивших присяге профессоров Е. И. В. Академии Наук, мешают нашему доброму простодушному народу манифестировать свою искреннюю, добрую, простодушную преданность своим законным владыкам... За безусловное уничтожение башен стояли и революционеры — местные коммунисты и социалисты, такие как Вепрь, теоретически подкованные и закалённые ещё в довоенных классовых боях; для них уничтожение башен было лишь необходимым условием возвращения к естественному ходу истории, сигналом к началу ряда революций, которые приведут, в конечном счёте, к справедливому общественному устройству. К ним примыкали и бунтарски настроенные интеллектуалы, вроде Зефа или покойного Гэла Кетшефа — просто честные люди, полагавшие затею с башнями отвратительной и опасной, уводящей человечество в тупик...

За сохранение башен стояли вождисты, либералы и просветители. Вождисты — самое правое крыло подполья — были, по выражению Зефа, просто бандой властолюбцев, рвущихся к департаментским креслам, и рвущихся небезуспешно: некий Клау-Мошенник, продравшийся в Департамент пропаганды, был в своё время видным лидером этой

261 В оригинале «то-есть» через дефис. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

262 В оригинале вдруг во множественном числе «недоразумения». (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





фашистской группировки. Эти политические бандиты были готовы бешено, не разбираясь в средствах, драться против любого правительства, если оно составлено без их участия... Либералы были в общем против башен и против Неизвестных Отцов. Однако больше всего они боялись гражданской войны. Это были национальные патриоты, чрезвычайно пекущиеся о славе и мощи государства и опасющиеся, что уничтожение башен приведёт к хаосу, всеобщему оплеванию святынь и безвозвратному распаду нации. В подполье они сидели потому, что все, как один, были сторонниками парламентских форм правления... Что же касается просветителей, то это были, несомненно, честные, искренние и неглупые люди. Они ненавидели тиранию Отцов, были категорически против использования башен для обмана масс, но считали башни могучим средством воспитания народа. Современный человек по натуре — дикарь и зверь, говорили они. Воспитывать его классическими методами это дело веков и веков. Выжечь в человеке зверя, задушить в нём животные инстинкты, научить его добру, любви к ближнему, научить его ненавидеть невежество, ложь, обывательщину — вот благородная задача, и с помощью башен эту задачу можно было бы решить на протяжении одного поколения...

Коммунистов было слишком мало, почти всех их перебили во время войны и переворота; аристократов никто всерьёз не принимал; либералы же были слишком пассивны и зачастую сами не понимали, чего хотят. Поэтому самыми влиятельными и массовыми группировками в подполье оставались биологи, вождисты и просветители. Общего у них почти ничего не было, и подполье не имело ни единой программы, ни единого руководства, ни единой стратегии, ни единой тактики...

— Да, салат... — повторил Максим. — Грустно. Я надеялся, что подполье всё-таки намерено как-то использовать войну... возможную революционную ситуацию...

— Подполье ни черта не знает, — угрюмо сказал Зеф. — Откуда мы знаем, что это такое — война с излучателями за спиной?

— Грош вам цена, — сказал Максим, не удержавшись.

Зеф немедленно вскипел.

— Ну, ты! — гаркнул он. — Полегче! Кто ты такой, чтобы определять нам цену? Откуда ты явился, массаракш, что требуешь от нас того и этого? Боевое задание тебе? Изволь. Всё увидеть, выжить, вернуться, доложить. Тебе это кажется слишком лёгким? Прекрасно! Тем лучше для нас... И хватит, массаракш. Я хочу спать.

Он демонстративно повернулся к Максиму спиной и вдруг заорал игрокам в кости:

— Эй, там, гробокопатели! Спать! Пошли по нарам!

Максим лёг на спину, заложил руки за голову и стал смотреть в низкий вагонный потолок. По потолку что-то ползало. Тихо и злобно переругивались укладывающиеся спать гробокопатели. Сосед слева стонал и взвизгивал во сне, — он был обречён и спал, может быть, последний раз в жизни. И все они вокруг, всхрапывающие, сопящие, ворочающиеся, спали, наверное, последний раз в жизни. Мир был тускло-жёлт, душен, безнадежен.





Стучали колёса, вопил паровоз, несло гарью в маленькое зарешёченное окошечко, а за окошечком проносилась унылая безнадёжная страна, страна беспросветных рабов, страна обречённых, страна ходячих кукол...

Всё сгнило здесь, думал Максим. Ни одного живого человека. Ни одной ясной головы. И опять я сел в калошу, потому что понадеялся на кого-то или на что-то. Ни на что здесь нельзя надеяться. Ни на кого здесь нельзя рассчитывать. Только на себя. А что я один? Уж настолько-то историю я знаю. Человек один не может ни черта... Может быть, Колдун прав? Может быть, отстраниться? Спокойно и холодно, с высоты своего знания неминуемого будущего, взирать, как кипит, варится, плавится сырьё, как поднимаются и падают наивные, неловкие, неумелые борцы, следить, как время выковывает из них булат и погружает этот булат для закалки в потоки кровавой грязи, как сыплется трупами окалина... Нет, не умею. Даже думать в таких категориях неприятно... Страшная штука, однако, — установившееся равновесие сил. Но ведь Колдун сказал, что я — тоже сила. И есть конкретный враг, значит, есть точка приложения для силы... Шлёпнут меня здесь, подумал он вдруг. Обязательно. Но не завтра! — строго сказал он себе. Это случится, когда я проявлю себя, как сила, не раньше. Да и то — посмотрим... Центр, подумал он. Центр. Вот что нужно искать, вот на что нужно направить организацию. И я их направлю. Они у меня будут заниматься делом... Ты у меня будешь заниматься делом, приятель. Ишь, как храпит. Храпи, храпи, завтра я тебя вытащу... Ладно, надо спать. И когда же мне удастся поспать по-человечески? В большой просторной комнате, на свежих простынях... Что у них здесь за обычай — спать по многу раз на одной простыне? ... Да, на свежих простынях, а перед сном прочесть хорошую книгу, потом убрать стену в сад, выключить свет и заснуть... а утром позавтракать с отцом и рассказать ему про этот вагон... маме об этом, конечно, рассказывать нельзя... Мама, ты имей в виду, я жив, всё в порядке, и завтра со мной ничего не случится... А поезд все идёт, давно не было остановок, очевидно, кто-то где-то сообразил, что без нас войны не начать... Как там Гай в своём капральском вагоне? Дико ему, наверное, сейчас: там у них энтузиазм... О Раде я давно не думал. Дай-ка я подумаю о Раде... Нет. Не время... Ладно, Максим, дружище, вшивое пушечное мясо, спи. Он приказал себе и тут же заснул.

Во сне он видел Солнце, Луну, звёзды. Всё сразу, такой был странный сон.

Спать пришлось недолго. Поезд остановился, со скрежетом откатилась тяжёлая дверь, и зычный голос рявкнул: «Четвёртая рота! Вылетай!» Было пять часов утра, светало, стоял туман и сыпал мелкий дождик. Штрафники, конвульсивно позёвывая, трясясь от озноба, вяло полезли из вагона. Капралы были уже тут как тут, злобно и нетерпеливо хватали за ноги, сдёргивали на землю, особенно флегматичным давали по шее, орали: «Разбирайся по экипажам! Становись! ... Куда лезешь, скотина? Из какого взвода? ... Ты, мордастый, тебе сколько раз повторять? ... Куда полезли? Вшивая банда! ...»







Кое-как разобрались по экипажам, выстроились перед вагонами. Какой-то ханурик, заплутавшись в тумане, бегал, искал свой взвод — на него лаяли со всех сторон. Мрачный невыспавшийся Зеф — борода дыбом — хрипел угрюмо и явственно: *«Давайте, давайте, стройте, мы вам сегодня навоюем...»* Пробегавший капрал походя съездил его по уху, Максим сейчас же выставил ногу, капрал покатился в грязь. Экипажи довольно заржали. *«Бригада, смир-р-р-на!»* — заорал кто-то невидимый. Завопили, надсаживаясь, командиры батальонов, подхватили командиры рот, забегали командиры взводов. Никто *«смирно»* не встал, штрафники сутулились, засунув рúки в рукава, приплясывали на месте, счастливчики-богатеи курили, не скрываясь, кто-то, деликатно повернувшись спиной к господам командирам, справлял нужду, по рядам шли разговорчики, что *жрать, по всему видно, снова не дадут и катись они туда и сюда с такой войной.* *«Бригада, во-о-ольна!»* — заорал вдруг Зеф зычным голосом. — *Р-разойдись! Оправиться!»* Экипажи с готовностью разошлись было, но снова засуетились капралы, и вдруг вдоль вагонов побежали, растягиваясь в редкую шеренгу, гвардейцы в блестящих чёрных плащах, с автоматами наизготовку. И следом за ними вдоль вагонов набегала испуганная тишина, экипажи торопливо строились, подравнивались, кое-кто из штрафников по старинной привычке заложил рúки за голову и расставил нóги.

Железный голос из тумана сказал негромко, но очень слышно: *«Если кто-нибудь из мерзавцев раскроет пасть, прикажу стрелять».* Все замерли. Томно потянулись минуты, заполненные ожиданием. Туман понемногу рассеивался, открывая неказистую станционную постройку, мокрые рельсы, телеграфные столбы. Справа, перед фронтом бригады, обнаружилась тёмная кучка людей. Оттуда доносились негромкие голоса, кто-то раздражённо рявкнул: *«Исполняйте приказание!»* Максим покосился назад — позади неподвижно стояли гвардейцы, глядели из-под капюшонов с подозрением и ненавистью.

От кучки людей отделилась мешковатая фигура в маскировочном комбинезоне. Это был командир штрафной бригады экс-полковник танковых войск Анипсу, разжалованный и посаженный за торговлю горючим на чёрном рынке. Помотав перед собою тростью и дёрнув головой, он начал речь:

— Солдаты! ... Я не ошибся, я обращаюсь к вам, как к солдатам, хотя все мы — и я в том числе — пока ещё дерьмо, отбросы общества... Мерзавцы и сволочи! Будьте благодарны, что вам разрешают нынче выступить в бой. Через несколько часов почти все вы сдохнете, и это будет хорошо. Но те из вас, подонки, кто уцелеет, заживут на славу. Солдатский паёк, водка и всё такое... Сейчас мы пойдём на позиции, и вы сядете в машины. Дело пустяковое — пройти на гусеницах полтора-два километра... Танкисты из вас, как из дерьма пуля, сами знаете, но зато всё, до чего доберётесь, — ваше. Жрите. Это я вам говорю, ваш боевой товарищ Анипсу. Дорóги назад нет, зато есть дорога вперёд. Кто попытается — сожгу на месте. Это особенно касается водителей... Вопросов нет. Бр-р-ригада! Напра-во! Вперёд... сомкнись! Дубьё, сороконожки! Сомкнуться приказано! Капралы, массаракш! Куда смóтрите? ... Стадо! Разобраться по четыре... Капралы, разберите этих свиней по четыре! Массаракш...







С помощью гвардейцев капралам удалось построить бригаду в колонну по четыре, после чего снова была подана команда «*смирно*». Максим оказался совсем недалеко от командира бригады. Экс-полковник был вдребезги пьян. Он стоял, покачиваясь, опёршись задом на трость, то и дело тряс головой и потирал ладонью свирепую сизую морду. Командиры батальонов, тоже вдребезги пьяные, держались у него за спиной — один бессмысленно хихикал, другой с тупым упорством пытался разжечь сигарету, а третий всё хватался за кобуру и шарил по рядам налитыми глазами. В рядах завистливо принюхивались, слышалось льстиво-одобрительное ворчание. «*Давайте, давайте...* — бормотал Зеф. — *Мы вам навоюем...*» Максим раздражённо толкнул его локтём.

— Замолчи, — сказал он сквозь зубы. — Надоело.

В это время к полковнику подошли двое — ротмистр с трубкой в зубах и какой-то грузный мужчина, штатский, в длинном плаще с поднятым воротником и в шляпе. Максиму штатский показался странно знакомым, и он стал присматриваться. Штатский что-то сказал полковнику вполголоса. «*Га?*» — произнёс полковник, обращая на него мутный взор. Штатский снова заговорил, показывая большим пальцем через плечо на колонну штрафников. Ротмистр равнодушно попыхивал трубкой. «*Это зачем?*» — гаркнул полковник. Штатский достал какую-то бумагу, полковник отстранил бумагу рукой. «*Не дам, — сказал он. — Все,<sup>263</sup> как один, должны подохнуть...*» Штатский настаивал. «*А я плевал!* — отвечал полковник. — *И на департамент ваш плевал. Все подохнут... Верно я говорю?*» — спросил он ротмистра. Ротмистр не возражал. Штатский схватил полковника за рукав комбинезона и дёрнул к себе, и полковник чуть не упал со своей трости. Хихикающий батальонный залился идиотским смехом. Лицо полковника почернело от негодования, он полез в кобуру и вытащил огромный армейский пистолет. «*Считаю до десяти, — объявил он штатскому. — Раз... два...*» Штатский плюнул и пошёл прочь вдоль колонны, вглядываясь в лица штрафников, а полковник всё считал и, досчитав до десяти, открыл огонь. Тут ротмистр, наконец, забеспокоился и убедил его спрятать оружие. «*Все должны подохнуть, — объявил полковник. — Вместе со мной... Бр-р-ригада! Слушай команду! III-шагом... м-марш!*»

И бригада двинулась. По расхлябанной, разъезженной гусеницами колее, скользя и хватаясь друг за друга, штрафники спустились в болотистую лощину, свернули и зашагали прочь от железной дороги. Здесь колонну нагнали командиры взводов. Гай пошёл рядом с Максимом, он был бледен, играл желваками и сначала долго молчал, хотя Зеф сразу спросил его, что слышно. Лощина постепенно расширялась, появились кусты, впереди замаячил лесок. У обочины дороги торчал, завалившись гусеницей в мокрую рытвину, огромный неуклюжий танк, какой-то древний, совсем не похожий на патрульные танки береговой охраны, — с маленькой квадратной башней и маленькой пушечкой. Возле танка возились угрюмые люди в замасленных куртках. Штрафники шагали вразброд, засунув руки в карманы, поднимая жёсткие воротники. Многие осторожно поглядывали по сторонам — нельзя ли смыться? Кусты были очень соблазнительные, но на склонах лощины маячили через каждые двести-триста шагов чёрные

263 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





фигуры с автоматами. Навстречу, ныряя в колдобинах, проползли три грузовика-цистерны. Водители были мрачны и не смотрели на штрафников. Дождь усиливался, настроение падало. Шли молча, покорно, как скот, всё реже озираясь.

— Слушай, взводный, — проворчал Зеф. — Неужели нам так и не дадут пожрать?

Гай достал из кармана краюху хлеба и сунул ему.

— Всё, — сказал он. — До самой смерти.

Зеф погрузил краюху в бороду и принялся отчётливо работать челюстями. Бред какой-то, подумал Максим. Ведь все знают, что идут на верную смерть. И всё-таки идут. Значит, на что-нибудь надеются? Значит, у каждого есть какой-то план? Да, ведь они ничего не знают об излучении... Каждый думает: где-нибудь там, по дороге, сверну, выскочу из танка и прилягу, а дураки пусть наступают... Вот с этого мы и начнём борьбу против правых: об излучении нужно писать листовки, кричать в общественных местах, радиостанции организовывать... хотя приёмники действуют только на двух частотах... всё равно, врываться в паузы. Не на башни тратить людей, а на контрпропаганду<sup>264</sup>... Впрочем, всё это потом, потом, сейчас нельзя отвлекаться. Сейчас надо всё замечать. Искать малейшие щёлки... На станции танков не было и пушек тоже, везде только стрелки-гвардейцы. Это надо иметь в виду. Лощина хорошая, глубокая, а охрану, вероятно, снимут, как только мы пройдем... Да нет, причём здесь охрана — всё побежит вперёд, как только включают излучатели... Он с удивительной отчётливостью представил себе, как это будет. Врубаются излучатели. Танки штрафников с рёвом устремляются вперёд. За ними валят валом армейцы. Вся прифронтовая полоса пустеет... Трудно представить себе глубину этой полосы, неизвестен радиус действия излучателей, но уж два-три километра — наверняка. В полосе глубиной два-три километра не останется ни одного человека с ясной головой. Кроме меня... Э, нет, не только два-три километра. Больше. Все стационарные установки, все башни — всё будет включено и, наверное, на максимальную мощность. Весь приграничный район сойдёт с ума... Массаракиш, как же быть с Зефом, он же этого не выдержит... Максим покосился на мернодвигающуюся рыжую бороду, на хмурое грязное хайло мировой знаменитости. Ничего, выдержит. В крайнем случае,<sup>265</sup> придётся помочь, хотя, боюсь, будет не до того. И ещё Гай — с него ведь глаз нельзя будет спускать... Да, придётся поработать. Ладно. В конце концов,<sup>266</sup> в этом мутном водовороте я всё равно буду полным хозяином, и остановить меня никто не сможет, да и не захочет...

Прошли лесок, и сразу стал слышен слитный гул громкоговорителей, треск выхлопов, раздражённые крики. Впереди, на пологом травянистом склоне, поднимающемся к северу, стояли в три ряда танки. Между ними бродили люди, слоился сизый дым. «А вот и наши гробы!» — весело и громко произнёс кто-то впереди.

264 В оригинале «контр-пропаганду» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

265 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

266 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





— Ты посмотри, что они нам дают, — сказал Гай. — Довоенные танки, хлам имперский, консервные банки... Слушай, Мак, мы что же, так и подохнем здесь? Ведь это же погибель верная...

— Сколько до границы? — спросил Максим. — И что там вообще — за гребнем?

— Там равнина, — ответил Гай. — Как стол. Граница километрах в трёх, потом начинаются холмы, они тянутся до самой...

— Речки нет?

— Нет.

— Овраги?

— Н-нет... Не помню. А что?

Максим поймал его руку, крепко сжал.

— Не падай духом, мальчик, — сказал он. — Всё будет хорошо.

Гай с отчаянной надеждой глядел на него снизу вверх. Глаза у него запали, скулы обтянуло.

— Правда? — сказал он. — А то ведь я никакого выхода не вижу. Оружие отобрали, в танках вместо снарядов — болванки. Пулемётов нет. Впереди смерть, позади смерть...

— Ага! — злорадно сказал Зеф. — Замочил штанишки? Это тебе не воспитуемых по зубам щёлкать...

Колонна втянулась в интервал между рядами танков и остановилась. Разговаривать стало трудно. Прямо на траве были установлены громадные раструбы громкоговорителей, бархатный магнитофонный бас вещал: *«Там, за гребнем лощины, коварный враг. Только вперёд. Только вперёд. Рычаги на<sup>267</sup> себя и — вперёд. На врага. Вперёд... Там, за гребнем лощины, коварный враг... Рычаги на себя и — вперёд...»* Потом голос оборвался на полуслове, и принялся орать полковник. Он стоял на радиаторе своего вездехода, батальонные держали его за ноги.

— Солдаты! — орал полковник. — Хватит болтать языком! Перед вами — ваши танки. Все по машинам! Главным образом, водители, потому что на остальных мне наплевать. Но всякого, кто останется... — Он извлёк свой пистолет и показал всем. — Понятно, вшивые свиньи? ... Господа ротные, развести экипажи по танкам! ...

Началась толкотня. Полковник, шатаясь на радиаторе, как жердь, продолжал что-то выкрикивать, но его не стало слышно, потому что громкоговорители снова принялись долдонить, что *«впереди враг и потому — рычаги на себя»*. Все штрафники ринулись к третьему ряду танков. Началась драка, в воздухе заметались подкованные ботинки. Огромная серая толпа медленно кишела вокруг танков заднего ряда. Некоторые танки начали двигаться, с них сыпались люди. Полковник совсем посинел от натуги и, наконец, принялся палить поверх голов. Из леска чёрной цепью бежали гвардейцы.

267 В оригинале тут без «на». (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— Пошли, — сказал Максим, твёрдо взял Гая и Зефа за плечи и повёл к крайней машине в первом ряду — угрюмой, пятнистой, с бессильно поникшим орудийным стволом.

— Подожди... — растерянно лепетал Гай, оглядываясь. — Мы же четвёртая рота, мы же вон там, мы же во втором ряду...

— Иди, иди, — сердито сказал Максим. — Может быть, ты ещё и взводом покомандовать хочешь?

— Солдатская косточка, — сказал Зеф. — Уймись, мамаша...

Кто-то сзади схватил Максима за пояс. Максим, не оборачиваясь, попробовал освободиться — не удалось. Он оглянулся. За спиной, ухватившись цепко одной рукою, а другой вытирая окровавленный нос, тащился четвёртый член экипажа, водитель, уголовник по кличке Крючок.

— Ага, — сказал Максим. — Я и забыл о тебе. Давай-давай, не отставай...

Он с неудовольствием отметил про себя, что в суматохе забыл об этом человеке, которому по плану была отведена немаловажная роль. Тут грянули гвардейские автоматы, по броне с мяукающим визгом запрыгали пули, и пришлось согнуться и бежать опрометью. Забежав за крайний танк, Максим остановился.

— Слушай мою команду, — сказал он. — Крючок, заводи. Зеф, в башню. Гай, проверь нижние люки... да тщательно проверь, голову сниму!

Он пошёл вокруг танка, осматривая траки. Вокруг стреляли, орали, монотонно бубнили репродукторы, но он дал себе слово не отвлекаться и не отвлекался, только отметил про себя: *репродукторы — Гай — не забыть*. Траки были в сносном состоянии, но ведущие колеса внушали опасение. *Ничего, сойдёт, мне на нём не долго ездить...* Из-под танка ловко выполз Гай, уже грязный, с ободранными руками.

— Приржавели люки! — прокричал он. — Я их не закрыл, пусть будут открыты, правильно?

*«Там, за гребнем лоцины, коварный враг! — вещал магнитофонный голос. — Только вперёд. Только вперёд. Рычаги на себя...»*

Максим поймал Гая за воротник и притянул к себе.

— Ты меня любишь? — сказал он, уставясь в расширенные глаза. — Веришь мне?

— Да! — выдохнул Гай.<sup>268</sup>

— Только меня слушай. Больше никого не слушай. Всё остальное — враньё. Я твой друг, только я, больше никто. Я твой начальник. Запоминай. Я приказываю: запоминай.

Обалдевший Гай быстро-быстро кивал, неслышно повторяя: «Да, да. Да. Только ты. Больше никто...»

— Мак! — заорал кто-то прямо в ухо. Максим обернулся. Перед ним стоял тот странно знакомый штатский в длинном плаще, но уже без шляпы. Массаракиш... Квадратное шелушащееся лицо, красные отёчные глаза... Это же Фанк! На щеке кровавая царапина, губа разбита...

268 В оригинале без точка в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— Массаракш! — орал Фанк, стараясь перекрыть шум. — Вы оглохли, что ли? Узнаёте меня?

— Фанк! — сказал Максим. — Откуда вы здесь?

Фанк вытер с губы кровь.

— Пошли! — прокричал он. — Быстрее!

— Куда?

— К чёрту отсюда! Пошли!

Он схватил Максима за комбинезон и потащил. Максим отбросил его руку.

— Нас убьют! — крикнул он. — Гвардейцы!

Фанк замотал головой.

— Пошли! У меня на вас пропуск! — и, видя, что Максим не двигается: — Я ищу вас по всей стране! Еле нашёл! Пошли немедленно!

— Я не один! — крикнул Максим.

— Не понимаю!

— *Я не один!* — гаркнул Максим. — *Нас трое! Один я не пойду!*

— Вздор! Не говорите глупостей! Что за дурацкое благородство? Жить надоело? — Фанк поперхнулся от крика и зашёлся кашлем.

Максим огляделся. Бледный Гай с дрожащими губами смотрел на него, держал его за рукав — конечно, всё слышал. В соседний танк двое гвардейцев забивали прикладами окровавленного штрафника.

— Один пропуск! — проорал Фанк сорванным голосом. — *Один!* — Он показал палец.

Максим замотал головой.

— *Нас трое!* — Он показал три пальца. — *Я никуда без них не пойду!*

Из бокового люка высунулась веником рыжая борода Зефа. Фанк облизал губы, он явно не знал, что делать.

— Кто вы такой? — крикнул Максим. — Зачем я вам нужен?

Фанк мельком взглянул на него и стал смотреть на Гая.

— Этот с вами? — крикнул он.

— Да! И этот тоже!

Глаза у Фанка стали дикими. Он сунул руку под плащ, вытащил пистолет и направил ствол на Гая. Максим изо всех сил ударил его по руке снизу вверх, и пистолет взлетел высоко в воздух. Максим, сам ещё не совсем поняв, что произошло, задумчиво проводил его взглядом. Фанк согнулся, сунув повреждённую руку под мышку. Гай коротко и точно, как на занятиях, ударил его по шее, и он повалился ничком. Рядом вдруг возникли гвардейцы, ощеренные, потные после работы, осунувшиеся от бешенства.

— В машину! — рывкнул Максим Гаю, наклонился и подхватил Фанка под мышки, Фанк был грузен и с трудом пролез в люк. Максим нырнул следом, получив на прощание удар прикладом по задней части. В танке было темно и холодно, как в склепе, густо воняло соляжкой. Зеф оттащил Фанка от люка и уложил на пол.





— Кто такой? — гаркнул он.

Максим не успел ответить. Крючок, долго и безуспешно терзавший стартёр, наконец,<sup>269</sup> завёл машину. Всё вокруг затряслось и загремело. Максим махнул рукой, пролез в башню и высунулся наружу. Между танками уже не было никого, кроме гвардейцев. Все двигатели работали, стоял адский рёв, густое душное облако выхлопов заволакивало склон. Некоторые танки двигались, кое-где из башен торчали головы, штрафник, высунувшийся из соседней машины, делал Максиму какие-то знаки, кривил распухшую, в синяках физиономию. Вдруг он исчез, двигатели взревели с удвоенной силой, и все танки с лязгом и дребезжаньем одновременно рванулись вперёд и вверх по склону.

Максим почувствовал, что его схватили поперёк туловища и тянут вниз. Он нагнулся и увидел витаращенные, ставшие идиотскими глаза Гая. Как тогда, в бомбовозе, Гай хватал Максима руками, непрерывно бормотал что-то, лицо его стало отвратительным, не было в нём больше ни мальчишества, ни наивной мужественности, — сплошное бессмыслие и готовность стать убийцей. *Началось, подумал Максим, брезгливо пытаюсь отстранить несчастного парня. Началось, началось... Включили излучатели, началось...*

Танк, содрогаясь, карабкался на гребень, клочья дёрна летели из-под<sup>270</sup> гусениц. Позади ничего уже не было видно за сизым дымом, а впереди вдруг распахнулась серая глинистая равнина, и замаячили вдали<sup>271</sup> плоские холмы на хонтийской стороне, и танковая лавина, не сбавляя хода, повалила туда. Рядов больше не было, все машины мчались наперегонки<sup>272</sup>, задевая друг друга, бессмысленно ворочая башнями... У одного танка на полном ходу слетела гусеница, он волчком завертелся на месте, перевернулся, вторая гусеница сорвалась и тяжёлой блестящей змеей взлетела в небо, ведущие колёса продолжали бешено крутиться, а из нижних люков выскочили два человечка в сером, спрыгнули на землю и, размахивая руками, побежали *вперёд, вперёд, только вперёд, на коварного врага...* Блеснул огонь, сквозь лязг и рёв звонким треском прорвался пушечный выстрел, и сразу все танки принялись палить, длинные красные языки вылетали из пушек, танки приседали, подпрыгивали, окутывались густым чёрным дымом нечистого пороха, и через минуту всё затянуло чёрно-жёлтой тучей, а Максим всё смотрел, не в силах оторвать глаз от этого грандиозного в своей преступной нелепости зрелища, терпеливо отдирая от себя цепкие руки Гая, который тащил, звал, умолял, жаждал прикрыть своей грудью от всех опасностей... *Люди, заводные куклы, звери... Люди.*

Потом Максим опомнился. Пора было отбирать управление. Он спустился вниз, мимоходом похлопал Гая по плечу — тот забился в восторженной истерике — цепляясь за какие-то металлические скобы, огляделся в тесном шатающемся ящике, чуть не задохнулся от газолинового смрада, разглядел мертвенно-бледное лицо Фанка с закаченными глазами, Зефа, скорчившегося под снарядным ящиком, оттолкнул преданно жмущегося Гая и пролез к водителю.

269 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

270 В оригинале «из под» отдельно, без дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

271 В оригинале «в дали» отдельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

272 В оригинале «на перегонки» отдельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Крючок держал рычаги на себя и изо всех сил поддавал газу. Он пел, он орал таким дурным голосом, что его было слышно, и Максим даже разобрал слова «Благодарственной песни». Теперь надо было как-то утихомирить его, занять его место и отыскать в этом дыму удобный овраг, или глубокую рытвину, или какой-нибудь холм, чтобы было где укрыться от атомных взрывов... Но получилось не по плану. Как только он принялся осторожно разжимать кулаки Крючка, заочеченные на рычагах, преданный раб Гай, увидевший, что его господину оказывается неповиновение, просунул сбоку и страшно ударил ополоумевшего Крючка огромным гаечным ключом в висок. Крючок осел, размяк и выпустил рычаги. Максим, рассвирепев, отшвырнул Гая в сторону, но было уже поздно, и не было времени ужасаться и сострадать. Он оттащил труп, уселся и взял управление.

В смотровой люк почти ничего<sup>273</sup> не было видно: небольшой участок глинистой почвы, поросшей редкими травинками, и дальше — сплошная пелена сизой гари. Не могло быть и речи — найти что-нибудь в этой мгле. Оставалось одно: замедлить ход и осторожно двигаться до тех пор, пока танк не углубится в холмы. Впрочем, замедлять ход тоже было опасно. Если атомные мины начнут рваться прежде, чем он доберётся до холмов, можно ослепнуть, да и вообще сгореть... Гай тёрся то справа, то слева, заглядывал в лицо, искал приказаний. «Ничего, дружище... — бормотал Максим, отстраняя его локтями. — Это пройдёт... Всё пройдёт, всё будет хорошо...» Гай видел, что с ним говорят, и точил слезу от огорчения, что опять, как тогда, в бомбовозе, не слышит ни слова.

Танк проскочил через густую струю чёрного дыма: слева кто-то горел. Проскочили, и пришлось сразу круто свернуть, чтобы не наехать на мёртвого, расплющенного гусеницами человека. Вынырнул из дыма и скрылся покосившийся пограничный знак, за ним пошли изодранные, смятые провололочные заграждения. Из неприметного ровика высунулся на миг человек в странной белой каске, яростно потряс вздетыми кулаками и тотчас исчез, словно растворился в земле. Дымная пелена впереди понемногу рассеивалась, и Максим увидел бурые круглые холмы, совсем близко, и заляпанную грязью корму танка, ползущего почему-то наискосок к общему движению, и ещё один горящий танк. Максим отвернул влево, целясь машиной в глубокое, заросшее кустарником седло между двумя холмами повыше. Он был уже близко, когда навстречу брызнул огонь, и весь танк загудел от страшного удара. От неожиданности Максим дал полный газ, кусты и облако белесого дыма над ними прыгнули навстречу, мелькнули белые каски, искажённые ненавистью лица, вздетые кулаки, потом под гусеницами что-то железно затрещало, ломаясь, Максим стиснул зубы, взял круто вправо и повёл машину подальше от этого места, по косогору, сильно кренясь, едва не переворачиваясь, огибая холм, и въехал, наконец, в узкую лощину, поросшую молоденькими деревцами. Здесь он остановился. Он откинул передний люк, высунулся по пояс и огляделся. Место было подходящее, со всех сторон танк обступали высокие бурые склоны. Максим заглушил двигатель, и сразу же Гай завопил хриплым фальцетом какую-то

273 В оригинале «ничего» через «е». (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





преданную чушь, что-то нелепо рифмованное, какую-то самодельную оду в честь величайшего и любимейшего Мака, — такую песню мог бы сочинить о своём хозяине пёс, если бы научился пользоваться человеческим языком.

— Замолчи, — приказал Максим. — Вытащи этих людей наружу и уложи возле машины... Стой, я ещё не кончил! Делай это осторожно, это мои любимые друзья, *наши с тобой* любимые друзья...

— А ты куда? — спросил Гай с ужасом.

— Я буду здесь, рядом.

— Не уходи... — занял Гай. — Или позволь, я пойду с тобой...

— Ты меня не слушаешься, — строго сказал Максим. — Делай, что я приказал. И делай осторожно, помни, что *это наши друзья*...

Гай принялся причитать, но Максим уже не слушал. Он выбрался из танка и побежал вверх по склону холма. Где-то недалеко продолжали идти танки, нутужно ревели двигатели, лязгали гусеницы, изредка б́ухали пушки. Высоко в небе провизжал снаряд. Максим, пригнувшись, взбежал на вершину, присел на корточки между кустами и ещё раз похвалил себя за такой удачный выбор мёста.

Внизу — рукой подать — оказался широкий проход между холмами, и по этому проходу, вливаясь с покрытой дымом равнины, сгрудившись, гусеница к гусенице, сплошным потоком шли танки — низкие, приплюснутые, мощные, с огромными плоскими башнями и длинными пушками. Это были уже не штрафники, это проходила регулярная армия. Несколько минут Максим, оглушённый и оторопевший, наблюдал это зрелище, жуткое и неправдоподобное, как исторический кинофильм. Воздух шатался и вздрагивал от неистового грохота и рёва, холм трепетал под ногами, как испуганное животное, и всё-таки Максиму казалось, будто машины идут в мрачном угрожающем молчании. Он отлично знал, что там, под броневыми листами, хрипят от энтузиазма ошалевшие солдаты, но все люки были наглухо закрыты, и казалось, что каждая машина — один сплошной слиток неодоухотворённого металла... Когда прошли последние танки, Максим оглянулся назад, вниз, и его танк, накренившийся среди деревьев, показался ему жалкой жестяной игрушкой, дряхлой пародией на настоящий боевой механизм. Да, внизу прошла Сила... чтобы встретиться с другой, ещё более страшной Силой, и вспомнив об этой другой Силе, Максим поспешно скатился вниз, в рощу.

Обогнув танк, он остановился.

Они лежали рядом: белый до синевы Фанк, похожий на мертвеца, скорченный постанывающей Зеф, вцепившийся грязно-белыми пальцами в свою рыжую шевелюру, и весело улыбающейся Крючок с мёртвыми глазами куклы. Приказ был выполнен в точности. Но Гай, весь ободранный, весь в крови, тоже лежал поодаль, отвернув от неба обиженное мертвенное лицо, раскинув р́уки, и вокруг него трава была смята и затоптана, и валялась сплюснутая белая каска в тёмных пятнах, а из развороченных кустов торчали ещё чьи-то нóги в сапогах. *Массаракиш*... — пробормотал Максим, с ужасом представив себе, как здесь несколько минут назад схватились насмерть два рычащих и воющих пса, каждый во славу своего хозяина...

И в этот момент та, другая Сила нанесла ответный удар.







Максиму этот удар пришёлся по глазам. Он зарычал от боли, изо всех сил зажмурился и упал на Гая, уже зная, что он мёртв, но стараясь всё-таки закрыть его своим телом. Это было чисто рефлекторное — он ни о чём не успел подумать и нечего не успел ощутить, кроме боли в глазах, — он был ещё в падении, когда его мозг отключил себя.

Когда окружающий мир снова сделался возможным для человеческого восприятия, сознание включилось снова. Прошло, вероятно, очень мало времени, несколько секунд, но Максим очнулся, весь покрытый обильным потом, с пересохшим горлом, и голова у него звенела, как будто его ударили доской по уху. Всё вокруг изменилось, мир стал багровым, мир был завален листьями и обломанными ветвями, мир был наполнен раскалённым воздухом, с красного неба дождём валились вырванные с корнем кусты, горящие сучья, комья горячей сухой земли. И стояла болезненно-звонящая тишина. Живых и мёртвых раскатило по сторонам. Гай, засыпанный листьями, лежал ничком шагах в десяти. Рядом с ним сидел Зеф, одной рукой он по-прежнему держался за голову, а другой прикрывал глаза. Фанк скатился вниз, застрял в промоине и теперь ворочался там, тёрся лицом о землю. Танк тоже снесло ниже и развернуло. Прислонясь к гусенице спиной, мёртвый Крючок по-прежнему весело улыбался...

Максим вскочил, разбросав наваленные ветки. Он подбежал к Гаю, схватил его, поднял, поглядел в стеклянные глаза, прижался щекой к щеке, проклял и трижды проклял этот мир, в котором он так одинок и беспомощен, где мёртвые становятся мёртвыми навсегда, потому что ничего нет, потому что нечем сделать их живыми... Кажется, он плакал, колотил кулаками по земле, топтал белую каску, а потом Зеф начал протяжно кричать от боли, и тогда он пришёл в себя и, не глядя вокруг, не чувствуя<sup>274</sup> больше ничего, кроме ненависти и жажды убивать, побрёл снова наверх, на свой наблюдательный пост...

Здесь тоже всё переменялось. Кустов больше не было, спёкшаяся глина дымилась и потрескивала, обращённый к северу склон холма горел. На севере багровое небо сливалось со сплошной стеной чёрно-коричневого дыма, и над этой стеной поднимались, распухая на глазах, ярко-оранжевые, какие-то маслянисто-жирные тучи. И туда, где возносились к лопнувшей от удара небесной тверди тысячи тысяч тонн раскалённого праха, испепелённые до атомов надежды выжить и жить, в эту адскую топку, устроенную несчастными дураками для несчастных дураков, тянул с юга, словно в поддувало, лёгкий сыроватый ветер.

Максим поглядел вниз, на проход между холмами. Проход был пуст, взрытая гусеницами и обожжённая атомным ударом глина курилась, тысячи огоньков плясали на ней — тлели листья и догорали сорванные сучья. А равнина на юге казалась очень широкой и очень пустынной, её больше не заволакивали пороховые газы, она была красная под красным небом, на ней неподвижно чернели одинокие коробочки — испорченные и повреждённые танки штрафников, и по ней уже приближалась к холмам редкая изломанная цепочка странных машин.

274 В оригинале «чувствую». (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





Они были похожи на танки, только вместо артиллерийской башни на каждой был установлен высокий решётчатый конус с тусклым округлым предметом на верхушке. Они шли быстро, мягко переваливаясь на неровностях, и они были не чёрные, как танки несчастных штрафников, не серо-зелёные, как армейские танки прорыва, — они были жёлтые, ярко-весело-жёлтые, как гвардейские патрульные автомобили... Правого фланга шеренги уже не было видно за холмами, и Максим успел насчитать всего восемь излучателей. В них чудилась какая-то наглость хозяев положения, они шли в бой, но не считали нужным ни скрываться, ни маскироваться, они нарочито выставлялись напоказ и своей окраской, и своим уродливым пятиметровым горбом, и отсутствием обычного вооружения. Те, кто вёл эти машины и управлял ими, считали себя, должно быть, в полной безопасности. Впрочем, вряд ли они об этом думали, они просто спешили вперёд, подстёгивая лучевыми бичами железное стадо, которое катилось сейчас через ад, и они наверняка ничего не знали об этих бичах, как не знали и того, что бичи эти хлещут их самих... Максим увидел, что левофланговый излучатель направляется в лощину, и пошёл ему навстречу, вниз по склону холма.

Он шёл во весь рост. Он знал, что ему придётся силой выковыривать чёрных погонщиков из железной скорлупы, и он хотел этого. Никогда в жизни ничего он так не хотел, как хотелось ему сейчас почувствовать под пальцами живую плоть... Когда он спустился в лощину, излучатель был уже совсем близко. Жёлтая машина катилась прямо на него, слепо уставясь стекляшками перископов, решётчатый конус грузно раскачивался не в такт приседаниям машины, и теперь видно было, что на вершине качается серебристый шар, густо утыканный длинными блестящими иглами...

Они и не подумали остановиться, и Максим, уступив дорогу, пропустил их, пробежал несколько метров рядом и вскочил на броню.

## Часть пятая. Землянин

### 18.

Государственный прокурор спал чутко, и мурлыканье телефона сразу разбудило его. Не раскрывая глаз, он взял наушник. Шелестящий голос ночного референта произнёс, как бы извиняясь:

— Семь часов тридцать минут, ваше превосходительство...

— Да, — сказал прокурор, всё ещё не раскрывая глаз. — Да. Благодарю.

Он включил свет,<sup>275</sup> откинул одеяло и сел. Некоторое время он сидел, уставясь на свои тощие бледные ноги, и с грустным удивлением размышлял о том, что вот уже шестой десяток пошёл, но не помнит он ни одного дня, когда бы ему дали выспаться. Всё время кто-нибудь будит. Когда он был ротмистром, его будил после попойки скотина-денщик. Когда он был

275 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





председателем чрезвычайного трибунала, его будил дурак-секретарь с неподписанными приговорами. Когда он был гимназистом,<sup>276</sup> его будила мать, чтобы он шёл на занятия, и это было самое мерзкое время, самые скверные пробуждения. И всегда ему говорили: *надо! Надо, ваше благородие... Надо, господин председатель... Надо, сыночек...* А сейчас это «надо» говорит себе он сам... Он встал, накинул халат, плеснул в лицо горсть одеколона, вставил зубы, посмотрел, массируя щёки, в зеркало, скривился неприязненно и прошёл в кабинет.

Тёплое молоко уже стояло на столе, а под крахмальной салфеточкой — блюдо с солоноватым печеньем. Это надо было выпить и съесть, как лекарство, но сначала он подошёл к сейфу, отвалил дверцу, взял зелёную папку и положил её на стол рядом с завтраком. Хрустя печеньем и прихлёбывая молоко, он тщательно осматривал папку, пока не убедился, что со вчерашнего вечера её никто не раскрывал. *Как много переменилось, подумал он. Всего три месяца прошло, а как всё переменилось! ...* Он машинально взглянул на жёлтый телефон и несколько секунд не мог отвести от него глаз. Телефон молчал — яркий, изящный, как весёлая игрушка... страшный, как тикающая адская машина, которую невозможно разрядить... Прокурор судорожно, двумя руками вцепился в зелёную папку, зажмурился. Он ощутил, что страх нарастает, и поспешил одёрнуть себя. *Нет, так дело не пойдёт, сейчас надо хранить абсолютное спокойствие и рассуждать совершенно бесстрастно... Выбора у меня всё равно нет. Значит, риск... Ну что же: риск так риск. Риск всегда был и будет, нужно только свести его к минимуму. И я его сведу к минимуму. Да, массараки, к минимуму! ...* Вы, кажется, не уверены в этом, Умник? Ах, вы сомневаетесь? Вы всегда сомневаетесь, Умник, есть у вас такое качество, вы — молодец... Ну что же, попытаемся развеять ваши сомнения. Слыхали вы про такого человека — его зовут Максим Каммерер? Неужели слыхали? Это вам только кажется. Вы никогда раньше не слыхали про такого человека. Вы сейчас услышите о нём первый раз. Очень прошу вас, выслушайте и составьте о нём самое объективное, самое непредубеждённое суждение. Мне очень важно знать ваше объективное мнение, Умник: от этого, знаете ли, зависит теперь целостность моей шкуры. Моей бледной, с синими прожилками, такой дорогой мне шкуры...

Он прожевал последнее печенье и залпом допил молоко.

Потом вслух сказал: «Приступим».

Он раскрыл папку. Прошое этого человека туманно. И это, конечно, неважное начало для знакомства. Но мы с вами знаем не только как из прошлого выводить настоящее, но и как из настоящего выводить прошлое. И если нам так уж понадобится прошлое нашего Мака, мы в конце концов выведем его из настоящего. Это называется экстраполяцией... Наш Мак начинает своё настоящее с того, что бежит с каторги. Вдруг. Неожиданно. Как раз в тот момент, когда мы со Странником тянем к нему руки. Вот панический рапорт генерал-коменданта, классический вопль идиота, который нашкодил и не чает уйти от наказания: он ни в чём не виноват, он сделал всё по инструкции, он не знал, что объект добровольно поступил в

276 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))







сапёры-смертники, а объект поступил и подорвался на минном поле. Не знал. Вот и мы со Странником не знали. А надо было знать! Объект — человек неожиданный, вы должны были предполагать что-либо подобное, господин Умник... Да, тогда это поразило меня, но теперь-то мы понимаем, в чём дело: кто-то объяснил нашему Маку про башни, он решил, что в Стране Отцов ему делать нечего, и удрал на юг, симулировав гибель... Прокурор опустил голову на руку, вяло потёр лоб. Да, тогда всё это и началось... Это был первый промах в серии моих промахов: я поверил, что он погиб. А как я мог не поверить? Какой нормальный человек побежит на юг, к мутантам, на верную смерть? ... Любой бы поверил. А вот Странник — не поверил.

Прокурор взял очередной рапорт. О, этот Странник! Умница Странник, гений Странник... Вот как мне надо было действовать — как он! Я был уверен, что Мак погиб: Юг есть Юг. А он наводнил все Заречье своими агентами. Жирный Фанк — ах, не добрался я до него в своё время, не прибрал к рукам! — этот жирный облезлый боров похудел, мотаясь по стране, вынюхивая и высматривая, а его Кура подох от лихорадки на Шестой трассе, а его Тапа-Петушок был захвачен горцами, а потом Пятьдесят Пятый, не знаю, кто он такой, попался пиратам аж на побережье, но успел сообщить, что Мак там появлялся, сдался патрулям и направлен в свою колонну... Вот как поступают люди с головой: они ни во что не верят и никого не жалеют. Вот как я должен был поступить тогда. Бросить все дела, заняться только Маком, ведь я уже тогда прекрасно понимал, какая это страшная сила — Мак, а я вместо этого сцепился с Дергунчиком и проиграл, а потом связался с этой идиотской войной и тоже проиграл... Я и сейчас бы проиграл, но мне, наконец, повезло: Мак объявился в столице, в логове Странника, и я об этом узнал раньше, чем Странник. Да, Странник, да, хрящеухий, теперь проиграл ты. Надо же было тебе уехать именно сейчас! И ты знаешь, Странник, меня даже не огорчает то обстоятельство, что опять осталось неизвестным, куда и зачем ты уехал. Уехал и ладно. Ты, конечно, во всём положился на своего Фанка, и твой Фанк привёз тебе Мака, но вот ведь беда — свалился твой Фанк после своих военных приключений, лежит без памяти в дворцовом госпитале — важная фигура, таких только в дворцовый госпиталь! — и теперь я не промахнусь, теперь он будет там лежать столько, сколько мне понадобится. Так что тебя нет, Фанка нет, а наш Мак есть, и это получилось очень удачно...

Прокурор ощутил радость и, заметив, сейчас же погасил её. Опять эмоции, массаракиш. Спокойнее, Умник. Ты знакомишься с новым человеком по имени Мак, ты должен быть очень объективен. Тем более, что этот новый Мак так не похож на старого, теперь он совсем взрослый, теперь он знает, что такое финансы и детская преступность. Поумнел, посуровел наш Мак... Вот он пробился в штаб подполья (рекомендатели: Мемо Грамену и Аллу Зеф), как гром с ясного неба обрушился там на них с предложением о контрпропаганде<sup>277</sup>, штаб взвыл — это означало раскрыть рядовым членам истинное значение башен, — но ведь убедил Мак! Запугал их там, запутал, приняли они идею контрпропаганды<sup>278</sup>, поручили Маку разработку... В обстановке он разобрался быстро, быстро и верно. И они

277 В оригинале «контр-пропаганде» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

278 В оригинале «контр-пропаганды» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







там это поняли — поняли, с кем имеют дело. Или просто почувствовали... Вот последнее донесение: фракция просветителей привлекла его к обсуждению программы перевоспитания, и он с радостью согласился. Сразу предложил кучу идей. Идейки не бог весть какие, но не в этом дело, перевоспитание — вообще идиотизм, важно то, что он уже больше не террорист, ничего он не хочет взрывать, никого не хочет убивать; важно то, что занялся он политической деятельностью, активно зарабатывает себе авторитет в штабе, произносит речи, критикует, лезет наверх; важно то, что он имеет идеи, жаждет их осуществить, а это именно то, что нам нужно, господин Умник...

Прокурор откинулся на спинку кресла.

И вот ещё то, что нужно. Донесения об образе жизни. Много работает — и в лаборатории, и дома, — тоскует по-прежнему по той женщине, по Раде Гаал, занимается спортом, почти ни с кем не дружит, не курит, почти не пьёт, в еде очень умерен. С другой стороны — обнаруживает явную склонность к роскоши в быту и знает себе цену: полагающийся по штату автомобиль принял как должное, выразив недовольство его малой мощностью и уродливостью; недоволен также двухкомнатной квартирой — считает её слишком тесной и лишённой элементарных удобств; жилище своё украсил оригинальными картинами и антикварными произведениями искусства, истратив на них почти весь аванс... ну и так далее. Хороший материал, очень хороший материал... А кстати, сколько у него денег, чем он сейчас располагает? Та-ак, руководитель темы в лаборатории химического синтеза... оклад в синем конверте... личная машина... двухкомнатная квартира на территории Департамента специальных исследований... Недурно его устроили. И ещё больше, наверное, пообещали. Хотел бы я знать, как ему объяснили, зачем он понадобился Страннику. Это знает Фанк, жирный боров, но он не скажет, скорее подохнет... Ах, если бы как-нибудь вытянуть из него всё, что он знает! С каким наслаждением я бы потём его прикончил... Сколько он крови мне испортил, шелудивая скотина... И Раду эту он у меня украл, а ведь как бы она мне сейчас пригодилась — Рада... какое это оружие, когда имеешь дело с чистым, честным, мужественным Маком! ... Впрочем сейчас это, может быть, не так уж плохо... Не я держу под замком твою возлюбленную, Мак, это всё Странник, это всё его интриги, этого гнусного шантажиста...

Прокурор вздрогнул: жёлтый телефон тихонечко звякнул. Только звякнул и больше ничего. Тихонько, даже мелодично. Ожил на долю секунды и снова замер, словно напомнил о себе... Прокурор, не отрывая от него глаз, провёл по лбу дрожащими пальцами. Нет, ошибка... Конечно, ошибка. Мало ли что, телефон — аппарат сложный, искра там какая-нибудь проскочила... Он вытер пальцы о халат. И сейчас же телефон грянул. Как выстрел в упор... Как сабля по горлу... Как — с крыши на асфальт... Прокурор взял наушник. Он не хотел брать наушник, он даже не знал, что берёт наушник, он даже вообразил себе, будто не берёт наушник, а быстро, на цыпочках бежит в спальню, одевается, выкатывает машину из гаража и на предельной скорости гонит... Куда?

— Государственный прокурор, — сказал он хрипло и прокашлялся.





— Умник? Это Папа говорит.

*Вот... Вот оно... Сейчас: «Ждём тебя через часок»...*

— Я узнал, — сказал он бессильно. — Здравствуй, Папа.

— Сводку читал?

— Нет.

*«Ах, не читал? Ну, приезжай, мы тебе прочитаем»...*

— Всё, — сказал Папа. — Прогадили войну.

Прокурор глотнул. *Надо было что-то сказать. Надо было срочно что-то сказать, лучше всего — пошутить. Тонко пошутить... Боже, помоги мне тонко пошутить! ...*

— Молчишь? А что я тебе говорил? Не лезь в эту кашу, штатских держись, штатских, а не военных! Эх, ты, Умник...

— Ты — Папа, — выдавил из себя прокурор. — Дети ведь вечно не слушаются родителей...

Папа хихикнул.

— Дети... — сказал он. — А где это сказано: «Если чадо твоё ослушается тебя...» Как там дальше, Умник?

*Боже мой, боже мой. «... сотри его с лица земли». Он так и сказал тогда: «Сотри его с лица земли», и Странник взял со стола тяжёлый чёрный пистолет, неторопливо поднял и два раза выстрелил, и чадо охватило руками пробитую лысину и повалилось на ковёр...*

— Память отшибло? — сказал Папа. — Эх, ты, Умник. Что собираешься делать? Умник.

— Я ошибся... — прохрипел прокурор. — Ошибка... Это всё из-за Дергунчика...

— Ошибся... Ну, ладно, подумай, Умник. Поразмысли. Я тебе ещё позвоню...

*И всё. И нет его. И неизвестно, куда звонить ему — плакать, умолять... Глупо, глупо. Никому это не помогало... Ладно... Подожди... Да подожди ты, сволочь! Он с размаху ударил раскрытой рукой о край стола — чтобы в кровь, чтобы больно, чтобы перестать дрожать... Это немного помогло, но он ещё наклонился, открыл другой рукой нижний ящик стола, достал фляжку, зубами вытащил пробку и сделал несколько глотков. Его ударило в жар. Вот так... Спокойно... Мы ещё посмотрим... Это гонка: кто быстрее. Умника так просто не возьмёшь, с ним вы ещё повозитесь. Умника так сразу не вызовешь. Если бы вы могли вызвать, то уже вызвали бы... Это ничего, что он позвонил. Он всегда так. Время есть. Два дня, три дня, четыре дня... Время есть! — прикрикнул он на себя. Не психуй... Он поднялся и пошёл кругами по кабинету.*

*У меня есть на вас управа. У меня есть Мак. У меня есть человек, который не боится излучения. Для которого не существует преград. Который желает переменить порядок вещей. Который вас ненавидит. Человек чистый и, следовательно, открытый всем соблазнам. Человек, который поверит мне. Человек, который захочет встретиться со мной... Он уже сейчас хочет встретиться со мной: мои агенты уже много раз*





говорили ему, что государственный прокурор добр, справедлив, большой знаток законов, настоящий страж законности, что Отцы его недолюбливают и терпят его только потому, что не доверяют друг другу... мои агенты показывали меня ему, тайком, в благоприятных обстоятельствах, и моё лицо ему понравилось... И — самое главное! — ему под строжайшим секретом намекнули, что я знаю, где находится Центр. Он прекрасно владеет лицом, но мне доложили, что в этот момент он выдал себя... Вот такой человек у меня есть — человек, который очень хочет захватить Центр и может это сделать — единственный из всех... То есть<sup>279</sup>, этого человека у меня пока нет, но сети расставлены, наживка проглочена, и сегодня я его подсеку. Или я пропал. Пропал... Пропал...

Он больше не мог сдерживать воображения. Он видел эту тесную комнатку, обтянутую тёмно-красным бархатом, душную, прокисшую, без окон, голый обшарпанный стол и пять золочёных кресел... А мы, все остальные, стояли: я, Странник с глазами жаждущего убийцы и этот лысый палач... растяпа, болтун, знал ведь, где Центр, столько людей загубил, чтобы узнать, где Центр, и — трепло, пьяница, хвостун — разве можно о таких вещах кому-нибудь говорить? Тем более, родичам... особенно таким родичам. А ещё начальник Департамента общественного здоровья, глаза и уши Неизвестных Отцов, броня и секира нации... Папа сказал, жмурясь: «Сотри его с лица земли», Странник выстрелил в упор два раза, и Свёкор проворчал с неудовольствием: «Опять всю обивку забрызгали...» И они снова принялись спорить, почему в комнате воняет, а я стоял на ватных ногах и думал: «Знают или не знают?», и Странник стоял, оскалившись<sup>280</sup>, как голодный хищник и глядел на меня, словно догадывался... Ни черта он не догадался... Теперь-то я понимаю, почему он всегда так хлопотал, чтобы никто не проник в тайну Центра. Он всегда знал, где находится Центр, и только искал случая захватить Центр самому... Опоздал, Странник, опоздал... И ты Папа, опоздаешь. И ты, Свёкор. А о тебе, Дергунчик, и речи нет...

Он отдёргнул портьеру и приложил лоб к холодному стеклу. Он почти задушил свой страх и, чтобы растоптать его окончательно, до последней искорки, он представил себе, как Мак с боем врывается в аппаратную Центра... но это мог бы сделать и Волдырь с личной охраной, с этой бандой своих родных и двоюродных братьев, племянников, побратимов, выкормышей, с этими жуткими подонками, которые никогда ничего не слыхали о законе, которые всегда знали только один закон: стреляй первым... нужно было быть Странником, чтобы поднять руку на Волдыря — в тот же вечер они напали на него прямо у ворот его особняка, изрешетили машину, убили шофёра, убили секретаршу, и загадочным образом погибли сами, все до единого, все двадцать четыре человека с двумя пулемётами... Да, Волдырь тоже мог бы ворваться в аппаратную, но там бы и завяз, дальше бы он не прошёл, потому что дальше — барьер депрессионного излучения, а теперь, может быть, и два лучевых барьера, хватило бы одного, никто не пройдёт там: выродок свалится<sup>281</sup> в обморок от боли, а простой лояльный гражданин падёт на колени и примется тихо

279 В оригинале «То-есть» через дефис. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

280 В оригинале жуткое «оскалясь», но, возможно, так и было задумано. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

281 В оригинале «свалился». (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))







плакать от смертной тоски... Только Мак там пройдёт, и запустит свои умелые рúки в генераторы, и прежде всего переключит Центр, всю систему башен, на депрессионное поле. Затем, уже совершенно беспрепятственно, он поднимется в радиостудию и поставит там плёнку с заранее подготовленной речью на многоцикловую передачу... Вся страна от хонтийской границы до Заречья — в депрессии, миллионы дураков валяются, обливаясь слезами, не желая пошевелить пальцем, а репродукторы уже ревут во всю глотку, что Неизвестные Отцы преступники, их зовут так-то и так-то, они находятся там-то и там-то, убейте их, спасайте страну, это говорю вам я, Мак Сим, живой бог на земле (или там — законный наследник императорского престола, или великий диктатор... или что ему больше понравится). К оружию, моя Гвардия! К оружию, моя армия! К оружию, мои подданные! ... А сам в это время спускается обратно в аппаратную и переключает генераторы на поле повышенного внимания, и вот уже вся страна слушает, развесив уши, стараясь не упустить ни<sup>282</sup> слова, заучивая наизусть, повторяя про себя, а громкоговорители ревут, башни работают, и так длится ещё час, а потом он переключает излучатели на энтузиазм, всего пол-часа энтузиазма, и — конец передачам... И когда я прихожу в себя — массаракиш, полтора часа адской боли, но надо, массаракиш, выдержать, — Папы уже нет, никого из них нет, есть Мак, великий бог Мак, и его верный советник, бывший государственный прокурор, а ныне — глава правительства великого Мака... А, бог с ним, с правительством, я буду просто жив, и мне ничто не будет угрожать, а там посмотрим... Мак не из тех, кто бросает полезных друзей, он не бросает даже бесполезных друзей, а я буду очень полезным другом. О, каким другом я ему буду! ...

Он оборвал себя и вернулся к столу, покосился на жёлтый телефон, усмехнулся, снял наушник зелёного телефона и вызвал заместителя начальника Департамента специальных исследований.

— Головастик? Доброе утро, это Умник. Как ты себя чувствуешь? Как желудок? ... Ну, прекрасно... Странника ещё нет? ... Ага... Ну, ладно... Мне позвонили сверху и приказали немножко вас проинспектировать... Нет-нет, я думаю, это чистая формальность, я всё равно у вас ни черта не понимаю, но ты подготовь там какой-нибудь рапорт... проект заключения инспекции и всё такое. И позаботься, чтобы все были на местах, а не как в прошлый раз... Ум-гу... Часов в одиннадцать, наверное... Ты сделай так, чтобы в двенадцать я уже смог уехать со всеми документами... Ну, до встречи. Пойдём страдать... А ты тоже страдаешь? Или вы уже, может быть, давно выдумали защиту, только от начальства скрываете? Ну-ну, я шучу... Пока.

Он положил наушник и взглянул на часы. Было без четверти десять. Он громко застонал и потащился в ванную. Опять этот кошмар... полчаса<sup>283</sup> кошмара. От которого нет защиты... От которого нет спасения... От которого жить не хочется... Как это всё-таки обидно: Странника придётся пощадить.

282 В оригинале «не». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

283 В оригинале «пол-часа» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







Ванна была уже полна горячей водой. Прокурор сбросил халат, стянул ночную рубашку и сунул под язык болеутолитель. *И так всю жизнь. Одна двадцать четвёртая всей жизни — ад. Больше четырёх процентов... И это — не считая вызовов наверх. Ну,*<sup>284</sup> *вызовы скоро кончатся, а эти четыре процента останутся до конца... Впрочем, это мы ещё посмотрим. Когда всё установится, я возьмусь за Странника сам...* Он залез в ванну, устроился поудобнее, расслабился и стал придумывать, как он возьмётся за Странника. Но он не успел ничего придумать. Знакомая боль ударила в темя, прокатилась по позвоночнику, запустила коготь в каждую клетку, в каждый нерв и принялась драть — методично, люто, в такт бешеным толчкам сердца...

Когда всё кончилось, он ещё немного полежал в томном изнеможении — адские муки тоже имеют свои достоинства: полчаса<sup>285</sup> кошмара дарили ему несколько минут райского блаженства — затем вылез, растёрся перед зеркалом, приоткрыл дверь, принял от камердинера свежее бельё, оделся, вернулся в кабинет, выпил ещё один стакан тёплого молока, на этот раз смешанного с целебной водой, съел вязкой кашицы с мёдом, посидел немножко просто так, окончательно приходя в себя, а потом позвонил дневному референту и велел подавать автомобиль.

К Департаменту специальных исследований вела правительственная трасса, пустая в это время дня, обсаженная кудрявыми деревьями, похожими на искусственные. Шофёр гнал без остановок у светофоров, время от времени включая гулкую басовитую сирену. К высоким железным воротам департамента подъехали без трёх минут одиннадцать. Гвардеец в парадном мундире подошёл, нагнулся, вглядываясь, узнал и отдал честь. Тотчас же ворота распахнулись, открылся густой сад, белые и жёлтые корпуса жилых домов, а за ними — гигантский стеклянный параллелепипед института. Медленно проехали по автомобильной дорожке с грозными предупреждениями насчёт скорости, миновали детскую площадку, приземистое здание бассейна, пёстрое весёлое здание клуба-ресторана, — и всё это в зелени, в облаках зелени, в тучах зелени, и прекрасный чистейший воздух, и, массаракиш! — какой-то запах стоит здесь удивительный, нигде такого не бывает, ни в каком поле, ни в каком лесу... Ох уже этот Странник, все это его затеи, чёртовы деньги ухлопаны на это, но зато как его здесь любят. Вот как надо жить, вот как надо устраиваться. Ухлопаны чёртовы деньги, Деверь был страшно недоволен, он и сейчас ещё недоволен... Риск? Да, риск, конечно, был, рискнул Странник, но зато теперь его департамент — это ЕГО департамент, здесь его не предадут, не подсилят... Пятьсот человек у него тут, в основном — молодёжь, газет они не читают, радио не слушают: времени, видите ли, нет, важные научные исследования... так что излучение здесь бьёт мимо цели, вернее, совсем в другую цель. Да, Странник, я бы на твоём месте долго ещё тянул с защитными шлемами. Может быть, ты и тянешь? Наверняка тянешь. Но, чёрт возьми, как тебя ухватить? Вот если бы нашёлся второй Странник... Да, второй такойловищи нет во всём мире. И он это знает. И он очень внимательно следит за каждым более или менее талантливым человеком. Прибирает к рукам с юных лет,

284 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

285 В оригинале «пол-часа» через дефис. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





*обласкивает, отдаляет от родителей — а родители-то до смерти, дураки, рады! — и вот, глядишь, ещё один солдатик становится в твой строй... Ох, как это здорово, что Странника сейчас нет, какая это удача!*

Машина остановилась, референт распахнул дверцу. Прокурор вылез, поднялся по ступенькам в застеклённый вестибюль. Головастик со своими холоуями уже ждал его. Прокурор с надлежащей скукой на лице вяло пожал Головастику руку, посмотрел на холоуёв и позволил препроводить себя в лифт. В кабину вошли по регламенту: господин государственный прокурор, за ним господин заместитель начальника департамента, следом — холоуй господина государственного прокурора и старший из холоуёв господина заместителя начальника. Прочих оставили в вестибюле. В кабинет Головастика вошли опять по регламенту: господин прокурор, за ним Головастик, холоуя господина прокурора и старшего холоуя Головастика оставили за дверью в приёмной. Прокурор сейчас же утомлённо погрузился в кресло, а Головастик немедленно засуетился, забил пальцами по кнопкам на краю стола и, когда в кабинет сбежалась целая орава секретарей, приказал подать чай.

Первые несколько минут прокурор для развлечения разглядывал Головастика. У Головастика был на редкость виноватый вид. Он избегал смотреть в глаза, то и дело приглаживал волосы, бессмысленно потирал рúки, неестественно покашливал и совершал множество бессмысленных суетливых движений. У него всегда был такой вид. Внешность и поведение были его основным капиталом. Он вызывал непрерывные подозрения в нечистой совести и навлекал на себя непрерывные тщательнейшие проверки. Департамент общественного здоровья изучил его жизнь по часам. И поскольку жизнь его была безукоризненна, а каждая новая проверка лишь подтверждала этот неожиданный факт, продвижение Головастика по служебной лестнице происходило с редкостной быстротой.

Прокурор всё это прекрасно знал, он лично три раза доскональнейшим образом проверял Головастика и,<sup>286</sup> тем не менее,<sup>287</sup> сейчас, рассматривая его, забавляясь им, он вдруг поймал себя на мысли, что Головастик ей-богу знает, пройдоха, где находится Странник и ужасно боится, что это из него сейчас вытянут. И прокурор не удержался.

— Привет от Странника, — сказал он небрежно, постукивая пальцами по подлокотнику.

Головастик быстро посмотрел на прокурора и тут же отвёл глаза.

— М-м... да... — сказал он, покусывая губу. — Кхе... Сейчас вот... гм... чай принесут...

— Он просил тебя позвонить, — сказал прокурор ещё небрежнее.

— Что? ... А-а... Ладно... Чай у меня сегодня будет исключительный. Новая секретарша прямо-таки знаток в чаях... То есть<sup>288</sup>... кхе... а куда ему позвонить?

— Не понимаю, — сказал прокурор.

286 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

287 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

288 В оригинале «То-есть» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





— Нет, я к тому, что... гм... если ему позвонить, то надо же знать... кхе... телефон... он же никогда телефона не оставляет... — Головастик вдруг засуетился, мучительно покраснел, захлопал по столу ладонями, нашёл карандаш. — Куда он велел позвонить?

Прокурор отступился.

— Это я пошутил, — сказал он.

— А? ... Что? ... — на лице Головастика мгновенно, сменяя друг друга, промелькнуло множество подозрительнейших выражений. — А! Пошутил? — он загоготал фальшивым смехом. — Это ты ловко меня... Вот потеха! А я уж думал... Га-га-га! ... А вот и чаёк!

Прокурор принял из холёных рук холёной секретарши стакан крепкого горячего чая и сказал:

— Ладно, пошутили и хватит. Времени мало. Где твоя бумага?

Головастик, совершив массу ненужных движений, извлёк из стола и протянул прокурору проект инспекционного акта. Судя по тому, как он при этом сокращался и ёжился, проект был набит фальшивой информацией, имел целью ввести инспектора в заблуждение и вообще был составлен с подрывными намерениями.

— Н-нуге-с... — проговорил прокурор, причмокивая кусочком сахара. — Что тут у тебя? ... «Акт проверочного обследования»... Н-ну... *Лаборатория интерференции... лаборатория спектральных исследований... лаборатория интегрального излучения...* Ничего не понимаю, чёрт ногу сломит. Как ты во всём этом разбираешься?

— А я... гм... Я, знаешь, тоже не разбираюсь, я ведь по специальности... гм... администратор, я в эти дела не вмешиваюсь.

Головастик прятал глаза, покусывал губы, с размаху ерошил на себе волосы, и уже было совершенно ясно, что никакой он не администратор, а хонтийский шпион с высшим специальным образованием. Ну и фигура! ...

Прокурор снова обратился к акту. Он сделал глубокомысленное замечание о перерасходе средств, допущенном группой усиления мощности, спросил, кто таков Зой Баруту, не родственник ли он Мору Баруту, знаменитому писателю-пропагандисту, отпустил упрёк по поводу безлинзового рефрактометра, который стоил сумасшедших денег, а до сих пор не освоен, и подвёл итог по работам сектора исследований и совершенствования излучения, сказавши, что существенных сдвигов ему не видится (и слава богу, мысленно добавил он) и что это его мнение должно быть обязательно занесено в беловой вариант акта.

Часть акта, касающуюся работ сектора защиты от излучения, он просмотрел ещё более небрежно. *Топчетесь на месте, объявил он. По физической защите вообще ничего не добились, по физиологической — и того меньше... Физиологическая защита — это вообще не то, что нам нужно: чего это ради я дам себя кромсать, ещё идиотом сделаете... А вот химики молодцы — ещё минуту выиграли. В прошлом году минуту, да в позапрошлом году полторы... что же это получается? Значит, теперь я могу принять пилюлю и вместо тридцати минут буду мучиться*







*двадцать две... Что ж, неплохо. Почти тридцать процентов... Запиши-ка моё мнение: усилить темпы работы по физической защите, поощрить работников отдела химической защиты. Всё.*

Он перебросил листки Головастику.

— Прикажи это отпечатать начисто... и моё мнение... А сейчас, проформы ради, проводи-ка меня... ну, скажем... э-э... У физиков я прошлый раз был, проводи-ка ты меня к химикам, посмотрю, как там у них...

Головастик вскочил и снова ударил по кнопкам, а прокурор поднялся с видом крайнего утомления.

В сопровождении Головастика и дневного референта он неторопливо пошёл по лабораториям отдела химической защиты, вежливо улыбаясь людям с одним шевроном на рукаве халата, похлопывая иногда по плечу бесшевронных, приостанавливаясь около двухшеvronных, чтобы пожать руку, понимающе покивать головой и осведомиться, нет ли претензий.

Претензий не было. Всё вроде бы работали или делали вид, что работают, — у них не поймёшь. Мигали какие-то лампочки на каких-то приборах, варились какие-то жидкости в каких-то сосудах, пахло какой-то дрянью, кое-где мучили животных. Было у них здесь чисто, светло, просторно, люди казались сытыми и спокойными, энтузиазма не проявляли, с инспектором держались вполне корректно, но без всякой теплоты и уж во всяком случае без приличествующего подобострастия.

И почти в каждой комнате — будь то кабинет или лаборатория — висел портрет Странника: над рабочим столом, рядом с таблицами и графиками, в простенке между окнами, над дверью, иногда лежал под стеклом на столе. Это были любительские фотографии, рисунки карандашом или углём, один портрет был даже написан масляной краской. Здесь можно было увидеть Странника, играющего в мяч, Странника, читающего лекцию, Странника, грызущего яблоко, Странника сурового, задумчивого, усталого, разъярённого и даже Странника, хохочущего во всю глотку. Эти сукины дети даже рисовали на него шаржи и вешали их на самых видных местах! ... Прокурор представил, как он входит в кабинет младшего советника юстиции Фильтика и обнаруживает там карикатуру на себя. Массаракиш, это было невообразимо, невозможно!

Он улыбался, похлопывал, жал рúки, а сам всё это время думал, что вот второй раз он уже здесь с прошлого года, и всё вроде бы по-старому, но раньше он как-то не обращал на это внимание... А теперь вот обратил. Почему только теперь? ... А, вот почему! Что такое был для меня Странник год или два назад? Формально — один из нас, фактически — кабинетная фигура, не имеющая ни влияния на политику, ни своего мёста в политике, ни своих целей в политике. Однако с тех пор он успел многое. Общегосударственного масштаба операция по изъятию иностранных шпионов — это его акция. Прокурор сам вёл эти процессы и был тогда потрясён, поняв, что имеет дело не с обычными липовыми шпионами-выродками, а с настоящими матёрыми разведчиками,







заброшенными Островной Империей для сбора научной и экономической информации. Странник выудил их всех, всех до единого, и с тех пор стал неизменным шефом особой контрразведки.

Далее, именно Странник раскрыл заговор лысого Волдыря, фигуры жуткой, сидевшей очень прочно, сильно и опасно копавшей под шефство Странника над контрразведкой. И сам же его шлёпнул, никому не доверил. Он всегда поступал открыто, никогда не маскировался и действовал только в одиночку — никаких коалиций, никаких уний, никаких временных союзов. Так он свалил одного за другим трёх начальников Военного департамента, — те даже пикнуть не успевали, а их уже вызвали наверх, — пока не добился, чтобы поставили Дергунчика, панически боящегося войны... Это он год назад зарубил проект «Золото», представленный наверх Патриотическим Союзом Промышленности и Финансов... Тогда казалось, что Странник вот-вот слетит, потому что проект вызвал восторг у самого Папы, но Странник ему как-то доказал, что все выгоды проекта — сугубо временные, а через десять лет начнётся повальная эпидемия сумасшествия и полная разруха... Он всё время как-то ухитрялся им доказывать, никто никогда ничего не мог им доказать, только Странник мог. И в общем-то понятно, почему. Он никогда ничего не боялся. Да, он долго сидел у себя в кабинете, но в конце концов понял свою истинную цену. Понял, что он нужен всем нам, кто бы мы ни были и как бы ни дрались между собой. Потому что только он может создать защиту, только он может избавить нас от мучений... А сопляки в белых халатах рисуют на него карикатурочки, и он им это позволяет...

Референт распахнул перед прокурором очередную дверь, и прокурор увидел своего Мака. Мак в белом халате с шевроном на рукаве сидел на подоконнике и смотрел наружу. Если бы какой-нибудь советник юстиции позволил себе в служебное время торчать на подоконнике и считать галок, его можно было бы со спокойной совестью пустить по этапу, как явного бездельника и даже саботажника. В данном же случае, массараکش, ничего сказать было нельзя. Ты его за шиворот, а он тебе: «Позвольте! Я ставлю мысленный эксперимент! Отойдите и не мешайте!»

Великий Мак считал галок. Он мельком взглянул на вошедших, вернулся было к своему занятию, но тут же снова оглянулся и всмотрелся более пристально. Узнал, подумал прокурор. Узнал, умница моя... Он вежливо улыбнулся Маку, похлопал по плечу молоденького лаборанта, крутившего арифмометр, и, остановившись посередине комнаты, огляделся.

— Ну-с... — произнёс он в пространство между Маком и Головастиком. — А здесь у нас что делается?

— Господин Сим, — сказал Головастик, краснея, подмигивая и потирая руки, — объясните господину инспектору, чем вы... кхе... гм...

— А ведь я вас знаю, — сказал великий Мак, как-то неожиданно возникая в двух шагах от прокурора. — Простите, если я не ошибаюсь, вы — государственный прокурор?





Да, иметь дело с Маком было нелегко, весь тщательно продуманный план полетел к чёрту сразу же: Мак и не подумал ничего скрывать, он ничего не боялся, ему было любопытно, он смотрел на прокурора с высоты своего огромного роста, как на некое экзотическое животное... Надо было перестраиваться на ходу.

— Да, — с холодным удивлением произнёс прокурор, переставая улыбаться. — Насколько мне известно, я действительно государственный прокурор, хотя мне непонятно... — Он нахмурился и вгляделся в лицо Мака. Мак широко улыбался. — Ба-ба-ба! — воскликнул прокурор. — Ну конечно же... Мак Сим, он же Максим Каммерер! Однако, позвольте, мне же доложили, что вы погибли на каторге... Массаракш, как вы сюда попали?

— Длинная история, — ответил Мак, махнув рукой. — Между прочим, я тоже удивлён, увидев вас здесь. Никогда не предполагал, что наши занятия интересуют Департамент юстиции...

— Ваши занятия интересуют самых неожиданных людей, — сказал прокурор. Он взял Мака под руку, отвёл его к дальнему окну и доверительным шёпотом осведомился:

— Когда вы нам подарите пилюли? Настоящие пилюли, на все тридцать минут...

— А вы разве тоже? ... — спросил Мак. — Впрочем, да, естественно...

Прокурор горестно покачал головой и с тяжёлым вздохом закатил глаза.

— Наше благословение и наше проклятие, — проговорил он. — Счастье нашего государства и горе его правителей... Массаракш, я ужасно рад, что вы живы, Мак. Должен вам сказать, что дело, по которому вы проходили, было одним из немногих в моей карьере, оставивших у меня чувство досадной неудовлетворённости... Нет-нет, не пытайтесь отрицать, — по букве закона вы были виновны, с этой стороны всё в порядке... вы напали на башню, кажется, убили гвардейца, за это, знаете ли, по головке не гладят. Но вот по существу... Признаюсь, рука у меня дрогнула, когда я подписывал ваш приговор. Как будто я приговаривал ребёнка, не обижайтесь. В конце концов, ведь это была затея скорее наша, чем ваша, и вся ответственность...

— Я не обижаюсь, — сказал Мак. — И вы не далеки от истины: выходка с этой башней была ребяческая... Во всяком случае, я благодарен прокуратуре за то, что нас тогда не расстреляли.

— Это было всё, что я мог сделать, — сказал прокурор. — Помнится, я был очень огорчён, узнав о вашей гибели... — он засмеялся и дружески стиснул локоть Мака. — Чертовски рад, что всё кончилось так благополучно. Чертовски рад сделать знакомство... — Он поглядел на часы. — Слушайте, Мак, а почему вы здесь? Нет-нет, я не собираюсь вас арестовывать, это не моё дело, пусть теперь вами занимается военная комендатура. Но что вы делаете в этом институте? Разве вы химик? Да ещё... — Он показал пальцем на шеврон.

— Я — всё понемножку, — сказал Мак. — Немножко химик, немножко физик...





— Немножко подпольщик, — сказал прокурор, благодушно смеясь.

— Очень немножко, — решительно сказал Мак.

— Немножко фокусник... — сказал прокурор.

Мак внимательно посмотрел на него.

— Немножко фантазёр, — продолжил прокурор, — немножко авантюрист...

— Это уже не специальности, — возразил Мак. — Это, если угодно, просто свойства всякого порядочного учёного.

— И порядочного политика, — сказал прокурор.

— Редкостное сочетание слов, — заметил Мак.

Прокурор вопросительно посмотрел на него, потом сообразил и снова засмеялся.

— Да, — сказал он. — Политическая деятельность имеет свою специфику. Политика есть искусство отмывать дочиста очень грязной водой. Никогда не опускайтесь до политики, Мак, оставайтесь со своей химией... — Он посмотрел на часы и с досадой сказал: — Ах, проклятье, совершенно нет времени, а так хотелось бы с вами поболтать... Я смотрел ваше досье, вы — любопытная личность... Но вы, вероятно, тоже сильно заняты...

— Да, — сказал умница Мак. — Хотя, конечно, не так сильно, как государственный прокурор.

— Ну вот, — произнёс прокурор, снова засмеявшись. — А ваше начальство уверяет нас, будто вы работаете днём и ночью... Я, например, не могу сказать этого о себе. У государственного прокурора случаются свободные вечера... Вы удивитесь, но у меня есть к вам масса вопросов, Мак. Признаться, я хотел побеседовать с вами ещё тогда, после процесса. Но — дела, бесконечные дела...

— Я к вашим услугам, — сказал Мак. — Тем более, что у меня тоже есть к вам вопросы.

*Ну-ну!* — мысленно одёрнул его прокурор, — *не надо так откровенно, мы здесь не одни.* Вслух он сказал, просяив:

— Прекрасно! Всё, что в моих силах... А теперь — прошу меня простить, бегу...

Он пожал огромную ладонь своего Мака, уже пойманного Мака, окончательно попавшегося на удочку Мака, он прекрасно мне подыгрывал, он несомненно хочет встретиться, и сейчас я его подсеку... Прокурор остановился в дверях, щёлкнул пальцами и сказал, повернувшись:

— Позвольте, Мак, а что вы делаете сегодня вечером? Я только что сообразил, что у меня сегодня свободный вечер...

— Сегодня? — сказал Мак. — Ну, что же... Правда, сегодня у меня...

— Приходите вдвоём! — воскликнул прокурор. — Ещё лучше — я познакомлю вас с женой, получится прекрасный вечер... Восемь часов — вас устроит? Я пришлю за вами машину. Договорились?





—<sup>289</sup> Договорились.

*Договорились! —* ликуя, думал прокурор, обходя последние лаборатории отдела, улыбаясь, похлопывая и пожимая. *Договорились! —* думал он, подписывая акт в кабинете у Головастика. *Договорились, массаракиш, договорились! —* кричал он про себя торжествующе по дороге домой.

Он отдал распоряжение шофёру. Он приказал референту *сообщить в Департамент, что господин прокурор занят... никого не принимать, отключить телефоны и вообще убираться к дьяволу с глаз долой, но так, впрочем, чтобы всё время оставаться под рукой.* Он вызвал жену, поцеловал её в шею, вскользь припомнив, что не виделись они уже дней десять, и попросил её *распорядиться насчёт ужина, хорошего, лёгкого, вкусного ужина на четверых, быть за столом паинькой и приготовиться встретить очень интересного человека. И побольше вин, самых лучших и разных.*

Потом он заперся в кабинете, опять выложил на стол дело в зелёной папке и принялся продумывать заново, с самого начала. Его обеспокоили только один раз: курьер из Военного департамента принёс последнюю фронтовую сводку. Фронт развалился. Кто-то надоумил хонтийцев обратить внимание на заградотряды, и вчера ночью они расстреляли и уничтожили атомными снарядами до девяноста пяти процентов танков-излучателей. О судьбе прорвавшейся армии сведений больше не поступало... Это был конец. Это был конец войне. Это был конец генералу Шекагу и генералу Оду. Это был конец Очкарику, Чайнику, Туче и другим, помельче. Очень возможно, что это был конец Свёкру<sup>290</sup> и Шурина. И уж конечно это был бы конец Умнику, если бы Умник не был умником...

Он растворил сводку в стакане с водой и пошёл ходить кругами по кабинету. Он испытывал огромное облегчение. Теперь он,<sup>291</sup> по крайней мере,<sup>292</sup> точно знал, когда его вызовут наверх. Сначала они покончат со Свёкром и будут не меньше суток выбирать между Дергунчиком и Зубом. Затем им придётся повозиться с Очкариком и Тучей. Это ещё сутки. Ну, Чайника они прихлопнут мимоходом, а вот генерал Шекагу один отнимет у них не меньше двух суток. А потом и только потом... Потом у них уже больше не будет никакого «потом»...

Он не выходил из кабинета до самого приезда гостя.

Гость произвёл исключительно приятное впечатление. Он был великолепен. Он был настолько великолепен, что прокурорша, баба холодная, светская в самом страшном смысле слова, давным-давно в глазах прокурора уже не женщина, а старый боевой товарищ, при первом взгляде на Мака сбросила лет двадцать и вела себя чертовски естественно — она не могла бы вести себя естественнее, даже если бы знала, какую роль должен сыграть Мак в её судьбе.

289 В оригинале без тире, хотя явный ответ был наверняка дан. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

290 В оригинале снова (см. 182) варварское «Свекору», хотя так, возможно, и было задумано специально. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

291 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

292 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— А почему вы один? — удивилась она. — Муж заказал ужин на четверых...

— Да, действительно, — подхватил прокурор, — я понял так, что вы придете со своей дамой, я помню эту девушку, она из-за вас чуть не попала в беду...

— Она попала в беду, — сказал Мак спокойно. — Но об этом мы поговорим потом, с вашего разрешения. Куда прикажете идти? ...

Ужинали долго, весело, много смеялись, немножко пили. Прокурор рассказывал последние сплетни — разрешённые и рекомендуемые к распусканию Департаментом общественного здоровья. Прокурорша очень мило загибала нескромные анекдотцы, а Мак в юмористических тонах описал свой полёт на бомбовозе. Хохоча над его рассказом, прокурор с ужасом думал, что бы сейчас с ним было, если бы хоть одна ракета попала в цель...

Когда всё было съедено и выпито, прокурорша извинилась и предложила мужчинам доказать, что они способны просуществовать без дамы хотя бы час. Прокурор воинственно принял этот вызов, схватил Мака под руку и повлёл его в кабинет угощать вином, которое имели возможность дегустировать всего три или четыре десятка человек в стране.

Они расположились в мягких креслах по сторонам низенького столика в самом уютном углу кабинета, пригубили драгоценное вино и посмотрели друг на друга. Мак был очень серьёзен. Умница Мак явно знал, о чём пойдёт разговор, и прокурор вдруг отказался от первоначального плана беседы, хитроумной, изматывающей, построенной на полунамёках, рассчитанной на постепенное взаимопризнание. Судьба Рады, интрига Странника, козни Отцов — всё это не имело никакого значения. Он с удивительной, доводящей до отчаяния отчётливостью осознал, что всё его мастерство в такого рода беседах окажется лишним с этим человеком. Мак либо согласится, либо откажется. Это было предельно просто, так же, как и то, что прокурор либо будет жить, либо будет раздавлен через несколько дней. У него дрогнули пальцы, он поспешно поставил рюмку на столик и начал без всяких предисловий:

— Я знаю, Мак, что вы — подпольщик, член штаба и активный враг существующего порядка. Кроме того, вы — беглый каторжник и убийца экипажа танка специального назначения... Теперь обо мне. Я — государственный прокурор, доверенное лицо правительства, допущенное к высшим государственным тайнам, и тоже враг существующего порядка. Я предлагаю вам свергнуть Неизвестных Отцов. Когда я говорю: *вам, — я имею в виду вас и только вас, лично, вашей организации это не касается.* Прошу понять, что вмешательство подполья может только испортить дело. Я предлагаю вам заговор, который базируется на знании самой главной государственной тайны. Я сообщу вам эту тайну. *Только мы двое должны знать её. Если её узнает кто-нибудь третий, мы будем уничтожены в ближайшее же время.* Имейте в виду, что подполье и штаб кишат провокаторами. Поэтому не вздумайте доверяться кому-нибудь — и в особенности близким друзьям...

Прокурор залпом осушил свою рюмку, не почувствовав вкуса.





— Я знаю, где находится Центр. Вы — единственный человек, который способен этот Центр захватить. Я предлагаю вам разработанный план захвата Центра и последующих действий. Вы исполняете этот план и становитесь во главе государства. Я остаюсь при вас политическим и экономическим советником, поскольку в делах такого рода вы ни черта не смыслите. Ваша политическая программа мне в общих чертах известна: *использование Центра для перевоспитания народа в духе гуманности и высокой морали и на основе этого — построение в самом ближайшем будущем справедливого общества. Не возражаю. Согласен — уже просто потому, что ничего не может быть хуже нынешнего положения. У меня всё. Слово за вами.*

Мак молчал. Он крутил в пальцах драгоценный бокал с драгоценным вином и молчал. Прокурор ждал. Он не чувствовал своего тела. Ему казалось, что его здесь нет, что он висит где-то в небесной пустоте, смотрит вниз и видит мягко освещённый уютный уголок, молчащего Мака и рядом с ним в кресле — нечто мёртвое, окоченевшее, безгласное и бездыханное...

Потом Мак спросил:

— Сколько у меня шансов остаться в живых при захвате Центра?

— Пятьдесят на пятьдесят, — сказал прокурор. Вернее, это ему почудилось, что он сказал, потому что Мак сдвинул брови и снова уже громче повторил свой вопрос.

— Пятьдесят на пятьдесят, — хрипло сказал прокурор. — Может быть, даже больше. Не знаю.

Мак снова долго молчал.

— Хорошо, — сказал он, наконец. — Где находится Центр?

## 19.

Около полудня раздался телефонный звонок. Максим взял наушник. Голос прокурора сказал:

— Прошу господина Сима.

— Я слушаю, — отозвался Максим. — Здравствуйте.

Он сразу почувствовал, что случилось неладное.

— Он приехал, — сказал прокурор. — Начинайте немедленно. Это возможно?

— Да, — сказал Максим сквозь зубы. — Но вы мне кое-что обещали...

— Я ничего не успел, — сказал прокурор. В голосе его прорвалась паническая нотка. — И теперь уже не успеть. Начинайте немедленно, сейчас же, нельзя ждать ни минуты! Вы слышите, Мак?

— Хорошо, — сказал Максим. — У вас всё?

— Он едет к вам. Он будет у вас через тридцать-сорок минут.

— Понял. Теперь всё?

— Всё. Давайте, Мак, давайте. С богом!





Максим бросил наушник и несколько секунд посидел, соображая. *Массараки, всё летит кувырком... Впрочем, подумать я ещё успею...* Он снова схватил наушник.

— Профессора Аллу Зефа.

— Да! — рявкнул Зеф.

— Это Мак...

— Массаракш, я же просил не приставать ко мне сегодня...

— Заткнись и слушай. Немедленно спускайся в холл и жди меня...

— Массаракш, я занят!

Максим скрипнул зубами и покосился на лаборанта. Лаборант прилежно считал на арифмометре.

— Зеф, — сказал Максим. — Немедленно спускайся в холл. Тебе понятно. *Немедленно!* — Он отключился и набрал номер Вепря. Ему повезло: Вепрь оказался дома. — Это Мак. Выходите на улицу и ждите меня, есть срочное дело.

— Хорошо, — сказал Вепрь. — Иду.

Бросив наушник, Максим полез в стол, вытащил первую попавшуюся папку и перелистал бумаги, лихорадочно соображая, всё ли готово. *Машина в гараже, бомба в багажнике, горючего полный бак... оружия нет, и чёрт с ним, не надо оружия... документы а кармане, Вепрь ждёт... это я молодец, хорошо придумал про Вепря... правда, он может отказаться... нет, вряд ли он откажется, я бы не отказался... Всё. Кажется, всё...* Он сказал лаборанту:

— Меня вызывают, говори, что я в Департаменте строительства. Буду через час-два. Пока.

Он взял папку под мышку, вышел из лаборатории и сбежал по лестнице. Зеф уже расхаживал по холлу. Увидев Максима, он остановился, заложил руки за спину и набычился.

— Какого дьявола, массаракш... — начал он ещё издали.

Максим, не задерживаясь, схватил его под руку и потащил к выходу. «Что за дьявольщина? — бормотал Зеф, упираясь. — Куда? Зачем? ...» Максим вытолкнул его за дверь и по асфальтовой дорожке поволол за угол к гаражам. Вокруг было пусто, только на газоне вдалеке тарахтела травокосилка.

— Да куда ты меня, в конце концов, тащишь? — заорал Зеф.

— Молчи, — сказал Максим. — Слушай. Собери немедленно всех наших. Всех, когоймаешь... К чёрту вопросы. Слушай! Всех, когоймаешь. С оружием. Напротив ворот есть павильон, знаешь? ... Засядьте там. Ждите. Примерно через тридцать минут... Ты меня слушаешь, Зеф?

— Ну! — сказал Зеф нетерпеливо.

— Примерно через тридцать минут к воротам подъедет Странник...

— Он приехал?





— Не перебивай. Примерно через тридцать минут к воротам, может быть, подъедет Странник. Если не подъедет — хорошо. Просто сидите и ждите меня. А если подъедет — расстреляйте его.

— Ты что, свихнулся? — сказал Зеф, останавливаясь. Максим пошёл дальше, и Зеф с проклятиями побежал следом. — Нас же всех перебьют, массаракиш! Охрана! ... Шпики вокруг! ...

— Сделайте всё, что сможете, — сказал Максим. — Странника надо застрелить...

Они подошли к гаражу, Максим навалился на засов и откатил дверь.

— Какая-то безумная затея... — сказал Зеф. — Зачем? Почему Странника? Вполне приличный дядька, его все здесь любят...

— Как хочешь, — холодно сказал Максим. Он открыл багажник, ощупал сквозь промасленную бумагу запал с часовым механизмом и снова захлопнул крышку. — Я ничего не могу тебе сейчас рассказать. Но у нас есть шанс. Единственный... — Он сел за руль и вставил ключ в зажигание. — И ещё имей в виду: если вы не прикончите этого приличного дядьку, он прикончит меня. У тебя очень мало времени. Действуй, Зеф.

Он включил двигатель и задом выехал из гаража. Зеф остался в дверях. Первый раз в жизни Максим видел такого Зефа — испуганного, ошеломлённого, растерявшегося. Прощай, Зеф, сказал он про себя на всякий случай.

Машина подкатила к воротам. Гвардеец с каменным лицом неторопливо записал номер, открыл багажник, заглянул, закрыл багажник, вернулся к Максиму и спросил:

— Что вывозите?

— Рефрактометр, — сказал Максим, протягивая пропуск и разрешение на вывоз.

— «*Рефрактометр РЛ-7, инвентарный номер...*», — пробормотал гвардеец. — Сейчас я запишу...

— побыстрее, пожалуйста, я тороплюсь, — сказал Максим.

— Кто подписывал разрешение?

— Не знаю... Наверное, Головастик.

— Не знаете... Расписывался бы разборчивее, всё было бы в порядке...

Он, наконец, отворил ворота. Максим выкатил на трассу и выжал из своей тележки всё, что было можно. Если ничего не выйдет, подумал он, и я останусь жив, придётся удирать... Проклятый Странник, почуял, сукин сын, вернулся... А что я буду делать, если выйдет? Ничего не готово, схемы дворца нет — не успел Умник, и фотографии Отцов он тоже не достал... ребята не готовы, плана действий никакого нет... Проклятый Странник. Если бы не он, у меня было бы ещё три дня на разработку плана... Наверное, надо так: дворец, Отцы, телеграф и телефон, вокзалы, срочную депешу на каторгу — пусть Генерал собирает всех наших и валит сюда... Массаракиш, понятия не имею, как берут власть... А ведь ещё есть Гвардия... и армия... и штаб, массаракиш! Вот кто сразу оживится! Вот с







кого надо начинать. Ну, это дело Вепря, он будет рад этим заняться, он в этом хорошо разбирается... И ещё маячат где-то белые субмарины... Массаракиш, ведь ещё война! ...

Он включил радио. Сквозь бодрый марш нарочито хриплый диктор кричал:

— ... ещё и ещё раз продемонстрирована перед всем миром бесконечная мудрость Неизвестных Отцов<sup>293</sup> — теперь это военная мудрость! Будто вновь ожил стратегический гений Габеллу и Железного Воителя! Будто вновь поднялись славные тени наших воинственных непобедимых предков и рванулись в бой во главе наших танковых колонн! Хонтийские провокаторы и разжигатели конфликтов потерпели такое поражение, что никогда уже отныне не осмелятся сунуть нос через свои границы, никогда более не позарятся на нашу священную землю! Многотысячные армады бомбовозов, ракет, управляемых снарядов бросили хонтийские горе-вояки на наши города, но и тут победила не стратегия тупой силы и хищного напора, а мудрая стратегия тончайшего расчёта и ежесекундной готовности к отражению врага. Нет<sup>294</sup>, не зря мы терпели лишения, отдавали последние гроши на укрепление обороны, на создание непроницаемого панциря противобаллистической защиты! *«Наша система ПБЗ не имеет равных в мире»*, — заявил всего лишь полгода<sup>295</sup> назад фельдмаршал в отставке, кавалер двух Золотых Знамён Иза Петроцу. Старый вояка, ты был прав. Ни одна бомба, ни одна ракета, ни один снаряд не упали на священную землю Страны Отцов! *«Неодолимая сеть стальных башен — это не только наш несокрушимый щит, это символ гения и нечеловеческой проницательности тех, кому мы обязаны всем — наших Неизвестных Отцов»*, — пишет в сегодняшнем номере...

Максим выключил радио. Да, война, кажется кончилась. Впрочем, кто знает, что они ещё там готовят... Максим свернул с центральной улицы в узкий проулок между двумя гигантскими небоскрёбами розового камня и по булыжной мостовой, мимо длинной очереди в хлебную лавку, подкатил к ветхому почерневшему домику. Вепрь уже ждал, покуривая сигарету, прислонившись спиной к фонарному столбу. Когда машина остановилась, он бросил окурочек и, протиснувшись через маленькую дверцу, сел рядом с Максимом. Он был спокоен и холоден, как всегда.

— Здравствуйте, Мак, — сказал он. — Что случилось?

Максим развернул машину и снова выехал на главную улицу.

— Что такое термическая бомба — знаете? — спросил он.

— Слышал, — ответил Вепрь.

— Хорошо. С синхронными запалами имели когда-нибудь дело?

— Вчера, например, — сказал Вепрь.

— Отлично.

293 В оригинале вдруг «Неизвестных отцов», т. е. с заглавной буквы только первое слово. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

294 В оригинале «нет» с маленькой буквы в начале предложения. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

295 В оригинале «пол-года» через дефис. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





Некоторое время они ехали молча. Здесь было большое движение, и Максим отключился, сосредоточившись на том, чтобы прорваться, пробиться, протиснуться между огромными грузовиками и старыми воняющими автобусами, и никого не задеть, и не дать никому задеть себя, и попасть под зелёный свет, а потом снова попасть под зелёный свет, не теряя хотя бы ту жалкую скорость, которую они имели, и, наконец, их автомобильчик вырвался на Лесное шоссе, на знакомую автостраду, обсаженную огромными раскидистыми деревьями.

Забавно, подумал вдруг Максим. *По этой самой дороге я въезжал в этот мир, вернее, меня ввозил бедняга Фанк, а я ничего не соображал и думал, что он — специалист по пришельцам. А теперь по этой же дороге я, возможно, выезжаю из этого мира, и из мира вообще, да ещё увожу с собой хорошего человека...* Он покосился на Вепря. Лицо Вепря было совершенно спокойно, он сидел, выставив локоть протеза в окно, и ждал, когда ему объяснят. Может быть, он удивлялся, может быть, волновался, но это не было заметно, и Максим почувствовал гордость, что такой человек доверяет ему и полагается на него без оглядки.

— Я вам очень благодарен, Вепрь, — сказал он.

— Вот как? — произнёс Вепрь, повернув к нему сухое желтоватое лицо.

— Помните, однажды на заседании штаба вы отозвали меня в сторонку и дали мне несколько разумных советов?

— Помню.

— Так вот, я вам за это благодарен. Я вас послушался.

— Да, я заметил. Вы меня этим даже несколько разочаровали.

— Вы были правы тогда, — сказал Максим. — Я послушался ваших советов, и в результате дело повернулось так, что *мне предоставляется возможность проникнуть в Центр.*

Вепрь дёрнулся.

— *Сейчас?* — быстро спросил он.

— Да. Приходится спешить, я ничего не успел приготовить. Меня могут убить, и тогда всё будет напрасно. Поэтому я взял с собой вас.

— Говорите.

— Я войду в здание, вы останетесь в машине. Через некоторое время поднимется тревога, может быть, начнётся стрельба. Это не должно вас касаться. Вы продолжаете сидеть в машине и ждать. Вы ждёте... — Максим подумал, прикидывая. — Вы ждёте двадцать минут. Если в течение этого времени вы получите лучевой удар, значит, всё обошлось. Можете падать в обморок со счастливой улыбкой на лице... Если нет — выходите из машины. В багажнике лежит бомба с синхронным запалом на десять минут. Выгрузите бомбу на мостовую, включите запал и уезжайте. Будет паника. Очень больша́я паника. Постарайтесь выжать из неё всё, что только можно.

Некоторое время Вепрь размышлял.

— Вы не разрешите мне позвонить кое-куда? — спросил он.

— Нет, — сказал Максим.





— Видите ли, — сказал Вепрь, — если вас не убьют, то, насколько я понимаю, вам наверняка понадобятся люди, готовые к бою. Если вас убьют, люди понадобятся мне. Вы ведь для этого меня и взяли, на случай, если вас убьют... Но один я смогу только начать, а времени будет мало, и людей надо предупредить заранее. Вот я и хочу их предупредить.

— Штаб? — спросил Максим неприязненно.

— Ни в коем случае. *У меня есть своя группа.*

Максим молчал. Впереди уже поднималось серое пятиэтажное здание с каменной стеной вдоль фронтона. *То самое. Где-то там бродила по коридорам Рыба, орал и плевался разгневанный Бегемот. И там был Центр. Круг замыкался.*

— Ладно, — сказал Максим. — У входа есть телефон-автомат. Когда я войду внутрь — но не раньше! — можете выйти из машины и позвонить.

— Хорошо, — сказал Вепрь.

Они уже подъезжали к повороту автострады. Почему-то Максим вспомнил Радугу и представил себе, что с нею станет, если он не вернётся. *Плохо ей будет. А может быть, и ничего. Может быть, наоборот, её выпустят... Всё равно — одна. Гая нет, меня нет... Бедная девочка...*

— У вас есть семья? — спросил он Вепря.

— Да. Жена.

Максим покусал губу.

— Извините, что так неловко получилось, — пробормотал он.

— Ничего, — спокойно сказал Вепрь. — Я попрощался. Я всегда прощаюсь, когда ухожу из дому... Вот это, значит,<sup>296</sup> и есть Центр? Кто бы мог подумать... Все знают, что здесь телецентр и радиоцентр, а здесь, оказывается, ещё и просто Центр...

Максим остановился на стоянке, втиснувшись между ветхой малолитражкой и роскошным правительственным лимузином.

— Ну, всё, — сказал он. — Пожелайте мне удачи.

— От всей души... — сказал Вепрь. Голос его осёкся, и он закашлялся. — Всё-таки я дожил до этого дня, — пробормотал он.

Максим положил щёку на руль.

— Хорошо бы этот день пережить... — сказал он. — Хорошо бы увидеть вечер... — Вепрь посмотрел на него с тревогой. — Неохота идти, — объяснил Максим. — Ох, неохота... Кстати, Вепрь, имейте в виду и расскажите своим друзьям. *Вы живёте не на внутренней поверхности шара. Вы живёте на внешней поверхности шара. И таких шаров ещё множество в мире, на некоторых живут гораздо хуже вас, а на некоторых — гораздо лучше вас. Но нигде больше не живут глупее... Не верите? Ну и чёрт с вами. Я пошёл.*

Он распахнул дверцу и вылез наружу. Он прошёл по асфальтированной стоянке и стал подниматься по каменной лестнице, ступенька за ступенькой, нащупывая в кармане входной пропуск, который сделал для него прокурор, и внутренний пропуск, который сделал для него

296 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





прокурор, и простую розовую картонку, изображающую пропуск, который прокурор так и не сумел ни сделать, ни украсть для него. Было жарко, небо блестело, как алюминий, непроницаемое небо обитаемого острова. Каменные ступени жгли сквозь подмётки, а может быть, это только казалось. Всё было глупо. Вся затея была бездарной. На кой чёрт всё это делать, если подготовиться толком не успели... А вдруг там сидит не один офицер, а два? Или даже три офицера сидят в этой комнатке и ждут меня с автоматами наготове? ... Ротмистр Чачу стрелял из пистолета, калибр тот же, только пуль будет больше, и я уже не тот, что прежде, он уже основательно укатал меня, мой обитаемый остров. И уползти на этот раз не дадут... Я — дурак. Был дурак, дураком и остался. Купил меня господин прокурор, поймал на удочку... Но как он мне поверил? Уму непостижимо... Хорошо бы сейчас удрать в горы, подышать чистым горным воздухом, так мне и не довелось побывать в здешних горах... Очень люблю горы... Такой умный, недоверчивый человек — и доверил мне такую драгоценность! Величайшее сокровище этого мира! Это гнусное, отвратительное, подлое сокровище... Будь оно проклято, массаракиш, и ещё раз массаракиш, и ещё тридцать три раза массаракиш!

Он открыл стеклянную дверь и протянул гвардейцу входной пропуск. Потом он пересёк вестибюль — мимо девицы в очках, которая всё ставила штампы, мимо администратора в каскетке, который всё ругался с кем-то по телефону, — и у входа в коридор показал другому гвардейцу внутренний пропуск. Гвардеец кивнул ему, они были уже, можно сказать, знакомы: последние три дня Максим приходил сюда ежедневно.

Дальше.

Он прошёл по длинному, без дверей, коридору и свернул налево. Здесь он был всего второй раз. Первый раз — позавчера, по ошибке. («Вам собственно куда нужно, сударь?» — «Мне собственно нужно в шестнадцатую комнату, капрал». — «Вы ошиблись, сударь. Вам — в следующий коридор». — «Извините, капрал, виноват. Действительно...»)

Он подал капралу внутренний пропуск и покосился на двух здоровенных гвардейцев с автоматами, неподвижно стоящих по сторонам двери напротив. Потом взглянул на дверь, в которую ему предстояло войти. «ОТДЕЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕВОЗОК». Капрал внимательно рассматривал пропуск, потом, всё ещё продолжая рассматривать, нажал какую-то кнопку в стене, за дверью зазвенел звонок. Теперь он там приготовился, офицер, который сидит рядом с зелёной портьерой. Или два офицера приготовились. Или, может быть, даже три офицера... Они ждут, когда я войду. И если я испугаюсь их и выскочу обратно, меня встретит капрал, и встретят гвардейцы, охраняющие дверь без таблички, за которой должно быть полно-полно солдат.

Капрал вернул пропуск и сказал:

— Прошу. Приготовьте документы.

Максим, доставая розовую картонку, раскрыл дверь и шагнул в комнату.

Массаракиш.

Так и есть.







*Не одна комната. Три. Анфиладой. И в конце — зелёная портьера. И ковровая дорожка из-под ног до самой портьеры. По крайней мере, тридцать метров.*

*И не два офицера. Даже не три. Шестеро.*

*Двое в армейском сером — в первой комнате. Уже навели автоматы.*

*Двое в гвардейском чёрном — во второй комнате. Ещё не навели, но тоже готовы.*

*Двое в штатском — по сторонам зелёной портьеры в третьей комнате. Один повернул голову, смотрит куда-то вбок...*

*Ну, Мак!*

*Он рванулся вперёд. Получилось что-то вроде тройного прыжка с места. Он ещё успел подумать: не порвать бы сухожилия. Туго ударил в лицо воздух.*

*Зелёная портьера. Штатский слева смотрит в сторону, шея открыта. Ребром ладони.*

*Штатский справа, вероятно, мигает. Веки неподвижно полуопущены. Сверху по темени, и — в лифт.*

*В лифте темно. Где кнопка? Массаракиш, где кнопка?*

*Медленно и гулко застучал автомат, и сразу — второй. Ну, что ж, отличная реакция. Ду-ут... ду-ут... ду-ут... Но это пока ещё — в дверь, в то место, где они меня видели. Они ещё не поняли, что произошло. Это просто рефлекс.*

*Кнопка!*

*Поперёк портьеры косо, сверху вниз, медленно движется тень, — падает кто-то из штатских.*

*Массаракиш, вот<sup>297</sup> она — на самом видном месте...*

*Он нажал кнопку, и кабина пошла вниз. Лифт был скоростной, кабина ползла довольно быстро. Заболела толчковая нога. Неужели всё-таки растянул? ... Впрочем, теперь это неважно... Массаракиш, да я же прорвался!*

*Кабина остановилась, Максим выскочил, и сейчас же в шахте загрохотало, зазвенело, полетели щепки. Сверху в три ствола били по крыше кабины. Ладно, ладно, бейте... Сейчас они сообразят, что не стрелять надо, а поднять лифт обратно и спуститься самим... Проморгали, растерялись...*

*Он огляделся. Массаракиш, опять не то... Не один вход, а три. Три совершенно одинаковых тоннеля... Ага, это просто сменные генераторы. Один работает, два на профилактике... Какой же сейчас работает? Так, кажется, вот этот...*

*Он бросился в средний тоннель. За спиной зарычал лифт. Нет-нет, уже поздно... Не те скорости, не успеете... хотя тоннель, надо сказать, длинный, и нога болит... Ну, вот и поворот, теперь вы меня вообще не достанете... Он добежал до генераторов, басовито урчащих под стальной плитой, остановился и несколько секунд отдыхал, опутив рюки. Так,*

297 В оригинале запятая. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





три четверти дела сделано. Даже семь восьмых... осталась чепуха, одна вторая одной тридцать четвёртой... сейчас они спустятся в лифте, сунутся в тоннель, они наверняка ни черта не знают, депрессионное излучение погонит их обратно... Что ещё может случиться? Швырнут по коридору газовую гранату. Вряд ли, откуда она у них... Вот тревогу они уже, наверное, подняли. Отцы могли бы, конечно, выключить депрессионный барьер... Ох, не решатся они, не решатся и не успеют, потому что им же надо собраться внятером, с пятью ключами, договориться, сообразить, не проделка ли это одного из них, не провокация ли это... Ну в самом деле, кто в целом мире может прорваться сюда, через лучевой барьер? Странник, если он тайно изобрёл защиту? Его задержали бы шестеро с автоматами... А больше некому... И вот, пока они будут ругаться, выяснять, соображать, я закончу дело...

В тоннеле за углом ударили в темноту автоматы. Разрешается. Не возражаю... Он наклонился над распределяющим устройством, осторожно снял кожух и зашвырнул в угол. М-да, крайне примитивная штука. Хорошо, что я сообразил подчитать кое-что по здешней электронике... Он запустил пальцы в схему... А если бы не сообразил? А если бы Странник приехал позавчера? Н-да, господа мои... Массаракиш, как током бьётся! ... Да, господа мои, оказался бы я в положении эмбриомеханика, которому надо срочно разобраться... даже не знаю, в чём... В паровом котле? Разобрался бы эмбриомеханик... В верблюжьей упряжи? ... Да, в верблюжьей упряжи! А? Ну, как, эмбриомеханик<sup>298</sup>, — разобрался бы? Вряд ли... Массаракиш, да что у них здесь всё без изоляции? ... Ага, вот ты где... Ну, с богом, как говорит господин государственный прокурор!

Он сел прямо на пол перед распределителем и тыльной стороной руки вытер лоб. Дело было сделано. Огромной силы удар депрессионного поля обрушился на всю страну — от Заречья до хонтийской границы, от океана до Алебастрового хребта.

Автоматы за углом перестали стрелять. Господа офицеры были в депрессии. Сейчас я посмотрю, что это такое: господа офицеры в депрессии.

Господин прокурор впервые в жизни обрадовался лучевому удару. Не желаю смотреть на этого типа.

Неизвестные Отцы, так и не успев разобраться и сообразить, корчатся от боли, откинув копыта, как говаривал ротмистр Чачу. Ротмистр Чачу, кстати, тоже в глубокой депрессии, и мысль об этом меня восхищает.

Зеф с ребятами тоже лежат, откинув копыта. Простите, ребята, но так надо.

Странник! Как это здорово: страшный Странник тоже лежит, откинув копыта, расстелив по полу свои огромные уши — самые огромные уши во всей стране. Впрочем, может быть, его уже пристрелили. Это было бы ещё лучше.

Рада, моя маленькая бедная Рада, лежит в депрессии. Ничего, девочка, это, наверное, не больно и вообще скоро кончится...

298 В оригинале «эмбриомеханик» вдруг с двумя «нн». (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Вепрь...

Он вскочил. Сколько прошло времени? Он рванулся назад по тоннелю. Вепрь тоже лежит, откинув копыта, но если он услышал стрельбу, у него могли не выдержать нервы... Это, конечно, в высшей степени сомнительно — нервы у Вепря, но кто знает! ...

Он подбежал к лифту, на секунду задержавшись взглянуть на господ офицеров в депрессии. Зрелище было тяжёлое: все трое плакали, побросав автоматы, у них не было даже сил утереть слёзы и сопли. Ладно, поплачьте, это полезно, поплачьте над моим Гаем, поплачьте над Птицей... над Гэлом... над моим Лесником... надо полагать, вы не плакали с детства и,<sup>299</sup> уж во всяком случае,<sup>300</sup> вы не плакали над теми, кого убивали. Так поплачьте хоть перед смертью...

Лифт стремглав вынес его на поверхность. Анфилада комнат была полна народа: офицеры, солдаты, капралы, армейцы, гвардейцы, штатские, все при оружии, все лежат, сидят, пригорюнясь, некоторые плачут в голос, один бормочет, трясёт головой и стучит себя в грудь кулаком... а этот вот застрелился... Массаракиш, страшная штука — Чёрное Излучение, недаром Отцы приберегали его на чёрный день...

Он выбежал в вестибюль, перепрыгивая через бессильно шевелившихся людей, чуть не кубарем скатился по каменным ступенькам и остановился перед своим автомобилем, с облегчением переводя дух. Нервы у Вепря выдержали. Вепрь полулежал на переднем сидении с закрытыми глазами.

Максим вытащил из багажника бомбу, освободил её от промасленной бумаги, осторожно взял под мышку и, не торопясь, вернулся к лифту. Он тщательно осмотрел запал, включил часовой механизм, уложил бомбу в кабину и нажал кнопку. Кабина провалилась, унося в преисподнюю огненное озеро, которое выльется на свободу через десять минут. Точнее, через девять минут с секундами...

Он побежал обратно.

В автомобиле он осторожно посадил Вепря более или менее прямо, сел за руль и вывел машину со стоянки. Серое здание нависало над ним, тяжёлое, нелепое, обречённое, битком набитое обречёнными людьми, не способными ни передвигаться, ни понимать, что происходит.

Это было гнездо, жуткое змеиное гнездо, набитое отборнейшей дрянью, специально, заботливо отобранной дрянью, эта дрянь собрана здесь специально для того, чтобы превращать в дрянь всех, до кого достаёт гнусная ворожба радио, телевидения и излучения башен. Все они там — враги, и каждый ни на секунду не задумался бы изрежетить пулями, предать, раснять меня, Вепря, Зефа, Раду, всех моих друзей и любимых... И всё же хорошо, что я вспомнил об этом только сейчас. Раньше такая мысль мне бы помешала. Я бы сразу вспомнил Рыбу... Единственный человек в обречённом змеином гнезде, да и тот — Рыба... А что — Рыба? — подумал он. Что я о ней, в конце концов, знаю? Учила меня говорить? Убирала за мной постель? ... Ну-ка, оставь Рыбу в покое, ты отлично

299 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

300 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))







понимаешь, что дело не только в Рыбе. Дело в том, что с сегодняшнего дня ты выходишь драться всерьёз, насмерть, как все здесь дерутся, и драться тебе придётся с дурачьём — со злобным дурачьём, которое оболванено излучением; с хитрым, невежественным, жадным дурачьём, которое направляло это излучение; с благоустремлённым дурачьём, которое радо было бы с помощью излучения превратить кукол злобных, осатаневших, в кукол умилённых, квази-добрых... И все они будут стремиться убить тебя, и твоих друзей, и твоё дело, потому что — запомни это хорошенько, усвой на всю жизнь! — потому что в этом мире не знают других способов переубеждать инакомыслящих... Колдун сказал: пусть совесть не мешает мыслить ясно, пусть разум научится при необходимости заглушать совесть. Правильно, подумал он. Горькая правильность, страшная правильность... То, что я сейчас сделал, здесь называется подвигом. И Вепрь дожил до этого дня. И в этот день верили как в добрую сказку Лесник, Птица, Зелёный, и Гэл Кетшеф, и мой Гай, и ещё десятки и сотни, и тысячи людей, которых я никогда не видел... И всё-таки мне нехорошо. И если я хочу, чтобы в дальнейшем мне доверяли и шли за мной, я никогда и никому не должен рассказывать, что главный мой подвиг я совершил не тогда, когда скакал и бегал под пулями, а вот сейчас, когда ещё есть время пойти и разрядить бомбу, а я гоню и гоню машину прочь от проклятого места...

Он гнал по прямой автостраде, там, где полгода<sup>301</sup> назад Фанк вёз его на своём роскошном лимузине в обгон бесконечной колонны броневиков, мчал, чтобы передать из рук в руки Страннику... и теперь понятно — зачем... Неужели он уже тогда знал, что я нейтрален к излучению, что я ничего не понимаю и мною можно вертеть, как угодно? Значит, знал, Странник, знал, проклятый. И значит, это действительно дьявол, самый страшный человек в стране и, может быть, на планете. «Он знает всё», — сказал государственный прокурор, боязливо оглядываясь через плечо... Нет, не всё. Ты обставил Странника, Мак. Ты выиграл у дьявола. И теперь надо его добить, пока не поздно, пока он ещё не очухался, а может быть, его уже добили — прямо у ворот его собственного логова... Ох, не верю, не верю, не по плечу это ребятам, у Волдыря было двадцать четыре родственника с пулемётами... Массаракиш! Да, я не знаю, как делаются революции. Я ничего не подготовил, чтобы захватить телеграф, телефон, мосты в первую голову, у меня почти нет людей, рядовые подпольщики меня не знают, а штаб будет против меня... я не успел даже сообщить Генералу на каторгу, чтобы он был готов поднять политических и гнать их эшелонам сюда. Но что бы там ни случилось, со Странником я должен покончить. Суметь покончить со Странником и суметь продержаться несколько часов, пока армию и Гвардию не свалит лучевое голодание. Никто ведь из них не знает о лучевом голодании, даже Странник, наверное, не знает, откуда ему знать, ведь во всей стране только я вывозил бедного Гая за пределы лучевого поля...

На шоссе было полно машин. Все они стояли кое-как — поперёк, наискосок, завалившись в кюветы. Раздавленные депрессией водители и пассажиры сидели, пригорюнясь, на подножках, бессильно свисали с сидений, валялись у обочин. Всё это мешало, всё время приходилось

301 В оригинале «пол-года» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







притормаживать, огибать, объезжать, и Максим не сразу заметил, что навстречу ему, со стороны города, тоже огибая и объезжая, но почти не притормаживая, движется плоский, ярко-жёлтый правительственный автомобиль.

Они встретились на сравнительно свободном участке шоссе и проскочили друг мимо друга, едва не столкнувшись, и Максим успел заметить голый череп, круглые зелёные глаза и огромные оттопыренные уши, и весь поджался, потому что *всё снова шло кувырком... Странник! Массаракиш! Вся страна валяется в депрессии, все выродки валяются в обмороке, а этот гад, этот дьявол, опять как-то вывернулся! Значит, он всё-таки придумал свою защиту... И оружия нет...* Максим посмотрел в зеркальце: длинная жёлтая машина разворачивалась. Ну, что ж, придётся обойтись без оружия. Уж<sup>302</sup> с этим-то совесть меня мучить не будет... Максим нажал на акселератор. Скорость, скорость... ну, милая, ещё... Жёлтый плоский капот надвигался, рос, уже видны над рулём зелёные пристальные глаза...

*Ну, Мак!*

Максим растопырился, упёрся, одной рукой загородил Вепря и изо всех сил надавил на тормоз.

В раздирающем вое и визге тормозов жёлтый капот со скрежетом и хрустом вломился ему в багажник<sup>303</sup> и,<sup>304</sup> сминаясь гармошкой, встал дыбом. Посыпались стёкла. Максим ногой вышиб дверь и вывалился наружу. Больно было ужасно, боль была в пятке, в разбитом колене, в ободранной руке, но он забыл о ней через мгновение, потому что *Странник уже стоял перед ним. Это было невозможно, но это было. Дьявол, дьявол — длинный, сухой, грозный, с отведённой для удара рукой...*

Максим бросился на него, вложив в этот бросок всё, что у него ещё оставалось. *Мимо! И страшный удар в затылок...* Мир накренился, чуть не упал, но не упал всё-таки, а Странник снова перед глазами, снова голый череп, пристальные зелёные глаза и рука, отведённая для удара... *Стоп, остановись, он промахнётся... Ага! ... Куда это он смотрит? ... Ну, нас на это не купишь...* Странник с застывшим лицом уставился поверх головы Максима, и Максим бросился снова и на этот раз попал. Длинный чёрный человек согнулся пополам и медленно повалился на асфальт. Тогда Максим обернулся.

Серый куб Центра был прекрасно виден отсюда, и он больше не был кубом. Он плющился на глазах, отекал и проваливался внутрь себя, над ним поднимался дрожащий знойный воздух, и пар, и дым, и что-то ослепительно белое, жаркое даже здесь, страшно и весело выглядывало сквозь длинные вертикальные трещины и оконные дыры... Ладно, там все в порядке... Максим с торжеством повернулся к Страннику. Дьявол лежал на боку, обхватив живот длинными руками, глаза его были закрыты. Максим осторожно придвинулся. Из покорёженной малолитражки высунулся Вепрь. Он возился и ёрзал, пытаясь выбраться наружу. Максим остановился рядом

302 В оригинале «У». (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

303 В оригинале запятая. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

304 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





со Странником и наклонился, примериваясь, как ударить, чтобы покончить сразу. Массаракш, проклятая рука не поднималась на лежащего... И тогда Странник приоткрыл глаза и сипло произнёс:

— Dummkopf! Rotznase!<sup>305</sup>

Максим не сразу его понял, а когда понял, у него подкосились ноги.

*Дурак...*

*Сопляк...*

*Дурак...*

*Сопляк...*

Потом из серой гулкой пустоты донёлся голос Вепря:

— Отойдите-ка, Мак, у меня пистолет.

Максим, не глядя, поймал его за руку.

Странник с трудом сел, всё ещё держась за живот.

— С-сопляк... — прошипел он с трудом. — Не стойте столбом... ищите машину, живо, живо... Да не стойте же, поворачивайтесь!

Максим тупо огляделся. Шоссе оживало. Центра больше не было, он превратился в лужу расплавленного металла, в пар, в смрад, башни больше не работали, куклы перестали быть куклами. Ошеломлённые люди, приходя в себя, хмуро озирались, топтались возле своих машин, пытаясь сообразить, что с ними произошло, как они сюда попали, что делать дальше.

— Кто вы такой? — спросил Вепрь.

— Не ваше дело, — сказал Странник по-немецки. Ему было больно, он кряхтел и задыхался.

— Не понимаю, — сказал Вепрь, приподнимая ствол пистолета.

— Каммерер... — позвал Странник. — Заткните глотку своему террористу... и ищите машину...

— Какую машину... — сказал Максим тупо и беспомощно.

— Массаракш... — прокряхтел Странник. Он кое-как поднялся, всё ещё сутулясь, прижимая ладонь к животу, неверными шагами подошёл к Максиму автомобильчику и пролез внутрь. — Садитесь... быстро! — сказал он уже из-за руля. Потом он оглянулся через плечо на окрашенный пламенем столб дыма. — Что вы туда подбросили? — спросил он безнадежно.

— Термическую бомбу.

— В подвал или в вестибюль?

— В подвал, — сказал Максим.

Странник застонал, посидел немного, откинув голову, потом включил двигатель. Машина затряслась и задрезжала.

— Да садитесь же вы, наконец! — заорал он.

— Кто это такой? — спросил Вепрь. — Хонтиец?

Максим помотал головой, рывком открыл заднюю заклинившуюся дверцу и сказал ему:

305 В оригинале «Dummkopf! Rotznase!», явно подразумевается немецкий язык, в переводе действительно: «Дурак, болван, олух! Сопляк!». (прим. ред. Alex.Rus.UA)





— Полезайте.

Сам он обошёл машину и сел рядом со Странником. Автомобиль дёрнулся, в нём что-то завизжало, треснуло, но он уже катился по шоссе, нелепо вихляясь, дребезжа незакрывающимися дверцами и громко стреляя глушителем.

— Что вы теперь намерены делать? — спросил Странник.

— Погодите... — попросил Максим. — Скажите хоть, кто вы такой?

— Я — работник Галактической безопасности, — сказал Странник с горечью. — Я сижу здесь уже пять лет. Мы готовим спасение этой несчастной планеты. Тщательно, бережно, с учётом всех возможных последствий. Всех, понимаете? ... А вот кто вы такой? Кто вы такой, что лезете не в своё дело, путаете нам карты, взрываете, стреляете, — кто вы такой?

— Я не знал... — произнёс Максим упавшим голосом. — Откуда мне было знать? ...

— Да, конечно, вы ничего не знали. Но вы же знали, что самодеятельное вмешательство запрещено, вы же работник ГСП... Должны были знать... На Земле мать по нему с ума сходит... Девушки какие-то звонят непрерывно... отец работу забросил... Что вы намеревались делать дальше?

— Я намеревался застрелить вас, — сказал Максим.

— Что-о-о?

Машина вильнула.

— Да, — покорно сказал Максим. — А что мне было делать? Мне сказали, что вы здесь главный негодяй, и... — он усмехнулся, — и в это нетрудно было поверить...

Странник искоса глядел на него круглым зелёным глазом.

— Ну, ладно. А дальше?

— А дальше должна начаться революция.

— Чего это ради?

— Но Центр-то ведь разрушен, излучения больше нет...

— Ну и что же?

— Теперь они сразу поймут, что их угнетают, что жизнь у них дрянная, и поднимутся...

— Куда они поднимутся? — сказал Странник печально. — Кто поднимется? Известные Отцы живут и здравствуют, Гвардия цела и невредима, армия отмобилизована, в стране военное положение... На что вы рассчитывали?

Максим опустил голову. Можно было бы, конечно, изложить этому печальному чудовищу свои планы, перспективы и прочее, но что толку, раз ничего не готово, раз всё так получилось...

— Рассчитывать они будут сами, — он показал через плечо на Вепря. — Вот этот человек, например, пусть рассчитывает... Моё дело было — дать им возможность рассчитывать.





— Ваше дело... — пробормотал Странник. — Ваше дело было — сидеть в уголке и ждать, пока я вас поймаю...

— Да, наверное, — сказал Максим. — В следующий раз я буду иметь это в виду...

— Сегодня же отправитесь на Землю, — жёстко сказал Странник.

— И не подумаю, — возразил Максим.

— *Сегодня вы отправитесь на Землю!* — повысив голос, повторил Странник. — На этой планете у меня хватает забот и без вас. Забирайте свою Раду и отправляйтесь...

— Рада у вас? — быстро спросил Максим.

— Да. Давно у меня. Жива и здорова, не беспокойтесь.

— За Раду — спасибо, — сказал Максим. — Большое спасибо...

Машина въехала в город. На главной улице гудела, дымила и чадила чудовищная пробка. Странник свернул в проулок и поехал трущобами. Тут всё было мертво. На углах столбом, руки за спиной, лицо под боевой каской, торчали чины военной полиции. *Да, здесь на события отреагировали быстро. Общая тревога, и все на местах,*<sup>306</sup> *как только очнулись от депрессии. Может быть, не надо было сразу взрывать, может быть, надо было действовать по плану прокурора? ... Нет, нет, массараки! Пусть всё идёт, как идёт. Пусть он мне не выговаривает зря. Пусть они сами разберутся, что к чему, они ведь обязательно разберутся, как только у них прояснится в голове...* Странник снова вывернул на главную магистраль. Вепрь деликатно похлопал его по плечу стволом пистолета<sup>307</sup>.

— Будьте добры, высадите меня. Вот здесь. Вон, где люди стоят...

Возле газетного киоска, засунув руки глубоко в карманы длинных серых плащей, стояли люди — человек пять, а кроме них на тротуарах никого не было, очевидно, депрессионный удар сильно напугал жителей, и они попрятались, кто куда.

— А что вы намерены делать? — спросил Странник, замедляя ход.

— Дышать свежим воздухом, — ответил Вепрь. — Сегодня на редкость славная погода...

— Это наш человек, — сказал ему Максим. (Странник страшно осклабился.) — при нём можно говорить всё.

Автомобиль остановился у обочины. Люди в плащах зашли за киоск. Видно было, как они выглядывают оттуда.

— *Наш?* — переспросил Вепрь. — Чей это — *наш?*

Максим в затруднении поглядел на Странника. Странник и не думал помогать ему.

— Впрочем, ладно, — сказал Вепрь. — Вам я верю. Мы сейчас займёмся штабом. Я полагаю, что начинать нужно со штаба. Там есть люди — вы знаете, о ком я говорю, — которых надо убрать, пока они не оседлали движение...

306 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

307 В оригинале «пистолете». (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— Правильная мысль... — пробурчал вдруг Странник. — Между прочим, я вас, кажется, узнаю. Вы — Тик Феску, по кличке Вепрь. Так?

— Совершенно верно, — вежливо сказал Вепрь. Потом он сказал Максиму: — А вы займитесь Отцами. Это трудное дело, но оно как раз для вас. Где вас искать?

— Погодите, Вепрь, — сказал Максим. — Я чуть не забыл. Через несколько часов вся страна на много суток свалится от лучевого голодания. Все будут абсолютно беспомощны...

— Все? — с сомнением спросил Вепрь.

— Все, кроме выродков. Это время, эти несколько суток, нужно использовать...

Вепрь подумал, подняв брови.

— Что ж, прекрасно, — сказал он. — Если это правда... Впрочем, мы-то будем заниматься как раз выродками. Но я буду иметь это в виду. Так где вас искать?

Максим не успел ответить.

— По прежнему телефону, — сказал Странник. — И на прежнем месте. И вот что. Создавайте свой комитет, раз уж так получилось. Восстанавливайте ту же организацию, что была при империи. Кое-кто из ваших людей работает у меня в институте... Массаракш! — прошипел он вдруг. — Ни времени нет, ни людей нужных под руками нет... Чёрт бы вас подрал, Мак!

— Самое главное, — сказал Вепрь, положив руку Максиму на плечо, — это что нет больше Центра. Вы молодец, Мак. Спасибо... — Он стиснул Максиму плечо и неловко, цепляясь протезом, полез из машины. Потом его вдруг прорвало. — Господи, — произнёс он, стоя рядом с машиной с закрытыми глазами. — Неужели его на самом деле больше нет? Это же... Это...

— Закройте дверь, — сказал Странник. — Покрепче, крепче...

Автомобиль с места рванулся вперёд. Максим оглянулся. Вепрь стоял посреди кучки людей в серых плащах и что-то говорил, размахивая здоровой рукой. Люди стояли неподвижно. *Они ещё не поняли. Или не верили.*

Улица была пуста. Вдоль тротуаров катили навстречу бронетранспортёры с гвардейцами, а далеко впереди, там, где был поворот к департаменту,<sup>308</sup> уже стояли поперёк дороги машины и перебежали фигурки в чёрном. И вдруг в колонне бронетранспортёров объявились до тошноты знакомая ярко-оранжевая патрульная машина с длинной телескопической антенной.

— Массаракш... — пробормотал Максим. — Я совсем забыл про эти штуки!

— Ты многое забыл, — проворчал Странник. — Ты забыл про передвижные излучатели, ты забыл про Островную Империю, ты забыл про экономику... Тебе известно, что в стране инфляция? ... Тебе вообще известно, что такое инфляция? Тебе известно, что надвигается голод, что

308 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





земля не родит? ... Тебе известно, что мы не успели создать здесь ни запасов хлеба, ни запасов медикаментов? Ты знаешь, что это твоё *лучевое голодание в двадцати процентах случаев приводит к шизофрении?* А? — Он вытер ладонью могучий залысый лоб. — Нам нужны врачи... двенадцать тысяч врачей. Нам нужны белковые синтезаторы. Нам необходимо дезактивировать сто миллионов гектаров заражённой почвы — для начала. Нам нужно остановить вырождение биосферы... Массаракш, нам нужен хотя бы один землянин на Островах, в адмиралтействе этого мерзавца... Никто не может там удержаться, никто из наших не может хотя бы вернуться и рассказать толком, *что там происходит...*

Максим молчал. Они подъехали к машинам, загораживающим проезд, темнолицый коренастый офицер, странно-знакомо отмахивая рукой, подошёл к ним и каркающим голосом потребовал документы. Странник зло и нетерпеливо сунул ему под нос блестящий жетон. Офицер угрюмо откозырял и взглянул на Максима. *Это был господин ротмистр... нет — теперь уже бригадир Гвардии Чачу.* Глаза его расширились.

— Этот человек с вами, ваше превосходительство? — спросил он.

— Да. Немедленно прикажите пропустить меня.

— Прошу прощения, ваше превосходительство, но этот человек...

— Немедленно пропустить! — гаркнул Странник.

Бригадир Чачу угрюмо козырнул, повернулся и махнул солдатам. Один из грузовиков отъехал, и Странник бросил машину в открывшийся проход.

— Вот так-то, — проговорил он. — Они готовы, они всегда были готовы. А ты думал — раз-два и всё... Пристрелить Странника, повесить Отцов, разогнать трусов и фашистов в штабе — и конец революции...

— *Я никогда так не думал,* — сказал Максим. Он чувствовал себя очень несчастным, раздавленным, беспомощным, безнадёжно глупым.

Странник покосился на него, кривовато усмехнулся.

— Ну, ладно, ладно, — сказал он. — *Я просто зол. Не на тебя — на себя. Это я отвечаю за всё, что здесь происходит, и это моя вина, что так получилось. Я просто не попевал за тобой...* — Он снова усмехнулся. — *Быстрые вы, однако, там ребята — в ГСП...*

— Нет, — сказал Максим. — Вы не казнитесь так. Я ведь не казнюсь... Простите, как вас зовут?

— Зовите меня Рудольф.

— Да... Я вот не казнюсь, Рудольф. И не собираюсь. Я собираюсь работать. Делать революцию.

— Собирайся лучше домой, — сказал Странник.

— Я дома, — сказал Максим нетерпеливо. — Не будем об этом больше... Меня интересуют передвижные излучатели. Что с ними делать?

— С ними ничего не надо делать, — ответил Странник. — Подумай лучше, что делать с инфляцией...

— Я спрашиваю про излучатели, — сказал Максим.

Странник вздохнул.





— Они работают от аккумуляторов, — сказал он. — И зарядить их можно только у меня в институте. Через трое суток они сдохнут... Но вот через месяц должно начаться вторжение. Обычно нам удаётся сбивать субмарины с курса, так что до побережья доходят только единицы. Но на этот раз они готовят армаду... Я рассчитывал на депрессионное излучение, а теперь их придётся просто топить... — Он помолчал. — Значит, ты — дома. Ну, предположим... И чем же ты конкретно намерен теперь заниматься?

Они подъезжали к Департаменту. Тяжёлые ворота были закрыты наглухо, в каменной ограде чернели амбразуры, которых Максим раньше никогда не видел. Департамент стал похож на крепость, готовую к бою. А около павильончика стояли трое, и рыжая борода Зефа горела в зелени, как экзотический цветок.

— Не знаю, — сказал Максим. — Я буду делать то, что мне прикажут знающие люди. Если понадобится, я займусь инфляцией. Если придётся, я буду топить субмарины... Но свою главную задачу я знаю твёрдо: пока я жив, никому здесь не удастся построить ещё один Центр. Даже с самыми лучшими намерениями...

Странник промолчал. Ворота были уже совсем близко. Зеф продрался через живую изгородь и вышел на дорогу. Через плечо у него висел автомат, и было издали видно, что он зол, ничего не понимает и сейчас со страшными проклятиями потребует объяснений, почему его, массаракш, оторвали от работы, задурили ему голову Странником и заставляют, как мальчишку, торчать здесь,<sup>309</sup> среди цветочков уже второй час подряд.

**1968 © А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий**

309 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)









## «Пикник на обочине»

### Описание

Сюжет знаменитой повести «Пикник на обочине» (1972 г.) разворачивается вокруг так называемой Зоны, образовавшейся на Земле после вторжения пришельцев — места,<sup>310</sup> наполненного страшными и непонятными чудесами. Главный герой повести Рэдрик Шухарт — профессиональный сталкер — человек, умеющий выносить из Зоны загадочные инопланетные предметы. И есть легенда о Золотом Шаре, находящемся где-то там, в глубине Зоны. Прорваться к нему почти невозможно, но он, по слухам, исполняет все желания. Сколько смельчаков сгубили себя, пытаясь добраться до вожаемого чуда! Именно Рэдрику удаётся сделать это...

**«Ты должна сделать добро из  
зла, потому что его больше не  
из чего сделать.»  
(Р. П. Уоррен)**

**Из интервью, которое  
специальный корреспондент  
Хармонтского радио взял у  
доктора Валентина Пильмана по  
случаю присуждения последнему  
Нобелевской премии по физике за  
19... год:**

— ... Вероятно, вашим первым серьёзным открытием, доктор Пильман, следует считать так называемый радиант Пильмана?

— Полагаю, что нет. Радиант Пильмана — это не первое, не серьёзное и, собственно, не открытие. И не совсем моё.

— Вы, вероятно, шутите, доктор. Радиант Пильмана — понятие, известное всякому школьнику.

— Это меня не удивляет. Радиант Пильмана и был открыт впервые именно школьником. К сожалению, я не помню, как его звали. Посмотрите у Стетсона в его «Истории Посещения» — там всё это подробно рассказано. Открыл радиант впервые школьник, опубликовал координаты впервые студент, а назвали радиант почему-то моим именем.

310 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





— Да, с открытиями происходят иногда удивительные вещи. Не могли бы вы объяснить нашим слушателям, доктор Пильман...

— Послушайте, земляк. Радиант Пильмана — это совсем простая штука. Представьте себе, что вы раскрутили большой глобус и принялись палить в него из револьвера. Дырки на глобусе лягут на некую плавную кривую. Вся суть того, что вы называете моим первым серьёзным открытием, заключается в простом факте: все шесть Зон Посещения располагаются на поверхности нашей планеты так, словно кто-то дал по Земле шесть выстрелов из пистолета, расположенного где-то на линии Земля-Денеб. Денеб — это альфа созвездия Лебедя, а точка на небесном своде, из которой, так сказать, стреляли, и называется радиантом Пильмана.

— Благодарю вас, доктор. Дорогие хармонтцы! Наконец-то нам толком объяснили, что такое радиант Пильмана! Кстати, позавчера исполнилось ровно тринадцать лет со дня Посещения. Доктор Пильман, может быть, вы скажете своим землякам несколько слов по этому поводу?

— Что именно их интересует? Имейте в виду, в Хармонте меня тогда не было...

— Тем более интересно узнать, что вы подумали, когда ваш родной город оказался объектом нашествия инопланетной сверхцивилизации...

— Честно говоря, прежде всего я подумал, что это утка. Трудно было себе представить, что в нашем старом маленьком Хармонте может случиться что-нибудь подобное. Гоби, Ньюфаундленд — это ещё куда ни шло, но Хармонт!

— Однако в конце концов вам пришлось поверить.

— В конце концов да.

— И что же?

— Мне вдруг пришло в голову, что Хармонт и остальные пять Зон Посещения... впрочем, виноват, тогда было известно только четыре... что все они ложатся на очень гладкую кривую. Я сосчитал координаты радианта и послал их в «Нэйчур».

— И вас несколько не взволновала судьба родного города?

— Видите ли, в то время я уже верил в Посещение, но я никак не мог заставить себя поверить паническим корреспонденциям о горящих кварталах, о чудовищах, избирательно пожирающих стариков и детей, и о кровопролитных боях между неуязвимыми пришельцами и в высшей степени уязвимыми, но неизменно доблестными королевскими танковыми частями.

— Вы были правы. Помнится, наш брат информатор тогда много напутал... Однако вернёмся к науке. Открытие радианта Пильмана было первым, но, вероятно, не последним вашим вкладом в знания о Посещении?

— Первым и последним.

— Но вы, без сомнения, внимательно следили всё это время за ходом международных исследований в Зонах Посещения...

— Да... Время от времени я листаю «Доклады».





— Вы имеете в виду «Доклады Международного института внеземных культур»?

— Да.

— И что же, по вашему мнению, является самым важным открытием за все эти тринадцать лет?

— Сам факт Посещения.

— Простите?

— Сам факт Посещения является наиболее важным открытием не только за истекшие тринадцать лет, но и за всё время существования человечества. Не так уж важно, кто были эти пришельцы. Неважно, откуда они прибыли, зачем прибыли, почему так недолго пробыли и куда девались потём. Важно то, что *теперь человечество твёрдо знает: оно не одиноко во Вселенной*. Боюсь, что институту внеземных культур уже никогда больше не повезёт сделать более фундаментальное открытие.

— Это страшно интересно, доктор Пильман, но я, собственно, имел в виду открытия технологического порядка. Открытия, которые могла бы использовать наша земная наука и техника. Ведь целый ряд очень видных учёных полагает, что находки в Зонах Посещения способны изменить весь ход нашей истории.

— Н-ну, я не принадлежу к сторонникам этой точки зрения. А что касается конкретных находок, то я не специалист.

— Однако вы уже два года являетесь консультантом Комиссии ООН по проблемам Посещения...

— Да. Но я не имею никакого отношения к изучению внеземных культур. В КОПРОПО я вместе со своими коллегами представляю международную научную общественность, когда заходит речь о контроле за выполнением решения ООН относительно интернационализации Зон Посещения. Грубо говоря, мы следим, чтобы инопланетными чудесами, добытыми в зонах, распоряжался только Международный институт.

— А разве на эти чудеса посягает ещё кто-нибудь?

— Да.

— Вы, вероятно, имеете в виду *сталкеров*?

— Я не знаю, что это такое.

— Так у нас в Хармонте называют отчаянных парней, которые на свой страх и риск проникают в Зону и тащат оттуда всё, что им удаётся найти. Это настоящая новая профессия.

— Понимаю. Нет, это вне нашей компетенции.

— Ещё бы! Этим занимается полиция. Но было бы интересно узнать, что именно входит в вашу компетенцию, доктор Пильман...

— Имеет место постоянная утечка материалов из Зон Посещения в руки безответственных лиц и организаций. Мы занимаемся результатами этой утечки.

— Нельзя ли чуточку поконкретней, доктор?

— Давайте лучше поговорим об искусстве. Неужели слушателей не интересует моё мнение о несравненной Гвади Мюллер?





— О, разумеется! Но я хотел бы сначала покончить с наукой. Вас как учёного не тянет самому заняться инопланетными чудесами?

— Как вам сказать... Пожалуй.

— Значит, можно надеяться, что хармонтцы в один прекрасный день увидят своего знаменитого земляка на улицах родного города?

— Не исключено...

## 1.

### **Рэдрик Шухарт, 23 года, холост, лаборант Хармонтского филиала Международного института внеземных культур**

Накануне стоим это мы с ним в хранилище уже вечером, остаётся только спецовки сбросить, и можно закатиться в «Боржч», принять в организм капельку-другую крепкого. Я стою просто так, стену подпираю, своё отработал и уже держу наготове сигаретку, курить хочется дико, два часа не курил, а он всё возится со своим добром: один сейф загрузил, запер и опечатал, теперь другой загружает, берёт с транспортёра «пустышки», каждую со всех сторон осматривает (а она тяжёлая, сволочь, шесть с половиной кило, между прочим) и с кряхтением аккуратненько водворяет на полку.

Сколько уже времени он с этими «пустышками» бьётся, и, по-моему, без всякой пользы для человечества. На его месте я давным-давно бы уже плюнул и чем-нибудь другим занялся за те же деньги. Хотя, с другой стороны, если подумать, «пустышка» действительно штука загадочная и какая-то невразумительная, что ли. Сколько я их на себе перетаскал, а всё равно, каждый раз как увижу — не могу, поражаюсь. Всего-то в ней два медных диска с чайное блюдце, миллиметров пять толщиной, и расстояние между дисками миллиметров четыреста, и кроме этого расстояния, ничего между ними нет. То есть совсем ничего, пусто. Можно туда просунуть руку, можно и голову, если ты совсем обалдел от изумления, — пустота и пустота, один воздух. И при всём при том что-то между ними, конечно, есть, сила какая-то, как я это понимаю, потому что ни прижать их, эти диски, друг к другу, ни растащить их никому ещё не удавалось.

Нет, ребята, тяжело эту штуку описать, если кто не видел, очень уж она проста на вид, особенно когда приглядишься и поверишь,<sup>311</sup> наконец,<sup>312</sup> своим глазам. Это всё равно что стакан кому-нибудь описывать или, не дай бог, рюмку: только пальцами шевелишь и чертыхаешься от полного бессилия. Ладно, будем считать, что вы всё поняли, а если кто не понял, возьмите институтские «Доклады» — там в любом выпуске статьи про эти «пустышки» с фотографиями...

311 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

312 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







В общем, Кирилл бьётся с этими «пустышками» уже почти год. Я у него с самого начала, но до сих пор не понимаю толком, чего он от них добивается, да, честно говоря, и понять особенно не стремлюсь. Пусть он сначала сам поймёт, сам разберётся, вот тогда я его, может быть, послушаю. А пока мне ясно одно: надо ему во что бы то ни стало какую-нибудь «пустышку» раскурочить, кислотами её протравить, под прессом расплющить, расплавить в печь. И вот тогда станет ему всё понятно, будет ему честь и хвала, и вся мировая наука содрогнётся от удовольствия. Но покуда, как я понимаю, до этого ещё очень далеко. Ничего он покуда не добился, замучился только вконец, серый какой-то стал, молчаливый, и глаза у него сделались как у больного пса, даже слезятся. Будь на его месте кто ещё, напоил бы я его как лошадь, свёл бы к хорошей девке, чтобы расшевелила, а на утро бы снова напоил и снова к девке, к другой, и был бы он у меня через неделю как новенький, уши торчком, хвост пистолетом. Только вот Кириллу это лекарство не подходит, не стоит и предлагать, не та порода.

Стоим, значит, мы с ним в хранилище, смотрю я на него, какой он стал, как у него глаза запали, и жалко мне его стало, сам не знаю как. И тогда я решился. То есть даже не сам я решился, а словно меня кто-то за язык потянул.

— Слушай, — говорю, — Кирилл...

А он как раз стоит, держит на весу последнюю «пустышку», и с таким видом, словно так бы в неё и влез.

— Слушай, — говорю, — Кирилл! А если бы у тебя была полная «пустышка», а?

— *Полная «пустышка»?* — переспрашивает он и брови сдвигает, будто я с ним по-тарабарски заговорил.

— Ну,<sup>313</sup> да, — говорю. — Эта твоя гидромагнитная ловушка, как её... объект семьдесят семь-бэ. Только с ерундой какой-то внутри, с синенькой.

Вижу, начало до него доходить. Поднял он на меня глаза, прищурился, и появился у него там, за собачьей слезой, какой-то проблеск разума, как он сам обожает выражаться.

— Поймай, — говорит он. — *Полная? Вот такая же штука, только полная?*

— Ну да.

— Где?

Вылечился мой Кирилл. Уши торчком, хвост пистолетом.

— Пойдём, — говорю, — покурим.

Он живо сунул «пустышку» в сейф, прихлопнул дверцу, запер на три с половиной оборота, и пошли мы с ним обратно в лабораторию. За пустую «пустышку» Эрнест даёт четыреста монет наличными, а за полную я бы из него, сукина сына, всю его поганую кровь выпил, но хотите верьте, хотите нет, а я об этом даже не подумал, потому что Кирилл у меня ну просто ожил, снова стал как струна, аж звенит весь, и по лестнице скачет через четыре ступеньки, закурить человеку не даёт. В общем, всё я ему рассказал:

313 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





и какая она, и где лежит, и как к ней лучше всего подобраться. Он сразу же вытащил карту, нашёл этот гараж, пальцем его прижал и посмотрел на меня, и, ясное дело, сразу всё про меня понял, да и чего здесь было не понять! ...

— Ай да ты! — говорит он, а сам улыбается. — Ну что же, надо идти. Давай прямо завтра утром. В девять я закажу пропуска и «галошу», а в десять благословясь выйдем. Давай?

— Давай, — говорю. — А кто третий?

— А зачем нам третий?

— Э, нет, — говорю. — Это тебе не пикник с девочками. А если что-нибудь с тобой случится? Зона, — говорю. — Порядок должен быть.

Он слегка усмехнулся, пожал плечами:

— Как хочешь! Тебе виднее.

Как бы не виднее! Конечно, это он свеликодушничал, для меня старался: третий лишний, сбегает вдвоём, и всё будет шито-крыто, никто про тебя не догадается. Да только я знаю, институтские вдвоём в Зону не ходят. У них такой порядок: двое дело делают, а третий смотрит и, когда его потом спросят, — расскажет.

— Лично я бы взял Остина, — говорит Кирилл. — Но ты его, наверно, не захочешь. Или ничего?

— Нет, — говорю. — Только не Остина. Остина ты в другой раз возьмёшь.

Остин парень неплохой, смелость и трусость у него в нужной пропорции, но он, по-моему, уже отмеченный. Кириллу этого не объяснишь, но я-то вижу: вообразил человек о себе, будто Зону знает и понимает до конца, значит, скоро гробанётся. И пожалуйста. Только без меня.

— Ну,<sup>314</sup> хорошо, — говорит Кирилл. — А Тендер?

Тендер это его второй лаборант. Ничего мужик, спокойный.

— Староват, — говорю я. — И дети у него...

— Ничего. Он в Зоне уже бывал.

— Ладно, — говорю. — Пусть будет Тендер.

В общем, он остался сидеть над картой, а я поскакал напрямиком в «Боржч», потому что жрать хотелось невмоготу и в глотке пересохло.

Ладно. Являюсь я утром, как всегда, к девяти, предъявляю пропуск, а в проходной дежурит этот дылдоватый сержант, которому я в прошлом году дал хорошенько, когда он по пьяному делу стал приставать к Гуте.

— Здорóво, — он мне говорит. — Тебя, — говорит, — Рыжий, по всему институту ищут...

Тут я его так вежливенько прерываю:

— Я тебе не Рыжий, — говорю. — Ты мне в приятели не набивайся, шведская оглобля.

— Господи, Рыжий! — говорит он в изумлении. — Да тебя же все так зовут.

314 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Я перед Зоной взвинченный, да ещё трезвый вдобавок, взял я его за портупею и во всех подробностях выдал, кто он такой есть и почему от своей родительницы произошёл. Он плюнул, вернул мне пропуск и уже без всех этих нежностей говорит:

— Рэдрик Шухарт, вам приказано немедленно явиться к уполномоченному отдела безопасности капитану Херцогу.

— Вот то-то, — говорю я. — Это другое дело. Учись, сержант, в лейтенанты выбьешься.

А сам думаю: «Это что за новости? Чего это ради понадобился я капитану Херцогу в служебное время?» Ладно, иду являться. У него кабинет на третьем этаже, хороший кабинет, и решётки там на окнах, как в полиции. Сам Вилли сидит за своим столом, сипит своей трубкой и разводит писанину на машинке, а в углу копается в железном шкафу какой-то сержантик, новый какой-то, не знаю я его. У нас в институте этих сержантов больше, чем в дивизии, да все такие дородные, румяные, кровь с молоком, — им в Зону ходить не надо, и на мировые проблемы им наплевать.

— Здравствуйте, — говорю я. — Вызывали?

Вилли смотрит на меня как на пустое место, отодвигает машинку, кладёт перед собой толстенную папку и принимается её листать.

— Рэдрик Шухарт? — говорит.

— Он самый, — отвечаю, а самому смешно, сил нет. Нервное такое хихиканье подмывает.

— Сколько времени работаете в институте?

— Два года, третий.

— Состав семьи?

— Один я, — говорю. — Сирота.

Тогда он поворачивается к своему сержантику и строго ему приказывает:

— Сержант Луммер, ступайте в архив и принесите дело номер сто пятьдесят.

Сержант козырнул и смылся, а Вилли захлопнул папку и сумрачно так спрашивает:

— Опять за старое взялся?

— За какое такое старое?

— Сам знаешь, за какое. Опять на тебя материал пришёл.

Так, думаю.

— И откуда материал?

Он нахмурился и стал в раздражении колотить своей трубкой по пепельнице.

— Это тебя не касается, — говорит. — Я тебя по старой дружбе предупреждаю: брось это дело, брось навсегда. Ведь во второй раз сцапают, шестью месяцами не отделаешься. А из института тебя вышибут немедленно и навсегда, понимаешь?





— Понимаю, — говорю. — Это я понимаю. Не понимаю только, какая же это сволочь на меня донесла...

Но он уже опять смотрит на меня оловянными глазами, сипит пустой трубкой и знай себе листает папку. Это значит — *вернулся сержант Луммер с делом номер сто пятьдесят.*

— Спасибо, Шухарт, — говорит капитан Вилли Херцог по прозвищу Боров. — Это всё, что я хотел выяснить. Вы свободны.

Ну, я пошёл в раздевалку, натянул спецовочку, закурил, а сам всё время думаю: *откуда же это звон идёт? Ежели из института, то ведь это всё враньё, никто здесь про меня ничего не знает и знать не может. А если бумаги из полиции, опять-таки, что они там могут знать, кроме моих старых дел? Может, Стервятник попался? Эта сволочь, чтобы себя выгородить, кого хочешь утопит. Но ведь и Стервятник обо мне теперь ничего не знает. Думал я, думал, ничего полезного не придумал и решил наплевать! Последний раз ночью я в Зону ходил три месяца назад, хабар почти весь уже сбыл и деньги почти все растратил. С личным не поймали, а теперь чёрта меня возмёшь, я скользкий.*

Но тут, когда я уже поднимался по лестнице, меня вдруг осенило, да так осенило, что я вернулся в раздевалку, сел и снова закурил. Получалось, что в Зону-то мне идти сегодня нельзя. И завтра нельзя, и послезавтра. Получалось, что я опять у этих жаб на заметке, не забыли они меня, а если и забыли, то им кто-то напомнил. И теперь уже неважно, кто именно. Никакой сталкер, если он совсем не свихнулся, на пушечный выстрел к Зоне не подойдёт, когда знает, что за ним следят. Мне сейчас в самый тёмный угол залезть надо. Какая, мол, Зона? Я туда, мол, и по пропускам-то не хожу который месяц! Что вы, понимаешь, привязались к честному лаборанту?

Обдумал я всё это и вроде бы даже облегчение почувствовал, что в Зону мне сегодня идти не надо. Только как это всё поделикатнее сообщить Кириллу?

Я ему сказал прямо:

— В Зону не иду. Какие будут распоряжения?

Сначала он, конечно, вылупил на меня глаза. Потом, видно, что-то сообразил: взял меня за локоть, отвёл к себе в кабинетик, усадил за свой столик, а сам примостился рядом на подоконнике. Закурили. Молчим. Потом он осторожно так меня спрашивает:

— Что-нибудь случилось, Рэд?

Ну,<sup>315</sup> что я ему скажу?

— Нет, — говорю, — ничего не случилось. Вчера вот в покер двадцать монет продул. Здёрово этот Нунан играет, шельма...

— Подожди, — говорит он. — Ты что, *раздумал?*

Тут я даже закрихтел от натуги.

— *Нельзя мне,* — говорю ему сквозь зубы. — *Нельзя мне,* понимаешь? Меня сейчас Херцог к себе вызывал.

315 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







Он обмяк. Опять у него несчастный вид сделался, и опять у него глаза стали как у больного пуделя. Передохнул он этак судорожно, закурил новую сигарету от окурка старой и тихо говорит:

— Можешь мне поверить, Рэд, я никому ни слова не сказал.

— Брось, — говорю. — Разве о тебе речь?

— Я даже Тендеру ещё ничего не сказал. Пропуск на него выписал, а самого даже не спросил, пойдёт он или нет...

Я молчу, курю. Смех и грех, ничего человек не понимает.

— А что тебе Херцог сказал?

— Да ничего особенного, — говорю. — Донёс кто-то на меня, вот и всё.

Посмотрел он на меня как-то странно, соскочил с подоконника и стал ходить по своему кабинетику взад-вперёд. Он по кабинету бегаёт, а я сижу, дым пускаю и помалкиваю. Жалко мне его, конечно, и обидно, что так по-дурацки получилось: *вылечил, называется, человека от меланхолии. А кто виноват? Сам я и виноват. Поманил дитятю пряником, а пряник-то в заначке, а заначку сердитые дяди стерегут...* Тут он перестает бегать, останавливается около меня и, глядя куда-то вбок, неловко спрашивает:

— Слушай, Рэд, а сколько она может стоять, — полная «пустышка»?

Я сначала его не понял, подумал сначала, что он её ещё где-нибудь купить рассчитывает, да только где её такую купишь, может быть, она всего одна такая на свете, да и денег у него на это не хватило бы: откуда у него деньги, у иностранного специалиста, да ещё русского? А потом меня словно обожгло: *что же это он, поганец, думает, я из-за зелёненьких эту бодягу развёл? Ах ты, думаю, стервец, да за кого же ты меня принимаешь? ... Я уже рот раскрыл, чтобы всё это ему высказать и осёкся. Потому что, действительно, а за кого ему меня ещё принимать? Сталкер — он сталкер и есть, ему бы только зелёненьких побольше, он за зелёненькие жизнью торгует. Вот и получалось, что вчера я, значит, удочку забросил, а сегодня приманку вожу, цену набиваю.*

У меня даже язык отнялся от таких мыслей, а он на меня смотрит пристально, глаз не сводит, и в глазах его я вижу не презрение даже, а понимание, что ли. И тогда я спокойно ему объяснил.

— К гаражу, — говорю, — ещё никто никогда с пропуском не ходил. Туда ещё трасса не провешена, ты это знаешь. Теперь возвращаемся мы назад, и твой Тендер начинает хвастаться, как махнули мы прямо к гаражу, взяли, что надо, и сразу обратно. Словно бы на склад сходили. И каждому будет ясно, — говорю, — что заранее мы знали, за чем идём. А это значит, что *кто-то нас навёл. А уж кто из нас троих навёл — здесь комментариев не нужно. Понимаешь, чем это для меня пахнет?*

Кончил я свою речь, смотрим мы друг другу в глаза и молчим.

Потом он вдруг хлопнул ладонью о ладонь, руки потёр и бодрячком таким объявляет:

— Ну что ж, нет так нет. Я тебя понимаю, Рэд, и осуждать не могу. Пойду сам. Авось обойдётся. Не в первый раз...





Расстелил он на подоконнике карту, упёрся руками, сгорбился над ней, и вся его бодрость прямо-таки на глазах испарилась. Слышу, бормочет:

— Сто двадцать метров... даже сто двадцать два... и что там ещё в самом гараже... Нет, не возьму я Тендера. Как ты думаешь, Рэд, может, не сто́ит Тендера брать? Всё-таки у него двое детей...

— Одного тебя не выпустят, — говорю я.

— Ничего, выпустят... — бормочет он. — У меня все сержанты знакомые... и лейтенанты. Не нравятся мне эти грузовики! Тринадцать лет под открытым небом стоят, а всё как новенькие... В двадцати шагах бензовоз ржавый, как решето, а они будто только что с конвейера... Ох уж эта Зона!

Поднял он голову от карты и уставился в окно. И я тоже уставился в окно. Стёкла в наших окнах толстые, свинцовые, а за стёклами — Зона-матушка, вот она, рукой подать, вся как на ладони с тринадцатого этажа...

Так вот посмотришь на неё — земля как земля. Солнце на неё как на всю остальную землю светит, и ничего вроде бы на ней не изменилось, всё вроде бы как тринадцать лет назад. Папаша, покойник, посмотрел бы и ничего бы особенного не заметил, разве что спросил бы: *чего это завод не дымит, забастовка, что ли?* ... Жёлтая порода конусами, кауперы на солнышке отсвечивают, рельсы, рельсы, рельсы, на рельсах паровозик с платформами... Индустриальный пейзаж, одним словом. *Только людей нет. Ни живых, ни мёртвых.* Вон и гараж виден: длинная серая кишка, ворота нараспашку, а на асфальтовой площадке грузовики стоят. Тринадцать лет стоят, и ничего им не делается. Упаси бог между двумя машинами сунуться, их надо стороной обходить... Там одна трещина есть в асфальте, если только с тех пор колючкой не заросла... Сто двадцать два метра, это откуда же он считает? А, наверное, от крайней вешки считает. Правильно, оттуда больше не будет. Всё-таки продвигаются Очкарики... Смотри, до самого отвала дорога провешена, да как ловко провешена! Вон она, та канавка, где Слизняк гробанулся, всего в двух метрах от ихней дороги... А ведь говорил Мослатый Слизняку: *держись, дурак, от канав подальше, а то ведь и хоронить нечего будет...* Как в воду глядел, нечего хоронить... С Зоной ведь так: с хабаром вернулся — чудо, живой вернулся — удача, патрульная пуля мимо — везенье, а всё остальное — судьба...

Тут я посмотрел на Кирилла и вижу: он за мной искоса наблюдает. И лицо у него такое, что я в этот момент снова всё перерешил. *Ну их, думаю, всех к чёрту, что они, в конце концов, жабы, сделать могут?* Он бы мог вообще ничего не говорить, но он сказал.

— Лаборант Шухарт, — говорит. — Из официальных, подчёркиваю: *из официальных* источников я получил сведения, что осмотр гаража может принести большую пользу науке. Есть предложение осмотреть гараж. Премияльные гарантирую. — А сам улыбается,<sup>316</sup> что твоя майская роза.

— Из каких же это официальных источников? — спрашиваю я и тоже ему улыбаюсь, как дурак.

316 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





— Это конфиденциальные источники, — отвечает он. — Но вам я могу сказать... — Тут он перестал улыбаться и насупился. — Скажем, от доктора Дугласа.

— А, — говорю, — от доктора Дугласа... От какого же это Дугласа?

— От Сэма Дугласа, — говорит он сухо. — Он погиб в прошлом году.

У меня мурашки по коже пошли. *Так и так тебя! Кто же перед выходом говорит о таких вещах? Хоть кол им, Очкарикам, на голове теши, ничего не сообщают...* Ткнул я окурком в пепельницу и говорю:

— Ладно. Где твой Тендер? Долго мы его ещё ждать будем?

Словом, больше мы на эту тему не говорили. Кирилл позвонил в ППС, заказал «летучую галошу», а я взял карту и посмотрел, что у них там нарисовано. *Ничего себе нарисовано, в норме. Фотографическим путём сверху и с большим увеличением. Даже рубчики видны на крышке, которая валяется у ворот гаража. Нашему бы брату сталкеру такую карту... а впрочем, чёрта от неё толку ночью-то, когда задницу звёздам показываешь и собственных рук не видно...*

А тут и Тендер появился. Красный, запыхался. Дочка у него заболела, за доктором бегал. Извиняется за опоздание. Ну, мы ему и поднесли подарочек: в Зону идти. Сперва он даже запыхиваться забыл, сердяга. «Как так в Зону? — говорит. — Почему я?» Однако, услышав про двойные премиальные и про то, что Рэд Шухарт тоже идёт, оправился и задышал снова.

В общем, спустились мы в «будуар», Кирилл смотался за пропусками, предъявили мы их ещё одному сержанту, и выдал нам этот сержант по спецкостюму. *Вот это полезная вещь. Перекрасить бы его из красного в какой-нибудь подходящий цвет — любой сталкер за такой костюм пятьсот монет отвалит, глазом не моргнёт. Я уж давно поклялся, что изловчусь как-нибудь и сопру один обязательно. На первый взгляд ничего особенного, костюм вроде водолазного и шлем как у водолаза, с большим окном впереди. Даже не вроде водолазного, а скорее как у лётчика-реактивщика или, скажем, у космонавта. Лёгкий, удобный, нигде не жмёт, и от жары в нём не потеешь. В таком костюмчике и в огонь можно, и газ через него никакой не проникает. Пуля, говорят, и то не берёт. Конечно, и огонь, и иприт какой-нибудь, и пуля — это всё земное, человеческое. В Зоне ничего этого нет, в Зоне не этого надо опасаться. В общем, что там говорить, и в спецкостюмах тоже мрут как миленькие. Другое дело, что без них мёрли бы, может быть, ещё больше. От «жгучего пуха», например, эти костюмы на сто процентов спасают. Или от плевков «чёртовой капусты» ... Ладно.*

Натянули мы спецкостюмы, пересыпал я гайки из мешочка в набедренный карман, и побрели мы через весь институтский двор к выходу в Зону. Так здесь у них это заведено, чтобы все видели: вот, мол, идут герои науки живот свой класть на алтарь во имя человечества, знания и святого духа, аминь. И точно: во все окна аж до пятнадцатого этажа сочувствующие высматривались, только что платочками не машут и оркестра нет.

— Шире шаг, — говорю я Тендеру. — Брюхо подбери, слабосильная команда! Благодарное человечество тебя не забудет!







Посмотрел он на меня, и вижу я, что ему не до шуток. И правильно, какие уж тут шуточки! ... Но когда в Зону выходишь, то уж одно из двух: либо плачь, либо шути, а я сроду не плакал. Посмотрел я на Кирилла. Ничего держится, только губами шевелит, вроде молится.

— Молишься? — спрашиваю. — Молись, — говорю, — молись! Дальше в Зону, ближе к небу...

— Что? — спрашивает он.

— Молись! — кричу. — Сталкеров в рай без очереди пропускают!

А он вдруг улыбнулся и похлопал меня ладонью по спине: не бойся, мол, со мной не пропадёшь, а если и пропадёшь, то умираем, мол, один раз. Нет, смешной он парень, ей-богу.

Сдали мы пропуска последнему сержанту. На этот раз, в порядке исключения, это лейтенант оказался, я его знаю, у него папаша кладбищенскими оградами в Рексополе торгует, — а «летучая галоша» уже тут как тут, подогнали её ребята из ППС и поставили у самой проходной. Все уже тут как тут: и «скорая помощь», и пожарники, и наша доблестная гвардия, бесстрашные спасатели, — куча отъевшихся бездельников со своим вертолётom. Глаза б мои на них не глядели!

Поднялись мы на «галошу», Кирилл встал за управление и говорит мне:

— Ну, Рэд, командуй.

Я без всякой торопливости приспустил «молнию» на груди, достал из-за пазухи флягу, хлебнул как следует, крышечку завинтил и сунул флягу обратно за пазуху. Не могу без этого. Который раз в Зону иду, а без этого нет, не могу. Они оба на меня смотрят и ждут.

— Так, — говорю. — Вам не предлагаю, потому что иду с вами впервые и не знаю, как на вас действует спиртное. Порядок у нас будет такой. Всё, что я сказал, выполнять мигom и беспрекословно. Если кто замешкается или там начнёт вопросы задавать, буду бить по чему попало, извиняюсь заранее. Вот я, например, тебе, господин Тендер, прикажу: на рúки встань и иди. И в тот же момент ты, господин Тендер, должен зад свой толстый задрать и выполнять, что тебе сказано. А не исполнишь — дочку свою больную, может, и не увидишь больше. Понятно? Но уж я позабочусь, чтобы ты увидел.

— Ты, Рэд, главное, приказать не забудь, — сипит Тендер, а сам весь красный, уже потеет и губами шлёпает. — Уж я на зубах пойду, не то что на руках. Не новичок.

— Вы для меня оба новички, — говорю. — А уж приказать я не забуду, будь покоен. Кстати, ты «галошу» водить умеешь?

— Умеет, — говорит Кирилл. — Хорошо водит.

— Хорошо так хорошо, — говорю. — Тогда с богом. Опустить забрала! Малый вперёд по вешкам, высота три метра! У двадцать седьмой вешки остановка.

Кирилл поднял «галошу» на три метра и дал малый вперёд, а я незаметно повернул голову и тихонько дунул через левое плечо. Смотрю: гвардейцы-спасатели в свой вертолёт полезли, пожарники встали от







почтительности, лейтенант в дверях проходной честь нам, дурак, отдаёт, а над всеми над ними здоровенный плакат, уже выцветший: «*Добро пожаловать, господа пришельцы!*» Тендер нацелился было им всем ручкой сделать, но я ему так в бок двинул, что у него сразу эти церемонии из головы вылетели. *Я тебе покажу прощаться. Ты у меня попрашаешься! ...*

Поплыли.

Справа у нас был институт, слева — Чумной квартал, а мы шли от вешки к вешке по самой середине улицы. Ох и давно же по этой улице никто не ходил и не ездил! Асфальт весь потрескался, трещины проросли травой, но *это ещё была наша трава, человеческая. А вот на тротуаре по левую руку росла уже чёрная колючка, и по этой колючке было видно, как чётко Зона себя обозначает: чёрные заросли у самой мостовой словно косой срезало. Нет, пришельцы эти всё-таки порядочные ребята были. Нагадили, конечно, много, но сами же себе обозначили ясную границу. Ведь даже «жгучий пух» на нашу сторону из Зоны — ни-ни, хотя, казалось бы, его ветром как попало мотает...*

Домá в Чумном квартале облупленные, мёртвые, однако стёкла в окнах почти везде целы, грязные только и потому как бы слепые. А вот ночью, когда проползаешь мимо, очень хорошо видно, как внутри светится, словно спирт горит, язычками такими голубоватыми. Это «ведьмин студень» из подвалов дышит. А вообще так вот посмотришь: квартал как квартал, домá как домá, ремонта, конечно, требуют, но ничего особенного нет, людей только не видно. Вот в этом кирпичном доме, между прочим, жил наш учитель арифметики по прозвищу Запятая. Зануда он был и неудачник, вторая жена у него ушла перед самым Посещением, а у дочки бельмо на глазу было, так мы её, помню, до слёз задразнивали. Когда паника началась, он со всеми прочими из этого квартала в одном белье до самого моста бежал все шесть километров без передышки. Потóм долго чумкой болел, кожа с него слезла, ногти. Почти все, кто в этом квартале жил, чумкой переболели, потому-то квартал и называется Чумным. Некоторые померли, но главным образом старики, да и то не все. Я, например, думаю, что они не от чумки померли, а от страха. Страшно было очень.

А вот в тех трёх кварталах люди слепли. Теперь эти кварталы так и называются: Первый Слепой, Второй Слепой... Не до конца слепли, а так, вроде куриной слепоты. Между прочим, рассказывают, что ослепли они будто бы не от вспышки какой-нибудь там, хотя вспышки, говорят, тоже были, а ослепли они от сильного грохота. Загремело, говорят, с такой силой, что сразу ослепли. Доктора им: да не может этого быть, вспомните хорошенько! Нет, стоят на своём: сильнейший гром, от которого и ослепли. И при этом никто, кроме них, грома не слышал...

Да, будто здесь ничего не случилось. Вон киоск стоит стеклянный, целёхонек. Детская коляска в воротах, даже бельишко в ней вроде бы чистое... Антенны вот только подвели — обросли какими-то волосами наподобие мочала. Очкарики наши на эти антенны давно уже зубы точат: интересно, видите ли, им посмотреть, что это за мочалы, нигде такого больше нет, только в Чумном квартале и только на антеннах. А главное, тут же, рядом ведь, под самыми окнами. В прошлом году догадались: спустили с вертолётá якорь на стальном тросе, зацепили одну мочалку.





*Только он потянул, вдруг — ши-ш-ш! Смотрим: от антенны дым, от якоря дым, и сам трос уже дымится, да не просто дымится, а с ядовитым таким шипением, вроде как гремучая змея. Ну, пилот, даром что лейтенант, быстро сообразил, что к чему, трос выбросил и сам дёру дал... Вон он, этот трос, висит, до самой земли почти свисает и весь мочалой оброс...*

Так потихоньку-полегоньку доплыли мы до конца улицы, до поворота. Кирилл посмотрел на меня: *сворачивать?* Я ему махнул: *самый малый!* Повернула наша «галоша» и пошла самым малым над последними метрами человеческой земли. Тротуар ближе, ближе, вот уже и тень «галоши» на колючки упала... *Всё, Зона! И сразу такой озноб по коже. Каждый раз у меня этот озноб, и до сих пор я не знаю, то ли это так Зона меня встречает, то ли нервишки у сталкера шалят. Каждый раз думаю: вернусь и спрошу, у других бывает то же самое или нет, и каждый раз забываю.*

Ну, ладно, ползём потихоньку над бывшими огородами, двигатель под ногами гудит ровно, спокойно, ему-то что, его не тронут. И тут мой Тендер не выдержал. Не успели мы ещё до первой вешки дойти, как принялся он болтать. Ну, как обычно новички болтают в Зоне: зубы у него стучат, сердце заходится, себя плохо помнит, и стыдно ему, и удержаться не может. По-моему, это у них вроде поноса, от человека не зависит, а льёт себе и льёт. И чего только они не болтают!

То начнёт пейзажем восхищаться, то примется высказывать свои соображения по поводу пришельцев, а то и вообще к делу не относящееся, вот как Тендер сейчас завёл про свой новый костюм и уже остановиться не может. Сколько он заплатил за него, да какая шерсть тонкая, да как ему портной пуговицы менял...

— Замолчи, — говорю.

Он грустно так на меня посмотрел, губами пошлёпал и опять: сколько шёлку на подкладку пошло. А огороды уже кончаются, под нами уже глинистый пустырь, где раньше городская свалка была, и *чувствую я — ветерком здесь тянет. Только что никакого ветра не было, а тут вдруг потянуло, пылевые чёртики побежали, и вроде бы я что-то слышу.*

— Молчи, сволочь! — говорю я Тендеру.

Нет, никак не может остановиться. Теперь про конский волос завёл. Ну, тогда извини.

— Стой, — говорю Кириллу.

Он немедленно тормозит. Реакция хорошая, молодец. Беру я Тендера за плечо, поворачиваю его к себе и с размаху ладонью ему по забралу. Треснулся он, бедняга, носом в стекло, глаза закрыл и замолчал. И как только он замолчал, я услышал: *тр-р-р... тр-р-р... тр-рр...* Кирилл на меня смотрит, зубы стиснуты, рот оскален. Я рукой ему показываю, *стой, мол, стой, ради бога, не шевелись.* Но ведь он тоже этот треск слышит, и, как у всех новичков, у него сразу позыв действовать, делать что-нибудь. «Задний ход?» — шепчет. Я ему отчаянно головой мотаю, кулаком перед самым шлемом трясую: *нишкни, мол. Эх, мать честная! С этими новичками не знаешь куда смотреть — то ли в поле смотреть, то ли на них.* И тут я про всё забыл. По-над кучей старого мусора, над битым стеклом и тряпьем





разным поползло этакое дрожание, трепет какой-то, ну как горячий воздух в полдень над железной крышей, перевалило через бугор и пошло, пошло, пошло нам наперерез, рядом с самой вешкой, над дорогой задержалось, постояло с полсекунды — или это мне показалось только? — и утянулось в поле, за кусты, за гнилые заборы, туда, к кладбищу старых машин.

Чёрт их побрал, очкариков, — надо же, сообразили, где дорогу повесить: по выемке! Ну, и я тоже хорош, куда это мои глаза дурацкие глядели, когда я ихней картой восхищался?

— Давай малый вперёд, — говорю я Кириллу.

— А что это было?

— А хрен его знает! ... Было и нету, и слава богу. И заткнись, пожалуйста. Ты сейчас не человек, понял? Ты сейчас машина, рычаг мой...

Тут я спохватился, что меня, похоже, тоже словесный понос одолевает начинает.

— Всё, — говорю. — Ни слова больше.

Хлебнуть бы сейчас! Барахло эти скафандры, вот что я вам скажу. Без скафандра я, ей-богу, столько прожил и ещё столько же проживу, а без хорошего глотка в такой вот момент... Ну,<sup>317</sup> да ладно!

Ветерок вроде бы упал, и ничего дурного вокруг не слышно, только двигатель гудит спокойно так, сонно. А вокруг солнце, а вокруг жара... Над гаражом марево... Всё вроде бы нормально, вешки одна за другой мимо проплывают. Тендер молчит, Кирилл молчит, шлифуются новички. Ничего, ребята, в Зоне тоже дышать можно, если умеючи... А вот и двадцать седьмая вешка — железный шест и красный круг на нём с номером 27. Кирилл на меня посмотрел, кивнул я ему, и наша «галоша» остановилась.

Цветочки кончились, пошли ягодки. Теперь самое главное для нас — полнейшее спокойствие. Торопиться некуда, ветра нет, видимость хорошая, всё как на ладони. Вон канава проходит, где Слизняк гробанулся, — пёстрое там что-то виднеется, может, тряпьё его. Паршивый был парень, упокой господи его душу, жадный, глупый, грязный, только такие вот со Стервятником и связываются, таких Стервятник Барбридж за версту видит и под себя подгребает... А вообще-то Зона не спрашивает, плохой ты или хороший, и спасибо тебе, выходит, Слизняк: дурак ты был, даже имени настоящего твоего никто не помнит, а умным людям показал, куда ступать нельзя... Так. Конечно, лучше всего добраться бы нам теперь до асфальта. Асфальт ровный, на нём всё виднее, и трещина там эта знакомая. Только вот не нравятся мне эти бугорочки! Если по прямой к асфальту идти, проходить придётся как раз между ними. Ишь стоят, будто ухмыляются, ожидают. Нет, промежду вами я не пойду. Вторая заповедь сталкера: либо справа, либо слева всё должно быть чисто на сто шагов. А вот через левый бугорок перевалить можно... Правда, не знаю я, что там за ним. На карте как будто ничего не было, но кто же картам верит? ...

317 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))







— Слушай, Рэд, — шепчет мне Кирилл. — Давай прыгнем, а? На двадцать метров вверх и сразу вниз, вот мы и у гаража, а?

— Молчи, дурак, — говорю я. — Не мешай, молчи.

*Вверх ему. А долбанёт тебя там на двадцати метрах? Костей ведь не соберёшь. Или комариная плешь где-нибудь здесь объявится, тут не то что костей, мокрого места не останется. Ох уж эти мне рисковые, не терпится ему, видишь ты: давай прыгнем... В общем, как до бугра идти — ясно, а там постоим, посмотрим. Сунул я руку в карман, вытащил горсть гаек. Показал их Кириллу на ладони и говорю:*

— Мальчика с пальчик помнишь? Проходили в школе? Так вот сейчас будет всё наоборот. Смотри! — И бросил я первую гаечку. Недалеко бросил, как положено. Метров на десять. Гаечка прошла нормально. — Видел?

— Ну? — говорит.

— Не «ну», а видел, я спрашиваю?

— Видел.

— Теперь самым малым води «галошу» к этой гаечке и в двух метрах до неё не доходя остановись. Понял?

— Понял. Гравиконцентраты ищешь?

— Что надо, то и ищу. Подожди, я ещё одну брошу. Следи, куда упадёт, и глаз с неё больше не спускай.

Бросил я ещё одну гайку. Само собой, тоже прошла нормально и легла рядом с первой.

— Давай, — говорю.

Тронул он «галошу». Лицо у него спокойное и ясное. Сделалось: видно, всё понял. Они ведь все, Очкарики, такие. Им главное название придумать. Пока не придумал, смотреть на него жалко, дурак дураком. Ну,<sup>318</sup> а как придумал какой-нибудь гравиконцентратор, тут ему словно всё понятно становится, и сразу ему жить легче.

Прошли мы первую гайку, прошли вторую, третью. Тендер вздыхает, с ног на ногу переминается и то и дело зевает от нервности с таким собачьим прискуливанием, томно ему, бедняге. *Ничего, это ему на пользу. Пяток кило он сегодня скинет, это лучше всякой диеты...* Бросил я четвёртую гаечку. Как-то она не так прошла. Не могу объяснить, в чём дело, но чувствую — не так, и сразу хватать Кирилла за руку.

— Стой, — говорю. — Ни с места...

А сам взял пятую и кинул повыше и подальше. Вот она, «плешь комариная»! Гаечка вверх полетела нормально, вниз тоже вроде нормально было пошла, но на полпути её словно кто-то вбок дёрнул, да так дёрнул, что она в глину ушла и с глаз исчезла.

— Видал? — говорю я шёпотом.

— В кино только видел, — говорит, а сам весь вперёд подался, того и гляди с «галоши» сверзится. — Брось ещё одну, а?

318 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







Смех и грех. Одну! Да разве здесь одной обойдёшься? Эх, наука! ... Ладно, разбросал я ещё восемь гаек, пока «плешь» не обозначил. Честно говоря, и семи хватило бы, но одну я специально для него бросил, в самую серёдку, пусть полюбуется на свой концентрат. Ахнула она в глину, словно это не гаечка упала, а пятипудовая гиря. Ахнула и только дырка в глине. Он даже крикнул от удовольствия.

— Ну,<sup>319</sup> ладно, — говорю. — Побаловались, и хватит. Сюда смотри. Кидаю проходную, глаз с неё не спускай.

Короче, обошли мы «комариную плешь» и поднялись на бугорочек. Бугорочек этот как кот нагадил, я его до сегодняшнего дня вообще не примечал. Да... Ну, зависли мы над бугорочком, до асфальта рукой подать, шагов двадцать. Место чистейшее, каждую травинку видно, каждую трещинку. Казалось бы, ну что? Кидай гайку, и с богом.

*Не могу кинуть гайку.*

Сам не понимаю, что со мной делается, но гайку кинуть никак не решусь.

— Ты что, — говорит Кирилл, — чего мы стоим?

— Подожди, — говорю. — Замолчи, ради бога.

Сейчас, думаю, кину гаечку, спокойненько пройдем, как по маслу проплывём, травинка не шелохнется, — полминуты, а там и асфальт... И тут вдруг потём меня как прошибёт! Даже глаза залило, и уже знаю я, что гаечку туда кидать не буду. Влево —<sup>320</sup> пожалуйста, хоть две. И дорога туда длиннее, и камушки какие-то я там вижу не шибко приятные, но туда я гаечку кинуть берусь, а прямо ни за что. И кинул я гаечку влево. Кирилл ничего не сказал, повернул «галошу», подвёл к гайке и только тогда на меня посмотрел. И вид у меня, должно быть, был очень нехорош, потому что он тут же отвёл глаза.

— Ничего, — я ему говорю. — Кривой дорогой ближе. — И кинул последнюю гаечку на асфальт.

Дальше дело пошло проще. Нашёл я свою трещинку, чистая она оказалась, милая моя, никакой дрянью не заросла, цвет не переменила, смотрел я на неё и тихо радовался. И довела она нас до самых ворот гаража лучше всяких вешек.

Я приказал Кириллу снизиться до полутора метров, лёг на брюхо и стал смотреть в раскрытые ворота. Сначала,<sup>321</sup> с солнца, ничего не было видно, черно и черно, потём глаза привыкли, и вижу я, что в гараже с тех пор ничего вроде бы не переменилось. Тот самосвал как стоял на яме, так и стоит, целёхонький стоит, без дыр, без пятен, и на цементном полу вокруг всё как прежде,<sup>322</sup> потому, наверное, что «ведьмина студня» в яме мало скопилось, не выплёскивался он с тех пор ни разу. Одно мне только не понравилось: в самой глубине гаража, где канистры стоят, серебрится что-то. Раньше этого не было. Ну,<sup>323</sup> ладно, серебрится так серебрится, не

319 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

320 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

321 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

322 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

323 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





возвращаться же теперь из-за этого! Ведь не как-нибудь особенно серебрится, а чуть-чуть, самую малость, и спокойно так, вроде бы даже ласково... Поднялся я, отряхнул брюхо и поглядел по сторонам. Вон грузовики на площадке стоят, действительно, как новенькие, — с тех пор, как я последний раз здесь был, они, по-моему, ещё новее стали, а бензовоз тот совсем, бедняга, проржавел, скоро разваливаться начнёт. Вон и крышка валяется, которая у них на карте...

Не понравилась мне эта крышка. Тень от неё какая-то ненормальная. Солнце нам в спину, а тень к нам протянулась. Ну да ладно, до неё далеко. В общем, ничего, работать можно. Только что это там всё-таки серебрится? Или это мерещится мне? Сейчас бы закурить, присесть тихонечко и поразмыслить, почему над канистрами серебрится, почему рядом не серебрится... тень почему такая от крышки... Стервятник Барбридж про тени что-то рассказывал, диковинное что-то, но безопасное... С тенями здесь бывает. А вот что это там всё-таки серебрится? Ну прямо как паутина в лесу на деревьях. Какой же это паучок её там сплёл? Ох, ни разу я ещё жучков-паучков в Зоне не видел. И хуже всего, что «пустышка» моя как раз там, шагах в двух от канистр, валяется. Надо мне было тогда же её и упереть, никаких бы забот сейчас не было. Но уж больно тяжёлая, стерва, полная ведь, поднять-то я её мог, но на горбу тащить, да ещё ночью, да на карачках... а кто пустышек ни разу не таскал, пусть попробует: это всё равно что пуд воды без ведёр нести... Так идти, что ли? Надо идти. Хлебнуть бы сейчас... Повернулся я к Тендеру и говорю:

— Сейчас мы с Кириллом пойдём в гараж. Ты останешься здесь за водителя. К управлению без моего приказа не притрагивайся, что бы ни случилось, хоть земля под тобой загорится. Если струсишь, на том свете найду.

Он серьёзно мне покивал: *не струшу*, мол. Нос у него что твоя слива, здорово я ему врезал... Ну, спустил я тихонечко аварийные блок-тросы, посмотрел ещё раз на это серебрение, махнул Кириллу и стал спускаться. Встал на асфальт, жду, пока он спустится по другому тросу.

— Не торопись, — говорю ему. — Не спеши. Меньше пыли.

Стоим мы на асфальте, «галоша» рядом с нами покачивается, тросы под ногами ёрзают. Тендер башку через перила выставил, на нас смотрит, и в глазах у него отчаяние. Надо идти. Я говорю Кириллу:

— Иди за мной шаг в шаг, в двух шагах позади, смотри мне в спину, не зевай.

И пошёл. На пороге остановился, огляделся. Всё-таки до чего же проще работать днём, чем ночью! Помню я, как лежал вот на этом самом пороге. Темно, как у негра в ухе, из ямы «ведьмин студень» языки высовывает, голубые, как спиртовое пламя, и ведь что обидно — ничего, сволочь, не освещает, даже темнее из-за этих языков кажется. А сейчас что! Глаза к сумраку привыкли, всё как на ладони, даже в самых тёмных углах пыль видна. И действительно, серебрится там, нити какие-то серебристые тянутся от канистр к потолку, очень на паутину похоже. Может, паутина и есть, но лучше от неё подальше. Вот тут-то я и напортачил. Мне бы Кирилла





рядом с собой поставить, подождать, пока и у него глаза к полутьме привыкнут, и показать ему эту паутину, пальцем в неё ткнуть. А я привык один работать, у самого глаза пригяделись, а про Кирилла я и не подумал.

Шагнул это я внутрь, и прямо к канистрам. Присел над «пустышкой» на корточки, к ней паутина вроде бы не пристала. Взялся я за один конец и говорю Кириллу:

— Ну,<sup>324</sup> берись, да не урони, тяжёлая...

Поднял я на него глаза, и горло у меня перехватило: ни слова не могу сказать. Хочу крикнуть: *стой, мол, замри!* — и не могу. Да и не успел бы, наверное, слишком уж быстро всё получилось. Кирилл шагает через «пустышку», поворачивается задом к канистрам и всей спиной в это серебрение. Я только глаза закрыл. Всё во мне обмерло, ничего не слышу, слышу только, как эта паутина рвётся. Со слабым таким сухим треском, словно обыкновенная паутина лопаётся, но, конечно, погромче. Сажу я с закрытыми глазами, ни рук, ни ног не чувствую, а Кирилл говорит:

— Ну, что? — говорит. — Взяли?

— Взяли, — говорю.

Подняли мы «пустышку» и понесли к выходу, боком идём. Тяжеленная, стерва, даже вдвоём её тащить нелегко. Вышли мы на солнышко, остановились у «галоши», Тендер к нам уже лапы протянул.

— Ну, — говорит Кирилл, — раз, два...

— Нет, — говорю, — погоди. Поставим сначала.

Поставили.

— Повернись, — говорю, — спиной.

Он без единого слова повернулся. Смотрю я — ничего у него на спине нет. Я и так,<sup>325</sup> и этак — нет ничего. Тогда я поворачиваюсь и смотрю на канистры. И там ничего нет.

— Слушай, — говорю я Кириллу, а сам всё на канистры смотрю. — Ты паутину видел?

— Какую паутину? Где?

— Ладно, — говорю. — Счастлив наш бог.

А сам про себя думаю: *сие, впрочем, пока неизвестно.*

— Давай, — говорю, — берись.

Взвалили мы «пустышку» на «галошу» и поставили её на попа, чтобы не каталась. Стойт она, голубушка, новенькая, чистенькая, на меди солнышко играет, и синяя начинка между медными дисками туманно так переливается, струйчато. И видно теперь, что не «пустышка» это, а именно вроде сосуда, вроде стеклянной банки с синим сиропом. Полюбовались мы на неё, вскарабкались на «галошу» сами и без лишних слов — в обратный путь.

Лафа этим учёным! Во-первых, днём работают. А во-вторых, ходить им тяжело только в Зону, а из Зоны «галоша» сама везёт, есть у неё такое устройство, курсограф, что ли, которое ведёт «галошу» точно по тому же

324 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

325 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))







курсу, по какому она сюда шла. Плывём мы обратно, все манёвры повторяем, останавливаемся, повисим немного и дальше, и над всеми моими гайками проходим, хоть собирай их обратно в мешок.

Новички мои, конечно, сразу воспрянули духом. Головами вертят вовсю, страха у них почти не осталось, одно любопытство да радость, что всё благополучно обошлось. Принялись болтать. Тендер руками замахал и грозит, что вот сейчас пообедает и сразу обратно в Зону, дорогу к гаражу провешивать, а Кирилл взял меня за рукав и принялся мне объяснять про этот свой гравиконцентрат, про «комариную плешь» то есть. Ну, я их не сразу, правда, но укротил. Спокойненько так рассказал им, сколько дураков гробанулись на радостях на обратном пути. Молчите, говорю, и глядите как следует по сторонам, а то будет с вами как с Линдоном-Коротышкой. Подействовало. Даже не спросили, что случилось с Линдоном-Коротышкой. Плывём в тишине, а я об одном думаю: *как буду свинчивать крышечку. Так и этак представляю себе, как первый глоток сделаю, а перед глазами нет-нет да паутинка и блеснёт.*

Короче говоря, выбрались мы из Зоны, загнали нас с «галошей» вместе в вошебойку, или, говоря по-научному, в санитарный ангар. Мыли нас там в трёх кипятках и трёх щелочах, облучали какой-то ерундой, обсыпали чем-то и снова мыли, потом высушили и сказали: *«Валяйте, ребята, свободны!»*. Тендер с Кириллом поволокли «пустышку». Народу набежало смотреть — не протолкнёшься, и ведь что характерно: *все только смотрят и издают приветственные возгласы, а взяться и помочь усталым людям тащить ни одного смельчака не нашлось... Ладно, меня это всё не касается. Меня теперь ничто не касается...*

Стянул я с себя спецкостюм, бросил его прямо на пол, холоуи-сержанты подберут, — а сам двинул в душевую, потому что мокрый я был весь с головы до ног. Заперся я в кабинке, *вытащил флягу, отвинтил крышечку и присосался к ней, как клоп. Сажу на лавочке, в коленках пусто, в голове пусто, в душе пусто, знай себе глотаю крепкое, как воду. Живой. Отпустила Зона. Отпустила, поганка. Подлая. Живой. Очкарикам этого не понять. Никому, кроме сталкера, этого не понять. И текут у меня по щекам слёзы то ли от крепкого, то ли сам не знаю отчего. Высосал флягу досуха, сам мокрый, фляга сухая. Одного последнего глотка, конечно, не хватило. Ну ладно, это поправимо. Теперь всё поправимо. Живой. Закурил сигарету, сажу. Чувствую, отходить начал. Премияльные в голову пришли. Это у нас в институте поставлено здорово. Прямо хоть сейчас иди и получай конвертик. А может, и сюда принесут, прямо в душевую.*

Стал я потихоньку раздеваться. Снял часы, смотрю, а в Зоне-то мы *пробыли пять часов с минутами, господа мои! Пять часов. Меня аж передёрнуло. Да, господа мои, в Зоне времени нет. Пять часов... А если разобраться, что такое для сталкера пять часов? Плюнуть и растереть. А двенадцать часов не хочешь? А двое суток не хочешь? Когда за ночь не успел, целый день в Зоне лежишь рылом в землю и уже не молишься даже, а вроде бы бредишь, и сам не знаешь, живой ты или мёртвый... А во вторую ночь дело сделал, подобрался с хабаром к кордону, а там патрули-пулемётчики, жабы, они же тебя ненавидят, им же тебя арестовывать никакого удовольствия нет, они тебя боятся до смерти, что*







ты заразный, они тебя илѣпнуть стремятся, и все козыри у них на руках, иди потѳм, доказывай, что илѣпнули тебя незаконно... И значит, снова рылом в землю молиться до рассвета и опять до темноты, а хабар рядом лежит, и ты даже не знаешь, то ли он просто лежит, то ли он тебя тихонько убивает. Или как Мослатый Исхак застрѣл на рассвете на открытом месте, застрѣл между двумя канавами, ни вправо, ни влево. Два часа по нему стреляли, попасть не могли. Два часа он мѣртвым притворялся. Слава богу, поверили, ушли наконец. Я его потѳм увидел — не узнал, сломали его, как не было человека...

Отѣр я слѣзы и включил воду. Долго мылся. Горячей мылся, холодной мылся, снова горячей. Мыла целый кусок извѣл. Потѳм надоело. Выключил душ и слышу: барабанят в дверь, и Кирилл весело орѣт:

— Эй, сталкер, вылезай! Зелѣненькими пахнет!

Зелѣненькие это хорошо. Открыл я дверь, стоит Кирилл в одних трусах, весѣлый, без никакой меланхолии и конверт мне протягивает.

— Держи, — говорит, — от благодарного человечества.

— Кашлял я на твоѣ человечество! Сколько здесь?

— В виде исключения и за геройское поведение в опасных обстоятельствах — два оклада!

Да. Так жить можно. Если бы мне здесь за каждую «пустышку» по два оклада платили, я бы Эрнеста давным-давно подальше послал.

— Ну как, доволен? — спрашивает Кирилл, а сам сияет — рот до ушей.

— Ничего, — говорю. — А ты?

Он ничего не сказал. Обхватил меня за шею, прижал к потной своей груди, притиснул, оттолкнул и скрылся в соседней кабине.

— Эй! — кричу я ему вслед. — А Тендер что? Подштанники небось стирает?

— Что ты! Тендера там корреспонденты окружили, ты бы на него посмотрел, какой он важный... Он им так компетентно излагает...

— Как, — говорю, — излагает?

— Компетентно.

— Ладно, — говорю, — сэр. В следующий раз захвачу словарь, сэр. — И тут меня словно током ударило. — Подожди, Кирилл, — говорю. — Ну-ка выйди сюда.

— Да я уже голый, — говорит.

— Выйди, я не баба!

Ну, он вышел. Взял я его за плечи, повернул спиной. Нет. Показалось. Чистая спина. Струйки пота засохли.

— Чего тебе моя спина далась? — спрашивает он.





Отвесил я ему пинка по голому телу, нырнул к себе в душевую и заперся. *Нервы, чёрт бы их подрал. Там мереещилось, здесь мереещится... К дьяволу всё это! Напьюсь сегодня как лошадь. Ричарда бы ободрать, вот что! Надо же, стервец, как играет... Ни с какой картой его не возмёшь. Я уж и передёргивать пробовал, и карты под столом крестил, и по-всякому...*

— Кирилл! — кричу. — В «Боржч» сегодня придёшь?

— Не в «Боржч», а в «Борщ», сколько раз тебе говорить...

— Брось! Написано «*Боржч*». Ты к нам со своими порядками не суйся. Так придёшь или нет? Ричарда бы ободрать...

— Ох, не знаю, Рэд. Ты ведь, простая твоя душа, и не понимаешь, какую мы штуку притащили...

— А ты-то понимаешь?

— Я, впрочем, тоже не понимаю. Это верно. Но теперь, во-первых, понятно, для чего эти «пустышки» служили, а во-вторых, если одна моя идея пройдёт... Напишу статью, и тебе её персонально посвящу: *Рэдрику Шухарту, почётному сталкеру, с благоговением и благодарностью посвящаю.*

— Тут-то меня и упекут на два года, — говорю я.

— Зато в науку войдёшь. Так эту штуку и будут называть «банка Шухарта». Звучит?

Пока мы так трепались, я оделся. Сунул пустую флягу в карман, пересчитал зелёненькие и пошёл себе.

— Счастливо тебе оставаться, сложная твоя душа...

Он не ответил — вода сильно шумела.

Смотрю: в коридоре господин Тендер собственной персоной, красный весь и надутый, что твой индюк. Вокруг него толпа, тут и сотрудники, и корреспонденты, и пара сержантов затесалась (только что с обеда, в зубах ковыряют), а он знай себе болбочет: «*Та техника, которой мы располагаем, — болбочет, — даёт почти стопроцентную гарантию успеха и безопасности...*» Тут он меня увидал и сразу несколько усох, улыбается, ручкой делает. Ну, думаю, надо удирать. Рванул я, однако не успел. Слышу: топчут позади.

— Господин Шухарт! Господин Шухарт! Два слова о гараже!

— Комментариев не имею, — отвечаю я и перехожу на бег. Но чёрта с два от них оторвёшься: один, с микрофоном, — справа, другой, с фотоаппаратом, — слева.

— Видели вы в гараже что-нибудь необычное? Буквально два слова!

— Нет у меня комментариев! — говорю я, стараясь держаться к объективу затылком. — Гараж как гараж...

— Благодарю вас. Какого вы мнения о турбоплатформах?

— Прекрасного, — говорю я, а сам нацеливаюсь точнёхонько в сортир.

— Что вы думаете о целях Посещения?

— Обратитесь к учёным, — говорю. И раз за дверь.

Слышу: скребутся. Тогда я им через дверь говорю:





— Настоятельно рекомендую, — говорю, — расспросите господина Тендера, почему у него нос как свекла. Он по скромности замалчивает, а это было наше самое увлекательное приключение.

Как они двинут по коридору! Как лошади, ей-богу. Я выждал минуту: тихо. Высунулся: никого. И пошёл себе, посвистывая. Спустился в проходную, предъявил дылде пропуск, смотрю, *он мне честь отдаёт. Герою дня, значит.*

— Вольно, сержант, — говорю. — *Я вами доволен.*

Он осклабился, как будто я ему бог весть как польстил.

— Ну, ты, Рыжий, молодец, — говорит. — Горжусь, — говорит, — таким знакомством.

— Что, — говорю, — будет тебе в твоей Швеции о чём девкам рассказывать?

— Спрашиваешь! — говорит. — Они ж у меня будут таять, как свечки!

Нет, ничего он парень. Я, если честно, таких рослых и румяных не люблю. Девки от них без памяти, а чего, спрашивается? Не в росте ведь дело... Иду это я по улице и размышляю, в чём же тут дело. Солнышко светит, безлюдно вокруг. И захотелось мне вдруг прямо сейчас же Гуту увидеть. Просто так. Посмотреть на неё, за руку подержать. После Зоны человеку только одно и остаётся — за руку девочку подержать. Особенно когда вспомнишь все эти разговоры про детей сталкеров, какие они получаются... Да уж какая сейчас Гута, мне сейчас для начала бутылку крепкого, не меньше.

Миновал я автомобильную стоянку, а там и кордон. Стоят две патрульные машины во всей своей красе, широкие, жёлтые, прожекторами и пулемётами, жабы, ошетинились, ну и, конечно, голубые каски всю улицу загородили, не протолкнёшься. Я иду, глаза опустил, *лучше мне сейчас на них не смотреть, днём на них мне лучше не смотреть совсем: есть там два-три типчика, так я боюсь их узнать, скандал большой получится, если я их узнаю. Повезло им, ей-богу, что Кирилл меня в институт сманил, я их, гадов, искал тогда, пришёл бы и не дрогнул...*

Прохожу я через эту толпу плечом вперёд, совсем прошёл уже, и тут слышу: «Эй, сталкер!» Ну, это меня не касается, иду дальше, волоку из пачки сигаретку. Догоняет сзади кто-то, берёт за рукав. Я эту руку с себя стряхнул и вполоборота вежливенько так спрашиваю:

— Какого дьявола цепляешься, мистер?

— Постой, сталкер, — говорит он. — Два вопроса.

Поднял я на него глаза — капитан Квотерблад. Старый знакомый. Совсем ссохся, жёлтый стал какой-то.

— А, — говорю, — здоровья желаю, капитан. Как ваша печень?

— Ты, сталкер, мне зубы не заговаривай, — говорит он сердито, а сам так и сверлит меня глазами. — Ты мне лучше скажи, почему сразу не останавливаешься, когда тебя зовут?





И уже тут как тут две голубые каски у него за спиной, лапы на кобурах, глаз не видно, только челюсти под касками шевелятся. И где у них в Канаде таких набирают? На племя их нам прислали, что ли? ... Днём я патрулей вообще-то не боюсь, но вот обыскать, жабы, могут, а это мне в данный момент ни к чему.

— Да разве вы *меня* звали, капитан? — говорю. — Вы же *какого-то* сталкера...

— А ты, значит, уже и *не* сталкер?

— Как по вашей милости отсидел — бросил, — говорю. — Завязал. Спасибо вам, капитан, глаза у меня тогда открылись. Если бы не вы...

— Что в предзоннике делал?

— Как *что*? Я там работаю. Два года уже.

И чтобы закончить этот неприятный разговор, вынимаю я своё удостоверение и предъявляю его капитану Квотербладу. Он взял мою книжечку, перелистал, каждую страничку, каждую печать просто-таки обнюхал, чуть ли не облизал. Возвращает мне книжечку, а сам доволен, глаза разгорелись, и даже зарумянился.

— Извини, — говорит, — Шухарт. Не ожидал. Значит, — говорит, — не прошли для тебя мои советы даром. Что ж, это прекрасно. Хочешь верь, хочешь не верь, а я ещё тогда предполагал, что из тебя толк должен получиться. Не допускал я, чтобы такой парень...

И пошёл, и пошёл. Ну, думаю, вылечил я ещё одного меланхолика себе на голову, а сам, конечно, слушаю, глаза смущённо опускаю, поддакиваю, руками развожу и даже, помнится, ножкой застенчиво этак панель ковыряю. Эти громылы у капитана за спиной послушали-послушали, замутило их, видно, гляжу потопали прочь, где веселее. А капитан знай мне о перспективах излагает: ученье, мол, свет, неученье тьма крошечная, господь, мол, честный труд любит и ценит, — в общем, несёт он эту разнузданную тягомотину, которой нас священник в тюрьме каждое воскресенье травил. А мне выпить хочется, никакого терпёжу нет. *Ничего, думаю, Рэд, это ты, браток, тоже выдержишь. Надо, Рэд, терпи! Не сможет он долго в таком же темпе, вот уже и задыхаться начал...* Тут, на моё счастье, одна из патрульных машин принялась сигналить. Капитан Квотерблад оглянулся, крикнул с досадой и протягивает мне руку.

— Ну что ж, — говорит. — Рад был с тобой познакомиться, честный человек Шухарт. С удовольствием бы опрокинул с тобой стаканчик в честь такого знакомства. Крепкого, правда, мне нельзя, докторá не велят, но пивка бы я с тобой выпил. Да вот видишь — служба! Ну, ещё встретимся, — говорит.

*Не приведи господь*, думаю. Но ручку ему пожимаю и продолжаю краснеть и делать ножкой, — всё, как ему хочется. Потом он ушёл наконец, а я чуть ли не стрелой в «Боржч».

В «Боржче» в это время пусто. Эрнест стоит за стойкой, бокалы протирает и смотрит их на свет. Удивительная, между прочим, вещь: как ни придёшь, вечно эти бармены бокалы протирают, словно у них от этого зависит спасение душ. Вот так и будет стоять хоть целый день, возьмёт







бокал, прищурится, посмотрит на свет, подышит на него и давай тереть: потрёт-потрёт, опять посмотрит, теперь уже через донышко, и опять тереть...

— Здорово, Эрни! — говорю. — Хватит тебе его мучить, дыру протрёшь!

Поглядел он на меня через бокал, пробурчал что-то, будто животом, и, не говоря лишнего слова, наливает мне на четыре пальца крепкого. Я взгромоздился на табурет, глотнул, зажмурился, головой помотал и опять глотнул. Холодильник пощёлкивает, из музыкального автомата доносится какое-то тихое пиликанье. Эрнест сопит в очередной бокал, хорошо, спокойно... Я допил, поставил бокал на стойку, и Эрнест без задержки наливает мне ещё на четыре пальца прозрачного.

— Ну что, полегче стало? — бурчит. — Оттаял, сталкер?

— Ты знай себе три, — говорю. — Знаешь, один тёр-тёр и злого духа вызвал. Жил потом в своё удовольствие.

— Это кто же такой? — спрашивает Эрни с недоверием.

— Да был такой бармен здесь, — отвечаю. — Ещё до тебя.

— Ну и что?

— Да ничего. Ты думаешь, почему Посещение было? Тёр он, тёр... Ты думаешь, кто нас посетил, а?

— Трепло ты, — говорит Эрни с одобрением.

Вышел он на кухню и вернулся с тарелкой, жареных сосисок принёс. Тарелку поставил передо мной, пододвинул кетчуп, а сам снова за бокалы. Эрнест своё дело знает. Глаз у него намётанный, сразу видит, что сталкер из Зоны, что хабар будет, и знает Эрни, чего сталкеру после Зоны надо. Свой человек Эрни! Благодетель.

Доевши сосиски, я закурил и стал прикидывать, сколько же Эрнест на нашем брате зарабатывает. Какие цены на хабар в Европе, я не знаю, но краем уха слышал, что «пустышка», например, идёт там чуть ли не за две с половиной тысячи, а Эрни даёт нам всего четыреста. «Батарейки» там стоят не меньше ста, а мы получаем от силы по двадцать. Наверное, и всё прочее в том же духе. Правда, переправить хабар в Европу тоже, конечно, денег стоит. Тому на лапу, этому на лапу, начальник станции наверняка у них на содержании... В общем, если подумать, не так уж много Эрнест и заколачивает, процентов пятнадцать-двадцать, не больше, а если попадётся, десять лет каторги ему обеспечено...

Тут мои благочестивые размышления прерывает какой-то вежливый тип. Я даже не слышал, как он вошёл. Объявляется он возле моего правого локтя и спрашивает:

— Разрешите?

— О чём речь! — говорю. — Прошу.

Маленький такой, худенький, с востреньким носиком и при галстукке бабочкой. Фотокарточка его вроде мне знакома, где-то я его уже видел, но где — не помню. Залез он на табурет рядом и говорит Эрнесту:





— Бурбон, пожалуйста! — и сразу же ко мне: — Простите, кажется, я вас знаю. Вы в Международном институте работаете, так?

— Да, — говорю. — А вы?

Он ловко выхватывает из кармашка визитку и кладёт передо мной. Читаю: «*Алоиз Макно, полномочный агент Бюро эмиграции*». Ну, конечно, знаю я его. Пристаёт к людям, чтобы они из города уехали. Кому-то очень надо, чтобы мы все из города уехали. Нас, понимаешь, в Хармонте и так едва половина осталась от прежнего, так им нужно совсем место от нас очистить. Отодвинул я карточку ногтём и говорю ему:

— Нет, — говорю, — спасибо. Не интересуюсь. Мечтаю, знаете ли, умереть на родине.

— А почему? — живо спрашивает он. — Простите за нескромность, но что вас здесь удерживает?

Так ему прямо и скажи, что меня здесь держит.

— А как же! — говорю. — Сладкие воспоминания детства. Первый поцелуй в городском саду. Маменька, папенька. Как в первый раз пьян надрался в этом вот баре. Милый сердцу полицейский участок... — Тут я достаю из кармана свой засморканный носовой платок и прикладываю к глазам. — Нет, — говорю. — Ни за что!

Он посмеялся, лизнул свой бурбон и задумчиво так говорит:

— Никак я вас, хармонтцев, не могу понять. Жизнь в городе тяжёлая. Власть принадлежит военным организациям. Снабжение неважное. Под боком Зона, живёте как на вулкане. В любой момент может либо эпидемия какая-нибудь разразиться, либо что-нибудь похуже... Я понимаю, старики. Им трудно сняться с насиженного места. Но вот вы... Сколько вам лет? Года двадцать два — двадцать три, не больше... Вы поймите, наше Бюро — организация благотворительная, никакой корысти мы не извлекаем. Просто хочется, чтобы люди ушли с этого дьявольского места и включились бы в настоящую жизнь. Ведь мы обеспечиваем подъёмные, трудоустройство на новом месте... молодым, таким, как вы, — обеспечиваем возможность учиться... Нет, не понимаю!

— А что, — говорю я, — никто не хочет уезжать?

— Да нет, не то чтобы никто... Некоторые соглашаются, особенно люди с семьями. Но вот молодёжь, старики... Ну что вам в этом городе? Это же дыра, провинция...

И тут я ему выдал.

— Господин Алоиз Макно! — говорю. — Всё правильно. Городишко наш дыра. Всегда дырой был и сейчас дыра. Только сейчас, — говорю, — это дыра в будущее. Через эту дыру мы такое в ваш паршивый мир накачаем, что всё переменится. Жизнь будет другая, правильная, у каждого будет всё, что надо. Вот вам и дыра. Через эту дыру знания идут. А когда знание будет, мы и богатыми всех сделаем, и к звёздам полетим, и куда хочешь доберёмся. Вот такая у нас здесь дыра...

На этом месте я оборвал, потому что заметил, что Эрнест смотрит на меня с огромным удивлением, и стало мне неловко. Я вообще не люблю чужие слова повторять, даже если эти слова мне, скажем, нравятся. Тем





более что у меня это как-то коряво выходит. Когда Кирилл говорит, заслушаться можно, рот забываешь закрывать. А я вроде бы то же самое излагаю, но получается как-то не так. Может быть, потому, что Кирилл никогда Эрнесту под прилавок хабар не складывал. Ну ладно...

Тут мой Эрни спохватился и торопливо налил мне сразу пальцев на шесть: *очухайся, мол, парень, что это с тобой сегодня?* А востроносый господин Макно снова лизнул свой бурбон и говорит:

— Да, конечно... Вечные аккумуляторы, «синяя панацея» ... Но *вы и в самом деле верите, что будет так, как вы сказали?*

— Это не ваша забота, во что я там на самом деле верю, — говорю я. — Это я про город говорил. А про себя я так скажу: чего я у вас там, в Европе, не видел? Скуки вашей не видел? День вкалываешь, вечер телевизор смотришь, ночь пришла — к постылой бабе под одеяло, ублюдков плодить. Стачки ваши, демонстрации, политика раздолбанная... В гробу я вашу Европу видел, — говорю, — занюханную.

— Ну почему же обязательно Европа? ...

— А, — говорю, — *езде одно и то же, а в Антарктиде ещё вдобавок холодно.*

И ведь что удивительно: говорил я ему и всеми печёнками верил в то, что говорил. И Зона наша, гадина, стервозная, убийца, во сто раз милее мне в этот момент была, чем все ихние Европы и Африки. И ведь пьян ещё не был, а просто представилось мне на мгновение, как я, весь измочаленный, с работы возвращаюсь в стаде таких же кретинов, как меня в ихнем метро давят со всех сторон и как всё мне обрыдло, и ничего мне не хочется.

— А вы что скажете? — обращается востроносый к Эрнесту.

— У меня дело, — веско отвечает Эрни. — Я вам не сопляк какой-нибудь! Я все свои деньги в это дело вложил. Ко мне иной раз сам комендант заходит, генерал, понял? Чего же я отсюда поеду? ...

Господин Алоиз Макно принялся ему что-то втолковывать с цифрами, но я его уже не слушал. Хлебнул я как следует из бокала, выгреб из кармана кучу мелочи, слез с табуретки и первым делом запустил музыкальный автомат на полную катушку. Есть там одна такая песенка — «*Не возвращайся, если не уверен*». Очень она на меня хорошо действует после Зоны... Ну, автомат, значит, гремит и завывает, а я забрал свой бокал и пошёл в угол к «однорукому бандиту» старые счёты сводить. И полетело время, как птичка... Просаживаю это я последний никель, и тут вваливаются под гостеприимные своды Ричард Нунан с Гуталином. Гуталин уже на бровях, вращает белками и ищет, кому бы дать в ухо, а Ричард Нунан нежно держит его под руку и отвлекает анекдотами. Хороша парочка! Гуталин здоровенный, чёрный, как офицерский сапог, курчавый, ручищи до колен, а Дик — маленький, кругленький, розовенький весь, благостный, только что не светится.

— А! — кричит Дик, увидев меня. — Вот и Рэд здесь! Иди к нам, Рэд!

— Пр-равильно! — ревет Гуталин. — Во всём городе есть только два человека — Рэд и я! Все остальные — свиньи, дети сатаны. Рэд! Ты тоже служишь сатане, но ты всё-таки человек...





Я подхожу к ним со своим бокалом, Гуталин сгребает меня за куртку, сажает за столик и говорит:

— Садись, Рыжий! Садись, слуга сатаны! Люблю тебя. Поплачем о грехах человеческих. Горько восплачем!

— Восплачем, — говорю. — Глотнём слёз греха.

— Ибо грядёт день, — возвещает Гуталин. — Ибо взнуздан уже конь бледный, и уже вложил ногу в стремя всадник его. И тщетны молитвы продавшихся сатане. И спасутся только ополчившиеся на него. Вы, дети человеческие, сатанюю прельщённые, сатанинскими игрушками играющие, сатанинских сокровищ взалкавшие, — вам говорю: слепые! Опомнитесь, сволочи, пока не поздно! Растопчите дьявольские бирюльки! — Тут он вдруг замолчал, словно забыл, как будет дальше. — А выпить мне здесь дадут? — Спросил он уже другим голосом. — Или где это я? ... Знаешь, Рыжий, опять меня с работы попёрли. Агитатор, говорят. Я им объясняю: опомнитесь, сами, слепые, в пропасть валитесь и других слепцов за собой тянете! Смеются. Ну, я дал управляющему по харе и ушёл. Посадят теперь. А за что?

Подошёл Дик, поставил на стол бутылку.

— Сегодня я плачú! — крикнул я Эрнесту.

Дик на меня скоился.

— Всё законно, — говорю. — Премию будем пропивать.

— В Зону ходили? — спрашивает Дик. — Что-нибудь вынесли?

— Полную «пустышку», — говорю я. — На алтарь науки. И полные штаны вдобавок. Ты разливать будешь или нет?

— «Пустышку»! ... — горестно гудит Гуталин. — За какую-то «пустышку» жизнью своей рисковал! Жив остался, но в мир принёс ещё одно дьявольское изделие... А как ты можешь знать, Рыжий, сколько горя и греха...

— Засохни, Гуталин, — говорю я ему строго. — Пей и веселись, что я живой вернулся. За удачу, ребята!

Хорошо пошло за удачу. Гуталин совсем раскис, сидит, плачет, течёт у него из глаз как из водопроводного крана. Ничего, я его знаю. Это у него стадия такая: обливаться слезами и проповедовать, что Зона, мол, есть дьявольский соблазн, выносить из неё ничего нельзя, а что уже вынесли, — вернуть обратно и жить так, будто Зоны вовсе нет. Дьяволову, мол, дьяволу.

Я его люблю, Гуталина. Я вообще чудаков люблю. У него когда деньги есть, он у кого попало хабар скупает, не торгуясь, за сколько спросят, а потом ночью прёт этот хабар обратно, в Зону, и там закапывает... Во ревёт-то, господи!

Ну ничего, он ещё разойдётся.

— А что это такое: *полная «пустышка»*? — спрашивает Дик. — Просто «пустышку» я знаю, а вот что такое *полная*? Первый раз слышу.

Я ему объяснил. Он головой покачал, губами почмокал.

— Да, — говорит. — Это интересно. Это, — говорит, — что-то новенькое. А с кем ты ходил? С русским?







— Да, — отвечаю. — С Кириллом и с Тендером. Знаешь, наш лаборант.

— Намучился с ними, наверное...

— Ничего подобного. Вполне прилично держались ребята. Особенно Кирилл. Прирождённый сталкер, — говорю. — Ему бы опыта побольше, торопливость с него эту ребячью сбить, я бы с ним каждый день в Зону ходил.

— И каждую ночь? — спрашивает он с пьяным смешком.

— Ты это брось, — говорю. — Шутки шутками...

— Знаю, — говорит он. — Шутки шутками, а за такое можно и схлопотать. Считай, что я тебе должен две плюхи...

— *Кому две плюхи?* — встрепнулся Гуталин. — *Который здесь?*

Схватили мы его за рúки, еле усадили. Дик ему сигарету в зубы вставил и зажигалку поднёс. Успокоили. А народу тем временем всё прибавляется. Стойку уже облепили, многие столики заняты. Эрнест своих девок кликнул, бегают они, разносят кому что: кому пива, кому коктейлей, кому чистого. Я смотрю, последнее время в городе много незнакомых появилось, всё больше какие-то молокососы в пёстрых шарфах до полу. Я сказал об этом Дику. Дик кивнул.

— А как же, — говорит. — Начинается большое строительство. Институт три новых здания закладывает, а кроме того, Зону собираются стеной огородить от кладбища до старого ранчо. Хорошие времена для сталкеров кончаются...

— А когда они у сталкеров были? — говорю. А сам думаю: *«Вот тебе и на, что ещё за новости? Значит, теперь не подработаешь. Ну что ж, может, это и к лучшему, соблазна меньше. Буду ходить в Зону днём, как порядочный, — деньги, конечно, не те, но зато куда безопаснее: “галоша”, спецкостюм, то-сё, и на патрулей наплевать... Прожить можно и на зарплату, а выпивать буду на премиальные»*. И такая меня тоска взяла! Опять каждый грош считать: это можно себе позволить, это нельзя себе позволить, Гуте на любую тряпку копи, в бар не ходи, ходи в кино... И серо всё, серо. Каждый день серо, и каждый вечер, и каждую ночь.

Сижу я так, думаю, а Дик над ухом гудит:

— Вчера в гостинице зашёл я в бар принять ночной колпачок, сидят какие-то новые. Сразу они мне не понравились. Подсаживается один ко мне и заводит разговор издалика, даёт понять, что он меня знает, знает, кто я, где работаю, и намекает, что готов хорошо оплачивать разнообразные услуги...

— Шпик, — говорю я. Не очень мне интересно было это, шпики я здесь навидался и разговоров насчёт услуг слышался.

— Нет, милый мой, *не шпик*. Ты послушай. Я немножко с ним побеседовал, осторожно, конечно, дурачка такого соорил. Его интересуют кое-какие предметы в Зоне, и при этом предметы серьёзные. Аккумуляторы, «зуда», «чёрные брызги» и прочая бижутерия ему не нужна. А на то, что ему нужно, он только намекал.

— Так что же ему нужно? — спрашиваю я.





— «Ведьмин студень», как я понял, — говорит Дик и странно как-то на меня смотрит.

— Ах, «ведьмин студень» ему нужен! — говорю я. — А «смерть-лампа» ему, случайно, не нужна?

— Я его тоже *так* спросил.

— Ну?

— Представь себе, *нужна*.

— Да? — говорю я. — Ну так пусть сам и добывает всё это. Это же раз плюнуть! «Ведьмина студня» вон полные подвалы, бери ведро да зачёрпывай. Похороны за свой счёт.

Дик молчит, смотрит на меня исподлобья и даже не улыбается. Что за чёрт, нанять он меня хочет, что ли? И тут до меня дошло.

— Подожди, — говорю. — Кто же это такой был? «*Студень*» *запрещено даже в институте изучать...*

— *Правильно*, — говорит Дик неторопливо, а сам всё на меня смотрит. — Исследования, представляющие потенциальную опасность для человечества. Понял теперь, *кто* это?

Ничего я не понимал.

— Пришельцы, что ли? — говорю.

Он расхохотался, похлопал меня по руке и говорит:

— Давай-ка лучше выпьем, простая ты душа!

— Давай, — говорю, но злюсь. *Тоже мне нашли себе простую душу, сукины дети!* — Эй, — говорю, — Гуталин! Хватит спать, давай выпьем.

Нет, спит Гуталин. Положил свою чёрную ряшку на чёрный столик и спит, руки до полу свесил. Выпили мы с Диком без Гуталина.

— Ну ладно, — говорю. — Простая я там душа или сложная, а про этого типа я бы тут же донёс куда следует. Уж на что я не люблю полицию, а сам бы пошёл и донёс.

— Угу, — говорит Дик. — А тебя бы в полиции спросили: *а почему, собственно, оный тип именно к вам обратился?* А?

Я помотал головой:

— Всё равно. Ты, толстый боров, в городе третий год, а в Зоне ни разу не был, «ведьмин студень» только в кино видел, а посмотрел бы ты его в натуре, да что он с человеком делает, ты бы тут же и обгадился. Это, милок, страшная штука, её из Зоны выносить нельзя... Сам знаешь, сталкеры — люди грубые, им только капусту подавай, да побольше, но на такое даже покойный Слизняк не пошёл бы. Стервятник Барбридж на такое не пойдёт... *Я даже представить себе боюсь, кому и для чего «ведьмин студень» может понадобиться...*

— Что ж, — говорит Дик. — Всё это правильно. Только мне, понимаешь, не хочется, чтобы в одно прекрасное утро нашли меня в постельке покончившего жизнь самоубийством. Я не сталкер, однако человек тоже грубый и деловой, и жить, понимаешь, люблю. Давно живу, привык уже...





Тут Эрнест вдруг заорал из-за стойки:

— Господин Нунан! Вас к телефону!

— Вот дьявол, — говорит Дик злобно. — Опять, наверное, рекламация. Везде найдут. Извини, — говорит, — Рэд.

Встаёт он и уходит к телефону. А я остаюсь с Гуталином и с бутылкой, и поскольку от Гуталина проку никакого нет, то принимаюсь я за бутылку вплотную. *Чёрт бы подобрал эту Зону, нигде от неё спасения нет. Куда ни пойдёшь, с кем ни заговоришь — Зона, Зона, Зона... Хорошо, конечно, Кириллу рассуждать, что из Зоны истечёт вечный мир и благорастворение воздушных масс. Кирилл хороший парень, никто его дураком не назовёт, наоборот, умница, но ведь он же о жизни ни черта не знает. Он же представить себе не может, сколько всякой сволочи крутится вокруг Зоны. Вот теперь, пожалуйста: «ведьмин студень» кому-то понадобился. Нет, Гуталин хоть и пропойца, хоть и психованный он на религиозной почве, но иногда подумаешь-подумаешь, да и скажешь: может, действительно оставить дьявола дьяволу? Не тронь дерьмо...*

Тут усаживается на место Дика какой-то сопляк в пёстром шарфе.

— Господин Шухарт? — спрашивает.

— Ну? — говорю.

— Меня зовут Креон, — говорит. — Я с Мальты.

— Ну, — говорю. — И как там у вас на Мальте?

— У нас на Мальте неплохо, но я не об этом. Меня к вам направил Эрнест.

Так, думаю. Сволочь всё-таки этот Эрнест. Ни жалости в нём нет, ничего. Вот сидит парнишка смугленький, чистенький, красавчик, не брился поди ещё ни разу и девку ещё ни разу не целовал, а Эрнесту всё равно, ему бы только побольше народу в Зону загнать, один из трёх с хабаром вернётся — уже капуста...

— Ну и как поживает старина Эрнест? — спрашиваю.

Он оглянулся на стойку и говорит:

— По-моему, он неплохо поживает. Я бы с ним поменялся.

— А я бы нет, — говорю. — Выпить хочешь?

— Спасибо, я не пью.

— Ну,<sup>326</sup> закури, — говорю.

— Извините, но я и не курю тоже.

— Чёрт тебя подери! — говорю я ему. — Так зачем тебе тогда деньги?

Он покраснел, перестал улыбаться и негромко так говорит:

— Наверное, — говорит, — это только меня касается, господин Шухарт, правда ведь?

— Что правда, то правда, — говорю я и наливаю себе на четыре пальца. В голове, надо сказать, уже немного шумит и в теле этакая приятная расслабленность: совсем отпустила Зона. — Сейчас я пьян, —

326 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





говорю. — Гуляю, как видишь. Ходил в Зону, вернулся живой и с деньгами. Это не часто бывает, чтобы живой, и уже совсем редко, чтобы с деньгами. Так что давай отложим серьёзный разговор...

Тут он вскакивает, говорит «извините», и я вижу, что вернулся Дик. Стоит рядом со своим стулом, и по лицу его я понимаю: *что-то случилось*.

— Ну, — спрашиваю, — опять твои баллоны вакуум не держат?

— Да, — говорит он. — Опять...

Садится, наливает себе, подливает мне, и вижу я, что не в рекламации дело. На рекламации он, надо сказать, поплёвывает, тот ещё работник!

— Давай, — говорит, — выпьем, Рэд. — И, не дожидаясь меня, опрокидывает залпом всю свою порцию и наливает новую. — Ты знаешь, — говорит он, — *Кирилл Панов умер*.

Сквозь хмель я его не сразу понял. Умер там кто-то и умер.

— Что ж, — говорю, — выпьем за упокой души...

Он глянул на меня круглыми глазами, и только тогда я почувствовал, словно всё у меня внутри оборвалось. Помнится, я встал, упёрся в столешницу и смотрю на него сверху вниз.

— *Кирилл?!.* — А у самого перед глазами серебряная паутина, и снова я слышу, как она потрескивает, разрываясь. И через это жуткое потрескивание голос Дика доходит до меня как из другой комнаты:

— Разрыв сердца. В душевой его нашли, голого. Никто ничего не понимает. Про тебя спрашивали, я сказал, что ты в полном порядке...

— А чего тут не понимать? — говорю. — Зона...

— Ты сядь, — говорит мне Дик. — Сядь и выпей.

— Зона... — повторяю я и не могу остановиться. — Зона... Зона...

Ничего вокруг не вижу, кроме серебряной паутины. Весь бар запутался в паутине, люди двигаются, а паутина тихонько потрескивает, когда они её задевают. А в центре Мальтиец стоит, лицо у него удивлённое, детское, ничего не понимает.

— Малыш, — говорю я ему ласково. — Сколько тебе денег надо? Тысячи хватит? На! Бери, бери! — сую я ему деньги и уже кричу: — Иди к Эрнесту и скажи ему, что он сволочь и подонок, не бойся, скажи! Он же трус! ... Скажи и сейчас же иди на станцию, купи себе билет и прямиком на свою Мальту! Нигде не задерживайся! ...

Не помню, что я там ещё кричал. Помню, оказался я перед стойкой, Эрнест поставил передо мной бокал освежающего и спрашивает:

— Ты сегодня вроде при деньгах?

— Да, — говорю, — при деньгах...

— Может, должок отдашь? Мне завтра налог платить.

И тут я вижу: в кулаке у меня пачка денег. Смотрю я на эту капусту зелёную и бормочу:

— Надо же, не взял, значит, Креон Мальтийский... Гордый, значит... Ну, всё остальное судьба.







— Что это с тобой? — спрашивает друг Эрни. — Перебрал малость?

— Нет, — говорю. — Я, — говорю, — в полном порядке. Хотя сейчас в душ.

— Шёл бы ты домой, — говорит друг Эрни. — Перебрал ты малость.

— Кирилл умер, — говорю я ему.

— Это который Кирилл? Шелудивый, что ли?

— Сам ты шелудивый, сволочь, — говорю я ему. — Из тысячи таких, как ты, одного Кирилла не сделать. Паскуда ты, — говорю. — Торгаш вонючий. Смертью ведь торгуешь, морда. Купил нас всех за зелёненькие... Хочешь, сейчас всю твою лавочку разнесу?

И только я замахнулся как следует, вдруг меня хватают и тащат куда-то. А я уже ничего не соображаю и соображать не хочу. Ору чего-то, отбиваюсь, ногами кого-то бью, потом опомнился, сижу в туалетной, весь мокрый, морда разбита. Смотрю на себя в зеркало и не узнаю, и тик мне какой-то щёку сводит, никогда этого раньше не было. А из зала шум, трещит что-то, посуда бьётся, девки визжат, и слышу: Гуталин ревёт, что твои гризли: *«Покайтесь, паразиты! Где Рыжий? Куда Рыжего дели, чёртово семя? ...»* И полицейская сирена завывает.

Как она завывала, тут у меня в мозгу всё словно хрустальное сделалось. Всё помню, всё знаю, всё понимаю. И в душе уже больше ничего нет, одна ледяная злоба. *Так, думаю, я тебе сейчас устрою вечерочек! Я тебе покажу, что такое сталкер, торгош вонючий!* Вытащил я из часового карманчика «зуду», новенькую, ни разу не пользованную, пару раз сжал её между пальцами для разгона, дверь в зал приоткрыл и бросил её тихонько в плевательницу. А сам окошко в сортире распахнул и на улицу. Очень мне, конечно, хотелось посмотреть, как всё это получится, но надо было убираться поскорее. Я эту «зуду» переносу плохо, у меня от неё кровь из носа идёт.

Перебежал я через двор и слышу: заработала моя «зуда» на всю катушку. Сначала завывали и залаяли собаки по всему кварталу: они первыми «зуду» чуют. Потом завопил кто-то в кабаке, так что у меня даже уши заложило на расстоянии. Я так и представил себе, как там народишко заметался, — кто в меланхолию впал, кто в дикое буйство, кто от страха не знает, куда деваться... *Страшная штука «зуда». Теперь у Эрнеста не скоро полный кабак наберётся. Он, конечно, догадается про меня, да только мне наплевать... Всё. Нет больше сталкера Рэда. Хватит с меня этого. Хватит мне самому на смерть ходить и других дураков этому делу обучать. Ошибся ты, Кирилл, дружок мой милый. Прости, да только, выходит, не ты прав, а Гуталин прав. Нечего здесь людям делать. Нет в Зоне добра.*

Перелез я через забор и побрёл потихоньку домой. Губы кусаю, плакать хочется, а не могу. Впереди пустота, ничего нет. Тоска, будни. *«Кирилл, дружок мой единственный, как же это мы с тобой? Как же я теперь без тебя? Перспективы мне рисовал, про новый мир, про изменённый мир... а теперь что? Заплачет по тебе кто-то в далёкой России, а я вот и заплакать не могу. И ведь я во всём виноват, паразит, не кто-нибудь, а я! Как я, скотина, смел его в гараж вести, когда у него глаза*





к темноте не привыкли? Всю жизнь волком жил, всю жизнь об одном себе думал... И вот в кои-то веки вздумал облагодетельствовать, подарочек поднести. На кой чёрт я вообще ему про эту “пустышку” сказал?» И как вспомнил я об этом, взяло меня за глотку, хоть и вправду волком вой. Я, наверное, и завыл, люди от меня что-то шарахаться стали, а потом вдруг словно бы полегчало: смотрю, Гута идёт.

Идёт она мне навстречу, моя красавица, девочка моя, идёт, ножками своими ладными переступает, юбочка над коленками колышется, из всех подворотен на неё глазеют, а она идёт как по струночке, ни на кого не глядит, и почему-то я сразу понял, что *это она меня ищет*.

— Здравствуй, — говорю, — Гута. Куда это ты, — говорю, — направилась?

Она окинула меня взглядом, в момент всё увидела, и морду у меня разбитую, и куртку мокрую, и кулаки в ссадинах, но ничего про это не сказала, а говорит только:

— Здравствуй, Рэд. А я как раз тебя ищу.

— Знаю, — говорю. — Пойдём ко мне.

Она молчит, отвернулась и в сторону смотрит. Ах, как у неё головка-то посажена, шейка какая, как у кобылки молоденькой, гордой, но покорной уже своему хозяину. Потом она говорит:

— Не знаю, Рэд. Может, ты со мной больше встречаться не захочешь.

У меня сердце сразу сжалось: *что ещё?* Но я спокойно ей так говорю:

— Что-то я тебя не понимаю, Гута. Ты меня извини, я сегодня маленько того, может, поэтому плохо соображаю... Почему это я вдруг с тобой не захочу встречаться?

Беру я её под руку, и идём мы не спеша к моему дому, и все, кто только что на неё глазел, теперь торопливо рыла прячут. Я на этой улице всю жизнь живу, Рэда Рыжего здесь все прекрасно знают. А кто не знает, тот у меня быстро узнает, и он это чувствует.

— Мать велит аборт делать, — говорит вдруг Гута. — А я не хочу.

Я ещё несколько шагов прошёл, прежде чем *понял*, а Гута продолжает:

— Не хочу я никаких аборт, я ребёнка хочу от тебя. А ты как угодно. Можешь на все четыре стороны, я тебя не держу.

Слушаю я её, как она понемножку накаляется, сама себя заводит, слушаю и потихоньку балдею. Ничего толком сообразить не могу. В голове какая-то глупость вертится: *одним человеком меньше — одним человеком больше*.

— Она мне толкует, — говорит Гута, — ребёнок, мол, от сталкера, чего тебе уродов плодить? Проходимец он, говорит, ни семьи у вас не будет, ничего. Сегодня он на воле, завтра — в тюрьме. А только мне всё равно, я на всё готова. Я и сама могу. Сама рожу, сама подниму, сама человеком сделаю. И без тебя обойдусь. Только ты ко мне больше не подходи, на порог не пущу...





— Гута, — говорю, — девочка моя! Да подожди ты... — А сам не могу, смех меня разбирает какой-то нервный, идиотский. — Ласточка моя, — говорю, — чего же ты меня гонишь, в самом деле?

Я хохочу как последний дурак, а она остановилась, уткнулась мне в грудь и ревёт.

— Как же мы теперь будем, Рэд? — говорит она сквозь слёзы. — Как же мы теперь будем?

## 2.

### **Рэдрик Шухарт, 28 лет, женат, без определённых занятий**

Рэдрик Шухарт лежал за могильным камнем и, отведя рукой ветку рябины, глядел на дорогу. Прожекторá патрульной машины метались по кладбищу и время от времени били его по глазам, и тогда он зажмуривался и задерживал дыхание.

Прошло уже два часа, а на дороге всё оставалось по-прежнему. Машина, мерно kloкоча двигателем, работающим вхолостую, стояла на месте и всё шарила своими тремя прожекторами по запущенным могилам, по покосившимся ржавым крестам и по плитам, по неряшливо разросшимся кустам рябины, по гребню трёхметровой стены, обрывавшейся слева. Патрульные боялись Зоны. Они даже не выходили из машины. Здесь, возле кладбища, они даже не решались стрелять. Иногда до Рэдрика доносились приглушённые голоса, иногда он видел, как из машины вылетал огонёк сигаретного окурка и катился по шоссе, подпрыгивая и рассыпая слабые красноватые искры. Было очень сыро, недавно прошёл дождь, и даже сквозь непромокаемый комбинезон Рэдрик ощущал влажный холод.

Он осторожно отпустил ветку, повернул голову и прислушался. Где-то справа, не очень далеко, но и не близко, здесь же на кладбище был кто-то ещё. Там снова прошуршала листва и вроде бы посыпалась земля, а потом с негромким стуком упало тяжёлое и твёрдое. Рэдрик осторожно, не поворачиваясь, пополз задом, прижимаясь к мокрой траве. Снова над головой скользнул прожекторный луч. Рэдрик замер, следя за его бесшумным движением, ему показалось, что между крестами сидит на могиле неподвижный человек в чёрном. Сидит, не скрываясь, прислонившись спиной к мраморному обелиску, повернув в сторону Рэдрика белое лицо с тёмными ямами глаз. На самом деле Рэдрик не видел и за долю секунды не мог увидеть всех этих подробностей, но он представлял себе, как это должно было выглядеть. Он отполз ещё на несколько шагов, нащупал за пазухой флягу, вытащил её и некоторое время полежал, прижимая к щеке тёплый металл. Затем, не выпуская фляги из рук, пополз дальше. Он больше не прислушивался и не смотрел по сторонам.

В ограде был пролом, и у самого пролома на расстеленном просвинцованном плаще лежал Барбридж. Он по-прежнему лежал на спине, оттягивая обеими руками воротник свитера, и тихонько, мучительно кряхтел, то и дело срываясь на стоны. Рэдрик сел рядом с ним и отвинтил





колпачок у фляги. Потом он осторожно запустил руку под голову Барбриджа, всей ладонью ощущая липкую от пота, горячую лысину, и приложил горлышко фляги к губам старика. Было темно, но в слабых отсветах прожекторов Рэдрик видел широко раскрытые и словно бы остекленевшие глаза Барбриджа, чёрную щетину, покрывавшую его щёки. Барбридж жадно глотнул несколько раз, а затем беспокойно задвигался, ощупывая рукой мешок с хабаром.

— Вернулся... — проговорил старик. — Хороший парень... Рыжий... Не бросишь старика... подышать...

Рэдрик, запрокинув голову, сделал хороший глоток.

— Стойт, жаба, — сказал он. — Как приклеенная.

— Это... неспроста... — проговорил Барбридж. Говорил он отрывисто, на выдохе. — Донёс кто-то. Ждут.

— Может быть, — сказал Рэдрик. — Дать ещё глоток?

— Нет. Хватит пока. Ты меня не бросай. Не бросишь — не помру. Тогда не пожалеешь. Не бросишь, Рыжий?

Рэдрик не ответил. Он смотрел в сторону шоссе на голубые сполохи прожекторов. Мраморный обелиск был виден отсюда, но непонятно было, сидит там этот или сгинул.

— Слушай, Рыжий. Я не треплюсь. Не пожалеешь. Знаешь, почему старик Барбридж до сих пор жив? Знаешь? Боб Горилла сгинул, Фараон Банкёр погиб, как не было. Какой был сталкер! А погиб. Слизняк тоже. Норман Очкарик. Каллоген. Пит Болячка. Все. Один я остался. Почему? Знаешь?

— Подлец ты всегда был, — сказал Рэдрик, не отрывая глаз от шоссе. — Стервятник.

— Подлец. Это верно. Без этого нельзя. Но ведь и все так. Фараон. Слизняк. А остался один я. Знаешь,<sup>327</sup> почему?

— Знаю, — сказал Рэдрик, чтобы отвязаться.

— Врёшь. Не знаешь. Про Золотой шар слышал?

— Слышал.

— Думаешь, сказка?

— Ты бы молчал лучше, — посоветовал Рэдрик. — Силы ведь теряешь!

— Ничего, ты меня вынесешь. Мы с тобой столько ходили! Неужели бросишь? Я тебя вот такого... маленького знал. Отца твоего.

Рэдрик молчал. Очень хотелось курить, он вытащил сигарету, выкрошил табак на ладонь и стал нюхать. Не помогало.

— Ты меня *должен* вытащить, — проговорил Барбридж. — Это из-за тебя я погорел. Это *ты Мальтийца* не взял.

327 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







Мальтиец очень набивался пойти с ними. Целый день угощал, предлагал хороший залог, клялся, что достанет спецкостюм, и Барбридж, сидевший рядом с Мальтийцем, загородившись от него тяжёлой морщинистой ладонью, яростно подмигивал Рэдрику: *соглашайся, мол, не прогадаем*. Может быть, именно поэтому Рэдрик сказал тогда «нет».

— Из-за жадности своей ты погорел, — холодно сказал Рэдрик. — Я здесь ни при чём. Помолчи лучше.

Некоторое время Барбридж только кряхтел. Он снова запустил пальцы за воротник и совсем запрокинул голову.

— Пусть весь хабар будет твой, — прокряхтел он. — Только не бросай.

Рэдрик посмотрел на часы. До рассвета оставалось совсем немного, а патрульная машина всё не уходила. Прожекторы её продолжали шарить по кустам, и где-то там, совсем рядом с патрулём, стоял замаскированный «лендровер», и каждую минуту его могли обнаружить.

— Золотой шар, — сказал Барбридж. — Я его нашёл. Вранья вокруг него потом наплели! Я и сам плёл. Что любое, мол, желание выполняет. Как же,<sup>328</sup> любое! Если бы любое, меня б здесь давно не было. Жил бы в Европе. В деньгах бы купался.

Рэдрик посмотрел на него сверху вниз. В бегучих голубых отсветах запрокинутое лицо Барбриджа казалось мёртвым. Но стеклянные глаза его выкатились и пристально, не отрываясь, следили за Рэдриком.

— Вечную молодость чёрта я получил, — бормотал он. — Денег — чёрта. А вот здоровье — да. И дети у меня хорошие. И жив. Ты такого во сне не видел, где я был. И всё равно жив. — Он облизал губы. — Я его только об этом прошу. *Жить, мол, дай. И здоровья. И чтобы дети.*

— Да заткнись ты, — сказал,<sup>329</sup> наконец,<sup>330</sup> Рэдрик. — Что ты как баба? Если смогу, вытащу. Дину мне твою жалко, на панель ведь пойдёт девка...

— Дина... — прохрипел Барбридж. — Деточка моя. Красавица. Они ж у меня балованные, Рыжий. Отказа не знали. Пропадут. Артур. Арчи мой. Ты ж его знаешь, Рыжий. Где ты ещё таких видел?

— Сказано тебе: *смогу, вытащу*.

— Нет, — упрямо сказал Барбридж. — Ты меня в любом случае *вытащишь*. Золотой шар. Хочешь скажу,<sup>331</sup> где?

— Ну, скажи.

Барбридж застонал и пошевелился.

— Ноги мои... — прокряхтел он. — Пощупай, как там.

Рэдрик протянул руку и, ощупывая, провёл по его ноге ладонью от колена и ниже.

— Кости... — хрипел Барбридж. — Кости ещё есть?

— Есть, есть, — соврал Рэдрик. — Не суетись.

328 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

329 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

330 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

331 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





На самом деле прощупывалась только коленная чашечка. Ниже, до самой ступни, нога была как резиновая палка, её можно было узлом завязать.

— Врёшь ведь, — сказал Барбридж с тоской. — Ну, ладно. Ты только меня вытащи. Я тебе всё. Золотой шар. Карту нарисую. Все ловушки укажу. Всё расскажу...

Он говорил и обещал ещё что-то, но Рэдрик уже не слушал его. Он смотрел в сторону шоссе. Проекторá больше не металась по кустам, они замерли, скрестившись на том самом мраморном обелиске, и в ярком голубом тумане Рэдрик отчётливо увидел согнутую фигуру, бредущую среди кустов. Фигура эта двигалась, как бы вслепую, прямо на проекторá. Рэдрик увидел, как она налетела на огромный крест, отшатнулась, снова ударилась о крест и только тогда обогнула его и двинулась дальше, вытянув вперёд длинные рúки с растопыренными пальцами. Потóм она вдруг исчезла, словно провалилась под землю, и через несколько секунд появилась опять, правее и дальше, шагая с каким-то нелепым, нечеловеческим упорством, как заведённый механизм.

И вдруг проекторá погасли. Заскрежетало сцепление, Дико взревел двигатель, сквозь кусты мелькнули красные и синие сигнальные огни, и патрульная машина, сорвавшись с мёста, бешено набирая скорость, понеслась к городу и исчезла за стеной. Рэдрик судорожно глотнул и распустил молнию на комбинезоне.

— Никак уехали... — лихорадочно бормотал Барбридж. — Рыжий, давай... Давай по-быстрому! — Он заёрзал, зашарил вокруг себя руками, схватил мешок с хабаром и попытался подняться. — Ну давай, чего сидишь!

Рэдрик всё смотрел в сторону шоссе. Теперь там было темно и ничего не было видно, но где-то там был этот, вышагивал словно заводная кукла, оступаясь, падая, налетая на кресты, путаясь в кустарнике.

— Ладно, — сказал Рэдрик вслух. — Пойдём.

Он поднял Барбриджа. Старик как клещами обхватил его левой рукой за шею, и Рэдрик, не в силах выпрямиться, на четвереньках поволок его через дыру в ограде, хватаясь руками за мокрую траву.

— Давай, давай... — хрипел Барбридж. — Не беспокойся, хабар я держу, не выпущу... Давай!

Тропа была знакомая, но мокрая трава скользила, ветки рябины хлестали по лицу, грузный старик был неимоверно тяжёл, словно мертвец, да ещё мешок с хабаром, позвякивая и постукивая, всё время цеплялся за что-то, и ещё страшно было наткнуться на этого, который, может быть, всё ещё блуждал здесь в потёмках.

Когда они выбрались на шоссе, было ещё совсем темно, но чувствовалось, что рассвет близок. В лесочке по ту сторону шоссе сонно и неуверенно заговорили птицы, а над чёрными домами далёкой окраины, над редкими жёлтыми фонарями ночной мрак уже засинел, и потянуло оттуда знобким влажным ветерком. Рэдрик положил Барбриджа на обочину, огляделся и, как большой чёрный паук, перебежал через дорогу. Он быстро





нашёл «лендровер», сбросил с капота и кузова маскирующие ветки, сел за руль и осторожно, не зажигая фар, выехал на асфальт. Барбридж сидел, одной рукой держась за мешок с хабаром, а другой ощупывая ноги.

— Быстро! — прохрипел он. — Быстро давай! Колени, целы ещё у меня колени... Колени бы спасти!

Рэдрик поднял его и, скрипя зубами от напряжения, перевалил через борт. Барбридж со стуком рухнул на заднее сиденье и застонал. *Мешок он так и не выпустил.* Рэдрик подобрал с земли и бросил на него сверху просвинцованный плащ. *Барбридж ухитрился притащить с собой и плащ.*

Рэдрик достал фонарик и прошёлся взад-вперёд по обочине, высматривая следы. Следов, в общем, не было. Выкатываясь на шоссе, «лендровер» примял высокую густую траву, но трава эта должна была подняться через несколько часов. Вокруг места, где стоял патрульный автомобиль, валялось огромное количество окурков. Рэдрик вспомнил, что давно хочет курить, вытащил сигарету и закурил, хотя больше всего ему сейчас хотелось вскочить в машину и гнать, гнать, гнать поскорее отсюда. Но гнать было пока нельзя. Всё надо было делать медленно и расчётливо.

— Что же ты? — плачущим голосом сказал из машины Барбридж. — Воду не вылил, снасти все сухие... Чего стоишь? Прячь хабар!

— Заткнись! — сказал Рэдрик. — Не мешай! — Он затаился. — На южную окраину свернём, — сказал он.

— Как на окраину? Да ты что? Колени же мне загубишь, паскудник! Колени!

Рэдрик затаился последний раз и сунул окурки в спичечный коробок.

— Не пыли, Стервятник, — сказал он. — Прямо через город нельзя. Три заставы, хоть на одной,<sup>332</sup> да остановят.

— Ну и что?

— Посмотрят твои копыта и конец.

— А чего копыта? Рыбу глушили, ноги мне перешибло, вот и весь разговор!

— А если кто-нибудь пощупает?

— Пощупает... Я так заору, что вперёд забудет, как щупать.

Но Рэдрик всё уже решил. Он поднял водительское сиденье, подсвечивая себе фонариком, открыл потайную крышку и сказал:

— Давай сюда хабар.

Бензобак под сиденьем был фальшивым. Рэдрик принял мешок и затолкал его внутрь, слыша,<sup>333</sup> как в мешке звякает и перекатывается.

— Мне рисковать нельзя, — пробормотал он. — Не имею права.

Он поставил на место крышку, присыпал мусором, навалил поверху тряпок и опустил сиденье. Барбридж кряхтел, постанывал, жалобно требовал поторопиться, опять принялся обещать Золотой шар, а сам всё вертелся на своём сиденье, встревоженно вглядываясь в редющую тьму. Рэдрик не обращал на него внимания. Он вспорол налитый водой

332 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

333 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





пластиковый пузырь с рыбой, воду вылил на рыболовные снасти, уложенные на дне кузова, а бьющуюся рыбу пересыпал в брезентовый мешок. Пластиковый пузырь он сложил и сунул в карман комбинезона. Теперь всё было в порядке: *рыбаки возвращались с не слишком удачного лова*. Он сел за руль и тронул машину.

До самого поворота он ехал, не включая фар. Слева тянулась могучая трёхметровая стена, ограждающая Зону, а справа были кусты, реденькие рощицы, иногда попадались заброшенные коттеджи с заколоченными окнами и облупившимися стенами. Рэдрик хорошо видел в темноте, да и темнота не была уже такой плотной и, кроме того, он знал, *что* сейчас будет, поэтому, когда впереди показалась мерно шагающая, согнутая фигура, он даже не сбавил хода. Он только пригнулся пониже к рулю. Этот вышагивал прямо посередине шоссе. Как и все они, он шёл в город. Рэдрик обогнал его, прижав машину к обочине, и, обогнав, сильнее нажал на акселератор.

— Матерь божия! — пробормотал сзади Барбридж. — Рыжий, ты видел?

— Да, — сказал Рэдрик.

— Господи! ... Этого нам ещё не хватало! ... — бормотал Барбридж и вдруг принялся громко читать молитву.

— Заткнись! — прикрикнул на него Рэдрик.

*Поворот должен быть где-то здесь.* Рэдрик замедлил ход, всматриваясь в линию покосившихся домиков и заборов, протянувшихся справа. *Старая трансформаторная будка... Столб с подпоркой... Подгнивший мостик через кювет...* Рэдрик повернул руль. Машину подбросило на колдобине.

— Ты куда?! — дико заорал Барбридж. — Ноги мне загубишь, сволочь!

Рэдрик на секунду повернулся и наотмашь ударил старика по лицу, ощутив тыльной стороной ладони колючую щёку. Барбридж поперхнулся и замолк. Машину подбрасывало, колёса то и дело пробуксовывали в свежей после ночного дождя грязи. Рэдрик включил фары. Белый прыгающий свет озарил заросшие травой старые колеи, огромные лужи, гнилые, покосившиеся заборы по сторонам. Барбридж плакал, всхлипывая и сморкаясь. Он больше ничего не обещал, он жаловался и грозился, но очень негромко и неразборчиво, так, что Рэдрику были слышны только отдельные слова. Что-то о ногах, о коленях, о красавчике Арчи... Потом он затих.

Посёлок тянулся вдоль западной окраины города. Когда-то здесь были дачи, огороды, фруктовые сады, летние резиденции городского начальства и заводской администрации. Зелёные весёлые места, маленькие озёра с чистыми песчаными берегами, прозрачные берёзовые рощи, пруды, в которых разводили карпов. Заводская вонь и заводские едкие дымы сюда никогда не доходили, так же как и городская канализация. Теперь всё здесь было покинуто и заброшено, и за всё время им попался всего один жилой дом. Жёлто светилось задёрнутое занавеской окошко, висело на верёвках промокшее от дождя бельё, и огромный пёс, заходясь от ярости, вылетел сбоку и некоторое время гнался за машиной в вихре комьев грязи, летевшей из-под колёс.







Рэдрик осторожно переехал ещё через один старый перекосившийся мостик, и когда впереди завиднелся поворот на западное шоссе, остановил машину и заглушил двигатель. Потом он вылез на дорогу, не обернувшись на Барбриджа, и пошёл вперёд, зябко засунув руки в сырые карманы комбинезона. Было уже совсем светло. Всё вокруг было мокрое, тихое, сонное. Он дошёл до шоссе и осторожно выглянул из-за кустов. Полицейская застава хорошо была видна отсюда: маленький домик на колёсах, три светящихся окошка; патрульная машина стояла у обочины, в ней никого не было. Некоторое время Рэдрик стоял и смотрел. На заставе не было никакого движения: видимо, патрульные озябли и измотались за ночь и теперь грелись в домике, дремали с сигареткой, прилипшей к нижней губе. «Жабы», — негромко сказал Рэдрик. Он нащупал в кармане кастет, просунул пальцы в овальные отверстия, зажал в кулаке холодный металл и, всё так же зябко сутулясь, не вынимая рук из карманов, пошёл обратно. «Лендровер», слегка накренившись, стоял между кустами. Место было глухое, заброшенное, никто сюда, наверное, не заглядывал уже лет десять.

Когда Рэдрик подошёл к машине, Барбридж приподнялся и посмотрел на него, приоткрыв рот. Сейчас он выглядел даже старше, чем обычно, морщинистый, лысый, обросший нечистой щетиной, гнилозубый. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, и вдруг Барбридж сказал невнятно:

— Карту дам... все ловушки, все... Сам найдёшь, не пожалеешь...

Рэдрик слушал его, не двигаясь, потом разжал пальцы, выпуская в кармане кастет, и сказал:

— Ладно. Твоё дело лежать в обмороке, понял? Стони и не давай прикасаться.

Он сел за руль, включил двигатель и тронул машину.

И всё обошлось. Никто не вышел из домика, когда «лендровер» в аккуратном соответствии со знаками и указателями медленно прокатился мимо, а затем, всё наращивая и наращивая скорость, помчался в город через южную окраину. Было шесть часов утра, улицы были пусты, асфальт мокрый и чёрный, автоматические светофоры одиноко и ненужно перемигивались на перекрёстках. Они миновали пекарню с высокими, ярко освещёнными окнами, и Рэдрика обдало волной тёплого, необыкновенно вкусного запаха.

— Жрать охота, — сказал Рэдрик и, разминая затёкшие от напряжения мышцы, потянулся, упираясь руками в руль.

— Что? — испуганно спросил Барбридж.

— Жрать, говорю, охота... Тебя куда? Домой или прямо к Мяснику?

— К Мяснику, к Мяснику гони! — торопливо забормотал Барбридж, весь подавшись вперёд, лихорадочно и горячо дыша Рэдрику в затылок. — Прямо к нему! Прямо давай! Он мне ещё семьсот монет должен. Да гони ты, гони, что ты ползёшь как вошь по мокрому месту! — И вдруг принялся ругаться бессильно и злобно, чёрными, грязными словами, брызгая слюной, задыхаясь и заходясь в приступах кашля.





Рэдрик не отвечал ему. Не было ни времени, ни сил утихомирить расходившегося Стервятника. Надо было скорее кончать со всем этим и хоть часок, хоть полчаса поспать перед свиданием в «Метрополе». Он вывернул на Шестнадцатую улицу, проехал два квартала и остановил машину перед серым двухэтажным особняком.

Мясник открыл ему сам, видимо, только что встал и собирался в ванную. Он был в роскошном халате с золотыми кистями, в руке стакан со вставной челюстью. Волосы были взлохмачены, под мутными глазами набрякли тёмные мешочки.

— А! — сказал он, — Рыший? Што скашешь?

— Надевай зубы — и пойдём, — сказал Рэдрик.

— Угу, — отозвался Мясник, приглашающе мотнул головой в глубину холла, а сам, шаркая персидскими туфлями и двигаясь с удивительной быстротой, направился в ванную.

— Кто? — спросил он оттуда.

— Барбридж, — ответил Рэдрик.

— Что?

— Ноги.

В ванной полилась вода, раздалось фырканье, плеск, что-то упало и покатилося по кафельному полу. Рэдрик устало присел в кресло, вынул сигарету и закурил озираясь. Да, холл был ничего себе. Мясник денег не жалел. Он был очень опытным и очень модным хирургом, светилом медицины не только города, но и штата, и со сталкерами он связался, конечно, не из-за денег. Он тоже брал свою долю с Зоны: брал натурой, разным хабаром, который применял в своей медицине; брал знаниями, изучая на покалеченных сталкерах неизвестные ранее болезни, уродства и повреждения человеческого организма; брал славой, славой первого на планете врача —<sup>334</sup> специалиста по нечеловеческим заболеваниям человека. Деньгами он,<sup>335</sup> впрочем,<sup>336</sup> тоже брал с охотой.

— Что именно с ногами? — спросил он, появляясь из ванной с огромным полотенцем на плече. Краем полотенца он осторожно вытирал длинные нервные пальцы.

— Вяпался в «студень», — сказал Рэдрик.

Мясник свистнул.

— Значит, конец Барбриджу, — пробормотал он. — Жалко, знаменитый был сталкер.

— Ничего, — сказал Рэдрик, откидываясь в кресле. — Ты ему протезы сделаешь. Он ещё на протезах по Зоне попрыгает.

— Ну,<sup>337</sup> хорошо, — сказал Мясник. Лицо у него сделалось совсем деловое. — Подожди, я сейчас оденусь.

334 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

335 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

336 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

337 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Пока он одевался, пока звонил куда-то, вероятно, в свою клинику, чтобы всё приготовили для операции, Рэдрик неподвижно полулежал в кресле и курил. Только один раз он пошевелился, чтобы вытащить флагу. Он пил маленькими глотками, потому что во флаге оставалось на доньшке, и старался ни о чём не думать. Он просто ждал.

Потом они вместе вышли к машине, Рэдрик сел за руль, Мясник сел рядом и сразу же, перегнувшись через сиденье, стал ощупывать ноги Барбриджа. Барбридж, притихший, съёжившийся, бормотал что-то жалостное, клялся озолотить, поминал снова и снова детей и покойную жену и умолял спасти ему хоть колени. Когда они подъехали к клинике, Мясник выругался, не обнаружив санитаров у подъезда, ещё на ходу выскочил из машины и скрылся за дверью. Рэдрик снова закурил, а Барбридж вдруг сказал ясно и отдельно, словно совсем успокоившись:

— Ты меня убить хотел. Я тебе это запомню.

— Не убил ведь, — равнодушно сказал Рэдрик.

— Да, не убил... — Барбридж помолчал. — Это я тоже запомню.

— Запомни, запомни, — сказал Рэдрик. — Ты бы, конечно, меня убивать не стал... — Он обернулся и посмотрел на Барбриджа. Старик неуверенно кривил рот, подёргивая пересохшими губами. — Ты бы меня просто бросил, — сказал Рэдрик. — Оставил бы меня в Зоне — и концы в воду. Как Очкарика.

— Очкарик сам помер, — угрюмо возразил Барбридж. — Я тут ни при чём. Приковало его.

— Сволочь ты, — равнодушно сказал Рэдрик, отворачиваясь. — Стервятник.

Из подъезда выскочили сонные встрёпанные санитары и, на ходу разворачивая носилки, подбежали к машине. Рэдрик, время от времени затягиваясь, смотрел, как они ловко выволокли Барбриджа из кузова, уложили на носилки и понесли к подъезду. Барбридж лежал неподвижно, сложив руки на груди, и отрешённо глядя в небо. Огромные ступни его, жестоко объединённые «студнем», были странно и неестественно вывернуты.

Он был последним из старых сталкеров, из тех, кто начал охоту за внеземными сокровищами сразу же после Посещения, когда Зона ещё не называлась Зоной, когда не было ни институтов, ни стены, ни полицейских сил ООН, когда город был парализован ужасом, а мир хихикал над новой выдумкой газетчиков. Рэдрику было тогда десять лет, а Барбридж был ещё крепким и ловким мужчиной, он обожал выпить за чужой счёт, подраться, притиснуть в углу зазевавшуюся девчонку. Собственные дети тогда его совершенно не интересовали, а мелкой сволочью он уже был, потому что, напившись, с каким-то гнусным наслаждением избивал свою жену, шумно, всем напоказ... Так и забил до смерти.

Рэдрик развернул «лендровер» и, не обращая внимания на светофоры, погнав его, рывкая сигналом на редких прохожих, срезая углы, прямо к себе домой.





Он остановился перед гаражом, а когда вылез из машины, увидел управляющего, который шёл к нему со стороны скверика. Как всегда, управляющий был не в духе, помятое его личико с запухшими глазами выражало крайнюю брезгливость, словно не по земле он шёл, а по навозной жиже.

— Доброе утро, — сказал ему Рэдрик вежливо.

Управляющий остановился в двух шагах, ткнул большим пальцем себе через плечо.

— Это ваша работа? — невнятно спросил он. Видно было, что это первые его слова со вчерашнего дня.

— Вы о чём?

— Качели эти... Вы поставили?

— Я.

— Для чего?

Рэдрик, не отвечая, подошёл к воротам гаража и принялся отпирать замок. Управляющий последовал за ним и остановился у него за спиной.

— Я спрашиваю, для чего вы эти качели поставили? Кто вас просил?

— Дочка попросила, — сказал Рэдрик очень спокойно. Он откатил ворота.

— Я вас не про дочку спрашиваю! — управляющий повысил голос. — О дочке разговор особый. Я вас спрашиваю, *кто вам разрешил?* Кто вам, собственно говоря, позволил в сквере распоряжаться?

Рэдрик повернулся к нему и некоторое время неподвижно стоял, пристально глядя в белую, с прожилочками, переносицу; управляющий отступил на шаг и произнёс тоном пониже:

— И балкон вы не перекрашиваете. Сколько раз я вам...

— Напрасно стараетесь, — сказал Рэдрик. — *Всё равно я отсюда не съеду.*

Он вернулся в машину и включил двигатель. Положив руки на рулевое колесо, он мельком заметил, как побелели костяшки пальцев. И тогда он высунулся из машины и, уже больше не сдерживаясь, сказал:

— Но *уж если мне придётся всё-таки съехать, гадюка, тогда молись.*

Он загнал машину в гараж, включил лампу и закрыл ворота. Потом он извлёк из фальшивого бензобака мешок с хабаром, привёл машину в порядок, всунул мешок в старую плетёную корзину, сверху положил снасти, ещё влажные, с прилипшими травинками и листьями, а поверх всего высыпал уснувшую рыбу, которую Барбридж вчера вечером купил в какой-то лавочке на окраине. Потом он ещё раз осмотрел машину со всех сторон, просто по привычке. К заднему правому протектору прилипла расплюснутая сигарета. Рэдрик отодрал её, сигарета оказалась шведская. Рэдрик подумал и сунул её в спичечный коробок. В коробке уже было три окурка.

На лестнице он не встретил никого. Он остановился перед своей дверью, и дверь распахнулась, прежде чем он успел достать ключ. Он вошёл боком, держа тяжеленную корзину под мышкой, и окунулся в знакомое







тепло и знакомые запахи своего дома, а Гута, обхватив его за шею, замерла, прижавшись лицом к его груди. Даже сквозь комбинезон и тёплую рубашу он ощущал, как бешено стучит её сердце. Он не мешал ей, терпеливо стоял и ждал, пока она отойдёт, хотя именно в эту минуту почувствовал, до какой степени вымотался и обессилел.

— Ну ладно... — проговорила она,<sup>338</sup> наконец,<sup>339</sup> низким хриловатым голосом, отпустила его и включила в прихожей свет, а сама, не оборачиваясь, пошла на кухню. — Сейчас я тебе кофе... — сказала она оттуда.

— Я тут рыбу приволок, — сказал он нарочито бодрым голосом. — Зажарь, да всю сразу жарь, жрать охота, сил нет!

Она вернулась, пряча лицо в распущенных волосах; он поставил корзину на пол, помог ей вынуть сетку с рыбой, и они вместе отнесли сетку на кухню и вывалили рыбу в мойку.

— Иди мойся, — сказала она. — Пока помоешься, всё будет готово.

— Как Мартышка? — спросил Рэдрик, усаживаясь и стягивая с ног сапоги.

— Да болтала весь вечер, — отозвалась Гута. — Еле-еле я её уложила. Пристаёт всё время: *где папа, где папа? Вынь да положь ей папу...*

Она ловко и бесшумно двигалась по кухне, крепкая, ладная, и уже закипала вода в котелке на плите, и летела чешуя из-под ножа, и скворчало масло на самой большой сковороде, и восхитительно запахло свежим кофе.

Рэдрик поднялся, ступая босыми ногами, вернулся в прихожую, взял корзину и отнёс её в чулан. Потом он заглянул в спальню. Мартышка безмятежно дрыхла, сбитое одеяльце свесилось на пол, рубашонка задралась, и вся она была как на ладони —<sup>340</sup> маленький спящий зверёк. Рэдрик не удержался и погладил её по спине, покрытой тёплой золотистой шёрсткой, и в тысячный раз поразился, какая эта шёрстка шелковистая и длинная. Ему очень захотелось взять Мартышку на руки, но он побоялся её разбудить, да и грязен он был как чёрт, весь пропитан Зоной и смертью. Он вернулся на кухню, снова сел за стол и сказал:

— Налей чашечку кофе. Мыться потом пойду.

На столе лежала пачка вечерней корреспонденции: «*Хармонтская газета*», журнал «*Атлет*», журнал «*Плейбой*» — целая куча журналов подвалила, и толстенные, в серой обложке «*Доклады Международного института внеземных культур*», выпуск 56. Рэдрик принял от Гуты кружку дымящегося кофе и потянул к себе «*Доклады*». Кривульки, значки какие-то, чертежи... На фотографиях знакомые предметы в странных ракурсах. Ещё одна посмертная статья Кирилла вышла: «*Об одном неожиданном свойстве магнитных ловушек типа 77-б*». Фамилия «*Панов*» обведена чёрной рамкой, внизу мелким шрифтом примечание: «*Доктор Кирилл А. Панов, СССР, трагически погиб в процессе проведения эксперимента в апреле 19... года*». Рэдрик отбросил журнал, обжигаясь,<sup>341</sup> хлебнул кофе и спросил:

338 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

339 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

340 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

341 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





— Заходил кто-нибудь?

— Гуталин заходил, — сказала Гута, чуточку помедлив. Она стояла у плиты и смотрела на него. — Пьяный был в стельку, я его выпроводила.

— А Мартышка как же?

— Не хотела, конечно, его отпускать. Реветь наладилась. Но я ей сказала, что дядя Гуталин плохо себя чувствует. А она мне так понимающе отвечает: «Опять насосался Гуталин!»

Рэдрик усмехнулся и сделал ещё глоток. Потом спросил:

— Соседи как?

И снова Гута чуть помедлила, прежде чем ответить.

— Да как всегда, — сказала она наконец.

— Ладно, не рассказывай.

— А! — сказала она, с отвращением махнув рукой. — Сегодня ночью стучится эта баба снизу. Глаза вот такие, пена так и брызжет. Чего это мы среди ночи пилим в ванной! ...

— Зараза, — сказал Рэдрик сквозь зубы. — Слушай, может быть, уедем всё-таки? Купим где-нибудь дом на окраине, где никто не живёт, дачу какую-нибудь заброшенную...

— А Мартышка?

— Господи, — сказал Рэдрик. — Ну неужели мы вдвоём с тобой не сделаем, чтобы ей было хорошо?

Гута помотала головой.

— Она детишек любит. И они её любят. Они же не виноваты, что...

— Да, — проговорил Рэдрик. — Они, конечно, не виноваты.

— Что там говорить! — сказала Гута. — Тебе звонил кто-то. Себя не назвал. Я сказала, что ты на рыбалке.

Рэдрик поставил кружку и поднялся.

— Ладно, — сказал он. — Пойду всё-таки помоюсь. Куча дел ещё у меня.

Он заперся в ванной, бросил одежду в бак, а кастет, оставшиеся гайки, сигареты и прочую мелочь положил на полочку. Он долго крутился под горячим, как кипятком, душем, кряхтя, растирая тело варежкой из жёсткой губки, пока кожа не стала багровой, потом выключил душ, сел на край ванны и закурил. Урчала вода в трубах, Гута на кухне позвякивала посудой; запахло жареной рыбой, потом Гута постучала в дверь и просунула ему чистое бельё.

— Давай побыстрее, — приказала она. — Рыба остынет.

Она уже совсем отошла и снова принялась командовать. Усмехаясь, Рэдрик оделся, то есть натянул майку и трусы, и прямо в таком виде вернулся на кухню.

— Вот теперь и поесть можно, — сказал он, усаживаясь.

— Бельё в бак положил? — спросила Гута.

— Угу, — проговорил он с набитым ртом. — Хороша рыбка!





— Водой залил?

— Не-а... *Виноват, сэр, больше не повторится, сэр...* Да брось ты, успеешь, посиди! — он поймал её за руку и попытался посадить к себе на колени, но она вывернулась и села за стол напротив.

— Пренебрегаешь мужем, — сказал Рэдрик, снова набивая полный рот. — Брезгуешь, значит.

— Да какой ты сейчас муж, — сказала Гута. — Пустой мешок ты сейчас, а не муж. Тебя сначала набить надо.

— А вдруг? — сказал Рэдрик. — Бывают же на свете чудеса!

— Что-то я таких чудес от тебя ещё не видела. Выпьешь, может быть?

Рэдрик нерешительно поиграл вилкой.

— Н-нет, пожалуй, — проговорил он. Он взглянул на часы и поднялся. — Я сейчас пойду. Приготовь мне выходной костюм. По классу «А». Рубашечку там, галстук...

С наслаждением шлёпая чистыми босыми ногами по прохладному полу, он прошёл в чулан и запер дверь на щеколду. Потом он надел резиновый фартук, натянул резиновые перчатки до локтей и принялся выгружать на стол то, что было в мешке. Две «пустышки». Коробка с «булавками». Девять «батареек». Три «браслета». И один какой-то обруч — тоже вроде «браслета», но из белого металла, полегче и диаметром побольше, миллиметров на тридцать. Шестнадцать штук «чёрных брызг» в полиэтиленовом пакете. Две великолепной сохранности «губки» с кулак величиной. Три «зуды». Банка «газированной глины». В мешке ещё оставался тяжёлый фарфоровый контейнер, тщательно упакованный в стекловату, но Рэдрик не стал его трогать. Он достал сигареты и закурил, рассматривая добро, разложенное на столе.

Потом он выдвинул ящик, вынул листок бумаги, огрызок карандаша и счёты. Зажав сигарету в углу рта и щурясь от дыма, он писал цифру за цифрой, выстраивая всё в три столбика, а потом просуммировал первые два. Суммы получились внушительные. Он задал окурком в пепельнице, осторожно открыл коробку и высыпал «булавки» на бумагу. В электрическом свете «булавки» отливали синевой и только изредка вдруг брызгали чистыми спектральными красками — жёлтым, красным, зелёным. Он взял одну «булавку» и осторожно, чтобы не уколоться, зажал между большим и указательным пальцами. Потом он выключил свет и подождал немного, привыкая к темноте. Но «булавка» молчала. Он отложил её в сторону, нашарил другую и тоже зажал между пальцами. Ничего. Он нажал посильнее, рискуя уколоться, и «булавка» заговорила: слабые красноватые вспышки пробежали по ней и вдруг сменились более редкими зелёными. Несколько секунд Рэдрик любовался этой странной игрой огоньков, которая, как он узнал из «Докладов», должна была что-то означать, может быть, что-то очень важное, очень значительное, а потом положил «булавку» отдельно от первой и взял новую...





Всего «булавок» оказалось семьдесят три, из них говорили двенадцать, остальные молчали. На самом деле они тоже должны были разговаривать, но для этого пальцев было мало, а нужна была специальная машина величиной со стол. Рэдрик снова зажёл свет и к уже написанным цифрам добавил ещё две. И только после этого он решился.

Он засунул обе руки в мешок и, затаив дыхание, извлёк и положил на стол мягкий свёрток. Некоторое время он смотрел на этот свёрток, задумчиво почёсывая подбородок тыльной стороной ладони. Потом всё-таки взял карандаш, повертел его в неуклюжих резиновых пальцах и снова отбросил. Достал ещё одну сигарету и, не отрывая глаз от свёртка, выкурил её всю.

— Кой чёрт! — сказал он громко, решительно взял свёрток и сунул его обратно в мешок. — И всё. И хватит.

Он быстро ссыпал «булавки» обратно в коробку и поднялся. Пора было идти. Наверное, с полчаса можно было ещё поспать, чтобы голова сделалась яснее, но, с другой стороны, гораздо полезней прийти на место пораньше и посмотреть, как и что. Он сбросил рукавицы, повесил фартук и, не выключив света, вышел из чулана.

Костюм уже был разложен на кровати, и Рэдрик принялся одеваться. Он завязывал галстук перед зеркалом, когда за его спиной тихонько скрипнули половицы, раздалось азартное сопение, и он сделал хмурое лицо, чтобы не рассмеяться.

— У! — крикнул вдруг рядом с ним тоненький голосок, и его схватили за ногу.

— Ах! — воскликнул Рэдрик, падая в обморок на кровать.

Мартышка, хохоча и взвизгивая, немедленно вскарабкалась на него. Его топтали, дёргали за волосы и окатывали потоками разных сведений. *Соседский Вилли оторвал у куклы ногу. На третьем этаже завёлся котёнок, весь белый и с красными глазами, — наверное, не слушался маму и ходил в Зону. На ужин была каша с вареньем. Дядя Гуталин опять насосался и был больной, он даже плакал. Почему рыбы не тонут, если они в воде? Почему мама ночью не спала? Почему пальцев пять, а рук две, а нос один? ...* Рэдрик осторожно обнимал тёплое существо, ползающее по нему, вглядывался в огромные, сплошь тёмные, без белков, глаза, прижимался щекой к пухлой, заросшей золотым шелковистым пушком щёчке и повторял:

— Мартышка... Ах ты, Мартышка... Мартышка ты этакая...

Потом над ухом резко зазвонил телефон. Он протянул руку и взял трубку.

— Слушаю.

Трубка молчала.

— Алло! — сказал Рэдрик. — Алло!

Никто не отзывался. Потом в трубке щёлкнуло, и раздалась короткая гудка. Тогда Рэдрик поднялся, опустил Мартышку на пол и, уже больше не слушая её, натянул брюки и пиджак. Мартышка тарахтела не умолкая, но он







только рассеянно улыбался одним ртом, так что,<sup>342</sup> наконец,<sup>343</sup> ему было объявлено, что *папа язык проглотил, зубами закусил*, и он был оставлен в покое.

Он вернулся в чулан, сложил в портфель то, что лежало на столе, сбегал в ванную за кастетом, снова вернулся в чулан, взял портфель в одну руку, корзину с мешком в другую, вышел, тщательно запер дверь чулана и крикнул Гуте: «*Я пошёл!*»

— Когда вернёшься? — спросила Гута, выйдя из кухни. Она уже причесалась и подкрасилась, и на ней был не халат, а домашнее платье, самое его любимое — ярко-синее с большим вырезом.

— Я позвоню, — сказал он, глядя на неё, потом подошёл, наклонился и поцеловал в вырез.

— Иди уж, — тихо сказала Гута.

— А я? А меня? — заверещала Мартышка, пролезая между ними.

Пришлось наклониться ещё ниже. Гута смотрела на него неподвижными глазами.

— Чепуха, — сказал он. — Не беспокойся. Я позвоню.

На лестничной площадке этажом ниже Рэдрик увидел грузного человека в полосатой пижаме, который возился с дверным замком у своей двери. Из тёмных недр квартиры тянуло тёплой кислятиной. Рэдрик остановился и сказал:

— Добрый день.

Грузный человек опасливо посмотрел на него через могучее плечо и что-то буркнул.

— Ваша супруга ночью к нам заходила, — сказал Рэдрик. — Будто мы что-то пилим. Это какое-то недоразумение.

— А мне-то что! — проворчал человек в пижаме.

— Жена вчера вечером стирала, — продолжал Рэдрик. — Если мы вас побеспокоили, прошу прощения.

— А я ничего не говорил, — сказал человек в пижаме. — Пожалуйста...

— Ну, я очень рад, — сказал Рэдрик.

Он спустился вниз, зашёл в гараж, поставил корзину с мешком в угол, навалил на неё старое сиденье, оглядел всё напоследок и вышел на улицу.

Идти было недалеко: два квартала до площади, потом через парк и ещё один квартал до Центрального проспекта. Перед «Метрополем», как всегда, блестел никелем и лаком разноцветный строй машин, лакеи в малиновых куртках тащили в подъезд чемоданы, какие-то иностранного вида солидные люди группками по-двое, по-трое беседовали, дымя сигарами, на мраморной лестнице. Рэдрик решил пока не заходить туда. Он устроился под тентом маленького кафе на другой стороне улицы, спросил кофе и закурил. В двух шагах от него сидели за столиком трое чинов международной полиции в штатском, они молча и торопливо насыщались

342 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

343 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





жареными сосисками по-хармонтски и пили тёмное пиво из высоких стеклянных кружек. По другую сторону, шагах в десяти, какой-то сержант мрачно пожирал жареный картофель, зажав вилку в кулаке. Голубая каска стояла вверх дном на полу рядом с его стулом, ремень с кобурой висел на спинке. Больше в кафе посетителей не было. Официантка, незнакомая пожилая женщина, стояла в сторонке и время от времени зевала, деликатно прикрывая ладонью раскрашенный рот. Было *без двадцати девять*.

Рэдрик увидел, как из подъезда гостиницы вышел Ричард Нунан, жуя на ходу и нахлобучивая на голову мягкую шляпу. Он бодро ссыпался по лестнице — маленький, толстенький, розовый, весь такой благополучный, благоустроенный, свежевывмытый, решительно уверенный, что день не принесёт ему никаких неприятностей. Он помахал кому-то рукой, перебросил свёрнутый плащ через правое плечо и подошёл к своему «пежо». «Пежо» у Дика был тоже округлый, коротенький, свежевывмытый и тоже как бы уверенный, что никакие неприятности ему не грозят.

Прикрывшись ладонью, Рэдрик смотрел, как Нунан хлопотливо и деловито устраивается на переднем сиденье за рулём, что-то перекладывает с переднего сиденья на заднее, нагибается за чем-то, поправляет зеркальце заднего вида. Потом «пежо» фыркнул голубоватым дымком, бибикнул на какого-то африканца в бурнусе и бодренько выкатился на улицу. Судя по всему, Нунан направлялся в институт, а значит, должен был обогнуть фонтан и проехать мимо кафе. Вставать и уходить было уже поздно, поэтому Рэдрик только совсем закрыл лицо ладонью и сгорбился над своей чашкой. Однако это не помогло. «Пежо» пробибикал над самым ухом, скрипнули тормоза, и бодрый голос Нунана позвал:

— Э! Шухарт! Рэд!

Выругавшись про себя, Рэдрик поднял голову. Нунан уже шёл к нему, на ходу протягивая руку. Нунан приветливо сиял.

— Ты что здесь делаешь в такую рань? — спросил он подойдя. — Спасибо, мадам, — бросил он официантке. — Ничего не надо... — и снова Рэдрику: — Сто лет тебя не видел. Где пропадаешь? Чем занимаешься?

— Да так... — неохотно сказал Рэдрик. — Больше по мелочам.

Он смотрел, как Нунан с обычной хлопотливостью и основательностью устраивается на стуле напротив, отодвигает пухлыми ручками стакан с салфетками в одну сторону, тарелку из-под сандвичей в другую, и слушал, как Нунан дружелюбно болтает.

— Вид у тебя какой-то дохлый, недосыпаешь, что ли? Я, знаешь ли, в последнее время тоже замотался с этой новой автоматикой, но спать — нет, брат, сон для меня первое дело, провались она, эта автоматика... — Он вдруг огляделся. — Пардон, может, ты ждёшь кого-нибудь? Я не помешал?

— Да нет... — вяло сказал Рэдрик. — Просто время есть, дай, думаю, кофе хоть попью.

— Ну, я тебя надолго не задержу, — сказал Дик и посмотрел на часы. — Слушай, Рэд, брось ты свои мелочи, возвращайся в институт. Ты же знаешь, там тебя в любой момент возьмут. Хочешь опять к русскому, прибыл недавно?





Рэдрик покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Второй Кирилл на свет ещё не родился... Да и нечего мне делать в вашем институте. У вас там теперь всё автоматика, роботы в Зону ходят, премиальные, надо понимать, тоже роботы получают... А лаборантские гроши, мне их и на табак не хватит.

— Брось, всё это можно было бы устроить, — возразил Нунан.

— А я не люблю, когда для меня устраивают, — сказал Рэдрик. — Сроду я сам устраивался и дальше намерен сам.

— Гордый ты стал, — произнёс Нунан с осуждением.

— Ничего я не гордый. Деньги я не люблю считать, вот что.

— Ну что ж, ты прав, — сказал Нунан рассеянно. Он равнодушно поглядел на портфель Рэдрика на стуле рядом, потёр пальцем серебряную пластинку с выгравированными на ней славянскими буквами. — Всё правильно: деньги нужны человеку для того, чтобы никогда о них не думать... Кирилл подарил? — Спросил он, кивая на портфель.

— В наследство достался, — сказал Рэдрик. — Что это тебя в «Боржче» не видно последнее время?

— Положим, это тебя не видно, — возразил Нунан. — Я-то там почти каждый день обедаю, здесь в «Метрополе» за каждую котлету так дерут... Слушай, — сказал он вдруг. — А как у тебя сейчас с деньгами?

— Занять хочешь? — спросил Рэдрик.

— Нет, наоборот.

— Одолжить, значит...

— Есть работа, — сказал Нунан.

— О господи! — сказал Рэдрик. — И ты туда же!

— А кто ещё? — сейчас же спросил Нунан.

— Да много вас таких... *работодателей*.

Нунан, словно бы только сейчас поняв его, рассмеялся.

— Да нет, это не по твоей основной специальности.

— А по чьей?

Нунан снова посмотрел на часы.

— Вот что, — сказал он поднимаясь. — Приходи сегодня в «Боржч» к обеду, часам к двум. Поговорим.

— К двум я могу не успеть, — сказал Рэдрик.

— Тогда вечером, часам к шести. Идёт?

— Посмотрим, — сказал Рэдрик и тоже взглянул на часы. Было *без пяти девять*.

Нунан сделал ручкой и покатился к своему «пежо». Рэдрик проводил его глазами, подозвал официантку, спросил пачку «Лайки страйк», расплатился и, взявши портфель, неторопливо пошёл через улицу к отелю. Солнце уже изрядно припекало, улица быстро наполнялась влажной духотой,





и Рэдрик ощутил жжение под веками. Он сильно зажмурился, жалея, что не хватило времени поспать хотя бы часок перед важным делом. *И тут на него накатило.*

Такого с ним ещё никогда не было вне Зоны, да и в Зоне случалось всего раза два или три. Он вдруг словно попал в другой мир. Миллионы запахов разом обрушились на него: резких, сладких, металлических, ласковых, опасных, тревожных, огромных, как дома, крошечных, как пылинки, грубых, как булыжник, тонких и сложных, как часовые механизмы. Воздух сделался твёрдым, в нём объявились грани, поверхности, углы, словно пространство заполнилось огромными шершавыми шарами, скользкими пирамидами, гигантскими колючими кристаллами, и через всё это приходилось протискиваться, как во сне через тёмную лавку старьевщика, забитую старинной уродливой мебелью... Это длилось какой-то миг. Он открыл глаза, и всё пропало. Это был не другой мир, это прежний знакомый мир повернулся к нему другой, неизвестной стороной, сторона эта открылась ему на мгновение и снова закрылась наглухо, прежде чем он успел разобраться...

Над ухом рванул раздражённый сигнал, Рэдрик ускорил шаги, потом побежал и остановился только у стены «Метрополя». Сердце стучало бешено, он поставил портфель на асфальт, торопливо разорвал пачку сигарет, закурил. Он глубоко затягивался, отдыхая, как после драки, и дежурный полисмен остановился рядом и спросил его озабоченно:

— Вам помочь, мистер?

— Н-нет, — выдавил из себя Рэдрик и прокашлялся. — Душно...

— Может быть, проводить вас?

Рэдрик наклонился и поднял портфель.

— Всё, — сказал он. — Всё в порядке, приятель. Спасибо.

Он быстро зашагал к подъезду, поднялся по ступенькам и вошёл в вестибюль. Здесь было прохладно, сумрачно, гулко. Надо было бы посидеть в одном из этих громадных кожаных кресел, отойти, отдышаться, но он уже и без того опаздывал. Он позволил себе только докурить до конца сигарету, разглядывая из-под полуопущенных век людей, которые толкались в вестибюле. Костлявый был уже тут как тут, с раздражённым видом копался в журналах у газетной стойки. Рэдрик бросил окурочек в урну и вошёл в кабину лифта.

Он не успел закрыть дверь, и вместе с ним втиснулись какой-то плотный толстяк с астматическим дыханием, крепко надушенная дамочка при мрачном мальчике, жующем шоколад, и обширная старуха с плохо выбритым подбородком. Рэдрика затиснули в угол. Он закрыл глаза, чтобы не видеть мальчика, у которого по подбородку текли шоколадные слюни, но личико было свежее, чистое, без единого волоска, и не видеть его мамашу, скудный бюст которой украшало ожерелье из крупных «чёрных брызг», оправленных в серебро, и не видеть выкаченных склеротических белков толстяка и устрашающих бородавок на вздутом рыле старухи. Толстяк попытался закурить, но старуха его осадила и продолжала осаживать до пятого этажа, где она выкатилась, а как только она выкатилась, толстяк







всё-таки закурил с таким видом, словно отстоял свои гражданские свободы, и тут же принялся кашлять и задыхаться, сипя и хрипя, по-верблюдьи вытягивая губы и толкая Рэдрика в бок мучительно оттопыренным локтем...

На восьмом этаже Рэдрик вышел и двинулся по мягкому ковру вдоль коридора, озарённого уютным светом скрытых ламп. *Здесь пахло дорогим табаком, парижскими духами, сверкающей натуральной кожей туго набитых бумажников, дорогими дамочками по пятьсот монет за ночь, массивными золотыми портсигарами — всей этой дешёвкой, всей этой гнусной плесенью, которая выросла на Зоне, пила от Зоны, жрала, хапала, жирела от Зоны, и на всё ей было наплевать, и в особенности ей было наплевать на то, что будет после, когда она нажрётся, нахапает всласть, и всё, что было в Зоне, окажется снаружи и осядет в мире.* Рэдрик без стука толкнул дверь *номера восемьсот семьдесят четыре.*

Хрипатый, сидя на столе у окна, колдовал над сигарой. Он был ещё в пижаме, с мокрыми редкими волосами, впрочем, тщательно зачёсанными на пробор, нездоровое одутловатое лицо его было гладко выбрито.

— Ага, — произнёс он, не поднимая глаз. — Точность — вежливость королей. Здравствуйте, мой мальчик!

Он кончил отстригать у сигары кончик, взял её двумя руками, поднёс к усам и поводил носом вдоль неё взад и вперёд.

— А где же наш старый добрый Барбридж? — спросил он и поднял глаза. Глаза у него были прозрачные, голубые, ангельские.

Рэдрик поставил портфель на диван, сел и достал сигареты.

— Барбридж не придёт, — сказал он.

— Старый добрый Барбридж, — проговорил Хрипатый, взял сигару в два пальца и осторожно поднёс её ко рту. — У старого Барбриджа разыгрались нервы...

Он всё смотрел на Рэдрика чистыми голубыми глазами и не мигал. Он никогда не мигал. Дверь приоткрылась, и в номер протиснулся Костлявый.

— Кто был этот человек, с которым вы разговаривали? — спросил он прямо с порога.

— А, здравствуйте, — приветливо сказал ему Рэдрик, стряхивая пепел на пол.

Костлявый засунул руки в карманы, приблизился, широко переступая огромными, скошенными внутрь ступнями, и остановился перед Рэдриком.

— Мы же с вами сто раз говорили, — укоризненно произнёс он. — Никаких контактов перед встречей. А вы что делаете?

— Я здороваюсь, — сказал Рэдрик. — А вы?

Хрипатый рассмеялся, а Костлявый раздражённо сказал:

— Здравствуйте, здравствуйте... — он перестал сверлить Рэдрика укоряющим взглядом и грохнулся рядом на диван. — Нельзя так делать, — сказал он. — Понимаете? *Нельзя!*

— Тогда назначайте мне свидания там, где у меня нет знакомых, — сказал Рэдрик.





— Мальчик прав, — заметил Хрипатый. — Наша промашка... Так кто был этот человек?

— Это Ричард Нунан, — сказал Рэдрик. — Он представляет какие-то фирмы, поставляющие оборудование для института. Живёт здесь,<sup>344</sup> в отеле.

— Вот видишь, как просто! — сказал Хрипатый Костявому, взял со стола колоссальную зажигалку, оформленную под статую Свободы, с сомнением посмотрел на неё и поставил обратно.

— А Барбридж где? — спросил Костявый уже совсем дружелюбно.

— Накрылся Барбридж, — сказал Рэдрик.

Эти двое быстро переглянулись.

— Мир праху его, — сказал Хрипатый настороженно. — Или, может быть, он арестован?

Некоторое время Рэдрик не отвечал, медленными затяжками докуривая сигарету. Потом он бросил окурочек на пол и сказал:

— Не бойтесь, всё чисто. Он в больнице.

— Ничего себе *чисто!* — сказал Костявый нервно, вскочил и прошёл к окну. — *В какой больнице?*

— Не бойтесь, — повторил Рэдрик. — *В какой надо.* Давайте к делу, я спать хочу.

— *В какой именно больнице?* — уже раздражённо спросил Костявый.

— Так я вам и сказал, — отозвался Рэдрик. Он взял портфель. — Будем мы сегодня делом заниматься или нет?

— Будем, будем, мой мальчик, — бодро сказал Хрипатый.

С неожиданной лёгкостью он соскочил на пол, быстро придвинул к Рэдрику журнальный столик, одним движением смахнул на ковёр кипу журналов и газет и сел напротив, уперев в колени розовые волосатые рúки.

— Предъявляйте, — сказал он.

Рэдрик раскрыл портфель, вытащил список с ценами и положил на столик перед Хрипатым. Хрипатый взглянул и ногтём отодвинул список в сторону. Костявый, зайдя ему за спину, уставился в список через его плечо.

— Это счёт, — сказал Рэдрик.

— Вижу, — отозвался Хрипатый. — Предъявляйте, предъявляйте!

— Деньги, — сказал Рэдрик.

— Что это за «кольцо»? — подозрительно осведомился Костявый, тыча пальцем в список через плечо Хрипатого.

Рэдрик молчал. Он держал раскрытый портфель на коленях и, не отрываясь, смотрел в голубые ангельские глазки. Хрипатый,<sup>345</sup> наконец,<sup>346</sup> усмехнулся.

344 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

345 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

346 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





— И за что это я вас так люблю, мой мальчик? — проворковал он. — А ещё говорят, что любви с первого взгляда не бывает! — Он театрально вздохнул. — Фил, дружище, как у них здесь выражаются? *Отвесь ему капусту, отслюни зелёных...* и дай мне,<sup>347</sup> наконец,<sup>348</sup> спичку! Ты же видишь... — И он потряс сигарой, всё ещё зажатой в двух пальцах.

Костлявый Фил проворчал что-то неразборчивое, бросил ему коробок, а сам вышел в соседнюю комнату через дверь, задёрнутую портьерой. Было слышно, как он с кем-то там разговаривает, раздражённо и невнятно, что-то насчёт кота в мешке, а Хрипатый, раскуривая,<sup>349</sup> наконец,<sup>350</sup> свою сигару, всё разглядывал Рэдрика в упор с застывшей улыбкой на тонких бледных губах и словно бы размышлял о чём-то, а Рэдрик, положив подбородок на портфель, тоже смотрел ему в лицо и тоже старался не мигать, хотя веки жгло как огнём и на глаза набегали слёзы. Потом Костлявый вернулся, бросил на столик две обандероленные пачки банкнот и, надувшись, сел рядом с Рэдриком. Рэдрик лениво потянулся за деньгами, но Хрипатый жестом остановил его, ободрал с пачек бандероли и сунул их себе в карман пижамы.

— Теперь прошу, — сказал он.

Рэдрик взял деньги и, не считая, запихал пачки во внутренние карманы пиджака. Затем он принялся выкладывать хабар. Он делал это медленно, давая возможность им обоим рассмотреть и сверить со списком каждый предмет в отдельности. В комнате было тихо, только тяжело дышал Хрипатый, и ещё из-за портьеры доносилось слабое звяканье вроде бы ложечки о край стакана.

Когда Рэдрик,<sup>351</sup> наконец,<sup>352</sup> закрыл портфель и защёлкнул замки, Хрипатый поднял на него глаза и спросил:

— Ну,<sup>353</sup> а как насчёт главного?

— Никак, — ответил Рэдрик. Он помолчал и добавил: — Пока.

— Мне нравится это «пока», — ласково сказал Хрипатый. — А тебе, Фил?

— Темните, Шухарт, — сказал брюзгливо Костлявый. — А чего темнить, спрашивается?

— Специальность такая: тёмные делишки, — сказал Рэд. — Тяжёлая у нас с вами специальность.

— Ну,<sup>354</sup> хорошо, — сказал Хрипатый. — А где фотоаппарат?

— А, чёрт! — проговорил Рэдрик. Он потёр пальцами щеку, чувствуя, как краска заливает ему лицо. — Виноват, — сказал он. — Начисто забыл.

— Там? — спросил Хрипатый, делая неопределённое движение сигарой.

347 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

348 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

349 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

350 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

351 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

352 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

353 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

354 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— Не помню... Наверное, *там*... — Рэдрик закрыл глаза и откинулся на спинку дивана. — Нет. Начисто не помню.

— Жаль, — сказал Хрипатый. — Но вы, по крайней мере, хоть видели эту штуку?

— Да нет же, — с досадой сказал Рэдрик. — В том-то всё и дело. Мы же не дошли до кауперов. Барбридж вляпался в «студень», и мне пришлось сразу же поворачивать оглобли... Уж будьте уверены, если бы я её увидел, я бы не забыл...

— Слушай-ка, Хью, посмотри! — испуганным шёпотом произнёс вдруг Костлявый. — Что это, а?

Он сидел, напряжённо вытянув перед собой указательный палец правой руки. Вокруг пальца крутился тот самый белый металлический обруч, и Костлявый глядел на этот обруч, вытаращив глаза.

— Он не останавливается! — громко сказал Костлявый, переводя круглые глаза с обруча на Хрипатоного и обратно.

— Что значит *не останавливается*? — осторожно спросил Хрипатый и чуть отодвинулся.

— Я надел его на палец и крутанул разок просто так... и он уже целую минуту не останавливается!

Костлявый вдруг вскочил и, держа вытянутый палец перед собой, побежал за портьеру. Обруч, серебристо поблёскивая, мерно крутился перед ним, как самолётный пропеллер.

— Что это вы нам принесли? — спросил Хрипатый.

— Чёрт его знает! — сказал Рэдрик, — я и не знал... Знал бы, содрал бы побольше.

Хрипатый некоторое время смотрел на него, затем поднялся и тоже исчез за портьерой. Там сейчас же забубнили голоса. Рэдрик вытащил сигарету, закурил, подобрал с пола какой-то журнал и принялся его рассеянно перелистывать. В журнале было полным-полно сногсшибательных красоток, но почему-то было сейчас тошно смотреть на них. Рэдрик отшвырнул журнал и пошарил глазами по номеру, ища что-нибудь выпить. Потом он извлёк из внутреннего кармана пачку и пересчитал бумажки. Всё было правильно, но, чтобы не заснуть, он пересчитал и вторую пачку. Когда он прятал её в карман, вернулся Хрипатый.

— Вам везёт, мой мальчик, — объявил он, снова усаживаясь напротив Рэдрика. — Знаете, что такое *perpetuum mobile*<sup>355</sup>?

— Нет, — сказал Рэдрик. — У нас этого не проходили.

— И не надо, — сказал Хрипатый. Он вытащил ещё одну пачку банкнот. — Это цена первого экземпляра, — произнёс он, обдирая с пачки бандероль. — За каждый новый экземпляр этого вашего кольца вы будете получать по две такие пачки. Запомнили, мой мальчик? По две. Но при условии, что, кроме нас с вами, никто об этих кольцах никогда ничего не узнает. Договорились?

355 В оригинале кириллицей «перпетуум мобиле», хотя явно подразумевается латинское выражение «*perpetuum mobile*», что дословно переводится как «вечное движение» или «вечно движущееся» и подразумевает вообще «вечный двигатель». (прим. ред. Alex.Rus.UA)







Рэдрик молча засунул пачку в карман и поднялся.

— Я пошёл, — сказал он. — Когда и где в следующий раз?

Хрипатый тоже поднялся.

— Вам позвонят, — сказал он. — Ждите звонка каждую пятницу с девяти до девяти тридцати утра. Вам передадут привет от Фила и Хью и назначат свидание.

Рэдрик кивнул и направился к двери. Хрипатый последовал за ним, положив руку ему на плечо.

— Я хотел бы, чтобы вы поняли, — продолжал он. — Всё это хорошо, очень мило и так далее, а «кольцо» — так это просто чудесно, но прежде всего нам нужны две вещи: фотографии и полный контейнер. Верните нам наш фотоаппарат, но с заснятой плёнкой, и наш фарфоровый контейнер, но не пустой, а полный, и вам больше никогда не придётся ходить в Зону...

Рэдрик, шевельнув плечом, сбросил его руку, отпер дверь и вышел. Он, не оборачиваясь, шагал по мягкому ковру и всё время чувствовал у себя на затылке голубой ангельский немигающий взгляд. Он не стал ждать лифта и спустился с восьмого этажа пешком.

Выйдя из «Метрополя», он взял такси и поехал на другой конец города. Шофёр попался незнакомый, из новичков, носатый прыщавый малец, один из тех, кто валом валил в Хармонт в последние годы в поисках зубодробительных приключений, несметных богатств, всемирной славы, какой-то особенной религии, валили валом, да так и осели шофёрами такси, официантами, строительными рабочими, вышибалами, алчущие, бесталанные, замученные неясными желаниями, всем на свете недовольные, ужасно разочарованные и убеждённые, что здесь их снова обманули. Половина из них, промыкавшись месяц-другой, с проклятиями возвращалась по домам, разнося великое своё разочарование чуть ли не во все страны света; считанные единицы становились stalkерами и быстро погибали, так и не успев ни в чём разобраться. Некоторым удавалось поступить в институт, самым толковым и грамотным, годным хотя бы на должность препаратора, а остальные вечера напролёт просиживали в кабаках, дрались из-за расхождений во взглядах, из-за девчонок и просто так, по пьянке, совершенно остервенили городскую полицию, комендатуру и старожилов.

От прыщавого шофёра на версту несло перегаром, глаза у него были красные, как у кролика, но он был страшно возбуждён и с ходу принялся рассказывать Рэдрику, как нынче утром на их улицу заявился покойник с кладбища. Пришёл, значит, в свой дом, а дом-то уже сколько лет заколочен, все оттуда уехали — и вдова его, старуха, и дочка с мужем, и внуки. Сам-то он, соседи говорят, помер лет тридцать назад, ещё до Посещения, а теперь вот привет! — припёрся. Походил-походил вокруг дома, поскрёбся, потом уселся у забора и сидит. Народу набежало со всего квартала, смотрят, а подойти, конечно, боятся. Потом кто-то догадался: взломали дверь в его доме, открыли, значит, ему вход. И что вы думаете? Встал и вошёл, и дверь за собой прикрыл. Мне на работу надо было бежать, не знаю, чем там дело кончилось, знаю только, что собирались в институт звонить, чтобы забрали его от нас к чёртовой бабушке.





— Стоп, — сказал Рэдрик. — Останови вот здесь.

Он пошарил в кармане. Мелочи не оказалось, пришлось разменять новую банкноту. Потом он постоял у ворот, подождал, пока такси уедет. Коттеджик у Стервятника был неплохой: два этажа, застеклённый флигель с бильярдной, ухоженный садик, оранжерея, белая беседка среди яблонь. И вокруг всего этого узорная железная решётка, выкрашенная светло-зелёной масляной краской. Рэдрик несколько раз нажал кнопку звонка, калитка с лёгким скрипом отворилась, и Рэдрик неторопливо двинулся по песчаной дорожке, обсаженной розовыми кустами, а на крыльце коттеджа уже стоял Суслик, скрюченный, чёрно-багровый, весь азартно трясущийся от желания услужить. В нетерпении он повернулся боком, спустил со ступеньки одну судорожно нащупывающую опору ногу, утвердился, стал тянуть к нижней ступеньке вторую ногу и при этом всё дёргал, дёргал в сторону Рэдрика здоровой рукой: сейчас, мол, сейчас...

— Эй, Рыжий! — позвал из сада женский голос.

Рэдрик повернул голову и увидел среди зелени рядом с белой ажурной крышей беседки голые смуглые плечи, ярко-красный рот, машущую руку. Он кивнул Суслику, свернул с дорожки и напролом через розовые кусты, по мягкой зелёной траве направился к беседке.

На лужайке был расстелен огромный красный мат, а на мате восседала со стаканом в руке Дина Барбридж в почти невидимом купальном костюме; рядом валялась книжка в пёстрой обложке, и тут же, в тени под кустом, стояло блестящее ведёрко со льдом, из которого торчало узкое длинное горлышко бутылки.

— Здравóво, Рыжий! — сказала Дина Барбридж, делая приветственное движение стаканом. — А где же папахен? Неужели опять засыпался?

Рэдрик подошёл и, заведя руки с портфелем за спину, остановился, глядя на неё сверху вниз. *Да, детей себе Стервятник у кого-то в Зоне выпросил на славу. Вся она была атласная, пышно-плотная, без единого изъяна, без единой лишней складки — полтора-два фунтов двадцатилетней лакомой плоти, и ещё изумрудные глаза, светящиеся изнутри, и ещё большой влажный рот и ровные белые зубы, и ещё вороньи волосы, блестящие под солнцем, небрежно брошенные на одно плечо, и солнце так и ходило по ней, переливаясь с плеч на живот и на бёдра, оставляя тени между почти голыми грудями.* Он стоял над нею и откровенно разглядывал её, а она смотрела на него снизу вверх, понимающе усмехаясь, а потом поднесла стакан к губам и сделала несколько глотков.

— Хочешь? — сказала она, облизывая губы, и подождав ровно столько, чтобы двусмысленность дошла до него, протянула ему стакан.

Он отвернулся, поискал глазами и, обнаружив в тени шезлонг, уселся и вытянул ноги.

— Барбридж в больнице, — сказал он. — Ноги ему отрежут.

По-прежнему улыбаясь, она смотрела на него одним глазом, другой скрывала плотная волна волос, упавшая на плечо, только улыбка её сделалась неподвижной, сахарный оскал на смуглом лице. Потом она машинально покачала стакан, словно бы прислушиваясь к звяканью льдинок о стенки, и спросила:





— Обе ноги?

— Обе. Может быть, до колен, а может быть, и выше.

Она поставила стакан и отвела с лица волосы. Она больше не улыбалась.

— Жаль, — проговорила она. — А ты, значит...

Именно ей, Дине Барбридж, он мог бы подробно рассказать, как всё это случилось и как всё это было. Наверное, он мог бы ей рассказать даже, как возвращался к машине, держа наготове кастет, и как Барбридж просил, не за себя просил даже, за детей, за неё и за Арчи, и сулил Золотой шар. Но он не стал рассказывать. Он молча полез за пазуху, вытащил пачку ассигнаций и бросил её на красный мат, прямо к длинным голым ногам Дины. Банкноты разлетелись радужным веером. Дина рассеянно взяла несколько штук и стала их рассматривать, словно видела впервые, но не очень интересовалась.

— Последняя получка, значит, — проговорила она.

Рэдрик перегнулся с шезлонга, дотянулся до ведёрка и, вытащив бутылку, взглянул на ярлык. По тёмному стеклу стекала вода, и Рэдрик отвёл бутылку в сторону, чтобы не капало на брюки. Он не любил дорогого виски, но сейчас можно было хлебнуть и этого. И он уже нацелился хлебнуть прямо из горлышка, но его остановили невнятные протестующие звуки за спиной. Он оглянулся и увидел, что через лужайку, мучительно переставляя кривые ноги, изо всех сил спешит Суслик, держа перед собой в обеих руках высокий стакан с прозрачной смесью. От усердия пот градом катился по его чёрно-багровому лицу, налитые кровью глаза совсем вылезли из орбит, и увидев, что Рэдрик смотрит на него, он чуть ли не с отчаянием протянул перед собой стакан и снова не то замычал, не то заскулил, широко и бессильно раскрывая беззубый рот.

— Жду, жду, — сказал ему Рэдрик и сунул бутылку обратно в лёд.

Суслик подковылял наконец, подал Рэдрику стакан и с робкой фамильярностью потрепал его по плечу клешнятой рукой.

— Спасибо, Диксон, — серьёзно сказал Рэдрик. — Это как раз то самое, чего мне сейчас не хватало. Ты, как всегда, на высоте, Диксон.

И пока Суслик в смущении и восторге тряс головой и судорожно бил себя здоровой рукой по бедру, Рэдрик торжественно поднял стакан, кивнул ему и залпом отпил половину. Потом он посмотрел на Дину.

— Хочешь? — сказал он, показывая ей стакан.

Она не ответила. Она складывала ассигнацию пополам, и ещё раз пополам, и ещё раз пополам.

— Брось, — сказал он. — Не пропадёт. У твоего папаши...

Она перебила его:

— А ты его, значит, тащил, — сказала она. Она его не спрашивала, она утверждала. — Пёр его, дурак, через всю Зону, кретин рыжий, пёр на хребте эту сволочь, слюняй. Такой случай упустил...





Он смотрел на неё, забыв о стакане, а она поднялась, подошла, ступая по разбросанным банкнотам, и остановилась перед ним, уперев сжатые кулаки в гладкие бока, загородив от него весь мир своим великолепным телом, пахнущим духами и сладким потом.

— Вот так он всех вас, идиотиков, вокруг пальца... По костям вашим, по вашим башкам безмозглым... погоди, погоди, он ещё на костылях по вашим черепушкам походит, он вам ещё покажет братскую любовь и милосердие! — Она уже почти кричала. — Золотой шар небось тебе обещал, да? Карту, ловушки, да? Болван! Кретин! По роже твоей конопатой вижу, что обещал... погоди, он тебе ещё даст карту, упокой, господи, глупую душу рыжего дурака Рэдрика Шухарта...

Тогда Рэдрик неторопливо поднялся и с размаху залепил ей пощёчину, и она смолкла на полуслове, опустилась, как подрубленная, на траву и уткнула лицо в ладони.

— Дурак... рыжий... — невнятно проговорила она. — Такой случай упустил... такой случай...

Рэдрик, глядя на неё сверху вниз, допил стакан и, не оборачиваясь, ткнул его Суслику. Говорить здесь было больше не о чём. *Хороших деток вымолил себе Стервятник Барбридж в Зоне! Любящих и почтительных!*

Он вышел на улицу, поймал такси и велел ехать к «Боржчу». Надо было кончать все эти дела, спать хотелось невыносимо, перед глазами всё плыло, и он таки заснул, навалившись на портфель всем телом, и проснулся, только когда шофёр потряс его за плечо.

— Приехали, мистер...

— Где это мы? — проговорил он, спросонья озираясь. — Я же тебе велел в банк...

— Никак нет, мистер, — осклабился шофёр. — Велели к «Боржчу». Вот вам «Боржч».

— Ладно, — проворчал Рэдрик. — Приснилось что-то...

Он расплатился и вылез, с трудом шевеля затёкшими ногами. Асфальт уже раскалился под солнцем, стало очень жарко. Рэдрик почувствовал, что он весь мокрый, во рту было гадко, глаза слезились. Прежде чем войти, он огляделся. Улица перед «Боржчем», как всегда в этот час, была пустынной. Заведения напротив ещё не открывались, да и сам «Боржч» был, собственно, закрыт, но Эрнест был уже на посту, протирает бокалы, хмуро поглядывая из-за стойки на трёх каких-то типов, лакавших пиво за угловым столиком. С остальных столиков ещё не были сняты перевёрнутые стулья, незнакомый негр в белой куртке надраивал пол шваброй, и ещё один негр корячился с ящиками пива за спиной у Эрнеста. Рэдрик подошёл к стойке, положил на стойку портфель и поздоровался. Эрнест пробурчал в ответ что-то не приветливое.

— Пива налей, — сказал Рэдрик и судорожно зевнул.

Эрнест грохнул на стойку пустую кружку, выхватил из холодильника бутылку, откупорил её и наклонил над кружкой. Рэдрик, прикрывая рот ладонью, уставился на его руку. Рука дрожала. Горлышко бутылки несколько раз звякнуло о край кружки. Рэдрик взглянул Эрнесту в лицо.







Тяжёлые веки Эрнеста были опущены, маленький рот искривлён, толстые щёки обвисли. Негр шаркал шваброй под самыми ногами у Рэдрика, типы в углу азартно и злобно спорили о бегах, негр, ворочавший ящики, толкнул Эрнеста задом так, что тот покачнулся. Негр принялся бормотать извинения. Эрнест сдавленным голосом спросил:

— Принёс?

— Что принёс? — Рэдрик оглянулся через плечо.

Один из типов лениво поднялся из-за столика, пошёл к выходу и остановился в дверях, раскуривая сигарету.

— Пойдём,<sup>356</sup> потолкуем, — сказал Эрнест.

Негр со шваброй теперь тоже стоял между Рэдриком и дверью. Здоровенный такой негр, вроде Гуталина, только в два раза шире.

— Пойдём, — сказал Рэдрик и взял портфель. Сна у него уже не было ни в одном глазу.

Он зашёл за стойку и протиснулся мимо негра с пивными ящиками. Негр прищепил, видно, себе палец, облизывал ноготь, исподлобья разглядывая Рэдрика. Тоже очень крепкий негр, с проломленным носом и расплюснутыми ушами. Эрнест прошёл в заднюю комнату, и Рэдрик последовал за ним, потому что теперь уже все трое типов стояли у выхода, а негр со шваброй оказался перед кулисами, ведущими на склад.

В задней комнате Эрнест отступил в сторону и, сгорбившись, сел на стул у стены, а из-за стола поднялся капитан Квотерблад, жёлтый и скорбный, а откуда-то слева выдвинулся громадный ооновец в нахлобученной на глаза каске, быстро взял Рэдрика за бока и провёл огромными ладонями по карманам. У правого бокового кармана он задержался, извлёк кастет и легонько подтолкнул Рэдрика к капитану. Рэдрик подошёл к столу и поставил перед капитаном Квотербладом портфель.

— Что же ты, зараза! — сказал он Эрнесту.

Эрнест уныло двинул бровями и пожал одним плечом. Всё было ясно. В дверях уже стояли, ухмыляясь, оба негра, и больше дверей не было, а окно было закрыто и забрано снаружи основательной решёткой.

Капитан Квотерблад, с отвращением кривя лицо, обеими руками копался в портфеле, выкладывая на стол: «пустышки» малые — две штуки; «батарейки» — девять штук; «чёрные брызги» разных размеров — шестнадцать штук в полиэтиленовом пакете; «губки» прекрасной сохранности — две штуки; «газированной глины» — одна банка...

— В карманах есть что-нибудь? — тихо произнёс капитан Квотерблад. — Выкладывайте...

— Гады, — сказал Рэдрик. — Зар-разы.

Он сунул руку за пазуху и швырнул на стол пачку банкнот. Банкноты полетели во все стороны.

— Ого! — произнёс капитан Квотерблад. — Ещё?

356 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— Жабы вонючие! — заорал Рэдрик, выхватил из кармана вторую пачку и с размаху швырнул её себе под ноги. — Жрите! Подавитесь!

— Очень интересно, — произнёс капитан Квотерблад спокойно. — А теперь подбери всё это.

— Бог подаст! — сказал ему Рэдрик, закладывая руки за спину. — Холуи твои подберут. Сам подберёшь!

— Подбери деньги, сталкер, — не повышая голоса, сказал капитан Квотерблад, упираясь кулаками в стол и весь подавшись вперёд.

Несколько секунд они молча глядели друг другу в глаза, потом Рэдрик, бормоча ругательства, опустился на корточки и неохотно принялся собирать деньги. Негры за спиной захихикали, а ооновец злорадно фыркнул.

— Не фыркай, ты! — сказал ему Рэдрик. — Сопля вылетит!

Он ползал уже на коленях, собирая бумажки по одной, всё ближе подбираясь к тёмному медному кольцу, мирно лежащему в заросшей грязью выемке в паркете, поворачиваясь так, чтобы было удобно; он всё выкрикивал и выкрикивал грязные ругательства, все, какие мог вспомнить, и ещё те, которые придумывал на ходу, а когда настал момент, он замолчал, напрягся, ухватился за кольцо, изо всех сил рванул его вверх, и распахнувшаяся крышка люка ещё не успела грохнуться об пол, а он уже нырнул вниз головой, вытянув напряжённые руки, в сырую холодную тьму винного погреба.

Он упал на руки, перекатился через голову, вскочил и, согнувшись, бросился, ничего не видя, полагаясь только на память и на удачу, в узкий проход между штабелями ящиков, на ходу дёргая, раскачивая эти штабеля и слыша, как они со звоном и грохотом валятся в проход позади него; оскальзываясь, взбежал по невидимым ступенькам, всем телом вышиб обитую ржавой жестью дверь и оказался в гараже Эрнеста. Он весь трясся и тяжело дышал, перед глазами плыли кровавые пятна, сердце тяжёлыми болезненными толчками било в самое горло, но он не остановился ни на секунду. Он сразу бросился в дальний угол и, обдирая руки, принялся разваливать гору хлама, под которой в стене гаража было выломано несколько досок. Затем он лёг на живот и прополз через эту дыру, слыша, как с треском рвётся что-то в его пиджаке, и уже во дворе, узком как колодец, присел между мусорными контейнерами, стянул пиджак, сорвал и бросил галстук, быстро оглядел себя, отряхнул брюки, выпрямился и, пробежав через двор, нырнул в низкий вонючий тоннель, ведущий в соседний такой же двор. На бегу он прислушался, но воя патрульных сирен слышно пока не было, и он побежал ещё быстрее, распугивая шарахающихся ребятишек, ныряя под развешанное бельё, пролезая в дыры в сгнивших заборах, стараясь поскорее выбраться из этого квартала, пока капитан Квотерблад не успел вызвать оцепление. Он прекрасно знал эти места. Во всех этих дворах, подвалах, в заброшенных прачечных, в угольных складах он играл ещё мальчишкой, везде у него здесь были знакомые и даже друзья, и при других обстоятельствах ему ничего не стоило бы спрятаться здесь и отсиживаться хоть целую неделю, но не для того он совершил дерзкий побег из-под ареста — из-под носа у капитана Квотерבלада, разом заработав себе лишних двенадцать месяцев.





Ему здорово повезло. По Седьмой улице валило, горланя и пыля, очередное шествие какой-то лиги, человек двести, таких же растерзанных и неопрятных, как и он сам, и даже хуже, будто все они тоже только что продирались через лазы в заборах, опрокидывали на себя мусорные баки, да, вдобавок, ещё предварительно провели бурную ночь на угольном складе. Он вынырнул из подворотни, с ходу врезался в эту толпу и наискосок, толкаясь, наступая на ноги, получая по уху и давая сдачи, продрался на другую сторону улицы и снова нырнул в подворотню как раз в тот момент, когда впереди раздался знакомый отвратительный вой патрульных машин, и шествие остановилось, сжимаясь гармошкой. Но теперь он был уже в другом квартале, и капитан Квотерблад не мог знать, в каком именно.

Он вышел на свой гараж со стороны склада радиотоваров, и ему пришлось прождать некоторое время, пока рабочие загружали автокар огромными картонными коробками с телевизорами. Он устроился в чахлах кустах сирени перед глухой стеной соседнего дома, отдышался немного и выкурил сигарету. Он жадно курил, присев на корточки, прислонившись спиной к жёсткой штукатурке брандмауэра, время от времени прикладывая руку к щеке, чтобы унять нервный тик, и думал, думал, думал, а когда автокар с рабочими, гудя, укатил в подворотню, он засмеялся и негромко сказал ему вслед: *«Спасибо вам, ребята, задержали дурака... дали подумать»*. С этого момента он начал действовать быстро, но без торопливости, ловко, продуманно, словно работал в Зоне.

Он проник в свой гараж через тайный лаз, бесшумно убрал старое сиденье, засунул руку в корзину, осторожно достал из мешка свёрток и сунул его за пазуху. Затем он снял с гвоздя старую потёртую кожанку, нашёл в углу замасленное кепи и обеими руками натянул его низко на лоб. Сквозь щели ворот в полутьму гаража падали узкие полосы солнечного света, полные сверкающих пылинок, во дворе весело и азартно визжали ребятишки, и уже собираясь уходить, он вдруг узнал голос дочки. Тогда он приткнул глазом к самой широкой щели и некоторое время смотрел, как Мартышка, размахивая двумя воздушными шариками, бежит вокруг новых качелей, а три старухи соседки с вязанием на коленях сидят тут же на скамеечке и смотрят на неё, неприязненно поджав губы. Обмениваются своими паршивыми мнениями, старые кочерыжки. А ребятишки ничего, играют с ней,<sup>357</sup> как ни в чём не бывало, не зря же он к ним подлизывался, как умел, — и горку деревянную сделал для них, и кукольный домик, и качели... И скамейку эту, на которой расселись старые кочерыжки, тоже он сделал. «Ладно», — сказал он одними губами, оторвался от щели, последний раз оглядел гараж и нырнул в лаз.

На юго-западной окраине города, возле заброшенной бензоколонки, что в конце Горняцкой улицы, была будка телефона-автомата. Бог знает,<sup>358</sup> кто теперь здесь ею пользовался, вокруг были одни заколоченные дома, а дальше к югу расстирался необозримый пустырь бывшей городской свалки. Рэдрик сел в тени будки прямо на землю и засунул руку в щель под будкой. Он нащупал пыльную промасленную бумагу и рукоять пистолета,

357 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

358 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





завёрнутого в эту бумагу; оцинкованная коробка с патронами тоже была на месте, и мешочек с браслетами, и старый бумажник с поддельными документами: тайник был в порядке. Тогда он снял с себя кожанку и кепи и полез в пазуху. С минуту он сидел, взвешивая на ладони фарфоровый баллончик с неодолимой и неотвратимой смертью внутри. И тут он почувствовал, как у него снова задёргло щеку.

— Шухарт, — пробормотал он, не слыша своего гóлоса. — Что же ты, зараза, делаешь? Падаль ты, они же этой штукой всех нас передушат... — Он прижал пальцами дёргающуюся щёку, но это не помогло. — Гады, — сказал он про рабочих, грузивших телевизоры на автокар. — Попались же вы мне на дороге... Кинул бы её, стерву, обратно в Зону, и концы в воду...

Он с тоской огляделся. Над потрескавшимся асфальтом дрожал горячий воздух, угрюмо глядели заколоченные окна, по пустырю бродили пылевые чёртики. Он был один.

— Ладно, — сказал он решительно. — *Каждый за себя, один бог за всех. На наш век хватит...*

Торопливо, чтобы не передумать снова, он засунул баллон в кепи, а кепи завернул в кожанку. Потóм он встал на колени и, навалившись, слегка накренил будку. Толстый свёрток лёг на дно ямки, и ещё осталось много свободного мёста. Он осторожно опустил будку, покачал её двумя руками и поднялся, отряхивая ладони.

— И всё, — сказал он. — И никаких.

Он забрался в раскалённую духоту будки, опустил монету и набрал номер.

— Гута, — сказал он. — Ты, пожалуйста, не волнуйся. Я опять попался. — Ему было слышно, как она судорожно вздохнула, и он торопливо проговорил: — Да ерундистика это всё, месяцев шесть-восемь... и со свиданиями... Переживём. А без денег ты не будешь, деньги тебе пришлют... — Она всё молчала. — Завтра утром тебя вызовут в комендатуру, там увидимся. Мартышку приведи.

— Обыска не будет? — спросила она глухо.

— А хоть бы и был. Дóма всё чисто. Ничего, держи хвост трубой... Уши торчком, хвост пистолетом. Взяла в мужья сталкера, теперь не жалуйся. Ну, до завтра... Имей в виду, я тебе не звонил. Целую в носик.

Он резко повесил трубку и несколько секунд стоял, изо всех сил зажмурившись, стиснув зубы так, что звенело в ушах. Потóм он опять бросил монетку и набрал другой номер.

— Слушаю вас, — сказал Хрипатый.

— Говорит Шухарт, — сказал Рэдрик. — Слушайте внимательно и не перебивайте...

— Шухарт? — очень натурально удивился Хрипатый. — *Какой Шухарт?*

— Не перебивайте, я говорю! Я попался, бежал и сейчас иду сдаваться. Мне дадут года два с половиной или три. Жена остаётся без денег. Вы её обеспечите. Чтобы она ни в чём не нуждалась, понятно? Понятно, я вас спрашиваю?







— Продолжайте, — сказал Хрипатый.

— Недалеко от того места, где мы с вами в первый раз встретились, есть телефонная будка. Там она одна, не ошибётесь. Фарфор лежит под ней. Хотите берите, хотите нет, но жена моя чтобы ни в чём не нуждалась. Нам с вами ещё работать и работать. А если я вернусь и узнаю, что вы сыграли нечисто... Я вам не советую играть нечисто. Понятно?

— Я всё понял, — сказал Хрипатый. — Спасибо. — Потом, помедлив немного, спросил: — Может быть, адвоката?

— Нет, — сказал Рэдрик. — Все деньги до последнего медяка — жене. С приветом.

Он повесил трубку, огляделся, глубоко засунул руки в карманы брюк и неторопливо пошёл вверх по Горняцкой улице между пустыми, заколоченными домами.

### 3.

## **Ричард Г. Нунан, 51 год, представитель поставщиков электронного оборудования при Хармонтском филиале МИВК**

Ричард Г. Нунан сидел за столом у себя в кабинете и рисовал чёртиков в огромном блокноте для деловых заметок. При этом он сочувственно улыбался, кивал лысой головой и не слушал посетителя. Он просто ждал телефонного звонка, а посетитель, доктор Пильман, лениво делал ему выговор. Или воображал, что делает ему выговор. Или хотел заставить себя поверить, будто делает ему выговор.

— Мы всё это учтём, — сказал,<sup>359</sup> наконец,<sup>360</sup> Нунан, дорисовав десятого для ровного счёта чёртика и захлопнув блокнот. — В самом деле, безобразие...

Валентин протянул тонкую руку и аккуратно стряхнул пепел в пепельницу.

— И что же именно вы учтёте? — вежливо осведомился он.

— А всё, что вы сказали, — весело ответил Нунан, откидываясь в кресле. — До последнего слова.

— А что я сказал?

— Это несущественно, — произнёс Нунан. — Что бы вы ни сказали, всё будет учтено.

Валентин (доктор Валентин Пильман, лауреат Нобелевской премии и всё такое прочее) сидел перед ним в глубоком кресле, маленький, изящный, аккуратный, на замшевой курточке ни пятнышка, на поддёрнутых брюках ни морщинки; ослепительная рубашка, строгий одноцветный галстук,

359 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

360 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





сияющие ботинки, на тонких бледных губах ехидная улыбочка, огромные чёрные очки скрывают глаза, над широким низким лбом чёрные волосы жёстким ёжиком.

— По-моему, вам зря платят ваше фантастическое жалование, — сказал он. — Мало того, по-моему, вы ещё и саботажник, Дик.

— Чш-ш-ш! — произнёс Нунан шёпотом. — Ради бога, не так громко.

— В самом деле, — продолжал Валентин. — Я довольно давно слежу за вами: по-моему, вы совсем не работаете...

— Одну минутку! — прервал его Нунан и помахал розовым толстым пальцем. — Как это не работаю? Разве хоть одна рекламация осталась без последствий?

— Не знаю, — сказал Валентин и снова стряхнул пепел. — Приходит хорошее оборудование, приходит плохое оборудование. Хорошее приходит чаще, а при чём здесь вы, не знаю.

— А вот если бы не я, — возразил Нунан, — хорошее приходило бы реже. Кроме того, вы, учёные, всё время портите хорошее оборудование, а потом заявляете рекламации, и кто вас тогда покрывает? Вот, например...

Зазвонил телефон, и Нунан, сразу забыв о Валентине, схватил трубку.

— Мистер Нунан? — спросила секретарша. — Вас снова господин Лемхен.

— Соединяйте.

Валентин поднялся, положил потухший окурок в пепельницу, в знак прощания пошевелил у виска двумя пальцами и вышел, маленький, прямой, складный.

— Мистер Нунан? — раздался в трубке знакомый медлительный голос.

— Слушаю вас.

— Не легко застать вас на рабочем месте, мистер Нунан.

— Пришла новая партия...

— Да, я уже знаю. Мистер Нунан, я приехал ненадолго. Есть несколько вопросов, которые необходимо обсудить при личной встрече. Имеются в виду последние контракты «Мицубиси дэнси». Юридическая сторона.

— К вашим услугам.

— Тогда, если вы не возражаете, минут через тридцать в конторе нашего отделения. Вас устраивает?

— Вполне. Через тридцать минут.

Ричард Нунан положил трубку, поднялся и, потирая пухлые руки, прошёлся по кабинету. Он даже запел какой-то модный шлягер, но тут же пустил петуха и добродушно засмеялся над собой. Затем он взял шляпу, перекинул через руку плащ и вышел в приёмную.

— Детка, — сказал он секретарше, — меня понесло по клиентам. Оставайтесь командовать гарнизоном, удерживайте, как говорится, крепость, а я вам принесу шоколадку.





Секретарша расцвела. Нунан послал ей воздушный поцелуй и покатился по коридорам института. Несколько раз его пытались поймать за полу, он увёртывался, отшучивался, просил удерживать без него позиции, беречь почки, не напрягаться, и в конце концов, так никем и не уловленный, выкатился из здания, привычно взмахнув нераскрытым пропуском перед носом дежурного сержанта.

Над городом висели низкие тучи, парило, первые неуверенные капли чёрными звёздочками расплывались на асфальте. Накинув плащ на голову и плечи, Нунан рысцой побежал вдоль шеренги машин к своему «пежо», нырнул внутрь и, сорвав с головы плащ, бросил его на заднее сиденье. Из бокового кармана пиджака он извлёк чёрную круглую палочку этака, вставил её в аккумуляторное гнездо и задвинул большим пальцем до щелчка. Потом, поёрзав задом, он поудобнее устроился за рулём и нажал педаль. «Пежо» беззвучно выкатился на середину улицы и понёсся к выходу из предзонника.

Дождь хлынул внезапно, разом, как будто в небесах опрокинули чан с водой. Мостовая сделалась скользкой, машину заносило на поворотах. Нунан запустил дворники и снизил скорость. *Итак, рапорт получен, думал он. Сейчас нас будут хвалить. Что ж, я за. Я люблю, когда меня хвалят. Особенно когда хвалит сам господин Лемхен, через силу. Странное дело, почему это нам нравится, когда нас хвалят? Денег от этого не прибавится. Славы? Какая у нас может быть слава? «Он прославился: теперь о нём знали трое». Ну, скажем, четверо, если считать Бейлиса. Забавное существо человек! ... Похоже, мы любим похвалу как таковую. Как детишки мороженое. И очень глупо. Как я могу подняться в собственных глазах? Что, я сам себя не знаю? Старого толстого Ричарда Г. Нунана? А кстати, что такое это «Г»? Вот тебе и на! И спросить не у кого... Не у господина же Лемхена спрашивать... А, вспомнил! Герберт. Ричард Герберт Нунан. Ну и льёт!*

Он вывернул на Центральный проспект и вдруг подумал: до чего сильно вырос городишко за последние годы! ... Экие небоскрёбы отгрохали... Вот ещё один строят. Это что же у нас будет? А, луна-комплекс: лучшие в мире джазы, и варьете, и прочее всё для нашего доблестного гарнизона и для наших храбрых туристов, особенно пожилых, и для благородных рыцарей науки... А окраины пустеют.

Да, хотел бы я знать, чем всё это кончится. Между прочим, десять лет назад я совершенно точно знал, чем всё это должно кончиться. Непреодолимые кордоны. Пояс пустоты шириной в пятьдесят километров. Учёные и солдаты, больше никого. Страшная язва на теле планеты заблокирована намертво... И ведь надо же, вроде бы и все так считали, не только я. Какие произносились речи, какие вносились законопроекты! ... А теперь вот уже даже и не вспомнишь, каким образом эта всеобщая стальная решимость расплылась вдруг киселём. «С одной стороны нельзя не признать, а с другой стороны нельзя не согласиться». А началось это, кажется, когда сталкеры вынесли из Зоны первые «этаки». Батарейки... Да, кажется, с этого и началось. Особенно когда открылось, что они размножаются. Язва оказалась не такой уж и язвой, и даже не язвой вовсе, а вроде бы сокровищницей... А теперь уже никто и не знает, что это такое





— язва ли, сокровищница, адский соблазн, шкатулка Пандоры, чёрт, дьявол... Пользуются помаленьку. Двадцать лет пыхтят, миллиарды ухлопали, а организованного грабежа наладить так и не смогли. Каждый делает свой маленький бизнес, а учёные лбы с важным видом вещают: с одной стороны нельзя не признать, а с другой стороны нельзя не согласиться, поскольку объект такой-то, будучи облучён рентгеном под углом восемнадцать градусов, испускает квазитепловые электроны под углом двадцать два градуса... К дьяволу! Всё равно до самого конца мне не дожить...

Машина катилась мимо особняка Стервятника Барбриджа. Во всех окнах по случаю проливного дождя горел свет, видно было, как в окнах второго этажа, в комнатах красоты Дины, движутся танцующие пары. Не то спозаранку начали, не то со вчерашнего никак кончить не могут. Мода такая пошла по городу: сутками напролёт. Крепких мы вырастили молодцов, выносливых и упорных в своих намерениях...

Нунан остановил машину перед невзрачным зданием с неприметной вывеской «*Юридическая контора Корш, Корш и Саймак*». Он вынул и спрятал в карман «этак», снова натянул на голову плащ, подхватил шляпу и опрометью бросился в парадное мимо швейцара, углублённого в газету, по лестнице, покрытой потёртым ковром, застучал каблуками по тёмному коридору второго этажа, пропитанному специфическим запахом, природу которого он в своё время напрасно тщился выяснить, распахнул дверь в конце коридора и вошёл в приёмную. На месте секретарши сидел незнакомый, очень смуглый молодой человек. Он был без пиджака, рукава сорочки засучены. Он копался в потрохах какого-то сложного электронного устройства, установленного на столике вместо пишущей машинки. Ричард Нунан повесил плащ и шляпу на гвоздик, обеими руками пригладил остатки волос за ушами и вопросительно взглянул на молодого человека. Тот кивнул. Тогда Нунан открыл дверь в кабинет.

Господин Лемхен грузно поднялся ему навстречу из большого кожаного кресла, стоявшего у завешенного портьерой окна. Прямоугольное генеральское лицо его собралось в складки, означающие не то приветливую улыбку, не то скорбь по поводу дурной погоды, а может быть, с трудом обуздываемое желание чихнуть.

— Ну,<sup>361</sup> вот и вы, — медлительно проговорил он. — Входите, располагайтесь.

Нунан поискал взглядом, где бы расположиться, и не обнаружил ничего, кроме жёсткого стула с прямой спинкой, упрятанного за стол. Тогда он присел на край стола. Весёлое настроение его начало почему-то улетучиваться, он и сам не понимал ещё, почему. Вдруг ему стало ясно, что хвалить его не будут. Скорее наоборот. День гнева, философически подумал он и приготовился к худшему.

— Закуривайте, — предложил господин Лемхен, снова опускаясь в кресло.

— Спасибо, не курю.

361 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







Господин Лемхен покивал головой с таким видом, словно подтвердились самые дурные его предположения, соединил перед лицом кончики пальцев обеих рук и некоторое время внимательно разглядывал образовавшуюся фигуру.

— Полагаю, юридические дела фирмы «Мицубиси дэнси» мы обсуждать с вами не будем, — проговорил он наконец.

Это была шутка. Ричард Нунан с готовностью улыбнулся и сказал:

— Как вам будет угодно!

Сидеть на столе было чертовски неудобно, ноги не доставали до полу.

— С сожалением должен сообщить вам, Ричард, — сказал господин Лемхен, — что ваш рапорт произвёл наверху чрезвычайно благоприятное впечатление.

— Гм... — произнёс Нунан. *Начинается*, подумал он.

— Вас даже собирались представить к ордену, — продолжал господин Лемхен, — однако я предложил повременить. И правильно сделал. — Он,<sup>362</sup> наконец,<sup>363</sup> оторвался от созерцания фигуры из десяти пальцев и посмотрел исподлобья на Нунана. — Вы спросите меня, почему я проявил такую, казалось бы, чрезмерную осторожность...

— Наверное, у вас были к тому основания, — скучным голосом сказал Нунан.

— Да, были. Что получалось из вашего рапорта, Ричард? Группа «Метрополь» ликвидирована. Вашими усилиями. Группа «Зелёный цветочек» взята с поличным в полном составе. Блестящая работа. Тоже ваша. Группы «Варр», «Квазимодо», «Странствующие музыканты» и все прочие, я не помню их названий, самоликвидировались, осознав, что не сегодня-завтра их накроют. Это всё на самом деле так и было, всё подтверждается перекрёстной информацией. Поле боя очистилось. Оно осталось за вами, Ричард. Противник в беспорядке отступил, понеся большие потери. Я верно изложил ситуацию?

— Во всяком случае, — осторожно начал Нунан, — последние три месяца утечка материалов из Зоны через Хармонт прекратилась... По крайней мере, по моим сведениям, — добавил он.

— Противник отступил, не так ли?

— Ну, если вы настаиваете именно на этом выражении... Так.

— Не так! — сказал господин Лемхен. — Дело в том, что этот противник никогда не отступает. Я это знаю твёрдо. Поспешив с победным рапортом, Ричард, вы продемонстрировали незрелость. Именно поэтому я предложил воздержаться от немедленного представления вас к награде.

*Да провались они, твои награды, думал Нунан, раскачивая ногой и угрюмо глядя на мелькающий носок ботинка. В паутину... на чердак я твои награды вешал! Тоже мне моралист, воспитатель! Я и без тебя знаю, с кем я здесь имею дело, нечего мне морали читать, какой у меня противник. Скажи просто и ясно: где, как и что я прошлёпал... Что эти негодяи*

362 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

363 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





*откололи ещё... где, как и какие нашли щели... и без предисловий, я тебе не пригостишка сопливый, мне уже за полста перевалило, и я тебе здесь не ради твоих орденов сижу...*

— Что вы слышали о Золотом шаре? — спросил вдруг господин Лемхен.

*Господи, с раздражением подумал Нунан, Золотой-то шар здесь при чём? Провалился бы ты с твоей манерой разговаривать...*

— Золотой шар есть легенда, — скучным голосом доложил он. — Мифическое сооружение в Зоне, имеющее форму и вид некоего золотого шара, предназначенное для исполнения человеческих желаний.

— Любых?

— В соответствии с каноническим текстом легенды — любых. Существуют, однако, варианты...

— Так, — произнёс господин Лемхен. — А что вы слышали о «смерть-лампе»?

— Восемь лет назад, — скучным голосом затянул Нунан, — сталкер по имени Стефан Норман, по кличке Очкарик, вынес из Зоны некое устройство, представляющее собою, насколько можно судить, нечто вроде системы излучателей, смертоносно действующих на земные организмы. Упомянутый Очкарик предлагал этот агрегат институту. В цене они не сошлись, Очкарик ушёл в Зону и не вернулся. Где находится агрегат в настоящее время — неизвестно. В институте до сих пор рвут на себе волосы. Известный вам Хью из «Метрополя» предлагал за этот агрегат любую сумму, какая уместится на листке чековой книжки.

— Всё? — спросил господин Лемхен.

— Всё, — ответил Нунан. Он демонстративно оглядывал комнату. Комната была скучная, смотреть было не на что.

— Так, — сказал Лемхен. — А что вы слышали о «рачьем глазе»?

— О каком глазе?

— О *рачьем*. *Рак*. Знаете? — Господин Лемхен постриг воздух двумя пальцами. — С клешнями.

— В первый раз слышу, — сказал Нунан, нахмурившись.

— Ну,<sup>364</sup> а что вы знаете о «гремучих салфетках»?

Нунан слез со стола и встал перед Лемхеном, засунув руки в карманы.

— Ничего не знаю, — сказал он. — А вы?

— К сожалению, я тоже ничего не знаю. Ни о «рачьем глазе», ни о «гремучих салфетках». А между тем они существуют.

— В *моей* Зоне? — спросил Нунан.

— Вы сядьте, сядьте, — сказал господин Лемхен, помахивая ладонью. — Наш разговор только начинается. Сядьте.

Нунан обогнул стол и уселся на жёсткий стул с высокой спинкой.

364 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





*Куда гнёт? — лихорадочно думал он. — Что ещё за новости? Наверное, нашли что-нибудь в других Зонах, а он меня разыгрывает, скотина. Всегда он меня не любил, старый чёрт, не может забыть того стишка...*

— Продолжим наш маленький экзамен, — объявил Лемхен, отогнул портьеру и выглянул в окно. — Льёт, — сообщил он. — Люблю. — Он отпустил портьеру, откинулся в кресле и, глядя в потолок, спросил: — Как поживает старый Барбридж?

— Барбридж? Стервятник Барбридж под наблюдением. Калека, в средствах не нуждается. С Зоной не связан. Содержит четыре бара, танцкласс и организует пикники для офицеров гарнизона и туристов. Дочь, Дина, ведёт рассеянный образ жизни. Сын, Артур, только что окончил юридический колледж.

Господин Лемхен удовлетворённо покивал.

— Отчётливо, — похвалил он. — А что поделывает Креон Мальтиец?

— Один из немногих действующих сталкеров. Был связан с группой «Квазимодо», теперь сбывает хабар институту, через меня. Я держу его на свободе: когда-нибудь кто-нибудь клюнет. Правда, последнее время он сильно пьёт и, боюсь, долго не протянет.

— Контакты с Барбриджем?

— Ухаживает за Диной. Успеха не имеет.

— Очень хорошо, — сказал господин Лемхен. — А что слышно о Рыжем Шухарте?

— Месяц назад вышел из тюрьмы. В средствах не нуждается. Пытался эмигрировать, но у него... — Нунан помолчал. — Словом, у него семейные неприятности. Ему сейчас не до Зоны.

— Всё?

— Всё.

— Немного, — сказал господин Лемхен. — А как обстоят дела у Счастливчика Картера?

— Он уже много лет не сталкер. Торгует подержанными автомобилями, и потом у него мастерская по переоборудованию автомашин на питание от «этаков». Четверо детей, жена умерла год назад. Тёща.

Лемхен покивал.

— Ну,<sup>365</sup> кого из стариков я ещё забыл? — добродушно осведомился он.

— Вы забыли Джонатана Майлза по прозвищу Кактус. Сейчас он в больнице, умирает от рака. И вы забыли Гуталина...

— Да-да, что Гуталин?

— Гуталин всё тот же, — сказал Нунан. — У него группа из трёх человек. Неделями пропадают в Зоне. Всё, что находят, уничтожают на месте. А его общество Воинствующих Ангелов распалось.

— Почему?

365 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





— Ну, как вы помните, они занимались тем, что скупали хабар, и Гуталин относил его обратно в Зону. *Дьяволу дьяволу*. Теперь скупать стало нечего, а кроме того, новый директор филиала натравил на них полицию.

— Понимаю, — сказал господин Лемхен. — Ну,<sup>366</sup> а молодые?

— Что же, *молодые...* приходят и уходят, есть человек пять-шесть с кое-каким опытом, но последнее время им некому сбывать хабар, и они растерялись. Я их понемножку приручаю... Полагаю, шеф, что со сталкерством в *моей* Зоне практически покончено. Старики сошли, молодёжь ничего не умеет, да и престиж ремесла уже не тот, что раньше. Идёт техника, сталкеры-автоматы.

— Да-да, я слышал об этом, — сказал господин Лемхен. — Однако эти автоматы не оправдывают пока и той энергии, которую потребляют. Или я ошибаюсь?

— Это вопрос времени. Скоро начнут оправдывать.

— Как скоро?

— Лет через пять-шесть...

Господин Лемхен снова покивал.

— Между прочим, вы, наверное, ещё не знаете, противник тоже стал применять сталкеры-автоматы.

— В *моей* Зоне? — повторил Нунан, насторожившись.

— *И в вашей тоже.* У вас они базируются на Рексополис, перебрасывают оборудование на вертолётах через горы в Змеиное ущелье, на Чёрное озеро, к подножию пика Болдер...

— Так ведь это же периферия, — сказал Нунан недоверчиво. — Там пусто, что они там могут найти?

— Мало, очень мало. Но находят. Впрочем, это я для справки, это вас на касается... Резюмируем. Сталкеров-профессионалов в Хармонте почти не осталось. Те, что остались, к Зоне больше отношения не имеют. Молодёжь растерянна и находится в процессе приручения. Противник разбит, отброшен, залёг где-то и зализывает раны. Хабара нет, а когда он появляется, его некому сбывать. Незаконная утечка материалов из хармонтской Зоны уже три месяца как прекратилась. Так?

Нунан молчал. *Сейчас, думал он. Сейчас он мне врежет. Но где же у меня дыра? И здоровенная, видно, пробоина. Ну, давай, давай, старая морковка! ... Не тяни душу...*

— Не слышу ответа, — произнёс господин Лемхен и приложил ладонь к морщинистому волосатому уху.

— Ладно, шеф, — мрачно сказал Нунан. — Хватит. Вы меня уже сварили и изжарили, подавайте на стол.

Господин Лемхен неопределённо хмыкнул.

— Вам даже нечего мне сказать, — проговорил он с неожиданной горечью. — Ушами вот хлопаete перед начальством, а каково же было мне, когда позавчера... — Он вдруг оборвал себя, поднялся и побрёл по кабинету

366 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







к сейфу. — Короче говоря, за последние два месяца, только по имеющимся сведениям, комплексы противника получили свыше шести тысяч единиц материала из различных Зон. — Он остановился около сейфа, погладил его по крашеному боку и резко повернулся к Нунану. — Не тешьте себя иллюзиями! — заорал он. — Отпечатки пальцев Барбриджа! Отпечатки пальцев Мальтийца! Отпечатки пальцев Носатого Бен-Галеви, о котором вы даже не сочли нужным упомянуть! Отпечатки пальцев Гундосого Гереша и Карлика Цмыга! Так-то вы приручаете вашу молодёжь! «Браслеты»! «Иголки»! «Белые вертячки»! И мало того, какие-то «рачьи глаза», какие-то «сучьи погремушки», «гремучие салфетки», чёрт бы их подрал! — Он снова оборвал себя, вернулся в кресло, опять соединил пальцы и вежливо спросил: — Что вы об этом думаете, Ричард?

Нунан вытащил носовой платок и вытер шею и затылок.

— Ничего не думаю, — просипел он честно. — Простите, шеф, я сейчас вообще... Дайте отдышаться... Барбридж! Барбридж не имеет никакого отношения к Зоне! Я знаю каждый его шаг! Он устраивает попойки и пикники на озёрах, он зашибает хорошие деньги, и ему просто не нужно... Простите, я чепуху, конечно, говорю, но уверяю вас, я не теряю Барбриджа из виду с тех пор, как он вышел из больницы...

— Я вас больше не задерживаю, — сказал господин Лемхен. — Даю неделю сроку. Представьте соображения, каким образом материалы из *вашей* Зоны попадают в руки Барбриджа... и всех прочих. До свидания!

Нунан поднялся, неловко кивнул профилю господина Лемхена и, продолжая вытирать платком обильно потеющую шею, выбрался в приёмную. Смуглый молодой человек курил, задумчиво глядя в недра развороченной электроники. Он мельком посмотрел в сторону Нунана, глаза у него были пустые, обращённые внутрь.

Ричард Нунан кое-как нахлобучил шляпу, схватил плащ под мышку и пошёл вон. *Такого со мной, пожалуй, ещё не бывало, — беспорядочно думал он. Надо же, Носатый Бен-Галеви! Кличку уже успел заработать... Когда? Этакий мальчишка, соплёт перешибить можно... Нет, всё это не то... Ах ты, животное безрогая, Стервятник! Как же ты меня уел! Без штанов ведь пустил, как маленького... Как же это могло случиться? Этого же просто не могло случиться! Прямо как тогда, в Сингапуре, — мордой об стол, затылком об стену...*

Он сел в автомобиль и некоторое время, ничего не соображая, шарил по щитку в поисках ключа зажигания. Со шляпы текло на колени, он снял её и, не глядя, швырнул за спину. Дождь заливал переднее стекло, и Ричарду Нунану представлялось почему-то, что именно из-за этого он никак не может понять, что же делать дальше. Осознав это, он с размаху стукнул себя кулаком в лысый лоб. Полегчало. Сразу вспомнилось, что ключа зажигания нет и быть не может, а есть в кармане «этак». Вечный аккумулятор. И надо его вытащить из кармана, чтоб ты треснул, и вставить в приёмное гнездо, и тогда можно будет,<sup>367</sup> по крайней мере,<sup>368</sup> куда-нибудь поехать подальше от этого дома, где из окна за ним наверняка наблюдает эта старая брюква...

367 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

368 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Рука Нунана с «этаком» замерла на полпути. Так. С кого начать я,<sup>369</sup> по крайней мере,<sup>370</sup> знаю. Вот с него и начну. Ох,<sup>371</sup> как я с него начну! Никто ни с кого никогда так не начинал, как начну с него я сейчас. И с таким удовольствием. Он включил дворники и погнал машину вдоль бульвара, почти никого не видя перед собой, но уже понемногу успокаиваясь. Ничего. Пусть как в Сингапуре. В конце концов в Сингапуре ведь всё кончилось благополучно... Подумаешь, разок мордой об стол! Могло быть и хуже. Могло быть не мордой и не об стол, а об что-нибудь с гвоздями... Ладно, не будем отвлекаться. Где тут моё заведение? Не видно ни черта... Ага, вот оно.

Время было неурочное, но заведение «Пять минут» сияло огнями, что твой «Метрополь». Отряхиваясь, как собака на берегу, Ричард Нунан вступил в ярко освещённый холл, провонявший табаком, парфюмерией и прокисшим шампанским. Старый Бенни, ещё без ливреи, сидел за стойкой наискосок от входа и что-то жрал, держа вилку в кулаке. Перед ним, расположив среди пустых бокалов чудовищный бюст, возвышалась Мадам; пригорюнясь, смотрела, как он ест. В холле ещё даже не убрали после вчерашнего. Когда Нунан вошёл, Мадам сейчас же повернула в его сторону широкое наштукатуренное лицо, сначала недовольное, но тут же расплывшееся в профессиональной улыбке.

— Хо! — пробасила она. — Никак сам господин Нунан! По девочкам соскучились?

Бенни продолжал жрать, он был глух как пень.

— Привет, старушка! — отозвался Нунан, подходя. — Зачем мне девочки, когда передо мной настоящая женщина?

Бенни,<sup>372</sup> наконец,<sup>373</sup> заметил его. Страшная маска, вся в синих и багровых шрамах, с натугой перекосилась в приветливой улыбке.

— Здравствуйте, хозяин! — прохрипел он. — Обсушиться зашли?

Нунан улыбнулся в ответ и сделал ручкой. Он не любил разговаривать с Бенни: всё время приходилось орать.

— Где мой управляющий, ребята? — спросил он.

— У себя, — ответила Мадам. — Завтра налоги платить.

— Ох уж эти налоги! — сказал Нунан. — Ладно. Мадам, попрошу приготовить моё любимое, я скоро вернусь.

Бесшумно ступая по толстому синтетическому ковру, он прошёл по коридору мимо задёрнутых портьерами стойл, на стенке возле каждого стойла красовалось изображение какого-нибудь цветка, — свернул в неприметный тупичок и без стука открыл обшитую кожей дверь.

Мосол Катюша восседал за столом и рассматривал в зеркальце зловещую болячку на носу. Плевать ему было, что завтра налоги платить. На совершенно пустом столе перед ним стояла баночка с ртутной мазью и стакан с прозрачной жидкостью. Мосол Катюша поднял на Нунана налитые

369 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

370 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

371 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

372 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

373 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





кровью глаза и вскочил, уронив зеркальце. Не говоря ни слова, Нунан опустил в кресло напротив и некоторое время молча рассматривал прохвоста и слушал, как тот невнятно бормочет что-то насчёт проклятого дождя и ревматизма. Потом он сказал:

— Закрой-ка дверь на ключ, голубчик.

Мосол, плоскостопо б́ухая ножищами, подбежал к двери, щёлкнул ключом и вернулся к столу. Он волосатой горой возвышался над Нунаном, преданно глядя ему в рот. Нунан всё рассматривал его через прищуренные веки. Почему-то он вдруг вспомнил, что настоящее имя Мосла Катюши — Рафаэль. Мослом его прозвали за чудовищные костлявые кулаки, сизо-красные и голые, торчащие из густой шерсти, покрывавшей его р́уки, словно из манжет. Катюшей же он называл себя сам в полной уверенности, что это традиционное имя великих монгольских царей. Рафаэль. Ну что ж, Рафаэль, начнём.

— Как дела? — спросил он ласково.

— В полном порядке, босс, — поспешно отвечал Рафаэль-Мосол.

— Тот скандал уладил в комендатуре?

— Сто пятьдесят монет выложил. Все довольны.

— Сто пятьдесят с тебя, — сказал Нунан. — Твоя вина, голубчик. Надо было следить.

Мосол сделал несчастное лицо и с покорностью развёл огромные ладони.

— Паркет в холле надо бы перестелить, — сказал Нунан.

— Будет сделано.

Нунан помолчал, топорща губы.

— Хабар? — спросил он, понизив голос.

— Есть немножко, — тоже понизив голос, произнёс Мосол.

— Покажи.

Мосол кинулся к сейфу, достал свёрток, положил его на стол перед Нунаном и развернул. Нунан одним пальцем покопался в кучке «чёрных брызг», взял «браслет», оглядел его со всех сторон и положил обратно.

— Это всё? — спросил он.

— Не несут, — виновато сказал Мосол.

— *Не несут...* — повторил Нунан.

Он тщательно прицелился и изо всех сил пнул носком ботинка Мослу в голень. Мосол охнул, пригнулся было, чтобы схватиться за ушибленное место, но тут же снова выпрямился и вытянул р́уки по швам. Тогда Нунан вскочил, отшвырнул кресло, схватил Мосла за воротник сорочки и пошёл на него, лягаясь, вращая глазами и шепча ругательства. Мосол, ахая и охая, задирая голову, как испуганная лошадь, пýтился от него до тех пор, пока не рухнул на диван.





— На две стороны работаешь, стерва? — шипел Нунан прямо в его белые от ужаса глаза. — Стервятник в хабаре купается, а ты мне бусики в бумажечке подносишь? ... — Он развернулся и ударил Мосла по лицу, стараясь зацепить нос с болячкой. — В тюрьме сгною! В навозе у меня жить будешь... Сухари жрать будешь... Жалеть будешь, что на свет родился! — он снова с размаху ткнул кулаком в Болячку. — Откуда у Барбриджа хабар? Почему ему несут, а тебе нет? Кто несёт? Почему я ничего не знаю? Ты на кого работаешь, свинья волосатая? Говори!

Мосол беззвучно открывал и закрывал рот. Нунан отпустил его, вернулся в кресло и задрал ноги на стол.

— Ну? — сказал он.

Мосол с хлюпаньем втянул носом кровь и сказал:

— Ей-богу, босс... Чего вы? Какой у Стервятника хабар? Нет у него никакого хабара. Нынче ни у кого хабара нету...

— Ты что, спорить со мной будешь? — ласково спросил Нунан, снимая ноги со стола.

— Да нет, босс... Ей-богу... — заторопился Мосол. — Да провалиться мне! Какое там спорить! И в мыслях этого нету...

— Вышвырну я тебя, — мрачно произнёс Нунан. — Работать не умеешь. На кой чёрт ты мне, такой-сякой, сдался? Я таких, как ты, на четвертак десяток наберу. Мне настоящий человек нужен при деле.

— Погодите, босс, — рассудительно сказал Мосол, размазывая кровь по лицу. — Что это вы сразу, с налёту? ... Давайте всё-таки разберёмся... — Он осторожно потрогал болячку кончиком пальца. — Хабара, говорите, много у Барбриджа? Не знаю. Извиняюсь, конечно, но это вам кто-то соврал. Ни у кого сейчас хабара нет. В Зону ведь одни сопляки ходят, так они же не возвращаются. Нет, босс, это вам кто-то врёт...

Нунан искоса следил за ним. Было похоже, что Мосол действительно ничего не знает. Да ему и не выгодно было лгать, на Стервятнике много не заработаешь.

— Эти пикники — выгодное дело? — спросил он.

— Пикники? Да не так чтобы очень. Лопатой не загребёшь... Так ведь сейчас в городе выгодных дел не осталось...

— Где эти пикники устраиваются?

— Устраиваются где? Так в разных местах. У Белой горы, на Горячих источниках бывают, на Радужных озёрах...

— А какая клиентура?

— Клиентура какая? — Мосол шмыгнул носом, поморгал и сказал доверительно: — Если вы, босс, хотите сами за это дело взяться, я бы вам не советовал. Против Стервятника вам здесь не посветит.

— Это почему же?







— У Стервятника клиентура: голубые каски — раз, — Мосол принялся загибать пальцы, — офицеры из комендатуры — два, туристы из «Метрополя», из «Белой лилии», из «Пришельца» ... это три. Потом у него уже реклама поставлена, местные ребята тоже к нему ходят... Ей-богу, босс, не стоит с этим связываться. За девочек он нам платит не то чтобы богато...

— Местные тоже к нему ходят?

— Молодёжь, в основном.

— Ну и что там, на пикниках, делается?

— Делается что? Едем туда на автобусах, так? Там уже палаточки, буфетик, музыка... Ну и каждый развлекается, как хочет. Офицеры больше с девочками, туристы прутся на Зону смотреть. Ежели у Горячих источников, то до Зоны там рукой подать, прямо за Серной расщелиной... Стервятник туда им лошадиных костей накидал, вот они и смотрят в бинокли...

— А местные?

— Местные? Местным это, конечно, не интересно... Так, развлекаются, кто как умеет...

— А Барбридж?

— Так, а что Барбридж? Как все, так и Барбридж...

— А ты?

— А что я? Как все, так и я. Смотрю, чтобы девочек не обижали, и... это... ну, там... Ну, как все, в общем.

— И сколько это всё продолжается?

— Когда как. Когда трое суток, а когда и всю неделю.

— И сколько это удовольствие стоит? — спросил Нунан, думая совсем о другом.

Мосол ответил что-то, Нунан его не слышал. *Вот она, прореха, думал он. Несколько суток... несколько ночей. В этих условиях просто невозможно проследить за Барбриджем, даже если ты специально задался этой целью. И всё-таки ничего не понятно. Он же безногий, а там расщелина... Нет, тут что-то не то...*

— Кто из местных ездит постоянно?

— Из местных? Так я ж говорю, больше молодёжь. Ну там Галеви, Ражба... Курёнок Цапфа... этот Цмыг... Ну, Мальтиец бывает. Тёплая компания. Они это дело называют «воскресная школа». Что, говорят, посетим «воскресную школу»? Они там в основном насчёт пожилых туристок, неплохо зарабатывают. Прикатит какая-нибудь старуха из Европы...

— «Воскресная школа», — повторил Нунан.

Какая-то странная мысль появилась вдруг у него. *Школа.* Он поднялся.





— Ладно, — сказал он. — Бог с ними, с пикниками. Это не для нас. Но чтоб ты знал: у Стервятника есть хабар, а это уже наше дело, голубчик. Это мы просто так оставить не можем. Ищи, Мосол, ищи, а то выгоню я тебя к чертям собачьим. Откуда он берёт хабар, кто ему доставляет, — выясни всё и давай на двадцать процентов больше, чем он. Понял?

— Понял, босс. — Мосол уже тоже стоял, рúки по швам, на измазанной морде преданность.

— Да поворачивайся! Мозгами шевели, животное! — заорал вдруг Нунан и вышел.

В холле у стойки он неспешно распил свой аперитив, побеседовал с Мадам насчёт падения нравов, намекнул, что в ближайшем будущем намерен расширить заведение, и, понизив голос для значительности, посоветовался, как быть с Бенни, — стар становится мужик, слуха нет, реакция уже не та, не поспевает, как раньше... Было уже шесть часов, хотелось есть, а в мозгу всё сверлила, всё крутилась неожиданная мыслишка, ни с чем не сообразная и в то же время многое объясняющая. Впрочем, и так уже кое-что объяснилось, исчез с этого дела раздражающий и пугающий налёт мистики, осталась только досада на себя, что раньше не подумал о такой возможности, но главное-то было не в этом, главное было в этой мыслишке, которая всё крутилась и крутилась и не давала покоя.

Прощавшись с Мадам и пожав руку Бенни, Нунан поехал напрямик в «Боржч». Вся беда в том, что мы не замечаем, как проходят годы, думал он. Плевать на годы, мы не замечаем, как всё меняется. Мы знаем, что всё меняется, нас с детства учат, что всё меняется, мы много раз видели своими глазами, как всё меняется, и в то же время мы совершенно не способны заметить тот момент, когда происходит изменение, или ищем изменение не там, где следовало бы. Вот уже появились новые сталкеры, оснащённые кибернетикой. Старый сталкер был грязным, угрюмым человеком, который со звериным упорством, миллиметр за миллиметром, полз на брюхе по Зоне, зарабатывая себе куш. Новый сталкер —<sup>374</sup> это фронт при галстукке, инженер, сидит где-нибудь в километре от Зоны, в зубах сигаретка, возле локтя стакан с бодрящей смесью, сидит себе и смотрит за экранами. Джентльмен на жалование. Очень логичная картина. До того логичная, что все остальные возможности просто на ум не приходят. А ведь есть и другие возможности, «воскресная школа», например.

И вдруг, вроде бы ни с того ни с сего, он ощутил отчаяние. Всё было бесполезно. Всё было зря. Боже мой, подумал он, ведь ничего же у нас не получится! Не удержать, не остановить! Никаких сил не хватит удержать в горшке эту квашню, подумал он с ужасом. Не потому, что мы плохо работаем. И не потому, что они хитрее и ловчее нас. Просто мир у нас тут такой. И человек в этом нашем мире такой. Не было бы Посещения — было бы что-нибудь другое. Свинья грязи найдёт...

В «Боржче» было много света и очень вкусно пахло. «Боржч» тоже изменился, ни тебе танцев, ни тебе веселья. Гуталин теперь сюда не ходит, брезгует, и Рэдрик Шухарт, наверное, сунул сюда нос свой конопатый,

374 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





покривился и ушёл. Эрнест всё ещё в тюрьме, заправляет делами его старуха, дорвалась: солидная постоянная клиентура, весь институт сюда ходит обедать, да и старшие офицеры; уютные кабинки, готовят вкусно, берут недорого, пиво всегда свежее. Добрая старая харчевня.

В одной из кабинок Нунан увидел Валентина Пильмана. Лауреат сидел за чашечкой кофе и читал сложенный пополам журнал. Нунан подошёл.

— Разрешите соседствовать? — спросил он.

Валентин поднял на него чёрные окуляры.

— А, — сказал он. — Прошу.

— Сейчас, только руки помою, — сказал Нунан, вспомнив вдруг болячку.

Здесь его хорошо знали. Когда он вернулся и сел напротив Валентина, на столе уже стояла маленькая жаровня с дымящимся шураско и высокая кружка пива не холодного и не тёплого, — как он любил. Валентин отложил журнал и пригубил кофе.

— Слушайте, Валентин, — сказал Нунан, отрезая кусочек мяса. — Как вы думаете, *чем всё это кончится?*

— Вы о чём?

— Посещение, Зоны, сталкеры, военно-промышленные комплексы, вся эта куча... *Чем всё это может кончиться?*

Валентин долго смотрел на него слепыми чёрными стёклами. Потом он закурил сигарету и сказал:

— *Для кого?* Конкретизируйте.

— Ну, скажем, *для нашей части планеты.*

— Это зависит от того, повезёт нам или нет, — сказал Валентин. — Мы теперь знаем, что для нашей части планеты Посещение прошло, в общем, бесследно. Конечно, не исключено, что, таская наугад каштаны из этого огня, мы в конце концов вытащим что-нибудь такое, из-за чего жизнь не только у нас, но и на всей планете станет просто невозможной. Это будет невезенье. Однако, согласитесь, это всегда грозило человечеству. — Он разогнал дым сигареты ладонью и усмехнулся. — Я, видите ли, давно уже отвык рассуждать о человечестве в целом. *Человечество в целом слишком стационарная система, её ничем не проймёшь.*

— Вы так думаете? — разочарованно произнёс Нунан. — Что ж, может быть,<sup>375</sup> и так...

— Скажите по чести, Ричард, — явно развлекаясь, сказал Валентин. — Вот для вас, дельца, что изменилось с Посещением? Вот вы узнали, что во Вселенной есть ещё,<sup>376</sup> по крайней мере,<sup>377</sup> один разум помимо человеческого. Ну и что?

— Да как вам сказать? — промямлил Нунан. Он уже жалел, что затеял этот разговор. Не о чём здесь было разговаривать. — *Что для меня изменилось? ...* Например, вот уже много лет я ощущаю некоторое

375 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

376 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

377 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





неудобство, неуютность какую-то. Хорошо, они пришли и сразу ушли. А если они придут снова и им взбредёт в голову остаться? Для меня, для дельца, это, знаете ли, не праздный вопрос: кто они, как они живут, что им нужно? ... В самом примитивном варианте я вынужден думать, как мне изменить производство. Я должен быть готов. А если я вообще окажусь ненужным в их системе? — он оживился. — А если мы все окажемся ненужными? Слушайте, Валентин, раз уж к слову пришлось, существуют какие-нибудь ответы на эти вопросы? Кто они, что им было нужно, вернутся или нет? ...

— Ответы существуют, — сказал Валентин, усмехаясь. — Их даже очень много, выбирайте любой.

— А сами вы что считаете?

— Откровенно говоря, я никогда не позволял себе размышлять об этом серьёзно. Для меня Посещение — это прежде всего уникальное событие, чреватое возможностью перепрыгнуть сразу через несколько ступенек в процессе познания. Что-то вроде путешествия в будущее технологии. Н-ну, как если бы в лабораторию к Исааку Ньютону попал современный квантовый генератор...

— Ньютон бы ничего не понял.

— Напрасно вы так думаете! Ньютон был очень проницательный человек.

— Да? Ну ладно, бог с ним, с Ньютоном. А как вы всё-таки толкуете Посещение? Пусть даже несерьёзно...

— Хорошо, я вам скажу. Только я должен предупредить вас, Ричард, что ваш вопрос находится в компетенции псевдонауки под названием ксенология. Ксенология — это некая неестественная помесь научной фантастики с формальной логикой. Основой её метода является порочный приём — навязывание инопланетному разуму человеческой психологии.

— Почему порочный? — сказал Нунан.

— А потому, что биологи в своё время уже обожглись, когда пытались перенести психологию человека на животных. Земных животных, заметьте.

— Позвольте, — сказал Нунан. — Это совсем другое дело. Ведь мы говорим о психологии разумных существ...

— Да. И всё было бы очень хорошо, если бы мы знали, что такое разум.

— А разве мы не знаем? — удивился Нунан.

— Представьте себе, нет. Обычно исходят из очень плоского определения: разум есть такое свойство человека, которое отличает его деятельность от деятельности животных. Этакая, знаете ли, попытка отграничить хозяина от пса, который якобы всё понимает, только сказать не может. Впрочем, из этого плоского определения вытекают более остроумные. Они базируются на горестных наблюдениях за упомянутой деятельностью человека. Например: разум есть способность живого существа совершать нецелесообразные или неестественные поступки.

— Да, это про нас, про меня, про таких, как я, — горестно согласился Нунан.







— К сожалению. Или, скажем, определение-гипотеза. *Разум есть сложный инстинкт, не успевший ещё сформироваться.* Имеется в виду, что инстинктивная деятельность всегда целесообразна и естественна. Пройдёт миллион лет, инстинкт сформируется, и мы перестанем совершать ошибки, которые, вероятно, являются неотъемлемым свойством разума. И тогда, если во Вселенной что-нибудь изменится, мы благополучно выйдем, — опять же именно потому, что разучились совершать ошибки, то есть пробовать разные, не предусмотренные жёсткой программой варианты.

— Как-то это всё у вас получается... *унизительно.*

— Пожалуйста, тогда ещё одно определение, очень возвышенное и благородное. *Разум есть способность использовать силы окружающего мира без разрушения этого мира.*

Нунан сморщился и замотал головой.

— Нет, — сказал он. — *Это не про нас...* Ну,<sup>378</sup> а как насчёт того, что человек, в отличие от животных, —<sup>379</sup> существо, испытывающее непреодолимую потребность в знаниях? Я где-то об этом читал.

— Я тоже, — сказал Валентин. — Но вся беда в том, что человек, во всяком случае, массовый человек, тот, которого вы имеете в виду, когда говорите «*про нас*» или «*не про нас*», — с лёгкостью преодолевает эту свою потребность в знаниях. По-моему, такой потребности и вовсе нет. *Есть потребность понять, а для этого знаний не надо. Гипотеза о боге, например, даёт ни с чем не сравнимую возможность абсолютно всё понять, абсолютно ничего не узнавая... Дайте человеку крайне упрощённую систему мира и толкуйте всякое событие на базе этой упрощённой модели. Такой подход не требует никаких знаний. Несколько заученных формул плюс так называемая интуиция, так называемая практическая сметка и так называемый здравый смысл.*

— Погодите, — сказал Нунан. Он допил пиво и со стуком поставил пустую кружку на стол. — Не отвлекайтесь. Давайте всё-таки так. Человек встретился с инопланетным существом. Как они узнают друг о друге, что они оба разумны?

— Представления не имею, — сказал Валентин веселясь. — Всё, что я читал по этому поводу, сводится к порочному кругу. *Если они способны к контакту, значит, они разумны. И наоборот: если они разумны, они способны к контакту. И вообще: если инопланетное существо имеет честь обладать психологией человека, то оно разумно.* Вот так.

— Вот тебе и на, — сказал Нунан. — А я-то думал, что у вас всё уже разложено по полочкам...

— *Разложить по полочкам и обезьяна может,* — заметил Валентин.

— Нет, погодите, — сказал Нунан. Почему-то он чувствовал себя обманутым. — Но если вы таких простых вещей не знаете... Ладно, бог с ним, с разумом. Видно, здесь сам чёрт ногу сломит. Но насчёт Посещения? Что вы всё-таки думаете насчёт Посещения?

— Пожалуйста, — сказал Валентин. — Представьте себе *пикник...*

378 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

379 В оригинале без тире после запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





Нунан вздрогнул.

— Как вы сказали?

— *Пикник*. Представьте себе: лес, просёлок, лужайка. С просёлка на лужайку съезжает машина, из машины выгружаются молодые люди, бутылки, корзины с провизией, девушки, транзисторы, фото- и киноаппараты... Разжигается костёр, ставятся палатки, включается музыка. А утром они уезжают. Звери, птицы и насекомые, которые всю ночь с ужасом наблюдали происходящее, выползают из своих убежищ. И что же они видят? На траву понатекло автола, пролит бензин, разбросаны негодные свечи и масляные фильтры. Валяется ветошь, перегоревшие лампочки, кто-то обронил разводной ключ. От протекторов осталась грязь, налипшая на каком-то неведомом болоте... ну и, сами понимаете, следы костра, огрызки яблок, конфетные обёртки, консервные банки, пустые бутылки, чей-то носовой платок, чей-то перочинный нож, старые, драные газеты, монетки, увядшие цветы с других полян...

— Я понял, — сказал Нунан. — *Пикник на обочине*.

— Именно. *Пикник на обочине* какой-то космической дороги. А вы меня спрашиваете: *вернутся они или нет?*

— Дайте-ка мне закурить, — сказал Нунан. — Чёрт бы побрал вашу псевдонауку! Как-то я всё это не так себе представлял.

— Это ваше право, — заметил Валентин.

— Значит, что же, они нас даже и не заметили?

— Почему?

— Ну, во всяком случае, не обратили на нас внимания...

— Знаете, я бы на вашем месте не огорчился, — посоветовал Валентин.

Нунан затянулся, закашлялся, бросил сигарету.

— Всё равно, — сказал он упрямо. — Не может быть... Чёрт бы вас, учёных, подрал! Откуда это у вас такое пренебрежение к человеку? Что вы его всё время стремитесь принизить? ...

— Подождите, — сказал Валентин. — Послушайте. *«Вы спросите меня: чем велик человек? — процитировал он. — Что создал вторую природу? Что привёл в движение силы, почти космические? Что в ничтожные сроки завладел планетой и прорубил окно во Вселенную? Нет! Тем, что, несмотря на всё это, уцелел и намерен уцелеть и далее»*.

Наступило молчание. Нунан думал.

— Может быть... — сказал он неуверенно. — Конечно, если с этой точки зрения...

— Да вы не огорчайтесь, — благодушно сказал Валентин. — Пикник — это ведь только моя гипотеза. И даже не гипотеза, собственно, а так, картинка... Так называемые серьёзные ксенологи пытаются обосновать гораздо более солидные и льстящие человеческому самолюбию версии. Например, что *никакого Посещения не было, что Посещение ещё только будет. Некий высокий разум забросил к нам на Землю контейнеры с образцами своей материальной культуры. Ожидается, что мы изучим эти*





образцы, совершив технологический скачок и сумеем послать ответный сигнал, который и будет означать реальную готовность к контакту. Как вам это?

— Это уже значительно лучше, — сказал Нунан. — Я вижу, среди учёных тоже попадаются порядочные люди.

— Или вот. Посещение имело место на самом деле, но оно отнюдь не окончилось. Фактически мы сейчас находимся в состоянии контакта, только не подозреваем об этом. Пришельцы угнездились в Зонах и тщательно нас изучают, одновременно подготавливая к «жестоким чудесам грядущего».

— Вот это я понимаю! — сказал Нунан. — По крайней мере,<sup>380</sup> тогда понятно, что это за таинственная возня происходит в развалинах завода. Между прочим, ваш пикник эту возню не объясняет.

— Почему же не объясняет? — возразил Валентин. — Могла ведь какая-нибудь девчушка забыть на лужайке любимого заводного медвежонка...

— Ну, это вы бросьте, — решительно сказал Нунан. — Ничего себе медвежонок: земля трясётся... Впрочем, конечно, может быть и медвежонок. Пиво будете? Розалия! Два пива господам ксенологам! ... А всё-таки приятно с вами побеседовать, — сказал он Валентину. — Этакое прочищение мозгов, словно английской соли насыпали под черепушку. А то вот работаешь-работаешь, а зачем, для чего, что будет, что случится, чем сердце успокоится...

Принесли пива. Нунан отхлебнул, глядя поверх пены, как Валентин с выражением безглаговного сомнения рассматривает свою кружку.

— Что, не нравится? — спросил он, облизывая губы.

— Да я, собственно, не пью, — нерешительно сказал Валентин.

— Ну да? — поразился Нунан.

— Чёрт возьми! — сказал Валентин и решительно отодвинул кружку. — Закажите мне лучше коньяку, раз так, — сказал он.

— Розалия! — немедленно рявкнул вконец развеселившийся Нунан.

Когда принесли коньяк, он сказал:

— И всё-таки так нельзя. Я уж не говорю про ваш пикник, это вообще свинство, — но если даже принять версию, что это, скажем, прелюдия к контакту, всё равно нехорошо. Я понимаю — «браслеты», «пустышки» ... Но «ведьмин студень» зачем? «Комариные плеши», пух этот отвратительный...

— Простите, — сказал Валентин, выбирая ломтик лимона. — Я не совсем понимаю вашу терминологию. Какие, простите, плеши?

Нунан засмеялся.

— Это фольклор, — пояснил он. — Рабочий жаргон сталкеров. «Комариные плеши» — это области повышенной гравитации.

— А, гравиконцентраты... Направленная гравитация. Вот об этом я бы поговорил с удовольствием, но вы ничего не поймёте.

— Почему же это я ничего не пойму? Я всё-таки инженер...

380 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





— Потому что я сам не понимаю, — сказал Валентин. — У меня есть системы уравнений, но как их истолковать, я представления не имею... А «ведьмин студень» — это, вероятно, коллоидный газ?

— Он самый. Слыхали о катастрофе в Карригановских лабораториях?

— Слыхал кое-что, — неохотно отозвался Валентин.

— Эти идиоты поместили фарфоровый контейнер со студнем в специальную камеру, предельно изолированную... То есть это они думали, что камера предельно изолирована... А когда они открыли контейнер манипуляторами, студень прошёл через металл и пластик, как вода через промокашку, вырвался наружу, и всё, с чем он соприкасался, превращалось опять же в студень. Погибло тридцать пять человек, больше ста изувечено, а всё здание лаборатории приведено в полную негодность. Вы там бывали когда-нибудь? Великолепное сооружение! А теперь студень стёк в подвалы и нижние этажи... Вот вам и прелюдия к контакту.

Валентин весь сморщился.

— Да, я знаю всё это, — сказал он. — Однако согласитесь, Ричард, пришельцы здесь ни при чём. Откуда они могли знать о существовании у нас военно-промышленных комплексов?

— А следовало бы знать! — назидательно ответил Нунан.

— Они сказали бы вам на это: следовало бы давным-давно уничтожить военно-промышленные комплексы.

— И то верно, — согласился Нунан. — Вот бы они и занялись, раз такие могучие.

— То есть вы предлагаете вмешательство во внутренние дела человечества?

— Гм, — сказал Нунан. — Так мы, конечно, можем зайти очень далеко. Не будем об этом. Вернёмся лучше к началу разговора. Чем же всё это кончится? Ну вот, например, вы, учёные. Надеетесь вы получить из Зоны что-нибудь фундаментальное, что-нибудь такое, что действительно способно перевернуть науку, технологию, образ жизни? ...

Валентин пожал плечами.

— Вы обращаетесь не по адресу, Ричард. Я не люблю фантазировать впустую. Когда речь идёт о таких серьёзных вещах, я предпочитаю осторожный скепсис. Если исходить из того, что мы уже получили, впереди целый спектр возможностей, и ничего определённого сказать нельзя.

— Ну хорошо, попробуем с другого конца. Что вы, по вашему мнению, уже получили?

— Как это ни забавно, довольно мало. Мы обнаружили много чудес. В некоторых случаях мы научились даже использовать эти чудеса для своих нужд. Мы даже привыкли к ним... Обезьяна нажимает красную кнопку — получает банан, нажимает белую — апельсин, но как раздобыть бананы и апельсины без кнопок, она не знает. И какое отношение имеют кнопки к бананам и апельсинам, она не понимает. Возьмём, скажем, «этаки». Мы научились ими пользоваться. Мы открыли даже условия, при которых они размножаются делением. Но мы до сих пор не сумели сделать ни одного этака, не понимаем, как они устроены, и, судя по всему, разберёмся







во всём этом не скоро... Я бы сказал так. *Есть объекты, которым мы нашли применение. Мы используем их, хотя почти наверняка не так, как их используют пришельцы. Я совершенно уверен, что в подавляющем большинстве случаев мы забиваем микроскопами гвозди. Но всё-таки кое-что мы применяем: «этаки», «браслеты», стимулирующие жизненные процессы... различные типы квазибиологических масс, которые произвели такой переворот в медицине... Мы получили новые транквилизаторы, новые типы минеральных удобрений, переворот в агрономии...* В общем, что я вам перечисляю! Вы знаете всё это не хуже меня, браслетик, я вижу, сами носите... Назовём эту группу объектов полезными. Можно сказать, что в какой-то степени человечество ими облагодетельствовано, хотя никогда не следует забывать, что в нашем евклидовом мире всякая палка имеет два конца...

— Нежелательные применения? — вставил Нунан.

— Вот именно. Скажем, применение этаков в военной промышленности... Я не об этом. Действие каждого полезного объекта нами более или менее изучено, более или менее объяснено. Сейчас остановка за технологией, но лет через пятьдесят мы сами научимся изготавливать эти королевские печати и тогда вволю будем колоть ими орехи. Сложнее обстоит дело с другой группой объектов, сложнее именно потому, что никакого применения они у нас не находят, а свойства их в рамках наших нынешних представлений решительно необъяснимы. Например, магнитные ловушки разных типов. Мы понимаем, что это магнитная ловушка, Панов это очень остроумно доказал. Но мы не понимаем, где источник такого мощного магнитного поля, в чём причина его сверхустойчивости... ничего не понимаем. Мы можем только строить фантастические гипотезы относительно таких свойств пространства, о которых раньше даже не подозревали. Или К-23... Как вы их называете, эти чёрные красивые шарики, которые идут на украшения?

— «Чёрные брызги», — сказал Нунан.

— Вот-вот, «чёрные брызги» ... Хорошее название... Ну, вы знаете про их свойства. Если пустить луч света в такой шарик, то свет выйдет из него с задержкой, причём эта задержка зависит от веса шарика, от размера, ещё от некоторых параметров, и частота выходящего света всегда меньше частоты входящего... Что это такое? Почему? Есть безумная идея, будто эти ваши «чёрные брызги» — суть гигантские области пространства, обладающего иными свойствами, нежели наше, и принявшего такую свёрнутую форму под воздействием нашего пространства... — Валентин вытащил сигарету и закурил. — Короче говоря, объекты этой группы для нынешней человеческой практики совершенно бесполезны, хотя с чисто научной точки зрения они имеют фундаментальное значение. Это свалившиеся с неба ответы на вопросы, которые мы ещё не умеем задать. Упомянутый выше сэр Исаак, может быть, и не разобрался бы в лазере, но он во всяком случае понял бы, что такая вещь возможна, и это очень сильно повлияло бы на его научное мировоззрение. Я не буду вдаваться в подробности, но существование таких объектов, как магнитные ловушки,





К-23, «белое кольцо», разом зачеркнуло целое поле недавно процветавших теорий и вызвало к жизни совершенно новые идеи. А ведь есть ещё третья группа...

— Да, — сказал Нунан. — «ведьмин студень» и прочие прелести...

— Нет-нет. Всё это следует отнести либо к первой, либо ко второй группе. Я имею в виду объекты, о которых мы ничего не знаем или знаем только понаслышке, которые мы никогда не держали в руках. То, что уволокли у нас из-под носа сталкеры, — продали неизвестно кому, припрятали. То, о чём они молчат. Легенды и полulegenды: «машина желаний», «бродяга Дик», «весёлые призраки» ...

— Минуточку, минуточку, — сказал Нунан. — Это ещё что такое? «Машина желаний» — понимаю...

Валентин засмеялся.

— Видите, у нас тоже есть свой рабочий жаргон. «Бродяга Дик» — это тот самый гипотетический заводной медвежонок, который бесчинствует в развалинах завода. А «весёлые призраки» — это некая опасная турбулентция, имеющая место в некоторых районах Зоны.

— Первый раз слышу, — сказал Нунан.

— Вы понимаете, Ричард, — сказал Валентин, — *мы ковыряемся в Зоне два десятка лет, но мы не знаем и тысячной доли того, что она содержит.* А если уж говорить о воздействии Зоны на человека... Вот, кстати, тут нам придётся ввести в классификацию ещё одну, четвёртую группу. Уже не объектов, а воздействий. Эта группа изучена безобразно плохо, хотя фактов накопилось, на мой взгляд, более чем достаточно. И вы знаете, Ричард, меня иногда мороз продирает по коже, когда я думаю об этих фактах.

— *Живые покойники...* — пробормотал Нунан.

— Что? А... Нет, это загадочно, но не более того. Как бы это сказать... Это вообразимо, что ли. А вот когда вокруг человека вдруг ни с того ни с сего начинают происходить внефизические, внебиологические явления...

— А, вы имеете в виду *эмигрантов*...

— Вот именно. Математическая статистика, знаете ли, это очень точная наука, хотя она и имеет дело со случайными величинами. И кроме того, это очень красноречивая наука, очень наглядная...

Валентин, по-видимому, слегка охмелел. Он стал говорить громче, щёки его порозовели, а брови над чёрными окулярами высоко задрались, сминая лоб в гармошку.

— *Люблю непьющих,* — с иронией сказал Нунан.

— Не отвлекайтесь! — сказал Валентин строго. — Слушайте, что вам рассказывают. Это очень странно. — Он поднял рюмку, разом отхлебнул половину и продолжал: — Мы не знаем, что произошло с бедными хармонтцами в самый момент Посещения. Но вот один из них решил эмигрировать. Какой-нибудь обыкновеннейший обыватель. Парикмахер. Сын парикмахера и внук парикмахера. Он переезжает, скажем, в Детройт. Открывает парикмахерскую, и начинается чёртов бред. Более девяноста процентов его клиентуры погибает на протяжении года: гибнут в





автомобильных катастрофах, вываливаются из окон, вырезаются гангстерами и хулиганами, тонут на мелких местах, и так далее, и так далее. Возрастает количество стихийных бедствий в Детройте и его окрестностях. Откуда-то берутся смерчи и тайфуны, которых в этих местах не видывали с тысяча семьсот забытого года. Ну,<sup>381</sup> и всё в таком же роде. И такие катаклизмы происходят в любом городе, в любой местности, где селится эмигрант из района Посещения, и количество этих катаклизмов прямо пропорционально числу эмигрантов, поселившихся в данном месте. И заметьте, подобное действие оказывают только те эмигранты, которые пережили само Посещение. Родившиеся после Посещения на статистику несчастных случаев никакого влияния не оказывают. Вы прожили здесь десять лет, но вы приехали после Посещения, и вас без опаски можно селить хоть в Ватикане. Как объяснить такое? От чего нужно отказаться: от статистики? Или от здравого смысла? — Валентин схватил рюмку и залпом допил её.

Ричард Нунан почесал за ухом.

— М-да, — сказал он. — Я вообще-то наслышан о таких вещах, но я, честно говоря, всегда полагал, что всё это, мягко выражаясь, несколько преувеличено... Действительно, с точки зрения нашей могучей позитивистской науки...

— Или, скажем, мутагенное воздействие Зоны, — прервал его Валентин. Он снял очки и уставился на Нунана чёрными подслеповатыми глазами. — *Все люди, которые достаточно долго общаются с Зоной, подвергаются изменениям как фенотипическим, так и генотипическим. Вы знаете, какие дети бывают у сталкеров, вы знаете, что бывает с самими сталкерами. Почему? Где мутагенный фактор? Радиации в Зоне никакой. Химическая структура воздуха и почвы в Зоне хотя и обладает своей спецификой, но никакой мутагенной опасности не представляет. Что же, мне в таких условиях в колдовство начать верить? В дурной глаз?*

— Я вам сочувствую в ваших метаниях, — ответил Нунан. — Но, откровенно говоря, лично мне ожившие покойники действуют на нервы гораздо сильнее, чем данные статистики. Тем более, что данных статистики я никогда не видел, а покойников и видел,<sup>382</sup> и обонял предостаточно...

Валентин легкомысленно махнул рукой.

— А, покойники ваши... — сказал он. — Слушайте, Ричард, вам не стыдно? Вы же всё-таки человек с образованием... Во-первых, никакие они не покойники. Это же муляжи... реконструкции по скелету... чучела... А потом, уверяю вас: с точки зрения фундаментальных принципов, эти ваши муляжи не более и не менее удивительная вещь, чем вечные аккумуляторы. Просто «этаки» нарушают первый принцип термодинамики, а муляжи второй, вот и вся разница. Все мы в каком-то смысле пещерные люди, ничего страшнее призрака или вурдалака представить себе не можем. А между тем *нарушение принципа причинности гораздо более страшная вещь, чем целые стада привидений...* И всяких там чудовищ Рубинштейна... или Валленштейна?

381 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

382 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))







— Франкенштейна.

— Да, конечно, Франкенштейна. Мадам Шелли. Супруга поэта. Или дочь. — Он вдруг засмеялся. — У этих ваших муляжей есть одно любопытное свойство: автономная жизнеспособность. Можно у них, например, отрезать какую-то часть, и она будет жить. Отдельно. Без всяких физиологических растворов... Так вот, недавно доставили в институт одного такого.... Это мне лаборант Бойда рассказывал... — Валентин захохотал.

— А не пора ли нам по домам, Валентин? — сказал Нунан, глядя на часы. — У меня есть ещё одно важное дело.

— Пойдёмте, — сказал Валентин, тщетно пытаясь попасть лицом в оправу очков и, наконец, взяв очки в обе руки и старательно водрузив их на место. — У вас машина?

— Да, я вас завезу.

Они расплатились и направились к выходу. Валентин то и дело с размаху прикладывал палец к виску, приветствуя знакомых лаборантов, которые с любопытством наблюдали за светилом мировой физики. У самого выхода, приветствуя расплывшегося в улыбке швейцара, он сшиб с себя очки, и все трое кинулись их ловить.

— У меня завтра эксперимент. Вы знаете, любопытная вещь... — приговаривал Валентин, влезая в «пежо».

И он принялся рассказывать о завтрашнем эксперименте. Нунан отвёз его в научный городок.

А ведь они тоже боятся, думал он, снова усаживаясь в «пежо». Боятся, высоколбые... Да,<sup>383</sup> так и должно быть. Они должны бояться даже больше, чем все мы, простые обыватели, вместе взятые. Ведь мы просто ничего не понимаем, а они,<sup>384</sup> по крайней мере,<sup>385</sup> понимают, до какой степени ничего не понимают. Смотрят в эту бездонную пропасть и знают, что неизбежно им туда спускаться, — сердце заходится, но спускаться надо, а как спускаться, что там на дне и, главное, можно ли будет потом выбраться? ... А мы, грешные, смотрим, так сказать, в другую сторону. Слушай, а может быть, так и надо? Пусть оно идёт всё своим чередом, а мы уж проживём как-нибудь. Правильно он сказал: самый героический поступок человечества —<sup>386</sup> *это то, что оно выжило и намерено выжить дальше...* А всё-таки чёрт бы вас подрал, сказал он пришельцам. Не могли устроить свой пикник в другом месте. На Луне, например... Или на Марсе. Такая же вы равнодушная дрянь, как и все, хоть и научились свёртывать пространство. Пикник, видите ли, устроили. Пикник...

Как же мне получше обойтись с моими пикниками? — думал он, медленно ведя «пежо» по ярко освещённым мокрым улицам. Как бы половчее всё это повернуть? По принципу наименьшего действия. Как в механике. На кой чёрт мне такой-сякой инженерный диплом, если я не могу придумать, как мне половчее ущучить этого безногого мерзавца...

383 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

384 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

385 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))

386 В оригинале без тире. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))







Он остановил машину перед домом, где жил Рэдрик Шухарт, и немного посидел за рулём, прикидывая, как вести разговор. Потом он вынул «этак», вылез из машины и только тут обратил внимание, что дом выглядит нежилым. Почти все окна были тёмные, в скверике никого не было, и даже фонари там не горели. Это напомнило ему, что он сейчас увидит, и он зябко поёжился. Ему даже пришло в голову, что, может быть, имеет смысл вызвать Рэдрика по телефону и побеседовать с ним в машине или в какой-нибудь тихой пивнушке, но он отогнал эту мысль. По целому ряду причин. И, кроме всего прочего, сказал он себе, давай-ка не будем уподобляться всем этим жалким типам, которые разбежались отсюда, как тараканы, ошпаренные кипятком.

Он вошёл в подъезд, неторопливо поднялся по давно неметеной<sup>387</sup> лестнице. Вокруг стояла нежилая тишина, многие двери, выходящие на лестничные площадки, были приотворены или даже распахнуты настежь, из тёмных прихожих тянуло затхлыми запахами сырости и пыли. Он остановился перед дверью квартиры Рэдрика, пригладил волосы за ушами, глубоко вздохнул и нажал кнопку звонка. Некоторое время за дверью было тихо, потом там скрипнули половицы, щёлкнул замок, и дверь тихо приоткрылась. Шагов он так и не услышал.

На пороге стояла Мартышка, дочь Рэдрика Шухарта. Из прихожей на полутёмную лестничную площадку падал яркий свет, и в первую секунду Нунан увидел только тёмный силуэт девочки и подумал, как она сильно вытянулась за последние несколько месяцев, но потом она отступила вглубь прихожей, и он увидел её лицо. В горле у него мгновенно пересохло.

— Здравствуй, Мария, — сказал он, стараясь говорить как можно ласковее. — Как поживаешь, Мартышка?

Она не ответила. Она молчала и совершенно бесшумно пятилась к дверям в гостиную, глядя на него исподлобья. Похоже, она не узнавала его. Да и он, честно говоря, не узнавал её. Зона, подумал он. Дрянь...

— Кто там? — спросила Гута, выглядывая из кухни. — Господи, Дик! Где вы пропадали? Вы знаете, Рэдрик вернулся!

Она поспешила к нему, на ходу вытирая руки полотенцем, переброшенным через плечо, — всё такая же красивая, энергичная, сильная, только вот подтянуло её как-то: лицо осунулось, и глаза были какие-то... лихорадочные, что ли?

Он поцеловал её в щёку, отдал ей плащ и шляпу и сказал:

— Наслышаны, наслышаны... Всё времени никак не мог выбрать забежать. Дома он?

— Дома, — сказала Гута. — У него там один... Скоро уйдёт, наверное, они давно уже сидят. Проходите, Дик...

Он сделал несколько шагов по коридору и остановился в дверях гостиной. Старик сидел за столом. Муляж. Неподвижный и чуть перекошенный на сторону. Розовый свет от абажура падал на широкое тёмное лицо, словно вырезанное из старого дерева, ввалившийся безгубый рот, остановившиеся, без блеска, глаза. И сейчас же Нунан почувствовал

387 В оригинале «не метеной» раздельно. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





запах. Он знал, что это игра воображения, запах бывал только первые дни, а потом исчезал напрочь, но Ричард Нунан чувствовал его как бы памятью — душный, тяжёлый запах разрытой земли.

— А то пойдёмте на кухню, — поспешно сказала Гута. — Я там ужин готовлю, заодно поболтаем.

— Да, конечно, — сказал Нунан бодро. — Столько не виделись! ... Вы ещё не забыли, что я люблю выпить перед ужином?

Они прошли на кухню, Гута сразу же открыла холодильник, а Нунан уселся за стол и огляделся. Как всегда, здесь всё было чисто, всё блестело, над кастрюльками поднимался пар. Плита была новая, полуавтомат, значит, деньги в доме были.

— Ну,<sup>388</sup> как он? — спросил Нунан.

— Да всё такой же, — ответила Гута. — Похудел в тюрьме, но сейчас уже отъелся.

— Рыжий?

— Ещё бы!

— Злой?

— А как же! Это у него уж до смерти.

Гута поставила перед ним стакан «Кровавой Мэри» — прозрачный слой русской водки словно бы висел над слоем томатного сока.

— Не много? — спросила она.

— В самый раз. — Нунан влил в себя смесь. Он вспомнил, что, по сути дела, за весь день впервые выпил нечто существенное. — Вот это другое дело, —<sup>389</sup> сказал он.

— У вас всё хорошо? — спросила Гута. — Что вы так долго не заходили?

— Проклятые дела, — сказал Нунан. — Каждую неделю собирался зайти или хотя бы позвонить, но сначала пришлось ехать в Рексополис, потом скандал один начался, потом мне говорят: «Рэдрик вернулся», — ладно, думаю, зачем мешать... В общем, завертелся я, Гута. Я иногда спрашиваю себя: *какого чёрта мы так крутимся? Чтобы заработать деньги? Но на кой чёрт нам деньги, если мы только и делаем, что крутимся?* ...

Гута звякнула крышками кастрюлек, взяла с полочки пачку сигарет и села за стол напротив Нунана. Глаза её были опущены. Нунан поспешно выхватил зажигалку и дал ей прикурить, и снова, второй раз в жизни, увидел, что у неё дрожат пальцы, как тогда, когда Рэдрика только что осудили, и Нунан пришёл к ней, чтобы дать ей денег, — первое время она совершенно пропадала без денег, и ни одна тварь в доме не давала ей в долг. Потом деньги в доме появились, и, судя по всему, немалые, и Нунан догадывался, откуда, но он продолжал приходить, приносил Мартышке лакомства и игрушки, целыми вечерами пил с Гутой кофе и планировал вместе с нею будущую благополучную жизнь Рэдрика, а потом,

388 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

389 В оригинале без тире после запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





наслушавшись её рассказов, шёл к соседям и пытался как-нибудь урезонить их, объяснял, уговаривал, наконец, выйдя из терпения, грозил: *«Ведь Рыжий вернётся, он вам все кости переломает...»* — ничего не помогало.

— А как поживает ваша девушка? — спросила Гута.

— Которая?

— Ну, с которой вы заходили тогда... беленькая такая...

— Какая же это *моя девушка*? Это *моя стенографистка*. Вышла замуж и уволилась.

— Жениться вам надо, Дик, — сказала Гута. — Хотите, невесту найду?

Нунан хотел было ответить, как обычно: *«Мартышка вот подрастёт...»*, но вовремя остановился. *Сейчас это бы уже не прозвучало.*

— Стенографистка мне нужна, а не жена, — проворчал он. — Бросайте вы своего рыжего дьявола и идите ко мне в стенографистки. Вы же были отличной стенографисткой. Старый Гаррис вас до сих пор вспоминает.

— Ещё бы, — сказала она. — Всю руку тогда об него отбила.

— Ах, даже так? — Нунан сделал вид, что удивлён. — Ай да Гаррис!

— Господи! — сказала Гута. — Да он мне проходу не давал! Я только одного боялась, как бы Рэд не узнал.

Бесшумно вошла Мартышка, возникла в дверях, посмотрела на кастрюли, на Ричарда, потом подошла к матери и прислонилась к ней, отвернув лицо.

— Ну что, Мартышка, — сказал бодро Ричард Нунан. — Шоколадку хочешь?

Он полез в жилетный карман, вытащил шоколадный автомобильчик в прозрачном пакетике и протянул девочке. Она не пошевелилась. Гута взяла у него шоколадку и положила на стол. У неё вдруг побелели губы.

— Да, Гута, — бодро сказал Нунан. — А я, знаете ли, переезжать собрался. Надоело мне в гостинице. Во-первых, от института всё-таки далеко...

— Она уже почти ничего не понимает, — тихо сказала Гута, и он оборвал себя, взял в обе руки стакан и принялся бессмысленно вертеть его в пальцах. — Вы вот не спрашиваете, как мы живём, — продолжала она, — и правильно делаете. Только ведь вы наш старый друг, Дик, нам от вас скрывать нечего. Да и не скроешь!

— У врача были? — спросил Нунан, не поднимая глаз.

— Да. Ничего они не могут сделать. А один сказал... — она замолчала.

Он тоже молчал. Не о чём тут было говорить и не хотелось об этом думать, но его вдруг ударила жуткая мысль: *это вторжение. Не пикник на обочине, не призыв к контакту, — вторжение. Они не могут изменить нас, но они проникают в тела наших детей и изменяют их по своему образу и подобию.* Ему стало зябко, но он тут же вспомнил, что уже читал о чём-то





подобном, какой-то покетбук в яркой глянцевиной обложке, и от этого воспоминания ему полегчало. *Придумать можно всё,<sup>390</sup> что угодно. На самом деле никогда не бывает так, как придумывают.*

— А один сказал, что она уже не человек, — проговорила Гута.

— Вздор, — глухо сказал Нунан. — Обратитесь к настоящему специалисту. Обратитесь к Джеймсу Каттерфилду. Хотите, я с ним поговорю? Устрою вам приём...

— Это к Мяснику? — она нервно засмеялась. — Не надо, Дик, спасибо. *Это он и сказал.* Видно, судьба.

Когда Нунан снова осмелился поднять глаза, Мартышки уже не было, а Гута сидела неподвижно, рот у неё был приоткрыт, глаза пустые, и на сигарете в её пальцах вырос длинный кривой столбик серого пепла. Тогда он толкнул к ней по столу стакан и проговорил:

— Сделай-ка мне ещё одну порцию, детка... и себе сделай. И выпьем.

Она уронила пепел, поискала глазами, куда бросить окурочек, и бросила в мойку.

— За что? — проговорила она. — Вот я чего не понимаю! Что мы такое сделали? Мы же не самые плохие всё-таки в этом городе...

Нунан подумал, что она сейчас заплачет, но она не заплакала, открыла холодильник, достала водку и сок и сняла с полки второй стакан.

— Вы всё-таки не отчаивайтесь, — сказал Нунан. — *Нет на свете ничего такого, что нельзя исправить.* И вы мне поверьте, Гута, у меня очень большие связи. *Всё, что смогу, я сделаю...*

Сейчас он сам верил в то, что говорил, и уже перебирал в уме имена, связи и городá, и ему уже казалось, будто о подобных случаях он что-то где-то слышал, и вроде бы всё кончилось благополучно, надо только сообразить, где это было и кто лечил, но тут он вспомнил, *зачем он сюда пришёл,* и вспомнил господина Лемхена, и вспомнил, *для чего он подружился с Гутой,* и ему больше не захотелось думать ни о чём, и он отогнал от себя все связные мысли, сел поудобнее, расслабился и стал ждать, пока ему поднесут выпивку.

В это время в прихожей послышались шаркающие шаги, постукивание, и отвратительный, особенно сейчас, голос Стервятника Барбриджа прогундосил:

— Э, Рыжий! А к твоей Гуте, видать, кто-то заглянул, шляпа... Я б на твоём месте это дело так не оставил...

И голос Рэдрика:

— Береги протезы, Стервятник. Прикуси язык. Вон двери, уйти не забудь, мне ужинать пора.

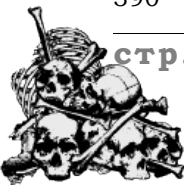
И Барбридж:

— Тьфу ты, господи, пошутить уже нельзя!

И Рэдик:

— Мы с тобой уже всё отшутили. И точка. Мотай, мотай, не задерживай!

390 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







Щёлкнул замо́к, и голоса стали тише, очевидно, оба вышли на лестничную площадку. Барбридж что-то сказал вполголоса, и Рэдрик ему ответил: *«Всё, всё, поговорили!»* Снова ворчание Барбриджа и резкий голос Рэдрика: *«Сказал — всё!»*. Ахнула дверь, простучали быстрые шаги в прихожей, и на пороге кухни появился Рэдрик Шухарт. Нунан поднялся ему навстречу, и они крепко пожали друг другу рúки.

— Я так и знал, что это ты, — сказал Рэдрик, оглядывая Нунана быстрыми зеленоватыми глазами. — У-у, растолстел, толстяк! Всё загривок в барах нагуливаешь... Эге! Да вы тут, я вижу, весело время проводите! Гута, старушка, сделай мне порцию, надо догонять...

— Да мы ещё и не начали, — сказал Нунан. — Мы только собирались. От тебя разве убежишь!

Рэдрик резко засмеялся, ткнул Нунана кулаком в плечо.

— А вот мы сейчас посмотрим, кто кого догонит, кто кого перегонит! Пошли, пошли, что мы здесь на кухне! Гута, тащи ужин...

Он нырнул в холодильник и снова выпрямился, держа в руке бутылку с цветной наклейкой.

— Пировать будем! — объявил он. — Надо как следует угостить лучшего друга Ричарда Нунана, который не покидает своих в беде! Хотя пользы ему от этого никакой. Эх, Гуталина нет, жалко...

— А ты позвони ему, — предложил Нунан.

Рэдрик помотал ярко-рыжей головой.

— Туда ещё телефон не провели, куда ему сейчас звонить. Ну пошли, пошли...

Он первым вошёл в гостиную и грохнул бутылку на стол.

— Пировать будем, папаня! — сказал он неподвижному старику. — Это вот Ричард Нунан, наш друг! Дик, а это папаня мой, Шухарт-старший...

Ричард Нунан, собравшись мысленно в непроницаемый комок, раздвинул рот до ушей, потряс в воздухе ладонью и сказал в сторону муляжа:

— Очень рад, мистер Шухарт. Как поживаете? ... Мы ведь знакомы, Рэд, — сказал он Шухарту-младшему, который копался в баре. — Мы один раз уже виделись, мельком, правда...

— Садись, — сказал ему Рэдрик, кивая на стул напротив старика. — Ты, если будешь с ним говорить, говори громче — он не слышит ничего.

Он расставил бокалы, быстро откупорил бутылки и сказал Нунану:

— Разливай. Папане немного, на самое донышко...

Нунан неторопливо принялся разливать. Старик сидел в прежней позе, глядя в стену. И он никак не реагировал, когда Нунан придвинул к нему бокал. А Нунан уже переключился на новую ситуацию. *Это была игра, страшная и жалкая. Игру разыгрывал Рэдрик, и он включился в эту игру, как всю жизнь включался в чужие игры, и страшные, и жалкие, и стыдные, и дикие, и гораздо более опасные, чем эта.* Рэдрик, подняв свой бокал, произнёс: *«Ну что, понеслись?»* — и Нунан совершенно естественным





образом взглянул на старика, а Рэдрик нетерпеливо позвякал своим бокалом о бокал Нунана и сказал: «Понеслись, понеслись...», и тогда Нунан тоже совершенно естественно кивнул, и они выпили.

Рэдрик, блестя глазами, заговорил всё в том же возбуждённом, немного искусственном тоне:

— Всё, браток! Больше меня тюрьма не увидит. Если бы ты знал, милый мой, до чего же дома хорошо! Деньги есть, я себе хороший коттеджик присмотрел, с садом будем, не хуже,<sup>391</sup> чем у Стервятника... Ты знаешь, я ведь эмигрировать хотел, ещё в тюрьме решил. *Ради чего такого я в этом вшивом городишке сижу? Да провались, думаю, всё пропадом. Возвращаюсь, привет, запретили эмиграцию! Да что мы, чумные какие-нибудь сделали за эти два года?*

Он говорил и говорил, а Нунан кивал, прихлёбывая виски, вставлял сочувственные ругательства, риторические вопросы, потом принялся расспрашивать про коттедж: *что за коттедж, где, за какую цену?* — и они с Рэдриком поспорили. Нунан доказывал, что коттедж дорогой и в неудобном месте, он вытащил записную книжку, принялся листать её и называть адреса заброшенных коттеджей, которые отдадут за бесценок, а ремонт обойдётся всего ничего, если подать заявление об эмиграции, получить от властей отказ и потребовать компенсацию.

— Ты, я вижу, уже и недвижимостью занялся, — сказал Рэдрик.

— А я всем понемножку занимаюсь, — ответил Нунан и подмигнул.

— Знаю, знаю, наслышан о твоих афёрах!

Нунан сделал большие глаза, приложил палец к губам и кивнул в сторону кухни.

— Да ладно, все это знают, — сказал Рэдрик. — Деньги не пахнут. Теперь-то я это точно понял... Но Мосла ты себе подобрал в управляющие, — я животики надорвал, когда услышал! Пустил, понимаешь, козла в огород... Он же псих, я его с детства знаю!

Тут старик медленно, деревянным движением, словно огромная кукла, поднял руку с колена и с деревянным стуком уронил её на стол рядом со своим бокалом. Рука была тёмная, с синеватым отливом, сведённые пальцы делали её похожей на куриную лапу. Рэдрик замолчал и посмотрел на него. В лице его что-то дрогнуло, и Нунан с изумлением увидел на этой конопатой хищной физиономии самую настоящую, самую неподдельную любовь и нежность.

— Пейте, папаша, пейте, — ласково сказал Рэдрик. — Немножко можно, пейте на здоровье... Ничего, — вполголоса сказал он Нунану, заговорщически подмигивая. — Он до этого стаканчика доберётся, будь покоен...

Глядя на него, Нунан вспомнил, что было, когда лаборанты Бойда явились сюда за этим муляжом. Лаборантов было двое, оба крепкие современные парни, спортсмены и всё такое, и ещё был врач из городской больницы и при нём двое санитаров, людей грубых и здоровенных, приспособленных таскать носилки и утихомиривать буйных. Потом один

391 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)





из лаборантов рассказывал, что «этот рыжий» сначала вроде не понял, о чём идёт речь, впустил в квартиру, дал осмотреть отца, и, наверное, старика так бы и увезли, потому что Рэдрик, похоже, вообразил, будто папаню кладут в больницу на профилактику. Но эти болваны-санитары, которые в ходе предварительных переговоров торчали в прихожей и подглядывали за Гутой, как она моет в кухне окна, взялись, когда их позвали, за старика как за бревно, поволокли, уронили на пол. Рэдрик взбесился, и тут вылез вперёд болван-врач и стал обстоятельно разъяснять, что, куда, и зачем. Рэдрик послушал его минуту или две, а потом вдруг без всякого предупреждения взорвался, как водородная бомба. Рассказывавший всё это лаборант и сам не помнит, как он очутился на улице. Рыжий дьявол спустил по лестнице всех пятерых, причём ни одному из них не дал уйти самостоятельно, на своих ногах. Все они, по словам лаборанта, вылетели из парадного, как ядра из пушки. Двое остались валяться на панели в беспомощности, а остальных троих Рэдрик гнал по улице четыре квартала, после чего вернулся к институтской машине и выбил в ней все стёкла, шофёра в машине уже не было, он удрал по улице в противоположном направлении...

— Мне тут в одном баре новый коктейль показали, — говорил Рэдрик, разливая виски. — «Ведьмин студень» называется, я тебе потом сделаю, когда поедем. Это, брат, такая вещь, что на пустое брюхо принимать опасно для жизни: руки-ноги отнимаются с одной порции... Ты как хочешь, Дик, а я тебя сегодня угощу на славу, право же, угощу. Старые добрые времена вспомним, «Боржч» вспомним... Бедняга-то Эрн до сих пор сидит, знаешь? — Он выпил, вытер губы тыльной стороной ладони и спросил небрежно: — А что там, в институте, за «ведьмин студень» ещё не взяли? Я, знаешь ли, от науки слегка поотстал...

Нунан сразу понял, почему Рэдрик заводит разговор на эту тему. Он всплеснул руками и сказал:

— Что ты, дружище! С этим «студнем» знаешь какая штука случилась? Про Карригановские лаборатории слышал? Есть такая частная лавочка... Так вот, раздобыли они порцию «студня» ...

Он рассказал про катастрофу, про скандал, что концов так и не нашли, откуда взялся «студень» — так и не выяснили, а Рэдрик слушал вроде бы рассеянно, цокал языком, качал головой, а потом решительно плеснул ещё виски в бокалы и сказал:

— Так им и надо, паразитам, чтоб они сдохли...

Они выпили, Рэдрик посмотрел на папаню, снова в его лице дрогнуло, он протянул руку и придвинул бокал поближе к сведённым пальцам, и пальцы вдруг разжались и снова сжались, обхватив бокал за донышко.

— Вот так оно дело быстрее пойдёт, — сказал Рэдрик. — Гута! — заорал он. — Долго ты нас будешь голодом морить? ... Это она для тебя старается, — объяснил он Нунану. — Обязательно твой любимый салат готовит, с моллюсками, она их давно припасла, я видел... Ну,<sup>392</sup> а как вообще в институте дела? Нашли что-нибудь новенькое? У вас там, говорят, теперь всю автоматы работают, да мало вырабатывают.

392 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))





Нунан принялся рассказывать про институтские дела, и пока он говорил, у стола рядом со стариком неслышно возникла Мартышка, постояла, положив на стол мохнатые лапки, и вдруг совершенно детским движением прислонилась к муляжу и положила голову ему на плечо. И Нунан, продолжая болтать, подумал, глядя на эти два чудовищных порождения Зоны: *господи, да что же ещё? Что же ещё нужно с нами сделать, чтобы нас,<sup>393</sup> наконец,<sup>394</sup> проняло? Неужели этого вот мало? ... Он знал, что этого мало. Он знал, что миллиарды и миллиарды ничего не знают и ничего не хотят знать, а если и узнают, то поужасаются десять минут и снова вернутся на круги своя. Надо уходить*, подумал он с остервенением. *К чёрту Барбриджа, к чёрту Лемхена... семью эту, богом проклятую, к чёрту.*

— Ты чего на них уставился? — негромко спросил Рэдрик. — Ты не беспокойся, это ей не вредно. Даже наоборот, говорят, от них здоровье исходит.

— Да, я знаю, — сказал Нунан и залпом осушил бокал.

Вошла Гута, деловито приказала Рэдрику расставлять тарелки и поставила на стол большую серебряную миску с любимым салатом Нунана.

И тут старик, словно кто-то спохватился и дёрнул за ниточки, одним движением вскинул бокал к открывшемуся рту.

— Ну, ребята, — сказал Рэдрик восхищённым голосом, — теперь у нас пойдёт пирушка на славу!

## 4.

### Рэдрик Шухарт, 31 год

За ночь долина остыла, а на рассвете стало совсем холодно. Они шли по насыпи, ступая по сгнившим шпалам между ржавыми рельсами, и Рэдрик смотрел, как блестят на кожаной куртке Артура Барбриджа капельки сгустившегося тумана. Мальчишка шагал легко, весело, словно не было позади томительной ночи, нервного напряжения, от которого до сих пор тряслась каждая жилка, двух жутких часов на мокрой макушке плешивого холма, которые они провели в мучительном полусне, прижавшись друг к другу спинами для тепла, пережидая поток зелёнки, обтекавшей холм и исчезающей в овраге.

По сторонам насыпи лежал густой туман. Время от времени он напал на рельсы тяжёлыми серыми струями, и в этих местах они шли по колёну в медленно клубящейся мути. Пахло мокрой ржавчиной, из болота справа от насыпи тянуло тухлятиной. Вокруг ничего не было видно, кроме тумана, но Рэдрик знал, что в обе стороны тянется холмистая равнина с каменными россыпями, а за равниной во мгле скрываются горы. И ещё он знал, что когда взойдёт солнце и туман осядет росой, он должен увидеть где-то слева остов разбитого вертолёта, а впереди состав вагонеток, и вот тогда начнётся самое дело.

393 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

394 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







Рэдрик на ходу просунул ладонь между спиной и рюкзаком и вскинул рюкзак повыше, чтобы край баллона с гелием не резал хребет. Тяжёлый, гад, как я с ним поползу? Полтора километра на карачках... Ладно, не гунди, сталкер, знал, на что идёшь. Пятьсот тысяч монет дожидаются в конце дороги, можно и попотеть. Пятьсот тысяч, лакомый ломоть, а? Чёрта я им отдам меньше чем за пятьсот тысяч. И чёрта я дам Стервятнику больше тридцати. А сопляку... а сопляку — ничего. Если старый гад хоть полправды сказал, то сопляку — ничего.

Он снова взглянул в спину Артуру и некоторое время прищурившись<sup>395</sup> смотрел, как тот легко шагает через две шпалы разом, широкоплечий, узкобёдрый, и длинные воронье, как у сестры, волосы вздрагивают в такт шагам. Сам напросился, угрюмо подумал Рэдрик. Сам. И чего это он так отчаянно напрашивался? Прямо дрожал весь, слёзы на глазах... «Возьмите меня, мистер Шухарт! Мне разные люди предлагали, но я хотел бы только с вами, они ведь все никуда не годятся! Отец... но ведь он теперь не может!» Рэдрик усилием воли оборвал это воспоминание. Думать об этом было противно, и, может быть, поэтому он стал думать о сестре Артура. Просто уму непостижимо: такая роскошная женщина, а на самом деле пустышка, обман, кукла неживая, а не женщина. Как, помнится, пуговицы на кофте у матери, янтарные такие, полупрозрачные, золотистые, так и хочется сунуть в рот и сосать в ожидании какой-то необычайной сладости, и он брал их в рот и сосал, и каждый раз страшно разочаровывался, и каждый раз забывал об этом разочаровании, даже не то чтобы забывал, а просто отказывался верить собственной памяти, стоило ему их снова увидеть.

А может быть, папахен его ко мне подослал, подумал он об Артуре. Вон у него какая пушка в заднем кармане... Нет, вряд ли. Стервятник меня знает. Стервятник знает, что со мной шутки плохи. И знает, какой я в Зоне. Нет, чепуха всё это. Не первый он меня просил, не первый он слёзы лил, другие и на колени становились... А пушки они все с собой таскают по первому разу. По первому и последнему. Неужели по последнему? Ох, по последнему, парень! Вот ведь что получается, Стервятник: по последнему. Да, папахен, узнал бы ты про эту его затею, так бы его костылями отделал, сыночка своего, в Зоне вымоленного... Он вдруг почувствовал, что впереди что-то есть, недалеко уже, метрах в тридцати-сорока.

— Стой, — сказал он Артуру.

Парень послушно замер на месте. Реакция у него была хорошая, он так и застыл с приподнятой ногой, а затем медленно и осторожно опустил её на землю. Рэдрик остановился рядом с ним. Колея здесь заметно уходила вниз и совершенно скрывалась в тумане. И там, в тумане, что-то было. Что-то большое и неподвижное. Безопасное. Рэдрик осторожно потянул ноздрями воздух. Да. Безопасное.

— Вперёд, — сказал он негромко, подождал, пока Артур сделает шаг, и двинулся за ним. Краем глаза он видел лицо Артура, точёный его профиль, чистую кожу щеки и решительно поджатые губы под тончайшими усиками.

395 В оригинале «прищурясь». (прим. ред. Alex.Rus.UA)





Они погрузились в туман по пояс, потом по шею, а ещё через несколько секунд впереди замаячила косая глыба вагонетки.

— Всё, — сказал Рэдрик и стал стягивать рюкзак. — Садись, где стоишь. Перекур.

Артур помог ему стянуть рюкзак, а потом они сели рядышком на ржавый рельс, Рэдрик отстегнул один из клапанов, достал свёрток с едой и термос с кофе, и пока Артур разворачивал свёрток и устраивал бутерброды на рюкзаке, вытащил из-за пазухи флягу, отвинтил крышку и, прикрыв глаза, сделал несколько медленных глотков.

— Глотнёшь? — предложил он, обтирая ладонью горлышко фляги. — Для храбрости...

Артур обиженно помотал головой.

— Для храбрости мне не нужно, мистер Шухарт, — сказал он. — Я лучше кофе, если разрешите. Сыро здесь очень, правда?

— Сыро, — согласился Рэдрик. Он спрятал флягу, выбрал бутерброд и принялся жевать. — Вот туман рассеется, увидишь, что тут кругом сплошные болота. Раньше в этих местах комарья было страшное дело...

Он замолчал и налил себе кофе. Кофе был горячий, густой, сладкий. Пить его сейчас было даже приятнее, чем спиртное. От него пахло домом, Гутой. И не просто Гутой, а Гутой в халатике, прямо со сна, с ещё сохранившимся рубцом от подушки на щеке. *Зря я в это дело впутался, подумал он. Пятьсот тысяч... А на кой мне эти пятьсот тысяч? Бар я на них покупать собираюсь, что ли? Деньги нужны, чтобы о них не думать. Это правильно. Это Дик верно сказал. Дом есть, сад есть, без работы в Хармонте не останешься... Завёл меня Стервятник, завёл, как молоденького...*

— Мистер Шухарт, — сказал вдруг Артур, глядя в сторону. — А вы серьёзно верите, что эта штука исполняет желания?

— Чепуха! — рассеянно произнёс Рэдрик и замер с поднесённым ко рту стаканчиком. — *А ты откуда знаешь, за какой такой штукой мы идём?*

Артур смущённо засмеялся, запустил пятерню в вороные волосы, подёргал и сказал:

— Да вот догадался! ... Я уже и не помню, что именно натолкнуло меня на эту мысль... Ну, во-первых, раньше отец всё время бубнил про этот Золотой шар, а последнее время вдруг перестал и вместо этого зачастил к вам, а я ведь знаю, никакие вы не друзья, что бы там отец ни говорил... Потом, он странный какой-то стал последнее время... — Артур снова засмеялся и покрутил головой, что-то вспоминая. — А окончательно я всё понял, когда вы с ним на пустыре испытывали этот дирижаблик... — Он похлопал ладонью по рюкзаку, где лежала туго свёрнутая оболочка воздушного шара. — Честно говоря, я вас тогда выследил, и когда увидел, как вы мешок с камнями поднимаете и ведёте над землёй, тут уж мне всё стало окончательно ясно. По-моему, в Зоне, кроме Золотого шара, ничего





тяжёлого больше не осталось. — Он откусил от бутерброда, пожевал и задумчиво проговорил с набитым ртом: — Я вот только не понимаю, как вы будете его цеплять, он же, наверное, гладкий...

Рэдрик всё смотрел на него поверх стаканчика и думал, до чего же они не похожи друг на друга: отец и сын. Ничего общего между ними не было. Ни лица, ни голоса, ни души. У Стервятника голос хриплый, заискивающий, подлый какой-то, но когда он об этом говорил, то говорил здорово. Нельзя его было не слушать. «*Рыжий*, — говорил он тогда, перегнувшись через стол. — *Нас ведь двое осталось всего, да на двоих две ноги, и обе твои... Кому же, как не тебе? Это же, может, самое ценное, что в Зоне есть! Кому ж достанется, а? Неужто этим чистоплюям достанется, с ихними машинами? Ведь я его нашёл, я! Сколько там наших по дороге полегло! А нашёл я! Себе берёг. И сейчас никому бы не отдал, да рюки, видишь, коротки стали... Кроме тебя — некому. Сколько я разных молокососов натаскивал, целую школу, понимаешь, для них открыл, — не могут, кость не та... Ну ладно, ты не веришь. Не веришь — не надо. Тебе — деньги. Дашь мне, сколько сам захочешь, я знаю, ты не обидишь... А я, может, ноги себе верну. Ноги верну, понимаешь ты? Зона ведь ноги у меня отобрала, так, может, Зона и отдаст? ...»*

— Что? — спросил Рэдрик, очнувшись.

— Я спросил, закурить можно, мистер Шухарт?

— Да, — сказал Рэдрик. — Кури, кури... Я тоже закурю.

Он залпом допил остаток кофе, вытащил сигарету и, разминая её, уставился в редящий туман. Псих, подумал он. Сумасшедший же. Ноги ему... стервецу...

От всех этих разговоров копился в душе какой-то осадок, непонятно какой. И он не растворялся со временем, а, наоборот, всё копился и копился. И непонятно было, что это такое, но оно мешало, словно он чем-то заразился от Стервятника, но не гадостью какой-нибудь, а наоборот... Силой, что ли? Нет, не силой. А чем же тогда? Ну ладно, сказал он себе. Давай так: предположим, не дошёл я сюда. Совсем уже собрался, рюкзак уложил, и тут что-то случилось... Сцапали меня, например. Плохо было бы? Определённо плохо. Почему плохо? Деньги пропали? Да нет, не в деньгах дело... Что добро этим гадам достанется, Хрипатым да Костлявым? Правда, в этом что-то есть. Обидно. Но мне-то что? Всё равно в конце концов всё им достанется...

— Бр-р-р... — Артур передёрнул плечами. — До костей пробирает. Мистер Шухарт, может быть, дадите мне теперь глотнуть разок?

Рэдрик молча достал флягу и протянул ему. А ведь я не сразу согласился, подумал он вдруг. Двадцать раз я посылал Стервятника подальше, а на двадцать первый всё-таки согласился. Как-то мне невмоготу стало совсем. И последний разговор у нас получился короткий и вполне деловой. «Здорово, Рыжий. Я вот карту принёс. Может, всё-таки посмотришь?» А я посмотрел ему в глаза, а глаза у него как нарывы жёлтые с чёрной точкой, и я сказал: «Давай». И всё. Помню, что пьяный был







*тогда, целую неделю пил. На душе было гадостно... А ч-чёрт, не всё ли равно! Пошёл и пошёл. Что я в этом копаюсь, как психованный! Боюсь я, что ли?*

Он вздрогнул. Длинный, тоскливый скрип донёсся вдруг из тумана. Рэдрик вскочил, как подброшенный, и сейчас же, как подброшенный, вскочил Артур. Но уже снова было тихо, только шуршала, струясь по насыпи у них из-под ног, мелкая галька.

— Это, наверное, порода просела, — неуверенно, с трудом выговаривая слова, прошептал Артур. — Вагонетки с породой... стоят давно...

Рэдрик смотрел прямо перед собой и ничего не видел. Он вспомнил. Это было ночью. Он проснулся от такого же звука, тоскливого и длинного, обмирая, как во сне. Только это был не сон. Это кричала Мартышка, сидя на своей постели у окна. Гута проснулась тоже и взяла Рэдрика за руку, он чувствовал её мгновенно покрывшееся испариной плечо, и так они лежали и слушали, а когда Мартышка замолчала и улеглась, он подождал ещё немного, потом встал, спустился на кухню и жадно выпил полбутылки коньяку. С этой ночи он запил.

— Порода, — говорил Артур. — Она, знаете, проседает со временем. От сырости, от эрозии, от всяких таких причин...

Рэдрик посмотрел на его побледневшее лицо и снова сел. Сигарета его куда-то пропала из пальцев, он закурил новую. Артур постоял ещё немного, опасно вертя головой, потом тоже сел и сказал негромко:

— Я знаю, рассказывают, что в Зоне будто бы кто-то живёт. Какие-то люди. Не пришельцы, а именно люди. Будто Посещение застигло их тут, и они мутировались... приспособились к новым условиям. Вы слышали об этом, мистер Шухарт?

— Да, — сказал Рэдрик. — Только это не здесь. Это в горах. На северо-западе. Пастухи какие-то.

*Вот он чем меня заразил, думал он. Сумасшествием своим он меня заразил. Вот, значит, почему я сюда пошёл. Вот что мне здесь надо... Какое-то странное и очень новое ощущение медленно заполнило его. Он сознавал, что ощущение это на самом деле совсем не новое, что оно давно уже сидело где-то у него в печёнках, но только сейчас он о нём догадался, и всё встало на свои места. И то, что раньше казалось глупостью, сумасшедшим бредом выжившего из ума старика, обернулось теперь единственной надеждой, единственным смыслом жизни, потому что только сейчас он понял: единственное на всём свете, что у него ещё осталось, единственное, ради чего он жил последние месяцы, была надежда на чудо. Он, дурак, болван, отталкивал эту надежду, затапывал её, издевался над нею, пропивал её, потому что он так привык, потому что никогда в жизни, с самого детства, он не рассчитывал ни на кого, кроме себя, и потому что с самого детства этот расчёт на себя выражался у него в количестве зелёненьких, которые ему удавалось вырвать, выдрать, выгрызть из окружающего его равнодушного хаоса. Так было всегда, и так было бы и дальше, если бы он в конце концов не оказался в такой яме, из которой его не вызволят никакие зелёненькие, в которой рассчитывать на себя*







совершенно бессмысленно. А сейчас эта надежда уже не надежда, а уверенность в чуде заполнила его до самой макушки, и он уже удивлялся, как мог раньше жить в таком беспросветном, безысходном мраке... Он засмеялся и толкнул Артура в плечо.

— Что, сталкер, — сказал он, — ещё поживём, как ты считаешь, а?

Артур удивлённо посмотрел на него, неуверенно улыбаясь. А Рэдрик смял промасленную бумагу от бутербродов, зашвырнул её под вагонетку и прилёг на рюкзак, упёршись локтем.

— Ну,<sup>396</sup> хорошо, — сказал он. — А предположим, например, что этот самый Золотой шар действительно... Что б ты тогда пожелал?

— Значит, вы всё-таки верите? — быстро спросил Артур.

— Это неважно, верю я там или не верю. Ты мне на вопрос ответь.

Ему вдруг на самом деле стало интересно узнать, что может попросить у Золотого шара такой вот парень, молокосос ещё, вчерашний школьник, и он с весёлым любопытством следил, как Артур хмурится, тревожит усики, вскидывает на него и снова прячет глаза.

— Ну, конечно, но́ги отцу... — проговорил Артур наконец. — Чтобы дома было всё хорошо...

— Врёшь, врёшь, — добродушно сказал Рэдрик. — Ты, браток, учти: Золотой шар только сокровенные желания выполняет, только такие, что если не исполнятся, то хоть в петлю!

Артур Барбридж покраснел, снова вскинул на Рэдрика и тотчас же опустил глаза и совсем залился краской, даже слёзы выступили. Рэдрик ухмыльнулся, глядя на него.

— Всё понятно, — сказал он почти ласково. — Ладно, это не моё дело. Держи уж своё при себе... — И тут он вдруг вспомнил про пистолет и подумал, что, пока есть время, надо учесть всё, что можно учесть. — Что это у тебя в заднем кармане? — спросил он небрежно.

— Пистолет, — буркнул Артур и закусил губу.

— Зачем он тебе?

— Стрелять! — сказал Артур с вызовом.

— Брось, брось, — строго проговорил Рэдрик и сел прямо. — Давай его сюда. В Зоне стрелять не в кого. Давай.

Артур хотел что-то сказать, но промолчал, сунул руку за спину, вытащил армейский кольт и протянул Рэдрику, держа за ствол. Рэдрик взял пистолет за тёплую рубчатую рукоятку, подбросил его, поймал и спросил:

— Платок у тебя есть какой-нибудь? Давай, я заверну...

Он взял у Артура носовой платок, чистенький, пахнувший одеколоном, завернул пистолет и положил свёрток на шпалу.

— Пусть пока здесь полежит, — объяснил он. — Даст бог, вернёмся сюда, возьмём. Может, в самом деле от патрульных отстреливаться придётся... Хотя от патрульных отстреливаться, браток...

Артур решительно помотал головой.

396 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





— Да мне не для того, — сказал он с досадой. — Там только один патрон. Чтобы... если как с отцом...

— Во-он что... — протянул Рэдрик, рассматривая его в упор. — Ну, за это можешь не беспокоиться. Если как с отцом, то уж до этого места я тебя дотащу. Обещаю... Гляди, рассвело!

Туман исчезал на глазах. На насыпи его уже не было вовсе, а внизу и вдали молочная мгла проседала и протаивала, сквозь неё прорастали округлые щетинистые вершины холмов, и между холмами кое-где виднелась уже рябая поверхность прокисшего болота, покрытая реденьким заморенным лозняком, а на горизонте, за холмами, ярко-жёлтым вспыхнули вершины гор, и небо над горами было ясное и голубое. Артур оглянулся через плечо и восхищённо вскрикнул. Рэдрик тоже оглянулся. На востоке горы казались чёрными, а над ними полыхало и переливалось знакомое изумрудное зарево — зелёная заря Зоны. Рэдрик поднялся, зашёл за вагонетку, присел на насыпи и, побряхтывая, смотрел, как быстро гаснет, затапливается розовым зелёное зарево, и оранжевая краюха солнца выползает из-за хребта, и сразу от холмов потянулись лиловатые тени, всё стало резким, рельефным, всё стало видно как на ладони, и прямо перед собой, метрах в двухстах, Рэдрик увидел вертолёт. Вертолёт упал, видно, в самый центр «комариной плеши», и весь фюзеляж его расплющило в жестяной блин, только хвост остался цел, его слегка изогнуло, и он чёрным крючком торчал над прогалиной между холмами, и стабилизирующий винт остался цел, отчётливо поскрипывал, покачиваясь на лёгком ветерке. «Плешь», видимо, попалась мощная, даже пожара настоящего не получилось, и на расплющенной жестянке отчётливо выделялась красно-синяя эмблема королевских военно-воздушных сил, которую Рэдрик вот уже сколько лет и в глаза не видел и вроде бы даже позабыл, как она выглядит.

Потом Рэдрик вернулся к рюкзаку, достал карту и разложил её на спёкшейся груде породы в вагонетке. Самого карьера видно отсюда не было, его заслонил холм с почерневшим, обгорелым деревом на вершине. Этот холм предстояло обойти справа, по лощине между ним и другим холмом, который тоже был виден отсюда, совсем голый, с бурой каменной осыпью по всему склону.

Все ориентиры совпадали, но Рэдрик не испытывал удовлетворения. Многолетний инстинкт сталкера категорически протестовал против самой мысли, несущей и противоестественной, — прокладывать тропу между двумя близкими возвышенностями. Ладно, подумал Рэдрик, это мы ещё посмотрим. На месте будет виднее. Тропа до этой лощины вела по болоту, по открытому, ровному месту, которое казалось отсюда безопасным, но, приглядевшись, Рэдрик различил между сухими кочками какое-то тёмно-серое пятно. Он взглянул на карту. Там стоял крестик, и корявыми буквами было написано: «Хлюст». Красный пунктир тропы шёл правее крестика. Кличка была вроде бы знакомая, но кто такой этот Хлюст, как он выглядел и когда он был, Рэдрик вспомнить не мог. Вспомнилось ему почему-то только: дымный зал в «Боржче», огромные красные лапы, сжимающие стаканы, громовой хохот, разинутые жёлтозубые пасти: фантастическое стадо титанов и гигантов, собравшихся на водопой, одно из самых ярких воспоминаний детства, первое Посещение «Боржча». Что я





тогда принёс? «Пустышку», кажется. Прямо из Зоны, мокрый, голодный, ошалелый, с мешком через плечо, ввалился в этот кабаk, грохнул мешок на стойку перед Эрнестом, злобно щерясь и озираясь, выдержал грохочущий залп издевательств, дождался, пока Эрнест, тогда ещё молодой, всегда при галстукe бабочкой, — отсчитал сколько-то там зелёненьких... нет, тогда были ещё не зелёненькие, тогда были квадратные, королевские, с какой-то полуголой бабой в плаще и в венке... дождался, спрятал деньги в карман и неожиданно для себя самого цапнул со стойки тяжёлую пивную кружку и с размаху хватил ею по ближайшей хохочущей пасти... Рэдрик ухмыльнулся и подумал: может, это и был Хлюст?

— Разве между холмами можно, господин Шухарт? — вполголоса спросил над ухом Артур. Он стоял рядом и тоже разглядывал карту.

— Там посмотрим, — сказал Рэдрик. Он всё смотрел на карту. На карте было ещё два крестика: один на склоне холма с деревом, другой на каменной осыпи. *Пудель* и *Очкарик*. Тропа проходила понизу между ними. — Там посмотрим, — повторил он, сложил карту и сунул её в карман.

Он оглядел Артура.

— Подай мне на спину рюкзак... Пойдём, как раньше, — сказал он, встряхивая рюкзак и прилаживая лямки поудобнее. — Ты идёшь впереди, чтобы я тебя каждую минуту видел. Не оглядывайся, а уши держи нараспашку. Мой приказ — закон. Имей в виду, придётся много ползти, грязи не вздумай бояться, если прикажу, мордой в грязь без разговоров... Да курточку свою застегни. Готов?

— Готов, — сказал Артур глухо. Он здорово нервничал. Румянца на щеках у него как не бывало.

— Первое направление вот. — Рэдрик резко махнул ладонью в сторону ближайшего холма в сотне шагов от насыпи. — Ясно? Пошёл.

Артур судорожно вздохнул и, перешагнув через рельс, стал боком спускаться с насыпи. Галька с шумом сыпалась за ним.

— Легче, легче, — сказал Рэдрик. — Спешить некуда.

Он стал осторожно спускаться следом, привычно регулируя инерцию тяжёлого рюкзака мускулами ног. Краем глаза он всё время следил за Артуром. *Бои́тся па́рень, ду́мал он. П́равильно бо́ится. П́редчувствует, на́верное. Если у него чу́тьё,*<sup>397</sup> *как у па́паши, то дол́жен п́редчувствовать...* Знал бы ты, Стервятник, как обернулось дело. Знал бы ты, Стервятник, что я тебя на этот раз послушаюсь. «А вот здесь, Рыжий, тебе одному не пройти. Хочешь не хочешь, а придётся тебе кого-нибудь с собой взять. Могу кого-нибудь из своих отдать, кого не жалко...». Уговорил.

Первый раз в жизни согласился я на такое дело. Ну ничего, подумал он. Может быть, всё-таки обойдётся, всё-таки я не Стервятник, может быть, словчим что-нибудь...

— Стоп! — приказал он Артуру.

Парнишка остановился по щиколотку в ржавой воде. Пока Рэдрик спускался, трясина затянула его по колено.

397 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







— Камень видишь? — спросил Рэдрик. — Вон, под холмом лежит. Давай на него.

Артур двинулся вперёд. Рэдрик отпустил его на десять шагов и пошёл следом. Трясина под ногами чавкала. Это была мёртвая трясина — ни мошкары, ни лягушек, даже лозняк здесь высох и сгнил. Рэдрик привычно посматривал по сторонам, но пока всё было вроде бы спокойно. Холм медленно приближался, напoлз на низкое ещё солнце, потом закрыл всю восточную часть неба. У камня Рэдрик оглянулся в сторону насыпи. Насыпь была ярко озарена солнцем, на ней стоял поезд из десятка вагонеток, часть вагонеток сорвалась с рельсов и лежала на боку, насыпь под ними была покрыта рыжими потёками высыпавшейся породы. А дальше, в сторону карьера, к северу от поезда, воздух над рельсами мутно дрожал и переливался, и время от времени в нём мгновенно вспыхивали и гасли маленькие радуги. Рэдрик посмотрел на это дрожание, сплюнул почти всухую и отвернулся.

— Дальше, — сказал он, и Артур повернул к нему напряжённое лицо. — Вон тряпье, видишь? Да не туда смотришь! Вон там, правее...

— Да, — сказал Артур.

— Так вот, это был некий Хлюст. Давно был. Он не слушался старших и теперь лежит там специально для того, чтобы показывать умным людям дорогу. Возьми два пальца влево от этого Хлюста... Взял? Засёк точку? Ну примерно там, где лозняк чуть погуще... Двигай туда. Пошёл!

Теперь они шли параллельно насыпи. С каждым шагом воды под ногами становилось всё меньше, и скоро они шагали уже по сухим пружинистым кочкам. *А на карте здесь везде сплошное болото, подумал Рэдрик. Устарела карта, давненько Барбридж здесь не бывал, вот она и устарела. Плохо. Оно, конечно, по сухому идти легче, но лучше уж чтобы здесь было это болото... Ишь вышагивает, подумал он про Артура. Как по центральному проспекту.*

Артур, видимо, приободрился и шёл теперь полным шагом. Одну руку он засунул в карман, а другой весело отмахивал, словно на прогулке. Тогда Рэдрик пошарил в кармане, выбрал гайку граммов на двадцать и, прицелившись, запустил ему в голову. Гайка попала Артуру прямо в затылок. Парень ахнул, обхватил голову руками и, скорчившись, рухнул на сухую траву. Рэдрик остановился над ним.

— Вот так оно здесь и бывает, Арчи, — сказал он назидательно. — Это тебе не бульвар, ты здесь со мной не на Spaziergang<sup>398</sup> вышел.

Артур медленно поднялся. Лицо у него было совершенно белое.

— Всё понятно? — спросил Рэдрик.

Артур глотнул и покивал.

— Вот и хорошо. А в следующий раз надаю по зубам. Если жив останешься. Пошёл!

398 В оригинале «шпацир» кириллицей, хотя явно подразумевается немецкое вводное Spazier- в словах вроде Spaziergang (прогулка, гулянье), которое отдельно практически не применяется, хотя может использоваться в форме глагола spazieren — расхаживать, прохаживаться, прогуливаться, гулять (пешком). Иначе говоря, заменил на наиболее подходящее по смыслу Spaziergang. (прим. ред. Alex.Rus.UA)







*А из паренька мог бы получиться сталкер, думал Рэдрик. Звали бы его, наверное, Красавчик Арчи. У нас был уже один красавчик, звали его Диксон, а теперь его зовут Суслик. Единственный сталкер, который попал в «мясорубку» и всё-таки выжил. Повезло. Он-то, чудак, до сих пор думает, что это его Барбридж из «мясорубки» вытащил. Чёрта с два! Из «мясорубки» не вытащишь... Из Зоны он его выволок, это верно. Совершил Барбридж такой героический поступок! Только попробовал бы он не выволочь! Эти его штучки тогда уже всем надоели, и ребята ему сказали в тот раз прямо: один лучше не возвращайся. А ведь как раз тогда Барбриджа и прозвали Стервятником, до этого он у нас в Битюках ходил...*

Рэдрик вдруг ощутил на левой щеке едва заметный ток воздуха и сейчас же, ещё не успев ни о чём подумать, крикнул:

— Стой!

Он вытянул руку влево. Ток воздуха чувствовался там сильнее. Где-то между ними и насыпью разлеглась «комариная плешь», а может быть, она шла и по самой насыпи, не зря же свалились вагонетки. Артур стоял как вкопанный, он даже не обернулся.

— Возьми правее, — приказал Рэдрик. — Пошёл.

*Да, неплохой был бы сталкер... Кой чёрт, жалею я его, что ли? Этого ещё не хватало. А меня кто-нибудь когда-нибудь жалел? ... Вообще-то да, жалели. Кирилл меня жалел. Дик Нунан меня жалеет. Правда, он, может быть, не столько меня жалеет, сколько к Гуте прислоняется, но, может быть, и жалеет, одно другому не помеха у порядочных людей... Только мне вот жалеть никого не приходится. У меня выбор: или-или... Он впервые с полной отчётливостью представил себе этот выбор: или этот паренёк, или моя Мартышка. Тут и выбирать нечего, всё ясно. Если только чудо возможно, сказал какой-то голос изнутри, и он с ужасом и ожесточением задал в себе этот голос.*

Они миновали груды серого тряпья. От Хлюста ничего не осталось, только лежала поодаль в засохшей траве длинная, насквозь проржавевшая палка — миноискатель. Тогда многие пользовались миноискателями, покупали втихаря у армейских интендантов, надеялись на эти штуки как на самого господ бога, а потом два сталкера подряд за несколько дней погибли с ними, убитые подземными разрядами. И как отрезало... Кто же всё-таки был этот Хлюст? Стервятник его сюда привёл или он сам сюда пришёл? И почему их всех тянуло к этому карьеру? Почему я об этом ничего не слышал? ... Дьявол, припекает-то как! И это с утра, а что будет потом?

Артур, который шёл шагах в пяти впереди, поднял руку и вытер со лба пот. Рэдрик покосился на солнце. Солнце было ещё невысоко. И тут он вдруг осознал, что сухая трава под ногами не шуршит, как раньше, а словно бы поскрипывает, как картофельная мука, и она уже не колючая и жёсткая, как раньше, а мягкая и зыбкая, — она рассыпалась под сапогом, словно лохмотья копоти. И он увидел чётко выдавленные следы Артура и бросился на землю, крикнув: «Ложись!»





Он упал лицом в траву, и она разлетелась в пыль под его щекой, и он заскрипел зубами от злости, что так не повезло. Он лежал, стараясь не двигаться, всё ещё надеясь, что, может быть, пронесёт, хотя и понимал, что они попались. Жар усиливался, наваливался, обволакивая всё тело, как простыня, смоченная кипятком, глаза залило потом, и Рэдрик запоздало крикнул Артуру: *«Не шевелись! Терпи!»*. И стал терпеть сам.

И он бы вытерпел, и всё обошлось бы тихо-благородно, пропотели бы только, но не выдержал Артур. То ли не расслышал, что ему крикнул, то ли перепугался сверх всякой меры, а может быть, разом припекло его ещё сильнее, чем Рэдрика, — во всяком случае,<sup>399</sup> управлять собой он перестал и слепо, с каким-то горловым воплем, кинулся, пригнувшись, куда погнало его бессмысленный инстинкт — *назад, как раз туда, куда бежать уж никак нельзя было*. Рэдрик едва успел приподняться и обеими руками ухватить его за ногу, и он всем телом грянулся о землю, подняв тучу пепла, взвизгнул неестественно высоким голосом, лягнул Рэдрика свободной ногой в лицо, забился и задёргался, но Рэдрик, сам уже плохо соображая от боли, наполз на него, прижимаясь обожжённым лицом к кожаной куртке, стремясь задавить, втереть в землю, обеими руками держа за длинные волосы дёргающуюся голову и бешено колотя носками ботинок и коленями по ногам, по земле, по заду. Он смутно слышал стоны и мычание, доносившиеся из-под него, и свой собственный хриплый рёв: *«Лежи, жаба, лежи, убью...»*. А сверху на него всё наваливали и наваливали груды раскалённого угля, и уже поыхала на нём одежда, и трещала, вздуваясь пузырями и лопаясь, кожа на ногах и боках, и он, уткнувшись лбом в серый пепел, судорожно уминая грудью голову этого проклятого сопляка, не выдержал и заорал изо всех сил...

Он не помнил, когда всё это кончилось. Понял только, что снова может дышать, что воздух снова стал воздухом, а не раскалённым паром, выжигающим глотку, и сообразил, что надо спешить, что надо как можно скорее убираться из-под этой дьявольской жаровни, пока она снова не опустилась на них. Он сполз с Артура, который лежал совершенно неподвижно, зажал обе его ноги подмышкой<sup>400</sup> и, помогая себе свободной рукой, пополз вперёд, не спуская глаз с черты, за которой снова начиналась трава, мёртвая, сухая, колючая, но настоящая, — она казалась ему сейчас величайшим обиталищем жизни. Пепел скрипел на зубах, обожжённое лицо то и дело обдавало остатками жара, пот лил прямо в глаза, наверное, потому, что ни бровей, ни ресниц у него больше не было. Артур волочился следом, словно нарочно цепляясь своей проклятой курточкой; горели обваренные руки, а рюкзак при каждом движении поддавал в обгорелый затылок. От боли и духоты Рэдрик с ужасом подумал, что совсем обварился и теперь ему не дойти. От этого страха он сильнее заработал свободным локтём и коленками, *только бы доползти, ну ещё немного, давай, Рэд, давай, Рыжий, вот так, вот так, ну ещё немного...*

Потом он долго лежал, погрузив лицо и руки в холодную ржавую воду, с наслаждением вдыхая провонявшую гнилью прохладу. *Век бы так лежал*, но он заставил себя подняться, стоя на коленях, сбросил рюкзак, на

399 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

400 В оригинале «под мышкой» отдельно, хотя ни о каком грызуне и речи нет (также см. 401). (прим. ред. Alex.Rus.UA)





четвереньках подобрался к Артуру, который всё ещё неподвижно лежал в шагах тридцати от болота, и перевернул его на спину. *И-да, красивый был мальчик. Теперь эта смазливая мордашка казалась чёрно-серой маской из смеси запёкшейся крови и пепла*, и несколько секунд Рэдрик с тупым интересом разглядывал продольные борозды на этой маске — следы от кочек и камней. Потом он поднялся на ноги, взял Артура подмышки<sup>401</sup> и потащил к воде. Артур хрипло дышал, время от времени постанывая. Рэдрик бросил его лицом в самую большую лужу и повалился рядом, снова переживая наслаждение от мокрой ледяной ласки. Артур забулькал, завозился, подтянул под себя руки и поднял голову. Глаза его были вытаращены, он ничего не соображал и жадно хватал ртом воздух, отплёвываясь и кашляя. Потом взгляд его сделался осмысленным и остановился на Рэдрике.

— Ф-фу-у... — сказал он и помотал лицом, разбрызгивая грязную воду. — Что это было, мистер Шухарт?

— Смерть это была, — невнятно произнёс Рэдрик и закашлялся. Он ощупал лицо. Было больно. Нос распух, но брови и ресницы, как это ни странно, были на месте. И кожа на руках тоже оказалась цела, только покраснела малость.

Артур тоже осторожно трогал пальцами своё лицо. Теперь, когда страшную маску смыло водой, физиономия у него оказалась тоже противу ожиданий почти в порядке. Несколько царапин, ссадина на лбу, рассечена нижняя губа, а так, в общем, ничего.

— Никогда о таком не слышал, — проговорил Артур и посмотрел назад.

Рэдрик тоже оглянулся. На сероватой испепелённой траве осталось много следов, и Рэдрик поразился, как, оказывается, короток был тот страшный, бесконечный путь, который он прополз, спасаясь от гибели. *Каких-нибудь метров двадцать-тридцать, не больше, было всего от края до края выжженной проплешины, но он сослепу и от страха полз по ней каким-то диким зигзагом, как таракан по раскалённой сковороде, и спасибо ещё, что полз, в общем, туда, куда надо, а ведь мог бы заползти на «комариную плешь» слева, а мог бы и вообще повернуть обратно... Нет, не мог бы, подумал он с ожесточением. Это молокосос какой-нибудь мог бы, а я тебе не молокосос, и если бы не этот дурак, то вообще ничего бы не случилось, обварил бы себе ноги, вот и все неприятности.*

Он посмотрел на Артура. Артур с фырканьем умывался, покряхтывал, задевая больные места. Рэдрик поднялся и, морщась от прикосновений задубевшей от жары одежды к обожжённой коже, вышел на сухое место и нагнулся над рюкзаком. Вот рюкзаку досталось по-настоящему. Верхние клапаны просто-напросто обгорели, пузырьки в аптечке все полопались от жара к чёртовой матери, и от жухлого пятна несло невыносимой медициной. Рэдрик отстегнул клапан, принялся выгребать осколки стекла и пластика, и тут Артур у него за спиной сказал:

— Спасибо вам, мистер Шухарт! Вытащили вы меня.

401 В оригинале снова (см. 400) «под мышкой» отдельно, хотя ни о каком грызуне и речи нет. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](http://Alex.Rus.UA))







Рэдрик промолчал. *Какой ещё чёрт спасибо! Сдался ты мне спасать тебя.*

— Я сам виноват, — сказал Артур. — Я ведь слышал, что вы мне приказали лежать, но я здорово перепугался, а когда припекло, совсем голову потерял. Я очень бо́ли боюсь, мистер Шухарт...

— Давай, вставай, — сказал Рэдрик, не оборачиваясь. — Это всё были цветочки... Вставай, чего разлёгся!

Зашипев от бо́ли в обожжённых плечах, он вскинул на спину рюкзак, продел ру́ки в лямки. Ощущение было такое, будто кожа на обожжённых местах съёжилась и покрылась болезненными морщинами. *Бо́ли он боится... С чумой тебя пополам вместе с твоей болью! ... Он огляделся. Ничего, с тропы не сошли. Теперь эти холмики с покойниками. Поганые холмики стоят, гниды, торчат как чёртовы макушки, и эта лощинка между ними... Он невольно потянул носом воздух. Ах, поганенькая лощинка, вот она-то самая погань и есть. Жаба.*

— Лощинку между холмами видишь? — спросил он Артура.

— Вижу.

— Прямо на неё. Марш!

Тыльной стороной ладони Артур вытер под носом и двинулся вперёд, шлёпая по лужам. Он прихрамывал и был уже не такой прямой и стройный, как раньше, — согнуло его, и шёл он теперь осторожно, с большой опаской. *Вот и ещё одного я вытащил, подумал Рэдрик. Который же это будет? Пятый? Шестой? И теперь вот спрашивается: зачем? Что он мне, родной? Поручился я за него? Слушай, Рыжий, а почему ты его тащил? Чуть ведь сам из-за него не загнулся... Теперь-то, на ясную голову, я знаю: правильно я его тащил, мне без него не обойтись, он у меня как заложник за Мартышку. Я не человека вытащил, я миноискатель свой вытащил. Тральщик свой. Отмычку. А там, на горячем месте, я об этом и думать не думал. Тащил его как родного, и мысли даже не было, чтобы бросить, хотя про всё забыл и про отмычку забыл, и про Мартышку забыл... Что же это получается? Получается, что я и в самом деле добрый парень. Это мне и Гута твердит, и Кирилл-покойник внушал, и Ричард всё время насчёт этого долдонит... Тоже мне, нашли добряка! Ты это брось, сказал он себе. Тебе здесь эта доброта ни к чему! Думать надо, а потом уже руками-ногами шевелить. Чтоб в первый и в последний раз, понятно? Добряк... Мне его надо сберечь для «мясорубки», холодно и ясно подумал он. Здесь всё можно пройти, кроме «мясорубки».*

— Стой! — сказал он Артуру.

Лощина была перед ними, и Артур уже стоял, растерянно глядя на Рэдрика. Дно лощины было покрыто гнойно-зелёной, жирно отсвечивающей на солнце жижей. Над поверхностью её курился лёгкий парок, между холмами он становился гуще, и в тридцати шагах уже ничего не было видно. И смрад. *«Запашок там будет, Рыжий, так ты не того... не дрейфь».*

Артур издал горловой звук и попятился. Тогда Рэдрик стряхнул с себя оцепенение, торопливо вытащил из кармана свёрток с ватой, пропитанной дезодоратором, заткнул ноздри тампоном и протянул вату Артуру.







— Спасибо, мистер Шухарт, — слабым голосом сказал Артур. — А как-нибудь верхом нельзя? ...

Рэдрик молча взял его за волосы и повернул его голову в сторону кучи тряпья на каменной осыпи.

— Это был Очкарик, — сказал он. — А на левом холме, отсюда не видно, лежит Пудель. В том же виде. Понял? Вперёд.

Жижа была тёплая, липкая. Сначала они шли в рост, погружившись по пояс, дно под ногами, к счастью, было каменистое и довольно ровное, но вскоре Рэдрик услышал знакомое жужжание с обеих сторон. На левом холме, освещённом солнцем, ничего не было видно, а на склоне справа, в тени, запрыгали бледные лиловатые огоньки.

— Пригнись! — скомандовал он сквозь зубы и пригнулся сам. — Ниже, дурак! — крикнул он.

Артур испуганно пригнулся, и в ту же секунду громовой разряд расколол воздух. Над самыми головами у них затряслась в бешеной пляске разветвлённая молния, едва заметная на фоне неба. Артур присел и окунулся по плечи. Рэдрик, чувствуя, что уши ему заложило от грохота, повернул голову и увидел в тени ярко-алое, быстро тающее пятно среди каменного крошева, и сейчас же ударила вторая молния.

— Вперёд! Вперёд! — заорал он, не слыша себя.

Теперь они двигались на корточках, гусиным шагом, выставив наружу только головы, и при каждом разряде Рэдрик видел, как длинные волосы Артура встают дыбом, и чувствовал, как тысячи иголок вонзаются в кожу лица. «Вперёд! — монотонно повторял он. — Вперёд!» Он уже ничего не слышал. Один раз Артур повернулся к нему в профиль, и он увидел вытаращенный ужасом глаз, скошенный на него, и белые прыгающие губы, и замазанную зеленью потную щеку. Потом молнии стали бить так низко, что им пришлось окунуться с головой. Зелёная слизь заклеивала рот, стало трудно дышать. Хватая ртом воздух, Рэдрик вырвал из носа тампоны и обнаружил вдруг, что смрад исчез, что воздух наполнен свежим, пронзительным запахом озона, а пар вокруг становился всё гуще или, может быть, это потемнело в глазах, и уже не видно было холмов, ни справа, ни слева ничего не было видно, кроме облепленной зелёной грязью головы Артура и жёлтого клубящегося пара вокруг.

Пройду, пройду, думал Рэдрик. Не в первый раз, всю жизнь так, сам в дряни, а над головой молнии, иначе никогда и не было... И откуда здесь эта дрянь? Сколько дряни... с ума сойти, сколько дряни в одном месте! Это Стервятник, подумал он яростно. Это Стервятник здесь прошёл, это за ним осталось... Очкарик лёг справа, Пудель лёг слева, и всё для того, чтобы Стервятник прошёл между ними и оставил за собой всю свою мерзость... Так тебе и надо, сказал он себе. Кто идёт следом за Стервятником, тот всегда по горло в грязи. Ты что, этого раньше не знал? Их слишком много, Стервятников, почему и не осталось здесь ни одного чистого места... Нунан дурак: ты, мол, Рыжий, нарушитель равновесия, разрушитель порядка, тебе, мол, Рыжий, при любом порядке плохо, и при плохом плохо, и





*при хорошем плохое, — из-за таких, как ты, никогда не будет царствия небесного на земле... Да что ты в этом понимаешь, толстяк? Где это ты у нас видел хороший порядок? Когда это ты видел меня при хорошем порядке? ...*

Он поскользнулся на повернувшемся под ногой камне, окунулся с головой, вынырнул, увидел совсем рядом перекошенное, с вытаращенными глазами лицо Артура и вдруг на мгновение похолодел: ему показалось, что он потерял направление. Но он не потерял направления. Он сейчас же понял, что идти надо вон туда, где из жижи торчит чёрная верхушка камня, понял, хотя, кроме этой верхушки, ничего не было видно в жёлтом тумане.

— Стой! — заорал он. — Правее держи! Правее камня.

Он опять не услышал своего голоса и тогда догнал Артура, поймал его за плечо и стал показывать рукой: *держи правее камня, голову вниз. Вы мне за это заплатите*, подумал он. У камня Артур нырнул, и сейчас же молния с треском ударила в чёрную верхушку, только раскалённые крошки полетели. *Вы мне за это заплатите*, повторял он, погружаясь с головой и изо всех сил работая руками и ногами. В ушах гулко раскатился новый удар молнии. *Я из вас всю душу вытрясу за это!* Он мимолётно подумал: *о ком это я? Не знаю. Но кто-то за это должен заплатить, кто-то мне за это заплатит! Подождите, дайте только добраться до шара, до шара мне дайте добраться, я вам не Стервятник, я с вас спрошу по-своему...*

Когда они выбрались на сухое место, на уже раскалённое солнцем каменное крошево, оглушённые, вывернутые наизнанку, шатаясь и цепляясь друг за друга, чтобы не упасть, Рэдрик увидел облупленный автофургон, просевший на осях, и смутно вспомнил, что здесь, возле этого фургона, можно отдышаться в тени. Они забрались в тень. Артур лёг на спину и принялся вялыми пальцами расстёгивать на себе куртку, а Рэдрик привалился рюкзаком к стенке фургона, кое-как вытер ладони о щебень и полез за пазуху.

— И мне... — проговорил Артур. — И мне, мистер Шухарт!

Рэдрик пораился, какой у этого мальчишки громкий голос, хлебнул, закрыл глаза и протянул флягу Артуру. *Всё, подумал он вяло. Прошли. И это прошли. Теперь сумму прописью. Вы думаете, я забыл? Нет, я всё помню. Думаете, я вам спасибо скажу, что вы меня живым оставили, не утопили? Кол вам, а не спасибо. Теперь вам всем конец, понятно? Я ничего этого не оставлю. Теперь я решаю. Я, Рэдрик Шухарт, в здравом уме и трезвой памяти буду решать всё и за всех. А вы, все прочие, Стервятники, жабы, пришельцы, костлявые, Квотерблады, паразиты, зелёненькие, Хрипатые, в галстучках, в мундирчиках, чистенькие, с портфелями, с речами, с благодеяниями, с работодателем, с вечными аккумуляторами, с вечными двигателями, с «комариными плешами», с лживыми обещаниями, хватит, поводили меня за нос, через всю мою жизнь волокли меня за нос, я всё, дурак, хвастался, что, мол, как хочу, так и сделаю, а вы только поддакивали, а сами, гады, перемигивались и волокли меня за нос, тянули, тащили, через тюрьмы, через кабаки... Хватит!*

Он отстегнул ремни рюкзака и принял из рук Артура флягу.





— Никогда я не думал, — говорил Артур с кротким недоумением в голосе, — даже представить себе не мог... Я, конечно, знал смерть, огонь... но *вот такое!* ... Как же мы с вами обратно-то пойдём?

Рэдрик не слушал его. *То, что говорит этот человечек, теперь не имеет никакого значения. Это и раньше не имело никакого значения, но раньше он всё-таки был человеком. А теперь это... так, говорящая отмычка. Пусть говорит.*

— Помыться бы... — Артур озабоченно озирался. — Хоть бы лицо сполоснуть.

Рэдрик рассеянно взглянул на него, увидел слипшиеся, свалявшиеся войлоком волосы, измазанное подсохшей слизью лицо со следами пальцев, и всего его, покрытого коркой потрескавшейся грязи, и не ощутил ни жалости, ни раздражения, ничего. *Говорящая отмычка.* Он отвернулся. Впереди расстилалось унылое, как заброшенная строительная площадка, пространство, засыпанное острой щебёнкой, запорошенное белой пылью, залитое слепящим солнцем, нестерпимо белое, горячее, злое, мёртвое. Дальний край карьера был уже виден отсюда — тоже ослепительно белый и кажущийся с этого расстояния совершенно ровным и отвесным, а ближний край отмечала россыпь крупных обломков, и спуск в карьер был там, где среди обломков красным пятном выделялась кабина экскаватора; это был единственный ориентир. Надо было идти прямо на него, положившись на самое обыкновенное везенье.

Артур вдруг приподнялся, сунул руку под фургон и вытащил оттуда ржавую консервную банку.

— Взгляните-ка, мистер Шухарт, — сказал он, оживившись. — Ведь это, наверное, отец оставил... Там и ещё есть.

Рэдрик не ответил. *Это ты зря, подумал он равнодушно. Лучше бы тебе сейчас про отца не вспоминать, лучше бы тебе сейчас помалкивать. А впрочем, всё равно...* Он поднялся и зашипел от боли, потому что вся одежда приклеилась к телу, к обожжённой коже, и теперь что-то там внутри мучительно рвалось, отдиралось, как засохший бинт от раны. Артур тоже поднялся и тоже зашипел и закричал и страдальчески посмотрел на Рэдрика — видно было, что ему очень хочется пожаловаться, но он не решается. Он только сказал сдавленным голосом:

— А нельзя мне сейчас ещё разок глотнуть, мистер Шухарт?

Рэдрик спрятал за пазуху флягу, которую держал в руке, и сказал:

— Красное видишь между камнями?

— Вижу, — сказал Артур и судорожно перевёл дух.

— Прямо на него. Пошёл.

Артур со стоном потянулся, расправляя плечи, весь скривился и, озираясь, проговорил:

— Помыться бы хоть немножко... Приклеилось всё.

Рэдрик молча ждал. Артур безнадежно посмотрел на него, покивал и двинулся было, но тут же остановился.

— Рюкзак, — сказал он. — Рюкзак забыли, мистер Шухарт.







— Марш! — приказал Рэдрик.

Ему не хотелось ни объяснять, ни лгать, да и не к чему всё это было. *И так пойдёт. Деваться ему некуда. Пойдёт.* И Артур пошёл. Побрёл, ссутулившись, волоча нѳги, пытаясь отодрать с лица прочно присохшую дрянь, сделавшись маленьким, жалким, тощим, как мокрый бродячий котёнок. Рэдрик двинулся следом, и как только он вышел из тени, солнце опалило и ослепило его, и он прикрылся ладонью, жалея, что не прихватил тёмные очки.

От каждого шага взлетало облачко белой пыли, пыль садилась на ботинки, она издавала нестерпимый запах, вернее, это от Артура несло, идти за ним следом было невозможно, и не сразу Рэдрик понял, что запах-то исходит больше всего от него самого. Запах был мерзкий, но какой-то знакомый, это он наполнял город в те дни, когда северный ветер нёс по улицам дымы от завода. И от отца так же пахло, когда он возвращался домой, огромный, мрачный, с красными бешеными глазами, и Рэдрик торопился забраться куда-нибудь в дальний угол и оттуда смотрел боязливо, как отец сдирает с себя и швыряет в рѳки матери рабочую куртку, стаскивает с огромных ног огромные стоптанные башмаки, пихает их под вешалку, а сам в одних носках липко шлѳпает в ванную под душ и долго ухаёт там, с треском хлопая себя по мокрым телесам, гремит тазами, что-то ворчит себе под нос, а потѳм ревѳт на весь дом: «Мария! Заснула?» Нужно было дождаться, пока он отмоется, сядет за стол, где уже стоит бутылочка, глубокая тарелка с густым супом и банка с кетчупом, дождаться, пока он дохлебаёт суп и примется за мясо с бобами, и вот тогда можно было выбираться на свет, залезать к нему на колени и спрашивать, какого мастера и какого инженера он утопил сегодня в купоросном масле...

Всѳ вокруг было раскалено добела, и его мутило от сухой жестокой жары, от усталости, и неистово саднила обожжѳнная, полопавшаяся на сгибах кожа, и ему казалось, что сквозь горячую муть, обволакивающую сознание, она пытается докричаться до него, умолая о покое, о воде, о прохладе. Затѳртые до незнакомости воспоминания громоздились в отѳкшем мозгу, опрокидывали друг друга, заслоняли друг друга, смешивались друг с дрѳгом, вплетаясь в белый знойный мир, пляшущий перед полузакрытыми глазами, и все они были горькими, и все они вызывали царапающую жалость или ненависть. Он пытался вмешаться в этот хаос, силился вызвать из прошлого какой-нибудь сладкий мираж, ощущение нежности или бодрости, он выдавливал из глубин памяти свежее смеющееся личико Гуты, ещѳ девчонки, желанной и неприкосновенной, и оно появлялось было, но сразу же затекало ржавчиной, искажалось и превращалось в угрюмую, заросшую грубой бурой шерстью мордочку Мартышки; он силился вспомнить Кирилла, святого человека, его быстрые, уверенные движения, его смех, его голос, обещающий небывалые и прекрасные местá и времена, и Кирилл появлялся перед ним, а потѳм ярко вспыхивала на солнце серебряная паутина, и вот уже нет Кирилла, а уставляются в лицо Рѳдрику немигающие ангельские глазки Хрипатого Хью, и большáя белая рука его взвешивает на ладони фарфоровый контейнер... Какие-то тѳмные силы,







ворочающиеся в его сознании, мгновенно сминали волевой барьер и гасили то небольшое хорошее, что ещё хранила его память, и уже казалось, что ничего хорошего не было вовсе, а только рыла, рыла, рыла...

И всё это время он оставался сталкером. Не думая, не осознавая, не запоминая даже, он фиксировал словно бы спинным мозгом, что вот слева, на безопасном расстоянии, над грудой старых досок стоит «весёлый призрак» — спокойный, выдохшийся, и плевать на него; а справа подул невнятный ветерок, и через несколько шагов обнаружилась ровная, как зеркало, «комариная плешь», многохвостая, будто морская звезда, — далеко, не страшно, — а в центре её — расплющенная в тень птица, редкая штука, птицы над Зоной почти не летают; а вон рядом с тропой две брошенных «пустышки» — видно, Стервятник бросил на обратном пути, страх сильнее жадности... Он всё это видел, всё учитывал, и стоило скрюченному Артуру хоть на шаг уклониться от направления, как рот Рэдрика сам собой раскрывался, и хриплый предостерегающий оклик сам собой вылетал из глотки. Машину, думал он. Машину вы из меня сделали... А каменные обломки на краю карьера всё приближались, и уже можно было разглядеть прихотливые узоры ржавчины на красной крыше кабины экскаватора.

Дурак ты, Барбридж, думал Рэдрик. Хитёр, а дурак. Как же ты мне поверил, а? Ты же меня с таких вот пор знаешь, ты же меня лучше меня самого знать должен. Старый ты стал, вот что. Поглупел. Да и то сказать, всю жизнь с дураками дело имел... И тут он представил себе, какое рыло сделалось у Стервятника, когда тот узнал, что Артур-то, Арчи, красавчик, кровинушка... что в Зону с Рыжим за его, Стервятниковыми, ногами ушёл не сопляк бесполезный, а родной сын, жизнь, гордость... И, представив себе это рыло, Рэдрик захохотал, а когда Артур испуганно оглянулся на него, он, продолжая хохотать, махнул ему рукой: *марш, марш!* И опять поползли по сознанию, как по экрану, рыла... Надо было менять всё. Не одну жизнь и не две жизни, не одну судьбу и не две судьбы, каждый винтик этого подлого здешнего смрадного мира надо было менять...

Артур остановился перед крутым съездом в карьер, остановился и замер, уставившись вниз и вдаль, вытянув длинную шею. Рэдрик подошёл и остановился рядом. Но он не стал глядеть туда, куда смотрел Артур.

Прямо из-под ног в глубину карьера уходила дорога, ещё много лет назад разбитая гусеницами и колёсами тяжёлых грузовиков. Справа от неё поднимался белый, растрескавшийся от жары откос, а слева откос был полуразрушен, и среди камней и груд щебня там стоял, накренившись, экскаватор, ковш его был опущен и бессильно уткнулся в край дороги. И, как и следовало ожидать, ничего больше на дороге не было видно, только возле самого ковша с грубых выступов откоса свисали чёрные скрученные сосульки, похожие на толстые литые свечи, и множество чёрных клякс виднелось в пыли, словно там расплескали битум. Вот и всё, что от них осталось, даже нельзя сказать, сколько их тут было. Может быть, каждая клякса —<sup>402</sup> это один человек, одно желание Стервятника. Вон та — это Стервятник живым и невредимым вернулся из подвала седьмого корпуса. Вон та, побольше — это Стервятник без помех вытащил из Зоны

402 В оригинале без тире. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))





«шевелиющийся магнит». А вон та сосулька — это роскошная, не похожая ни на мать, ни на отца Дина Барбридж. А вот это пятно — не похожий ни на мать, ни на отца Артур Барбридж, Арчи, красавчик, гордость...

— Дошли! — иступлённо прохрипел Артур. — Мистер Шухарт, дошли ведь всё-таки, а?

Он засмеялся счастливым смехом, присел на корточки и обоими кулаками изо всех сил заколотил по земле. Колтун волос у него на макушке трясся и раскачивался смешно и нелепо, летели в разные стороны высохшие ошметки грязи. И только тогда Рэдрик поднял глаза и посмотрел на Шар. Осторожно. С опаской. С затаённым страхом, что он окажется каким-нибудь не таким, разочарует, вызовет сомнение, сбросит с неба, на которое удалось вскарабкаться, захлёбываясь в дряни...

Он был не золотой, он был скорее медный, красноватый, совершенно гладкий, и он мутно отсвечивал на солнце. Он лежал под дальней стеной карьера, уютно устроившись среди куч слежавшейся породы, и даже отсюда было видно, какой он массивный и как тяжело придавил он своё ложе.

В нём не было ничего разочаровывающего или вызывающего сомнение, но не было ничего и внушающего надежду. Почему-то сразу в голову приходила мысль, что он, вероятно, полый и что на ощупь он должен быть очень горячим: солнце раскалило. Он явно не светился своим светом и он явно был неспособен взлететь на воздух и плясать, как это часто случалось в легендах о нём. Он лежал там, где он упал. Может быть, вывалился из какого-нибудь огромного кармана или затерялся, закатился во время игры каких-то гигантов; он не был установлен здесь, он валялся, валялся точно так же, как все эти «пустышки», «браслеты», «батарейки» и прочий мусор, оставшийся от Посещения.

Но в то же время что-то в нём всё-таки было, и чем дольше Рэдрик глядел на него, тем яснее он понимал, что смотреть на него приятно, что к нему хочется подойти, его хочется потрогать, погладить, и откуда-то вдруг всплыла мысль, что хорошо, наверное, сесть рядом с ним, а ещё лучше прислониться к нему спиной, откинуть голову и, закрыв глаза, поразмыслить, повспоминать, а может быть, и просто подремать, отдыхая...

Артур вскочил, раздёрнул все молнии на своей куртке, сорвал её с себя и с размаху швырнул под ноги, подняв клуб белой пыли. Он что-то кричал, гримасничая и размахивая руками, а потом заложил руки за спину и, приплясывая, выделывая ногами замысловатые па, вприпрыжку двинулся вниз по спуску. Он больше не глядел на Рэдрика, он забыл о Рэдрике, он забыл обо всём, он шёл выполнять свои желания, маленькие сокровенные желания краснеющего колледжера, мальчишки, который никогда в жизни не видел никаких денег, кроме так называемых карманных, молокососа, которого нещадно пороли, если по возвращении домой от него хоть чуть-чуть пахло спиртным, из которого растили известного адвоката, а в перспективе — министра, а в самой далёкой перспективе, сами понимаете, — президента... Рэдрик, прищурив воспалённые глаза от слепящего света, молча смотрел ему вслед. Он был холоден и спокоен, он знал, что сейчас произойдёт, и он знал, что не будет





смотреть на это, но пока смотреть было можно, и он смотрел, ничего особенного не ощущая, разве что где-то глубоко-глубоко внутри заворочался вдруг беспокойно некий червячок и завертел колючей головкой.

А мальчишка всё спускался, приплясывая по крутому спуску, отбивая немыслимую чечётку, и белая пыль взлетала у него из-под каблуков, и он что-то кричал во весь голос, очень звонко, и очень весело, и очень торжественно, — как песню или как заклинание, — и Рэдрик подумал, что впервые за всё время существования карьера по этой дороге спускались так, словно на праздник. И сначала он не слушал, что там выкрикивает эта говорящая отмычка, а потом как будто что-то включилось в нём, и он услышал:

— Счастье для всех! ... Даром! ... Сколько угодно счастья! ... Все собирайтесь сюда! ... Хватит всем! ... Никто не уйдёт обиженный! ... Даром! ... Счастье! Даром! ...

А потом он вдруг замолчал, словно огромная рука с размаху загнала ему кляп в рот. И Рэдрик увидел, как прозрачная пустота, притаившаяся в тени ковша экскаватора, схватила его, вздёргнула в воздух и медленно, с натугой скрутила, как хозяйки скручивают бельё, выжимая воду. Рэдрик успел заметить, как один из пыльных башмаков сорвался с дёргающейся ноги и взлетел высоко над карьером. Тогда он отвернулся и сел. Ни одной мысли не было у него в голове, и он как-то перестал чувствовать себя. Вокруг стояла тишина, и особенно тихо было за спиной, там, на дороге. Тогда он вспомнил о фляге без обычной радости, просто как о лекарстве, которое пришло время принять. Он отвинтил крышку и стал пить маленькими скупыми глотками, и впервые в жизни ему захотелось, чтобы во фляге было не спиртное, а просто холодная вода.

Прошло некоторое время, и в голове стали появляться более или менее связные мысли. Ну,<sup>403</sup> вот и всё, думал он нехотя. Дорога открыта. Уже сейчас можно было бы идти, но лучше, конечно, подождать ещё немножко. «Мясорубки» бывают с фокусами. Всё равно ведь подумать надо. Дело непривычное, думать, вот в чём беда. Что такое «думать»? Думать — это значит извернуться, сфинтить, сблефовать, обвести вокруг пальца, но ведь здесь всё это не годится...

Ну ладно. Мартышка, отец... Расплатиться за всё, душу из гадов вынуть, пусть дряни пожрут, как я жрал... Не то, не то это, Рыжий... То есть то, конечно, но что всё это значит? Чего мне надо-то? Это же ругань, а не мысли. Он похолодел от какого-то страшного предчувствия и, сразу перешагнув через множество разных рассуждений, которые ещё предстояли, свирепо приказал себе: ты вот что, Рыжий, ты отсюда не уйдёшь, пока не додумаешься до дела, сдохнешь здесь рядом с этим Шариком, сжаришься, сгниёшь, но не уйдёшь...

Господи, да где же слова-то, мысли мои где? Он с размаху ударил себя полураскрытым кулаком по лицу. Ведь за всю жизнь ни одной мысли у меня не было! Подожди, Кирилл ведь что-то говорил такое... Кирилл! Он лихорадочно копался в воспоминаниях, всплывали какие-то слова, знакомые

403 В оригинале без запятой. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))







и полужнакомые, но всё это было не то, потому что не слова остались от Кирилла, остались какие-то смутные картины, очень добрые, но ведь совершенно неправдоподобные...

*Подлость, подлость... И здесь они меня обвели, без языка оставили, гады... Шпана... Как был шпаной, так шпаной и состарился... Вот этого не должно быть! Ты, слышишь? Чтобы на будущее это раз и навсегда было запрещено! Человек рождён, чтобы мыслить (вот он, Кирилл, наконец-то! ...). Только ведь я в это не верю. И раньше не верил, и сейчас не верю, и для чего человек рождён — не знаю. Родился, вот и рождён. Кормится кто во что горазд. Пусть мы все будем здоровы, а они пускай все подохнут. Кто это — мы? Кто они? Ничего же не понять. Мне хорошо — Барбриджу плохо, Барбриджу хорошо — Очкарику плохо, Хрипатому хорошо — всем плохо, и самому Хрипатому плохо, только он, дурак, воображает, будто сумеет как-нибудь вовремя извернуться... Господи, это ж каша, каша! Я всю жизнь с капитаном Квотербладом воюю, а он всю жизнь с Хрипатым воевал и от меня, обалдуя, только одного лишь хотел — чтобы я сталкерство бросил. Но как же мне было сталкерство бросить, когда семью кормить надо? Работать идти? А не хочу я на вас работать, тошнит меня от вашей работы, можете вы это понять? Я так полагаю: если среди вас человек работает, он всегда на кого-то из вас работает, раб он и больше ничего, а я всегда хотел сам, сам хотел быть, чтобы на всех поплёвывать, на тоску вашу и скуку...*

Он допил остатки коньяка и изо всех сил ахнул пустую флягу о землю. Фляга подскочила, сверкнув на солнце, и укатилась куда-то, он сразу же забыл о ней. Теперь он сидел, закрыв глаза руками, и пытался уже не понять, не придумать, а хотя бы увидеть что-нибудь, как оно должно быть, но он опять видел только рыла, рыла, рыла... зелёные... бутылки, кучи тряпья, которые когда-то были людьми, столбики цифр... Он знал, что всё это надо уничтожить, и он хотел это уничтожить, но он догадывался, что если всё это будет уничтожено, то не останется ничего, только ровная голая земля. От бессилия и отчаяния ему снова захотелось прислониться спиной и откинуть голову, он поднялся, машинально отряхнул штаны от пыли и начал спускаться в карьер.

Жарило солнце, перед глазами плавали красные пятна, дрожал воздух на дне карьера, и в этом дрожании казалось, будто Шар приплясывает на месте, как буй на волнах. Он прошёл мимо ковша, суеверно поднимая ноги повыше и следя, чтобы не наступить на чёрные кляксы, а потом, увязая в рыхлости, потащился наискосок через весь карьер к пляшущему и подмигивающему Шару. Он был покрыт потом, задыхался от жары, и в то же время морозный озноб пробирал его, он трясся крупной дрожью, как с похмелья, а на зубах скрипела пресная меловая пыль. И он уже больше не пытался думать. Он только твердил про себя с отчаянием, как молитву: «Я животное, ты же видишь, я животное. У меня нет слов, меня не научили словам, я не умею думать, эти гады не дали мне научиться думать. Но если ты на самом деле такой... всемогущий, всесильный, всепонимающий... разберись! Загляни в мою душу, я знаю, там есть всё, что тебе надо. Должно быть. Душу-то ведь я никогда и никому не продавал! Она моя, человеческая! Вытяни из меня сам, чего же я хочу, — ведь не может же







быть, чтобы я хотел плохого! ... Будь оно всё проклято, ведь я ничего не могу придумать, кроме этих его слов: “СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЁТ ОБИЖЕННЫЙ!”»

**1972 © А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий**



# Оглавление

<b>Аннотация</b> .....	<b>4</b>
------------------------	----------

## **«Чрезвычайное Происшествие»**

### **«Попытка к бегству»**

<b>I</b> .....	<b>21</b>
<b>II</b> .....	<b>32</b>
<b>III</b> .....	<b>43</b>
<b>IV</b> .....	<b>56</b>
<b>V</b> .....	<b>67</b>
<b>VI</b> .....	<b>75</b>
<b>VII</b> .....	<b>90</b>
<b>VIII</b> .....	<b>99</b>

### **«Обитаемый остров»**

<b>Замечание о версии романа</b> .....	<b>105</b>
--	------------

#### **Часть первая.**

<b>Робинзон</b> .....	<b>106</b>
<b>1.</b> .....	<b>106</b>
<b>2.</b> .....	<b>115</b>
<b>3.</b> .....	<b>124</b>
<b>4.</b> .....	<b>135</b>
<b>«Вы его упустили...»</b> .....	<b>142</b>

<b>Часть вторая.</b>	
<b>Гвардеец</b> .....	<b>143</b>
5.....	143
6.....	152
7.....	164
8.....	176
«Как-то скверно здесь пахнет...».....	191
<b>Часть третья.</b>	
<b>Террорист</b> .....	<b>194</b>
9.....	194
10.....	204
11.....	211
12.....	221
<b>Часть четвёртая.</b>	
<b>Воспитуемый</b> .....	<b>230</b>
13.....	230
14.....	251
15.....	259
16.....	273
«Поторапливайтесь, Фанк, поторапливайтесь!».....	288
17.....	289
<b>Часть пятая.</b>	
<b>Землянин</b> .....	<b>306</b>
18.....	306
19.....	322

## **«Пикник на обочине»**

<b>Описание</b> .....	<b>341</b>
<b>Из интервью, которое специальный корреспондент Хармонтского радио взял у дóктора Валентина Пильмана по случаю присуждения последнему Нобелевской премии по физике за 19... год:</b> .....	<b>341</b>

1.	Рэдрик Шухарт, 23 года, холост, лаборант Хармонтского филиала Международного института внеземных культур.....	344
2.	Рэдрик Шухарт, 28 лет, женат, без определённых занятий.....	375
3.	Ричард Г. Нунан, 51 год, представитель поставщиков электронного оборудования при Хармонтском филиале МИВК .....	405
4.	Рэдрик Шухарт, 31 год.....	436





# STALKER

